М. ГОРЬКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. ГОРЬКИЙ

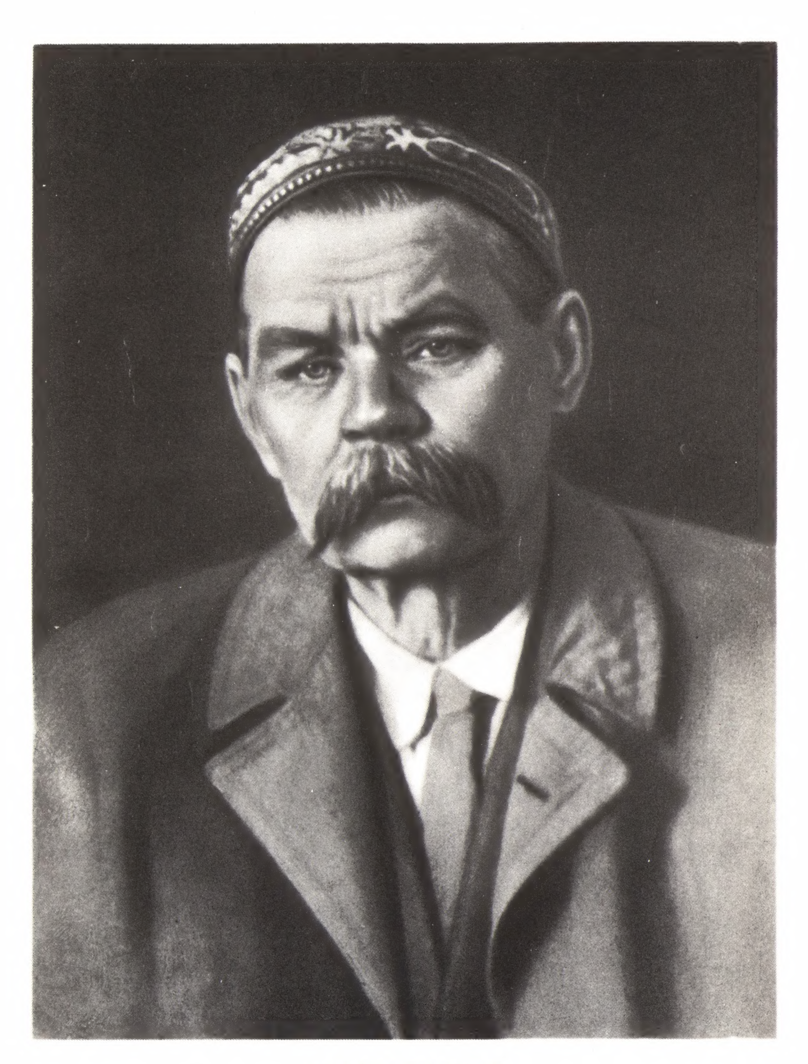
ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ПЬЕСЫ, СЦЕНАРИИ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ

1917—1935

МОСКВА · 1973

$Г \frac{0731-0562}{042(02)-73}$ Подписное

А. М. ГОРЬКИЙ

Москва, 1932 г.

ЕГОР БУЛЫЧОВ
И ДРУГИЕ

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Е г о р Б у л ы ч о в.
К с е н и я — его жена.
В а р в а р а — дочь от Ксении.
А л е к с а н д р а — побочная дочь.
М е л а н и я — игуменья, сестра жены.
З в о н ц о в — муж Варвары.
Т я т и н — его двоюродный брат.
М о к е й Б а ш к и н.
В а с и л и й Д о с т и г а е в.
Е л и з а в е т а — жена его.
А н т о н и н а, А л е к с е й — дети от первой жены.
П а в л и н — поп.
Д о к т о р.
Т р у б а ч.
З о б у н о в а — знахарка.
П р о п о т е й — блаженный.
Г л а ф и р а — горничная.
Т а и с ь я — служка Мелании.
М о к р о у с о в — полицейский.
Я к о в Л а п т е в — крестник Булычова.
Д о н а т — лесник.

ПЕРВЫЙ АКТ

Столовая в богатом купеческом доме. Тяжелая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним — лестница во второй этаж. В правом углу фонарь, выход в сад. Яркий зимний день. Ксения, сидя у стола, моет чайную посуду. Глафира, в фонаре, возится с цветами. Входит Александра, в халате, в туфлях на босую ногу, непричесанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова.

Ксения. Ох, Шурка, спишь ты...

Шура. Не шипите, не поможет. Глаша — кофе! А где газета?

Глафира. Варваре Егоровне наверх подала.

Шура. Принеси. На весь дом одну газету выписывают, черти!

Ксения. Это кто — черти?

Шура. Папа дома?

Ксения. К раненым поехал. Черти-то — Звонцовы?

Шура. Да, они. *(У телефона)* 17-63.

Ксения. Вот я скажу Звонцовым-то, как ты их... честишь!

Шура. Позовите Тоню!

Ксения. До чего ты дойдешь?

Шура. Это ты, Антонина? На лыжах едем? Нет? Почему? Спектакль? Откажись! Эх ты,— незаконная вдова!.. Ну, хорошо.

Ксения. Как же это ты девушку-то вдовой зовешь?

Шура. Жених у нее помер или нет?

Ксения. Все-таки она — девушка.

Ш у р а. А вы почему знаете?

К с е н и я. Фу, бесстыдница!

Г л а ф и р а *(подает кофе)*. Газету Варвара Егоровна сама принесет.

К с е н и я. Больно много ты знаешь для твоих лет. Гляди: меньше знаешь — крепче спишь. Я в твои годы ничего не знала...

Ш у р а. Вы и теперь...

К с е н и я. Тьфу тебе!

Ш у р а. Вот сестрица шествует важно. Бонжур, мадам! Комман са ва? [1]

В а р в а р а. Уже одиннадцать, а ты не одета, не причесана...

Ш у р а. Начинается.

В а р в а р а. Ты всё более нахально пользуешься тем, что отец балует тебя... и что он нездоров...

Ш у р а. Это ты — надолго?

К с е н и я. А что ей отцово здоровье?

В а р в а р а. Я должна буду рассказать ему о твоем поведении...

Ш у р а. Заранее благодарна. Кончилось?

В а р в а р а. Ты — дура!

Ш у р а. Не верю! Это не я — дура.

В а р в а р а. Рыжая дура!

Ш у р а. Варвара Егоровна, вы совершенно бесполезно тратите энергию.

К с е н и я. Вот и учи ее!

Ш у р а. И у вас портится характер.

В а р в а р а. Хорошо... хорошо, милая! Мамаша, пойдемте-ка в кухню, там повар капризничает...

К с е н и я. Он — не в себе, у него сына убили.

В а р в а р а. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают...

(Ушли.)

Ш у р а. А если б у нее красавца Андрюшу ухлопали, вот бы взвилась!

Г л а ф и р а. Зря вы дразните их. Пейте скорее, мне здесь убирать надо. *(Ушла, унося самовар.)*

---

[1] Как дела? *(Франц.)*.

(Шура сидит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, руки — на затылке рыжей лохматой головы.)

Звонцов *(с лестницы, в туфлях, подкрался к ней, обнял сзади)*. О чем замечталась, рыжая коза?

Шура *(не открывая глаз, не шевелясь)*. Не трогайте меня.

Звонцов. Почему? Ведь тебе приятно? Скажи — да? Приятно?

Шура. Нет.

Звонцов. Почему?

Шура. Оставьте. Вы — притворяетесь. Я вам не нравлюсь.

Звонцов. А хочешь нравиться, да?

(На лестнице — Варвара.)

Шура. Если Варвара узнает...

Звонцов. Тише... *(Отошел, говорит поучительно.)* Н-да... Следует взять себя в руки. Надобно учиться...

Варвара. Она предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с Антониной...

Шура. Ну и пускаю. Люблю пускать пузыри. Что тебе — мыла жалко?

Варвара. Мне жалко — тебя. Я не знаю — как ты будешь жить? Из гимназии тебя попросили удалиться...

Шура. Неправда.

Варвара. Твоя подруга — полоумная.

Звонцов. Она хочет музыке учиться.

Варвара Кто?

Звонцов. Шура.

Шура. Неправда. Я не хочу учиться музыке.

Варвара. Откуда же ты это взял?

Звонцов. Разве ты, Шура, не говорила, что хочешь?

Шура *(уходя)*. Никогда не говорила.

Звонцов. Гм... Странно. Не сам же я выдумал это! Ты, Варя, очень сердито с ней...

Варвара. А ты слишком ласков.

З в о н ц о в. Что значит — слишком? Ты же знаешь мой план...

В а р в а р а. План — это план, но мне кажется, что ты подозрительно ласков.

З в о н ц о в. Глупости у тебя в голове...

В а р в а р а. Да? Глупости?

З в о н ц о в. Сообрази сама: уместны ли в такое серьезнейшее время сцены ревности?

В а р в а р а. Ты зачем сюда спустился?

З в о н ц о в. Я? Тут... объявление одно в газете. И лесник приехал, говорит: мужики медведя обложили.

В а р в а р а. Донат — в кухне. Объявление — о чем?

З в о н ц о в. Это, наконец, возмутительно! Как ты говоришь со мной? Что я — мальчишка? Чёрт знает...

В а р в а р а. Не кипятись! Кажется — отец приехал. А ты в таком виде.

(Звонцов поспешно идет вверх, Варвара — встречать отца. Шура в зеленой теплой кофте и в зеленом колпаке бежит к телефону, ее перехватил и молча прижал к себе Булычов, за ним идет поп Павлин, в лиловой рясе.)

Б у л ы ч о в *(сел к столу, обняв Шуру за талию, она гладит его медные, с проседью, волосы)*. Народа перепортили столько, что страшно глядеть...

П а в л и н. Цветете, Шурочка? Простите, не поздоровался...

Ш у р а. Это я должна была сделать, отец Павлин, но папа схватил меня, как медведь...

Б у л ы ч о в. Стой! Шурка, смирно! Куда теперь этот народ? А бесполезных людей у нас и до войны многовато было. Зря влезли в эту войну...

П а в л и н *(вздохнув)*. Соображения высшей власти...

Б у л ы ч о в. С японцами тоже плохо сообразили, и получился всемирный стыд...

П а в л и н. Однако войны не токмо разоряют, но и обогащают как опытом, так равно и...

Б у л ы ч о в. Одни — воюют, другие — воруют.

П а в л и н. К тому же ничто в мире не совершается помимо воли божией, и — что значит ропот наш?

Б у л ы ч о в. Ты, Павлин Савельев, брось проповеди... Шурок, ты на лыжах бежать собралась?

Ш у р а. Да, Антонину жду.

Б у л ы ч о в. Ну... ладно! Не уйдешь, так я тебя — минут через пяток — позову.

(Шура убежала.)

П а в л и н. Выровнялась как, отроковица...

Б у л ы ч о в. Телом — хороша, ловкая, а лицом — не удалась. Мать у нее некрасива была. Умная, как чёрт, а некрасива.

П а в л и н. Лицо у Александры Егоровны... своеобразное... и... не лишено привлекательности. Родительница — откуда родом?

Б у л ы ч о в. Сибирячка. Ты говоришь — высшая власть... от бога... и всё такое, ну а Дума-то — как? Откуда?

П а в л и н. Дума, это... так сказать — допущение самой власти к умалению ее. Многие полагают, что даже — роковая ошибка, но священно-церковнослужителю не подобает входить в рассуждение о сих материях. К тому же в наши дни на духовенство возложена обязанность воспламенять дух бодрости... и углублять любовь к престолу, к отечеству...

Б у л ы ч о в. Воспламенили дух да в лужу и — бух...

П а в л и н. Как известно вам — убедил я старосту храма моего расширить хор певчих, а также беседовал с генералом Бетлингом о пожертвовании на колокол новостроящегося храма во имя небесного предстателя вашего, Егория...

Б у л ы ч о в. Не дал на колокол?

П а в л и н. Отказал и даже неприятно пошутил: «Медь, говорит, даже в полковых оркестрах — не люблю!» Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания.

Б у л ы ч о в *(вставая)*. Колокольным звоном болезни не лечат.

П а в л и н. Как знать? Науке причины болезней неведомы. В некоторых санаториях иностранных музы-

кой лечат, слышал я. Тоже и у нас существует пожарный, он игрой на трубе пользует...

Булычов *(усмехаясь)*. На какой трубе?

Павлин. На медной. Говорят, весьма большая труба!

Булычов. Ну, если — большая... Вылечивает?

Павлин. Будто бы успешно! Всё может быть, высокопочтеннейший Егор Васильевич! Всё может быть. В тайнах живем, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что — светло и свет сей исходит от разума нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, разумом только затемняется и даже — угашается.

Булычов *(вздыхая)*. Эко слов-то у тебя сколько...

Павлин *(всё более воодушевленно)*. Возьмите, примерно, блаженного Прокопия, в какой радости живет сей муж, дурачком именуемый невегласами...

Булычов. Ну, ты опять, тово... проповедуешь! Прощай-ко. Устал я.

Павлин. Сердечно желаю доброго здоровья. Молитвенник ваш... *(Уходит.)*

Булычов *(щупая правый бок, подошел к дивану, ворчит)*. Боров. Нажрался тела-крови Христовой... Глафира!.. Эй...

Варвара. Вы что?

Булычов. Ничего. Глафиру звал. Эк ты вырядилась! Куда это?

Варвара. На спектакль для выздоравливающих...

Булычов. И стеклышки на носу! Врешь, что глаза требуют, для моды носишь...

Варвара. Папаша, вы бы поговорили с Александрой, она ведет себя отчаянно, становится совершенно невыносимой.

Булычов. Все вы — хороши! Иди! *(Бормочет.)* Невыносимы. Вот я... выздоровлю, я вас... вынесу!

Глафира. Звали?

Булычов. Звал. Эх, Глаха, до чего ты хороша! Здоровая! Каленая! А Варвара у меня — выдра!

Г л а ф и р а *(заглядывая на лестницу)*. Ее счастье. Будь она красивой, вы бы и ее на постелю себе втащили.

Б у л ы ч о в. Дочь-то? Опомнись, дура! Что говоришь?

Г л а ф и р а. Я знаю — что! Шуру-то тискаете, как чужую... как солдат!

Б у л ы ч о в *(изумлен)*. Да ты, Глафира, рехнулась! Ты что: к дочери ревнуешь? Ты о Шурке не смей эдак думать! Как солдат... Как чужую! А ты бывала у солдата в руках? Ну?

Г л а ф и р а. Не к месту... не ко времени разговоры эти. Зачем звали?

Б у л ы ч о в. Доната пошли. Стой! Дай-ко руку. Любишь все-таки? И хворого?

Г л а ф и р а *(припадая к нему)*. Горе ты мое... Да — не хворай ты! Не хворай... *(Оторвалась, убежала.)*

(Булычов хмуро улыбается, облизывает губы. Качает головой. Лег.)

Д о н а т. Доброго здоровья, Егор Васильевич!

Б у л ы ч о в. Спасибо. С чем прибыл?

Д о н а т. С хорошим: медведя обложили.

Б у л ы ч о в *(вздохнув)*. Ну, это... для зависти, а не для радости. Мне теперь медведь — не забава. Лес-то рубят?

Д о н а т. Помаленьку. Людей нет.

(Входит Ксения. Нарядная, руки в кольцах.)

Б у л ы ч о в. Ты что?

К с е н и я. Ничего. Ты бы, Егорий, не соблазнялся медведем-то, куда уж тебе охотиться.

Б у л ы ч о в. Помолчи. Нет людей?

Д о н а т. Старики да мальчишки остались. Князю полсотни пленных дали, так они в лесу не могут работать.

Б у л ы ч о в. Они, поди-ко, с бабами работают.

Д о н а т. Это — есть.

Б у л ы ч о в. Да... Баба теперь голодная.

К с е н и я. Слышно — большой разврат пошел по деревням...

Д о н а т. Почему разврат, Аксинья Яковлевна? Мужиков — перебили, детей-то надобно родить? Выходит так: кто перебил, тот и народи...

Б у л ы ч о в. Похоже...

К с е н и я. Ну уж, какие дети от пленных! Хотя, конечно, ежели мужчина здоровый...

Б у л ы ч о в. А баба — дура, так ему от этой бабы детей иметь неохота.

К с е н и я. У нас бабы — умные. А здоровых-то мужиков всех на войну угнали, дома остались одни... адвокаты.

Б у л ы ч о в. Народу перепорчено — много...

К с е н и я. Зато остальные богаче жить будут.

Б у л ы ч о в. Сообразила!

Д о н а т. Цари народом сыты не бывают.

Б у л ы ч о в. Как ты сказал?

Д о н а т. Не бывают, говорю, цари народом сыты. Своих кормить нечем, а всё хотим еще чужих завоевать.

Б у л ы ч о в. Верно. Это — верно!

Д о н а т. Нельзя иначе понять — для какого смысла воюем? И вот бьют нас, за жадность.

Б у л ы ч о в. Правильно говоришь, Донат! Вот и Яков, крестник, тоже говорит: «Жадность всему горю начало». Он — как там?

Д о н а т. Он — ничего. Умный он у вас.

К с е н и я. Нашел умника! Дерзкий он, а не умный.

Д о н а т. От ума и дерзок, Аксинья Яковлевна. Он там, Егорий Васильич, дезертиров подобрал человек десяток, поставил на работу, ничего — работают. А то — они воровством баловались.

Б у л ы ч о в. Н-ну, это... Мокроусов узнает — скандалить начнет.

Д о н а т. Мокроусов — знает. Он даже рад. Ему — легче.

Б у л ы ч о в. Ну, смотри...

(Звонцов сходит сверху.)

Д о н а т. Медведя, значит...

Б у л ы ч о в. Медведь — твое счастье.

Звонцов. Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам...

Булычов. Знаю, знаю! Предлагай. А то — архиерею предложи!

Ксения *(усмехаясь)*. Вот бы поглядеть, как архиерей в медведя стреляет.

Булычов. Ну, я устал. Прощай, Донат! А что-то нехорошо всё, братец мой, а? Как я захворал, так и началось неладное...

(Донат молча поклонился, уходит.)

Булычов. Аксинья, Шурку пошли мне. Ты чего мнешься, Андрей? Говори сразу!

Звонцов. Я по поводу Лаптева...

Булычов. Ну?

Звонцов. Мне стало известно, что он связался с неблагонадежными людьми и на ярмарке в Копосове говорил мужикам противуправительственные речи.

Булычов. Брось! Ну какие теперь ярмарки? Какие мужики? И что вы всё на Якова жалуетесь?

Звонцов. Но ведь он как бы член нашей семьи...

(Шура вбегает.)

Булычов. Как бы! Не очень-то вы его... своим считаете. Он вот и обедать по воскресеньям не приходит... Иди, Андрей... После расскажешь...

Шура. На Якова ябедничал?

Булычов. Это — не твое дело. Сядь сюда. На тебя тоже все жалуются.

Шура. Кто — все?

Булычов. Аксинья, Варвара...

Шура. Это еще не все.

Булычов. Я серьезно говорю, Шуренок!

Шура. Серьезно ты говоришь — не так.

Булычов. Дерзкая ты со всеми, ничего не делаешь...

Шура. Если ничего не делаю, так в чем же дерзкая?

Булычов. Не слушаешь никого.

Шура. Всех слушаю. Тошно слушать, рыжий!

Булычов. Сама — рыжая, хуже меня. Вот и со мной говоришь... неладно! Надобно тебя ругать, а не хочется.

Шура. Не хочется, значит — не надо.

Булычов. Ишь ты! Не хочется — не надо. Эдак-то жить легко бы, да нельзя!

Шура. А кто мешает?

Булычов. Всё... все мешают. Тебе этого не понять.

Шура. А ты — научи, чтобы поняла, чтобы мне не мешали...

Булычов. Ну, этому... не научишь! Ты что, Аксинья? Что ты всё бродишь, чего ищешь?

Ксения. Доктор приехал, и Башкин ждет. Лександра, оправь юбку, как ты сидишь?

Булычов *(встает)*. Ну, зови доктора. Лежать мне вредно, тяжелею от лежанья. Эх... Улепетывай, Шуренок! Ногу не вывихни, гляди!

Доктор. Здравствуйте! Как мы себя чувствуем?

Булычов. Неважно. Плоховато лечишь, Нифонт Григорьевич.

Доктор. Нуте-ко, пойдемте к вам...

Булычов *(идя рядом с ним)*. Ты давай мне самые злые, самые дорогие лекарства: мне, брат, обязательно выздороветь надо! Вылечишь — больницу построю, старшим будешь в ней, делай что хочешь...

(Ушли. Ксения, Башкин.)

Ксения. Что сказал доктор-то?

Башкин. Рак, говорит, рак в печенке...

Ксения. Ух ты, господи! Что выдумают!

Башкин. Болезнь, говорит, опасная.

Ксения. Ну, конечно! Всякий свое дело самым трудным считает...

Башкин. Не вовремя захворал! Кругом деньги падают, как из худого кармана, нищие тысячниками становятся, а он...

Ксения. Да, да! Так богатеют люди, так богатеют!

Башкин. Достигаев до того растучнел, что весь незастегнутый ходит, а говорить может только тыся-

чами. А у Егора Васильевича вроде затмения ума начинается. Намедни говорит: «Жил, говорит, я мимо настоящего дела». Что это значит?

К с е н и я. Ох, и я замечаю — нехорошо он говорит!

Б а ш к и н. А ведь он на твоем с сестрой капитале жить начал. Должен бы приумножать.

К с е н и я. Ошиблась я, Мокей, давно знаю — ошиблась! Вышла замуж за приказчика, да не за того. Кабы за тебя вышла — как спокойно жили бы! А он... Господи! Какой озорник! Чего я от него не терпела! Дочь прижил на стороне да посадил на мою шею. Зятя выбрал... из плохих — похуже. Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут, облапошат меня зять с Варварой, пустят по миру...

Б а ш к и н. Всё возможно. Война! На войне — ни стыда, ни жалости.

К с е н и я. Ты — старый наш слуга, тебя батюшка мой на ноги поставил, ты обо мне подумай...

Б а ш к и н. Я и думаю...

(Звонцов идет.)

З в о н ц о в. Что, доктор — ушел?

К с е н и я. Там еще.

З в о н ц о в. Мокей Петрович, как — сукно?

Б а ш к и н. Не принимает Бетлинг.

З в о н ц о в. А сколько надобно дать ему?

Б а ш к и н. Тысяч... пяток, не меньше.

К с е н и я. Экий грабитель! А ведь старик!

З в о н ц о в. Через Жанну?

Б а ш к и н. Да уж как установлено.

К с е н и я. Пять тысяч! За что? А?

З в о н ц о в. Теперь деньги дешевы.

К с е н и я. В чужом-то кармане...

З в о н ц о в. Тесть согласен?

Б а ш к и н. Вот, я пришел узнать, согласен ли...

Д о к т о р *(вышел — берет Звонцова под руку)*. Ну-с, вот что...

К с е н и я. Ох, порадуйте нас...

Д о к т о р. Больной должен лежать, возможно больше. Всякие дела, волнения, раздражения — крайне

вредны для него. Покой и покой! Затем... *(Шепчет Звонцову.)*

Ксения. А мне почему нельзя сказать? Я — жена!

Доктор. О некоторых вещах с дамами говорить неудобно. *(Снова шепчет.)* Сегодня же вечером и устроим.

Ксения. Что это вы устроите?

Доктор. Консилиум, совет докторов.

Ксения. Ба-атюшки...

Доктор. Это — не страшно. Ну-с, до свидания! *(Уходит.)*

Ксения. Строгий какой... Туда же! За пять минут пять целковых берет. Шестьдесят рублей в час... вот как!

Звонцов. Он говорит — операция нужна...

Ксения. Резать? Ну, уж это — нет! Нет, уж резать я не позволю...

Звонцов. Послушайте, это — невежественно! Хирургия, наука...

Ксения. Плевать мне на твою науку! Вот тебе! Ты тоже невежливо говоришь со мной.

Звонцов. Я говорю не о приличиях, а о вашей темноте...

Ксения. Сам не больно светел!

(Звонцов, махнув рукой, отошел прочь. Глафира бежит.)

Ксения. Куда?

Глафира. Звонок из спальни...

(Ксения идет вместе с ней к мужу.)

Звонцов. Не вовремя заболел тесть.

Башкин. Да. Стесняет. Время такое, что умные люди, как фокусники, прямо из воздуха деньги достают.

Звонцов. Н-да. К тому же революция будет.

Башкин. Это я не одобряю. Была она в пятом году. Бестолковое дело.

Звонцов. В пятом был — бунт, а не революция. Тогда крестьяне и рабочие дома были, а теперь — на фронтах. Теперь революция будет против чиновников, губернаторов, министров.

Б а ш к и н. Если бы так — давай бог! Чиновники хуже клещей, вцепятся, не оторвешь...

З в о н ц о в. Царь явно не способен править.

Б а ш к и н. Поговаривают об этом и в купечестве. Будто мужик какой-то царицу обошел?

(Варвара на лестнице, слушает.)

З в о н ц о в. Да. Григорий Распутин.

Б а ш к и н. Не верится в колдовство.

З в о н ц о в. А — в любовников — верите?

Б а ш к и н. На сказку похоже. У нее — генералов — сотни.

В а р в а р а. Глупости какие говорите вы.

Б а ш к и н. Все так говорят, Варвара Егоровна. Я все-таки полагаю, что без царя — нельзя!

З в о н ц о в. Царь должен быть не в Петрограде, а — в голове. Кончился спектакль?

В а р в а р а. Отложили. Приехал какой-то ревизор,— вечером эшелон раненых будет, около пятисот. А места для них нет.

Г л а ф и р а. Мокей Петрович, вас зовут.

(Башкин ушел, оставив на столе теплый картуз.)

В а р в а р а. Что ты с ним откровенничаешь? Ты же знаешь, что он шпионит за нами для матери! Картуз этот он лет десять носит, жадюга! Просален весь. Не понимаю, почему ты с этим жуликом...

З в о н ц о в. Ах, оставь! Хочу занять у него денег на взятку Бетлингу...

В а р в а р а. Но я же тебе сказала, что всё это устроит Лиза Достигаева через Жанну! И обойдется — дешевле...

З в о н ц о в. Надует тебя Лизавета...

К с е н и я *(из комнаты мужа)*. Уговорите вы его, чтобы лежал! Он там ходит и Мокея ругает... Ах, господи!..

З в о н ц о в. Поди ты, Варя...

Б у л ы ч о в *(в халате, в валяных туфлях)*. Ну, и что еще? Несчастная война?

Б а ш к и н *(идя за ним)*. Кто же спорит?

Б у л ы ч о в. Для кого несчастная?

Б а ш к и н. Для нас.

Б у л ы ч о в. Для кого — для нас? Ты же говоришь: от войны миллионы наживают? Ну?

Б а ш к и н. Для народа... значит...

Б у л ы ч о в. Народ — мужик, ему — всё равно: что жить, что умирать. Вот какая твоя правда!

К с е н и я. Да — не сердись ты! Вредно тебе...

Б а ш к и н. Ну, что вы! Какая же это правда?

Б у л ы ч о в. Самая настоящая! Это и есть правда. Я говорю прямо: мое дело — деньги наживать, а мужиково — хлеб работать, товары покупать. А какая другая правда есть?

Б а ш к и н. Конечно, это — так, а все-таки...

Б у л ы ч о в. Ну, а что — все-таки? Ты о чем думаешь, когда воруешь у меня?

Б а ш к и н. Зачем же вы обижаете?

К с е н и я. Ну, что ты, Варя, глядишь? Уговори его! Ему лежать велено.

Б у л ы ч о в. Ты — о народе думаешь?

Б а ш к и н. И — при людях обижаете! Ворую! Это надо доказать!

Б у л ы ч о в. Доказывать нечего. Всем известно: воровство — дело законное. И обижать тебя — незачем. От обиды ты не станешь лучше, хуже станешь. И воруешь — не ты — рубль ворует. Он, сам по себе, есть главный вор...

Б а ш к и н. Это один Яков Лаптев может говорить.

Б у л ы ч о в. Вот он и говорит. Ну, ступай! А взятку Бетлингу не давать. Довольно давали, хватит ему на гроб, на саван, старому чёрту! Вы что тут собрались? Чего ждете?

В а р в а р а. Мы ничего не ждем...

Б у л ы ч о в. Будто — ничего? Когда — так, идите по своим делам. Дело-то у вас — есть? Аксинья, скажи, чтоб у меня проветрили. Душно там, кислыми лекарствами пахнет. Да — пускай Глафира квасу клюковного принесет.

К с е н и я. Нельзя тебе квасу-то.

Б у л ы ч о в. Иди, иди! Я сам знаю, чего нельзя, что можно.

К с е н и я *(уходя)*. Кабы знал...

(Все ушли.)

Б у л ы ч о в *(обошел вокруг стола, придерживаясь за него рукой. Смотрит в зеркало, говорит почти во весь голос)*. Плохо твое дело, Егор. И рожа, брат, у тебя... не твоя какая-то!

Г л а ф и р а *(с подносом, на нем стакан молока)*. Вот вам молоко.

Б у л ы ч о в. Тащи кошке. А мне — квасу. Клюковного.

Г л а ф и р а. Квасу вам не велят давать.

Б у л ы ч о в. Они — не велят, а ты — принеси. Стой! Как по-твоему — умру я?

Г л а ф и р а. Не может этого быть.

Б у л ы ч о в. Почему?

Г л а ф и р а. Не верю.

Б у л ы ч о в. Не веришь? Нет, брат, дело мое — плохо! Очень плохо, я знаю!

Г л а ф и р а. Не верю.

Б у л ы ч о в. Упряма. Ну, давай квасу! А я померанцевой выпью... Она — полезная. *(Идет к буфету.)* Заперли, черти. Эки свиньи! Оберегают. Похоже, что я заключенный. Арестант... вроде.

З а н а в е с

ВТОРОЙ АКТ

Гостиная Булычовых. Звонцов и Тятин — в углу, за маленьким круглым столом, на столе бутылка вина.

Звонцов *(закуривая)*. Понял?

Тятин. По чести говоря, Андрей, не нравится мне это...

Звонцов. А — деньги нравятся?

Тятин. Деньги, к сожалению, нравятся.

Звонцов. Ты — кого жалеешь?

Тятин. Себя, разумеется...

Звонцов. Есть чего жалеть!

Тятин. Все-таки, знаешь, я сам себе — единственный друг.

Звонцов. Ты бы не философствовал, а — думал.

Тятин. Я — думаю. Девица она избалованная, трудно будет с ней.

Звонцов. Разведешься.

Тятин. А деньги-то у нее останутся...

Звонцов. Сделаем так, что у тебя будут. А Шурку я берусь укротить...

Тятин. По чести сказать...

Звонцов. ... Так, что ее поторопятся выдать замуж и приданое будет увеличено.

Тятин. Это ты... остроумно! А какое приданое?

Звонцов. Пятьдесят.

Тятин. Тысяч?

Звонцов. Пуговиц.

Тятин. Мм... Верно?

Звонцов. Но ты подпишешь мне векселей на десять.

Т я т и н. Тысяч?

З в о н ц о в. Нет, рублей! Чудак!

Т я т и н. Мно-ого...

З в о н ц о в. Тогда — прекратим беседу.

Т я т и н. А ты... всё это серьезно?

З в о н ц о в. Несерьезно о деньгах только дураки говорят...

Т я т и н *(усмехаясь)*. Чёрт возьми... Замечательно придумано.

(Входит Достигаев.)

З в о н ц о в. Рад, что ты, кажется, что-то понимаешь. Тебе, интеллигенту-пролетарию, нельзя в эти лютые дни...

Т я т и н. Да, да, конечно! Но — мне пора в суд.

Д о с т и г а е в. Чем ты расстроен, Степаша?

З в о н ц о в. Мы — о Распутине вспомнили.

Д о с т и г а е в. Вот — участь, а? Простой сибирский мужик — с епископами, министрами в шашки играл? Сотнями тысяч ворочал! Меньше десяти тысяч взятки — не брал! Из верных рук знаю — не брал! Вы что пьете? Бургонское? Это винцо тяжелое, его за обедом надо пить, некультурный народ!

З в о н ц о в. Как вы нашли тестя?

Д о с т и г а е в. А — чего же его искать, он — не прятался. Ты, Степаша, принес бы стаканчик мне. *(Тятин, не торопясь, уходит.)* А Булычов, надо прямо сказать, в плохом виде! В опасном положении он...

З в о н ц о в. Мне тоже кажется, что...

Д о с т и г а е в. Да, да! Это самое. И при этом боится он умереть, а потому — обязательно умрет. И ты этот факт — учти! Дни нашей жизни такие, что ротик разевать нельзя, ручки в карманах держать — не полагается. Государственный плетень со всех сторон свиньи подрывают, и что будет революция, так это даже губернатор понимает...

Т я т и н *⟨вернувшись⟩*. Егор Васильевич в столовую вышел.

Д о с т и г а е в *(берет стакан)*. Спасибо, Степаша! Вышел, говоришь? Ну, и мы туда...

З в о н ц о в. Промышленники, кажется, понимают свою роль...

(Идут — Варвара, Елизавета.)

Д о с т и г а е в. Московские-то? Еще бы не понимали!

Е л и з а в е т а. Они пьют, как воробушки, а там Булычов рычит — слушать невозможно!

Д о с т и г а е в. Почему Америка процветает? Потому, что там у власти сами хозяева...

В а р в а р а. Жанна Бетлингова совершенно серьезно верит, что в Америке кухарки на рынок в автомобилях ездят.

Д о с т и г а е в. Вполне возможно. Хотя... наверное, вранье. А ты, Варюша, всё с военными? Хочешь быть подполковником?

В а р в а р а. Ух, как старо! Вы о чем мечтаете, Тятин?

Т я т и н. Да... так, вообще...

Е л и з а в е т а *(перед зеркалом)*. Вчера Жанна рассказала мне анекдот — изумительный! Как цветок!

Д о с т и г а е в. А ну, а ну — какой?

Е л и з а в е т а. При мужчинах — нельзя.

Д о с т и г а е в. Хорош цветок!

(Варвара что-то шепнула Елизавете.)

Е л и з а в е т а. Муж! Ты тут будешь сидеть до дна бутылки?

Д о с т и г а е в. А — кому я мешаю?

Е л и з а в е т а *(Тятину)*. Вы, Степочка, знаете псалом: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста»?

Т я т и н. Что-то такое помню...

Е л и з а в е т а *(берет его под руку)*. Вот эти, все — они и есть нечестивые грешники, а вы тихий юноша для луны, любви и прочего, да? *(Уводит.)*

Д о с т и г а е в. Экая болтушка!

В а р в а р а. Василий Ефимович, мать и Башкин вызвали тетку Меланию.

Д о с т и г а е в. Игуменью? У-у, это зверь серьезный! Она будет против фирмы Достигаев и Звонцов,

она — против! Она за вывеску — Ксения Булычова и Достигаев...

Звонцов. Она может потребовать деньги из дела.

Достигаев. Маланьиных денег — сколько? Семьдесят тысяч?

Звонцов. Девяносто.

Достигаев. Все-таки это — куш! Личные или монастыря?

Варвара. Как это узнаешь?

Достигаев. Узнать — можно. Узнать — всё можно! Вот — немцы, они знают не только число солдат у нас на фронте, а даже — сколько вшей на каждом солдате.

Варвара. Вы бы серьезно что-нибудь сказали...

Достигаев. Милая Варюша, нельзя ни торговать, ни воевать, не умея сосчитать, сколько денег в кармане. Про Маланьины деньги узнать можно так: имеется дама Секлетея Полубояринова, она — участница нощных бдений владыки Никандра, а Никандр — всякие деньги любит считать. Кроме того, есть один человек в епархиальном совете,— мы его оставим в резерве. Ты, Варюша, возьмись переговори с Полубояриновой, и ежели окажется, что деньжата — монастырские, ну,— сами понимаете! Куда это красавица моя ускользнула?

Глафира. Просят в столовую.

Достигаев. Спешим. Нуте-с, пошли?

Варвара *(будто бы зацепилась подолом за кресло)*. Андрей, помоги же! — Ты ему веришь?

Звонцов. Нашла дурака.

Варвара. Ах, какой жулик! С теткой я придумала неплохо. А что с Тятиным?

Звонцов. Уломаю.

Варвара. С этим надо торопиться...

Звонцов. Почему?

Варвара. Да ведь после похорон — нужно будет долго ждать. А у отца — и сердце слабое... Кроме того, у меня есть другие причины.

(Ушли. Навстречу Глафира; смотрит вслед им с ненавистью, собирает посуду со столика. Лаптев входит.)

Г л а ф и р а. А вчера был слух, что ты арестован.

Л а п т е в. Да ну? Это, должно быть, неверно.

Г л а ф и р а. Всё шутишь.

Л а п т е в. Есть — нечего, да — жить весело.

Г л а ф и р а. Свернешь башку на шуточках-то.

Л а п т е в. За хорошие шутки не бьют, а хвалят, стало быть, попадет Яшутке за плохие шутки.

Г л а ф и р а. Мели, Емеля! Там, у Шуры, Тонька Достигаева.

Л а п т е в. Брр, ее — не надо!

Г л а ф и р а. Позову Шуру — сюда, что ли?

Л а п т е в. Дельно. А как Булычов?

Г л а ф и р а *(гневно)*. Какой он тебе Булычов! Он— отец крестный твой!

Л а п т е в. Не сердись, тетя Глаша!

Г л а ф и р а. Плохо ему.

Л а п т е в. Плохо? Постой, постой! Голодно живут приятели мои, тетя Глаша, не достанешь ли муки, пуда два, а то и мешок?

Г л а ф и р а. Что же — воровать у хозяев буду для тебя?

Л а п т е в. Да ведь уж не первый раз! Всё равно — и раньше грешила, грех — на мне! Ребятам, ей-богу, кушать охота! Тебе же в доме этом за труд твой принадлежит больше, чем хозяевам.

Г л а ф и р а. Слыхала я эти сказки твои! Завтра утром Донату будут отправлять муку, мешок возьмешь у него. *(Уходит.)*

Л а п т е в. Вот спасибо! *(Сел на диван, зевнул до слез, отирает слезы, осматривается.)*

К с е н и я *(идет, ворчит)*. Бегают, как черти от ладана...

Л а п т е в. Здравствуйте...

К с е н и я. Ой! Ох, что ты тут сидишь?

Л а п т е в. А надо — ходить?

К с е н и я. То — нигде нет его, то вдруг придет! Как в прятки играешь. Отец-то крестный — болеет, а тебе хоть бы что...

Л а п т е в. Заболеть надо мне, что ли?

К с е н и я. Все вы с ума сошли, да и других сво-

дите. Понять нельзя ничего! Вон, слышь, царя хотят в клетку посадить, как Емельку Пугачева. Врут, что ли, грамотей?

Лаптев. Всё возможно, всё!

Глафира. Аксинья Яковлевна, на минутку.

Ксения. Ну, что еще? Покоя нет... о господи... *(Ушла.)*

Шура *(вбегает)*. Здравствуй!

Лаптев. Шурочка, в Москву еду, а денег нету — выручай!

Шура. У меня тридцать рублей...

Лаптев. Пятьдесят бы, а?

Шура. Достану.

Лаптев. Вечером, к поезду. Можно?

Шура. Да. Слушай: революция будет?

Лаптев. Да она же началась! Ты — что, газет не читаешь?

Шура. Я — не понимаю газет.

Лаптев. Спроси Тятина.

Шура. Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Лаптев. Вот те раз! Ты же почти полгода ежедневно видишь его.

Шура. Он честный?

Лаптев. Да... ничего, честный.

Шура. Почему ты говоришь нерешительно?

Лаптев. Мямля он. Мутноватый такой. Обижен, что ли.

Шура. Кем?

Лаптев. Из университета вышибли со второго курса. Работает у брата, письмоводителем, а брат...

Шура. Звонцов — жулик?

Лаптев. Либерал, кадет, а они вообще жуликоваты. Деньги ты Глафире передай, она доставит.

Шура. Глафира и Тятин помогают тебе?

Лаптев. В чем?

Шура. Не финти, Яшка! Ты понимаешь. Я тоже хочу помогать, слышишь?

Лаптев *(удивленно)*. Что это ты, девушка, как будто только сегодня проснулась?

Шура *(гневно)*. Не смей издеваться надо мной! Ты — дурак!

Лаптев. Возможно, что и дурак, но все-таки я хотел бы понять...

Шура. Варвара идет!

Лаптев. Ну, я ее не желаю видеть.

Шура. Идем... Скорей.

Лаптев *(обняв ее за плечи)*. В самом деле — что с тобой?

(Ушли, затворив за собой дверь.)

Варвара *(слышит, как щелкнул замок двери, подошла к ней, повертела ручку)*. Это ты, Глафира? *(Пауза.)* Там есть кто-нибудь? Таинственно... *(Быстро уходит.)*

(Шура тащит за руку Доната.)

Донат. Ну, куда ты меня, Шурок...

Шура. Стой! Говори: отца в городе уважают?

Донат. Богатого везде уважают. Озоруешь ты всё...

Шура. Уважают или боятся?

Донат. Не боялись бы, так не уважали.

Шура. А — любят за что?

Донат. Любят? Не знаю.

Шура. А — знаешь, что любят?

Донат. Его? Как сказать? Извозчики — как будто любят, он с ними не торгуется, сколько спросят, столько и дает. А извозчик, он, конечно, другому скажет, ну и...

Шура *(притопнув ногой)*. Ты смеешься?

Донат. Зачем? Я правду объясняю.

Шура. Ты стал злой. Ты совсем другой стал!

Донат. Ну, где уж мне другим быть! Опоздал я.

Шура. Ты хвалил мне отца.

Донат. Я его и не хаю. У всякой рыбы своя чешуя.

Шура. Все вы — врете.

Донат *(понурясь, вздыхая)*. Ты — не сердись, сердцем ничего не докажешь.

Шура. Уходи! Слушай, Глафира... Ну, кто-то лезет... *(Спряталась в драпировку.)*

(Входит Алексей Достигаев, щеголь, в галифе, шведской куртке, весь в ремнях и карманах.)

Алексей. Вы всё хорошеете, Глаша!

Глафира *(угрюмо)*. Приятно слышать.

Алексей. А мне — неприятно. *(Стал на дороге Глафиры.)* Не нравится мне хорошее, если оно не мое.

Глафира. Пропустите, пожалуйста.

Алексей. Сделайте одолжение. *(Позевнув, смотрит на часы.)*

(Входит Антонина, несколько позднее — Тятин.)

Шура. Ты, кажется, и за горничными ухаживаешь?

Антонина. Ему — всё равно, хоть за рыбами.

Алексей. Горничные, если их раздеть, ни в чем не уступают барыням.

Антонина. Слышишь? Он теперь всегда говорит такое, точно не на фронте жил, а в кабаке...

Шура. Да, раньше он был такой же ленивый, но не такой храбрый на словах.

Алексей. Я — и на деле.

Антонина. Ах, как врет! Он — трус, трус! Страшно боится, что его соблазнит мачеха.

Алексей. Что ты сочиняешь? Дурочка!

Антонина. И отвратительно жадный. Ты знаешь, я ему плачу рубль двадцать копеек за тот день, когда он не скажет мне какой-нибудь гадости. Он — берет!

Алексей. Тятин! Вам нравится Антонина?

Тятин. Да. Очень.

Шура. А — я?

Тятин. Говоря правду...

Шура. Ну да, конечно, правду!

Тятин. Вы — не очень.

Шура. Вот как? Это правда?

Тятин. Да.

Антонина. Не верь, он сказал, как эхо.

Алексей. Вы бы, Тятин, женились на Антонине. Мне она надоела.

А н т о н и н а. Какой болван! Уйди! Ты похож на беременную прачку.

А л е к с е й *(обняв ее за талию)*. Ох, какая аристократка! Не гризе па ле семиачки, се моветон [1].

А н т о н и н а. Оставь меня!

А л е к с е й. С удовольствием! *(Танцует с ней.)*

Ш у р а. Может быть, я совсем не нравлюсь вам, Тятин?

Т я т и н. А зачем вы хотите знать это?

Ш у р а. Надо. Интересно.

А л е к с е й. Ты что мямлишь? Она замуж за тебя напрашивается. Теперь все девицы торопятся быть вдовами героев. Ибо — паек, ореол и пенсия.

А н т о н и н а. Он уверен, что это остроумно!

А л е к с е й. Пойду по своей стезе. Тонька, проводи меня до прихожей.

А н т о н и н а. Не хочу!

А л е к с е й. Мне нужно. Серьезно, идем!

А н т о н и н а. Наверное, какая-нибудь глупость.

〈*Выходят.*〉

Ш у р а. Тятин, вы — правдивый человек?

Т я т и н. Нет.

Ш у р а. Почему?

Т я т и н. Невыгодно.

Ш у р а. Если вы так говорите — значит, вы правдивый. Ну, теперь скажите сразу: вам советуют свататься ко мне?

Т я т и н *(закуривая, не сразу)*. Советуют.

Ш у р а. А вы понимаете, что это плохой совет?

Т я т и н. Понимаю.

Ш у р а. Да вы... Вот не ожидала! Я думала, вы...

Т я т и н. Скверно думали, должно быть?

Ш у р а. Нет, вы... замечательный! А может быть, вы — хитрый, да? Вы играете на правду? Чтобы околпачить меня?

Т я т и н. Это мне — не по силам. Вы — умная, злая, озорная, совсем как ваш отец; по совести говоря — я вас боюсь. И рыжая вы, как Егор Васильевич. Вроде пожарного факела.

---

[1] это дурной тон. *(Франц.)*.

Ш у р а. Тятин, вы — молодец! Или — страшная хитрюга...

Т я т и н. И лицо у вас — необыкновенное...

Ш у р а. Это — о лице — для смягчения удара? Нет, вы хитрый!

Т я т и н. Думайте как хотите. По-моему, вы обязательно сделаете что-нибудь... преступное! А я привык жить кверху лапками — знаете, как виноватые кутята...

Ш у р а. В чем виноватые?

Т я т и н. Не знаю. В том, что кутята, и — зубов нет, укусить не могут.

А н т о н и н а *(входит)*. Дурак Алешка страшно больно дернул меня за ухо. И деньги отобрал, как жулик! Знаешь, он сопьется, это — наверное! Мы с ним такие никчемушные купеческие дети. Тебе — смешно?

Ш у р а. Тоня,— забудь всё плохое, что я тебе говорила о нем!

А н т о н и н а. О Тятине? А — что ты говорила? Я не помню.

Ш у р а. Ну, что он свататься хочет ко мне.

А н т о н и н а. Почему это плохо?

Ш у р а. Из-за денег.

А н т о н и н а. Ах да! Ну, это — свинство, Тятин!

Ш у р а. Жаль, не слышала ты, как он отвечал на мои вопросные слова.

А н т о н и н а. Варумные слова. Помнишь «Варум» Шуберта?

Т я т и н. Разве Шуберта?

А н т о н и н а. Варум очень похоже на птицу марабу, такая мрачная птица... в Африке.

Ш у р а. Что ты сочиняешь?

А н т о н и н а. Я всё больше люблю страшное. Когда страшно, то уже — не скучно. Полюбила сидеть в темноте и ждать, что приползет огромный змей...

Т я т и н *(усмехаясь)*. Это — который был в раю?

А н т о н и н а. Нет, страшнее.

Ш у р а. Ты — занятная. Всегда выдумываешь что-нибудь новое, а все говорят одно и то же: война — Распутин — царица — немцы, война — революция...

А н т о н и н а. Ты будешь актрисой или монахиней.

Ш у р а. Монахиней? Ерунда!

А н т о н и н а. Это очень трудно быть монахиней, нужно играть всегда одну роль.

Ш у р а. Я хочу быть кокоткой, как Нана у Золя.

Т я т и н. Вот как вы говорите! Ф-фу!

Ш у р а. Мне — развращать хочется, мстить.

Т я т и н. Кому? За что?

Ш у р а. За то, что я — рыжая, за то, что отец болен... за всё! Вот когда начнется революция, я развернусь! Увидишь.

А н т о н и н а. Ты веришь, что будет революция?

Ш у р а. Да! Да!

Т я т и н. Революция — будет.

Г л а ф и р а. Шура, приехала мать Мелания, Егор Васильевич хочет принять ее здесь.

Ш у р а. Ух — тетка! Бежим ко мне, дети! Тятин,— вы очень уважаете вашего брата?

Т я т и н. Он мне — двоюродный.

Ш у р а. Это не ответ.

Т я т и н. Кажется — родственники вообще мало уважают друг друга.

Ш у р а. Вот это — ответ!

А н т о н и н а. Бросьте говорить о скучном.

Ш у р а. Вы очень смешной, Тятин!

Т я т и н. Ну, что ж делать?

Ш у р а. И одеваетесь вы смешно.

(Ушли. Глафира отпирает дверь, скрытую драпировкой. В дверях, куда ушла молодежь,— Булычов. Медленно и важно входит игуменья Мелания, с посохом в руке. Глафира стоит, наклоня голову, придерживая драпировку.)

М е л а н и я. Ты всё еще здесь трешься, блудодейка? Не выгнали тебя? Ну, скоро выгонят.

Б у л ы ч о в. Ты тогда в монахини возьми ее, у нее — деньги есть.

М е л а н и я. А-а, ты — здесь? Ой, Егор, как тебя перевернуло, помилуй бог!

Б у л ы ч о в. Глаха, закрой двери да скажи, чтоб сюда не лезли. Садись... преподобная! Об каких делах поговорим?

Мелания. Не помогают доктора-то? Видишь: господь терпит день, терпит год и век...

Булычов. О господе — после, давай сначала о деле. Я знаю, о деньгах твоих говорить приехала.

Мелания. Деньги не мои, а — обители.

Булычов. Ну — всё едино: обители, обидели, грабители. Тебя чем деньги беспокоят? Боишься — умру — пропадут?

Мелания. Пропасть они — не могут, а не хочу, чтоб в чужие руки попали.

Булычов. Так, вынуть хочешь из дела? Мне — всё равно — вынимай. Но — гляди — проиграешь! Теперь рубли плодятся, как воши на солдатах. А я — не так болен, чтоб умереть...

Мелания. Не ведаем ни дня, ни часа, егда приидет смерть. Завещание-то духовное-то написал?

Булычов. Нет!

Мелания. Пора. Напиши! Вдруг — позовет господь...

Булычов. А зачем я ему?

Мелания. Дерзости свои — оставь! Ты — знаешь, слушать их я не люблю, да и сан мой...

Булычов. А ты — полно, Малаша! Мы друг друга знаем и на глаз и на ощупь. Деньги можешь взять, у Булычова их — много!

Мелания. Вынимать капитал из дела я не желаю, а векселя хочу переписать на Аксинью, вот и — предупреждаю.

Булычов. Так. Ну, это — твое дело! Однако в случае моей смерти Звонцов Аксинью облапошит. Варвара ему в этом поможет...

Мелания. Вот как ты заговорил? По-новому будто? Злости не слышно.

Булычов. Я злюсь в другую сторону. Вот, давай-ко, поговорим теперь о боге-то, о господе, о душе.

> Смолоду много бито, граблено,
> Под старость надобно душа́ спасать...

Мелания. Ну... что ж, говори!

Булычов. Ты вот богу служишь днем и ночью, как, примерно, Глафира — мне,

Мелания. Не богохуль! С ума сошел? Глафира-то как тебе по ночам служит?

Булычов. Рассказать?

Мелания. Не богохуль, говорю! Опомнись!

Булычов. Не рычи! Я же просто говорю, не казенными молитвами, а человечьими словами. Вот — Глафире ты сказала: скоро ее выгонят. Стало быть, веришь: скоро умру. Это — зачем же? Васька Достигаев на девять лет старше меня и намного жуликоватее, а здоров и будет жить. Жена у него — первый сорт. Конечно, я — грешник, людей обижал и вообще... всячески — грешник. Ну — все друг друга обижают, иначе нельзя, такая жизнь.

Мелания. Ты не предо мной, не пред людями кайся, а пред богом! Люди — не простят, а бог — милостив. Сам знаешь: разбойники, в старину, как грешили, а воздадут богу богово и — спасены!

Булычов. Ну да, ежели украл да на церковь дал, так ты не вор, а — праведник.

Мелания. Его-ор! Кощунствуешь, слушать не буду! Ты — не глуп, должен понять: господь не допустит — дьявол не соблазнит.

Булычов. Ну — спасибо!

Мелания. Это что еще?

Булычов. Успокоила. Выходит, что господь вполне свободно допускает дьявола соблазнять нас — значит, он в грешных делах дьяволу и мне компаньон...

Мелания *(встала)*. Слова эти... слова твои такие, что ежели владыке Никандру сказать про них...

Булычов. А — в чем я ошибся?

Мелания. Еретик! Подумай — что лезет тебе в нездоровую-то башку? Ведь — понимаешь, ежели бог допустил дьявола соблазнить тебя — значит, бог от тебя отрекся.

Булычов. Отрекся — а? За что? За то, что я деньги любил, баб люблю, на сестре твоей, дуре, из-за денег женился, любовником твоим был, за это отрекся? Эх ты... ворона полоротая! Каркаешь, а — без смысла!

Мелания *(ошалела)*. Да что ты, Егор? Обезумел ты? Господи помилуй...

Булычов. Молишься день, ночь под колоколами, а — кому молишься, сама того не знаешь.

Мелания. Егор! В пропасть летишь! В пасть адову... В такие дни... Всё разрушается, трон царев качают злые силы... антихристово время... может — страшный суд близок...

Булычов. Вспомнила! Страшный суд... Второе пришествие... Эх, ворона! Влетела, накаркала! Ступай, поезжай в свою берлогу с девчонками, с клирошанками лизаться! А вместо денег — вот что получишь от меня — на! *(Показывает кукиш.)*

Мелания *(поражена, почти упала в кресло)*. Ох, негодяй...

Булычов. Глафира — блудодейка! А — ты? Ты кто?

Мелания. Врешь... Врешь... *(Вскочила.)* Мошенник! Издохнешь скоро! Червь!

Булычов. Прочь! Уходи от греха...

Мелания. Змей... Дьявол...

Булычов *(один, рычит, потирает правый бок, кричит)*. Глафира! Эй...

Ксения. Что ты? А Меланья-то где?

Булычов. Улетела.

Ксения. Неужто опять поссорились?

Булычов. Ты надолго уселась тут?

Ксения. Дай же ты мне, Егор, слово сказать! Ты совсем уж перестал говорить со мной, будто я мебель какая! Ну, что ты как смотришь?

Булычов. Валяй, валяй, говори!

Ксения. Что же это началось у нас? Светопреставление какое-то! Зятек у себя, наверху, трактир устроил, с утра до ночи люди толкутся, заседают чего-то; вчера семь бутылок красного выпили да водки сколько... Дворник Измаил жалуется — полиция одолела его, всё спрашивает: кто к нам ходит? А они там всё про царя да министров. И каждый день — трактир. Ты что голову повесил?

Булычов. Валяй, валяй, сыпь! Молодой, я — любил в трактире с музыкой сидеть.

Ксения. Малаша-то зачем приезжала?

Булычов. Врать, Аксинья, ты — не можешь! Глупа для этого.

Ксения. Чего же это я соврала, где?

Булычов. Здесь. Маланья приехала по уговору с тобой о деньгах говорить.

Ксения. Когда же это я уговаривалась с ней, что ты?

Булычов. Ну — ладно! Заткни рот...

(Оживленно входят Достигаев, Звонцов, Павлин.)

Достигаев. Егор, послушай-ко, что отец Павлин из Москвы привез...

Ксения. Ты бы лег, Егор!

Булычов. Ну, слушаю... отец!

Павлин. Хорошего мало рассказать могу, да, по-моему, и хорошее-то — плохо, ибо лучше того, как до войны жили, ничего невозможно выдумать.

Достигаев. Нет, протестую! Не-ет!

(Звонцов шепчется с тещей.)

Ксения. Плачет?

Достигаев. Кто плачет?

Ксения. Игуменья.

Достигаев. Что же это она?

Булычов. Идите-ко, взгляните, чего она испугалась? А ты, отец, садись, рассказывай.

Достигаев. Интересно, от какой жалости плачет Маланья.

Павлин. Великое смятение началось в Москве. Даже умственно зрелые люди утверждают, что царя надобно сместить, по неспособности его.

Булычов. Двадцать лет с лишком способен был...

Павлин. Силы человека иссякают от времени.

Булычов. В тринадцатом году, когда триста лет Романовы праздновали, Николай руку жал мне. Весь народ радовался. Вся Кострома.

Павлин. Это — было. Действительно — радовался народ.

Булычов. Что ж такое случилось? Вот и Дума есть... Нет, дело — не в царе... а в самом корне...

Павлин. Корень — это и есть самодержавие.

Булычов. Каждый сам собой держится... своей силой... Да вот сила-то — где? На войне — не оказалось.

П а в л и н. Дума способствовала разрушению сил.

Е л и з а в е т а *(в дверях)*. Вы, отец Павлин, исповедуете?

П а в л и н. Ну, что это, какой вопрос!

Е л и з а в е т а. А где мой муж?

П а в л и н. Был здесь.

Е л и з а в е т а. Какой вы строгий сегодня, отец Павлин. *(Исчезла.)*

Б у л ы ч о в. Отец...

П а в л и н. Что скажете?

Б у л ы ч о в. Всё — отцы. Бог — отец, царь — отец, ты — отец, я — отец. А силы у нас — нет. И все живем на смерть. Я — не про себя, я про войну, про большую смерть. Как в цирке зверя-тигра выпустили из клетки на людей.

П а в л и н. Вы, Егор Васильевич — успокойтесь...

Б у л ы ч о в. А — на чем? Кто меня успокоит? Чем? Ну — успокой... отец! Покажи силу!

П а в л и н. Почитайте священное писание, Библию; например, Иисуса Навина хорошо вспомнить... Война — в законе...

Б у л ы ч о в. Брось. Какой это — закон? Это — сказка. Солнце не остановишь. Врете.

П а в л и н. Роптать — величайший грех. Надобно с тихой душою и покорно принимать возмездие за греховную нашу жизнь.

Б у л ы ч о в. Ты примирился, когда тебя староста, Алексей Губин, обидел? Ты — в суд подал на него, Звонцова адвокатом пригласил, за тебя архиерей вступился! А вот я в какой суд подам жалобу на болезнь мою? На преждевременную смерть? Ты — покорно умирать будешь? С тихой душой, да? Нет,— заорешь, застонешь!

П а в л и н. Речи такие не позволяет слушать сан мой. Ибо это речи...

Б у л ы ч о в. Брось, Павлин! Ты — человек. Ряса — это краска на тебе, а под ней ты — человек, такой же, как я. Вот доктор говорит — сердце у тебя плохое, ожирело...

П а в л и н. К чему ведут такие речи? Подумайте и устрашитесь! Установлено от веков...

Б у л ы ч о в. Установлено, да, видно, не крепко.

П а в л и н. Лев Толстой еретик был, почти анафеме предан за неверие, а от смерти бежал в леса, подобно зверю.

К с е н и я. Егор Васильевич, Мокей пришел, говорит: Якова ночью жандармы арестовали, так он спрашивает...

Б у л ы ч о в. Ну, спасибо, отец Павлин... за поучение! Я еще тебя... потревожу. Позови Башкина, Аксинья! Скажи Глафире — пусть каши принесет. И — померанцевой.

К с е н и я. Нельзя тебе водку...

Б у л ы ч о в. Всё — можно! Ступай! *(Оглядывается, усмехаясь бормочет.)* Отец... Павлин... Филин... Тебе, Егор, надо было табак курить. В дыму — легче, не всё видно... Ну, что, Мокей?

Б а ш к и н. Как здоровье, Егор Васильевич?

Б у л ы ч о в. Всё лучше. Якова арестовали?

Б а ш к и н. Да, ночью сегодня. Скандал!

Б у л ы ч о в. Одного?

Б а ш к и н. Говорят — часовщика какого-то да учительницу Калмыкову, которая Александре Егоровне уроки давала, кочегара Ерихонова, известный бунтарь. Около десятка будто.

Б у л ы ч о в. Все из тех — долой царя?

Б а ш к и н. У них это... различно: одни царя, а другие — всех богатых, и чтобы рабочие сами управляли государством...

Б у л ы ч о в. Ерунда!

Б а ш к и н. Конечно.

Б у л ы ч о в. Пропьют государство.

Б а ш к и н. Не иначе.

Б у л ы ч о в. Да... А — вдруг — не пропьют?

Б а ш к и н. А что ж им делать без хозяев-то?

Б у л ы ч о в. Верно. Без тебя да без Васьки Достигаева — не проживешь.

Б а ш к и н. И вы — хозяин...

Б у л ы ч о в. Ну, а как же? И я. Как, говоришь, они поют?

Б а ш к и н *(вздохнув)*. Отречемся от старого мира...

Б у л ы ч о в. Ну?

Б а ш к и н. Отрясем его прах с наших ног...

Б у л ы ч о в. По словам — на молитву похоже.

Б а ш к и н. Какая же молитва? Ненавидим, дескать, царя... дворец...

Б у л ы ч о в. Вон что! Н-да... черти драповые! *(Подумал.)* Ну, а тебе чего надо?

(Глафира принесла кашу и водку.)

Б а ш к и н. Мне? Ничего.

Б у л ы ч о в. А зачем пришел?

Б а ш к и н. Спросить, кого на место Якова поставить.

Б у л ы ч о в. Потапова, Сергея.

Б а ш к и н. Он тоже в этих мыслях — ни бога, ни царя...

Б у л ы ч о в. Тоже?

Б а ш к и н. Позвольте предложить — Мокроусова. Он — очень просится к нам. Человек грамотный, распорядительный.

Г л а ф и р а. Каша простынет.

Б у л ы ч о в. Полицейский? Воряга? Чего же он?

Б а ш к и н. Теперь в полиции опасно служить, многие уходят.

Б у л ы ч о в. Так. Опасно? Ах, крысы... Ладно, пришли Потапова. Завтра утром. Ступай... Глаха — трубач пришел?

Г л а ф и р а. В кухне сидит.

Б у л ы ч о в. Съем кашу — веди его сюда. Что это — как тихо в доме?

Г л а ф и р а. Наверху все.

Б у л ы ч о в *(пьет водку)*. Ну — и ладно. Ты что... приуныла?

Г л а ф и р а. Не пей, не вреди себе, не хворай ты! Брось всё, уйди от них. Сожрут они тебя, как черви... заживо сожрут! Уедем... в Сибирь...

Б у л ы ч о в. Пусти, больно...

Г л а ф и р а. В Сибирь уедем, я работать буду... Ну — что ты здесь, зачем? Никто тебя не любит, все — смерти ждут...

Б у л ы ч о в. Перестань, Глаха... Не расстраивай меня. Я — всё знаю, всё вижу! Я знаю, кто ты мне...

Ты да Шурка, вот это я — нажил, а остальное — меня выжило... Может, еще выздоровлю... Зови трубача, ну-ко...

Г л а ф и р а. Кашу-то съешьте.

Б у л ы ч о в. Чёрт с ней, с кашей! Шурку позови... *(Остался один и жадно пьет рюмку за рюмкой.)*

(Входит Трубач. Он смешной, тощий, жалкий, за плечами — на ремнях — большая труба в мешке.)

Т р у б а ч. Здравия желаю вашему степенству.

Б у л ы ч о в *(удивлен)*. Здорово. Садись. Глаха, затвори дверь. Вот какой ты...

Т р у б а ч. Так точно.

Б у л ы ч о в. Н-ну... неказист! Рассказывай — как лечишь?

Т р у б а ч. Лечение мое простое, ваше степенство, только люди привыкли питаться лекарствами из аптеки и не верят мне, так что я деньги вперед прошу.

Б у л ы ч о в. Это ты не плохо придумал! А вылечиваешь?

Т р у б а ч. Сотни вылечил.

Б у л ы ч о в. Не разбогател, однако.

Т р у б а ч. На добром деле не богатеют.

Б у л ы ч о в. Вон как ты! От каких же болезней вылечиваешь?

Т р у б а ч. Все болезни одинаково происходят по причине дурного воздуха в животе, так что я ото всех лечу...

Б у л ы ч о в *(усмехаясь)*. Храбро! Ну-ко, покажи трубу-то...

Т р у б а ч. Рубль заплатить можете?

Б у л ы ч о в. Рубль? Найдется. Глаха — есть у тебя? Получи. Дешево берешь.

Т р у б а ч. Это — для начала. *(Развязал мешок, вытащил басовую трубу.)*

(Шура прибежала.)

Б у л ы ч о в. Самовар какой... Шурок,— хорош целитель? А ну-ко, подуй!

(Трубач откашлялся, трубит, не очень громко, кашляет.)

Б у л ы ч о в. Это и — всё?

Т р у б а ч. Четыре раза в сутки по пяти минут, и — готово!

Б у л ы ч о в. Выдыхается человек? Умирает?

Т р у б а ч. Никогда! Сотни вылечил!

Б у л ы ч о в. Так. Ну, а теперь скажи правду: ты — кем себя считаешь — дураком или жуликом?

Т р у б а ч *(вздохнув)*. Вот и вы не верите, как все.

Б у л ы ч о в *(посмеиваясь)*. Ты — не прячь трубу-то! Говори прямо: дурак или жулик? Денег дам!

Ш у р а. Не надо обижать его, папа!

Б у л ы ч о в. Я не обижаю, Шурок! Тебя как звать, лекарь?

Т р у б а ч. Гаврила Увеков...

Б у л ы ч о в. Гаврило? *(Смеется.)* Ох, чёрт... Неужто — Гаврило?

Т р у б а ч. Имя очень простое... никто не смеется!

Б у л ы ч о в. Так — ты кто же: глупый или плут?

Т р у б а ч. Шестнадцать рублей дадите?

Б у л ы ч о в. Глаха,— принеси! В спальне... Почему шестнадцать, Гаврило?

Т р у б а ч. Ошибся! Надо было больше спросить.

Б у л ы ч о в. Значит — глупый ты?

Т р у б а ч. Да нет, я не дурак...

Б у л ы ч о в. Стало быть — жулик?

Т р у б а ч. Да и не жулик... Сами знаете: без обмана — не проживешь.

Б у л ы ч о в. Вот это — верно! Это, брат, нехорошо, а — верно!

Ш у р а. Разве не стыдно обманывать?

Т р у б а ч. А почему стыдно, если верят?

Б у л ы ч о в *(возбужденно)*. И это — правильно! Понимаешь, Шурка? Это — правильно! А поп Павлин эдак не скажет! Он — не смеет!

Т р у б а ч. За правду мне прибавить надо. И — вот вам крест! — некоторым труба помогает.

Б у л ы ч о в. Верю,— двадцать пять дай ему, Глаха. Давай еще. Давай все!

Т р у б а ч. Вот уж... покорно благодарю! Может, попробуете трубу-то? Пес ее знает... как она, а ей-богу — действует!

Б у л ы ч о в. Нет, спасибо! Ах ты, Гаврило, Гаврило! *(Смеется.)* Ты... вот что, ты покажи, как она... Ну-ко — действуй! Да — потолще!

(Трубач напряженно и оглушительно трубит. Глафира смотрит на Булычова тревожно. Шура, зажав уши, смеется.)

Б у л ы ч о в. Сади во всю силу!

(Вбегают Достигаевы, Звонцовы, Башкин, Ксения.)

В а р в а р а. Что это такое, папаша?

К с е н и я. Егор, что ты еще затеял?

З в о н ц о в *(Трубачу)*. Ты пьяный?

Б у л ы ч о в. Не тронь! Не смей! Глуши их, Гаврило! Это же Гаврило-архангел конец миру трубит!..

К с е н и я. Ой, ой, помешался...

Б а ш к и н *(Звонцову)*. Вот видите?

Ш у р а. Папа, ты слышишь? Они говорят — с ума сошел ты! Уходите, трубач, уходите!

Б у л ы ч о в. Не надо! Глуши, Гаврило! Светопреставление! Конец миру... Труби-и!..

З а н а в е с

ТРЕТИЙ АКТ

Столовая. Всё в ней кажется сдвинутым со своих мест. На столе неубранная посуда, самовар, пакеты из магазина, бутылки. В углу чемоданы, один из них разбирает монастырская служка Таисья в острой шлычке; около нее — Глафира, с подносом в руке. Над столом горит лампа.

Глафира. А надолго мать Мелания к нам?

Таисья. Не знаю я.

Глафира. Почему она у себя на подворье не остановилась?

Таисья. Не знаю.

Глафира. Тебе сколько лет?

Таисья. Девятнадцать.

(Звонцов на лестнице.)

Глафира. А ничего не знаешь! Что ты — дикая какая?

Таисья. Нам с мирскими не велят говорить.

Звонцов. Игуменья пила чай?

Глафира. Нет.

Звонцов. Возьми подогрей самовар, на всякий случай.

(Глафира уходит, взяв самовар.)

Звонцов. Что там вас — солдаты напугали?

Таисья. Солдаты-с.

Звонцов. Чем же они напугали?

Таисья. Корову зарезали, пригрозили поджечь монастырь. Простите. *(Ушла, унося груду белья.)*

В а р в а р а *(из прихожей)*. Слякоть какая! Ты тут с монашенкой беседуешь?

З в о н ц о в. Присутствие игуменьи в нашем доме неудобная штука, знаешь ли?

В а р в а р а. Дом еще не наш... Что, Тятин согласился?

З в о н ц о в. Тятин — осёл или притворяется честным.

В а р в а р а. Подожди. Кажется, отец кричит... *(Слушает у двери в комнату отца.)*

З в о н ц о в. Хотя доктора и утверждают, что он — в своем уме, но после этой дурацкой сцены с трубой...

В а р в а р а. Он и не такие сцены разыгрывал, хуже бывало. Между Александрой и Тятиным наладились, кажется, приятельские отношения?

З в о н ц о в. Да, но — ничего хорошего я в этом не вижу. Сестрица твоя — хитрая штучка, от нее можно ожидать... весьма серьезных неприятностей.

В а р в а р а. Жаль, что ты не сообразил этого, когда она кокетничала с тобой. Впрочем, это тебе было приятно.

З в о н ц о в. Кокетничала она со мной, чтобы позлить тебя.

В а р в а р а. Ты огорчен? Ну, Павлин лезет. Повадился!

З в о н ц о в. Духовенства — избыток у нас.

(Входят, споря, Елизавета, Павлин, затем — Мокей.)

П а в л и н. Газеты же, по обыкновению, лгут! Добрый вечер!

Е л и з а в е т а. А я вам говорю, что это неправда!

П а в л и н. Установлено вполне точно: государь отказался от престола не по доброй воле, а под давлением насилия, будучи пойман в дороге на Петроград членами кадетской партии... Да-с!

З в о н ц о в. Что же отсюда следует?

Е л и з а в е т а. Отец Павлин — против революции и за войну, а я — против войны! Я хочу в Париж... Довольно воевать! Ты согласна, Варя? Помнишь, как сказал Анри-катр: «Париж лучше войны». Я знаю, что он не так сказал, но — он ошибся.

П а в л и н. Не настаиваю ни на чем, ибо всё колеблется.

В а р в а р а. Нужен мир, мир, отец Павлин! Вы видите, как ведет себя чернь?

П а в л и н. Ох, вижу! А что наш больной? Как с этой стороны? *(Прижимает палец к переносью.)*

З в о н ц о в. Доктора не нашли признаков расстройства.

П а в л и н. Это — приятно! Хотя доктора безошибочно находят токмо одни гонорары.

Е л и з а в е т а. Какой вы злой! Варя, Жанна приглашает нас ужинать.

Б а ш к и н. Арестованных выпустили, а полиция страдает.

П а в л и н. Да, да... Удивительно! Чего хорошего ожидаете вы от событий, Андрей Петрович, а?

З в о н ц о в. Общественные силы организуются закономерно и скоро скажут свое слово. Под общественными силами я разумею людей, которые обладают прочным экономическим...

В а р в а р а. Слушай-ко, Жанна приглашает нас...

(Отводит его в сторону, шепчет.)

З в о н ц о в. Ну, знаешь, это меня ставит не очень удобно! С одной стороны — игуменья, с другой — кокотка...

В а р в а р а. Да — тише ты!

Б а ш к и н. Андрей Петрович, тут — Мокроусов, — знаете, помощник пристава?

З в о н ц о в. Да. Что ему надо?

Б а ш к и н. Он службу бросает по причине опасности и просится к нам, в лес.

З в о н ц о в. Удобно ли это?

В а р в а р а. Подожди, Андрей...

Б а ш к и н. Очень удобно. Лаптев теперь загнет хвост и бунтовать будет. Донат — сами знаете — человек неподходящий и тоже сектант, всё о законе правды бормочет, а уж какая тут правда, когда... сами видите!

З в о н ц о в. Ну, это чепуха! Мы присутствуем именно при начале торжества правды...

В а р в а р а. Да подожди же, Андрей.

З в о н ц о в. И справедливости.

В а р в а р а. Вы чего хотите, Мокей?

Б а ш к и н. Я — чтобы нанять Мокроусова. Егор Васильевичу я предлагал.

В а р в а р а. Что же он?

(Звонцов, нахмурясь, отошел прочь.)

Б а ш к и н. Определенно не высказался.

В а р в а р а. Возьмите Мокроусова.

Б а ш к и н. Может — взглянете на него?

В а р в а р а. Зачем же?

Б а ш к и н. Для знакомства. Он — здесь.

В а р в а р а. Ну, хорошо...

(Башкин идет в прихожую. Варвара пишет что-то в записной книжке. Башкин возвращается с Мокроусовым; это — человечек круглолицый, брови удивленно подняты, на лице — улыбочка, но кажется, что хочет крепко выругаться. В полицейской форме, на боку — револьвер, шаркает ножкой.)

М о к р о у с о в. Честь имею представиться. Глубоко благодарен за честь служить...

В а р в а р а. Очень рада. Вы даже в форме, а я слышала, что полицию разоружают.

М о к р о у с о в. Совершенно верно, в естественном виде нам по улице ходить опасно, так что я — в штатском пальто, хотя при оружии. Но сейчас, по случаю возбуждения неосновательных надежд, чернь несколько приутихла, и потому... без шашки.

В а р в а р а. Когда вы думаете начать службу у нас?

М о к р о у с о в. Мысленно — я уже давно покорный ваш слуга. В лес готов отправиться хоть завтра, я одинок и...

В а р в а р а. Вы думаете, надолго это — этот бунт?

М о к р о у с о в. Полагаю — на всё лето.

В а р в а р а. Только на лето?

М о к р о у с о в. Потом наступят дожди, морозы, и шляться по улицам будет неудобно.

В а р в а р а *(усмехаясь)*. Едва ли революция зависит от погоды.

М о к р о у с о в. Помилуйте! А как же! Зима — охлаждает.

В а р в а р а *(усмехаясь)*. Вы — оптимист.

М о к р о у с о в. Полиция — вообще оптимисты.

В а р в а р а. Вот как!

М о к р о у с о в. Именно-с. Это от сознания силы-с.

В а р в а р а. Вы служили в армии?

М о к р о у с о в. Так точно. В бузулукском резервном батальоне, имею чин подпоручика.

В а р в а р а *(подавая руку)*. Ну, желаю вам всего хорошего.

М о к р о у с о в *(целуя руку)*. Сердечно тронут.

(Ушел, пятясь задом, притопывая.)

В а р в а р а *(Башкину)*. Кажется, он — дурак?

Б а ш к и н. Это — не грех. Умники-то — вон они как... Им дай волю, так они землю наизнанку вывернут... Как — вроде — карман.

П а в л и н *(Башкину, Елизавете)*. Духовенству обязательно нужно дать право свободной проповеди, иначе — ничего не получится!

(Глафира, Шура выводят под руки Булычова. Все замолчали, смотрят на него, он хмурится.)

Б у л ы ч о в. Ну? Что молчите? Бормотали, бормотали...

П а в л и н. Поражены внезапностью...

Б у л ы ч о в. Что?

П а в л и н. Зрелище человека ведомого...

Б у л ы ч о в. Ведомого! Ноги у человека отнимаются, вот его и ведут! Ведомого... Мокей — Яшутку освободили?

Б а ш к и н. Да. Всех арестантов освободили.

З в о н ц о в. Политических.

Б у л ы ч о в. Якову Лаптеву свобода, а царя — под арест! Вот как, отец Павлин! Что скажешь, а?

П а в л и н. Не искушен в делах этих... но — по малому разумению моему — сначала осведомился бы, что именно намерены говорить и делать эти лица...

Булычов. Царя выбирать. Без царя — перегрызетесь вы все...

Павлин. Воодушевленное лицо у вас сегодня, очевидно — преодолеваете недуг?

Булычов. Вот, вот... преодолеваю! Вы, супруги, и ты, Мокей, оставьте-ко нас, меня с Павлином. Ты, Шуренок, не уходи.

(Башкин ушел в прихожую. Звонцовы и Достигаева — наверх. Минуты через две Варвара, сойдя до половины лестницы, слушает.)

Шура. Ты — ляг!

Булычов. Не хочу. Ну что, отец Павлин, ты насчет колокола — что ли?

Павлин. Нет, заглянул в надежде увидеть вас в лучшем положении, в чем и не ошибся. Но, конечно, памятуя щедрые и великодушные — в прошлом — деяния ваши, направленные к благолепию града сего и храма...

Булычов. Плохо ты молишься за меня, мне вот всё хуже. И неохота платить богу. За что платить-то? Плачено не мало, а толку нет.

Павлин. Жертвы ваши...

Булычов. Постой! Есть вопрос: как богу не стыдно? За что смерть?

Шура. Не говори о смерти, не надо!

Булычов. Ты — молчи! Ты — слушай. Это я — не о себе.

Павлин. Напрасно раздражаете себя такими мыслями. И что значит смерть, когда душа бессмертна?

Булычов. А зачем она втиснута в грязную-то, темную плоть?

Павлин. Вопрос этот церковь считает не токмо праздным, но и...

(Варвара — на лестнице — смеется, прижав платок ко рту.)

Булычов. Ты — не и́кай! Говори прямо. Шура,— трубача помнишь, а?

Павлин. В присутствии Александры Егоровны...

Булычов. Это — брось! Ей — жить, ей —

знать! Я вот жил-жил да и спрашиваю: ты зачем живешь?

Павлин. Служу во храме...

Булычов. Знаю я, знаю — служишь! А ведь придется тебе умирать. Что это значит? Что значит — смерть нам, Павлин?

Павлин. Вопрошаете... нелогично и бесплодно! И — простите! Но уже не о земном надо бы...

Шура. Не смейте так говорить!

Булычов. Я — земной! Я — насквозь земной!

Павлин *(встает)*. Земля есть прах...

Булычов. Прах? Так вы, мма... Так вы это, что земля — прах, сами должны понять! Прах, а — ряса шёлковая на тебе. Прах, а — крест золоченый! Прах, а — жадничаете...

Павлин. Злое и пагубное творите в присутствии отроковицы...

Булычов. От рукавицы, от рукавицы...

(Варвара быстро ушла наверх.)

Булычов. Обучают вас, дураков, как собак на зайцев... Разбогатели от нищего Христа...

Павлин. Озлобляет вас болезнь, и, озлобляясь, рычите, подобно вепрю...

Булычов. Уходишь! Ага...

Шура. Напрасно ты волнуешься, от этого хуже тебе. Какой ты... неугомонный...

Булычов. Ничего! Жалеть — нечего! Ух, не люблю этого попа! Ты — гляди, слушай, я нарочно показываю...

Шура. Я сама всё вижу... не маленькая, не дура!

(Звонцов на лестнице.)

Булычов. Они, после трубача, решили, что я с ума сошел, а доктора говорят: врете! Ты ведь докторам веришь, Шура? Докторам-то?

Шура. Я тебе верю... тебе...

Булычов. Ну, то-то! Нет, у меня разум в порядке! Доктора — знают. Действительно, я наткнулся на острое. Ну, ведь всякому... интересно: что значит — смерть? Или, например, жизнь? Понимаешь?

Ш у р а. Не верю я, что ты сильно болен. Тебе надо уехать из дома. Глафира верно говорит! Надо лечиться серьезно. Ты — никого не слушаешь.

Б у л ы ч о в. Всех слушаю! Вот знахарку попробуем. Вдруг — поможет? Ей бы пора прийти. Грызет меня боль... как тоска!

Ш у р а. Перестань, милый! Не надо, родной мой! Ты — ляг...

Б у л ы ч о в. Лежать — хуже. Лег — значит — сдался. Это — как в кулачном бою. И — хочется мне говорить. Мне надо тебе рассказать. Понимаешь... какой случай... не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать всё — с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял. А я вот... Этого я тебе не могу выразить.

Ш у р а. Ты говори тише, спокойнее... Говори, как, бывало, сказки мне рассказывал.

Б у л ы ч о в. Я тебе — не сказки, я тебе всегда правду говорил. Видишь ли... Попы, цари, губернаторы... на кой чёрт они мне надобны? В бога — я не верю. Где тут бог? Сама видишь... И людей хороших — нет. Хорошие — редки, как... фальшивые деньги! Видишь, какие все? Вот они теперь запутались, завоевались... очумели! А — мне какое дело до них? Булычову-то Егору — зачем они? И тебе... ну, как тебе с ними жить?

Ш у р а. Ты не беспокойся обо мне...

К с е н и я *(идет)*. Лександра, к тебе Тоня с братом пришла и этот...

Ш у р а. Подождут.

К с е н и я. А ты — иди-ко! Мне с отцом поговорить надо...

Б у л ы ч о в. А мне — надо?

Ш у р а. Вы — не очень много — говорите...

К с е н и я. Учи, учи меня! Егор Васильевич — Зобунова пришла...

Б у л ы ч о в. Шурок, ты потом веди их сюда, молодежь-то... Ну, давай Зобунову!

К с е н и я. Сейчас. Я хочу сказать, что Лександра подружилась с прощелыгой этим, с двоюродным братцем Андрея... Сам понимаешь: это ей не пара. Од-

ного нищего приютили мы, так он — вон как командует.

Б у л ы ч о в. Ты, Аксинья, совсем... как дурной сон,— право!

К с е н и я. Бог с тобой, обижай! Ты бы запретил ей амурничать с Тятиным-то.

Б у л ы ч о в. А еще что?

К с е н и я. Мелания у нас...

Б у л ы ч о в. Зачем?

К с е н и я. Несчастие с ней. Солдаты беглые напали на обитель, корову зарезали, два топора украли, заступ, связку веревок, вон что делается! А Донат, лесник наш, нехороших людей привечает, живут они в бараке, на лесорубке...

Б у л ы ч о в. Заметно, что ежели какой человек приятен мне, так он уж никому не приятен.

К с е н и я. Ты бы помирился с ней...

Б у л ы ч о в. С Маланьей? Зачем?

К с е н и я. Да — как же? Здоровье твое...

Б у л ы ч о в. Ладно. Давай... помирюсь! Я ей скажу: «И остави нам долги наша».

К с е н и я. Ты — поласковее. *(Ушла.)*

Б у л ы ч о в *(бормочет)*. «И остави нам долги»... «Яко же и мы оставляем»... Кругом вранье... Ох, черти...

В а р в а р а. Папаша! Я слышала, как мать говорила о Степане Тятине...

Б у л ы ч о в. Да... Ты — всё слышишь, всё знаешь...

В а р в а р а. Тятин — скромный, честный человек, он не потребует большого приданого за Александрой и очень хорошая пара для нее.

Б у л ы ч о в. Заботливая ты...

В а р в а р а. Я присмотрелась к нему...

Б у л ы ч о в. О ком ты заботишься? Эх вы... черти домашние!

(Идут Мелания, Ксения, в дверях остановилась служка Таисья.)

Б у л ы ч о в. Ну что, Малаша? Помиримся, что ли?

М е л а н и я. То-то. Воин! Обижаешь всех... ни за что ни про что...

Булычов. «И остави нам долги наша» — Малаша!

Мелания. Не о долгах речь. Не озоруй! Вон какие дела-то начались. Царя, помазанника божия, свергли с престола. Ведь это — что значит? Обрушил господь на люди своя тьму смятения, обезумели все, сами у себя под ногами яму роют. Чернь бунтуется. Копосовские бабы в лицо мне кричали, мы, дескать, народ! Наши мужья, солдаты — народ! Каково? Подумай, когда это солдаты за народ считались?

Ксения. Это вот всё Яков Лаптев доказывает...

Мелания. Губернатора власти лишили, а на место его нотариус Осмоловский посажен...

Булычов. Тоже толстый.

Мелания. Вчера владыко Никандр говорил: «Живем накануне происшествий сокрушительных; разве, говорит, штатская власть возможна? От времен библейских народами управляла рука, вооруженная мечом и крестом...»

Варвара. В библейские времена кресту не поклонялись...

Мелания. А ты помолчи, умница... Евангелие-то в одном переплете с Библией. А крест есть — меч! Туда же! Владыко-то лучше тебя знает, когда чему поклонялись. Вы, честолюбцы, радуетесь падению престола. Не обернулась бы радость в горькие вам слезы... Егорушко, мне с тобою надо бы глаз на глаз поговорить...

Булычов. Эдак — опять поругаемся мы с тобой? Однако — можно и поговорить, ну — после! Сейчас лекариха придет. Выздороветь хочется мне, Малаша!

Мелания. Зобунова — лекариха знаменитая. Докторам — далеко до нее! А потом ты бы с блаженным Прокопием поговорил...

Булычов. Это — которого мальчишки Пропотеем зовут? Жулик он, говорят?

Мелания. Ну, что ты, что ты! Как это можно! Ты прими-ко его...

Булычов. Можно и Пропотея. Мне сегодня что-то лучше,,, Только вот ноги... Веселее будто. Всё

что-то смешно... смешным кажется! Зови знахарку, Аксинья...

(Ксения ушла.)

Мелания. Эх, Егорий... много еще в тебе... осталось!

Булычов. Вот то-то и есть, что много...

Ксения *⟨вернулась⟩*. Она говорит, чтобы все ушли...

Мелания. Ну, надо уйти...

(Все ушли. Булычов, усмехаясь, гладит бок, грудь. Входит Зобунова. Незаметно, однако так, чтобы было замечено, она, кривя рот, дует в правую сторону от себя, правая рука прижата к сердцу, а ладонью левой, как рыбьим плавником, отмахивается. Остановилась, провела правой рукой по лицу.)

Булычов. Это ты — чертям молишься?

Зобунова *(певуче)*. Ой вы, злые недуги, телесные печали! Отвяжитесь, откачнитесь, от раба божия удалитесь! В сей день, в сей час, отгоняю вас по всю жизнь крепким моим словом во веки веков! Здравствуйте, благомилостивый человек, по имени Егорий!..

Булычов. Здравствуй, тетка! Это ты чертей отгоняла?

Зобунова. Что ты, рожёный, разве с ними можно дело иметь?

Булычов. Надо, так можно! Богу — попы молятся, а ты — не поп, ты должна — чертям.

Зобунова. Ну, что это какие страхи ты говоришь! Про меня только глупые рассказывают, будто я с нечистой силой знаюсь.

Булычов. Ну, тогда у тебя, тетка, толку не будет! Попы богу за меня молились, бог — отказался, не помогает мне!

Зобунова. Это ты шутишь, дорогой человек, это ты потому, что не веришь мне.

Булычов. Я бы поверил, если б ты от чертей пришла. Ты ведь, конечно, знаешь, слышала: я распутный, с людьми — жёсткий, до денег — жадный...,

З о б у н о в а. Слыхала, да не верю, что ты пожалеешь дать мне добрую денежку.

Б у л ы ч о в. Я, тетка, великий грешник, и богу дела нет до меня. Отрекся бог от Егора Булычова. Так что, если ты с чертями не знакома,— иди выкидыши девкам делать! Это — твое ремесло, так?

З о б у н о в а. Ой, верная слава про тебя, что ты— напористый, озорной человек!

Б у л ы ч о в. Ну? Чего соврать хочешь? Валяй!

З о б у н о в а. Врать не обучена. Ты скажи-ко мне: что у тебя болит, как болит, где?

Б у л ы ч о в. Живот. Сильно болит. Вот здесь.

З о б у н о в а. Видишь ли... только ты не говори никому, ни-ни!

Б у л ы ч о в. Не скажу. Не бойся.

З о б у н о в а. Есть недуги — желтые и есть — черные. Желтый недуг — его и доктор может вылечить, а черный — ни поп, ни монах не замолят! Черный — это уже от нечистой силы, и против него — одно средство...

Б у л ы ч о в. Сразу: пан или пропал? Так?

З о б у н о в а. Средство это — дорогое!

Б у л ы ч о в. Конечно! Понимаю.

З о б у н о в а. Тут действительно с нечистой силой надобно дело иметь.

Б у л ы ч о в. С самим сатаной?

З о б у н о в а. Ну, не прямо с ним, а все-таки...

Б у л ы ч о в. Можешь?

З о б у н о в а. Только ты — никому ни словечка...

Б у л ы ч о в. Иди к чертям, тетка!

З о б у н о в а. Погоди-ко...

Б у л ы ч о в. Иди прочь, а то ушибу...

З о б у н о в а. Ты послушай-ко...

Г л а ф и р а *(из прихожей)*. Тебе сказано — уходи!

З о б у н о в а. Что это вы какие...

Б у л ы ч о в. Гони ее, гони!

Г л а ф и р а. Туда же, ведьмой притворяешься!

З о б у н о в а. Ты сама — ведьма! Ишь, рожа-то... Эх вы... Ни сна бы вам, ни покоя!

(Ушли.)

Булычов *(оглядывается, вздыхает)*. Ф-фу...

(Входят Мелания, Ксения.)

Мелания. Не понравилась Зобунова, не угодила?

(Булычов молчит, глядя на нее.)

Ксения. Она — тоже нравная. Захвалена, зазналась.

Булычов. Малаша,— как думаешь: у бога живот болит?

Мелания. А ты — не дури...

Булычов. У Христа, наверное, болел. Христос рыбой питался...

Мелания. Перестань, Егор! Что ты меня дразнишь?

Глафира. Она денег просит за беспокойство.

Булычов. Дай, Аксинья! Ты, Малаша, извини, я — устал, пойду к себе. С дураками — хуже всего устаешь. Ну-ко, Глаха, помоги...

(Глафира уводит его. Возвратилась Ксения, вопросительно смотрит на сестру.)

Мелания. Притворяется он сумасшедшим. Притворяется...

Ксения. Ой ли? Где уж ему...

Мелания. Это — ничего! Пусть играет. Это против него же обернется, если духовное-то завещание судом оспаривать надо будет. Таисья будет свидетельницей, Зобунова, отец Павлин, трубач этот, да мало ли? Докажем, что завещатель не в своем уме был...

Ксения. Ох, уж не знаю, как тут быть...

Мелания. Вот я тебя и учу! Эх ты... Выскочила замуж! Я тебе говорила — выходи за Башкина.

Ксения. Ну... Когда это было! А он-то какой был орел... Ты сама завидовала.

Мелания. Я? Ты что? Очумела?

Ксения. Ну, что уж вспоминать...

Мелания. Господи, помилуй! Завидовала! Я?

Ксения. Как — Прокофья-то? Может — не надо?

Мелания. Почему это — не надо? Призвали, уговорились и — вдруг не надо! Ты — не мешай мне! Иди приготовь его да приведи. Таисья!

(Таисья выходит из прихожей.)

Мелания. Ну что?

Таисья. Ничего не узнала я.

(Ксения ушла.)

Мелания. Почему?

Таисья. Не говорит она ничего.

Мелания. Как это — не говорит? Ты должна была выспросить.

Таисья. Выспрашивала я, а она — фыркает, будто — кошка. Ругает всех.

Мелания. Как ругает?

Таисья. Жуликами.

Мелания. За что же она?

Таисья. С ума, говорит, хотите свести человека...

Мелания. Это она тебе сказала?

Таисья. Нет, Пропотею, блаженному.

Мелания. А он — что?

Таисья. Он всё прибаутки говорит...

Мелания. Прибаутки?.. Ах ты... лапоть! Он — блаженный, прорицает, дура! Сядь в прихожей, не уходи никуда... В кухне был еще кто-нибудь?

Таисья. Мокей...

Мелания. Ну, ступай. *(Подходит к дверям комнаты Булычова, стучит.)* Егорий, блаженный пришел.

(Идет, сопровождаемый Ксенией и Башкиным, Пропотей, в лаптях, в длинной, до щиколоток, холщовой рубахе, со множеством медных крестов и образков на груди. Страховиден: густые, встрепанные волосы, длинная, узкая, редкая борода, движения резки и судорожны.)

Пропотей. Ух, накурено! Душа задыхается...

Ксения. Тут, батюшка, никто не курит.

(Пропотей гудит, подражая зимнему ветру.)

Мелания. Ты — погоди, дай выйти...

Булычов *(его ведет под руку Глафира)*. Ишь ты, какой... явился!

Пропотей. Не бойся. Не страшись. *(Гудит.)* Всё тлен, всё прейдет! Жил Гриша, лез выше, стукнулся в потолок, — чёрт его и уволок.

Булычов. Это — про Распутина, что ли?

Пропотей. Вот — низвергнут царь, и погибает царство, иде же царствует грех, смерть и смрад! Гудит метелица, гудит распутица. *(Гудит. Указывает посохом на Глафиру.)* Дьявол во образе женском рядом с тобой — отгони!

Булычов. Я те отгоню! Болтай, да знай меру. Маланья, это ты, что ли, обучила его?

Мелания. Что выдумываешь? Разве безумного можно научить?

Булычов. Похоже, что можно...

(С лестницы бежит Шура, за нею — Антонина, Тятин. Постепенно сверху спускаются Звонцовы, Достигаевы. Пропотей молча чертит палкой в воздухе и на полу. Стоит задумчиво, опустив голову.)

Шура *(подбегая к отцу).* Это что еще? Что за представление?

Мелания. А ты — молчи!

Пропотей *(как бы с трудом).* Не спит еретик, а часики — тик да тик!.. Кабы — бог... да — кабы мог... да я — не плох, да, да! А — чья беда? Играй, сатана, тебе — воля дана! Стукнула полночь... спел петух ку-ка-ре-ку... тут — конец еретику...

Булычов. Складно тебя научили...

Мелания. Не мешай, Егор, не мешай!..

Пропотей. Что делать будем?.. Что скажем людям?

Антонина *(с сожалением).* Он — не страшный... Нет!

Пропотей. Убили гниду — поют панихиду. А может, плясать надо? Ну-ко, спляшем и нашим и вашим! *(Притопывает, напевая, сначала — негромко, затем всё более сильно, и — пляшет.)* Астарот, Сабатан, Аскафат, Идумей, Неумней. Не умей, карра-тили — бом, бом, бейся в стену лбом, лбом! Эх, юхала, юхала, ты чего нанюхала? Дыб-дыб, дым, дым! Сатана играет им! Згин-гин-гин, он на свете один, его ведьма Закатама

в свои ляшки закатала! От греха, от блуда не денешься никуда! Вот он, Егорий, родился на горе...

Шура *(кричит)*. Прогоните его!

Булычов. Вы что... чёрт вас... испугать меня хотите?

Звонцов. Надо прекратить это безобразие...

(Глафира подбегает к Пропотею, он, не переставая кружиться, замахнулся на нее палкой.)

Пропотей. Их, эх, ох, ах! ух-чух, злой дух...

(Тятин вырвал палку из руки Пропотея.)

Мелания. Да ты — что? Да ты — кто?

Шура. Отец, прогони всех... Что ты молчишь?

Булычов *(машет руками)*. Погоди... погоди...

(Пропотей сел на пол, гудит, взвизгивает.)

Мелания. Его — нельзя трогать! Он — в наитии... в восторге!

Достигаев. За такие восторги, мать Маланья, по шее бьют.

Звонцов. Вставай и уходи... живо!

Пропотей. А — куда? *(Гудит.)*

(Ксения плачет.)

Елизавета. Как это он ловко... в два голоса!

Булычов. Идите... прочь, все! Нагляделись...

Шура *(топая на блаженного)*. Уходи, урод! Степа — выгоните его!

Тятин *(берет Пропотея за шиворот)*. Идем, святой... вставай!

Таисья. Он сегодня не больно страшно... он гораздо страшнее умеет это делать. Кабы ему вина дали...

Мелания. Ты — что болтаешь? *(Бьет ее по щеке.)*

Звонцов. Как вам не стыдно?

Мелания. Кого? Тебя стыдно?

Варвара. Успокойтесь, тетя...

Ксения. Господи... Ну, что же это?

(Шура и Глафира укладывают Булычова на диван, Достигаев внимательно рассматривает его, Звонцовы уводят Ксению с Меланией.)

Шура.— Ты — не вставай!

Булычев.— И погибнет царство, где смрад. Ничего не вижу... / встал, держась за стол, протирает глаза/. — Царствие твое... Какое царствие? Звери. Царствие... Отче наш... Нет... плохо! Умираю. Какой ты мне отец, если на смерть осудил? За что? Все умирают? Зачем? Ну, пускай — все! А я — зачем? / покачнулся/ Ну? Что, Егор? / хрипло кричит/. — Шура... Глаша — доктора! Эй... кто нибудь, черти! Егор... Булычев... Егор!..

/ Шура, Глафира, Тятин, Таисья,— Булычев почти падает встречу им. /

За окном — густо поют. Глафира, Таисья поддерживают Булычова, Шура — бежит к окну, открывает его — врывается пение.

Булычов.— Чего это? Панихиду... опять отпевают! Шура...! Кто это?

Шура. Это слева... идут... смотри!

Булычов. Эх... Шура...

«ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ».

Машинописная страница с дополнительной правкой финала пьесы.

Д о с т и г а е в *(жене)*. Едем домой, Лиза, домой! Булычов — нехорош! Весьма... И демонстрация идет... Надобно примкнуть.

Е л и з а в е т а. Как это он гудел, а? Ничего подобного не воображала...

Б у л ы ч о в *(Шуре)*. Всё это — игуменья придумала...

Ш у р а. Тебе нехорошо?

Б у л ы ч о в. Она... Вроде панихиды... по живому...

Ш у р а. Скажи — нехорошо тебе? Послать за доктором?

Б у л ы ч о в. Не надо. А насчет царства паяц этот от себя махнул... Кабы — бог да кабы мог,— слышала? Не может!

Ш у р а. Всё это надобно забыть...

Б у л ы ч о в. Забудем! Ты взгляни-ка, что они там... Глафиру не обидели бы... Чего на улице поют?

Ш у р а. Ты не вставай!

Б у л ы ч о в. И погибнет царство, где смрад. Ничего не вижу... *(Встал, держась за стол, протирает глаза.)* Царствие твое... Какое царствие? Звери! Царствие... Отче наш... Нет... плохо! Какой ты мне отец, если на смерть осудил? За что? Все умирают? Зачем? Ну, пускай — все! А я — зачем? *(Покачнулся.)* Ну? Что, Егор? *(Хрипло кричит.)* Шура... Глаха — доктора! Эй... кто-нибудь, черти! Егор... Булычов... Егор!..

(Шура, Глафира, Тятин, Таисья,— Булычов почти падает навстречу им.
За окнами — густо поют. Глафира, Тятин поддерживают Булычова. Шура бежит к окну, открывает его — врывается пение.)

Б у л ы ч о в. Чего это? Панихида... опять отпевают! Шура! Кто это?

Ш у р а. Иди сюда, иди... смотри!

Б у л ы ч о в. Эх, Шура...

З а н а в е с

ДОСТИГАЕВ
И ДРУГИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Достигаев.
Елизавета.
Антонина.
Алексей.
Павлин.
Звонцов.
Варвара.
Ксения.
⟨Донат⟩.
Глафира.
Таисья.
Мелания.
Пропотей.
Шура.
Тятин.
Лаптев.
Калмыкова.
Рябинин.
Бородатый солдат.
Кузьмин.
Поп Иосиф.
Зыбин — помещик.
Губин.
Нестрашные — отец и сын Виктор.
Троеруков.
Целованьев.
Лисогонов.
Мокроусов.
Бетлинг.
Жанна.
Чугунова.
Константин, Софрон — дети ее.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра III во весь рост и в шапке,— тучная черная фигура на голубоватом фоне, за нею — какие-то колонны, они напоминают ленинградскую биржу. В глубине сцены — широкие двери в двухсветный зал, видно эстраду, на ней — стол, покрытый красным сукном, за столом, на стене — золотая рама, портрет Николая II вынут из рамы, в раме торчат два красных флага. Перерыв заседания, в зале остались и беседуют несколько маленьких групп, они постепенно тают, выходя в гостиную, а из нее — в двери налево, в буфет. Направо — дверь в карточную. В уголке, около нее, сидит на краешке мягкого стула, свертывая козью ножку, старичок Иосиф, поп, в мужицких сапогах, ряса выцвела, остроносый, лысоватый, в очках. Из зала выходят: Павлин, Порфирий Петрович Нестрашный, бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, он — с палкой, прихрамывает; Кузьма Лисогонов, фабрикант.

Лисогонов. Ты, отец Павлин, погоди рассказывать, я пойду чайку спрошу. *(Остановился, смотрит на портрет царя, вздохнул.)* Что, ваше величество, сынка-то у тебя — рассчитали? Эхе-хе...

Нестрашный *(садясь к столу, угрюмо)*. Есть у меня догадочка, что Лениным да большевиками кадеты пугают нас. Расчетец у них такой — пугать.

Павлин. Боюсь, что в этом случае — ошибаетесь вы. Ленин — воплощение материализма, злого духа,— земной, грубейшей, диавольской мудрости...

Нестрашный. А ты, когда во второй Думе эсером был, небесную мудрость воплощал?

П а в л и н. Ирония ваша едва ли уместна. Во второй Думе, если помните, духовенство было представлено весьма обильно, и в этом сказалась воля народа...

Н е с т р а ш н ы й. Н-да... Пошли попы вприсядку...

П а в л и н. Взглянув же углубленно, мы увидим, что эсерство, отказавшееся от террора, вполне способно к слиянию с кадетизмом, а сей последний является наименьшим злом и — как видим — заключает в себе дальнейшее тяготение направо.

(Подходят и присаживаются к столу: Celованьев, хозяин городских боен, и Троеруков — мукомол, человек лет 50, очень похожий на Александра III; о своем сходстве с царем Троеруков знает. В дверях зала Василий Достигаев беседует с Мокроусовым; Мокроусов — в штатском, он заведует хозяйством клуба. Так же как и Достигаев, он мелькает на сцене в продолжение всего акта. Достигаев — старшина клуба,— ручки в карманах, прислушивается ко всем разговорам, вступает во все беседы; оставаясь один, задумчиво посвистывает.)

Ц е л о в а н ь е в. О чем беседа?

П а в л и н. Вот, Порфирий Петрович говорит, что кадеты нарочно пугают нас Лениным с братией его; пугают, как я понимаю, того ради, чтоб торговое сословие подалось влево, к ним, кадетам, в их власть...

Ц е л о в а н ь е в. А ты, отец Павлин, разве не кадет?

П а в л и н. Никоим образом и никогда не склонюсь. Я вообще...

Д о с т и г а е в *(подошел)*. Да, вообще-то вот — как?

П а в л и н. Казалось бы, ежели царствующая персона признана не соответствующей значению своему и делу,— изберите другое лицо. У нас еще сохранились и благоденствуют потомки Рюрика, удельных князей дети...

(Лисогонов возвратился, официант несет стакан чаю и — в чайнике — коньяк.)

Д о с т и г а е в. Потомки, пустые котомки...

Т р о е р у к о в. Во сне живем...

Л и с о г о н о в. В буфете Звонцова ругают —любо слушать!

Ц е л о в а н ь е в. Н-да... комиссар Временного правительства, вроде губернатора нам...

Т р о е р у к о в *(лениво)*. А давно ли он в конторе у меня сидел, дожидался смирно, когда я его позову?

Н е с т р а ш н ы й. Что скажешь, Достигаев?

Д о с т и г а е в. Слушаю.

Н е с т р а ш н ы й. Хитришь всё.

Д о с т и г а е в. Учусь.

Н е с т р а ш н ы й. Нельзя понять — куда ты метишь!

Д о с т и г а е в. А ты, Порфирий Петров, куда?

(Нестрашный молчит. Все смотрят на него, ждут. Не дождались.)

П а в л и н. Между прочим, гражданин Звонцов в речи своей коснулся — и весьма обидно — церкви. Среди многих обычных и легкомысленных поношений, коими господа интеллигенты привыкли обременять духовенство, указал он и на то, что, дескать, нужно устранить из богослужения древнеславянский язык, дабы сделать глас божий более вразумительным душе пасомых — наивной душе народа нашего.

Н е с т р а ш н ы й *(угрюмо)*. Наивная! Тоже, сказал! Положи-ка палец в рот ей, наивной... сукиного сына дочери!

Ц е л о в а н ь е в. С войны-то бегут и бегут.

Л и с о г о н о в. Вся Россия дезертирует...

П а в л и н *(возбуждаясь)*. Причиною чего служит злокозненная проповедь о свободе мысли, воле народа и прочем...

Н е с т р а ш н ы й. А во время второй Думы ты все-таки с эсерами обнюхивался и сам всё это проповедовал.

П а в л и н. Утверждение — голословное. Возвращаясь к речи господина комиссара Звонцова, должен сказать: мнение его о языке ниспровергается тем фак-

том, что католическая церковь пользуется в службе богу языком латинским.

(Поп Иосиф, свернув козью ножку, закурил.)

Павлин. Однако ж крепость и сила римской церкви от сего не страдает, и даже удары еретиков, подобных Лютеру...

Нестрашный. Брось, отец Павлин! Речами накормлены мы вполне достаточно, даже до тошноты.

Троеруков. Погодите, дайте послушать.

Нестрашный. Сколько ни глотай воздух, сыт не будешь...

Павлин *(сердито)*. Вы, почтеннейший Порфирий Петрович, равно как и всё сословие ваше, волею грозной судьбы ввергаетесь в область политики, опаснейшую для не искушенных в ней. А потому вам необходимо знать, что всё понятное обнаруживает себя как вреднейшая людям глупость, истинная же и святая премудрость скрыта в непонятном и недоступном ухищрениям разума...

Лисогонов. Верно. Ох — верно!

Троеруков. Как во сне живем. Чёрт те что...

Павлин *(напористо)*. Религия есть оружие против соблазнов и козней диавола...

Нестрашный. Я против религии не спорю.

Павлин. И, как всякое оружие защиты, религия подлежит развитию и совершенствованию. Посему: если мы лишились светского главы — необходимо оную заменить духовной. В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...

Нестрашный. Ты скажи, что нам делать, нам?

Лисогонов. Нам, друг дорогой, хоть сатану давай,— был бы порядок, вот как дело-то стоит.

Троеруков *(грустно)*. Что-то, друзья, будто не то делается нами! Всё беседуем. А вот — бабы... им революция не мешает. Они свое дело не бросают... Огурцы — посолили, капусту — заквасили, грибы...

Достигаев. Губин идет...

Павлин. Встреча с этим... лиходеем нежелательна! *(Быстро идет к двери направо, заметил Иоси-*

фа.) Ах, это вы, отец Иосиф, махорку курите? Как же это вы здесь — махорку, а?

Иосиф. Нечего покурить-то, нечего!

Павлин. Воздержитесь! Здесь — не трактир.

Нестрашный *(толкая его к двери).* Иди, а то скандал будет...

(Павлин, Нестрашный ушли, за ними — Лисогонов; неплотно притворив дверь, выглядывает в гостиную. Губин идет из зала — тяжелый, толстый человек с оплывшим лицом и наглыми глазами. Его сопровождает Алексей Достигаев.)

Губин. Вот эта и есть — она?

Алексей. Да.

Губин. Рыжая, в платье сопливенького цвета?

Алексей. Да, да... Жанна Густавовна.

Губин. Ничего, заметная стервоза! Вот эдакие бабенки вредных лет...

Алексей. Вы хотели сказать: средних лет?

Губин. Я говорю как хочу. Вредных лет, значит — между тридцатью и сорока. Самые интересные. Понял?

Алексей. Не совсем.

Губин. Отец умнее тебя, хотя... тоже не Бисмарк! Ну, айда шампань лакать, баболюб.

Иосиф. Достопочтенный Алексей Матвеевич...

Губин. Чего?

Иосиф. Богом вас прошу — заплатите за гусей, коих вы перестреляли...

Губин. Ага! Это — ты? Так я же тебе сказал: подавай в суд.

Иосиф. Нет на вас суда, кроме божия...

Губин. Врешь, есть! Пошел прочь. И — подавай в суд. Не подашь — приеду другой раз, еще кого-нибудь застрелю... понял?

Иосиф. Я, Алексей Матвеевич, в газету пожалуюсь на вас.

Губин. Валяй! В газету! Архиерею! Валяй...

(Ушел в буфет.)

(Иосиф вынул кисет, свертывает папиросу, вспомнил, что нельзя курить махорку, и, спрятав кисет, огорченно махнул рукой, снова сел в угол.)

Ц е л о в а н ь е в. А боится Павлин Губина!

Т р о е р у к о в. Кто его, чёрта, не боится!

(Нестрашный вошел.)

Л и с о г о н о в. Подставили ему ножку попы-то.

Ц е л о в а н ь е в. Положим, это вот Порфирия Петровича тяжелая лапка вышибла его из городских-то голов.

Н е с т р а ш н ы й. При чем тут я? Архиерей это действовал, после того как Губин дьякона во время обедни за волосья оттаскал.

Т р о е р у к о в. Его бы в сумасшедший дом...

Н е с т р а ш н ы й. Теперь для сумасшедших города строить надобно.

Л и с о г о н о в. Чу, шумят в буфете! Пойду взгляну.

(Все ушли. Остался Троеруков; осаниваясь, поглаживая бороду, смотрит на портрет царя и в зеркало на себя. Налил коньяку, встал, пьет, крякнул.)

И о с и ф. На доброе здоровье.

Т р о е р у к о в *(подумав)*. Да ведь я не чихнул.

И о с и ф. Тогда — простите, ослышался!

Т р о е р у к о в. Ты откуда?

И о с и ф. Из слободы, из Комаровой.

Т р о е р у к о в. Ага... А... чего ждешь тут?

И о с и ф. Игуменью, мать Меланию ожидаю, по ее приказу. Обещала быть здесь.

Т р о е р у к о в. Она — здесь. Коньяк — пьешь?

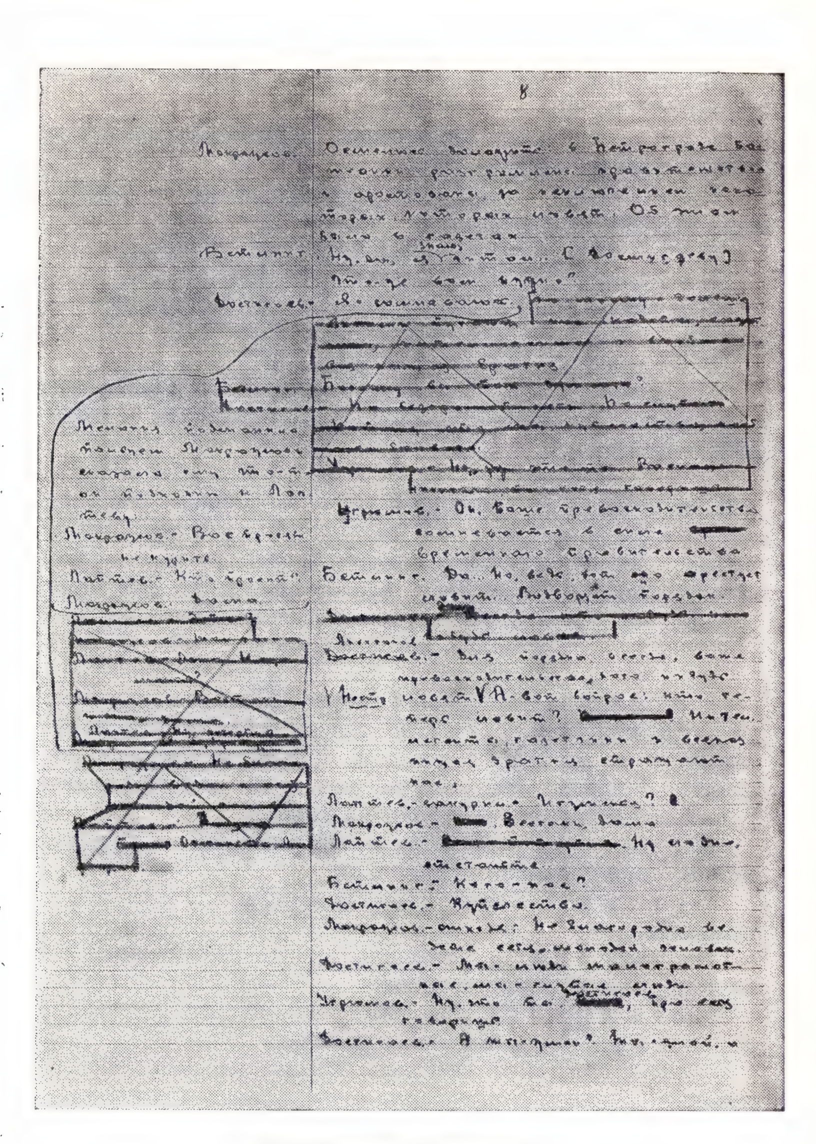
И о с и ф. Где уж нам! Самогонцу бы, да и того не сыщешь! Ох, разоряется Русь!

Т р о е р у к о в. На-ка, выпей!

И о с и ф. Спаси вас Христос! Будьте здоровы. Ух... Какая... неожиданная жидкость!

Т р о е р у к о в *(удовлетворенно)*. Ожегся? То-то. На еще...

(Из буфета выходят: Бетлинг, за ним Достигаев и Мокроусов; перед ним, забегая то справа, то слева,— Лисогонов.)

«ДОСТИГАЕВ И ДРУГИЕ».

Страница автографа.

Б е т л и н г *(пренебрежительно и ворчливо)*. Вы — не прыгайте! Вы — спокойно...

Л и с о г о н о в. Взволнован честью беседовать с вашим превосходительством...

Б е т л и н г. Позвольте, я сяду. И вы — сядьте! Ну, что же вам угодно?

Л и с о г о н о в. Мудрый совет ваш, ваше...

Б е т л и н г. Вы — короче, без титула...

Л и с о г о н о в. Говорят, что большевик этот — Ленин — выдуман для устрашения нашего...

Б е т л и н г. Как это — выдуман?

М о к р о у с о в. Разрешите сообщить: Ленин, после ареста его шайки, бежал в Швецию. Он — лицо действительное.

(Из буфета, из зала выходят люди, окружают Бетлинга, смотрят на него. В толпе, у стены — Тятин. Вышла Мелания, села в кресло. К ней подходит поп Иосиф, кланяется, подает бумагу, беседует. Мелания уводит его в зал. Через некоторое время попик быстро пробирается в буфет.)

Б е т л и н г. Ну да! И, конечно, Швеция выдаст его нам. Вот вы, член городской управы, увлекаетесь политикой, а в городе по улицам нельзя на автомобиле ездить. Видите? Напоминаю вам, что для политики у нас есть Временное правительство...

Л и с о г о н о в. Простите! Конечно, мы — дикари, и кому надо верить — не знаем.

Б е т л и н г. Вот вы снова вскочили и... мелькаете, прыгаете...

Л и с о г о н о в. Утверждают, что большевики завелись даже в нашем городе.

Б е т л и н г. Нельзя придавать значения болтовне каких-нибудь базарных торговок.

Л и с о г о н о в. Это жена комиссара Звонцова говорит.

Б е т л и н г. Что? Не верю. Я знаю ее, она благоразумная женщина.

М о к р о у с о в. Осмелюсь доложить: большевики в городе есть.

Б е т л и н г. Есть?

М о к р о у с о в. Так точно.

Б е т л и н г. Гм... Ну и что же они?

М о к р о у с о в. Проповедуют социализм, так же как и социалисты-революционеры.

Б е т л и н г. Н-ну, милейший, у нас всегда что-нибудь проповедуют... Большевики... В Петрограде их арестовали, а что же у нас? Надо арестовать!

М о к р о у с о в. Спрятались, ваше превосходительство.

Д о с т и г а е в. Некоторые из нас, граф, сомневаются в силе Временного правительства.

Б е т л и н г. Почему? Ведь вот оно арестует, ловит! Водворяет порядок...

Н е с т р а ш н ы й. Вопрос — кто ловит и для чего? Ловят — адвокаты, профессора, интеллигенты и вообще всякая нищая братия.

Б е т л и н г *(утомлен)*. Но — почему же так резко? Там есть почтенные люди, например — князь Львов и этот... как его?

Д о с т и г а е в. Князь-то он Львов, да львы-то у него — как будто ослы.

Б е т л и н г *(насильно улыбаясь)*. Это остроумно... но зачем же так? Мы должны доверять Временному правительству...

Н е с т р а ш н ы й. Иные называют его — беременное; будто бы социалисты изнасиловали его.

Б е т л и н г *(беспомощно)*. Я так не думаю...

Ц е л о в а н ь е в *(Нестрашному)*. Ну, и здорово Достигаев срезал графа.

Н е с т р а ш н ы й. Н-да... Ловок и на язык и на руку.

Ц е л о в а н ь е в. А-яй, здорово!

Б е т л и н г *(Достигаеву)*. А как здоровье компаньона вашего, Булычова?

Д о с т и г а е в. Он помер с месяц тому назад.

Б е т л и н г. Ах да, я забыл! Сожалею. Умный человек, своеобразный.

Л и с о г о н о в. Не так умен, как дерзок.

Ц е л о в а н ь е в. К нам, в родовое купечество, он вскочил из приказчиков.

Н е с т р а ш н ы й. На дуре женился, а у нее — деньги. Вскочил в наш круг, возгордел счастием, начал показывать свои качества да и оказался самодуром, вроде Алексея Губина.

Б е т л и н г. Ах, вот как?

Н е с т р а ш н ы й. Вообразил, что лучше его — нет людей и весь свет на нем клином сошелся...

Б е т л и н г *(с тоской)*. Почему же не начинают заседание?

(От него постепенно отходят, гостиная пустеет. Он сидит, глядя на портрет царя, отирая рот платком. Оглядываясь на людей, подходит Троеруков, говорит вполголоса.)

Т р о е р у к о в. Позвольте узнать, ваше превосходительство, верно, что портрет на меня похож?

Б е т л и н г. Да, есть некоторое...

Т р о е р у к о в. Ваше превосходительство, вы наш почетный староста, прошу вас: поддержите ходатайство мое...

Б е т л и н г. Но — позвольте: что же я могу?

Т р о е р у к о в. Вы — можете! Пустяки, ваше превосходительство! Вы, как патриот, намекните, что если сына убрали, так и отцу неприлично тут висеть. А я бы взял его себе, перекрасил одежду на штатскую, на купеческую...

Б е т л и н г *(возмущен)*. Извините, но вы... вы — с ума сошли? Вы... фантазер! *(Встал, идет к дверям буфета. Троеруков испуганно скрывается в комнату направо. Навстречу Бетлингу из буфета: Жанна, Елизавета Достигаева, Зыбин.)*

Ж а н н а *(говорит с акцентом)*. Нужно покупать автомобили. Ах, ты — здесь? Я тебя искала.

Б е т л и н г. Послушай...

Ж а н н а. Немножко мольчи! Я говорю: нужно делать шик, это удивляет простые люди. Богатство — удивляет, не правда?

З ы б и н. И рабочий народ живет спокойно, довольствуясь удивлением.

Ж а н н а. Вы всегда делаете иронию, это плохое дело! Ты всё сидел здесь, как этот...

З ы б и н. Орел на скале.

Ж а н н а. Нет — куриса! Он ужасно много сидит.

Е л и з а в е т а. И что же — высиживает?

Ж а н н а *(грозит ей пальцем)*. Н-но!

Б е т л и н г *(раздраженно)*. Ты обещала прийти через две минуты. А меня тут взяли в плен эти... коммерсанты, один нетрезвый, другой — сошел с ума, остальные грубияны.

Ж а н н а. Вот, он снова сидит! Лиза — что вы смеетесь?

Б е т л и н г. Политика, политика! Все точно грибами отравились. Что они могут понимать в политике, эти монстры? Я — устал!

З ы б и н. Теперь даже рабочие, солдаты воображают...

Б е т л и н г. Ах, перестаньте, друг мой!

Е л и з а в е т а. После заседания будут танцевать?

М е л а н и я *(вышла, садится в кресло у дверей в зал)*. Нашла время для пляски, умница!

Е л и з а в е т а *(весело)*. Почему же? Старики поговорят, разойдутся, а мы бы...

В а р в а р а *(из буфета)*. Лиза — не видала, где Андрей?

М о к р о у с о в. В маленькой гостиной.

Ж а н н а. Ты — расстроена, Барбиш?

В а р в а р а. Я? Нисколько.

З ы б и н. Варвара Егоровна, добрый вечер! Что, вы уже решили отрубить мне голову?

В а р в а р а. Я — нет! Это Нестрашный и его черная сотня решает.

Ж а н н а. Я не хочу политики! Я не хочу, чтоб ты, Варья, рубила голову мосье Зыбин. За что? Он — веселая голова... Ты — умная голова, а русский народ — добрый! Он не хочет рубить голови своим дворьяне.

(Звонок в зале.)

Б е т л и н г. Наконец! Идем, Жанна.

Ж а н н а. Я всегда думаю, когда говорью — дворьяне. Я дольго говорила: дворники, дворнягьи — маленьки собачки. Это очень смешно!

(Идут в зал. Проходя мимо Мелании, Елизавета не поклонилась ей.)

Мелания. Здравствуй, Лизавета!

Елизавета. Ах, извините! *(Проскользнула в зал).*

Мелания. Варвара — подожди.

Варвара. Я вам нужна, тетя?

Мелания. Зову, значит — нужна! Чего это муженек-то твой городил насчет церкви, болван? Ты что не учишь его? Училась-училась, а учить не умеешь! Политики! Без церкви-то всем вам башки оторвут.

Варвара. Вы не поняли! Андрей говорил о приближении церкви к народу, о том, что богослужение нужно сделать проще, но эффектнее...

Мелания *(пристукивая посохом).* Страшнее надо, страшнее, угрознее! Еффекты для театров оставьте.

Варвара. Простите, тетя, мне нужно мужа...

Мелания *(отмахиваясь).* Иди, иди! Другого бы поискала мужа-то, поумнее. Беги! Добегаетесь, смутьяны!

(Встала, хочет идти в зал. Нестрашный и Мокроусов выходят из буфета.)

Мокроусов. Подходящего человека не успел найти, Порфирий Петрович.

(Мелания остановилась, слушает.)

Нестрашный. Будучи у меня, в союзе Михаила Архангела, везде успевал, а теперь — не успеваешь? Странно, брат...

Мокроусов. Народ ненадежен очень.

Нестрашный. Сам-то надежен ли?

Мокроусов. Оскорбляете, Порфирий Петрович! Он — осторожный человек, прячется...

Мелания. Как же это, где же он прячется, ежели на митингах каждый день орет?

Мокроусов. Я разумею — по ночам. И один никогда не ходит.

Нестрашный. Ну, ладно! Ты все-таки... Ты — патриот, не забывай!

Мелания *(Нестрашному)*. Присядь-ка на минутку. *(Сели за стол у двери направо, шепчутся.)*

Нестрашный. Следует. Только людишки-то у меня в союзе рассеялись. Теперь — такое время: всякому до себя.

Мелания. Ну, много ли надо?

(Звонцов выглянул из двери и быстро скрылся.)

Нестрашный. Да, конечно, сделаем. Ну, кажись, начинается говорильня. Идешь?

(Пошли. Из дверей зала — Тятин; Мелания и Нестрашный смотрят вслед ему. Он сел за стол, вынул блокнот, пишет. Выскочил Звонцов, отирая лицо платком, попятился.)

Тятин *(встал)*. Любезный братец...

Звонцов. Некогда мне!

Тятин. Ничего, успеешь совершить подвиги ума и чести.

Звонцов. Это что за тон?

Тятин. Ты пустил слух, будто бы я научил Шуру похитить какие-то деньги у отца и деньги эти спрятаны мною...

Звонцов. Не смей... трогать... меня... трясти! Скандал устроить хочешь?

Тятин. Правду говоря, не плохо бы! Да я тебя и оскандалю...

Звонцов. Не напечатают! Выгонят из газеты.

Тятин *(оттолкнув его)*. Экая ты дрянь!

Звонцов. Я не знаю, кто выдумал эту сплетню, но я ее не повторял. Деньги! Чего теперь стоят деньги? Я не скрою, твоя позиция неожиданна для меня. Ты так искусно прятал твои убеждения.

Тятин. Это не относится к делу.

Звонцов. И — вдруг... Странно! Ты — интеллигент... Мы, интеллигенты...

Тятин *(усмехаясь)*. Они — интеллигенты!

Звонцов. Мы являемся законными преемниками власти этих быков...

Тятин. Агитируешь?

Звонцов. Мы, люди, которым самодержавие идиотов было так мучительно...

Тятин. Брось! Я не играю в дураки. И оставь Шуру в покое. Вы там травите ее. Смотри, я — смирный человек, но — до времени. *(Идет в буфет.)*

Звонцов *(отирая лицо платком)*. Негодяй!

(Варвара и Достигаев очень быстро выходят из зала.)

Варвара. А как же тетка Мелания?

Достигаев. Подумай — сама догадаешься, умница. *(Быстро прошел в буфет.)*

Звонцов. О чем он?

Варвара. Это тебя не касается. Почему ты не позвал меня на совещание по продовольствию?

Звонцов *(сухо)*. Не нашел.

Варвара. А — искал?

Звонцов. Поручил Мокроусову, но, очевидно, этот болван...

Варвара *(зловеще)*. Пытаешься действовать самостоятельно? Андрей, твое выступление было неудачно. Очень. Пойми: большевики — это уже не «ослы слева», и знамя их не «красная тряпка», как сказал о них и о знамени Милюков, нет, это уже знамя анархии...

Звонцов. Ты страшно горячишься. И — говори тише, кругом — люди. И почему нужно говорить сейчас? Начинается заседание.

Варвара. Слушай: мы между двух анархий, красной и черной.

Звонцов. Ну да, да! Я понимаю это, знаю...

Варвара. Нет! Ты не понимаешь ни трудности нашей позиции, ни выгод ее...

Звонцов. Ах, боже мой! Как ты любишь учить! Но я именно так и говорил о большевиках.

Варвара *(страстно)*. Нет, не так! Надо было резче. Надо бить по черепам каменными словами. Твое ликование по поводу неудачи большевиков в Петрограде — неуместно и бестактно. Лозунг «Вся власть Советам» — вот чем ты должен действовать на толстую кожу...

Звонцов. Ты ужасно настроена!

Варвара. Красивые речи твои...

Звонцов. Удивляюсь! Чего ты боишься?

Варвара *(шипит в лицо ему)*. Ты — глуп! В тебе нет классового чувства...

Звонцов. Позволь! Чёрт возьми! Что я — наемник твой? И — при чем здесь классовое чувство? Я — не марксист... Какая дичь!

(Быстро идет в зал, Варвара изнеможенно садится на стул, бьет кулаком по столу, Елизавета идет навстречу Звонцову из зала.)

Елизавета. Дрюдрюшечка, солененький мой, как я люблю тебя!

Звонцов *(сердито)*. Позволь ... В чем дело?

Варвара. Ведешь ты себя, Лиза...

Елизавета. Ай! Ты — здесь? Да, Варя, я плохо веду себя. «Жизнь молодая проходит бесследно», и — очень скучно всё! Но ты — не бойся. Я Андрея не отобью у тебя, я его люблю... патриотически... нет, как это?

Звонцов *(хмуро)*. Платонически. Пусти меня!

Елизавета. Вот именно — протонически! И — комически. Андрюша, после всей этой чепухи — можно танцы, а?

Варвара. Ты с ума сошла!

Елизавета. Милые губернаторы! Вы всё можете! Давайте устроим...

Звонцов *(строго)*. Это невозможно. *(Освободился, ушел.)*

Елизавета. Выскользнул... Ну... устроим маленький пляс у Жанны. Варя, приглашаю! Бог мой, какое лицо! Что ты, милая? Что с тобой?

Варвара. Уйди, Елизавета!

Елизавета. Дать воды?

Варвара. У-уйди...

(Елизавета бежит в буфет. Варвара несколько секунд стоит, закрыв глаза. Мелания и Павлин — из зала. Варвара скрывается в дверь направо.)

Мелания. Жарко. Тошно. Надоело всё, обрыдло, ух! Сильную бы руку на всех вас...

Павлин *(вздохнув).* «Вскую шаташася языцы».

Мелания. Говорил с Прокопием?

Павлин. Беседовал. Натура весьма разнузданная и чрезмерно пристрастен к винопитию...

Мелания *(нетерпеливо).* Для дела-то годится?

Павлин. Ничем не следует пренебрегать ради просвещения заблудившихся, но...

Мелания. Ты — прямо скажи: стихи-то подходящи?

Павлин. Стихи вполне пригодны, но — для слепцов, а он... зрячий...

Мелания. Ты бы, отец Павлин, позвал бы к себе старика-то Иосифа, почитал бы стихиры-то его да и настроил бы, поучил, как лучше, умнее! Душевная-то муть снизу поднимается, там, внизу, и успокаивать ее, а болтовней этой здесь, празднословием — чего добьемся? Сам видишь: в купечестве нет согласия. Вон как шумят в буфете-то...

Павлин *(прислушиваясь).* Губин бушует, кажется. Извините — удаляюсь.

(Открыл дверь в зал, оттуда вырывается патетический крик: «Могучая душа народа...» *Из дверей буфета вываливаются, пошатываясь, Губин, Троеруков, Лисогонов, все выпивши, но — не очень. Мокроусов, за ним старичок-официант с подносом, на подносе стаканы, ваза печенья.)*

Губин. Чу, орут: душа, души... Душат друг друга речами. И все — врут. Дерьмо! А поп огорчился коньяком — даже до слез. Плачет, старый чёрт! Я у него гусей перестрелял.

Троеруков. Сядем здесь под портретом...

Губин. Не желаю. Тут всякая сволочь ходит.

Лисогонов. Скажите, Лексей Матвеич...

Губин. И не скажу. Больно ты любознателен, поди-ка, всё еще баб щупаешь, а?

(Троеруков хохочет. Мокроусов открыл дверь направо, официант прошел туда.)

Лисогонов. Лексей Матвеич — вопрос: помиримся с немцами или еще воевать будем?

Т р о е р у к о в *(печально)*. Царя — нет. Как воевать?

Г у б и н. Воевать — не в чем. Сапог нет. Васька Достигаев с Порфишкой Нестрашным поставили сапоги солдатам на лыковых подошвах.

(Ушли в гостиную направо. Мелания — крестится, глядя в потолок. Из зала выходят Нестрашный, Целованьев, затем — Достигаев.)

Н е с т р а ш н ы й. Наслушался. Хватит с меня. Мать Мелания, ты тоже не стерпела?

М е л а н и я. Я отсюда речи слышу, душно там. Что делается, Порфирий Петрович, а?

Н е с т р а ш н ы й. Об этом — не здесь говорить. Ты бы заглянула ко мне. Завтра?

М е л а н и я. Можно. Послал господь на нас саранчу эту...

Н е с т р а ш н ы й. Надо скорее Учредительное собрать.

М е л а н и я. На что оно тебе?

Н е с т р а ш н ы й. Мужик придет. Он без хозяина жить не может.

М е л а н и я. Мужик! Мужик тоже бунтовать научен. Тоже орет, мужик-то.

Н е с т р а ш н ы й. А мы ему глотку землей засыпем. Дать ему немножко землицы, он и...

Д о с т и г а е в. Допустим, Перфиша, что глотки мы заткнули, живот мужику набили туго, а — что делать с теми, у кого мозги взболтаны? Вот вопрос.

Н е с т р а ш н ы й. Это ты, фабрикант, опять про рабочих поешь?

Д о с т и г а е в. Вот именно! Я — фабрикант, ты — судовладелец, кое в каких делах мы компаньоны, а видно все-таки правда, что медведи — плохие соседи.

Н е с т р а ш н ы й. Перестань... Все знают, что ты прибаутками богат.

М е л а н и я. В 6-м — 7-м годах показано вам, как надо с рабочими-то... Забыли?

Нестрашный. Достигаев, кроме себя, ничего не помнит...

Достигаев *(с усмешкой)*. Никак это невозможно — о себе забыть. Даже святые — не забывали. Нет-нет да и напомнят богу, что место им — в раю.

Мелания. Заболтал, занесся! Научился кощунству-то у Егора Булычова, еретика...

Достигаев *(отходя)*. Ну, пойду, помолчу, язык поточу.

Нестрашный. Иезуит. Ходит, нюхает, примеряется, кого кому выгодней продать. Эх, много такого... жулья в нашем кругу!

Мелания. Сильную руку, Порфирий, надобно, железную руку! А они — вон как...

(Выходит Губин, за ним Троеруков, Лисогонов.)

Троеруков. Не ходи...

Губин. Идем, я хочу речь сказать. Я им скажу, болванам...

(Увидал Нестрашного, смотрит на него молча. Тот стоит, спрятав руки с палкой за спину, прислонясь спиною к стене. Несколько секунд все молчат, и слышен глухой голос в зале: «Могучие, нетронутые, почвенные силы сословия, которое...»*)*

Губин *(как бы отрезвев)*. А-а-а... Порфирий? Давно не встречались! Что, брат? Вышиб меня из градских голов, а теперь и тебя вышибли? Да и кто вышиб, а?

Мелания. Лексей Матвеич, время ли старые обиды вспоминать?

Губин. Молчи, тетка! Что, пес, смотришь на меня? Боишься?

Нестрашный. Я дураков не боюсь, а на разбойников сила найдется...

Губин. Не боишься? Врешь!.. Помнишь, как Егор Булычов по морде тебя...

Нестрашный. Поди прочь, пьяница... *(Замахнулся палкой.)*

Мелания. Одумайтесь...

Губин *(орет)*. Ну, ладно! Давай мириться, Перфишка! Сукин сын ты... ну, всё равно! Давай руку. *(Вырвал палку у Нестрашного.)*

(Выскочил Мокроусов. Из двери буфета выглядывают люди, из зала вышел какой-то человек и строго: «Господа, тише!» *Троеруков, сидя у стола, самозабвенно любуется портретом. Нестрашный хотел уйти в зал,— Губин схватил его за ворот.)*

Губин. Не хочешь мириться? По-очему, а? Что я — хуже тебя? Я, Лексей Губин, мужик самой чистой крови-плоти, настоящая Россия...

Нестрашный. Пусти, собака...

Губин. Я тебе башку причешу!

Мокроусов *(хватая Губина за руку)*. Позвольте... Что же вы делаете!

Мелания *(людям в дверях буфета)*. Разнимите их, не видите, что ли?

Губин *(оттолкнув Мокроусова)*. К-куда лезешь? На кого руку поднимаешь, а?

(Нестрашный пробует вырваться из руки Губина — безуспешно. На шум из зала, из буфета выходят люди, в их числе — Достигаев с какими-то бумагами в руке. Из зала поспешно проходит Бетлинг под руку с Жанной, она испугана.)

Елизавета *(как всегда, веселая, подбежала к мужу, спрашивает)*. Неужели дерутся?

(Он машет на нее бумагами. Мокроусов ударил кастетом Губина снизу по локтевому сгибу.)

Губин *(охнув, выпустил Нестрашного, орет)*. Это — кто меня? Кто, дьяволы? Губина? Бить? *(Его хватают за руки, окружают, ведут в буфет, он рычит.)* Подожгу... Жить не дам...

(Из зала сквозь толпу появляется Ольга Чугунова, древняя старуха, в темных очках, ее ведут под руки сын Софрон, лет за 50, и другой, Константин, приблизительно такого же возраста. Оба в длинных, ниже колен, сюртуках, в нагольных сапогах. На публику эти мрачные фигуры действуют подавляюще.)

Мелания. Здравствуй, Ольга Николаевна!

Ч у г у н о в а. А? Кто это? Мелания, кажись? Стойте, дети! Куда пошел, Софрон?

С о ф р о н. Кресло вам, маменька.

Ч у г у н о в а. Костянтин подаст, я тебе не приказывала. Что, мать Мелания, а? Делается-то — что? Гляди-ко ты: нотарусы да адвокаты купечеству смирненько служили, а теперь даже и не в ровни лезут, а командовать хотят нашим-то сословием, а? Воеводами себя объявляют... Что молчишь? Ты у нас бойкая была, ты — умная, хозяйственная... Не чужая нам плотькость...

М е л а н и я *(хрипло)*. Что я скажу?

Е л и з а в е т а *(мужу)*. Какая противная старушка-то...

М е л а н и я *(очень громко)*. Говорила я, говорю...

Д о с т и г а е в. Ее, старушку эту, весь город боится.

Ч у г у н о в а. Кричи! Криком кричи! В колокола ударить надо. Крестный ход вокруг города надо...

Е л и з а в е т а. Глупости какие! Идем?

Д о с т и г а е в *(берет ее под руку)*. Пошли... Ох, Лизок! Взглядов нет, взглядов!

Ч у г у н о в а. Все кричите... Всем миром надо кричать.

М е л а н и я. А где он — мир? Нет — мира...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В доме Булычова. Поздний вечер. Столовая. На столе — самовар. Г л а ф и р а шьет рубаху. Т а и с ь я перелистывает комплект «Нивы» в переплете.

Т а и с ь я. Это в сам-деле есть такой город Александрия, или только картинка придумана?

Г л а ф и р а. Город есть.

Т а и с ь я. Столица?

Г л а ф и р а. Не знаю.

Т а и с ь я. А у нас — две столицы-то?

Г л а ф и р а. Две.

Т а и с ь я. Богатые мы. *(Вздохнув.)* А — какие сволочи!

Г л а ф и р а *(усмехаясь)*. Сердитая ты девица...

Т а и с ь я. Я-то? Я — такая... ух! Я бы всех людей спутала, перепутала сплетнями да выдумками так, чтоб все они изгрызли, истерзали друг друга.

Г л а ф и р а. Это зачем же надо?

Т а и с ь я. Так уж... Надо!.. Картинки-то вот выдумывают хорошие, а живут, как псы собачьи.

Г л а ф и р а. Не все люди — одинаковы, не все на твою игуменью похожи.

Т а и с ь я. Для меня — одинаковы.

Г л а ф и р а. Тебе, Таисья, учиться надо, надо книги читать.

Т а и с ь я. Не люблю я читать.

Г л а ф и р а. Есть книжки очень хорошие, про хозяев, про рабочих.

Т а и с ь я. Я — не рабочая, да и хозяйкой не буду,— кто меня замуж возьмет? А девицы — не хозяй-

ствуют. Читать меня — боем учили. И розгами секли, и по щекам, и за волосы драли. Начиталась. Псалтырь, часослов, жития... Евангелье — интересно, только я в чудеса не верю. И Христос не нравится, нагляделась я на блаженных, надоели! *(Пауза.)* Ты что скупо говоришь со мной? Боишься, что я твои речи игуменье перенесу?

Глафира. Я не боязлива. Я — мало знаю, оттого и молчу. Ты бы вот с Донатом поговорила.

Таисья. Какой интерес, со стариком-то...

Донат *(с топором в руке, с ящиком плотничьих инструментов под мышкой)*. Ну, починил. А на чердаке — что?

Глафира. Дверь скрипит. Звонцовым спать мешает.

Донат. Фонарь давай. В кухне Пропотей торчит, чего он?

Глафира. Игуменью ждет.

Донат. Ты бы угостила его чаем, поесть дала бы, голодный, поди-ка...

Глафира. Видеть его дикую рожу не могу.

Донат. Ты не гляди на рожу-то, а поесть — дай. Ты — послушай меня, не зря прошу! Позову его, ладно?

Глафира. Твое дело.

(Донат ушел.)

Таисья. Вот, говоришь, Донат — хороший, а он — с обманщиком водится, с жуликом.

Глафира *(режет хлеб)*. Донату от этого плохо не будет.

Тятин *(одет солдатом, голова гладко острижена, на плечах старенькая шинель)*. Шура — дома?

Глафира. У себя. Калмыкова там...

Тятин *(берет кусок хлеба)*. Картинки смотришь, Тая?

Таисья *(смущенно улыбается, но говорит грубо, задорно)*. Чего только нет в книге этой, а, поди-ка, выдумано всё для забавы?

Тятин. А вот горы, Альпы, тоже, по-твоему, выдуманы?

Т а и с ь я. Ну, уж горы-то, сразу видно — придуманы. Вон — снег показан на них, значит — зима, а внизу — деревья в цвету, да и люди по-летнему одеты. Это — дурачок делал.

Т я т и н. Дурачка этого зовут — природа, а вы, церковники, дали ему имя — бог. *(Глафире.)* Яков придет, так ты, тетя Глаша, пошли его ко мне, на чердак.

Т а и с ь я *(глядя вслед ему, вздохнув)*. С виду — тихий, а на словах — озорник. Бога дураком назвал — даже страшно слушать!

Г л а ф и р а. Нравится он тебе?

Т а и с ь я. Ничего. Хороший. С волосами-то красивее был. Хороший и без волос. И говорит обо всем очень понятно. *(Вздохнула.)* Только всё не так говорит.

Г л а ф и р а. Разговаривай с ним почаще, он тебя добру научит.

Т а и с ь я. Ну, я не дура, знаю, чему парни девок учат. У нас, в прошлом году, две послушницы научились — забеременели.

Г л а ф и р а. И тебе, девушка, этого не миновать. Любовь людям в корень дана.

Т а и с ь я. Про любовь-то в песнях вон как горько плачут. Побаловал да убежал, это не любовь, а собачья забава.

Г л а ф и р а. Характерец у тебя есть, ума бы немножко.

Т а и с ь я. Ума с меня хватит.

(Донат и Пропотей — в деревенской сермяге, в лаптях, подстригся, неотличим от простого мужика, угрюмо озирается.)

Д о н а т. Садись.

Т а и с ь я. Преобразился как! Фокусник.

П р о п о т е й. При девке этой не стану говорить, она игуменье — наушница.

Т а и с ь я *(озлилась)*. Я — не девка, жулик! И — не уйду! Выслушаю всё и скажу игуменье, скажу! Она тебе задаст...

Д о н а т. Ты, девушка, будь умницей,— уйди! И ты, Глаха...

Г л а ф и р а *(строго).* Идем, Таисья.

Т а и с ь я. А я — не хочу! Мне велено за всеми присматривать, всё слушать. Выгоните меня,— я ей скажу: выгнали, значит — секреты были против нее.

Д о н а т *(ласково).* Милая! Чихать нам на твою игуменью. Ты — сообрази: люди — царя прогнали, не побоялись, а ты их игуменьей стращаешь, дурочка! Иди-ко...

Г л а ф и р а. Не дури. Ты — что? Для игуменьи живешь?

Т а и с ь я. А — для кого? Ну, скажи? Вот и сама не знаешь.

(Лаптев в дверях.)

П р о п о т е й. Мала змея, а — ядовита.

Д о н а т. А вот и Яша! Ну — попал в свою минуту! Вот, человек этот...

Л а п т е в. Как будто я его знаю...

П р о п о т е й. Знать меня — не диво. Я, как пес бездомный, семнадцать лет у людей под ногами верчусь...

Д о н а т. Это — Пропотей...

Л а п т е в. Блаженный? Та-ак... Ловко, дядя, ты ерунду сочиняешь!..

П р о п о т е й. Это — не я. Это — один попик из пригорода, пьяница. Осипом звать. Гусевод — знаменитый...

Л а п т е в. Ну, наверно, и сам сочинял?..

П р о п о т е й. Сначала — сам, да не больно грамотен я. С голоса учился... стихам-то. В ночлежках, в монастырях...

Д о н а т. А чем раньше занимался, до блаженства?

Л а п т е в. До дурачества?

П р о п о т е й. Коновалом был. И отец у меня — коновал. Его во втором году харьковский губернатор засек... выпороть велел, у отца на пятый день после того — жила в кишках лопнула, кровью истек. Я-то еще раньше, года за три, во святые приспособился. Вот что... не знаю, как вас назвать?

Д о н а т. Люди.

Л а п т е в. Граждане.

Пропотей. Вы — беды мне не сделаете?

Донат. Ты — не сомневайся, рассказывай!

Пропотей. Мне бродяга один, дьякон-расстрига, посоветовал: «Люди, говорит, глупы, к ним на боге подъезжать надобно, да понепонятнее, пострашней, они за это и кормить и поить легко будут». Ну... Оказалось — верно: глупы люди, да так, что иной раз самому за них стыдно бывало. Да и — жалко. Живешь сыт, пьян, нос в табаке, копеечки в руке, а вокруг — беда! Когда брюхо полно, так всё — всё равно. *(Говорит всё более густо и угрюмо.)* Однако ж все-таки... совесть-то скорбит. Я всю Россию из края в край прошагал, и везде беда, эх какая! Льется беда, как Волги вода, на тысячи верст по всей земле. Облик человечий с людей смывает. А я, значит, блаженствую, стращаю. Столкнешься с кем поумнее, говоришь: что ж ты, мать твою... извините!

Лаптев. Ничего! Дуй, словеса знакомые.

Пропотей. Привык с мужиками. Говаривал нередко: долго терпеть будете? Жги, дави всё вокруг! Теперь вот начинается что-то. И надоело мне блаженным быть.

Лаптев. Так.

Донат. Стращал, стращал людей, да и сам испугался.

Пропотей. Вроде этого. Хоша бояться мне как будто нечего, я — битый козырь, на мне уж не сыграешь. А они — хотят сыграть. Вот я к тебе... к вам пришел. *(Донату.)* Меня очень привлекаете вы доверчивостью вашей к людям. Я на кирпичном заводе два раза беседу вашу слышал. И вас, товарищ, слышал на мельнице Троерукова, на суконной у Достигаева, в городском саду. Замечательно внятно говорите с народом. Ну, и господ слушал...

Лаптев. А они — как? Нравятся?

Пропотей. Что скажешь? Конечно, может, и господам стыдно стало. Однако они свои сапоги на мои лапти не променяют.

Лаптев. Это — едва ли! Ну, а какое у тебя дело к нам?

Донат. Дело у него есть. Ну-ка прочитай...

Пропотей *(встал, согнулся, достает бумагу из-за онучи, развернул, читает нараспев и не глядя на бумажку)*.

Люди смятенные,
Дьяволовы пленные,
На вечные муки осужденные!
Выслушайте слово,
От чистого сердца,
От божьего разума сошедшее к вам...

Это — вроде как запевка будет, а дальше — другой распев. *(Откашлялся, понизил голос, гудит.)*

На три города господь прогневался:
Он Содом, Гоморру — огнем пожег,
А на Питер-град он змею послал,
А и та ли змея лютая,
Она хитрая, кровожадная,
Прозывается революция,
Сатане она — родная дочь,
А и жрет она в сутки по ста́ голов,
Ох, и по ста голов человеческих,
Всё народа православного...

Лаптев. Ну — будет!

Пропотей. Тут еще много.

Лаптев. За эту песенку тебе рабочие голову оторвут.

Пропотей. Об этом я и беспокоюсь... Вы-то как? От вас что мне будет?

Лаптев. Посмотрим. Это зависит от тебя.

Пропотей. Да ведь я — что же?

Лаптев. Дай-ка бумажку-то. *(Взял. Донату.)* Тятин — был?

Донат. Он здесь.

Ксения *(идет)*. Ба-атюшки! Кто это, ой! Пропотей! Да... как же это ты посмел? Яков, побойся бога! Донат — что же это?

Лаптев. Не кричите, мамаша. В чем дело?

Ксения. Да что вы таскаете в дом разных... эдаких? Каждый день кто-нибудь торчит! И — неизвестно кто, и неведомо — зачем? Как в трактир идут!

Ведь он, Пропотей, отца крестного твоего уморил... забыл ты?

Пропотей *(ворчит)*. Уморил... Я многих купцов стращал — не умирали.

Ксения. И — не ворчи, не смей... Врешь всё, обманщик, врешь. *(Грозит пальцем.)*

Пропотей. А кто врать учил? Сестра твоя учила.

Донат. Чего делать, Яша?

Лаптев. Иди в кухню... нет, лучше ко Глафире! Я сейчас приду с Тятиным.

(Донат и Пропотей ушли.)

Ксения. Поп всенощну — бегом служил, видно, в карты играть торопился. Пришла домой — дома песни рычат. Ох, Яков, строго спросит с тебя господь!

Лаптев. Вот что, мамаша...

Ксения. И не хочу тебя слушать! И не мамаша я тебе. Александру ты с Тятиным совсем разбойницей сделал.

Лаптев. Тятин — он может разбойников воспитывать! Это — любимое его дело.

Ксения. То-то вот!

Лаптев. Хотя Шура и до Тятина была озорная девица. Вот что, вы — добрая душа...

Ксения. Глупая, оттого и добрая. Умные-то — вон они как, Звонцовы-то...

Лаптев. Обещали вы отдать мне ружья отцовы и одежонку его...

Ксения. Да — возьми! Возьми, покуда Варвара не продала. Она всё продает, всё...

Лаптев. Вы всё это Глафире сдайте — ладно? Звонцовы-то где?

Ксения. У Бетлингов. Варвара-то в Москве думает жить. Бетлинг с любовницей туда едут, ну и она...

Лаптев. Та-ак! Ну, я — иду...

Ксения. Погоди, посиди со мной. Сестрица-то моя — слышал? С архереем поссорилась. Говорят — выгнал он ее, ногами топал...

Лаптев. Топал? Ногами? А-яй-яй! Из-за чего же это?

Ксения. Уж — не знаю.

Лаптев. Страшные дела! До свиданья...

Ксения. Да погоди!.. Убежал. *(Оглядывается.)* Людей — много, а я — одна. Будто — кошка, а не человек.

(Глафира вошла, сердито схватила самовар.)

Ксения. Вот как ты... всё — с треском, с громом! Не подогревай, не хочу я чаю-то. Поела бы я чего-нибудь... необыкновенного. Да погоди, куда ты? Рассольника бы с потрохами, с огурчиками солеными. А потрохов — нет! И — ничего нет! *(Глафира моет чашки.)* Денег много, а пищу всю солдатам скормили. Как будем жить? Умереть бы мне, а умирать не хочется. Ты что молчишь?

Глафира. А что я скажу? Мало я понимаю для того, чтобы вслух говорить.

Ксения. И я — ничего не могу понять. Я и думать-то ни о чем не умею, кроме домашнего. Ты-то врешь, что не понимаешь. Ты — умная, за это тебя и любил покойник Егор.

Глафира. Опять вы про это...

Ксения *(вдумчиво)*. Да-а... Про это. Вот — была ты любовницей мужа моего, а у меня против тебя — нет сердца.

Глафира *(страстно)*. Разломать, раздробить на мелкие части надо всё, что есть, чтобы ахнули, завыли бы все, кто жизни не знает, и все жулики, мучители, бессовестные подлецы... гадость земная!

Ксения *(испуганно)*. Ой, да что ты? Что ты озверела? Слова тебе сказать нельзя...

Глафира. Да не на вас я, не на вас! Вы — что? Вы — безобидная. Из вас тоже душу вытравили. Разве вы по-человечески жили?

Ксения. Ну, уж извини! Жила — как все люди...

Глафира. Не о том я говорю! Вот Таисья... До чего обозлили девчонку! Изувечили... На всю жизнь...

Ксения. Кто это по-человечески-то живет? Звонцовы, что ли? Они только об одном думают, как бы тебя

из дома выгнать, да как бы Шурке навредить, да к настоящим господам присосаться...

Глафира. Эх... всё — не то, не о том! *(Схватив самовар, ушла.)*

Ксения *(оглядываясь)*. Обозлилась как!.. Всё не на своем месте. Как перед праздником — уборка. *(Встала, идет к себе.)* Или на другую квартиру переезжать собрались.

(Донат и Рябинин, человек лет за 40, лысоватый, был кудрявым. Говорит не торопясь, с юмором. Всегда или курит, или свертывает «козью ножку», или же держит в руках какую-нибудь вещь, играя ею.)

Ксения. Господи,— опять, Донат, привел ты какого-то...

Рябинин. Здравствуйте, хозяйка! Я — водопроводчик.

Ксения. Днем приходил бы...

Донат. Некогда было ему днем-то.

Рябинин. Я только взгляну — в чем дело, а работать завтра буду.

Ксения *(уходя)*. В воскресенье-то? Неверы! Безбожники!

Рябинин. Сердитая! Значит — решили: часов в шесть утра посылай наших солдат, они заберут муку и отвезут половину — себе, половину — на фабрику, прямо в казарму. Бабы сразу увидят, что большевики не только обещают, а и дают. Ясно, леший?

Донат. Понял. Тебя, слышно, прогнали сегодня с митинга-то?

Рябинин. Был такой случай. Силен эсер в нашем городе!

Донат. Изобьют тебя когда-нибудь.

Рябинин. Это — не исключается.

Донат. Помириться-то с ними — нельзя?

Рябинин. Никак. Вот вышибем из Совета, ну, тогда, может быть, они сами захотят мириться.

Донат. Трудно мне понять ваши дела.

Рябинин. Вижу. Тебе, малютка, следовало бы эсером быть, ошибочно ты с нами.

Донат *(сердито)*. Моя ошибка — не твое дело.

Р я б и н и н. Не мое? Мм... Ну, ладно. Что же — чайку-то?

Д о н а т. Сейчас.

Р я б и н и н. И — поесть! Аппетит у меня — очень хороший, а поесть — нечего.

(Донат в двери столкнулся с Шурой, она остановилась, улыбаясь смотрит на Рябинина.)

Д о н а т. Это товарищ Петр...

Ш у р а. Я — знаю. Здравствуйте!

Р я б и н и н. А я — слышал про вас. Вот вы... какая...

Ш у р а. Рыжая?

(Калмыкова — скромно одета, лет 30—35.)

Р я б и н и н *(отвернулся от Шуры)*. Я тебя, Галочка, целый день ищу...

К а л м ы к о в а. Слушай-ка, Петр... *(Отводит его в сторону, шепчутся.)*

Л а п т е в *(входит, Донату)*. Ну, с блаженным я кончил! Тятин статейку напишет о нем.

Д о н а т. Ты расскажи-ко Петру про него.

Л а п т е в. Все-таки он — жулик, блаженный-то.

Д о н а т. Привычка.

Л а п т е в. И, наверно, шпион...

(Глафира вносит самовар.)

Ш у р а *(Лаптеву)*. Яков, послушай.

Л а п т е в. Подожди... *(Отошел к Рябинину и Калмыковой. Шура нахмурилась, закусила губу.)*

Г л а ф и р а. Игуменья приедет ночевать.

Ш у р а. Да? Это... неудобно! Кто сказал?

Г л а ф и р а. Таисья. Ты бы поговорила с ней, приласкала.

Ш у р а. Я — не ласковая.

Г л а ф и р а. Она — злая, навредить может.

Ш у р а. Кому?

Г л а ф и р а. Всем.

К а л м ы к о в а. Ну, до свиданья, Шурок, иду...

Ш у р а *(вполголоса)*. О чем вы шептались?

К а л м ы к о в а. Дела такие,— секретные.

Ш у р а *(заносчиво)*. У вас всегда будут тайны от меня?

К а л м ы к о в а *(строго)*. Ты снова об этом?

Ш у р а. Я спрашиваю: всегда?

Р я б и н и н *(громко Лаптеву)*. Ну, это вы оба наерундили!

К а л м ы к о в а. А я спрашиваю: ты способна серьезно отнестись к великому и опасному делу, к великим мыслям, ко всему, что пред тобой открывается? Это тебе нужно решить сразу и навсегда. Наступают решительные дни. Подумай. Не способна — отойди.

Ш у р а. Мне обидно, Галина!

(Рябинин прислушивается.)

К а л м ы к о в а. Что — обидно?

Ш у р а. Чувствовать себя чужой...

К а л м ы к о в а. Переломи свое детское самолюбие, пора!

Ш у р а. Я хочу скорее понять всё и работать, как ты.

К а л м ы к о в а. То, что я понимаю, я понимала почти двадцать лет. И — не скажу, что уже всё поняла. Я предупреждала: тебе будет трудно. Ты мало читаешь и вообще... плохо учишься. У меня складывается такое впечатление: ты хочешь идти не с пролетариатом, а впереди него.

Ш у р а. Неправда!.

К а л м ы к о в а. Боюсь, что правда. Впереди пролетариата — позиция Ленина и подобных ему. Подобных — немного, единицы, и каждый из них прошел долголетнюю школу тюрем, ссылок, напряженной учебы...

Ш у р а. Не сердись. Мне кажется, что ты и Яшка смотрите на меня, как на купеческую дочь, как на временную полезность.

К а л м ы к о в а. Ну... Всё — временно! Прощай, я тороплюсь. Подумай о себе, Шурка. Ты — хороший, волевой человек, ты можешь быть очень полезной, но — нужно образумить волю. Иду.

Г л а ф и р а. Выпили бы чаю...

Калмыкова. Спасибо, Глаша, некогда. Вот — булку возьму. И — сахару.

Шура. Возьми весь.

Калмыкова *(усмехаясь)*. Не великодушничай. *(Ушла)*.

Рябинин. Значит — так: стишки — к чертям собачьим! Сам сообрази: зачем печатать вредную ерунду, если можно ее не печатать? И никаких статеек об этом блаженном болване — не надо. Так и скажи Тятину. Беги. Ну-с, теперь хлебнем чайку... *(Шуре.)* Угощайте!

Шура. Пожалуйста...

Глафира. Вот — поешьте сначала. Водки выпьете?

Рябинин. Очень выпью! Редчайшая жидкость. И — даже ветчина? И горчица? Вполне Валтасаров пир!

(Шура взволнованно ходит. Рябинин, взглянув на нее, подмигивает Глафире, та неохотно усмехается.)

Глафира. Кушайте. *(Пошла за водкой.)*

Рябинин. Нацеливаюсь. Вот докурю и начну. *(Шуре.)* Хороший старикан — Донат! Прозрачный старик. Продумал, пропустил сквозь себя кучу вреднейшей ерунды и — достиг настоящей правды. Во Христа веровал, в хозяев и царей, во Льва Толстого. «Для бога жил — толка не вышло, говорит, теперь попробую для бедных людей жить». Простой егерь, испытал власть помещика. Воля у него была к правде, и взнуздал он волю отлично! *(Шура подошла к столу, села. Глафира принесла водку.)* Хорошо он с молодежью говорит, с рабочими. Самые трудные мысли от него легко входят в людей. *(Указывая пальцем на Глафиру, Шуру, на себя.)* Ты — сработал, я — купил, ей — продал, кто нажил? Я нажил! Ловко?

Шура. Этому учит Маркс.

Рябинин. Не только этому и не совсем так, но — именно это надобно понять прежде всего.

Глафира *(вполголоса)*. Таисья идет.

Шура. Ах... чёрт!

Глафира. Вы при ней поосторожнее.

Рябинин. Соображаю.

Т а и с ь я. Темно как!

Р я б и н и н. Мы освещаемся мыслями, беседуем.

Т а и с ь я. А вы кто будете?

Р я б и н и н. Водопроводчик. Молодая хозяйка чай пить пригласила меня.

Т а и с ь я. Александра Егоровна не хозяйка, хозяйка-то — Варвара, старшая сестра ее.

Ш у р а. Нижний этаж — мой и матери.

Р я б и н и н. Так. Значит, ошибся я? Ну, что же? Теперь, заметно, молодежь собирается хозяйничать везде, вот я и ошибся.

Т а и с ь я. Это — которая развращенная молодежь-то, у которой ни бога, ни царя.

Р я б и н и н. Вот что-о? А вы, значит, в бога верите?

Т а и с ь я. Конечно. А ты — нет, что ли?

Р я б и н и н. Я как-то так... Неудобно как-то верить, бог у нас... сомнительный! Незаконнорожденный будто...

(Шура усмехается.)

Т а и с ь я. Ну, что это ты говоришь!

Р я б и н и н *(размышляет)*. Выдали девушку за старика Иосифа, а родила она как будто от архангела Гавриила...

Т а и с ь я. От бога-отца — что ты!

Р я б и н и н. Да ведь он — бесплотен, бог-отец-то! Мы о Христе говорим, о боге, который пил, ел, по земле ходил. В местах, откуда я родом, на незаконнорожденных нехорошо смотрят. А у вас как?

(Шура хохочет, Глафира шьет, наклонив голову.)

Т а и с ь я *(ошеломлена, переходит на «вы»)*. Лысый вы, а... какое еретическое говорите!

Р я б и н и н. Ну что же особенное сказал я? Думаешь, думаешь... Все твердят: бог, бог,— а друг на друге верхом ездят.

Т а и с ь я. Бог... незаконнорожденный! Страшно слушать. В такое лютое время...

Р я б и н и н. По-моему, в такое время надобно бесстрашным быть.

Т а и с ь я. Страшные вы все! Даже и старики. Будто не русские. Русские-то смирные.

Г л а ф и р а. Это — смирные перетряхнули монастырь-то ваш?

Т а и с ь я. Там — солдаты были, они — с голода!

Р я б и н и н. А если б голодные рабочие были?

Т а и с ь я. У рабочих-то ружей нет.

Р я б и н и н. Значит — за малым дело, за ружьями? Так что, если голодный народ достанет ружья да потревожит сытых, богатых...

Т а и с ь я. А — мне что? У меня ничего нет. И не будет.

Т я т и н *(входит)*. Игуменья приехала.

Ш у р а. Чего же вы испугались?

Т я т и н. Я сообщаю неприятную новость.

(Таисья быстро уходит.)

Р я б и н и н. Это — знаменитая Маланья?

Г л а ф и р а. Да.

Р я б и н и н. Может — мне уйти, а?

Ш у р а *(горячо)*. Почему?

Г л а ф и р а. Таисья скажет игуменье...

Ш у р а. Ну, и что же?

Р я б и н и н. Что — скажет? Я — водопроводчик.

Т я т и н. Это — для детей. Она, вероятно, видела вас где-нибудь.

Р я б и н и н. Значит — исчезнуть надобно? Эх, чёрт... А Донат сказал, что у вас ночевать можно...

Ш у р а. Можно, можно! Глаша — на чердаке, да?

Г л а ф и р а. Там — хорошо, только не топлено.

Р я б и н и н *(Шуре)*. Ну, решайте: уходить или оставаться.

Ш у р а. Оставаться! Послушайте, вы — замечательный! Я не думала, что вы такой хитрый, веселый... такой простой... как шар! Я...

Р я б и н и н *(Тятину)*. Расхвалила, точно покойника...

Ш у р а. Страшно рада, что вы такой!

Р я б и н и н. И я рад, что не хуже.

Г л а ф и р а. Пойдемте. Я вам кушать туда принесу.

Р я б и н и н. Минуточку. Товарищ Тятин,— листовку вы написали слишком мягко да и вычурно! Ведь это — не для студентов. Надо писать так, чтоб малограмотный понял и безграмотному смог всё точно рассказать. Чуете? И — вот что. Этот ваш — Любимов, что ли? — дрянь! Он — кто? Студент?

Т я т и н. Коммерческое училище кончил.

Р я б и н и н. Дрянь. На лесопилке какой-то попик, замухрышка, выступал, очень злой, так ваш приятель...

Т я т и н. Он не приятель мне.

Р я б и н и н. Ну,— всё равно! Он предложил мне пристрелить попа. Спрашиваю: зачем? Для возбуждения храбрости, говорит. Чьей, какой храбрости! Моей,— говорит. Вот — свинья! Для возбужденья храбрости, идиот! Вы его отшейте, нам таких — не надо! Обязательно — к чёрту! К эсерам... Ну, я готов на чердак... *(Уходит с Глафирой.)*

Ш у р а. Какой... милый! Вот — настоящий!

Т я т и н. Готово.

Ш у р а. Что? Что готово?

Т я т и н. Опьянение восторгом.

Ш у р а. Что это значит?

Т я т и н. Это значит, что отец ваш был сумасброд.

Ш у р а. Не смейте об отце!

Т я т и н. И сумасбродство отца передалось вам.

Ш у р а. И что же?

Т я т и н. Вы избалованная, капризная девица.

Ш у р а. Купеческая дочь. Ну-с?

Т я т и н. Вы не хотите серьезно учиться...

Ш у р а. Это мне уже говорили сегодня. Еще что?

Т я т и н *(махнув рукой)*. Бесполезно говорить. До свиданья.

Ш у р а. Тятин,— становитесь на колени.

Т я т и н. Что?

Ш у р а. Станьте на колени.

Т я т и н. Зачем? Что такое?

Ш у р а. Станьте. Живо! А то — начну посуду бить, заору на весь дом и вообще... наделаю ужасов. Ставай!

Т я т и н. Конечно, вы можете наскандалить...

Ш у р а. Ставай на колени, Степан Тятин! *(Толкает его.)*

Т я т и н *(опускаясь)*. Напрасно вы делаете из меня шута...

Ш у р а. Повторяйте за мной: «Шура, я тебя люблю...»

Т я т и н *(угрюмо)*. Перестаньте дурить. Уеду я из этого проклятого города!

Ш у р а. Повторяйте: «Я люблю тебя, Шура, дефективная купецкая дочь, взбалмошная девица...»

Т я т и н *(хочет подняться)*. Да перестаньте же... с ума вы сошли!

Ш у р а *(с яростью)*. «Люблю, но жульнически боюсь сказать тебе это!» *(Толкает его в плечи.)* Не сметь подниматься! Повторяй: «Я благодарю тебя за то, что ты меня заставила...»

Т я т и н. Идите вы к чёрту!

Ш у р а. Сейчас начну бить посуду! Считаю до трех. Раз...

(Шум в прихожей, кто-то запнулся.)

Ш у р а *(уходя, грозит кулаком)*. Это не кончено! Это повторится.

Д о с т и г а е в *(в двери)*. Ты что это, Степаша, ползаешь?

Т я т и н. Потерял...

Д о с т и г а е в. Что — потерял?

Т я т и н. Н-не знаю. Вынул платок, а оно упало. В общем — чепуха...

Д о с т и г а е в. Похоже. Да, да,— если карман полон — не знаешь, что теряешь. Как живем? Жарок у тебя, температурка?

Т я т и н. Голова... немножко... В общем — ничего...

Д о с т и г а е в. Немножко голова-то? Ну, это — пройдет. Раньше ты по правде да по чести говорил, а теперь всё говоришь в общем. Новеньким присловьем обзавелся. А — в чем, в общем? Мы все будто в общем живем.

Т я т и н *(угрюмо)*. Чаю — хотите?

Д о с т и г а е в. Благодарствую. Самовар-то хо-

лодный. Павлин рассказывает, что в Петрограде неладно,— ты ничего не слыхал?

Т я т и н. Нет.

Д о с т и г а е в. Наверно, слышал, да сказать не хочешь. Мелания — приехала? *(Тятин кивает головой.)* Имею желание видеть Меланию. А ты, Степаша, к большевикам приспособился, к пр-ролетариям? Ну — как? Удобно с ними?

Т я т и н. Подите вы к чёрту!

Д о с т и г а е в. Зачем сердиться, душа моя? Сам — к пролетариату, а меня — к чёрту? *(Идет.)* Рыба ищет — где глубже... селедка — где солонее...

Т я т и н *(стоит, окаменев. Бормочет)*. Дурак ты, Степан... До слез дурак... *(Сел к столу, налил чаю в стакан, захлопнул «Ниву».)*

Т а и с ь я *(идет нерешительно, бесшумно, подошла)*. Можно вас спросить?

Т я т и н *(вздрогнув)*. Спросите.

Т а и с ь я. Лысоватый этот — кто таков?

Т я т и н. Человек.

Т а и с ь я. Я — знаю. Теперь, слышно, многие переодеваются, не в своем виде живут...

Т я т и н *(сердито)*. Это кому интересно: игуменье или — вам?

Т а и с ь я. Мне. Я про него игуменье не сказала.

Т я т и н. А узнав, кто он, скажете? Вы бы, Таисья, бросили шпионство. Это дело — не похвальное. И — на кой дьявол нужна вам эта... волчиха, игуменья? Она вас по щекам хлещет, а вы служите ей, как собачка... на задних лапках. Она — купчиха, дисконтерша, ростовщица... вообще — гадина! Неужели вы не видите, не чувствуете, как издеваются над... вами? Уйдите от игуменьи... пошлите ее ко всем чертям!

Т а и с ь я. А — куда я денусь?

Т я т и н. Найдете место, работу...

Т а и с ь я. А чего делать?

Т я т и н. Дела — много. Вам учиться надо. Вот — Глафира, почти вдвое старше вас, а — читает, учится.

Т а и с ь я. Учится, а сама говорит: ничего не знаю.

Т я т и н. Узнают — не сразу. Что вы на меня смотрите... так?

Т а и с ь я. Глаза у вас очень грустные.

Т я т и н. Ну, это... Голова болит...

Г л а ф и р а *(вбежала, тревожно)*. Степан Николаич,— товарищ Петр, должно быть, уборную искал и наткнулся на игуменью, прямо в приемную к ней влез, а там Достигаев,— слышите, как кричат?

Т я т и н. Н-ну... что же делать?

Т а и с ь я. Ой... Задаст она мне...

Г л а ф и р а. Молчи, ты... Сюда идут.

Т а и с ь я. Спрячусь... *(Убежала.)*

(Рябинин, за ним — Мелания, Достигаев.)

Р я б и н и н *(спокойно)*. Вам, тетка...

М е л а н и я *(бешено, задыхаясь)*. Я тебе не тетка.

Р я б и н и н. Вам приказано защищать власть торгашей, ростовщиков, да вы и сама из этой шайки...

М е л а н и я. На мне — чин ангельский, дура-ак. Шайка! Слышал, Василий, а?

Р я б и н и н. А вот мы должны уничтожить бесчеловечную власть.

Д о с т и г а е в. Это вам — кем же приказано?

М е л а н и я. Кто приказал? Безумец — кто тебе приказал, кто?

Р я б и н и н. История. Классовое, революционное сознание рабочих...

М е л а н и я. Ленин приказал? Слуга диавола?

Д о с т и г а е в. Дьявола можно оставить в стороне, а вот — немцы как?

Р я б и н и н *(Тятину)*. Заплутался я. Как тут выйти, куда?

Д о с т и г а е в. Позвольте... Минуточку! Прошу слова. Давайте побеседуем тихо. Спокойно, мать Мелания, спокойно. Ругаться — просто, ругаться — легко, с этим — всегда успеем...

М е л а н и я. Не ругаться надо, а...

Р я б и н и н. Драться. Правильно, мамаша. Стенка на стенку. Ну-с?

Д о с т и г а е в. Я вас, товарищ Рябинин, слушал на митингах и — уважаю!

Р я б и н и н *(Тятину)*. Кажется, вот в таких случаях говорят: благодарю, не ожидал!

Д о с т и г а е в. Нет, давайте серьезно. Сознание рабочих? Допустим. Ну, а — мужичок? Как мужичок-то, насчет сознания? Вот вопрос!

Р я б и н и н. Интереснейший вопрос. И — что же вы ответите?

Д о с т и г а е в. А — вы? Это — к вам вопросец. Вот-с, видите, эсеровская газетка «Серая шинель» — знаете? Вот — в ней карикатурка на Ленина, на Красную гвардию. И о немецких деньгах пишется...

Р я б и н и н. Глупость да подлость еще не убиты, живут. Подлость на глупости растет.

М е л а н и я. Ну, чего ты с ним говоришь? Что он может понимать, разбойник? Вломился ко мне. Кабы тебя, Василий, не было...

Р я б и н и н *(Тятину)*. Вон она куда загибает...

Т я т и н. Идем.

Д о с т и г а е в. Тихо, Степаша, тихо! Оставим вопрос, товарищ Рябинин, пусть он стоит. А вот ответ — какой? На чем мужичок с помещиком помириться может? На земле? Трудно. Как вы думаете?

Р я б и н и н. Трудновато.

Д о с т и г а е в. А — рабочий с фабрикантом? Тут как будто иное дело, а? Как будто легче, а?

Р я б и н и н. Так, так, так! Интересно придумано.

Д о с т и г а е в. Я, конечно, шучу.

Р я б и н и н. Понимаю. Любопытно шутите!

Д о с т и г а е в. Я веселый, уживчивый. А вы меня хотите бесповоротно уничтожить.

Р я б и н и н. Именно так. Вас и всех, иже с вами.

Д о с т и г а е в. Ну — и куда же мы?

Р я б и н и н. Ваше дело. Пошли?

Д о с т и г а е в. Минуту! Однако надо же и нас к месту определить! Правительства содержат для негодных людей...

М е л а н и я. Тюрьмы, арестантские роты...

Д о с т и г а е в. Больницы, сумасшедшие дома...

Р я б и н и н. Наверное, вот ей, игуменье, да и многим из вас, вроде Нестрашного, придется в тюрьме посидеть.

Д о с т и г а е в. Весьма прельстительное будущее у нас, мать Мелания!

Мелания. Ах, зверь, ах ты, зверь адский...

Достигаев. Трудно будет вам, товарищ Рябинин, хозяйствовать без помощи опытных людей.

Рябинин. Найдутся. Ваши же, кто поумнее, станут честно работать с нами. Ну, довольно! Побеседовали.

Глафира. Черным ходом идите, парадное крыльцо заколочено.

(Рябинин, Тятин ушли с Глафирой. Таисья выглянула из двери, скрылась.)

Мелания. До чего дожили! И арестовать нельзя...

Достигаев. Н-да. Нельзя. *(Задумался.)*

Мелания. О господи! За что?

Достигаев *(соображает)*. Которые поумнее, спасутся, значит... Это все-таки утешение... для дураков!

Мелания. Ходит разбойник у всех на глазах, а схватить его — запрещено. Что же это?

Достигаев. Схватить — нельзя! Свобода.

Мелания. Будь она проклята отныне и до века!

Достигаев *(ходит, ручки в карманах)*. Н-да... Хватать — запрещается. И — бесполезно. В июле хватали, а оно — снова вылезло! И даже как будто гуще. Ежели эдаких Рябининых найдется тысяч пяток, десяток... А их может оказаться и больше... Н-да. Не схватишь. А вот, если ножку им подставить на крутом-то пути... на неведомой дороге?

Мелания. Эх, Василий! Не то вы делаете...

Достигаев. Хуже. Мы ничего не делаем.

Мелания. Солдат поднимать надо.

Достигаев. Не по силам тяжесть.

Мелания. Царю было по силам и бессильному!

Достигаев. Чёрт его, дурака, вогнал в эту войну! Нам с немцами надо в мире жить, учиться у них... Ума у царя не было, да — был хлеб! А у нас — ни ума, ни хлеба. Сожрала война хлебец-то. Иди-иоты!.. Мир надо заключить с немцами, а этот скопец, адвокатишко Керенский, ярится!..

Мелания. С ума ты сошел! Как это — мир! С немцами-то!

Достигаев. Сначала — мир, а потом... Ага, хозяйка прибыла!

Мелания. Что это у тебя, Варвара, в доме? Притон какой-то! Большевики ходят...

Варвара. Что такое?

Достигаев. А где муж, Варя?

Варвара. На дворе с Алешей, там кто-то чужой...

Достигаев. Рябинин гуляет...

Варвара. Нет? Ну, это, конечно, штучки Шуры и Тятина. Конечно,— присутствие Тятина в доме — гарантия от разных неожиданностей со стороны его товарищей, но... Вообще, в доме чёрт знает что делается! Александра страшно компрометирует меня и Андрея... Я не знаю, что делать с ней... *(Глухо звучит выстрел, второй.)* Боже мой... Андрей... *(Бежит.)*

Мелания *(крестясь)*. Кого это?

Достигаев *(держится за спинку стула)*. Ну, опять, как в феврале... защелкали!

(Варвара и Алексей Достигаев ведут Звонцова, он — в изнеможении, задыхается. В руке Алексея — револьвер.)

Звонцов. Я был вынужден... на меня бросились.

Варвара. Ранен?

Звонцов. Нет... Стрелял — я... Состояние самообороны... понимаешь?

Мелания. В кого стрелял-то?

Достигаев *(сыну)*. Ты положи пистолет в воду.

Звонцов. Я был вынужден... Это естественно...

Варвара. Дайте воды!

Мелания. Да — кто бросился-то на тебя?

Достигаев *(сыну)*. Я тебе говорю — положи пистолет! Вон — в полоскательную чашку положи!

Звонцов. Оставь меня, Варя... Подожди!

Мелания. Ничего не понимаю...

Варвара. Это был — Рябинин, да?

Звонцов. Ах, я не знаю... темно.

(Рябинин ведет Тятина, за ними Таисья, схватив руками свою голову. Глафира принесла воды.)

Рябинин. Вы, гражданин Звонцов, что же это?..

Звонцов *(вскочил, в руке — стакан с водой)*. Я имел право... был вынужден. Вы сами схватили его, когда он бросился на меня.

Тятин. Чепуха, Андрей...

Рябинин. Врете вы! Никто на вас не бросался. Впереди шел — я, а Тятин — сзади, сбоку. Сморкались вы из револьвера — в меня...

Алексей. Это — верно, вы — поторопились.

(Достигаев дергает сына за рукав.)

Тятин. Глаша, дайте что-нибудь перевязать руку.

(Глафира рвет рубаху, которую шила. Рябинин снимает с него пиджак. Достигаев сердито шепчет сыну, Мелания — Варваре.)

Рябинин. Эх вы... стрелок!

Алексей. Это можно понять: темнота, неожиданность.

Рябинин. Трусость тоже...

Шура *(в пальто, шапочке)*. Что случилось? Тятин, что это?

Варвара. Ничего опасного!

Достигаев. Пустяки, Шурок! Видишь, он — на ногах.

Рябинин. А вам, пожалуй, веселее было бы, если б он протянул ноги-то, а?

Тятин. В общем — чепуха! Даже не больно...

Глафира. Идемте отсюда. Ко мне идемте. Доктора надо. Таисья, беги наискосок, дом 19, доктор Агапов.

(Таисья отрицательно мотает головой.)

Варвара *(Глафире)*. Прошу... не распоряжаться. Как вы смеете!

Глафира *(уходя)*. Ну, ну-у! Не ори... барыня!

Шура. Это — мой дом! Идите вон отсюда!

Тятин *(через плечо)*. Не надо волноваться...

Рябинин *(уходя)*. Простить всё надо? Простить... Эх, Тятин-мамин... кисель!

(Глафира увела Тятина, Шура бежит за доктором, Варвара — за ней в прихожую.)

Варвара. Подожди! Нужно уговориться... Что ты скажешь доктору?..

Шура. Иди прочь...

Рябинин *(воротился, подошел к столу, взял револьвер)*. Штучку эту я возьму себе, вам, граждане, она не годится, не умеете обращаться с ней. *(Идет.)*

Достигаев *(сыну, вполголоса)*. Отними!.. дубина!..

(Алексей идет за Рябининым нерешительно.)

Мелания *(Звонцову)*. Ну, что... раскис? Стыдился бы. Не убил ведь. А если б и убил — господь простил бы. Нет, Шурка-то какова, дрянь, а? Вон гонит. Кого? Тетку родную, а?

Таисья *(вдруг подскочив к ней)*. Ты... Ты — стерва! И-их, ты... падаль!

Мелания. Таиска... Да что ты?..

Таисья. Ну, бей! Не боюсь! Бей...

(Из прихожей на крик теснятся в столовую Варвара, Алексей, сзади всех — Рябинин.)

Варвара *(изумлена)*. Ах ты, дрянь!..

Мелания *(орет, топая ногами)*. Диаво-ол! Цыц... Я тебя...

Звонцов. Алеша, да выгони же девчонку!

Таисья. Старая собака! Волчиха! *(Нашла слово удовлетворяющее.)* Волчиха...

Мелания *(в полуобмороке)*. Прокляну...

Рябинин. Браво, девушка! Так ее... Браво, умница!

Таисья. Волчиха-а...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

У Достигаева. Вечер. Большая, неуютная комната в задней половине дома, окна ее выходят на двор или в сад. Камин, на нем горит спиртовая лампа, освещая мрачную репродукцию с Беклина: пузатые морские жители ловят морских девиц. Перед камином — карточный стол, Алексей, посвистывая, раскладывает пасьянс. По обе стороны камина двери в тяжелых драпировках; комната за левой дверью освещена слабо, за правой — совсем не освещена. Мягкая старинная мебель, на полу — ковер, в одном углу — рояль, в другом — полукруглый диван, за ним — фикус, перед ним — круглый стол, на столе незажженная лампа. Рядом с диваном — маленькая дверь, оклеена обоями, теми же, как и стена, эту дверь почти не заметно. Из нее выходит Антонина с книгой в руке.

Антонина. Какой холодище... До чего всё бездарно! Начали революцию в феврале и всё еще не могут кончить. А уже наступает ноябрь... Что?

Алексей. Я ничего не сказал.

Антонина. В штатском ты — жалкий. Похож на полицейского чиновника, выгнанного со службы за взятки и кутежи... *(Зажигает лампу.)* Ты не помнишь — сколько времени французы делали революцию?

Алексей. Не помню.

Антонина. Всё надо делать быстро и красиво или — ничего не надо делать. *(Смешала карты.)*

Алексей *(не сердясь)*. Свинья.

Антонина. Знаешь, я, кажется, застрелюсь.

Алексей. Это не ты взяла у меня револьвер?

Антонина. До чего противно пьян явился ты ночью... ф-фа!..

Алексей. Д-да... Выпили. Офицерство жутко пьет. Знаешь, почему не выходит газета? Нестрашный перехватил вагон с бумагой и где-то спрятал его. Говорят, что, как только откроется Учредительное собрание, он устроит погром большевикам, совету рабочих. У него будто бы есть люди, и это они укокали блаженного Пропотея.

Антонина *(закурив папиросу)*. Всё это интересно... Шуре...

Достигаев *(из комнаты слева)*. А где Лизавета?

Алексей. Пошла с Виктором наверх смотреть пожар...

Достигаев. Иди, спроси ее... позови! Да принеси ко мне в кабинет словарь на букву Д. *(Оглядывается.)* На кой пес рояль, если на ней никто не играет? Тут биллиард должен быть,— самая холодная комната! Зря послушал я Лизавету, купил этот дурацкий барский дом...

Антонина. Ты, папон, напрасно обижаешь Лизу...

Достигаев *(собирая карты)*. Играли?

Антонина. Это Алексей, пасьянс. Лиза Виктору не интересна, Виктор женщинами сыт.

Достигаев. Удивительно,— в кого ты родилась такой бесстыдницей?

Антонина. Лиза понимает, что Виктор охотится за моим приданым, и дразнит его, а он боится, что она его скомпрометирует в твоих и моих глазах...

Достигаев *(тасуя карты)*. Нет, ей-богу — замечательно! Никаких взглядов у тебя нет, а людей ты видишь голыми...

Антонина. У меня, папон, есть взгляд:

Прозябает человек,
Заедая чужой век,
А зачем он прозябает —
Он и сам того не знает...

Достигаев. Всё — стишки, шуточки, опереточки! А отец должен — понимаешь: дол-жен! — сопо-

ставлять, соображать, приспособлять, да! И вот ходишь ты перед отцом твоим с папиросой в зубах, и... ничего дочернего нет в тебе. Ничего нет! Поразительное дело! Тоже и Сашка Булычова... Не ночевала сегодня?

Антонина. Не ночевала.

Достигаев. Жаль — помер Егор, пощипала бы дочка печенку-то ему! Хотя... чёрт его знает, как бы он взглянул на этот фокус! Вон — оказалось, что у него даже и не печенка была, а... другое какое-то. Н-да, Шурочка!.. К большевикам приспособилась. Сестра из дома выгнала. Ну,— хорошо, ты — на время — приютила ее, а дальше что? Куда она?

Антонина. Вероятно, дальше с большевиками.

Достигаев. До тюрьмы, до ссылки? Кстати,— не знаешь, почему ее товарищи как будто притихли, а?

Антонина. Не интересовалась.

Достигаев. Поинтересуйся, спроси ее, узнай.

Елизавета *(из левой двери)*. Ой, какую вы тоску зеленую развели!

Виктор Нестрашный *(весь новенький, в смокинге, говорит докторально)*. Разрешите закончить...

Достигаев. Разрешаю, валяй!

Виктор. Я развиваю простую мысль: нигде в мире не читают так охотно, как у нас, можно сказать, что книга и водка — главное питание страны...

Достигаев *(раскладывая пасьянс)*. Гм... Хотя и врешь, но — продолжай.

Виктор. У нас огромный книжный рынок, но нет издательства, которое широко понимало бы социально-воспитательную роль книги...

Достигаев. Социально? По-оехали с горы!

Виктор. Которое догадалось бы монополизировать издательское дело и взяло бы на себя,— конечно, при финансовой помощи и указаниях правительства,— обязанность бороться против социалистической и вообще против антигосударственной литературы, всех этих Марксов и так далее. Очень странно, что перед войной, когда наша промышленность оживилась...

Достигаев. Так, так, так...

Виктор. Вы — иронизируете?

Д о с т и г а е в. Я? Не туда сунул валета и — наказан за это. *(Мешает карты.)*

(Алексей — возвратился, шепчется с мачехой, она отрицательно качает головой.)

В и к т о р *(несколько обижен)*. Я совершенно убежден, что право идеологического питания страны должно принадлежать тому слою общества, в руках которого сосредоточена промышленность и торговля...

Д о с т и г а е в. Право сажать на диету, значит? Например: ешь одну телятину? Читай только жития святых? Эх, Виктор, Виктор,— твоими бы устами да бордо пить, тепленькое, сант-эстеп, ласковое такое винцо!

Е л и з а в е т а. Принести?

Д о с т и г а е в. Виктор — по-русски значит победитель? Просто всё у тебя, ясно и — правильно: монополия — полезна, социализм — штучка вредная, сухая трава — сено. Однако надобно соображать не только о качестве, но и о количестве... Вот есть такие доктора, ядами лечат,— понимаешь? — ядами! Берут каплю наисильнейшего яду, распускают ее в бочке чистейшей воды и дают больным воды этой по одной капле в сутки...

В и к т о р *(неохотно)*. Это вы... очень остроумно...

Д о с т и г а е в. Ну, положим, не очень. И это — не я, а — доктора. А рассуждаешь ты — без учета большевичков...

В и к т о р. Учредительное собрание раздавит их...

Д о с т и г а е в. Ой ли?

В и к т о р. Неизбежно уничтожит.

Д о с т и г а е в. Та-ак! Но — ежели уничтожим всех мух — из чего слонов будем делать?

Е л и з а в е т а. Ох, Вася, не люблю, когда ты говоришь, как сумасшедший. Вино — сюда или в столовую?

Д о с т и г а е в. В столовую. *(Смотрит на Виктора, Алексея, дочь.)* Ну, вы тут идеологически пожуйте чего-нибудь, а в столовой выпьем... Лизавета, погоди-ка... *(Ушел вслед за женой.)*

В и к т о р. До чего... живой человек Василий Ефимович!

Алексей *(угрюмо)*. Поживи с ним,— узнаешь, до чего!

Виктор. Вам нравится моя идея?

Антонина. Идея? Какая?

Виктор. Монопольного книгоиздательства.

Антонина. Разве это — идея? Это — торговля. Вы собираетесь торговать книгами, книгами торгуют так же, как сапогами, утюгами...

Виктор. А вы всё мечтаете о высоких целях? Я допускаю, что — с какой-то высшей точки зрения — торговля книгами вульгарное дело. Но высшая точка только потому полезна, что, падая с нее, мечтатели разбиваются насмерть.

Антонина. Эта сентенция мне знакома. Не помню, у кого я прочитала ее.

Алексей. Не злись, Антошка!

Антонина. Я не злюсь. Мне холодно. *(Ушла в маленькую дверь.)*

Виктор. Дьявольски избалованы купеческие дочери.

Алексей. Не все.

Виктор. Наиболее интересные.

Алексей. То есть — богатые.

Виктор. Ты — проиграл вчера?

Алексей. Да... чёрт! И платить — царскими. А где я возьму царских? Мачеха — не дает.

Виктор *(закуривая)*. Офицеры играют в карты подозрительно счастливо.

Алексей. Напился я... Кто-то снял с меня часы, подарок отца. И револьвер пропал...

Виктор. Как думаешь: Антонина выйдет за меня?

Алексей. Конечно. Куда же ей еще?

Виктор. Тебе не кажется, что Александра Булычова дурно влияет на нее?

Алексей. Едва ли... Антошка тянет куда-то в другую сторону.

Глафира. Просят в столовую.

Виктор *(удивлен)*. А эта зачем у вас?

Алексей. Ее Звонцова тоже выгнала, а у нас прислуга разболталась. Мачеха сманивала Глафиру

тотчас же после смерти Булычова. Что, тебе твоя новая мадам — дорого стоит?

Виктор. Не дешево. Но — хороша, не правда ли?

Алексей. Да. Идем?

Виктор. Чрезвычайно искусная любовница.

Алексей. Слушай: зачем отец твой газетную бумагу спрятал?

Виктор. Ты знаешь, что дела моего родителя не интересуют меня. А вот твой эпикуреец «папон» шутит ветхозаветно и утомительно. И эта его манера прятаться в ерундовых словах всем известна, никого не обманывает...

(Ушли. Одновременно: из правой двери — Глафира, из левой — Елизавета, в руке — ваза с яблоками.)

Елизавета. Вы что, Глаша?

Глафира. Может — убрать нужно что-нибудь?

Елизавета. Всё в порядке. Вот, несите в столовую, я сейчас приду. *(Идет к двери в комнату Антонины, дверь заперта, стучит.)*

Антонина. Это — ты? Что?

Елизавета. От Виктора запираешься? Вот болван, а? Уверен, что я готова открыть ему объятия, гусь копченый! Ты что всё прячешься, Антошка? Нагрузились вы с Шурой книжками и живете... безрадостно, как мыши! Брали бы пример с меня: глупая, а живу легко, и всё прощается мне...

Антонина. Должно быть — не всё, вон как утром отец кричал и топал ногами на тебя.

Елизавета. Но ведь простил же! *(Взяв падчерицу за плечи, встряхивает ее.)* Ой, Антошка, если б ты видела этого полковника Ермакова! Вот мужчина! Он и в штатском — воин! Глазищи! Ручищи! Знаешь, эдакий... настоящий, для зверского романа! Убить может! Когда я его вижу — у меня ноги дрожат... Нет, ты — вялая, холодная, ты не можешь понять... Василий Ефимович, конечно, должен ревновать, он — муж! Должен!

Антонина. Должен. В слове этом есть что-то общее с глаголом — лгать. Долг, долгался...

Елизавета. Ну вот, началась философия! Это ты у отца научилась словами играть. Но ведь он играет... для того, чтобы всех обыгрывать. А тебе бы, Антоня, послать все глаголы к чёрту да и жить просто, без затей! Ах, Тонька, кого я понимаю, так это Екатерину Вторую, царицу, вот умела выбирать собачек ко двору! *(Прислушалась.)* А отец... ты его не ценишь, не понимаешь...

(Достигаев — за портьерой в темной комнате.)

Елизавета *(потише, но с жаром)*. Он — милый, с ним легко. Первый умник в городе, да! Он... как это? Еропукеец, что ли?

Достигаев. Епи-ку-реец! Эх ты, изверг невежества!.. Что вы тут делаете?

Елизавета. Тебя хвалим.

Достигаев. Это вы и при мне можете, я — не стыдлив. Ты, лиса, иди-ка в столовую, там чёрт попа принес неведомо зачем. Говорит поп, что в совете рабочих получены какие-то важные вести из Петрограда... будто бы случилось что-то чрезвычайное. Тебе, Антошка, Булычова-то не говорила, что затевают большевики?

Антонина. Вы второй раз спрашиваете меня об этом.

Достигаев. И третий спрошу. Куксишься всё, дуешься, а — на кого? Выходила бы замуж за Виктора-то... за победителя! Парень в меру глуп и крепко богат,— чего еще надо? Вертела бы им, как Варька Булычова Андрюшкой. Варька-то целится на эту, на француженку... как ее? Читал в словаре вчера... забыл! Голову ей отрубили? Ну?

Антонина. Мадам Ролан.

Достигаев. Ну да. Учитесь, а ничего не знаете. А то еще была... Рекамье, на кушетке лежит. Время требует, чтоб к нему... приспособлялись. Ну... ладно! Пожар со спиртного завода на лесной двор перемахнул, зарево — огромное! Ставни у нас с улицы закрыты, а все-таки в зале на полу красные полосы лежат... неприятно! И в столовой неуютно. Поди-ка, Антошка, распорядись, чтобы все сюда шли... подальше от улицы! *(Антонина ушла.)* Ну, что, лиса?

Е л и з а в е т а *(искренно)*. Я тебе — не лиса, я с тобой — честная.

Д о с т и г а е в *(шлепая ее ладонями по щекам)*. Ду-ура! Иной раз и честно, да неуместно.

Е л и з а в е т а. Я тебе, Вася, прямо говорю, и не первый раз: с тебя — хватит, а мне — мало!

Д о с т и г а е в *(сел)*. Ну... до чего же ты, подлая, бесстыдна!

Е л и з а в е т а. И не подлая и не бесстыдная! Я правду говорю — ты умный, ты знаешь — правду!

Д о с т и г а е в. Да... чёрт тебя возьми вместе с правдой этой! Глупа ты... до святости, изверг естества! Ты — солги, да чтоб приятно было! Обидно мне или нет, что я — стар для тебя? Слышишь, как я с тобой говорю? Видишь, ну?

Е л и з а в е т а. Вижу. Всё вижу. И — понимаю. А лгать тебе — не стану. Солгу — ты поймешь, и разрушится наша дружба, а твоя дружба мне дороже, чем твоя любовь...

Д о с т и г а е в. Эх, Лизка...

Е л и з а в е т а. Я от тебя никуда не отойду, и никто меня не сманит, никто! Я — знаю, другого такого, как ты, нет!

(Глафира — с подносом, на нем две бутылки, бисквиты в вазе, яблоки.)

Д о с т и г а е в. Ну... ладно! Молчи. И — вот что: Павлина — не дразни, оставь эту глупую твою привычку. Вообще — дразнить никого не надо, не такие дни. Лишнего не болтай. И пора бы тебе иметь взгляды. Оглядываться надо. Время опасное...

Е л и з а в е т а. Не умею я учиться, Вася! Да я и без науки ничего не боюсь, как та девица, которая поет:

Трижды замуж выходила,
Не боялась ничего,—
И четвертый выйду — тоже
Ничего не побоюсь...

Д о с т и г а е в. Ты — не шути, не время для шуток! Взяла бы словарь, почитала. Вот, примерно, Дарвин, англичанин, он проводит такой взгляд: надо приспосаб-

ливаться! Всё живет, потому что приспособилось, а не просто: родилось, выросло и живет... беззащитным дураком! *(Антонина — с тарелками.)* Тебя с Антошкой надобно посадить на идеологическое питание... на диету! Почему не идут сюда?

Антонина. Там спор с Павлином.

Достигаев. Э, болваны... *(Идет. Елизавета — под руку с ним.)*

Глафира *(из темной комнаты)*. Шура прислала товарища сказать, что она и сегодня не ночует здесь и не беспокоились бы вы. А если хотите видеть ее — товарищ проводит вас. Она — в совете. Очень желает видеть вас.

Антонина. Нет, не пойду. Такая слякоть, холод. Придет же Шура завтра... послезавтра? Ну — когда-нибудь? *(Глафира молчит.)* Начинается что-то серьезное, Глаша?

Глафира. Мне неизвестно.

Антонина. Вы тоже уйдете к ним, да? А мне вот некуда идти. Ни с вами, ни против вас... не способна.

Глафира *(грубовато)*. Может — ошибаетесь вы? Посмотрели бы поближе на людей, которые верят и решают...

Антонина. Мне верить — нечем. У меня нет этого, чем верят. Я говорю, конечно, не для того, чтоб вы пожалели меня.

Глафира. Я понимаю, что жалость мою вы за обиду себе приняли бы. Нет, я не жалею. А трудно мне понять — как это, почему? Жил человек свободно, читал книги какие хотел...

Антонина. И оказался ни к чему не способен, да?

Глафира. Вы... не одна такая, много таких...

Антонина. Это вы — утешаете?

Глафира. Нет, зачем же?

Антонина. А где эта смешная монашенка?

Глафира. Она свое место найдет...

Антонина. Ну, прощайте, Глаша!

Глафира *(удивлена)*. Я ведь не сегодня ухожу.

Антонина. Скажите Шуре... нет, лучше я напишу ей...

Г л а ф и р а. Сейчас?

А н т о н и н а. После. *(Ушла к себе.)*

(Глафира, нахмурясь, смотрит вслед ей, делает движение к двери, но отмахнулась и пошла в комнату налево; уступает дорогу Павлину, Алексею, Виктору.)

П а в л и н *(возмущенно)*. Прискорбно, весьма прискорбно, молодые люди, что вы так легкомысленно, с кондачка относитесь к слухам, столь грозным.

В и к т о р. Но — объясните: где же Керенский, войска?..

А л е к с е й. Министры?

П а в л и н. Объяснить я ничего не могу. Но верю в самое невозможное...

В и к т о р. Ну да, это верование — ваша профессия...

П а в л и н. О боже мой, боже! Что приходится слышать! Повторю вам, да подумаете: разумом наделены мы от бога не для упражнений в бесплодном высокоумии, хотя подобает нам и ереси знать, да искуснейшими явимся противу еретиков...

Д о с т и г а е в *(входит с бутылкой в руке)*. Значит: в Петрограде образовалось новое правительство, рабочее? Ну что ж? Деды и прадеды наши из рабочих вышли, отцы с рабочими жили — трудились, почему же и мы не сумеем?

П а в л и н. Ох, Василий Ефимович, как неприятно шутите вы...

Д о с т и г а е в. Открой вот эту бутылочку, Алешка, да не взболтай, винцо нежное! *(Обнимает Павлина за талию, ходит с ним.)* Ты чего боишься, пастырь душ наших?

П а в л и н. Помилуйте,— что за вопрос? Власть над Россией захвачена неизвестными людями, из коих большинство — инородцы, иноверцы, а вы...

Д о с т и г а е в. А я не верю в это и ничего не боюсь!

П а в л и н. Не может быть, чтоб не боялись, противуестественно это...

Д о с т и г а е в. Подожди,— в чем дело? Жили мы шутя, за счет дураков, ну вот; перебили дураков на

войне, а которые остались — поумнели и просятся к нам в долю, в компаньоны.

Павлин. Дразните вы меня, Василий Ефимович.

Достигаев. Нет, ты — сообрази... Например — немцы. Чем немец силен? Тем, что по Дарвину живет...

Павлин. Ох, полноте! Давным-давно опровергнут Дарвин этот!

Виктор. Совершенно верно.

Достигаев. Опровергнут? Не слыхали об этом. Ну, пускай он опровергнут, а привычка к нему все-таки осталась, и немцы отлично... приспособляются. Немец социалиста не боится, он и социалисту кушать дает. И — что же мы видим? У нас в шестом году кадеты уговаривали народ: не плати царю налогов, не давай солдат! Народ и ухом не повел... да! А вот немецкие рабочие, социалисты, в 14-м году, глазом не моргнув, дали денег на войну.

Павлин. Позвольте... невразумительно это!

Виктор. Я тоже не понимаю: что общего видите вы...

Достигаев. Ага? Вот видите? Нет общего-то!

Виктор. Но каков же смысл вашего примера?

Павлин. Постойте... что такое?

(Шум, возня где-то в доме.)

Алексей. Это — в кухне. Пришел кто-то.

Павлин *(встревожен)*. Вот видите... вламываются!..

(Виктор — спокоен.)

Достигаев *(сыну)*. Иди, взгляни, кто там?

Павлин. Я говорю — всего можно ожидать.

Достигаев. Для гостей — не поздно.

Павлин. Кто теперь в гости ходит? О господи! Вскую оставил нас еси?

Елизавета *(вбегает, вполголоса, тревожно)*. Вася — представь: Порфирий Петрович и — Губин.

Достигаев *(удивлен)*. Гу-бин?

Елизавета. Да, да!

Павлин. Разрешите удалиться, ибо считаю безумием риск встречи...

Достигаев. Постой, дай сообразить...

Елизавета. Ввалился, как слон.

Павлин. И, конечно, нетрезвый? Нет, уж я...

Достигаев. Ты, Павлин Савельев, посиди, не сожрет он тебя! Нет, ты останься...

Елизавета *(берет попа под руку)*. Я буду защищать вас...

(Входят: Губин, Нестрашный, Алексей.)

Губин. А-а, Павлин... Ну, ладно, не бойся... Не до тебя. Здорово, Василий...

Достигаев. Вот не ожидал! Рад... очень рад...

Губин. Ну, где там — рад? Чему — рад?

Нестрашный. Для радости, Василий Ефимович,— поздно! Здравствуй-ка!

Губин. Ты, Перфил, начинай сразу.

Достигаев. В чем дело, а? Что это вы... не щадя себя, так сказать...

Нестрашный. Говори ты, Алексей Матвеич, я — сейчас! *(Отводит сына в сторону.)*

Достигаев. Ночью... обеспокоились, а?

Губин. Пришли... на поклон хитрости твоей... хитроумию...

Нестрашный *(сыну)*. Лошадь — у ворот. Езжай, скажи, чтоб вагон с бумагой гнали тотчас, знаешь — куда? По документам в вагоне — сода. Наборщики готовы? Действуй. Я дождусь тебя здесь. Один по городу не езди, возьми кого-нибудь. Иди. Осторожно.

Губин *(тяжело, угрюмо)*. Слухи оказались — верны. И чем хуже слух, тем боле в нем правды... Всегда так было... всегда и все на худой конец живем!

Павлин. Глубоко правильно...

Губин. Ты все-таки молчи, Павлин!

Нестрашный *(звонко)*. Ну, слышал? Правительство — арестовано, солдаты с рабочими разграбили и подожгли Зимний дворец, Керенский — бежал...

Губин. А что нам делать?

Достигаев. Ай-яй-яй! Что же это происходит, граждане, а? Отец Павлин — каково? И... и все бегают!

То — один, то — другой. Нашалит и — бежать! Звонцов-то, губернатор наш, в Москву удрал...

Губин. Ты — не юли, не вертись...

Нестрашный. Мы пришли посоветоваться... Ты у нас впереди смелых числишься. К твоим словам люди внимательны.

Павлин. Присоединяюсь к сей оценке! Вас, Василий Ефимович, послушают, за вами пойдут...

Губин. Нет... ты, поп, молчи!

(Елизавета пробует открыть дверь в комнату Антонины. Манит пальцем Алексея. Он отмахнулся, не подошел.)

Достигаев. Я, конечно... очень благодарен за доверие... Что же предполагаете вы начать? Ты, Порфирий Петров, старый воевода — сколько лет командуешь союзом-то Михаила Архангела?

Нестрашный. Время ли старые года и заслуги считать? Мы тебя спрашиваем: что это за комитет безопасности организовали в Москве? И кто здесь, у нас, комитет этот представляет? Ты, что ли?

Губин. И о какой, чьей безопасности речь идет?

Нестрашный. С нами ты или с кадетами?

Достигаев. Вопросов-то сколько, отец Павлин!

(Елизавета быстро ушла, захватив с собой Алексея.)

Губин. Не тяни за душу, Василий!

Достигаев. Считаю так, что основной вопрос: с кем я? Ответить — просто: ни с кем, только с самим собой.

Губин. Врешь!

Достигаев. И о безопасности своей сам забочусь, не полагаясь на комитеты, я — сам себе комитет! Я — не Варвара Звонцова,— партию не представляю...

Павлин. Но, простите, вопрос, насколько я могу понять, касается вообще... верований ваших...

Достигаев *(обозлился)*. Верую в бога, но — предпочитаю коньяк. Это сказал один полковник,— очень хорошо сказал! И что значит — вообще? Сарай, что

ли, куда всякую дрянь складывают за ненужностью ее? Вообще!.. С кем — вообще? Для чего — вообще? Вы просите у меня совета? По какому делу? Вы что намерены делать?

Губин. Отсиживаться. Обороняться.

Достигаев. Люди есть у вас для этого?

Губин. Вот — Перфил... говори ты, Перфил.

Нестрашный. Офицера есть. Люди — найдутся.

Достигаев. В каком числе? И — кроме количества — качество надо знать!

Губин. Он — выспрашивает, а сам ничего не говорит.

Достигаев. Заметно, что около вас Мокроусов крепко трется, а всем известно, что он — жулик.

Губин. Честного дешево не купишь.

Нестрашный *(решительно)*. Ну, вот что, Василий Ефимов, довольно вертеть хвостом...

Елизавета *(вбегает, останавливается и смотрит на всех молча, определяя: как, каким тоном сказать то, что она знает? Она— подавлена, но не очень огорчена и не испугана. Говорит негромко, как бы с трудом)*. Вася... Василий Ефимыч... Нет... это — невозможно!

Достигаев *(сердито)*. Что? Ну, что такое?

Губин *(Нестрашному — ворчит)*. Подстроено что-то... фокус какой-то... Я те говорил...

Елизавета. Тоня умирает...

Достигаев. Ты — что? Бредишь?

Нестрашный. Разве она хворала?

Павлин. Но — позвольте! Как же это? Полчаса тому назад... она...

Губин. Видал? Даже Павлин... не верит...

Елизавета. Застрелилась.

Достигаев. Антонина? Не... может быть!

Елизавета. Еще дышит... Алексей... за доктором...

Достигаев. Где? *(Бежит в темную комнату.)*

Елизавета. В угловой... *(Идет за Достигаевым, оглядываясь на всех.)*

Нестрашный *(Елизавете)*. Какая же причина? Надо причину объяснить...

Губин. Нет — каково? Я тебя, Перфил, предупреждал — толку не будет!

Павлин. Не могу не сказать: весьма... необычное событие! Вполне здоровая девица...

Нестрашный. Ну, положим, она была взбалмошная, капризная...

Губин. Ах, Васька, Васька... Вот как, Павлин, а? Всё, брат... лопается...

Павлин. Высокоумие, атеистическая мечтательность — причина таких и подобных фактов.

Губин. Ну, что ж будем делать здесь, Перфил?

Нестрашный. Подождем. Надо посмотреть.

Губин. На дочь-то? *(Налил вина, пьет.)* Я — не пойду, не хочу. Не люблю я покойников в доме.

Нестрашный. Кто их любит...

Губин. Надо так: помер, и сразу неси его в церковь, пускай там стоит. Верно, Павлин?

Павлин. Допустимо.

Губин *(вздохнув)*. Фальшивый ты человек всетаки! Все вы, попы, ябедники богу на нас, грешных.

Нестрашный *(думает вслух)*. Как же это произошло? Жили-жили, строили дома, города, фабрики, церкви... и — оказались чужие всем. И даже — друг другу.

Губин. То-то вот. Жаден был ты на власть, на славу...

Нестрашный *(тоскуя)*. Армию поили-кормили, чиновников, судей, губернаторов... полиции сколько...

Губин. А — попов? Попов развели, будто — крыс. Мы, старообрядцы, беспоповцы... Впрочем... ладно! Не обижайся, Павлин, давай выпьем! *(Павлин молча кланяется, чокнулись, пьют.)*

Нестрашный. А помнишь, Лексей Матвеев, как мы в шестом году забастовщиков смяли? Как отрезвел народ? Меня сам губернатор слушался. Я тут всех властей взнуздал...

Губин. Да-а... размахнулся ты широко... Большую обнаружил ярость.

Нестрашный. Теперь — понял? А тогда орал на меня в городской думе, человекоубийцем называл.

Г у б и н. Ну... Ладно. Было, прошло, да — снова пришло. С каторги-то всех воротили.

П а в л и н. Справедливость жестокости доказывается Библией... Идут...

Д о с т и г а е в *(в одной руке платок, в другой — конверт)*. Надо милицию, Лиза... Засвидетельствовать надо.

Е л и з а в е т а. Глаша побежала.

Д о с т и г а е в. Скончалась дочь моя... Порфирий Петрович... Да. Освободите меня. Не в силах я беседовать о делах посторонних...

Н е с т р а ш н ы й. Посторонних? Та-ак...

Г у б и н. Видал, Перфил? Вася и на покойнице играет... Идем, брат.

Д о с т и г а е в. Что болтаешь, Губин, дикое чудовище? Что значит — играет? Поставь себя, Порфирий Петров, на мое место,— подумай, что Виктор твой погиб.

Г у б и н. Ну, чего там? Идем!

Е л и з а в е т а *(вбегает)*. Солдаты!

Н е с т р а ш н ы й *(угрюмо)*. Это — наши. Это Виктор за мной прислал.

(Елизавета шепчет о чем-то мужу.)

Д о с т и г а е в *(громко)*. Однако — позволь! Как же это? Как же ты, Порфирий Петров, призываешь солдат в чужой — в мой дом, какое у тебя право?

Н е с т р а ш н ы й. Теперь правами не стесняются.

(Павлин незаметно скрылся в темную комнату.)

Д о с т и г а е в *(возвышая голос)*. Что это значит: ваши солдаты? Чьи — ваши? Для чего?

Г у б и н. Трусишь, Васька? Хо-хо...

Д о с т и г а е в. Вы явились ко мне с-с-с фантазиями, которые я отказался даже выслушать, чему есть свидетель отец Павлин...

(Нестрашный, стукнув палкой в пол, медленно встает, выпрямляется, изумлен; а Губин хотел встать и — развалился, расплылся в кресле, глядя на всех по очереди непонимающими, вытаращенными глазами. В этой позе

он остается до поры, пока его уводят, лишь изредка громко всхрапывая, как бы желая сказать что-то и не находя сил. Яков Лаптев стоит в правой двери, с револьвером в руке. Рядом с ним Бородатый солдат, лет 40, с винтовкой, две гранаты у пояса, он в лаптях. Вперед Якова протискивается молодой рабочий, смазчик вагонов или масленщик, чумазый, выпачканный нефтью, маслом, тоже с винтовкой. Несколько секунд молчания. Достигаев, приложив платок к лицу, оперся плечом на Елизавету.)

Нестрашный *(сначала бормочет, потом визжит)*. Свидетель? А-га-а... Значит, ловушка? Ловушку ты устроил мне, Васька, Иуда, сукин сын, а? Ло-овко...

Достигаев *(тоже визжит)*. Я тебя — звал? Звал я тебя? Ты сам пришел! Павлин — знает! Где он? Лиза!

(Лаптев говорит что-то Бородатому, тот счастливо ухмыляется, кивает головой.)

Нестрашный. Губин! Верно ты сказал, тут что-то подстроено... Даже не поймешь — как?

Лаптев. Вы, Порфирий Петров Нестрашный,— арестованы.

Нестрашный. Чего-о? Кем это? Ты кто? Какая власть?

Лаптев. Это вы узнаете там, куда вас отведут.

Елизавета *(быстро)*. Яков Егорович, подумайте, какое несчастье у нас: Антонина застрелилась!

Нестрашный *(усмехаясь, Губину)*. Слышишь? Власть-то Достигаевым знакомая...

Лаптев *(удивленно, не веря)*. Как это? Случайно?

Елизавета. Нарочно, письмо есть для Шуры Булычовой, не знаете — где она?

Нестрашный. Всё — свои...

Лаптев *(Елизавете)*. Позвольте... Это — потом. Губин Алексей Матвеев тоже подлежит аресту...

Нестрашный. А — Достигаев? Он — тоже купец, хозяин...

Лаптев. Товарищ Кузьмин, позовите конвой,— троих.

Н е с т р а ш н ы й. Все-таки ты кто же? Кем поставлен в командиры?

Л а п т е в. Ну, вы — не притворяйтесь, вы знаете, кто я. В списке людей, которых вы решили завтра уничтожить, я — на шестом месте. Сын ваш и Мокроусов — арестованы, нам всё известно. Разговоры здесь излишни, завтра поговорите.

Н е с т р а ш н ы й *(грузно сел)*. Так... Завтра? Ладно. *(Кричит.)* Ну — арестовал, ну? А... а еще что? Каким судом судить будешь?

Б о р о д а т ы й. Ты — не ори! Мы на тебя не орем. Суд у нас будет правильный, не беспокойся. Ты, поди-ка, не помнишь меня? А я тебя с седьмого года помню...

Н е с т р а ш н ы й. Конюх... Харя...

Б о р о д а т ы й. Вот те и харя! И — конюх!

Н е с т р а ш н ы й. Все-таки... Лаптев... Я вас знаю... Крестник Булычова. Все-таки — за что?

(Входят Кузьмин и три солдата.)

Л а п т е в *(пожимая плечами)*. Будет вам дурить! Вы подготовили вооруженное нападение на совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... Ну, теперь удовлетворены?

Б о р о д а т ы й. Он, видишь, не знал этого! Делать — делал, а — не знал, дитё! Он — как дитё, играет, а чем? Того не понимает.

Д о с т и г а е в. Так вот с каким делом пришел ты ко мне, Порфирий Петров? Вот в какое преступление против народа хотел ты втянуть меня?

Г у б и н *(встал, бормочет)*. Ну, вот, Перфил, добился ты своего... Погубил меня... окончательно!

К у з ь м и н. А ну, дядьки, идемте! Где одежонка ваша? Шагайте бодро... собачьи дети!

Н е с т р а ш н ы й *(толкнув Губина)*. Дурак! Ты — пьян. Ничего нам не сделают. Не посмеют!

Б о р о д а т ы й. Любит орать... Эхе-хе...

Л а п т е в. Где письмо Антонины?

(Достигаев подал письмо, прикрыл глаза платком.)

Лаптев *(покосясь на него, читает)*. «Прощай, Шура. Ни о чем не жалею. Только с тобой, иногда, мне было тепло и ласково». *(Помолчал.)* Шурке об этом письме прошу не говорить. Я передам его Шуре, когда найду это удобным. Глафира — у вас?

Елизавета. Когда пришел Нестрашный, я послала ее к вам в совет, к Тятину, она еще не возвратилась.

(Достигаев изумленно мигает, глядя на жену.)

Лаптев. А где... Антонина?

Елизавета. Идемте...

(Ушли. Достигаев стоит у стола, потирая лоб, щеки, точно хочет стереть улыбку с лица. Бородатый солдат щупает драпировку.)

Бородатый. Замечательной крепости материя! Вот из эдакой солдатам шинели не строят!

Достигаев. Теперь будут шить из материи и получше этой.

Бородатый. Шинели не станут шить, мы воевать не желаем.

Достигаев. И не надо.

Бородатый. Мы решили уговорить все народы: долой войну, братья-товарищи!

Достигаев. Вот это — правильно!

Бородатый. Ну, то-то! Вот, даже и вы понимаете, что — правильно! Мы капиталистов передушим и начнем всемирную, братскую жизнь, как научает нас Ленин, мудрый человек. А Нестрашным — конец! Это — кровожадный человек! Он в седьмом году так зверствовал... Однако, как вы тоже здешний, то сами знаете, какая он стерва...

Достигаев. Да...

Бородатый. А вот вокруг вашей фамилии скандального тогда не слыхать было. Хоша бывает и так, что живет человек тихо, а вреда от него больше, чем от разбойника...

Достигаев. Винца стаканчик не выпьешь?

Бородатый. Не-ет, нельзя! Я вроде как на часах при вас нахожусь.

Достигаев *(тревожно)*. Разве я арестован?

Бородатый. Это неизвестно мне. Ну, однако я — старый солдат и свое дело знаю. Которая застрелилась,— она кто будет вам?

Достигаев *(не сразу)*. Она?.. Дочь...

Бородатый. До-очь?

Достигаев. Да... Вот как... молодежь-то...

Бородатый. Молодежь... решительная! В дураках жить не желает. Дескать, отцы-деды пожили дураками, а мы давайте попробуем иначе...

(Лаптев молча увел солдата из комнаты.)

Достигаев. Ушел. Даже башкой не кивнул...

Елизавета. Очень нужен тебе его поклон. Что-о? Перепугался?

Достигаев *(лирически)*. Ах, Лизок... умница ты моя! Как ты всё это... замечательно! Как своевременно всё... И про Антонину и...

Павлин *(выходит из темной комнаты)*. Да, Елизавета Михайловна, я тоже исполнен восхищения пред умом вашим.

Достигаев. Это... как же ты? Где ты был?

Павлин. А я — удалился. Сказано: «Отыди ото зла и сотворишь благо». Я — не прятался, но сан мой — обязывает... Если б кто заглянул за портьеру, то увидал бы, что я — тут.

Елизавета. Вы, отец Павлин, ночуйте у нас.

Павлин. Благодарствую! Хотел просить вас о ночлеге. Еще повторю: замечательно вы о покойнице-то...

Елизавета. Не будем говорить о ней...

Достигаев. Да. Что скажешь? Неспособная была... *(Наливает вино в стаканы.)* Ну, что ж? Значит — власть рабочих, а?

Павлин. О господи! И горько и смешно...

Елизавета. Ты, Вася, не беспокойся.

Достигаев *(соображает)*. Тятин, Лаптев, Шурка...

Елизавета. И — не мешай мне...

Павлин. Всё — молодежь...

Достигаев *(соображая)*. Рябинин... Вот Рябинин этот... в каком количестве?

Елизавета. Всё пойдет хорошо! Ведь всё — очень просто! Очень просто, Вася...

Достигаев. Умница моя! Твое здоровье.

Павлин. На многие лета!

Бородатый *(идет)*. Выпиваете?

Елизавета *(удивлена)*. Вы — что, товарищ? Зачем?

Бородатый. А мы, некоторые, останемся тут, на случай, если придет кто в гости к вам... Ну, чтобы и сами вы... ни туда ни сюда! Вон, у вас священник оказался... Надо поглядеть — может, еще кто есть?..

Елизавета *(возмущенно)*. Никого у нас нет!

Бородатый. А вдруг — окажется?.. Ведь вот он, священник-то, его будто бы не было, а он — тут! Как с небеси спрыгнул. Так что мы тут походим, поглядим... Может, еще какие чудеса окажутся...

(Павлин медленно, машинально направляется в темную комнату.)

Бородатый *(весело)*. Куда, куда, ваше священство? Не-ет, вы уж все посидите тут, а я вас покараулю.

Елизавета. Вы не смеете издеваться!

Бородатый. Чего это? Да я этого и не умею, издеваться-то, и даже не люблю. Это я — шутю, как будучи очень веселый... Вы... не того, не тревожьтесь, сидите смирненько! Вот — винца похлебайте... Дело — легкое, вам знакомое...

(Начинается обыск.)

Занавес

ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Васса Борисовна — лет 42, кажется — моложе.

Сергей Петрович — 60 лет, был капитаном, плавал в Черном море, потом служил на речных пароходах.

Прохор Борисович Храпов — 57 лет, брат Вассы.

Наталья — 18 лет } дочери Вассы.
Людмила — 16 лет }

Рашель — сноха, под 30 лет.

Анна Онощенкова — за 30 лет, секретарша и наперсница Вассы.

Мельников — член окружного суда.

Евгений — сын его.

Гурий Кротких — управляющий пароходством.

Лиза } горничные.
Поля }

Пятеркин — лет 27—30, бывший солдат и матрос речного пароходства, на голове у него — чалма густых жестких волос, холеные усы.

ПЕРВЫЙ АКТ

Большая комната, угол дома; здесь Васса прожила лет десять и проводит бо́льшую часть дня. Большой рабочий стол, перед ним легкое кресло с жестким сиденьем, несгораемый шкаф, на стене обширная, ярко раскрашенная карта верхнего и среднего течения Волги — от Рыбинска до Казани; под картой — широкая тахта покрыта ковром, на ней груда подушек; среди комнаты небольшой овальный стол, стулья с высокими спинками; двойные стеклянные двери на террасу в сад, два окна — тоже в сад. Большое кожаное кресло, на подоконниках — герань, в простенке между окнами на полу в кадке — лавровое дерево. Маленькая полка, на ней — серебряный жбан, такие же позолоченные ковшички. Около тахты дверь в спальную, перед столом — дверь в другие комнаты. Утро. Через дверь и окна комната очень весело освещена солнцем конца марта. Вообще комната очень просторная, светлая, веселая. Входят Васса, Кротких.

Васса. Три с полтиной за тысячу пудов — тридцать пять сотых копейки с пуда, это, конечно, маловато для грузчиков товаро-пассажирских пароходств — им приходится таскать грузы и за двадцать сажен и дальше. Вырабатывают они в среднем целковый в сутки, а едят много и без мяса — не живут. Вот вам бы на это обратить внимание, статеечку в газеты заказать, найти человечка, чтобы с грузчиками потолковал. Найдете такого?

Кротких *(весело)*. Найдем!

Васса. Ну вот! Надобно крупные пароходства прижать, а наше хозяйство — мелкое, и груз — мелкий, у нас свои матросы перебрасывают его с парохода

на пристань, грузчиками пользуемся изредка, как вы знаете.

Кротких. Это не совсем так. Матросам два рубля с тысячи — мало!

Васса. А за что больше-то? Вот вы устройте, чтоб «Кавказ-Меркурий» и прочие до пятишницы с тысячи пудов цену подняли, тогда наши пароходики охотнее грузиться будут, ну и мы прибавим матросам. Так-то! Уж извините,— записочку эту вашу я бракую.

Кротких *(морщится)*. Видите ли, Васса Борисовна...

Васса. А вот вы потолковали бы с гончарами, с мелкими мельниками, вообще — с кустарщиной, сделали бы им уступочку, чтобы они нам грузы давали, вот это полезно было бы...

Кротких *(не без гордости)*. Прошлый год кончили хорошо, прибыль солидная!

Васса. Что же это: всё хорошо да хорошо? Надобно еще лучше, а то скучно жить будет всё только в хорошем. Ну, будьте здоровы! На меня дела плывут.

(Кротких молча кланяется, уходит.)

Васса *(прислушивается)*. Анюта!

(Входит Анна.)

Васса. На-ка вот, сними копии живенько! Ворчит Гурий?

Анна. Да, недоволен.

Васса. Что сказал?

Анна. Не разобрала. Что-то о консерватизме.

Васса. Конечно. Социалист, видишь ли! А ему социализм, как Прохору — бог: по привычке молится, а душой — не верит. Ты краснобайству его не верь... О чем вчера беседовали?

Анна. Рассказывал о сотрудничестве немецких социалистов с королем ихним.

Васса. Гляди, как бы он тебе брюхо не натискал социализмом своим.

Анна. Нет, уж я выучена! Он за Натальей Сергеевной ухаживает.

В а с с а. Знаю. Ну, Натка не глупа.

А н н а. Он и за Людочкой...

В а с с а. Видишь, какой... разносторонний. *(Звонок по телефону.)* Да, я. Пожалуйста. Жду. Это квартирант — Мельников. *(Отпускает ее движением руки. Стоит у стола, раздумывая, перебирая бумаги и переставляя вещи, хмурится, глядя вперед.)*

М е л ь н и к о в *(из комнаты Анны)*. Доброе утро, многоуважаемая.

В а с с а. Спасибо. Притворите дверь. Садитесь. Ну, что?

М е л ь н и к о в. Новости невеселые. Предварительное следствие закончено, поступило прокурору. Следователь уверяет, что смягчил как только мог.

В а с с а. За три-то тысячи мог бы и совсем смягчить.

М е л ь н и к о в. Невозможно. Я читал показание этой бабы-сводни, она там пооткровенничала, как на исповеди.

В а с с а. Значит, суд будет?

М е л ь н и к о в. Неизбежно.

В а с с а. Наказанье-то какое?

М е л ь н и к о в. Возможно — каторжные работы.

В а с с а. Как это называется у вас?

М е л ь н и к о в. Что именно?

В а с с а. Баловство это... с детями?

М е л ь н и к о в. Растление...

В а с с а. И слово какое-то... липкое! Теперь — что будет?

М е л ь н и к о в. Прокурор составит обвинительный акт, вручат акт обвиняемому, арестуют его.

В а с с а. Всех троих? И сводню?

М е л ь н и к о в. Конечно.

В а с с а. А прокурор может еще... смягчить?

М е л ь н и к о в. Прокурор — может. Но наш метит на высокую карьеру и едва ли решится. Хотя есть слух, что со стороны соучастников... деяния — хлопочут.

В а с с а. Ага! Нуте-ка, давайте похлопочем и мы. Попытайтесь, прошу вас. Предложите прокурору сделку, чтобы не заводил шума. Мне нужно похерить это дело, совсем похерить! У меня — дочери.

Мельников. Васса Борисовна, при всем моем уважении к вам и при всей благодарности за великодушие ваше...

Васса. Вы — короче! О благодарности будем говорить, когда кончим дело это мирно и прилично. Действуйте.

Мельников. Я — совершенно не в состоянии... Не могу.

Васса. Имейте в виду — мне денег не жалко... на этот случай! Удастся — векселя ваши возвращаю вам. Могу добавить еще тысячи полторы. Будет пять. Довольно?

Мельников. Да, но... все-таки я...

Васса. А вы — смелее!

Мельников. Лучше, если бы вы сами...

Васса. Ну, это слишком жирно будет для прокурора, чтоб я ему кланялась. Платить — согласна, а кланяться — нет! К тому же я — человек грубый, прямой. У меня — не выйдет. Вы сегодня же, пожалуйста! Потом позвоните и скажите цифру. Желаю успеха. Ну-с?

Мельников. Разрешите откланяться... Спешу в суд.

Васса. Да, да, спешите! *(Сидит, закрыв глаза. Выдвинула ящик стола, чего-то ищет. Нашла коробочку, рассматривает содержимое, помешивая его вставкой пера. Шум за дверями. Быстро спрятала коробочку в карман. Входит Людмила.)*

Людмила. Здравствуй, мама Вася! Милый мой, удивительный сон видела я, удивительно красивый...

Васса *(целуя ее)*. Для тебя, Людок, и явь хороша.

Людмила. Нет, послушай...

Васса. За обедом расскажешь.

Людмила. Там Натка смеяться будет, или еще кто помешает, или я забуду. Сны ужасно легко забываются. Ты здесь послушай.

Васса. Нет, Людок, иди! И пришли мне Лизу живенько.

Людмила. Ах, боже мой! Какая ты сегодня недобрая!

В а с с а *(одна, ворчит)*. Недобрая... Эх, дурочка... *(Лиза пришла.)* Брат жалуется, что ты не слушаешь его, замки не смазала.

Л и з а. Васса Борисовна, не успеваю я. Одна для всех, на весь дом... Трудно мне! Дайте помощницу, девчоночку какую-нибудь...

В а с с а. Этого — не жди! Терпеть не могу лишних людей в доме. Тебе помогают барышни. Получаешь — хорошо, старайся. Меньше спи. Брат — дома?

Л и з а. Нет.

В а с с а. Сергея Петровича позови ко мне.

(Стоит среди комнаты, думает, щелкает пальцами, щупает карман. Железнов — в халате, растрепанные курчавые волосы, щеки, подбородок давно не бриты, толстые седые усы.)

В а с с а. Только что встал или спать собираешься?

Ж е л е з н о в. Что тебе надо?

В а с с а *(плотно притворяя дверь в комнату Анны Оношенковой)*. Не кричи. Не страшен.

(Железнов возвращается к двери.)

В а с с а *(обошла его, притворила и эту дверь)*. Обвинение твое утвердил прокурор.

Ж е л е з н о в *(схватился за спинку стула)*. Не верю! Врешь.

В а с с а *(спокойно)*. Утвердил.

Ж е л е з н о в. Я ему, подлецу, девять тысяч в карты проиграл. Я намекал ему... Еще одиннадцать дал бы...

В а с с а. На днях получишь обвинительный акт, после этого арестуют тебя, в тюрьму запрут.

Ж е л е з н о в. Пожадничала ты, пожадничала! Мало следователю дала. И Мельникову, видно, мало. Сколько дала, скажи?

В а с с а. За растление детей полагается каторга.

Ж е л е з н о в *(сел, мотает головой, говорит глухо)*. А ты — рада?

В а с с а. У тебя дочери — невесты. Каково для них будет, когда тебя в каторгу пошлют? Кто, порядочный, замуж их возьмет? У тебя внук есть, скоро ему пять

лет минет. Лучше бы тебе, Сергей, человека убить, чем пакости эти содеять!

Железнов. Тебя убить следовало, вот что! Убить, жестокое сердце твое вырвать, собакам бросить. Замотала ты меня, запутала. Ты...

Васса. Не ври, Сергей, это тебе не поможет. И — кому врешь? Самому себе. Не ври, противно слушать. *(Подошла к мужу, уперлась ладонью в лоб его, подняла голову, смотрит в лицо.)* Прошу тебя, не доводи дело до суда, не позорь семью. Мало о чем просила я тебя за всю мою жизнь с тобой, за тяжелую, постыдную жизнь с пьяницей, с распутником. И сейчас прошу не за себя — за детей.

Железнов *(в страхе)*. Что ты хочешь, что тебе надо? Что?

Васса. Ты знаешь.

Железнов. Не быть этому! Нет...

Васса. Хочешь, на колени встану? Я! Перед тобой!

Железнов. Отойди. Пусти! *(Пробует встать.)*

Васса *(нажала руками плечи его, втиснула в кресло)*. Прими порошок.

Железнов. Уйди...

Васса. Подумай — тебе придется сидеть в тюрьме, потом — весь город соберется в суд смотреть на тебя, после того ты будешь долго умирать арестантом, каторжником, в позоре, в тоске — страшно и стыдно умирать будешь! А тут — сразу, без боли, без стыда. Сердце остановится, и — как уснешь.

Железнов. Прочь... иди! Пускай судят. Всё равно.

Васса. А — дети? А — позор?

Железнов. В монастырь попрошусь. Пускай постригут. В схимники. Под землей жить буду, а — буду!

Васса. Глупости говоришь. Прими порошок!

Железнов *(встает)*. Не... не приму. Ничего от тебя не приму...

Васса. Прими добровольно.

Железнов. А то — что? Отравишь?

Васса. Сергей, вспомни о дочерях! Им жить надо. За пакости отцов дети не платят.

Ж е л е з н о в. А за матерей?

В а с с а. Бессмысленное сказал. Пойми, Сергей, я на суде молчать не стану. Я расскажу, как ты привозил в мой дом гулящих девок, как распутничал с ними, показывал гулящим-то Наталью с Людой, скажу, как учил их вино пить...

Ж е л е з н о в. Врешь! Это Прохор, брат твой, учил, Прохор.

В а с с а. Людмилку напугал, и оттого она вроде слабоумной, учиться не может, ни к чему не способна.

Ж е л е з н о в. А Наталья — вся в тебя, вся!

В а с с а. Так вот знай: всё скажу суду и людям!

Ж е л е з н о в *(встал, рычит)*. Отойди! Страшно глядеть на тебя. Пусти. *(Оттолкнул ее, идет к двери.)*

В а с с а *(за ним)*. Прими порошок, Сергей...

Ж е л е з н о в. Нет! *(Вышли. В двери — Лиза, в руках ее — поднос, на нем несколько штук разнообразных замков. За нею — Прохор Храпов с большим амбарным замком в руке.)*

П р о х о р *(угрюмо)*. Из-за чего грызлись?

Л и з а. Не знаю. Слышала только, что она уговаривала его порошок принять.

П р о х о р. Какой порошок?

Л и з а. Наверное — лекарство.

П р о х о р. Какое лекарство?

Л и з а. Откуда мне знать — какое?

П р о х о р. Ну и дура! Сергею никаких лекарств не требуется. Он здоров, как верблюд. Мы с ним до четырех утра, всю ночь девятку ловили и коньяком питались.

Л и з а. Содовый порошок, может быть.

П р о х о р. Еще раз — дура! Коньяк соды не требует. Чего торчишь? Поставь замки на стол. Ничего не видишь, не знаешь. За что тебе подарки дарю?

Л и з а. Подарили вы мне! Скоро всем виден будет подарок ваш.

П р о х о р. Лучше — я, чем Пятеркин. Передвинь кожаное кресло, от солнца кожа портится, а ему шестьдесят пять рублей цена.

Л и з а. Солнцу?

Прохор. Креслу, подарок мой сестре. Солнце ничего не стоит. Погоди-ка! Ты что это? Шутки шутишь? Ты не забывайся, однако! Солнцу! Избаловала тебя сестра, как старая девка — кошку. Ступай к чертям! *(Разглядывает бумаги на столе, чихает. Поет на «шестый глас».)*

Под вечер осенью ненастной
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала...

Наталья *(входит.)* Какой хороший день...

Прохор. Еще ничего не известно, день только начался. Ты что росомахой такой бегаешь? Не причесана... растрепа!

Наталья. Знаешь — решили судить отца.

Прохор *(испуганно)*. Кто сказал?

Наталья. Евгений Мельников.

Прохор *(сел)*. Ах, чёрт... Не отвертелся, капитан. Вот те и Железновы! Вот те и Храповы, старинна честна́я фамилия! Дожили! Довел капитан наше судно. Ой, будет срама! По смерть всем нам срама хватит.

Наталья. Может, оправдают?

Прохор. Не в этом дело! Дело в суде, в позоре. И, наверное, засудят. Теперь такая мода: ежели богат, значит — виноват. Несчастные люди — богатые! Ты пойми — не столько капитана Железнова судить будут, сколько нас, Храповых.

Наталья. Ничего нельзя сделать?

Прохор. В Америку бежать, куда все жулики скрываются.

Наталья. А — подкупить суд?

Прохор. Делали. Сестра не одну тысячу посеяла, чтобы скандал этот погасить. Полиции дано, следователю — дано. Не вышло, значит. Теперь мне городским головой — не быть, тебе с Людмилой женихов своего круга — не найти, даже и с приданым вашим. Запачкал вас папаша — сукин сын, проходимец! Эх, идиётка...

Наталья. Мать?

Прохор. Ну да.

Наталья. Она — не идиотка.

П р о х о р. А на кой чёрт лезла замуж за капитана этого? Почти на двадцать лет старше ее.

Н а т а л ь я. Вы уговаривали. Он приятель ваш.

П р о х о р. Я, я? Я — человек... не от мира сего! Да, я — добродушный. Артист в натуре. Я, молодой, мечтал в оперетке комиков играть. А он... по морям плавал! Эка важность! Мало ли дерьма по морям-то плавает!

Н а т а л ь я. Она его любила?

П р о х о р. А поди ты к чёрту! Это не любовь, ежели от своего стада девка отбивается. Это — безумство! Ежели дворяне на цыганках, на актрисах женились — это нашему сословию не пример, не указ!

В а с с а. Кто это тебе не указ?

П р о х о р. Мы тут с Натальей...

В а с с а. Вижу, что тут и с Натальей.

П р о х о р. Как Сергей-то?

В а с с а. Ничего. На сердце жалуется. Ната, скажи, чтоб чаю дали мне.

Н а т а л ь я. Сказали бы прямо, что мешаю...

В а с с а. Да. И — мешаешь. А чай я еще не пила. Ты чего кричал?

П р о х о р. Закричишь! Суд-то не удалось отвести.

В а с с а. С девицами подожди говорить об этом. Сама скажу.

П р о х о р. Наталья знает. Она и сказала мне.

В а с с а. А ей — кто?

(Людмила тихонько входит.)

П р о х о р. Сын Мельникова. Напрасно девицы принимают его.

Л ю д м и л а. Он интересный, а нам — скучно! Подруги всё хворают, не ходят к нам.

В а с с а. Ты, Люда, поди-ка помоги Лизе убраться в комнатах.

Л ю д м и л а. Я хочу с тобой побыть. Что ты меня всё толкаешь куда-нибудь?

В а с с а. Дела, Людок, хозяйство.

Л ю д м и л а. Хозяйство, хозяйство! А для дочери и нет время, ни минутки!

Васса. Вот буду чай пить — придешь, поговорим, а теперь — иди!

Людмила. Плакать хочется от этого. Я ведь знаю — ты будешь дядю Прохора ругать за то, что он папу распутным зовет, знаю!

Васса *(гладя голову дочери, провожает ее к двери)*. Распутный, это... не обида. Распутный — распутывает. Кто-нибудь напутал, а он распутывает. Вот я — всю жизнь распутываю путаницы разные...

Людмила. Это ты шутишь! Я ведь знаю, что такое распутный! Вот — дядя Прохор.

(Васса хочет закрыть дверь за ней — не удалось.)

Людмила *(выскользнув из-под руки матери)*. Распутный. Лизу беременной сделал. Папу ругает, не любит его.

Прохор. Сочиняешь! А вообще старики на любовь скупы.

Людмила. И ты, мама, не любишь?

Васса. Ну полно, полно!

Людмила. Почему не любишь? Дядя — тоже пьяница, так его — любишь... Пьянство — болезнь. Женя Мельников...

Прохор. Источник премудрости... к чёрту!

Людмила. Вроде... колик, какая-то...

(Лиза вносит маленький самовар, за ней — Наталья с подносом посуды. Васса, обняв дочь, ходит по комнате, как бы прислушиваясь к чему-то. Возбуждена, но скрывает возбуждение. Остановилась, рассматривает замки.)

Васса *(брату)*. Всё еще балуешься, не надоело?

Прохор. Баловство недорогое. А может быть, и не баловство?

Васса. Ну, а что же?

Прохор. Да — как знать? Никто замки старые не собирает, а я собираю. И выходит, что среди тысяч рыжих один я — брюнет. Н-да. Замок — это вещь! Всё — на замках, всё — заперто. Не научились бы запирать имущество, так его бы и не было. Без узды — коня не освоишь.

В а с с а. Ишь ты как! Даже не глупо. Наталья, разливай чай.

П р о х о р *(следит за ней)*. Ты говоришь, зря деньги трачу, а я вот за этот амбарный замок семь целковых дал, так мне за него уже двадцать пять дают. Соберу тысячу замков — продам в музей... тысяч за двадцать.

В а с с а. Ну ладно, ладно! Дай бог нашему теляти волка поймати. *(Людмиле неожиданно и громко.)* Отца полюбила я, когда мне еще не минуло пятнадцати лет. В шестнадцать — обвенчались. Да. А в семнадцать, когда была беременна Федором, за чаем в Троицын день — девичий праздник — облила мужу сапог сливками. Он заставил меня сливки языком слизать с сапога. Слизала. При чужих людях. А нашу фамилию Храповых — люди не любили.

Л ю д м и л а. Ой, Вася! Зачем ты рассказала?

(Наталья всё время следит из-за самовара за матерью.)

В а с с а. Он — веселый был. Забавник.

Л ю д м и л а. Шутил?

В а с с а. Наталья, помнишь, как ты коловоротом дырку в переборке просверлила и забавами отца любовалась?

Н а т а л ь я. Помню.

В а с с а. А потом прибежала ко мне, в слезах, и кричала: «Прогони их, прогони!»

Н а т а л ь я. Помню. Это вы домашний суд устраиваете?

П р о х о р. Ох, язва какая!

В а с с а. Значит — помнишь, Наталья? Это — хорошо! Без памяти нельзя жить. Родила я девять человек, осталось — трое. Один родился — мертвый, две девочки — до года не выжили, мальчики — до пяти, а один — семи лет помер. Так-то, дочери! Рассказала я это для того, чтобы вы замуж не торопились.

Л ю д м и л а. Ты никогда не рассказывала... так.

В а с с а. Времени не было.

Л ю д м и л а. Почему все помирали, а мы живы?

В а с с а. Такое уж ваше... счастье. А помирали оттого, что родились слабые, а слабые родились потому,

что отец пил много и бил меня часто. Дядя Прохор знает это.

П р о х о р. Н-да, бивал! Это — было. Приходилось мне отнимать ее из капитановых рук. Он людей бить на матросах учился, так что бил... основательно!

Л ю д м и л а. А ты почему не женатый?

П р о х о р. Я — был. В оперетке одной поется:

Жениться нам весьма легко,
Но трудно жить вдвоем...

Л ю д м и л а. У тебя все песни на один мотив.

П р о х о р. Так проще, лучше слова помнишь. Я с женой четыре года жил. Больше — не решился. Спокойнее жить одному — сам себе хозяин. Зачем свои лошади, когда лихачи есть?

Н а т а л ь я. Федор будет жить с нами?

В а с с а. Вылечится — будет, конечно.

Н а т а л ь я. И — Рашель?

В а с с а. Ну... а как же? Жена.

Л ю д м и л а. Какая хорошая она, Рашель!

Н а т а л ь я. После суда над отцом — будут жить?

В а с с а *(вспыхнув)*. Много спрашиваешь, Наталья! И любопытство твое нехорошее.

Л ю д м и л а. Не сердись, не надо!

Л и з а *(испуганно)*. Васса Борисовна... Сергей Петрович...

В а с с а *(как будто пошатнулась, но спокойно)*. Что? Зовет?

Л и з а. Они, кажется, померли...

В а с с а *(сердито)*. С ума сошла! *(Быстро ушла. Людмила за ней. Наталья встала на ноги, смотрит на дядю, он — растерянно — на нее.)*

П р о х о р. Даже... ноги трясутся! Иди, Натка, иди! Что там... такое?

Н а т а л ь я. Если помер, значит, судить некого?

П р о х о р. Ид-ди, говорю! *(Остался один, пьет холодный чай. Бормочет.)* Вот так... чёрт! Ух...

Л и з а *(вбегает, говорит испуганно, вполголоса)*. Прохор Борисыч, как же это? Он совсем здоровый был...

П р о х о р. Что — как же? Был и — нет! И может, это обморок?

Л и з а. Совсем здоровый... Прохор Борисыч... давеча, порошок-то...

П р о х о р *(ошеломленный)*. Что-о? Это ты... *(В ярости схватил ее за горло, трясет.)* Если ты, дикая рожа, не забудешь... если ты... ах ты, змея! Что выдумала, а? Как ты смеешь? *(Оттолкнул ее, отирает пот с лысины.)*

Л и з а. Вы же сами приказали всё говорить вам...

П р о х о р. Что говорить? Что видела, слышала, о том — говори! А — что ты видела? Ты — выдумала! Вы-ду-ма-ла, а не видела. Пошла вон, идиётка! Я те всыплю... порошок! Слово это забудь...

(Выгнал. Мечется по комнате, подходит к двери и как будто не может шагнуть дальше. Входят Васса, Людмила, за ними Пятеркин.)

П р о х о р. Что, Вася, как? Действительно?

В а с с а. Да. Кончился.

Л ю д м и л а. Мама, я возьму лавр?

В а с с а. Да, бери.

(Пятеркин выкатывает кадку с лавром. Людмила взяла с подоконников цветы, уходит, тотчас возвращается.)

П р о х о р. Удивительно, как это он? Вполне... здоров был. Мы с ним до четырех утра...

В а с с а. Коньяк пили.

П р о х о р. Верно. Мне сейчас вот Лизавета сказала — порошок ты ему...

В а с с а. На изжогу жаловался. Соды попросил.

П р о х о р *(обрадовался)*. Сода? Ага!

Л ю д м и л а. Дядя Прохор, ты ужасный! Папа скончался, а ты улыбаешься... Что это?

П р о х о р. Ничего, Людок...

В а с с а *(у телефона)*. 6-53. Да. Спасибо. Кто? Вы, Яков Львович? Пожалуйте к нам. Нет, сейчас, немедля. Да, Сергей Петрович скончался. Нет, был вполне здоров. В одночасье. Никто не видел как... Пожалуйста.

П р о х о р *(тихо, с восхищением)*. Богатырь ты, Васса, ей-богу!

В а с с а *(изумленно)*. Это что еще, что ты плетешь? Опомнись! Дурак...

З а н а в е с

ВТОРОЙ АКТ

Через несколько месяцев. Та же веселая комната. В а с с а — сидит в кожаном кресле. На тахте — Л ю д м и л а, Н а т а л ь я, А н н а, Е в г е н и й М е л ь н и к о в. Отпили чай, самовар и посуда еще не убраны. Вечер, горит огонь, но в комнате мягкий сумрак. В саду луна, черные деревья.

В а с с а. Ну вот, рассказала я вам старинные свадебные обряды, рассказала, как в старину мужья с женами жили...

А н н а *(тихо)*. Страшно жили.

Н а т а л ь я. И глупо очень.

Л ю д м и л а. А почему люди несчастны, Вася?

Е в г е н и й. По глупости и несчастны.

В а с с а. Почему несчастны — я не знаю, Людка. Вот Онегин с Натальей знают — по глупости. Но говорят — да я и сама видела — умные-то несчастней дураков.

Е в г е н и й. Если принять, что богатые умнее бедных...

В а с с а. Богатые, конечно, умнее, а живут они дрянно и скудно. И никогда богатый не веселится так от души, как бедный.

А н н а. Это верно.

Н а т а л ь я. Значит, нужно жить в бедности.

В а с с а. Вот, вот. Именно — так. Ты попробуй, Натка, испытай. Выходи замуж за Онегина и поживи. Он будет подпоручиком в пехоте, ты — полковой дамой, есть такие. Приданого я тебе не дам, и жить будете вы на сорок целковых в месяц. На эти деньги: одеться,

обуться, попить, поесть и гостей принять да покормить. Детей заведете на эти же деньги, да...

Н а т а л ь я. Я детей родить не стану. Зачем несчастных увеличивать?

В а с с а. Это, конечно, умно. Зачем, в самом деле? Так вот, Онегин, впереди-то у тебя сорок целковых и денщик, каждый день будет котлеты жарить из дешевого мяса с жилами.

Е в г е н и й *(мрачно)*. Я, может быть, во флот перейду...

Л ю д м и л а. Я тоже не пойду замуж, страшно очень! Я лучше путешествовать буду, ботанические сады смотреть, оранжереи, альпийские луга...

Н а т а л ь я. Всё это переделать надо — браки, всю жизнь, всё!

В а с с а. Вот и займись, переделай. Гурий Кротких научит, с чего начать.

Н а т а л ь я. Я без него знаю — с революции!

В а с с а. Революция вспыхнула да и прогорела — один дым остался.

А н н а. Это вы — про Государственную думу?

В а с с а. Ну хоть про нее. Там головни-то шипят. Сырое дерево горит туго. А Гурий Кротких — научит. Он за двести целковых в месяц меня хозяйствовать учит, а тебя рублей за пятнадцать будет учить революцию делать. Полтина за урок. Пришел ко мне служить — штаны были мятые, а недавно, в театре, гляжу — на жене его золотишко кое-какое блестит. Так-то, девицы! В матросы, значит, Онегин?

Е в г е н и й. Это не решено. И почему вы зовете меня Онегиным?

В а с с а. Решай. Тебе пора юнкером быть, а ты всё еще кадет. А Онегиным я тебя называю...

Н а т а л ь я. Он не похож на Онегина.

В а с с а. Разве? А такой же — надутый... Ну, ладно! Конечно, тебе, Ната, лучше знать, на кого он похож.

Н а т а л ь я. Ни на кого.

В а с с а. Из людей?

Е в г е н и й *(обиженно)*. Я совершенно не понимаю, когда вы шутите, когда говорите серьезно. Странная манера!

В а с с а. А ты не сердись, не обижайся, ты — понимай. Вот я тебе расскажу: когда у нас в затоне забастовка была и пришли солдаты, так слесарь Везломцев и сказал подпоручику: «Вы, говорит, ваше благородие, сорок целковых получаете, а я зарабатываю семьдесят пять, могу догнать и до ста. Так как вы, говорит, служите богатым, а я богаче вас, так кричать на меня, богатого, вам будто не следует».

Е в г е н и й. Не вижу в этом ничего... интересного.

Н а т а л ь я. Мать любит дразнить людей.

В а с с а. В этом грешна. Я людям — недруг.

Л ю д м и л а. Неверно это, Вася!

В а с с а. Нет, верно. Недруг. Ну, ладно! Поговорили, побаяли — идите-ка, девушки, к себе, а я поработаю... по хозяйству. Ты, Анна, останься. Ну, пошли, пошли! За ужином увидимся. *(Анне.)* Ну что, верно — вписался отец Евгения в «Союз русского народа»?

А н н а. Верно.

В а с с а. Это он, дурак, из-за сына. Женьку-то хотят выгнать из кадетского корпуса. Боюсь, испортит мне девку хлыщ этот.

А н н а. По-моему, Наташа от скуки занимается им.

В а с с а. Злым — скука не знакома.

А н н а. После смерти Сергея Петровича она очень мрачная стала. И, конечно, слухи эти...

В а с с а. А слухи живут?

А н н а. Да.

В а с с а. А ты слухам — веришь?

А н н а. Нет. Меня только самоубийство Лизы смутило. Не могу понять — почему? Такая славная. Жила у вас с детства, все любили ее.

В а с с а. Это Прохорово дело. Он ее чем-то запугал.

А н н а. Она жила с ним?..

В а с с а. Заставил. А разве не верят, что Лизавета в бане угорела?

А н н а. Не многие верят.

(Поля входит.)

В а с с а. Что тебе надо? Ну, чего мнешься? Говори.

П о л я *(негромко)*. Там женщина.

Васса. Какая? В эту пору?

Поля. Трудное имя... Моисеевна.

Васса. Кто-о? *(Быстро идет, остановилась. Анне.)* Не говори ничего девицам, я им сюрприз сделаю. Не пускай ко мне никого. *(Поле.)* Убери самовар, вскипяти маленький. *(Ушла.)*

Анна. Ну как — привыкаешь?

Поля. Трудно. Я думала, что мне только девицам служить, а у хозяйки своя будет горничная. Прохору Борисовичу — лакея надо, я за ним ухаживать не могу.

Анна. Пристает?

Поля. Такой бесстыдник — невозможный! Вот сейчас гуляет в одной нижней рубахе и поет, поет всё одно какое-то. Вчера все уже легли спать, а он гремит железом и поет. Такая тоска от него. Что это он, Анна Васильевна?

Анна. Ненормальный. Алкоголик, то есть пьяница.

Поля. Я очень благодарная вам, дом хороший.

Анна. А люди — плохие, хочешь сказать?

Поля. Я людям не судья, сама — судимая, хошь и оправдали, а все-таки в тюрьме сидела. К тому же рассказывают, что до меня горничная повесилась в бане.

Анна. Это — ложь. Она угорела в бане. Готовила баню и угорела. Была она беременная.

Поля. Вот видите, и — беременная!

Людмила *(в руках круглая скамейка, за нею Пятеркин несет кадку с каким-то растением)*. Вот сюда, ему нужно много солнца. Неправильно поставил, передвинь на середину.

Пятеркин. Слушаю. Так? *(Он спрашивает, стоя на одном колене.)*

Людмила. Хорошо. Какие у тебя волосы ужасные. Жесткие, должно быть?

Пятеркин. Даже нисколько, пощупайте.

Людмила *(проводя рукой по его гриве)*. Точно у льва.

Пятеркин. Вот это верно. Это все говорят.

Людмила. Кто — все?

Пятеркин. Знакомые. И — вообще — люди.
Людмила. Что же ты на коленях стоишь?
Пятеркин. Приятно мне на коленях перед вами.
Людмила. Ну уж... сочиняешь! Я бы никогда на колени перед мужчиной не встала.
Пятеркин. Вам это не требуется, он сам пред вами встанет... Вы с мужчиной можете делать что угодно вашему любопытству.
Людмила. А я ничего не хочу. И не буду.
Пятеркин. В этом ваша воля.
Людмила. Подождите, я спрошу садовника, что взять отсюда... *(Ушла.)*
Анна *(из своей комнаты)*. Не по своей силе, Пятеркин, дерево ломишь.
Пятеркин. А ты не ревнуй. Как знать? Всё может быть, всё надо пробовать.
Анна. Если Васса узнает о твоих разговорчиках...
Пятеркин. От кого узнает?
Анна. Вылетишь из дома в минуту.
Пятеркин. Ты — не скажешь, а Людмилка тогда поймет обстоятельство игры, когда уже поздно будет. Ты только не мешай. Мешать мне — у тебя расчета нет. Ты свой барыш аккуратно получаешь, а меня, может, завтра выгонят. Ну, тогда и твои дела пошатнутся...
Анна. Мне — что? Однако видеть тебя в числе хозяев — как будто и обидно...
Людмила *(возвратилась)*. Иди, Пятеркин, больше ничего не надо.
Пятеркин. Желаю вам счастья на сей день и до конца века.
Людмила. Услужливый какой.
Анна. Да.
Людмила. А — пляшет как! Удивительно!
Анна. Все-таки ты, Люда, осторожнее с ним.
Людмила. А что он мне сделает?
Анна. Ребенка может сделать.
Людмила. Фу, какая гадость!
Анна. Ребенок-то?

Людмила. Ты, ты гадость говоришь! *(Уходит.)*

Анна *(вслед ей)*. Так я — о ребенке!

Васса *(широким движением руки изгоняет Анну и Полю. Рашель — под тридцать лет, одета изящно, но просто, строго, эффектно красивая)*. Ну-ка, ну, Рашель, садись, рассказывай — как это ты явилась, откуда?

Рашель. Из-за границы.

Васса. Ну да, понятно. Пустили?

Рашель. Нет, я приехала в качестве компаньонки с музыкантшей.

Васса. С чужим паспортом — значит? Смелая ты. Молодчина. И — еще красивее стала. С такой красотой, да... Ну — ладно! Как — Федор? Правду скажи.

Рашель. Скрывать правду — не мое дело. Федя, Васса Борисовна, безнадежен. Угасает. Доктора говорят — месяца два, три осталось ему жить.

Васса. Сгорел, значит, сын капитана Железнова.

Рашель. Да. Худой, почти прозрачный. Понимает, что приговорен. Но всё такой же веселый, остроумный. А как мой Коля?

Васса. Сгорел Федор Железнов. Наследник мой. Голова всего хозяйства.

Рашель. Коля — спит?

Васса. Коля-то? Не знаю. Наверно — спит.

Рашель. Можно взглянуть на него?

Васса. Нельзя.

Рашель. Почему?

Васса. Его нет здесь.

Рашель. Позвольте! Вы... что это значит?

Васса. Ничего плохого не значит. Коля в деревне живет, в сосновой роще. Песок там. Там — хорошо. В городе ему вредно жить, у него гланды. Родители плохим здоровьем наградили его.

Рашель. Далеко это?

Васса. Верст шестьдесят.

Рашель. Как же мне туда съездить?

Васса. А тебе не надо ездить туда. Ну-ка, Рашель, давай сразу и ясно — поговорим!

Р а ш е л ь. Умер?

В а с с а. Тогда и говорить не о чем, одним словом всё сказано. Нет — жив, здоров и хороший детеныш, умный. Он тебе зачем нужен?

Р а ш е л ь. Я решила его отправить за границу. Там сестра моя замужем за профессором химии, детей у них нет.

В а с с а. Так я и думала: Рашель, наверно, ребенка потащит в свой круг. Нет, не дам я тебе Кольку-то! Не дам!

Р а ш е л ь. Как это? Я — мать!

В а с с а. А я — бабушка! Свекровь тебе. Знаешь, что такое свекровь? Это — всех кровь! Родоначальница. Дети мне — руки мои, внучата — пальцы мои. Поняла?

Р а ш е л ь. Позвольте... Я не понимаю вас. Это вы серьезно? Это... допотопное что-то... Вы же — умная, вы не можете так думать.

В а с с а. Чтобы не говорить лишних слов,— ты молчи и слушай. Колю я тебе не дам.

Р а ш е л ь. Этого не может быть!

В а с с а. Не дам. Думай — что ты можешь сделать против меня? Ничего не можешь. Для закона ты — человек несуществующий. Закон знает тебя как революционерку, как беглую. Объявишь себя? Посадят в тюрьму.

Р а ш е л ь. Неужели вы воспользуетесь моим положением? Не верю! Вы не сделаете этого. Вы отдадите мне сына.

В а с с а. Пустяки говоришь. Всё это лишнее — твои слова. Я сделаю, как решила.

Р а ш е л ь. Нет!..

В а с с а. Не ори! Спокойно. Колю я тебе не дам. Ему другая судьба назначена.

Р а ш е л ь. Да — что вы — зверь?

В а с с а. Я говорю — не ори! К чему это — крик? Я — не зверь. Зверь выкормит детеныша, и — беги, сам добывай хлеб себе, как хошь. Хочешь куриц ешь, хочешь — телят. Конечно, речь идет не о зайцах, а о серьезном зверье. А ты вот своего детеныша на свободную добычу не пускаешь. И я внука своего не пущу.

Внук мой — наследник пароходства Храповых и Железнова. Единственный наследник миллионного дела. Тетки его — Наталья и Людмила — выделены будут в малых частях, тысяч по пятьдесят, им и того — много. Всё остальное ему.

Р а ш е л ь. Вы ошибаетесь, если думаете этим подкупить или же утешить меня, — ошибаетесь. Это — невозможно!

В а с с а. Зачем тебя подкупать, зачем утешать? Ты, Рашель, знаешь — я тебя врагом не считала, даже когда видела, что ты сына отводишь от меня. На что он мне годен, больной? Я с ним неласкова была и видела — ты его любишь. И я тебе сказала тогда — люби, ничего! Немножко радости и больному надобно. Я даже благодарна была тебе за Федора.

Р а ш е л ь *(вспыхнула)*. Всё это — ложь! Это... отвратительно. Я — поверить не могу... Это... зверство!

В а с с а. Не веришь, а ругаешься. Ничего, ругай. Ругаешься ты потому, что не понимаешь. Ты подумай, что ты можешь дать сыну? Я тебя знаю, ты — упрямая. Ты от своей... мечты-затеи не отступишься. Тебе революцию снова раздувать надо. Мне — надо хозяйство укреплять. Тебя будут гонять по тюрьмам, по ссылкам. А мальчик будет жить у чужих людей, в чужой стороне — сиротой. Рашель, помирись — не дам тебе сына, не дам!

Р а ш е л ь *(спокойней, презрительно)*. Да, в конце концов вы можете это сделать, я понимаю. Вы даже можете выдать меня жандармам.

В а с с а. И это могу. Всё могу! Играть — так играть!

Р а ш е л ь. Чем можно тронуть дикий ваш разум? Звериное сердце?

В а с с а. Опять звериное. А я тебе скажу: люди-то хуже зверей! Ху-же! Я это знаю! Люди такие живут, что против их — неистовства хочется... Дома ихние разрушать, жечь всё, дóгола раздеть всех, голодом морить, вымораживать, как тараканов... Вот как!

Р а ш е л ь. Чёрт вас возьми... Ведь вот есть же у вас, в этой ненависти вашей, что-то ценное...

В а с с а. Ты, Рашель, умная, и, может быть, я неоднократно жалела, что ты не дочь мне. Кажись, даже говорила это тебе! Я ведь всё говорю, что думаю.

Р а ш е л ь *(глядя на часы)*. Ночевать у вас можно, что ли?

В а с с а. Ну а как же? Ночуй. Не выдам жандармам-то. Девчонки будут рады видеть тебя. Очень рады будут. Они тебя любят. А Колю я тебе не дам! Так и знай.

Р а ш е л ь. Ну, это... увидим!

В а с с а. Выкрасть попробуешь? Пустяки...

Р а ш е л ь. Нет, я больше не буду говорить об этом. Устала, изнервничалась, да еще вы ошарашили. Страшная вы фигура! Слушая вас, начинаешь думать, что действительно есть преступный тип человека.

В а с с а. Всё есть! Хуже ничего не придумаешь, всё уж придумано.

Р а ш е л ь. Но не много жизни осталось для таких, как вы, для всего вашего класса — хозяев. Растет другой хозяин, грозная сила растет,— она вас раздавит. Раздавит!

В а с с а. Вон как страшно! Эх, Рашель, кабы я в это поверила, я бы сказала тебе: на, бери всё мое богатство и всю хитрость мою — бери!

Р а ш е л ь. Ну, это вы... врете!

В а с с а. Да — не верю я тебе, пророчица, не могу поверить. Не будет по-твоему, нет!

Р а ш е л ь. А вы жалеете, что не будет? Да?

В а с с а. А вдруг — жалею? А? Эх ты... Когда муженек мой все пароходы, пристани, дома, всё хозяйство — в одну ночь проиграл в карты,— я обрадовалась! Да, верь не верь,— обрадовалась. Он, поставив на карту последний перстень,— воротил весь проигрыш, да еще с лишком... А потом, ты знаешь, начал он безобразно кутить, и вот я полтора десятка лет везу этот воз, огромное хозяйство наше, детей ради,— везу. Какую силу истратила я! А дети... вся моя надежда, и оправдание мое — внук.

Р а ш е л ь. Сообразите: насколько приятно мне слышать, что мой сын предназначен для оправдания ваших темных делишек... в жертву грязного дела...

В а с с а. Неприятно? Ничего, я от тебя тоже кое-что кисленькое слышала. Давай-ка чай пить. При девицах — сохраним вежливость,— так, что ли?

Р а ш е л ь. Не надо им говорить, что я приехала нелегально. И спор наш — не следует знать им. Они ведь ничего не решают.

В а с с а. Понятно — не надо!

(Поля в двери.)

В а с с а. Зови девиц. Кадета — скажи им — не надо. Тихо скажи, чтоб он не слышал. Самовар подашь. Иди. Вот как встретились мы, Рашель!

Р а ш е л ь. Неприятная встреча.

В а с с а. Что делать? Приятно — только дети живут, да и то недолго.

Р а ш е л ь. Мне все-таки кажется невероятным всё это.

В а с с а *(толкает ногой стул)*. Ну, как это невероятно?

Л ю д м и л а *(вбегает, за ней идет Наталья)*. Ой, кто, что? Рашель... Рашель!

Н а т а л ь я. Не телеграфировала — почему?

В а с с а. Натка спрашивать любит. Ей скажут: «Здравствуй», а она спрашивает: «Почему?»

Р а ш е л ь. Ты, Люда, не изменилась, всё такая же милая, даже как будто и не выросла за эти два года.

Л ю д м и л а. Это — плохо?

Р а ш е л ь. Конечно — нет! А вот Ната...

Н а т а л ь я. Постарела.

Р а ш е л ь. О девушке не скажешь — возмужала, но именно такое впечатление.

Н а т а л ь я. Говорят — созрела.

Р а ш е л ь. Это иное!

(Девицы обрадованы встречей, Рашель говорит устало, почти не отводя взгляда от Вассы. Сестры усаживают ее на тахту. Васса спокойна; сидя у стола, готовит чай.)

Л ю д м и л а. Садись, рассказывай.

Н а т а л ь я. Как Федор? Выздоравливает?

Р а ш е л ь. Нет, Федор — плох.

Н а т а л ь я. Зачем же ты уехала от него?

Р а ш е л ь. За сыном, за Колей.

В а с с а. А я его не даю за границу.

Л ю д м и л а. Раша, милая, какой он стал прелестный, Коля! Умный, смелый... Он в лесу живет, в Хомутове. Замечательное село. Там такой сосновый лес.

Н а т а л ь я. Разве его перевезли из Богодухова?

Л ю д м и л а. Богодухово — тоже замечательное! Там — липовая роща, пасеки...

Р а ш е л ь. Оказывается, вы и не знаете — где он?

В а с с а. Идите к столу-то.

Р а ш е л ь. Расскажи — как ты живешь?

Л ю д м и л а. Я — удивительно хорошо. Вот видишь — весна, мы с Васей начали работать в саду. Рано утром она приходит: «Вставай!» Выпьем чаю и — в сад. Ах, Раша, какой он стал, сад!

(Анна вошла, молча здоровается с Рашелью, говорит что-то Вассе. Обе вышли.)

Л ю д м и л а. Войдешь в него, когда он росой окроплен и весь горит на солнце... как риза, как парчовый,— даже сердце замирает, до того красиво! В третьем году цветочных семян выписали почти на сто рублей,— ни у кого в городе таких цветов нет, какие у нас. У меня есть книги о садоводстве, немецкому языку учусь. Вот и работаем, молча, как монахини, как немые. Ничего не говорим, а знаем, что думаем. Я — пою что-нибудь. Перестану, Вася кричит: «Пой!» И вижу где-нибудь далеко — лицо ее доброе, ласковое...

Р а ш е л ь. Значит, счастливо живешь, да?

Л ю д м и л а. Да! Мне даже стыдно. Удивительно хорошо!

Р а ш е л ь. А ты, Ната?

Н а т а л ь я. Я! Я тоже удивляюсь.

П р о х о р *(выпивши, с гитарой)*. Б-ба! Р-рахиль!.. *(Поет.)* «Откуда ты, прелестное дитя?» Ой, как похорошела!

Р а ш е л ь. А вы — всё такой же...

П р о х о р. Ни лучше, ни хуже. Остаюсь при своих козырях.

Р а ш е л ь. Веселитесь?

П р о х о р. Именно. Ремесло мое. Главное каче-

ство — простодушная веселость. Это у меня от природы естества моего. Капитан Железнов — помер, так я для славы семейства и хозяйства — за двоих теперь гуляю.

Р а ш е л ь. Он — давно хворал?

П р о х о р. Это — верно, давно пора.

(Людмила смеется.)

Р а ш е л ь. Я неправильно спросила — долго хворал?

П р о х о р. Капитан? Он — не хворал. Он — в одночасье — пафф! И — «со святыми упоко-о-ой».

Н а т а л ь я. Дядя, перестаньте! Это — безобразие!

П р о х о р. Со святыми — безобразие? Ты, девка, не учи меня, молода учить! Откуда же ты явилась, разрушительница жизни? Из Швейцарии? Федор-то жив?

Р а ш е л ь. Жив.

П р о х о р. Плох?

Р а ш е л ь. Да, плох.

П р о х о р. Нестойко потомство Железнова, мы, Храповы, покрепче будем! Впрочем, сын твой, Колька, хорош, разбойник! Приметливый. Как-то мы с Железновым поругались за обедом. На другой день я здороваюсь: «Здравствуй, Коля!» А он: «Пошел прочь, пьяная рожа!» Убил. А утро было, и я еще трезвый... Что же вы тут делаете? Чай пьете? Чай только извозчики пьют, серьезные люди утоляют жажду вином... Сейчас оно явится. Портвейн, такой портвейн, что испанцы его не нюхали. Вот Наталья знает... *(Идет. Васса навстречу.)*

В а с с а. Что там в клубе случилось?

П р о х о р. В клубе? А ты откуда знаешь?

В а с с а. По телефону.

П р о х о р. В клубе — драка на политической почве. Очень просто.

В а с с а. Снова о тебе в газете напишут?

П р о х о р. Почему — обо мне? Я один раз ударил. Он — на Думу лаял, ну, а я его — по морде.

В а с с а. Послушай, Прохор...

П р о х о р. Сейчас приду. И буду слушать, как *(поет)*: «Не искуша-ай меня без нужды-ы...»

Л ю д м и л а. Какой смешной, правда? Он всё больше пить стал. И Наташу учит...

Н а т а л ь я. Уже научил.

Р а ш е л ь. Это — серьезно, Ната?

Н а т а л ь я. Да. Мне очень нравится вино. И опьянение нравится.

В а с с а. Ты прибавь: а бить меня — некому!

Н а т а л ь я. А бить меня — некому.

В а с с а. Наталья! Не балуй.

Н а т а л ь я. Вы велели прибавить, я прибавила.

В а с с а. Счастье твое, что у меня времени не хватает чёрта выгнать из тебя!

Л ю д м и л а. Ната — очень дерзкая с мамой, видишь, Раша. По-моему, это плохо.

В а с с а. Замахиваешься по-благородному жить... Интеллигентно. А сама — свинья!

Н а т а л ь я. Свиньи хороших пород очень ценятся.

В а с с а *(гневно)*. Вот так и живем, Рашель.

Р а ш е л ь. Плохо живете, но лучшего и недостойны. Эта обессмысленная жизнь вполне заслужена вами.

В а с с а. Мной? Врешь!

Р а ш е л ь. Не только вами лично, сословием вашим, классом.

В а с с а. Ну вот, поехала!

Р а ш е л ь. Там, за границей, также скверно живут. Может быть, даже и сквернее, потому что спокойнее и меньше мучают друг друга, чем вы.

Н а т а л ь я. Это верно? Или — для утешенья?

Р а ш е л ь. Верно, Наташа. Я не из тех, которые утешают. Мир богатых людей разваливается, хотя там они — крепче организованы, чем у нас. Разваливается всё, начиная с семьи, а семья там была железной клеткой. У нас — деревянная.

В а с с а. Рашель!

Р а ш е л ь. Да?

В а с с а. Живи с нами. Федор умрет, сама говоришь. Довольно тебе болтаться... странничать, прятаться! Живи с нами. Сына будешь воспитывать. Вот — девочки мои. Они тебя любят. Ты — сына любишь.

Р а ш е л ь. Есть нечто неизмеримо более высокое, чем наши личные связи и привязанности.

В а с с а. Знаю. Дело есть, хозяйство. Но... вот что

выходит: и взять можно, и положить есть куда, а — иной раз — не хочется брать.

Р а ш е л ь. Это вы... не от себя говорите.

В а с с а. Как это — не от себя?

Р а ш е л ь. Может быть, иногда, вы чувствуете усталость от хозяйства, но чувствовать бессмысленность, жестокость его вы — не можете, нет. Я вас знаю. Вы все-таки рабыня. Умная, сильная — а рабыня. Червь, плесень, ржавчина портят вещи, вещи — портят вас.

В а с с а. Премудро. Но едва ли верно! Я тебе скажу, чего я хотела, вот при дочерях скажу. Хотела, чтоб губернатор за мной урыльники выносил, чтобы поп служил молебны не угодникам святым, а вот мне, черной грешнице, злой моей душе.

Р а ш е л ь. Это — от Достоевского и не идет вам.

Н а т а л ь я. Мать Достоевского не знает, она книг не читает.

В а с с а. От какого там Достоевского? От обиды это. От незаслуженной обиды... Вот — девчонки знают, я сегодня рассказывала им, как меня...

П р о х о р *(две бутылки вина в руках)*. Вот оно! Нуте-ка, давайте отнесемся серьезно. Вася, разреши угостить? Не пожалеешь. Редкая вещь...

В а с с а. Давай! Давай! Девчонки, садитесь к столу... Что, в самом деле? Сноха... явилась! Давай, Прохор. Кого ты избил?

П р о х о р. Квартиранта Мельникова по роже. Еще кого-то... Ерунда! Заживет!

В а с с а. А знаешь — Мельников-то в «Союз русского народа» вписался.

П р о х о р. Ну так что? Важность какая! Я вот в телефонной книге вписан, а — не горжусь. Рюмки!

(Звонок телефона.)

В а с с а. Это меня. *(У телефона.)* Кто это? Да, я. Какой пароход? Почему? Идиоты! Кто это грузил? В Уфе? Терентьев? Рассчитать болвана! Мое присутствие — зачем? Арестовали всю баржу? А еще что? Кроме кожи... О дьяволы! Санитарная комиссия — там? Инспектор — тоже? Сейчас приеду. *(Бросила трубку.)* Ну, вы тут... подождите, смирно. У меня — скандал: арестовали бар-

жу, идиот приказчик погрузил кожу без санитарного осмотра, без клейм. А на барже — еще овчины, лыко, мочало. Поеду. *(Ушла, взглянув на Рашель, поймав ее взгляд.)*

Прохор. Поехала речной полиции взятку давать. У нас речная полиция — разбойники. И сухопутная — тоже. Однако к чёрту всё это. Наливаю. Наталочка,— это будет получше твоего любимого. *(Поет на «шестый глас».)*

Наливай, брат, наливай,
Всё до капли вы-пи-вай...

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

Тотчас после ухода Железновой. Прохор курит сигару. Людмила увлеченно ест бисквиты, макая их в блюдце с вареньем. Наталья — рядом с Рашелью, в руке — рюмка. Рашель — задумчива.

Прохор. Вот так и живем, Рашель,— беспокойно живем. Полиция обижает. *(Хохочет.)*

Рашель. Вы — уже городской голова?

Прохор. В мечтах побывал на этом пункте, а потом сообразил — на кой чёрт мне нужна обуза сия? Поживу лучше вольным казаком...

Наталья. Неверно это! Казак вы — не вольный. И от выборов отказались из трусости.

Прохор. Ужас, до чего Наталья любит обижать меня. И вообще — всех... Молодая, а уже — ведьма. Очень похожа... Мм-да! Однако она верно сказала — я человек осмотрительный. После смерти капитана...

Наталья. После смерти отца пошли слухи, что он отравился... Даже что мы отравили его, чтобы не позориться на суде.

Людмила. Глупости какие!

Прохор *(беспокойно)*. Вот именно — глупости! И дело-то это паскудное прекращено было прокурором...

Наталья. За недоказанностью обвинения... А дядя испугался слухов, подумал — не выберут его в головы.

Прохор. Довольно, Натка!

Наталья. А следовало идти против слухов, против людей...

Прохор. Она — всегда вот так, — против!

Р а ш е л ь *(гладя руку Наталье)*. Так и надо!

Н а т а л ь я. Рашель, если обвинение не доказано, это ведь еще не значит, что обвиняемый не виноват?

Р а ш е л ь. Да, не значит.

Л ю д м и л а. Разве так — против всех надо, Рашель? Разве нельзя жить...

Н а т а л ь я. Дурой, как Людмила Железнова.

Л ю д м и л а. Напрасно ругаешь, ведь я не рассержусь! Ой, Рашель, я как не люблю всё это... злость и всякое такое...

Н а т а л ь я. Она бисквиты с вареньем любит!

Л ю д м и л а. А тебе завидно, что люблю? Ты злишься потому, что у тебя аппетита нет. Ела бы побольше, так не сердилась бы!

П р о х о р *(поет)*. «Я не сержусь, хоть больно ноет грудь». Кроме бисквитов и всяких сладостей, Людмилка обожает что-нибудь военное и чтобы — с перьями, как у индейцев.

Л ю д м и л а. И вовсе это неправда.

П р о х о р. Вот что,— давайте-ка пошлем к чёртовой матери всё это: семейность, прошлое и — всё вообще. Сочиним маленький кавардак, покуда хозяйки нет! Я тебе, Рахиль, плясуна покажу, эх ты! Ахнешь! Ну-ка, Люда, зови Пятеркина...

Л ю д м и л а. Вот это хорошо!

П р о х о р. С гитарой! *(К Рашели.)* Когда к сыну поедешь?

Р а ш е л ь. Он далеко?

П р о х о р. Двадцать три версты, двадцать пять. Утешный человечек. Здоровьишко слабое, а — хорош!

Р а ш е л ь. Бабушка не хочет отдавать его мне.

П р о х о р. Это она — правильно! Тебе сын — ни к чему, при твоей беглой жизни.

Р а ш е л ь. А ты как думаешь, Ната?

Н а т а л ь я. Требуй, чтоб отдала. Не будет отдавать — выкради!

П р о х о р. Ого!

Н а т а л ь я. Да, да — выкради, увези, спрячь. Ты — видишь, какие мы все! Ты же видишь...

Р а ш е л ь. Выкрасть... Увезти. Это я не могу сделать.

Н а т а л ь я. Почему?

Р а ш е л ь. У меня есть другое дело, более серьезное.

Н а т а л ь я. Серьезнее сына? Да? Зачем же ты родила, если у тебя есть дело серьезнее? Зачем?

Р а ш е л ь. Да, это моя ошибка!

Н а т а л ь я. А — какое дело? То, о котором ты говорила... два года тому назад. Я — помню... Очень помню.

Р а ш е л ь. Но — не веришь?

Н а т а л ь я. Не верю.

Р а ш е л ь. Это потому, что не понимаешь. А для меня — нет жизни вне этого дела. И пусть я потеряю... никогда не увижу Колю...

П р о х о р. Постой! Выкрасть — это дело! Это, Раха, замечательно! Ух, сестре— вилка в бок! Рашель, действуй! Мы с Наткой поможем тебе, честное слово. У меня есть Пятеркин — он всё может!

Р а ш е л ь. Перестаньте!

П р о х о р. Алешка Пятеркин? Да он -- архиерея украдет, не то что мальчика!

Р а ш е л ь. Играть моим сыном...

П р о х о р. Вот он, Пятеркин, храбрый воин — в обозе служил! Лешка, «птичку божию» делаем! Для заграницы, для Европы — понял? Чтобы — безупречно!

(Прохор берет из рук Пятеркина гитару, пробует строй. Людмила принесла бубен и балалайку, бубен дала сестре.)

П р о х о р. Девицы, с тихой грустью! Особенно — бубен! Он гудит, а не бухает...

Л ю д м и л а. Знаем.

П р о х о р. Начали. *(Запевает, как всегда, на «шестый глас», Людмила, Пятеркин — вторят.)*

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда.
Птичка жить нам не мешает
Никак и никогда!
Долгу ночь на ветке дремлет.
Солнце красное взойдет —

Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет:
— Барыня, барыня!
Сударыня барыня!
Ты скажи нам, барыня,
Чего тебе надобно?

Лешка! Дергай! Делай! Зверски делай! Дико! И — эх ты-и!

Шла барыня из Ростова
Поглядеть на Льва Толстого,
А барыня из Орла —
Неизвестно куда шла!
Барыня...

(Пятеркин пляшет «Барыню» отлично и смешно. Людмила поет увлеченно. Прохор — в восторге. Наталья механически бьет в бубен и смотрит на Рашель. Рашель сидит, как во сне.)

У барыни есть дела,
За границу ездила.
В славном городе Париже
Ей француз попался рыжий.
Барыня...

Наталья. Довольно!

Прохор. Почему?

Наталья. Не хочу.

Людмила. Фу, какая капризная!

(Рашель встала, отошла прочь; Наталья не спеша — за ней; остановились у окна.)

Наталья. Ну что?

Рашель. Ужасно.

Наталья. Я бы убила сына, но не оставила здесь.

Рашель *(обняла ее за плечи)*. Не могу я увезти его... за границу без помощи Вассы Борисовны.

Наталья. Дядя устроит. Он рад чем-нибудь ударить мать. Выкрадет — спрячем. Потом переправим к тебе.

Рашель. Куда? Я не знаю, где буду жить. Если удастся вернуться в Швейцарию — проживу там несколько недель... Мне нужно жить в России. У меня нет возможности воспитывать Колю. А там, в Лозанне, у сестры — хорошо было бы...

Прохор *(остановил Пятеркина, кричит)*. Не понравилось?

Рашель. Нет.

Прохор. Не чувствуешь искусства!

Рашель. И поете вы нестерпимо...

Прохор. Виноват. По линии выпивки, а также игры в преферанс — почти непобедим, но к пению — не приспособлен природой. Душа — мягкая, а горло — сухое, хрустит. Пятеркин — ступай вон, бездарная личность, не понравились мы! Рашель, идем ко мне, я тебе коллекцию замков покажу.

Рашель. Я видела ее.

Прохор. Когда? Ты теперь посмотри! У меня тридцать семь амбарных, четыре крепостных, сорок два сундучных с музыкой. Этого ты нигде не увидишь. И — кроме того, идем! Два слова скажу... Важных.

(Берет ее под руку, уводит, она следует за ним неохотно.)

Наталья *(посмотрев на сестру)*. Ты что?

Людмила. Ничего. Спать хочется.

Наталья. Иди.

Людмила. Скучно. Плакать хочется.

Наталья. Иди, ляг, поплачь и усни.

Людмила. Так всегда бывает. Дождусь Васи, я не люблю, когда ее дома нет.

Наталья. Ты всё чаще ее называешь Васей.

Людмила. Потому что люблю, а ты не любишь.

Наталья. А я — не люблю.

Людмила. Она это знает.

Наталья. Да, еще бы не знать.

Людмила. А ты на нее похожа, похожа!

Наталья. За то мы и не любим друг друга.

Людмила. Она тебя любит.

Наталья. Мучить любит.

Людмила. Ты сама ее мучаешь.

Н а т а л ь я. Ну и я.

Л ю д м и л а. Какая ты... глупая! И дядя тоже глупый — советует украсть Колю.

Н а т а л ь я. Ты об этом не говори матери.

Л ю д м и л а. Конечно — скажу.

Н а т а л ь я. Зачем?

Л ю д м и л а. Нет, не буду расстраивать, не скажу.

Н а т а л ь я *(вздохнув)*. Блаженная ты у нас... Выродок. Ни на кого не похожа.

В а с с а *(входит)*. Что это — ругаетесь?

Л ю д м и л а. Нет, просто разговариваем.

В а с с а. Крупно разговариваете. Прохор сигару курил — сколько раз просила не курить сигар у меня. Наталья, кажется, слишком выпила.

Н а т а л ь я. Еще держусь на ногах.

В а с с а *(наливая портвейн)*. Чай холодный? Налейте мне.

(Наталья наливает.)

В а с с а. Семьсот рублей, как в печку бросила. Везде — взяточники. Продажные души. Что вы тут делали?

Н а т а л ь я. Чай пили.

Л ю д м и л а. Пятеркин плясал. Дядя уговаривал Рашель украсть Колю.

В а с с а. Ишь, какой забавник! А — она что?

Л ю д м и л а. Не согласилась. Она стала скучная. Хуже стала, чем была. Неприятная. Умные — все неприятные.

В а с с а. Так. А я, по-твоему,— дура?

Л ю д м и л а. Ты — не дура, не умная, а просто человеческая женщина.

В а с с а. Уже и не знаю — что это значит? Хуже дуры? Ну, пусть будет так — человеческая женщина. Отнеси самовар, скажи, чтобы подогрели. Наталья — хочешь за границу съездить?

Н а т а л ь я. Да, хочу. Вы это знаете.

В а с с а. Можешь. Возьмешь Анну.

Н а т а л ь я. С Анной — не поеду.

В а с с а. Почему?

Н а т а л ь я. Она мне и здесь надоела.

В а с с а. Одну — не пущу. Эх, девка...

Н а т а л ь я. Да.

В а с с а. Нет у меня времени поговорить с тобой.

Н а т а л ь я. А Кольку воспитывать — найдете время?

В а с с а. Ему — мало надо.

Н а т а л ь я. Нет, больше, чем мне.

В а с с а. Поезжай с Анной, Федора увидишь.

Н а т а л ь я. Это меня не соблазняет.

В а с с а *(орет)*. Дьявол! Молчать!

Н а т а л ь я. Хорошо... Молчу.

Р а ш е л ь *(входит)*. Что это вы?..

В а с с а. Да, да — зря крикнула. Зря. Разволновали меня, даже сердце колет... Ну что, Рашель? Прохор предлагал украсть Колю?

Р а ш е л ь. Он выпивши.

В а с с а. Он и трезвый — может... Вы, девицы, шли бы спать, поздновато, а?

Л ю д м и л а. А — ужинать?

В а с с а. Про ужин я забыла. Пить хочу. Пить, горячего чаю. Ну, идите, пусть накрывают на стол. Что, Рашель, как?

Р а ш е л ь. Слушайте-ка, Васса Борисовна, отдайте сына, я его отправлю за границу...

В а с с а. Снова, значит, спорить хочешь? Нет, не отдам!

Р а ш е л ь. Я совершенно не могу себе представить — что вы будете делать с ним? Как воспитывать?

В а с с а. Не беспокойся, сумеем. Мы люди оседлые. У нас деньги есть. Наймем самых лучших учительниц, профессоров... Выучим.

Р а ш е л ь. Выучите не тому, что должен знать честный человек. Жить Коля будет в этом доме с балалайками, с гитарами, с жирной пищей, полупьяным Прохором Храповым, с двумя девицами: одна — полудитя, другая — слишком озлоблена. Васса Борисовна, я не плохо знаю ваш класс и здесь, в России, и за границей,— это безнадежно больной класс! Живете вы автоматически, в плену хозяйств, подчиняясь силе вещей, не вами созданных. Живете, презирая, ненавидя друг друга и не ставя перед собой вопроса — зачем

живете, кому вы нужны?.. Даже лучшие, наиболее умные люди ваши живут только из отвращения к смерти, из страха перед ней.

В а с с а. Всё пропела? Ну — отдохни, послушай меня. Чего не понимаю я в тебе — так это вот чего: как это выходит, что смелый твой умишко и слеп и хром, когда ты о жизни говоришь? Класс, класс... Милая, Гурий Кротких — управляющий пароходством моим — насчет класса лучше твоего понимает: революции тогда законны, когда они этому дурацкому классу полезны. А ты о какой-то беззаконной революции толкуешь... о надземной какой-то. У Кротких — дело ясно: социалисты должны соединить рабочих для интереса промышленности, торговли. Вот как он предлагает, и это — правильно! Он не дурак... в этом, а вообще в делах еще глуп.

Р а ш е л ь. Его фамилия — Кротких? Ну вот, сообразно его фамилии он и проповедует воспитание пролетариев кроткими. Он — не один такой. Такие — весьма часто встречаются. И, как верным рабам вашим, вы позволяете им подниматься довольно высоко...

В а с с а. Ты пойми — мне, Вассе Храповой, дела нет до класса этого. Издыхает, говоришь? Меня это не касается, я — здорова. Мое дело — в моих руках. И никто мне помешать не может, и застращать меня ничем нельзя. На мой век всего хватит, и внуку очень много я накоплю. Вот и весь мой разговор, вся премудрость. А Колю я тебе не отдам. Давай — кончим! Ужинать пора. Устала я.

Р а ш е л ь. Не буду я ужинать. Противен мне хлеб ваш... Где я могу отдохнуть?

В а с с а. Иди. Наталья укажет. *(Поднимается со стула с трудом. Снова села, зовет.)* Анна! *(Ответа нет.)* Хлеб мой противен ей... Кто посмел бы сказать мне этак? Ух... язва! *(Звонит.)*

П о л я. Вы звонили?

В а с с а. Чёрт из-под печки. Где Анна?

П о л я. У барышень.

В а с с а. Позови. *(Сидит, прислушиваясь к чему-то, щупает шею, покашливает. Анна.)* Что тут было без меня?

А н н а. Прохор Борисович предложил выкрасть Колю.

В а с с а. Сам предложил?

А н н а. Да. Сначала сказал: «Правильно — тебе сын ни к чему», а потом вдруг обрадовался: «Это, говорит, сестре вилка в бок».

В а с с а. А как Наталья?

А н н а. Это она предложила выкрасть...

В а с с а. Путаешь! Врешь!

А н н а. Я — не путаю, так было: когда Рашель Моисеевна сказала, что вы Колю оставляете за собой, Прохор Борисович сказал: «Правильно», а когда Наташа предложила: «Выкради», так и он тоже...

В а с с а. Так. Ему — только бы укусить меня. Хоть за пятку, да укусить.

А н н а. «У меня, говорит, Пятеркин не то что ребенка — архиерея украсть может».

В а с с а. Вредная собака — Пятеркин этот...

А н н а. Совершенно гнусный раб! Ни чести, ни совести. И — такой дерзкий, такой жесткий...

В а с с а. Смягчим.

А н н а. Нездоровится вам?

В а с с а. А — что?

А н н а. Лицо такое.

В а с с а. Дочери — ничего не заметили в лице. Ладно. За границу поедешь, Анна.

А н н а *(изумленно)*. Я?

В а с с а. Ты. С Натальей. А может, и одна.

А н н а. Господи, как я рада! Даже и благодарить вас... нет слов!

В а с с а. И не надо. Ты — заслужила. Ты никогда не врешь мне?

А н н а. Никогда.

В а с с а. Ну то-то... Федору письмо отвезешь. Наталье письмо — не показывай. Тотчас напишешь мне — как Федор. Врачей спроси. Немецкий язык помнишь?

А н н а. Да, да, помню.

В а с с а. Ну вот... Если Федор плох — дождешься конца. Впрочем, после поговорим об этом, обо всем. А теперь— вот что: пойдешь в жандармское управление,

спросишь полковника Попова. Обязательно его найди! Чтобы вызвали. Скажи — спешное и важное дело.

А н н а. Васса Борисовна...

В а с с а. Ты — слушай! Скажешь ему, что ко мне приехала из-за границы Рахиль Топаз, эмигрантка. Он знает — кто это. Он ее арестовывал. И что если нужно снова арестовать ее, так пусть арестуют на улице, а в мой дом — не приходят. Поняла?

А н н а. Да, только... как же?

В а с с а. Ты — слушай, слушай! Если придут в дом, так будет ясно, что выдала ее ты. Или — я. И не хочу я, чтоб снова по городу слухи дурацкие пошли. Ну, поняла?

А н н а. Я — не могу...

В а с с а *(удивлена)*. Не можешь? Почему?

А н н а. Не могу решиться.

В а с с а. Жалко? А Колю — не жалко? Ее всё равно арестуют, не завтра, так послезавтра. Что ж, ты отказываешься услужить мне? Странно! И — не верю!

А н н а. Да — нет же, господи боже мой! Я за вас жизнь отдам! А за что я буду жалеть еврейку эту? Вы знаете — она меня презирала.

В а с с а *(подозрительно)*. Чего же ты бормочешь, а? Не понимаю!

А н н а. Боюсь я ночью идти к ним, к жандармам.

В а с с а. Ну, вот глупости какие... Что они — сожрут тебя? *(Смотрит на часы.)* А, пожалуй, верно — время позднее. Попов где-нибудь в карты играет. Ладно. Ты это завтра утром сделаешь. Пораньше — часов в семь. Настоишь, чтобы разбудили его.

А н н а. Вот уж благодарю вас... *(Хватает руку, целует.)*

В а с с а *(отирая руку об юбку)*. Дуреха, даже вспотела,— капает с лица-то у тебя...

(Анна вытирает лицо.)

В а с с а. Рашель всё пугает меня, квакает: класс, класс! Какой класс? Это я — класс! Меня она и ненавидит. Да. Меня. Сына увела, как цыган — коня. Ну — а внука не получит, нет! *(Замолчала, думает.)*

- 42 -

АННА:- /Всхлипнув/ - За что-о!

ПРОХОР:- Ну,ты... не того,не раскисай!Ключь от сейфа!Где?

АННА:- Прохор Борисович,я - не забудьте - тринадцать лет,верой,правдой... /Шарит в юбке Вассы/.

ПРОХОР:- Получишь,сколько стоишь....

АННА:- Всю молодость мою отдала Вам. Вот он,ключь!

ПРОХОР:- /Идет к сейфу,говоря Пятеркину/.Лешка, не пускай никого... Постой... Что такое! /с явной радостью/. Да,ведь я опекуном несовершенно-летних буду!Черт,те взял!Чего-же это я! А! /Усмехается,глядя на Анну/.Пошла вон,Анка!Конец твоей кошкиной жизни!Иди к чертям!Завтра же!Надоела ты мне наушница,надоела,стервоза!

АННА:- Прохор Борисович,-покаетесь! Напрасно вы это...

ПРОХОР:- Иди,иди!Ты свое получила,Наворовала -довольно! Жарь!

АННА:- Нет,позвольте!Я имею кое-что...

ПРОХОР:- Да,да! Имеешь,знаю! О том и говорю...

/. РАШЕЛЬ,НАТАЛЬЯ/.

РАШЕЛЬ:- /Прохору,который роется в бумагах на столе/ - Воруете!

ПРОХОР:- Зачем! Свое -берем. [redacted].

/ ПОЛЯ ведет ЛЮДМИЛУ/.

ЛЮДМИЛА:- /Вырвалась,бросается на тахту/- Мама! Ма-ама!

Рашель – Свое! Что у вас – свое?

«ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА».

Страница машинописного текста с правкой М. Горького.

Что-то мне нездоровится. Устала, что ли... Завари малины!

Людмила. Вася, ужинать!

Васса. Любишь ты поесть...

Людмила. Да, люблю! Очень.

Васса. А я тебе приятное приготовила... Не для еды, а для жизни.

Людмила. Ты — всегда...

Васса. Решила: покупаю у старухи Кугушевой дом — вот садик-то наш разрастется, а?

Людмила. Мамочка, ой, как хорошо!

Васса. То-то! Молодой князек, видно, в карты проигрался...

Людмила. Хорошо как! Господи...

Васса. Спешно продает княгиня. Завтра задаток внесу. Вот тебе и праздник.

Людмила. Когда ты это успеваешь? Идем, идем ужинать.

Васса. Я — не хочу, нездоровится мне. Сейчас напьюсь малины и лягу. Ужинайте без меня!

Людмила. А — чай?

Васса. Да, самовар подайте сюда, пить хочу. Рашель там?

Людмила. Заперлась в желтой комнате, тоже не хочет ужинать. Какая она неприятная стала! Важная!

Васса. Ну иди, Людка, иди... *(Осталась одна. Двигается по комнате осторожно, как по льду, придерживаясь за спинки стульев, покашливает, урчит.)* Дела... Растут дела... *(Хочет сесть, но не решается. Стоит спиной к двери.)* Доктора, что ли, позвать?

(Пятеркин, выпивший, встрепанный еще больше, волосы — дыбом, показывает хозяйке язык, делает страшную рожу. Взял гитару, задел басовую струну.)

Васса *(вздрогнув)*. Ох... Что это? Кто... Чего тебе?

Пятеркин. З-за гитарой...

Васса. Пошел вон, чёрт...

Пятеркин. Иду. А как же?.. Я — не собака, в барских комнатах не живу.

В а с с а. Дурак... какой... чёрт... *(Грузно садится на тахту, хочет расстегнуть ворот кофты, валится на бок. Несколько секунд — тишина.)*

А н н а *(поднос в руках, на подносе — чайник, чашки)*. В спальню отнести? *(Постояла, ожидая ответа. Поднос в руках ее дрожит, дребезжит чашка. Осторожно поставила поднос на стол, наклонилась, взглянула в лицо. Моментально выпрямилась, громко шепчет.)* Господи, господи... Васса Борисовна... Вы — что? *(Прислушалась, бросилась к рабочему столу, открыла один ящик. Роется, нашла деньги, сует за пазуху себе. Открыла шкатулку на столе, там тоже деньги, прячет их, нашла ключи, прячет их в карман, крышка шкатулки звучно хлопает. Анна бежит прочь из комнаты. Пауза. Наталья быстро входит, за ней — Прохор. Постепенно являются: Анна, Поля, Пятеркин.)*

Н а т а л ь я *(щупает рукой лицо матери; ненужно громко говорит)*. Умерла.

П р о х о р. Ух ты... Железнов — в одночасье, теперь— она! Опять начнет город чепуху молоть... Ф-фу... Вот уж... Чёрт...

Н а т а л ь я. Молчите!

П р о х о р. Что там молчать! Ната, нужно за Анной следить. Ключи нужно. Ключ от сейфа. Она всё знает, Анна! Погляди в кармане юбки, нет ли ключа...

Н а т а л ь я. Не хочу. Уйдите.

П р о х о р. Ну да, уйду, как же!

А н н а *(в слезах)*. Наталья Сергеевна — Людочка в обмороке...

Н а т а л ь я. Позвони доктору...

А н н а. Позвонила. Господи, что делать будем?

П р о х о р. Ключи — где? От сейфа ключ?

Н а т а л ь я. Рашель — сказали?

А н н а. Надо ли говорить ей, Наталья Сергеевна?

Н а т а л ь я. Вы... сволочь! *(Быстро ушла.)*

А н н а *(всхлипнув)*. За что-о?

П р о х о р. Ну, ты... не тово, не раскисай! Ключ от сейфа! Где?

А н н а. Прохор Борисович, я — не забудьте — тринадцать лет, верой, правдой... *(Шарит в юбке Вассы.)*

П р о х о р. Получишь сколько стоишь...

А н н а. Всю молодость мою отдала вам. Вот он, ключ!

П р о х о р *(идет к сейфу, говоря Пятеркину)*. Лешка, не пускай никого... Постой... Что такое? *(С явной радостью.)* Да ведь я опекуном несовершеннолетних буду! Чёрт те взял! Чего же это я? А? *(Усмехается, глядя на Анну.)* Пошла вон, Анка! Конец твоей кошкиной жизни! Иди к чертям! Завтра же! Надоела ты мне, наушница, надоела, стервоза!

А н н а. Прохор Борисович, покаетесь! Напрасно вы это...

П р о х о р. Иди, иди! Ты свое получила, наворовала — довольно! Марш!

А н н а. Нет, позвольте! Я имею кое-что...

П р о х о р. Да, да! Имеешь, знаю! О том и говорю...

(Рашель, Наталья.)

Р а ш е л ь *(Прохору, который роется в бумагах на столе)*. Воруете?

П р о х о р. Зачем? Свое — берем.

(Поля ведет Людмилу.)

Л ю д м и л а *(вырвалась, бросается на тахту)*. Мама! Ма-ама!

Р а ш е л ь. Свое! Что у вас — свое?

З а н а в е с

НЕ ПУБЛИКОВАВШЕЕСЯ АВТОРОМ

⟨ИЗ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ⟩

⟨СХЕМА МИМИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ⟩

Группа скал, пещера, несколько папоротниковых пальм, далее болотистое пространство, на горизонте — лес. У входа в пещеру на камне сидит начальник рода, старик, у ног его — кости, остатки обеда, в руке тоже кость, он внимательно рассматривает ее, пробует ее твердость о камень; юноша внимательно наблюдает за ним. На земле валяются дети, полудремлют, они наелись до опьянения, им жарко, один из них лениво переваливается с боку на бок. Седая старуха в звериной шкуре осматривает раненого мужчину, он тоже прикрыт звериной шкурой, которая присохла к ране; старуха осторожно отдирает ее, раненый тихонько рычит; рычит в тон ему молодая женщина, растирая берцовой костью на гладком камне какую-то траву. Еще несколько мужчин и женщин, разных возрастов, лежат на земле; один из них легкими толчками руки откатывает от себя камни и, замечая, что, чем круглее камень, тем дальше он катится при одинаковой силе толчка, берет круглые камни и внимательно осматривает их.

Мальчик, катавшийся по земле, попадает в тень дерева, чувствуя прохладу, он щупает ладонью поочередно затененную землю и освещенную, потом выставляет свое лицо на солнце, прячет его в тень и — смеется. Старик раздробил кость ударом камня и пробует на коже своей ноги остроту ее осколков,—юноша подражает ему; один из осколков, выскользнув из его руки, вонзается в землю и торчит в ней,— это забавно. Тогда юноша начинает играть осколком кости как бы в свайку; теперь старик внимательно следит за ним.

Мускулистый юноша — в стороне — сидит на земле рядом с девушкой, дочерью родоначальника, показы-

вает ей мускулы своих рук, ног — хвастается силой — встает, делает прыжки, лезет на дерево,— вообще показывает свою силу и ловкость. Она внимательно следит за ним, смеется и тоже подражает некоторым движениям его.

Вдали раздается какой-то шум, треск ветвей, рычание, все насторожились, родоначальник прислушивается, смотрит вдаль, свистит, движением руки приглашает всех за собою, идет. Все идут за ним, хватая по дороге камни, дети убегают в пещеру. Мускулистый юноша взял самый тяжелый камень, подбрасывает его, гордо смотрит на девушку, она одобряет его жестами, улыбкой.

На сцене — раненый и старуха. Он, приподняв голову, смотрит вслед ушедшим, старуха встревожена тем, что у нее нет сил спрятать раненого в пещеру, озирается, скулит тихонько, потом бросает на раненого кожи, сучья, прикрывая его.

Быстро вбегает худенький юноша, хватает палку, потом полую кость, очень заостренную, торопливо насаживает ее на палку, втыкает палку в землю, удивлен тем, что она, вонзившись, стоит; юноша, выхватив палку, показывает старухе, как он будет действовать этим оружием, и бежит на шум; встречу ему — испуганные женщины, останавливаются, смотрят вслед ему.

Старуха заставляет женщин помочь ей перенести раненого в пещеру; унесли, стоят пред пещерой с камнями в руках. Вбегает мускулистый юноша, у него оцарапана рука, женщины присыпают землей рану его — в это время за сценой крик радости, все повернулись туда и тихонько двигаются, юноша — тоже.

На сцену входят люди, неся убитого зверя, за ними юноша с копьем, ликующий, танцуя; родоначальник спрашивает его, как он сделал оружие, юноша объясняет процесс изобретения копья и как он нанес удар зверю. Общее ликование, танец вокруг копья, мускулистый юноша угрюмо стоит в стороне, но вдруг прыгает, хватает копье и, высоко подняв его, идет прочь из круга. Изобретатель — за ним.

Похититель копья, указывая на мускулы своих рук и скаля зубы, грозно рычит,— хочет доказать, что

оружие должно принадлежать ему, как обладающему большей силой. Изобретатель, наоборот, доказывает, что оружие должно быть принадлежностью слабого.

Спор, толкают друг друга, рычат, обращая на себя общее внимание. Вмешивается начальник рода и отнимает копье. Сильный юноша возмущен и огорчен, воет, мечется из стороны в сторону; к нему подходит девушка, ведет его в сторону, под дерево, там гладит мускулы его рук, грудь; он что-то объясняет ей жестами, в возбуждении его, в его криках, слышна почти членораздельная речь. Он указывает девушке на копье, делает ряд движений, из которых можно понять, что он учит девушку схватить копье у ее отца и бежать. Девушка сначала не соглашается, потом — согласна, осторожно отходит от юноши, приближается к отцу, садится у его ног, мурлычет. Старуха свежует зверя, мужчины и женщины, наблюдая за ее работой, кланяются зверю, видимо, издеваясь над ним. Родоначальник рассматривает копье, показывает юноше, что кость на конце палки необходимо укрепить лыком. Юноша указывает на свои волосы, потом берет волосы девушки, сидящей у ног начальника рода, она вскрикнула. Родоначальник понял его мысль, но отрицательно качает головою, другой юноша видел это, слышал крик девушки, знаками показывает ей, чтоб она, схватив копье, бежала.

Она делает это, бежит; юноша, выхватив копье из руки ее, бежит с нею. Все сначала удивлены, не поняли, в чем дело, затем мужчины бросаются в погоню за беглецами, и почти тотчас один из них возвращается раненый. Женщины кричат, окружают его. Догонявшие беглецов возвращаются один за другим, смущенные, напуганные, объясняют родоначальнику, что теперь есть человек, который сильнее всех их,— опасный человек!

Но изобретатель копья успокаивает всех, объясняя, что он сделает много копий для всех и тогда их племя будет непобедимо. Родоначальник прежде всех понял его и поверил ему, он дарит ему шкуру убитого зверя и приглашает всех помогать юноше, кладет руку на голову его.

Общее ликование, пляска.

Старуха, отодрав звериную шкуру с тела раненого, счищает с нее присохшую кровь; женщина прикладывает к ране мужчины растертую траву, ей мешают волосы, падая на лицо; несколько раз отбросив их, она сердито собирает их в пучок на макушке, осматривается, берет какое-то растение и связывает им волосы,— одна из девушек, смеясь, тотчас же подражает ей. Старуха, счистив кровь с мездры, гладит очищенное место рукою, задумывается, идет к старику, знаками указывает ему, в чем дело; он пробует о колено гладкую мездру и знаками же велит ей счистить со всей мездры присохшее сало и куски мускулов — начало скорняжного ремесла.

Затем, присмотрясь к забаве юноши, он берет осколки кости и знаками объясняет, что из них можно делать наконечники стрел.

Женщина, которая ухаживает за раненым, видя игру мальчика с тенью и светом, подходит к нему и, испытав влияние прохлады, приглашает перенести раненого в тень дерева, а мальчик, продолжая играть, видит свою тень и пугается ее, кричит. Около него быстро собираются взрослые — общее смятение; все замечают, как появляются и исчезают тени на земле, зовут старика; он подходит спокойно, с сознанием своего достоинства, долго смотрит на игру теней и не понимает это явление, старается скрыть свой испуг, но у него зарождается идея о двойственности человеческого существа.

Вечереет, тени длиннее, гуще.

Во время общего смятения одна из женщин запуталась в ползучем растении, сильным движением ноги вырвала его, но оно оцепило ногу ее; она села на землю, рассматривает, старается распутать цепкое растение, но одна из девушек шутя мешает ей, заплетая растение еще больше,— и, увлекаясь этой игрой, обе они постигают процесс плетения, понимают, что такое узел.

Старик, сидя у входа в пещеру, всё еще исследует рождение теней; это его тревожит, ему кажется, что он в себе самом носит начало ночной тьмы. Юноша раскалывает кости, стараясь колоть их так, чтоб они были похожи на наконечники стрел, он очень увлечен этим

и не замечает, что все следят за стариком, погруженным в исследование непонятного явления.

Раненый лихорадочно возится на земле, шкуры, которыми покрывает его женщина, спадают, не держатся, тогда она, заметив, как две подруги ее плетут веревку, хватает острый осколок кости, прокалывает ею шкуры и связывает их в одно большое целое — начало портняжного ремесла.

Юноша, катавший камни, усваивает, что круглое движется с наибольшей быстротой и требует более легких толчков; впоследствии этот человек изобретет прототип колеса. Дети, играя, бросили какое-то растение с корнем на конце его и удивлены, что оно летит дальше, чем всё иное. Это замечено юношей.

Становится всё темнее, где-то далеко рычат звери. Юноша прикрепляет к палке острую кость и радостно размахивает палкой — он изобрел защитное оружие, прототип копья. Все рассматривают это изобретение, старик, оторвавшись от своих мыслей, пробует оружие, кидая его в сторону раненого, палка вонзается в ногу больного; старая женщина кричит и злится, но все остальные довольны, особенно сам изобретатель, он пляшет.

Старуха, изъяв копье из ноги раненого, накладывает на рану траву, пытаясь остановить кровь; женщина беспокойно мечется около нее, бросая в сторону старика грозные взгляды, а девушка, которая, в подражание ей, связала свои волосы, продолжает украшать их листьями растений, привлекая к себе внимание других сородичей.

Заходит солнце. Все, один за другим, идут в пещеру. у входа ее остается только старик, двое юношей: один — играя своим копьем, другой — пытаясь сделать такое же. Раненый и женщина его остаются под деревом. Старик пристально смотрит во тьму, раскачивается и ворчит ритмически; юноша, делающий второе копье, стараясь просверлить в конце палки отверстие для наконечника, замечает, что дерево нагревается, указывает на это старику, он щупает дерево в разных местах и приказывает продолжать работу.

Из пещеры выходит старуха, идет к раненому, садится там, однозвучно и тихо, междометиями, говорит

с женщиной; юноша, изобретатель копья, нашел растение с корнем,— то, которым играли дети,— внимательно рассматривает его, раскачивает, бросает и идет за ним во тьму, а там — далеко — рычит зверь и сверкают огоньки чьих-то глаз. Старуха встала, кричит вслед юноше, но в это время раздается другой крик,— дерево под руками юноши задымилось, это испугало его, он отбросил палку и вскочил. Старик осторожно поднял палку, осмотрел ее, ощупал,— вокруг него уже собрались все, кто был вне пещеры, из пещеры тоже выбежало несколько мужчин с камнями и палками в руках. Подбежал и юноша с корневищем в руке, он размахивает им, как палицей.

Старик приказывает продолжать трение дерева, за это взялись двое мужчин, все окружили их и смотрят. Над лесом является оранжевый круг луны, и снова постепенно родятся тени,— это отвлекает внимание родоначальника от работы мужчин; он ходит кругами, наблюдая, как тень ползет за ним то сзади, то сбоку, то ложится впереди его. Это его волнует, возбуждает; он, всё более ускоряя шаги, наконец, бегает, подпрыгивая, как зверь, тихонько вскрикивая; все следят за ним, все испуганы, сторонятся от него.

Вдруг под руками мужчин вспыхивает огонь,— общий вопль удивления, страха,— на земле тихо горит огонь, разбегаясь по сухому сору. Упав на колени, старик, видимо, пытается забросать огонь сорьем, обжигая свои руки,— огонь разгорается сильнее, и вдруг старик замечает, что тени бегут, исчезают от огня,— это поражает его, он — рад и, может быть, именно здесь, в этом случае,— впервые раздался смех радости.

Общее ликование, оскаленные зубы, пляска; из пещеры выбегают люди, останавливаются, в изумлении закрывают глаза; женщина хватает горящую ветвь и бежит с ней под дерево к раненому; он приподнимается встречу ей, боязливо простирает руки, а старик, видя, как всё вокруг светлеет и как трепещут ночные тени, падает ниц пред огнем,— его примеру следуют все другие; он рычит, воет; сородичи подражают ему,— и отсюда, со временем, возникнет хоровая песня...

РАБОТЯГА СЛОВОТЕКОВ

Большая, очень загрязненная комната; у одной стены — пианино, на нем — железное ведро, полено, на стенах — косо и криво — картины, мебель хорошая, но — полуразрушена. Посередине комнаты, на кровати, спит Словотеков; на ночном столике будильник, он трещит.

Словотеков — проснулся, дикими глазами смотрит на будильник, громко бормочет:

— Товарищи! Все за работу. Организуемся, покажем...

Прячет будильник в ночной стол и ложится, закутавшись с головой одеялом. Будильник — трещит. Словотеков высунул голову из-под одеяла, с ненавистью смотрит на столик, яростно бормочет:

— Р-работа, товарищи, она... действительно, товарищи. Долой лентяев и шкурников, дезертиров труда... р-р-р.

Вынимает будильник,— ненавистно рассматривает его:

— Дьявол — перестань!

Прячет его под тюфяк, снова ложится, а будильник — трещит. Словотеков, полежав, вскакивает, чешется, сидя на кровати, достает будильник, снова ненавистно разглядывает его:

— Выдумали инструментик, черти кожаные.

Бросает его в угол на кресло, хочет лечь, публика шумит, смеется. Словотеков смотрит на нее, протирая глаза, ему кажется, что он видит сон, делает публике страшные рожи,— она шумит еще больше,— Словотеков швыряет в нее будильником и ложится. Но шум раздражает его; вскочив, он схватил полено, идет к рам-

пе, спотыкается о что-то, хочет бросить — или бросает — в публику поленом, орет:

— Буржуи. Погодите, когда я коллегиально примусь за труд и организуюсь...

Стучат в дверь.

— Это во сне стучат или в самом деле?

Отпер дверь,— входит милиционер:

— Товарищ,— на углу Ленивой улицы лопнула труба водопровода — потоп.

— Потоп.

— Страсть как хлещет.

— Н-ну?

— Ей-богу.

Словотеков, взъерошив волосы:

— Это ничего, товарищ милиционер. Стоит только нам организоваться для энергичной борьбы с разрухой, и всё пойдет прекрасно. Труба — пустяк. Мы ей заткнем глотку, трубе. Мы всё можем.

— Мне надо идти на пост.

— Погоди, товарищ, успеешь попоститься... Теперь, когда в Ирландии, в Исландии, в Лапландии, Гренландии и везде началось движение...

— Там детский приют без воды сидит...

— Это ничего, товарищ, наша Красная Армия скоро возьмет Крым, и мы выйдем к морю... Финляндия — тоже.

— Ну, я иду...

— Постой... ушел. Какой... несознательный... ему говорят, а он бежит.

Сел на кровать, надел сапог. В дверь всовывается чья-то голова, кричит:

— Товарищ Словотеков! На Полусонной улице трамвайный путь дровами завалили, вагоны стоят...

— Стоят. А почему ж пассажиры трамвая коллегиально не чистят путь?

— Так они же разбежались, им на службу надо.

— Это — правильно. Ни одной минуты нельзя терять зря. Не можешь ехать — беги, не можешь бежать — иди, ползи, но — чтобы всё делалось быстро, организованно... Сейчас я надену сапог...

Ищет сапог — под кроватью, под стульями, под тю-

фяком, поднимает крышку пианино, смотрит внутрь его, на стены, потолок.

— Куда же он ушел, сапог?

Думает. Вспомнил:

— Ага, им самовар вчера раздували...

Вышел за дверь, принес сапог, в нем оказались угли, лучина и вода.

Изумлен, бормочет:

— Кто это вместо самовара сапог ставил? Денатурально.

Садится на постель, думает вслух: «С одной стороны — вода хлещет, с другой — дровами путь завалили. Это — пустяки, с этим можно справиться в пять минут. Опыт рабочего движения на Западе указывает...»

Входит товарищ.

— Товарищ Словотеков! На углу Болотной и Кривой мальчишки-спекулянты сахар продают, несомненно — краденый где-то.

— Вы совершенно правы, товарищ. Конечно, краденый, потому что мальчишки сахара не могут произвести, они производят только шум. Борьба с детской спекуляцией, товарищ, необходимейшее дело, очередная задача дня, мы должны вести эту борьбу организованно, коллегиально...

— Это я знаю...

— И я тоже. Еще более трудна, товарищ, борьба с детской преступностью, ее мы тоже должны организовать.

— Ну, конечно, а — как?

— Коллегиально. И чтобы не было никакого параллелизма, ни-ни. Долой параллелизм!

Уныло смотрит в сапог.

— Потому что, когда двое ставят один самовар,— из этого чёрт знает что выходит.

— Как же с мальчишками?

— А из них надо воспитать честных людей.— Это обязательно... Вообще — надо обратить как можно больше внимания на детей, потому что дети...

— Послушайте-ка, товарищ, пока вы тут толкуете, мальчишки-то сахар продадут.

— Вот я сейчас высушу сапог и организую...

Входит баба, сердитая.

— Товарищ, что же это? Вы нам обещали дать помещение для прачечной еще три месяца тому назад...

— Вы — прачка?

— Ну да, прачка.

— Товарищ! На вас лежит трудная обязанность борьбы за чистоту, чистота — необходимейшее условие народного здоровья. Что для этого нужно прежде всего?

— Мыло.

— Организация.

— Организация у нас сделана, ты мыло давай.

— Нужна прежде всего коллегиальность.

— А я говорю — мыло.

— Организация, товарищи.

— Мыло.

— Организация.

— Тьфу, взбалмошный!

Ушла. Словотеков кадит сапогом вслед ей.

— Какая нервная. Сколько работы. На шестьсот лет работы... А я еще чаю не пил...

Пытается надеть сапог,— ножки кровати разъехались, он шлепнулся на пол.

— У буржуазии всё гнило — всё.

Встает,— кусок паркета под его ногой взлетает вверх.

— Это надо починить.

Со стены падает картина.

— Гм... Веревочка перегнила...

Входят с различными просьбами и заявлениями несколько человек сразу, все говорят наперебой. Словотеков несколько раз пытается остановить их, но безуспешно. Кричит:

— Товарищи! Призываю вас к порядку.

Кто-то угрюмо говорит:

— А где он — порядок?

Словотеков начинает речь громко, горячо. Понять ничего нельзя, отчетливо слышны только слова: организация, коллегиальность, концентрация, централизация, рабочая энергия, утилизация, экономика, Ма-аркс,

Ма-аркс, империализм, Лапландия, Антанта, Че-ка, Пека, Це-ка, товарищ. И т. д.— бесконечно.

Сначала люди слушают его стоя, внимательно, потом постепенно вянут, рассаживаются на чем попало, позевывают; у тех, которые прислонились к стене, подгибаются ноги, наконец, все, один за другим — мрачно засыпают.

Словотеков говорит всё тише, всё более невнятно, устало и — совершенно истощенный понесенными трудами — падает на постель, погружаясь в тяжкий сон.

СТЕПАН РАЗИН

НАРОДНЫЙ БУНТ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ 1666—1668 ГОДОВ

БОЯРЕ И НАРОД

I

Пограничный донским степям московский городок, окруженный земляным валом и частоколом. Башня из толстых бревен, под нею ворота города. На башне — стрелец, с мушкетом и секирой. К городскому валу прижались ветхие хижины и землянки бедных слобожан.

II

Раннее утро. Идут и едут в город крестьяне, везут битую и живую птицу, овощи, рыбу, мешки зерна, гонят гусей, баранов. Хромой мужик, на деревянной ноге, ведет коня.

III

Идет молодой красивый парень, за спиной у него связка деревянных дудок и свирелей; сзади, за пояс кафтана, зацеплена клюка — палка с загнутым концом; за клюку держится старик-слепец, с гуслями на груди; он тоже держит в руке палку, а за нее ухватился второй слепец, и так, цепью, держась за палки, идут четверо слепых.

IV

Базар у стены города. В кругу телег идет торговля. Телеги являются защитой от возможного нападения степных разбойников и азовских татар. Стрельцы на башне пристально смотрят в степь.

V

Из ворот города выходит воевода, человек средних лет, за ним — гости его, двое бояр, приказные люди, холопы и пятеро стрельцов. Воевода с похмелья, сердит, один из бояр еще не проспался, пьян. Вслед за ним едет пустая телега.

VI

Со степи подъезжает верхом Степан Разин и еще двое казаков, у них к седлам приторочены тюки звериных — заячьих шкур.

VII

На земле сидят, в кружок, четверо слепцов, один из них играет на гуслях, все поют. Парень, стоя в кругу, подыгрывает на дудке. Слепцов окружает толпа крестьян и горожан. Подъехал Разин и, не слезая с коня, слушает песню.

Песня слепых

Было это в годы смутные, лютые,
Опрокинулась на Русь сила вражия, польская,
Пошатнулося грозное царство Иваново, Московское.
Поляк церкви жгет, народ насмерть бьет,
Города зорит, красных девок полонит.
Да как встал тут удалой донской казак,
Да как вылетел орел Залуцко́й-атаман,
Говорит он, орел, молодыим казакам:
— Ой ли, братцы казаки, удалой народ,
Собирайтесь-ко вы всею силою,
Встанем дружно за царство Московское
Да за веру святую христианскую,
За московский народ, родну братию...

VIII

Воевода приказывает холопам своим:

— Отбирай что лучше, мне на прокорм!

Идет к слепцам. Его холопы хватают с телег крестьян товары, бросая их в телегу воеводы, гонят в город баранов, гусей. Крестьяне, привычные к таким поборам,

относятся ко грабежу в большинстве — спокойно, но некоторые спорят. Их бьют. Кое-кто из них сопротивляется.

IX

Воевода подходит к слепым, слушает. Разин, привстав на стременах, угрюмо смотрит на грабеж и драку. Толпа разбегается от слепых, они поют, и парень поет с ними:

Встали казаки всею силою,
Выгнали поляков из русской земли.
Посадили на царство Московское
Молодого Михайлу Романова...

X

Воевода возмущен; грозит парню посохом; кричит:

— Врете! Это нами, боярами, посажен царь на Москве. А казаки — воры.

Указывает посохом на Разина:

— Вот он, рожа какая разбойная!

Разин тихо отъезжает в сторону, оглядываясь. Воевода, растолкав ногами слепцов, хватает поводыря их за ворот.

— Ты — кто, как звать?

— Борис.

— Ты — поводырь слепым! Бездельник. Вот я тебя в холопы возьму.

— Не хочу.

— Я, боярин, хочу, а ты не хочешь? Эй, свяжите его, да — в город...

Холопы воеводы бросаются на Бориса, вяжут, он сопротивляется.

XI

На базаре разгорается драка, ее особенно разжигают двое казаков, наезжая лошадями на холопов и стрельцов, сбивая их с ног. Ободренные защитой, крестьяне сопротивляются дружнее, а некоторые, нахлестывая лошадей, едут в степь. Разин, привстав на стременах, наблюдает, как вяжут Бориса.

XII

Пьяный боярин облапил крестьянку, тащит ее к воротам, она отбивается. Слепые смяты в драке, гусли растоптаны ногами. Боярин и воевода хохочут, глядя, как слепцы ползают по земле. Холопы, чтоб угодить воеводе, направляют слепцов в лужи грязи. Хохот усиливается. Стрельцы, помогая пьяному боярину, тащат молодую бабу в город; молодой и старый крестьяне пытаются отбить ее, молодой особенно силен, легко разбрасывает стрельцов, сбивает с ног боярина. Холопы, связавшие Бориса, бросаются на помощь своим.

XIII

Разин свистит, вложив пальцы в рот. К нему подъезжают казаки. Он указывает на связанного Бориса. Казаки режут веревки, один из них сажает Бориса на коня сзади себя и скачет в степь.

XIV

Молодого крестьянина одолели, отбросили прочь. Разин тихо едет в степь, оглядываясь из-под руки назад.

XV

Воевода, заметив похищение Бориса, бьет холопов посохом, указывает им в степь. Они выпрягают крестьянских лошадей, гонятся.

XVI

Холопы воеводы догнали Разина, он остановил коня, вынул саблю:
— Что надо?
— Отдай мужика нашего.
— Возьмите.
— Нам не догнать. Мы за него тебя схватим.
— Я вашему воеводе не холоп.
— Воротись, казак, а то нам худо будет.
— Так вам и надо...
Наезжают на него, хотят схватить лошадь за повод. Разин взмахивает саблей,— испугались, отъехали.

XVII

Разин догнал казаков и Бориса, едут вместе. Разин разговаривает с Борисом, ласково усмехаясь.

XVIII

Холопы, глядя вслед казакам, советуются, потом, нахлестав лошадей, скачут в степь, кричат, машут руками.

XIX

Разин остановился, ждет. Подъехали холопы, сняли шапки:

— Мы хотим с тобой в степь, в казаки.

— Давно бы так. Кто там бежит еще?

— Мужик...

XX

В степи сидят шестеро людей, Борис горячо рассказывает Разину, как трудно жить в Московском царстве. Холопы сочувственно подтверждают его речь. Подходит молодой мужик в изорванном платье, избитый, тяжело падает на землю. Разин спрашивает:

— Что, в казаки идешь?

— Жену украли.

Разин угрюмо смотрит на него, говорит:

— Эх, посадил Дон царя в Москве на свою да на ваши головы...

XXI

Городская башня. Воевода смотрит в степь из-под ладони, ругается. Сзади его почтительно стоят холопы, стрельцы.

МОСКВА И КАЗАКИ В 1666 ГОДУ

I

Черкасск, казацкий городок

Праздничный летний день. Улица, ведущая к площади, полна народом; зажиточное казачество смотрит из окон хат, сидит у ворот, по улице на площадь идут группы девиц и молодаек, бегут дети.

II

Московские скоморохи

На площади бродячие актеры, изгнанные московской церковью, играют на дудках, домрах, балалайках, бьют в бубны, пляшут. Их окружает казацкая голытьба, беглые московские холопы и крестьяне. Среди скоморохов — Борис, он играет на дудке, потом пляшет. Толпа ведет себя весело; большое оживление, смех. Некоторые из молодых казаков тоже удало пляшут.

III

Корнило Яковлев,

крестный отец Степана Разина и старшина города, важно, в сопровождении старых, богатых казаков выходит на площадь, казаки грубо, батогами расталкивают толпу голытьбы. Московские беглецы снимают шапки перед казацкой знатью, некоторые разбегаются от нее. Казацкая молодежь уступает дорогу старшине не очень почтительно. Остановясь пред толпою вокруг скоморохов, Корнило Яковлев говорит, указывая на московских людей батогом:

— Сметает московский ветер к нам, на Дон, хлам этот, негодный, буйный народ... а Москва жалуется на нас: воровства, разбоя с Дона много идет. А воры-то не наши, они из Москвы же сбежали.

IV

Степан Разин

подходит к Яковлеву, не торопясь снимает шапку.

Яковлев. Здорово, крестник. Шумят больно дружки твои.

Разин. В животах у них пусто.

Яковлев. Не в башках ли?

V

Постепенно Разина и Яковлева окружают молодые казаки и беглые москвитяне.

VI

Разин. Ты позволь мне с ними на Азовское море сплыть, турок пограбить. Жить нечем нам, хоть в хо-

лопы в Москву идти! А турки грабят нас, покоя нет от них.

Яковлев. И думать не смей турка обижать, Москва в мире с ним, а у нас дружба с Москвой.

Разин. А что нам Москва? Мы вольные люди. Москва нас не поит, не кормит, а кровь нашу досыта пьет...

VII

Около Разина собирается всё больше молодежи. Спор между Яковлевым и Разиным разгорается. Молодежь лезет на стариков, кричит:

— На Азов! На турка идти хотим! Холопы московские. Кровью нашей торгуете! На Азов!

VIII

«Бояре с Москвы едут!»

Скачет по улице верхом Фролка Разин, кричит, махая шапкой. Смятение. Московские люди пугливо разбегаются, прыгают через плетни, прячутся во дворах. Яковлев и старики, оправляясь, солидно идут встречу гостям, Разин кричит вслед бегущим:

— Чего испугались? Дон гостей своих Москве не выдает!

IX

По улице едут верхами двое бояр, старик и помоложе, тот, которого видели в первой картине; их сопровождает дьяк, они окружены отрядом конников, москвичей и казаков. Яковлев и старики встречают гостей почтительно, многие из казаков сняли шапки. Разин и его группа не снимают. Разин кричит брату:

— Чего шапку сдернул? Пред иконой, что ли?

Старики сердито смотрят на него, Фролка, усмехаясь, хочет покрыть голову, но — не смеет. Разин сдернул его с лошади за ногу, молодежь хохочет.

X

Боярин, указывая рукою на Разина:

— Что за человек?

Яковлев. Крестник мой, Разин, Степан...

Б о я р и н. Дерзок, непочестлив...

Московский отряд спешивается, казаки разводят москвичей по городу на постой. Разин говорит молодежи:

— Сыщики приехали, беглых москвитян хватать! Ребята — помни: Дон гостей не выдает!

ССОРА

I

Вечер. Московские стрельцы гуляют по улице, заигрывая с казачками. Молодые казаки враждебно наблюдают за ними. Беглецов московских не видно.

II

Степан Разин и его мать сидят у ворот хаты; мать — мрачная старуха в черном, с падогом в руках. Она угрюмо смотрит вдаль, сын рассказывает ей о том, как московский князь Юрий Долгорукий повесил его старшего брата, начальника казацкого отряда в московских войсках.

III

Московские стрельцы вешают на дереве казака.

IV

Мать Разина говорит, пристукивая палкой по земле и с ненавистью глядя на гуляющих стрельцов:

— Помни, Степан,— мы, казаки, Москву от Польши оборонили, мы царя дали москвичам, а Москва губит нас, проглотит она, зверь, вольный Дон!

V

В саду Яковлева сидят за столами московские гости и богатые казаки, едят, пьют пиво, мед. Бабы-казачки поют, славят гостей.

VI

Приводят московских скоморохов, с ними — Борис, они играют, пляшут; старший боярин, присмотревшись к ним, встает, указывает рукою на Бориса:

— Этого я знаю, это наш, рязанский разбойник, Бориска! Ты, атаман, выдай мне его!

VII

Казаки хватают Бориса; возня, драка, остальные скоморохи разбегаются.

VIII

Скоморох, с бубном в руках, бежит по улице мимо Разина, Разин, вскочив, хватает его за плечо.

— Что? Куда? Стой!

— Москва хватает наших!

Разин, вложив два пальца в рот, свистит, со всей улицы к нему бегут молодые казаки, он объясняет им: бояре хватают в плен беглых москвитян. Общий крик молодежи:

— Отнять!

Мать Разина, размахивая палкой, кричит:

— Не поддавайтесь Москве!

IX

Разин, во главе толпы казаков, идет по улице; беглые москвитяне вырывают колья из плетней, богатырского роста человек размахивает оглоблей, казаки обнажили шашки, вооружились ножами. За толпою идет мать Разина, угрожая палкой.

X

Яковлев и богатые казаки, встретив толпу, уговаривают ее не буянить, Разин кричит им:

— Мы, казаки, царя Москве дали! Мы за Москву головы кладем, а она и живьем людей отнимает у нас! Дон гостей своих не выдает.

Мать Разина, пробившись сквозь толпу, грозит Яковлеву палкой:

— Холоп московский!

XI

Толпа лезет в сад Яковлева, ломая плетень, опрокидывая столы, некоторые хватают со столов пиво, меды и жадно пьют. Бояре испуганы, старший говорит Яковлеву:

— Отдай схваченного. А я в Москве скажу, как вы разбойников укрываете!

XII

Яковлев схватил Разина за ворот, пытается встряхнуть его, кричит:

— Что делаешь, бунтарь?

Разин стоит неподвижно, отвечая:

— Свободу Дона берегу, а ты ее продаешь!

— Гляди, Степка, будешь повешен, как брата твоего повесили!

XIII

Мать Разина бьет палкой по рукам Яковлева:

— Пусти сына, холоп!

Я к о в л е в. Ведьма ты, кума! Пропадет сын твой...

XIV

Ведут Бориса, толпа вырывает его из рук стражи и уходит со свистом, криками, песнями. Сзади всех идут Разин и его мать. В стороне плетется пьяный Фролка, хватаясь за плетни.

СОВЕЩАЮТСЯ

I

На берегу реки сидят и лежат молодые казаки и беглые москвичи. Трое москвитян поют, Борис подыгрывает им на дудке. Черноярец, угрюмый усатый казак, стоит, глядя в степь.

II

Идет Степан Разин, рядом с ним — мать, она что-то говорит ему, указывая палкой в степь.

III

«С т е п а н и д е т!»

Черноярец предупреждает казаков,— все зашевелились, некоторые встали на ноги. Борис перестал играть, сунул дудку за пояс. Все кланяются матери Разина. Она шевелит губами и качает головой, как бы считая людей.

IV

Разин говорит:

— Старшие наши заласканы Москвой, а Москва грабит Дон, да и своих людей грабит, вон сколько народа бежит к нам из Москвы! Турок не велят нам трогать, а турки нападают на казаков в степи, лошадей наших воруют...

V

Мать Разина машет палкой на него, яростно кричит, трясется:

— Мы, казаки, царя Москве дали, мы поляков прогнали... А Москва сына моего убила... Сына старшего...

VI

Разин продолжает:

— Пойдемте, братцы, поищем счастья на Волге.

Шумное одобрение; крики:

— Идем! Будь нам атаманом. Черноярца — есаулом! Веди нас, Степан!

Разин, сняв шапку, кланяется, мать тоже удовлетворенно кивает головою.

VII

Черноярец, стоя рядом с Разиным, говорит:

— Оружия мало у нас, так мы хутора пограбим, на хуторах военного снаряда много!

VIII

Все оживленно шумят, возятся, смеются. Двое молодых начали бороться, обняв друг друга. Борис подходит к Разину.

— И меня возьми!

IX

Разин ласково кладет ему руку на плечо.

— И тебя возьмем! Ты нам песни будешь петь. Ну-ко, на радостях, заводи песню...

X

Борис запевает, толпа торжественно поет. Песня становится всё более грозной и буйной. Мать Разина оперлась на палку, слушает, плачет. Разин смотрит на людей считающим взглядом, Черноярец что-то рассказывает ему.

НАПАДЕНИЕ НА ХУТОР

I

Лунная ночь. Берег реки. Кустарник. Толпа казаков и вооруженной московской голытьбы усаживается в четыре большие лодки. Блещет оружие, мелькают в воздухе мокрые весла. Посадкой распоряжается Разин, рядом с ним — мать.

II

Из кустов вылезает Фролка, нерешительно чешет голову; мать спрашивает его:

— Что?

— Не поеду я...

Она молча отстраняет его палкой. Фрол кланяется брату:

— Прощай, Степан...

Разин смотрит на него, как на пустое место. Фрол скрылся в кустах. Разин опускается на колени перед матерью, она крестит его, говорит:

— Бедных не обижай. Коли богу правда дорога — он тебе поможет. Правда — наша, правда — казацкая,— помни! Правда — у свободного народа, у холопей нет правды, помни!

Разин прижимает руки ее к своему лицу и долго держит их так. Старуха строго смотрит в небо, шевеля губами, говорит:

— Ну, иди!

Разин кланяется в ноги ей, встает, встряхивая головой, смотрит на реку, там уже люди ждут его, держа весла наготове.

III

«М о л и с ь!»

Разин снял шапку, крестится, люди в лодках дружно делают то же. Мать крестит их, кланяется.

IV

Лодки отплывают. На корме задней стоит Разин, без шапки, смотрит на берег, там, у воды, стоит мать, опираясь на палку. Сзади ее, в кустах, лицо Фролки, он чешет затылок, нерешительный, сожалеющий.

V

Мать задумчиво, тихонько идет, за нею осторожно крадется Фролка. Остановилась, угрюмо смотрит: в сумраке пред нею возникает видение — сын ее висит на дереве. Отшатнувшись, она крестит видение взмахами палки, шепчет что-то; Фрол испуганно бежит прочь от нее.

VI

Казачий хутор в степи на берегу реки. Постройки обнесены земляным валом со стороны реки, со степи их полукольцом окружает частокол. На берегу — лодки. По вершине вала ходит часовой с пищалью.

VII

В сумраке утра из-за частокола крадутся к валу и ползут по земле казаки Разина. Один из них всполз на вал, бросился сзади на часового, свалил его. Тотчас к постройкам бросается человек сорок разбойников.

VIII

Драка с хуторянами, бьются не столько оружием, сколько кулаками. Нападающих значительно больше, по пять и шесть человек на хуторянина, драка кончается быстро, хуторяне связаны. Начинается грабеж, из домов выносят кучи платья, много оружия, мешки муки, выкатывают бочонки пороха, грузят их в пустые лодки хуторян. Борис несет бандуру, инструмент вроде гитары, и пытается играть на нем.

IX

По реке быстро плывут лодки Разина, люди на них радостно машут шапками, кричат.

X

Полем скачет казак-хуторянин в Черкасск с вестью о нападении разбойников; Разин, выхватив пищаль у одного из своих, припадает на колено, стреляет; казак — упал, но — скачет еще один и дальше первого. Разин бросает ружье, с досадой грозит кулаком, кричит своим.

XI

«Садись в лодки!»

Люди, увлеченные грабежом, не слушают атамана. Двое тащат к реке бабу, она бьется в их руках. Разин вырывает ее, она упала, а он, схватив казаков за волосы, бьет их голова о́ голову, оба замертво валятся с ног. Борис, видя это, сначала испугался, потом — хохочет. Баба, красивая, дородная, сидя на земле, смотрит на него со страхом и удивлением, он поднимает ее за руку.

— Ты... как зовут?

— Домна.

— Хошь со мной... Ну?

— Ух, властен ты, ух, силен.

— Иди, одень казацкое платье... я тебя возьму...

XII

Ласково отталкивает ее, она бежит к постройкам, Борис — за нею. Разин из-под руки смотрит вдаль, в степь. В лодках — возня, укладывают награбленное. Люди, ушибленные Разиным, пришли в себя, один — ползет к берегу, другой — идет, качаясь на ногах, держась за голову.

XIII

Бежит Домна в казацком жупане, в шапке, за ней, смеясь,— Борис. Разин, тоже усмехаясь, ведет ее к лодке. Один из хуторян, связанный, лежа на земле, поднимает вслед им голову и смотрит, оскалив зубы.

XIV

Люди в лодках встречают Разина и Домну смехом, криками, махают шапками и отталкиваются веслами от берега,— поплыли, поют; Борис, неловко прыгнув, упал в воду. Разин на носу передней лодки, рядом с Домной, хохочет, обняв женщину, глядя, как вытаскивают из реки Бориса.

СТАНОВИЩЕ РАЗИНА

I

По холмам, на берегу реки, беспорядочно разбросаны шалаши: из ветвей, из парусов на веслах и баграх, некоторые накрыты кошмами, кафтанами и всякой рухлядью. Кое-где вырыты землянки. Становище окружено цепью телег, связками фашинника — это защитный вал. Торчат часовые с пищалями и копьями, поглядывая вдаль. Внутри стана — пестрое сборище нескольких сотен людей. Играют в кости, пляшут, борются, тянутся на палках, пробуя силу, некоторые чинят одежду, один стрижет людей, надевая на головы им горшок и овечьими ножницами отрезая пряди волос, не покрытые горшком. Над кострами висят котлы, кашевары варят обед. Жизнь течет медленно, движения людей ленивы. Покручивая усы, по становищу ходит есаул Разина Иван Черноярец, за ним — Фролка Разин, пьяный, размахивая рукою, поет, налезает на людей. Его ведет под руку казак, это тот хуторянин, который ненавистно смотрел вслед Разину, когда Разин уводил Домну. Борис следит за казаком.

II

У реки, под кустами ракитника, лежит вверх лицом Степан Разин, голова его на коленях Домны, одетой в богатый казацкий кафтан. Она поет, расчесывая гребнем волосы Разина, Борис вторит ей на дудке.

III

Разин встал на ноги, смотрит за реку, в степь; Домна стоит на коленях, глядя в лицо его.

Р а з и н. Люди едут верхами. Много народу накопилось у меня, скучает народ. Пора перекинуться на Волгу, там погулять.

Борис, перестав играть, задумчиво смотрит на Разина; вздыхая, говорит:

— Людей ты, не жалея, бьешь...

Разин нахмурился.

— Нет, людей я жалею. Я для людей, может, душу мою погублю... Ты не понимаешь этого, птица. Уйди-ко...

Борис медленно уходит.

Возвращается, робко подходит, Разин смотрит на него грозно.

— Ну?

— Забыл я, тут человек один ходит, всё подглядывает за Домной, боюсь я.

— Чего?

— Не знаю.

— Иди прочь...

IV

Домна прижимается к Разину, он отводит ее локтем, кладет руку на голову ей, нахмурился.

— Одна ты баба во всем стане. Нехорошо мне отличаться перед товарищами, нехорошо. А — мила ты мне. Как быть-то?

Д о м н а. Не знаю. Ничего я не знаю, одно только: любить тебя надо мне.

— Есть у тебя кто-нибудь родные?

— Кроме тебя — никого.

V

«З а п о р о ж ц ы   п р и ш л и!»

Бежит казак, махая шапкой, кричит. Разин идет встречу ему, Домна остается, сняла шапку, поправляет волосы, лицо у нее грустное. Смотрит в небо, крестится.

VI

«Д о б р о   п о ж а л о в а т ь!»

Пред Разиным человек двадцать чубатых казаков с Днепра, они увешаны оружием. Среди них двое стариков, один — кривой. Разин, усмехаясь, говорит с ними, они стоят, сняв шапки.

VII

П о с л ы   с   У р а л а

Среди становища пред Разиным стоят трое бородатых уральских казаков, один из них читает грамоту:

«Собирайся, атаман Разин, к нам, на Урал-реку, возьми город, людей побей, засядем в городе, укрепимся, а потом пойдем дружно в Персию, промышлять удачи».

VIII

«Казацкий круг» — совещание всех людей Разина; он среди круга на бочке, толпа буйно кричит:

— На Волгу!

Общее волнение, ⟨машут⟩ шапками, оружием, бьют в бубны, тулумбасы, топают ногами. Домна любуется Разиным, за нею наблюдает казак, который гулял с Фролкой. Вокруг днепровских и уральских казаков группы донцов. В одной группе запорожец, играя на бандуре, поет о том, как, назад тому пятьдесят лет, казаки били московских бояр. В другой группе одноглазый старый запорожец рассказывает:

— Был я молодой — били мы тогда бояр московских, царя посадили им из Польши,— и в Москве были хозяевами казаки.

IX

«Пойман шпион московский!»

Ведут человека, уличенного в шпионстве,— его выдал товарищ, пришедший с ним из Царицына, молодой горбун. Указывая на шпиона рукою, горбун уличает его пред Разиным. Шпион падает на колени.

X

Разин. Горбатого — не трогать, а этого зарыть живьем в землю.

XI

Шпиона зарыли в песок по шею и швыряют в голову его издали камнями, палками. Горбун тоже старается убить товарища.

XII

К Разину подводят людей из Царицына-города; у одного из них вырезан язык, у другого отрублена правая рука, у третьего выжжены глаза. Их сопровождает старый, седой поп, он говорит Разину:

— Гляди, казак, как бояре увечат людей. Оклеветали, ограбили....

— Кто эти люди?

— Слепой — кузнец, немой — дьякон, а безрукий — писец.

— За что их?

— Правду любили, правду искали... Про тебя, казак, слух идет, что ты справедлив,— жалуюсь тебе на воеводу и бояр царицынских.

XIII

Разин вскочил на телегу и говорит толпе:

— Стонет земля наша от неправды...

Буйное волнение толпы.

XIV

Сборы в путь. Казаки рушат свои шалаши, вытаскивая из земли весла, багры, бердыши, снимая кафтаны, паруса, грузят на телеги имущество, ставят лодки на колеса. У бочки с выбитым днищем толпится народ, пьют ковшами вино по очереди, выпив, идут работать.

XV

Разин и Домна на берегу реки. Следя за ними, из кустов выглядывает казак. Разин стоит, обняв Домну за плечи.

— Большое дело затеваю, Домна!

Казак, выскочив из кустов, бьет женщину ножом в спину, она, взмахнув руками, падает. Казак бросается на Разина, тот, отскочив, подставил ему ногу, казак упал, Разин верхом на нем.

— За что убил?

— Жена моя.

XVI

«В с т а н ь!»

Вырвав нож из рук казака, Разин отбросил его в сторону, встал и толкнул убийцу ногою. Казак встал. Смотрят друг на друга.

Р а з и н. Надо бы убить тебя, да — не хочу. Может, это на мою удачу сделал ты. Мила она сердцу, а — мешала мне. Ступай! Пусть грех твой чирьем на душу сядет тебе. Иди прочь, собака!

XVII

Наклоня голову, казак уходит. Разин, проводив его угрюмым взглядом, опускается над трупом; стоя на коленях, складывает руки женщины на ее груди, сломил две ветки и кладет их крестом на грудь ее. Идет прочь, не оглядываясь.

Встречу ему — Борис.

— Где Домна?

Разин молча указывает рукой.

Борис. Убил?

— Не я, а — вон — идет.

— Я же говорил тебе.

Разин отмахнулся от него рукою, уходит. Борис стоит над трупом женщины, Разин остановился, смотрит на него. Зовет к себе, берет за руку.

— Все там будем. А покуда жив — живи.

Уводит Бориса. Борис, идя, оглядывается назад.

XVIII

Ночь. Шайка Разина перебирается степью на Волгу. Едут телеги, груженные припасами, оружием. Люди и лошади тянут лодки, поставленные на колеса.

НА ВОЛГЕ

I

Берегом идут толпы бурлаков, они тащат суда на бечеве.

По реке идет караван судов, среди них: казенные, государевы суда, судно патриарха. На судах — московские стрельцы, на патриаршем — монахи, тоже вооруженные бердышами и пищалями.

II

«Сарынь на кичку!»

— боевой крик разбойников. Лодки Разина преграждают каравану путь — у Разина более тысячи людей. Караван останавливается, суда сбиваются в беспорядочную кучу. Разин кричит в рупор из березовой коры:

— Стрельцы! Я, атаман Разин, не трону вас, вы свободны, идите куда хотите; я хочу расправиться с начальством вашим!

III

На берегу люди Разина останавливают безоружных бурлаков, бьют их, закрепляют бечеву за деревья, камни, это и останавливает суда.

IV

С берега и с лодок люди Разина наводят пищали на суда, другие лодки подчаливаются к бортам, хватаясь за них баграми, забрасывая на борта веревочные трапы с крючьями на концах. Лезут на палубы. Испуганные стрельцы, не защищаясь, бросают оружие, сдаются на милость разбойников.

V

На патриаршем судне разбойникам сопротивляются монахи, отталкивают лодки их шестами, стараются криками воодушевить к сопротивлению людей других судов.

VI

Разин вскакивает на палубу, бросается на монаха, руководящего обороной судна, бьется с ним, ранит, монахи сдаются. Разин велит повесить на мачте раненого монаха и еще двоих, разбойники с хохотом вешают монахов.

VII

На других судах бросают в воду судовых хозяев, приказчиков, начальников стрельцов. Фролка Разин сцепился с каким-то огромным купцом и вместе с ним падает за борт.

VIII

Берег. Стоя на камне, Разин говорит толпе бурлаков и стрельцов:

— Кто пойдет со мною, будет вольным человеком.

Толпа присоединяется к шайке Разина, кричит, машет шапками.

IX

К Разину подводят старика-монаха, он смотрит на Разина молча, строго. Его привел Фролка, мокрый и смешной.

Р а з и н. Что, старик?

Ф р о л к а. Он — немой!

Старик властно указывает рукой в небо. Подошел Борис, со страхом смотрит на старика.

X

Разин — усмехается.

— Ничего не вижу там, и оттуда ничего не видно.
Старик указывает рукою в землю.

XI

Р а з и н. Прогоните его! Не троньте. Иди, старик...

Фролка падает на колени пред монахом, Разин отталкивает брата ногою.

— Не валяйся зря, свинья! Иди, старик, а то...

Монах, не торопясь, отходит. Обернулся, вновь указывает в небо. Разин смотрит туда и махает рукою. Монах медленно уходит.

Борис говорит Разину:

— Я пойду с ним.

— На что?

— Молиться буду за тебя.

— А ты лучше песни пой.

Усмехаясь, обнял Бориса, уводит его.

XII

Ночь. На реке горит ограбленное судно. Разбойники на берегу пьют, едят. Костры пылают. Разин, сидя на камне, задумчиво чертит концом сабли песок. С ним Борис, он говорит:

— Много ты людей бьешь...

Разин пристально смотрит на него, отвечает:

— Не толкнешь людей, так они никуда не пойдут. А уж коли они пошли — остановить их трудно. Что, птица, тебе тяжело со мной? Погоди, скоро будет легче...

Оба задумчиво молчат, глядя на горящее судно.

В ПЕРСИИ

I

Город Фарабат на берегу моря. Летний дворец шаха, причудливая постройка восточного стиля. В море стоят казацкие суда, к берегу едет лодка с послами Разина.

II

Жители города — старики, женщины и дети — бегут, увозя имущество на мулах и ослах, на верблюдах. Молодые персияне вооружаются, готовясь отразить нападение. Сильное смятение.

III

Послы Разина у Менеды-хана:

— Мы никого не тронем, мы будем у вас всё покупать. Мы бежали от московского царя, наш атаман послал людей в Испагань к шаху вашему — просить, чтоб шах дал нам земли, мы хотим жить с вами дружно.

Менеды-хан разрешает казакам войти в город.

IV

Базар в Фарабате. Картина оживленной торговли. Казаки выменивают награбленное ими на оружие. Ряд комических эпизодов взаимного непонимания: казак, указывая на свою голову, просит шапку, а его хотят обрить; хохот казаков. Персиянин предлагает казаку серебряный пояс; казак, думая, что это подарок ему, обнимает перса, целует и, надев пояс, уходит.

Перс — кричит:

— Грабеж!

Указывая на рот свой, казак просит хлеба, персы с любопытством щупают его зубы пальцами,— казак сердится, толкает их. В группе персиян играет на бандуре одноглазый бандурист, персы внимательно рассматривают его инструмент.

В толпе ходит Борис, восхищаясь яркостью костюмов, невиданною красотой города. Пытается выразить персам свой восторг. Они его не понимают и, так как он одет плохо, в лохмотьях, дают ему мелкие монеты, думая, что он просит милостину. Борис, осмотрев день-

ги, бросает их на землю. Становится на углу, вынув дудку из кармана, играет,— это еще более убеждает персиян, что пред ними нищий, они бросают деньги к его ногам. Оскорбленный милостиной художник, перестав играть, грустно оглядывается, прячет дудку в карман. Идет куда-то, унылый, всем чужой.

V

Идет Разин с Черноярцем, Фролкой и еще группой сотников. Видно, что под кафтанами у них — кольчуги. Разин влезает на возвышение, откуда его всем хорошо видно, Фролка и Черноярец остаются с ним, сотники идут в толпу. Казаки, заметив Разина, тихонько толкают друг друга, перемигиваются, готовят сабли.

VI

Разин свистит, сунув пальцы в рот, сбросил с плеч кафтан, обнажил саблю, кидается на персиян, рубит их, Борис в ужасе хочет остановить его, падает, отброшенный Разиным.

VII

Избиение персиян казаками. Грабеж лавок и домов, Разин, поспевая всюду, руководит грабежом, кричит:

— Бери больше оружия, ребята!

VIII

Ведут пленных. Одноглазый старый запорожец считает их, отмечая десятки ножом на палке. Ведут раненого в свалке Бориса.

IX

Ведут старика Менеды-хана, с дочерью и сыном. Разин срывает чадру с головы девушки, брат ее бросается на Разина, Разин, схватив его за горло, взмахнул саблей,— Менеды-хан падает к ногам Разина.

— Не убивай, дадим богатый выкуп!

X

Девушка тоже бросилась к ногам Разина, умоляюще подняв руки. Он медленно опускает саблю, отталкивает ее брата, поднимает девицу с земли.

XI

«Э т у — м н е!»

Властно приказывает отвести персиянку на его судно. Фролка, приплясывая, ведет ее, казаки расступаются пред нею, Разин провожает ее взглядом, нахмурясь.

XII

Менеды-хан простирает руки вслед дочери. На земле бьется его сын, казаки вяжут его куском ткани, как куклу, смеются. Разин вкладывает саблю в ножны, оглядывая вереницу пленных. Город горит. На улице трупы убитых персиян.

ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА

I

Шатер на судне Разина, устроенный из персидских тканей и ковров. В шатре на коврах и подушках полулежит персидская княжна и упорно смотрит на Разина. Задумчиво любуясь ею, он сидит рядом.

II

Судно Разина, у бортов сидят и гребут пленные персияне. На носу группа товарищей Разина и Фролка; все они богато одеты в персидское платье. Пьют из серебряных чаш и кубков, часто, усмехаясь, поглядывают в сторону атаманова шатра; один из них играет на бандуре и поет, товарищи его хохочут. С ними Борис, сильно пьяный, пытается играть на дудке, не может. Плачет. Ломает дудку о колено.

III

«Х о р о ш о м н е с т о б о ю, д а — н е м а я т ы, и я — н е м о й»

Красота персиянки усыпляет волю Разина; улыбаясь, он мечтает о тихой, спокойной жизни с нею; он гладит волосы ее, грустно и ласково улыбаясь; она жмется к нему, целует его руки и, неотрывно глядя в глаза его высасывающим взглядом, что-то говорит, отвечая на его слова.

IV

Песня, хохот на носу судна всё буйнее, люди издеваются над увлечением атамана. Певец встал на ноги и поет, обратясь в сторону шатра.

V

Лицо Разина грозно нахмурено, он привстал, слушая песню, схватился за саблю, княжна ласкается к нему.

— Они смеются надо мной?.. Они смеются... Подожди!..

Оттолкнул ее, идет.

VI

«Что поёшь?»

Разин стоит пред певцом, тот, смущенно улыбаясь, молчит. Фролка, пьяный, указывает в сторону шатра, все казаки хохочут, певец тоже усмехнулся. Борис, стоя на коленях, качаясь, взмахивая руками, кричит:

— Не хочу я с тобой жить, отпусти меня!

VII

Ударом сабли Разин разбивает бандуру и затем сбрасывает певца за борт. Грозно смотрит на товарищей, Фролка ползет прочь, все испуганы... Борис встал на ноги, тоже хочет кинуться за борт. Разин схватил его за плечо, ведет за собой.

VIII

Разин около княжны, сидит, схватив голову руками, она смотрит в лицо ему, положив локти на колени.

— Куда ты меня зовешь, девушка? К тихой жизни? Это — не для меня. Я затеял большое дело, я хочу освободить людей от Москвы, от царя, а ты...

У входа в шатер спит Борис.

IX

Женщина, победно улыбаясь, обнимает его, Разин вскакивает на ноги, безумно оглядывается и, схватив княжну на руки, жадно целует ее.

X

«Нет! Прощай!»

Разин бросает княжну за борт и, с ужасом на лице, смотрит на реку, провожая взглядом уплывающее тело.

XI

Между тканями шатра изумленные, испуганные лица казаков, постепенно они окружают атамана, глядя на него с восторгом, машут шапками, кричат. Пьяный Фролка бросает в реку подушки, пляшет. Разин смотрит на всех угрюмо и властным движением руки прогоняет их прочь. Остается один, смотрит вдаль и, нахмурясь, что-то шепчет. Проснулся Борис, разглядывает Разина, потом дергает его за полу. Разин угрюмо смотрит на него:

— Уйти от меня хочешь? Жалко мне тебя, чистая душа. Поёшь ты хорошо. Ну — иди! Не по дороге тебе со мной.

XII

— Эй, к берегу!

Гребут к берегу.

XIII

На берегу стоит Борис, плачет, машет шапкой.

XIV

На корме Разин, хмуро смотрит на берег, потом, с досадой сорвав шапку, бросает ее в воду.

РАЗИН В АСТРАХАНИ

I

Воевода Прозоровский

Богато, по-восточному украшенные хоромы астраханского воеводы. Прозоровский сидит за столом, окруженный боярами, подьячими, боярскими детьми. Тут же капитан Видерос, начальник отряда немцев-рейтаров, и Бутлер, капитан первого русского морского судна «Орел».

II

Послы Разина

Входят пятеро казаков, они великолепно одеты, богато вооружены, их сопровождают астраханские стрельцы и отряд немцев под командой Штрауса, помощника Видероса. Казаки говорят воеводе:

— Мы просим государя на Москве, чтоб он простил нам всё, сделанное нами, и приказал пропустить нас домой, на Дон. А острова, завоеванные нами саблей у персиян, отдаем ему, государю.

Общее ликование астраханцев. Воевода встает и отвечает казакам обещанием хлопотать за них в Москве. В стороне Видерос и Штраус тревожно совещаются о чем-то.

III

Пир на палубе судна «Орел»

Палуба уставлена столами, Прозоровский и Разин сидят рядом, их окружают знатные астраханцы, казацкие сотники; тут же, за отдельным столом, Видерос, Штраус, Бутлер, немцы-рейтары. Матросы на судне — все немцы, так же как и плотники; судно строил Бутлер.

IV

Воевода, выпивший, требует, чтоб Разин отдал ему богатую персидскую шубу со своих плеч.

Разин. Жадны вы, бояре! Сколько уж подарили казаки вам, а вы всё больше просите!

Воевода. Не скупись, атаман! Мы сила, и хорошо и худо можем сделать для тебя в Москве.

Разин. Грабите вы нас. Ну, бери шубу, только б не вышло из-за нее шуму...

Снимает шубу, отдает ее воеводе. Казаки раздражены жадностью Прозоровского и не скрывают это. Все пьяны. Пляски, пение, толкотня. Некоторые из казаков вызывают на единоборство немцев матросов и плотников. Отношение к немцам явно враждебное. Чтоб не раздражать казаков, немецкие матросы позволяют одолевать себя в борьбе.

Один из матросов, могучий парень, поддается даже совершенно пьяному Фролке. Это вызывает смех большинства казаков, но некоторые поняли, что немцы боролись с ними несерьезно, и смотрят на матросов подозрительно, сердито. Разин, шутя, предлагает воеводе бороться с ним. Тот отказывается, испуган. Казаки смеются.

V

Казаки гуляют

Торговая площадь пред астраханским кремлем. Ходят группы казаков, одетые в шелка и бархат, в шапках, украшенных драгоценными камнями. Идет Разин, тоже великолепно одетый, бросая в народ горстями из мешка на поясе серебряные деньги. Казаки ведут себя буйно, хватают женщин, целуют их.

VI

Бутлер, во главе плотников, подносит Разину бочонок водки. Разин и казаки тут же, на улице, пьют, угощая немцев и народ. Народ восхищается простотой Разина.

VII

«Чего мне нельзя, того и другим нельзя»

К Разину подводят казака, уличенного в обиде чужой жены. Тут же и эта женщина в разорванном платье. Разин, нахмурясь, выслушивает жалобу горожан. Обнажил саблю и убивает казака. Горожане, восхищенные его справедливостью, кланяются ему, шумно благодарят. Он оделяет их деньгами и, толкнув ногою убитого, идет дальше. Немцы, стоя в стороне, совещаются о чем-то. Горожане братаются с казаками и вместе с ними грабят лавку.

VIII

На лужайке, у городской стены, сидит Разин, его окружают дети, он, смеясь, раздает им сласти из полы своего кафтана. В другой группе детей одноглазый запорожец играет на бандуре.

IX

Разин показывает детям саблю свою, не обнажая ее. Надевает на голову одного из них свою шапку, хохочет. Дети не боятся его, щупают шитье кафтана, пояс. Видно, что Разину всё это приятно. Свистит, подбегают казаки, он приказывает им плясать. Пляшут, дети в восторге, Разин хлопает ладонями.

X
Капитан Видерос у Разина

— Воевода прислал тебе приказание, чтоб ты лишних из города вывел под страхом гнева царева.

Разин, схватясь за саблю:

— Не смей грозить мне! Не боюсь я ни воеводы, ни царя! Я вольный человек!

Видерос уходит.

XI
«Будет бунт!»

Совещание немцев матросов, плотников и рейтаров.

Штраус. Мы — в ловушке. Казаки ненавидят нас. Собирайте пожитки, бежим в Персию.

Видерос. Нечестно бежать, надо защищаться.

Спор.

XII

Ночь. Немцы, человек двадцать, садятся в лодки, прощаясь с Бутлером и Видеросом. Уезжают. Бутлер, Видерос идут в город.

XIII
Шпионы

Пред Прозоровским двое нищих, он приказывает пытать их, нищих поднимают «на дыбу», бьют плетьми, они сознаются:

— Мы обещали Разину поджечь город, когда казаки пойдут на приступ.

XIV

Астраханская крепость

Кирпичная стена в три метра шириною, на стене — зубцы, между ними — пушки. По углам стены двухъярусные башни с колоколами, в колокола бьют во время боя для возбуждения бойцов. Прозоровский обходит стену, наблюдая, как ворота ее заваливают кирпичом и бревнами. Горожане с пищалями, топорами, копьями и бердышами. Работают неохотно. Бутлер и Видерос, сопровождая воеводу, советуют ему сжечь слободу под городом, чтоб не дать защиты казакам.

XV

«Поборитесь за государя!»

Крестный ход вокруг крепости, митрополит увещает горожан честно защищать город. Воевода тоже говорит речь. Горожане, сняв шапки, слушают молча, глядя в землю.

XVI

Казаки Разина идут на приступ, везут пушки, тащат штурмовые лестницы, связки фашинника. Впереди — Разин, в кольчуге, с обнаженной саблей.

БОЙ

I

Казаки лезут на стены, не встречая сопротивления. Пушки стреляют через их головы.

II

Астраханцы избивают пушкарей, бояр и всех, кто пытается защищать город. Воеводу Прозоровского ударили копьем в грудь. Один из холопов, схватив воеводу, уносит его.

III

В церкви, на полу, лежит воевода; вбегает митро полит, бросается на грудь его, потом — причащает. Вбегают женщины с детьми, купцы, бояре, дьяки,

спасаясь от смерти. Врата церкви закрыты железной решеткой, около нее встает один стрелец, Фрол Дура, с ножом в руке.

IV

На паперть церкви лезут казаки, Дура бьется с ними, его одолевают не скоро, он ловок и силен. Казаки стреляют в церковь сквозь решетку. Убили ребенка на руках матери. Врываются в церковь. Резня.

V

Прозоровского вытащили из церкви и бросили на землю, у колокольни. Выводят раненых, выволакивают трупы, издеваясь над ними.

VI

Разин смотрит на Прозоровского, поднимает его с земли, за руку ведет на колокольню, там говорит ему что-то; воевода отрицательно качает головою. Разин сбрасывает его с колокольни. Спустился на землю и приказывает перебить всех пленных.

VII

Капитан Видерос с небольшой группой своих людей защищается против казаков. Разин смотрит на бой, поощряя нападающих, но люди Видероса, увидав Разина, сами убивают своего капитана. Разин велит перебить их.

VIII

На городской стене висят люди, одни подвешены за ребра, некоторые — за одну руку, иные — за ноги вниз головою. По земле ползут раненые, их добивают.

IX

Казачьи и городские женщины избивают боярских жен и детей. Красивых боярынь и боярышен казаки тащат в плен.

X

— Много приказных людей и бояр спряталось, вели их отыскать и убить, а то придет из Москвы помощь им, станут они вредны нам.

Перед Разиным толпа вооруженных горожан, он отвечает:

— Когда уйду из Астрахани — делайте что хотите!

Привели жену Прозоровского, с нею дети, одному 8 лет, другому 15. Разин велит повесить старшего на городской стене вниз головой. Вешают. Мать ползает по земле у ног Разина, он отталкивает ее ногою.

Закрыл глаза, вздрогнул: пред ним возник образ матери,— опираясь на палку, она стоит на берегу реки, смотрит вдаль.

XI

«Вот так я сожгу все дела в Москве, у царя!»

В огромный костер бросают связки бумаг, Разин ногою и саблей подкидывает их в огонь. Казаки бешено пляшут вокруг костра, горожане тоже. Ползет на коленях жена Прозоровского, умоляет Разина пощадить детей, он приказывает:

— Высечь и отдать ей. Прочь, баба!

XII

Горожане принимают присягу на верность Разину.

«Стоять за атамана верой и правдой, служить ему честно, изменников истреблять».

Все подняли руки. На земле, у ног Разина, сидит Фролка, изумленно глядя на брата и людей.

НАЧАЛО КОНЦА

I

Казаки Разина осаждают Симбирск, бросают в город через стену зажженные поленья, снопы соломы, пучки пакли.

II

К Разину приходят толпы мордвы, чувашей, черемис. Некоторые вооружены только луком и стрелами, иные — топорами на длинных рукоятях, некоторые — просто дубинами с корнем на концах. Разин принимает их, говорит им речь, указывая на стены города.

III

Ночь. Стеной идут московские войска, они обучены по-европейски, их ведет князь Юрий Борятинский.

IV

Утро. По реке быстро едет лодка, в ней — Разин, гребет Фрол. Разин задумчиво сидит на руле. Он мысленно видит персидскую княжну в шатре, в тот момент, когда она молча смотрела в лицо его. Снял шапку, наклонил голову. Потом вспомнил Бориса, в минуты, когда тот, со слезами, стоя на берегу, прощался с ним. Разин отирает шапкой лицо. Кричит брату:

— Греби скорей!

V

Пещера отшельника на берегу реки. Отшельник, маленький седой старичок, молится, стоя на камне. К нему идет Разин, старик не замечает его. Разин с минуту наблюдает за ним.

VI

— Довольно, старик! Я пришел рассказать тебе жизнь мою. Может быть, есть бог, ты умрешь скоро, так вот,— выслушай меня и расскажи богу.

Разин стаскивает отшельника за полу и, усадив его на камень, рассказывает жизнь свою; волнуясь, то загорается гневом, то печально разводит руками, говорит:

— Может, я многих людей зря погубил, ну всетаки: мой грех — не царский грех, не против всех!

VII

Встал, обнажил голову.

— Вот, отец, я тебе всё рассказал. Коли есть бог — скажи ему: на земле и праведное дело без греха не сделать! Это уж не наша, людская, вина.

Старик властно говорит:

— Встань на колени, проси прощенья!

Разин отрицательно мотнул головой.

— Ни пред кем не вставал и пред тобой не встану. Я — не каяться пришел, а рассказать. Прощай. Скажи спасибо, что я тебе голову не срубил!

VIII

Разин во главе своих казаков дерется с московскими войсками. Инородцы — мордва и чуваши,— разбитые москвичами, бегут, смяли Разина и казаков. Разин получил удар саблей по голове, ему прострелили ногу. Падает.

IX

Паника. Крестьяне и мордва спасаются от преследования москвичей, увлекают за собою казаков.

X

Четверо казаков несут бегом раненого Разина.

XI

Казаки бросаются в лодки и поспешно плывут вниз по течению реки. Разин, опираясь на копье, командует посадкой, голова у него завязана.

XII

Князь Борятинский перед толпою пленных.

— Что, бунтовщики? Попались?

Кричит, топая ногами:

— Утопить их. Вешать! Посадить на колья. Плоты построить, на плотах — виселицы, и пустить по реке, на поучение холопам.

XIII

Расправа князя Борятинского

По реке плывут плоты, на них устроены виселицы, на виселицах — трупы казаков и крестьян. На плотах тоже изрубленные трупы. Некоторые посажены на колья.

КОНЕЦ СТЕПАНА РАЗИНА

I

Отряд казаков во главе с Корнилом Яковлевым везет в Москву Разина, скованного цепями; с ним Фролка.

II

Толпы народа встречают Разина враждебно, издеваются над ним. Он смотрит на людей равнодушно. Фролка испуганно жмется к брату.

III

Большая телега запряжена четверкой лошадей, на телеге устроена виселица глаголем. С Разина срывают богатое платье, одевают его в нищенские лохмотья. Привязывают цепью за шею к перекладине виселицы, руки и ноги прикрепляют цепями к телеге.

IV

Фролке надели цепь на шею и приковали другой конец ее к задку телеги. Телега тронулась, Разин стоит неподвижно, Фролка бежит, вытянув шею, руки его скручены за спиной. Толпа враждебно воет, казаки отгоняют ее.

V

Допрос

Бояре допрашивают Разина.

— Не о чем говорить мне с вами, все знают, кто я таков и что делал. Одолели вы меня — ваше счастье, я бы одолел вас — тоже не пощадил бы.

VI

Пытка

Разина подвесили за руки на дыбу, ноги его у щиколоток связаны, между ног всунуто бревно, палач стоит на бревне. Разин переносит пытку молча. Бояре изумлены его терпением. Велят бить его плетями по спине. Разин молчит. Прижигают избитое тело раскаленным железом. Молчит, сжав зубы.

VII

Пытают Фролку, он неистово кричит, просит прощения. Бояре смеются, смеется палач.

VIII

Разин говорит, презрительно:

— Молчи, баба! Разве это больно? Испытал счастье свободной жизни — умей терпеть и несчастье, дурак!

Бояре в ужасе пред его жестокостью и стойкостью.

IX

Разин в тюрьме, прикованный цепью за шею и за руки к стене. Дремлет. Во тьме пред ним возникает светлое пятно, и Разин видит мать: она стоит на берегу реки с палкой в руке и смотрит вдаль.

X

Красная площадь в Москве. Вокруг Лобного места толпы народа. Бояре верхами на конях, стрельцы, иноземные рейтары.

XI

Везут Разина, он прикован к столбу на телеге и возвышается над толпою. Толпа — орет, волнуется. Фрол, замученный пыткой, лежит у его ног.

XII

Разин на Лобном месте смотрит, усмехаясь, на стены Кремля, на толпу народа и бояр. Бояре грозят ему кулаками, саблями.

XIII

Палачи укладывают Разина на плаху, он смеется.

XIV

Разина — четвертуют, отрубая ему поочередно руки, ноги, голову.

XV

Прошли года

В лесу, на поляне, группа разнообразно вооруженных людей, разбойники. Среди них — старик с гуслями, поет о Разине:

Жил да был справедливый козак,
Жил Степан Разин, Тимофеев сын.
Он бояр казнил, бедный люд любил...

XVI

Разбойники благодарят старика за песню. Атаман их дает ему денег, спрашивает:

— Как тебя звать, дед?

— Борис.

XVII

В избе, тесно набитой взрослыми и детьми, за столом сидит дед Борис, играя на гуслях, поет:

Кто людям послужил, тот и богу послужил,
А грехи его тяжелые — не нам судить.
Тут и кончена песня про Разина,
Про удалого Степана Тимофеева.

ЖИЗНЬ ОДНОГО ЕВРЕЯ

ДЕТСТВО

I

Крестный ход

Толпа людей, духовенство, во главе с епископом, несут иконы, хоругви.

II

Мальчик-еврей, Абрам, сидит на заборе, любуясь религиозной процессией.

III

В конце процессии идет группа русских мальчишек; увидав Абрама на заборе, швыряют в него камнями, пытаются стащить. Абрам убегает от них.

IV

Тоже крестный ход

Идет толпа арестантов под конвоем солдат с обнаженными саблями. Впереди толпы арестанты в кандалах. Абрам бежит сбоку, разглядывая арестантов.

V

Ожидая посадки на тюремную баржу, арестанты расположились по берегу реки. Между ними — Абрам. Один из арестантов схватил его и, ласково поглаживая голову мальчика, говорит:

— Вот, смотри, мальчик, сколько на земле плохих и несчастных людей. А все они искали счастья.

VI

По реке идет пароход, ведя на буксире баржу с арестантами в Сибирь. Абрам, с прутом в руке, стоит на берегу, задумчиво глядя вслед пароходу, вспоминая ласковое лицо старика.

VII

Крещение Абрама

Абрам идет по улице, за углом его дожидаются мальчишки-школьники.

VIII

Мальчишки бросились на Абрама, схватили его и купают в грязной луже — «крестят».

IX

Старуха, торговка пряниками, отнимает Абрама из рук мальчишек и, мокрого, грязного, ведет его к себе.

X

В лачуге старухи. Абрам, вымытый, сидит за столом, пьет чай, рядом с ним внучка старухи Лиза; торговка весело рассказывает им что-то, оба они внимательно слушают.

XI

Лиза показывает Абраму свои игрушки.

XII

Абрам идет домой, Лиза провожает его, жмут руки друг другу.

Лиза. Приходи ко мне играть.

XIII

Подруги дразнят Лизу за ее дружбу с «жидом». Она убегает от них.

XIV

Абрам приходит к Лизе, она встречает его холодно, не хочет играть с ним.

Абрам. Тебе нездоровится?

Лиза. Нет, но я не хочу дружиться с тобою, подруги смеются надо мной за это, потому что ты жиденок, а не русский.

XV

Абрам идет по улице медленно, задумчиво опустив голову. Лицо у него грустное. Иногда, остановясь, он оглядывается. Ночь. Улица пустынна.

ОТРОЧЕСТВО

I

Абрам — ученик кузнеца, работает в кузнице, раздувая мехами горн.

Кузнец — огромный, добродушный и веселый человек. Сын кузнеца — Петр, ровесник Абрама, удалой мальчик, озорник, но лентяй.

II

Пьяный кузнец учит Абрама ковать, хвалит его, грозит пальцем сыну, уходит.

III

Петр, ревнуя Абрама к отцу, задирает его, пытаясь вызвать на драку. Абрам отказывается, Петр мажет лицо ему сажей.

IV

Дерутся. Абрам побеждает. Петр, сидя на земле, грозит ему кулаком:

— Я тебе отомщу.

V

Базар в городе. Много торговцев — евреи. По базару группами ходят мужики и парни-рекрута. Среди них немало пьяных. Один, с гармоникой в руках, опрокидывает лоток торговца-еврея, еврей ругается, его бьют. Собирается на шум толпа. Среди нее — Петр, сын кузнеца.

VI

Погром. Рекрута, мужики и бабы бьют и гонят евреев, грабят лавки, ломают лари, бьют стекла в окнах. Полицейские не мешают им в этом.

VII

Еврейка бросается к ногам полицейского, умоляя о защите; он, взглянув на нее, отходит прочь.

VIII

Петр принимает деятельное участие в погроме, выбивает стекла, ломает раму, вбегает в дом.

IX

Из окна второго этажа Петр выкидывает на улицу разные вещи: посуду, стенные часы, зеркало; распарывает подушки и выпускает из них перо.

X

Погром разгорается. Опьяненная страстью разрушать, толпа неистовствует; разрывает в клочья платье, выброшенное из окон домов, ломает мебель, выламывает двери. Выкатывая бочки масла, выбивает дно из них. В воздухе, как снег, носятся перья. Где-то горит, по улице стелется дым. Всюду прыгают обезумевшие люди.

XI

Бежит Абрам, он — с работы, весь в саже. Видит, как действует Петр. В ужасе прижимается к забору, дико смотрит на безумие погрома. Бросается в свалку, хватает Петра за руку, борются.

XII

Идет отряд солдат. Толпа погромщиков разбегается. Некоторых арестуют. Схватили Петра.

XIII

Кузнец встревожен судьбою сына. Сидит у дверей кузницы, Абрам утешает его. Голова Абрама завязана.

XIV

Камера судебного следователя. Абрам на очной ставке с Петром. Следователь спрашивает Абрама, указывая на Петра:

— Этот принимал участие в погроме?

— Нет, он работал в кузнице.

XV

Освобожденный Петр идет с Абрамом домой и благодарит его. Абрам спрашивает:

— А ты сделал бы так еврею?

ЮНОСТЬ

I

Абрам и Петр идут полем к лесу.

II

Сходка революционеров-рабочих в лесу. Оратор говорит речь.

Среди рабочих — несколько девушек и Лиза.

III

Оратор кончил речь. Рабочие небольшими группами расходятся. Лиза подходит к Абраму с улыбкой:

— Вот где мы встретились.

— Вы помните меня, да?

Абрам радостно жмет ее руки, знакомит с Петром.

IV

Полем скачут казаки, окружая лес.

V

Абрам, Петр и Лиза идут лесною тропой; Абрам остановился, прислушивается, предостерегающе подняв руку.

VI

— Бегите. Петр, беги с ней...

Петр и Лиза бросаются в лес, в сторону, Абрам, насвистывая, идет по тропе.

VII

На опушке леса Абрама схватили казаки:

— Стой. Ты — жид?

— Еврей.

— Народ в лесу есть?
— Нет. Я гулял один.
— Сказывай!

VIII

Отряд казаков гонит полем несколько человек арестованных. Абрам привязан за руку ремнем к седлу казака.

IX

Допрос. Абрам сидит пред жандармским офицером, который любезно предлагает ему папиросу, говорит:

— Не понимаю, почему вы, еврей, рискуете жизнью и свободой в интересах народа, чуждого вам, ненавидящего вас?

— Я верю в братство людей.

Жандарм насмешливо улыбается, нахмурил брови, сунул руки в карманы, говорит сердито:

— Ну,— это чепуха — братство народов, для этого нет ни психологических, ни — главное — экономических оснований.

Абрам горячо спорит, вскочил со стула, жандарм смотрит на него всё более враждебно и, чтоб оскорбить человека, цинически предлагает:

— Вы бросьте эту философию и лучше идите служить ко мне, будете хорошим шпионом, хорошо заработаете...

Абрам, оскорбленный, прервал речь, изумленно смотрит на улыбающегося жандарма, говорит:

— Вы — негодяй.

Жандарм звонит, входят двое рядовых жандармов, он кричит им:

— Убрать жида в тюрьму.

X

Тюремная камера. Абрам примостился на подоконнике и смотрит в окно.

XI

Полем идут Петр и Лиза, гуляют. Петр любезничает с девушкой.

XII

Спрыгнув с подоконника, Абрам смеется. Потом, закрыв лицо руками, стоит среди камеры.

XIII

Двор тюрьмы. Арестанты гуляют, некоторые — в кандалах. Солдат выводит на прогулку Абрама, арестанты дразнят его, придираются к нему, часовые смеются.

XIV

Сибирь. Деревня, занесенная снегом. Окна домов темны, только в одном окне горит огонек.

XV

Внутренность крестьянской избы. Тесно. На нарах спят люди. Абрам у окна за столом читает книгу, делает выписки; пред ним маленькая жестяная лампа. На нарах поднимается голова старого мужика, он тупо смотрит на огонь, потом встает и молча гасит лампу.

XVI

В поле за деревней гуляют Абрам и его товарищ по ссылке, бородатый крестьянин-сектант. Сектант уговаривает Абрама бежать из ссылки.

XVII

В избе. Хозяин избы, пьяный, сидит на нарах, поет. Его жена возится у печи. Пьяный встал, взял со стола книгу Абрама, вырывает из нее страницу, свертывает папиросу. Закурил. Роется в бумагах Абрама, нашел портрет Лизы, показывает жене, смеются.

XVIII

Входит Абрам. Испуганный хозяин бросает портрет в печь, в огонь. Абрам, заметив это, бросается к печи, но портрет уже нельзя спасти. Он упрекает хозяина, тот глупо улыбается и предлагает выпить водки. Жена кричит на Абрама.

XIX

Ночь. Берег лесной речки. Абрам и сектант связывают ветвями бревна — строят плот. Связали пять бревен и вытесывают из тонких берез подобие весел.

XX

Плывут по течению, один — стоя на переднем конце плота, другой — на заднем.

XXI

На отмели реки стоят трое людей, глядя вверх по течению. У одного в руках топор, двое других держат в руках узлы с пищей.

XXII

«Вот они»

На реке — плот. Люди радостно встречают его, обнимают Абрама, сектанта. Человек с топором тотчас разрубает связи плота, река уносит бревна. Все пятеро идут в лес.

XXIII

Сибирский город Томск. Площадь, здание театра.

XXIV

В темном подвале, освещенном лампой, Абрам, напевая, печатает прокламации. В углу подвала — койка, стол, над койкой полка книг. Мрачная обстановка тюремной камеры.

XXV

Стук в дверь. Абрам, вынув из кармана револьвер, прислушивается. Стук повторен. Абрам осторожно открывает дверь.

XXVI

Входит женщина, Абрам отшатнулся:

— Лиза. Это вы, Лиза?

Женщина, сумрачно улыбаясь, говорит:

— Вы ошиблись. Это не мое имя. Я впервые вижу вас.

Абрам сконфуженно извиняется, торопливо сует ей напечатанные листки. Женщина помогает ему собрать их, кивает головою, уходит.

XXVII

Стоя среди подвала, Абрам смотрит вслед ушедшей, бормочет:

— Не она. Неужели я забыл лицо ее?

Простирая руки:

— Немножко радости... немножко счастья... Разве я не заслужил немножко счастья, а? Лиза?

XXVIII

Октябрь 905. Объявлен манифест о конституции. На площади города оживленное движение, люди радостно здороваются, обнимают друг друга, идут в театр, на митинг. Под воротами, за углами улиц кучки мужиков и разных хулиганов, среди них агитируют переодетые агенты полиции.

XXIX

Манифестация «черной сотни», противников конституции. Идет толпа народа с национальными флагами, иконами, портретами царя. Сбивают шапки с тех людей, которые не хотят или не успевают снять их. Много манифестантов вооружено палками.

XXX

Идет Абрам, радостно возбужденный; на углу улицы его враждебно встречает кучка людей:

— Жид.

Абрам остановился, говорит:

— Граждане! Двенадцать лет я, маленький, скромный человек, работал для того, чтобы вы испытали, наконец, радость свободы...

Слушатели, волнуясь, орут:

— Сам сознается, что это их, жидовское, дело...

Они готовы избить Абрама, но вдруг застывают, глядя в даль.

XXXI

«Боже царя храни». «Бей жидов. Долой интеллигентов». Толпа манифестантов, всё увеличиваясь, заполнила площадь, лезет в театр. У входа в театр группа студентов, интеллигенции; стараются уговорить манифестантов, не пустить их внутрь здания. На них лезет старик огромного роста, кричит:

— Изменники! Обманули царя!

Бьет кого-то. Его схватили, увели в театр. Начинается драка.

XXXII

Какие-то хулиганы, разламывая заборы, стаскивая со дворов доски и поленья дров, несут всё это ко входу в театр, складывают костром и поджигают его. Бросают в окна камни и палки. Из вестибюля театра выбегают испуганные люди, прыгают через костер; толпа хохочет, забавляясь их испугом, падениями...

XXXIII

Абрам, во главе десятка людей, разбрасывает горящие доски костра, люди из толпы швыряют их обратно в костер. Вначале это имеет характер игры, но скоро развертывается в драку.

XXXIV

На балконе театра, на лестнице его мечутся люди, снизу в них бросают палками, горящими головнями. Постепенно людей охватывает страсть разрушения.

XXXV

Абрама ударили палкой по голове, он упал; его за ноги тащат в толпу, и видно, как бьют ногами, палками.

XXXVI

Стараясь отбить толпу, осаждающую театр, из окон и с балкона в нее бросают стулья, вешалки; толпа с гиком подбрасывает всё это в костер, совершенно преграждающий выход из театра.

XXXVII

«Жги их живьем»

Из театра выбегают люди, стараются обежать костер, их загоняют обратно, бьют.

XXXVIII

Какие-то оборванцы тащат к огню костра Абрама, он еще жив, ползет на коленях, его бьют и бросают в огонь.

⟨ПРОПАГАНДИСТ⟩

А н ф и с а — вдова рабочего. Торгует сластями. Лет 40, но еще хорошо сохранилась.

М о р о з о в — сын ее. Юноша лет 20. Скромный. Серьезное, задумчивое лицо.

С о к о л о в — его товарищ. Веселый, сильный, ловкий парень, лет 25.

П е т я — юноша, слесарь.

Б о б р о в — чернорабочий, гуляка.

С о м о в — кузнец. Алкоголик. Мрачная фигура. Сутулый. Бородатое лицо.

С о м о в — сын его, молотобоец. Неуклюжий парень, ленивые движения, угрюмое, некрасивое лицо.

Л и д и я — учительница, лет 30. Красивое холодное лицо.

С о н я — сирота, ее ученица, 15—16 лет. Бойкая, шаловливая, гибкая, точно кошка.

Б а р м и н — лавочник.

В е р а — его дочь, лет 18. Резкое, грубоватое, но очень красивое лицо. Прямой взгляд.

У г л о в — шпион.

М е д н и к о в — полицейский.

Т у р к и н — табельщик. Щеголевато одет, смешон, суетлив, лет 24.

Л у к и н — пропагандист.

ПРОПАГАНДИСТ ИДЕТ НА РАБОТУ

Ночь. Сквозь тьму идет на публику человек, в зубах его — папироса; вспыхивая, она освещает молодое задумчивое лицо.

Ночь. Темное здание фабрики, дома фабричного села; к ним издали, по полю, двигается красная искра папиросы.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ В ФАБРИЧНОМ СЕЛЕ

Площадь перед церковью. Полдень. Кончилась обедня, из церкви выходит народ: служащие фабрики, пожилые рабочие, старики, старухи, бабы с детями; расходятся по домам; некоторые останавливаются на площади, образуются группы, рассматривают сходящих с церковной паперти.

Лавочник Бармин, лет 50, кругленький, с ласковым лицом, прищуренными глазками; Вера, дочь его, девушка лет 19, одета крикливо, безвкусно, красивое, надменное лицо; Туркин, табельщик, маленький, тощий щеголь, с эспаньолкой; держится заискивающе пред лавочником; суетлив, ухаживает за Верой. Часть рабочих кланяется лавочнику почтительно, некоторые смотрят на него угрюмо, враждебно.

С паперти сходит Лидия, учительница, скромно одета, лет под 30, серьезное лицо; стоит, пропуская мимо себя учеников школы. Туркин, подмигивая в сторону Лидии, что-то говорит Бармину, лавочник смеется. Вера смотрит на Лидию враждебно, нервно играет зонтом.

Другая часть площади. Фасад трактира Бармина, рядом его же лавка. Перед трактиром стоят торговки съестным: пирогами, калачами; среди них — Анфиса, она торгует орехами, семенами подсолнуха, сластями. Около ее лотка — мальчишки, девочки.

Углов, бородатый человек, глаза острые, внимательные, беспокойный взгляд, натянутая улыбка. Перед ним, на козлах, большой лоток с книгами; группа молодых рабочих рассматривает книжки, покупает. Углов кричит:

— Вот — интересные книжки, дешево продаю!

Идут Морозов, Петя с удочками, в руке Пети ведро с водою и рыбой; оба одеты не празднично, в рабочее платье.

К Лидии подбегает Соня, говорит ей тихонько, с радостью:

— Пришел!

Лидия, улыбаясь, гладит ее по голове. Мимо их проходят Бармин с дочерью, Туркин; последний говорит Вере, указывая пальцем через свое плечо, назад:

— Видите? Всегда у них секреты...

Бармину, оглядываясь:

— Опять ночью сегодня прокламации появились...

Вера, отстав от них, идет тихо, точно крадется, смотрит на учительницу откровенно враждебно, та отвечает ей спокойно ожидающим взглядом. Соня прижимается к ней, сердито сверкая глазенками. Вера остановилась, несколько секунд стоит, как будто собираясь что-то сказать, затем порывисто идет дальше. Провожая ее глазами, Лидия что-то говорит Соне, та бежит.

Углов, через головы покупателей, наблюдает за Лидией и Соней. Анфиса незаметно следит за ним.

Туркин, поджидая Веру, тоже видит эту сцену, поправляет галстух, сдувает пылинки с костюма, щелкает пальцами по рукаву пиджака.

К Морозову подбегает Соня; оглядываясь, говорит:

— В лесу, у сторожки, в пять часов!

Морозов ласково кивает головою. Соня заглядывает в ведро, сует туда руку, Петр не дает ей сделать это; весело шалят; Соня брызжет водою в лица им, убегает, утащив какую-то рыбу. Смеясь, Петр кричит что-то вслед ей, Морозов, отирая мокрое лицо, улыбается. Идут.

Вера и Туркин.

Вера. Ненавижу учительницу.

Туркин. А — ученика? А — Морозова?

Вера. Тоже. А вас — презираю...

Туркин, усмехаясь. В последние слова ваши — не верю!

Гневно взглянув на него, Вера быстро отходит прочь. Туркин сердито дергает эспаньолку.

За огородами идет *Соколов*, кудрявый ловкий юноша, несет на плече большую связку свежескошенной травы. К нему подбегает Соня.

— В пять часов, у сторожки,— ой, устала!

— Эх ты, стрекоза!

Соколов осыпает голову ее травою.

Группа рабочих — человек десять — идет на реку, купаться; впереди — чернорабочий *Бобров*, оборванный, грязный, приплясывая, играет на балалайке,— это очень веселый человек, беззаботный к себе самому, добрый к людям. Некоторые из рабочих уже пьяны, идут обнявшись, поют, кричат, свистят, задевают встречных. Сзади всех — кузнец *Сомов*, большой волосатый человек, сильно пьяный; пытается плясать, неуклюже топает ногами, разводит руками, рукава его рубахи засучены по локти; он в экстазе алкоголика.

Толпа окружает Туркина. Табельщик нелюбим рабочими, они издеваются над ним; кто-то, схватив конец галстуха, срывает его с шеи Туркина; пытаясь отнять галстух, Туркин смешно подпрыгивает, все смеются над ним, а кузнец, ничего не видя, всё пляшет в стороне, один. Вырвав галстух, Туркин бежит прочь, наткнулся на кузнеца, тот схватил его за плечо, бессмысленно посмотрел и, оттолкнув, снова пляшет.

Николай Сомов, молотобоец, сын кузнеца, парень лет двадцати двух, неуклюжий, с тупым лицом, маленькими глазами, стоя у ворот, смотрит на пьяные судороги отца. Мимо его идет растрепанный Туркин, повязывая галстух; Сомов провожает его равнодушным взглядом. Идет Углов, катит пред собой тележку с книгами, остановился, подмигнул Сомову, тот медленно подошел к нему.

Углов. Ночью — зайди ко мне.

Сомов кивает головою.

Чистенькая комната, на подоконниках горшки с цветами, на стене полка книг, географическая карта, охотничье ружье, двустволка. Анфиса, Морозов с книгой в руках, пьют чай, Петя скручивает лесу удочки.

Анфиса, вздыхая, говорит:

— Этот торговец книгами всё присматривается к учительнице.

Петя. Морда у него нехорошая, собачья...

Морозов, с улыбкой:— Лицо не всегда зеркало души.

На берегу реки гуляет молодежь, рабочие, работницы. Одна группа поет песню, пением воодушевленно дирижирует Бобров; другая группа играет в горелки.

На песчаном холме, под соснами, сидит более «чистая публика», служащие фабрики, пожилые рабочие, смотрят, как веселится молодежь. Тут же Углов и Анфиса со своими лотками. Расхаживает полицейский Медников, грузный, сонный человек. Прислонясь к стволу сосны, стоит Туркин, пощипывая эспаньолку, морщится, наблюдая, как группа молодых конторщиков, окружив Веру, ухаживает за нею.

По реке едет лодка; гребет молодой Сомов, на руле — Петя, в лодке — Лидия, Соня, Соколов. Лодка пристала к берегу, Соня вышла из нее, остальные поехали дальше.

Туркин смотрит из-под ладони за реку, потом подходит к Вере.

За рекою, полем, к лесу идет человек.

Туркин — Вере, указывая за реку: Взгляните!

Вера. Что такое?

Туркин. Морозов. И учительница в ту сторону поехала...

Вера. Любите вы шпионить.

Отвернулась от него, но незаметно искоса смотрит за реку.

Соня около Анфисы, смеясь, рассказывает что-то, Анфиса слушает ее улыбаясь.

Углов. А вы, барышня, не пожелали кататься?

Соня. Не пожелала. А — что?

Углов. Ничего.

Вера одна идет берегом, смотрит за реку, лицо — печально. Шагах в пяти за нею — Туркин.

Появляется группа выпивших, буйно настроенных рабочих, среди них — кузнец Сомов, они мешают молодежи играть, петь, гоняются за девушками; завязывается ряд ссор. Сомов дергает и тащит куда-то Боброва, тот его отталкивает, начинается драка, Сомов бьет своих и чужих, на него бросаются несколько человек, сталкивают в реку. Опрокидывают лоток с книгами Углова. Анфиса и Соня спешно уходят. Зрители на холме смеются, улюлюкают, стравливая дерущихся. Бежит полицейский Медников, с ним еще двое.

Туркин — сняв шляпу, размахивая тросточкой, идя рядом с Верой:

— Неужели вы не чувствуете, как мое сердце рвется к вам?

Вера, нахмурясь, смотрит за реку.

Лесная поляна, полуразрушенная избушка лесника; на пороге ее сидит пропагандист *Лукин* — тот человек, который в первой картине шел с папиросой в зубах; он, оживленно жестикулируя, говорит. Его внимательно слушают Морозов, Соколов и еще человека три рабочих.

По реке едет лодка, в ней Лидия, Петя, на руле — Сомов. Пристают к берегу, выходят, Петя привязывает лодку, Лидия, пожав руку Сомова, идет берегом.

Туркин идет, нахлобучив шляпу на лоб, видит Лидию, прячется в кустах.

Вера сидит на сваленном дереве, чертит концом зонтика на песке буквы В. М. Видит Лидию, встает, спрашивает:

— Гуляете?

— Да.

— Морозова видели?

— Нет.

— Врете вы, врете!

Лидия — изумлена, возмущенно оглядывает ее с головы до ног, молча идет дальше; Вера кричит вслед ей ругательство.

Туркин из кустов наблюдает эту сцену, поспешно идет к Вере, сдвинув шляпу на затылок, имея вид героя. Подошел; Вера смотрит на него, сжав кулаки, слепыми от ярости глазами.

— Хотите — я ей стекла в окнах выбью? Хотите?

— Да! О да...

— Я для вас — на всё готов!

На корме лодки сидит молодой Сомов, курит; идет Туркин.

— Дай огня!

— Иди сюда.

Туркин осторожно лезет в лодку, но, когда он идет к Сомову, тот резким движением встает на ноги, нарочно покачнув лодку так, что Туркин падает за борт. Сомов хохочет. Туркин, по колена в воде, ловит свою шляпу, грозит Сомову кулаком.

Вера одна, на сломанном дереве, горько плачет.

Комната Морозова. Он спит. Анфиса сидит у его койки, смотрит в лицо сына, тихонько гладит его руку, смотрит в окно, освещенное луною. Ее лицо очень грустно,— лицо матери, которая боится за сына.

НОЧЬЮ

Лунная, светлая ночь. Пустынное место на берегу реки, далеко за селом. Песок, кусты ивняка. Под кустами лежит Углов; поднял голову, прислушивается, тихо свистит.

Спешно идет молодой Сомов, смотрит в кусты, свистнул осторожно, нырнул в кустарник.

По реке тихо плывет лодка, в ней Морозов и другие рабочие; пропагандист Лукин на корме, хорошо освещен.

Углов и Сомов смотрят на лодку. Она проехала. Углов — доволен, усмехаясь, говорит:

— Ну, спасибо! Теперь я его знаю.

Сомов просит у него денег; Углов дал ему несколько монет, уходит.

Сомов, взвешивая деньги на ладони, сердито, волком смотрит вслед ему.

С песнями, с гармоникой идет компания молодежи — парни, девушки, Соколов, Соня, Петя, Бобров с балалайкой. Соколов что-то видит в стороне, отстал.

Сомов стоит, закурив папиросу, считает деньги. Сзади к нему подошел Соколов, смотрит через плечо его и вдаль, где идет Углов.

— Что делаешь?

Сомов — вздрогнул, зажал деньги в кулак.

— Девушку поджидаю.

— А кто это идет там?

— Не знаю. Человек.

Поговорив, Соколов идет прочь.

Соколов бежит огородами, легко перепрыгивая через плетни. Присел, смотрит.

По улице идут: Углов, рядом с ним Бобров, наигрывая на балалайке, напевая, немножко выпивший. Видно, что Углов недоволен его компанией, он смотрит на спутника с досадой.

Огород; освещенное окно дома; к окну подкрадывается Соколов.

Маленькая комната. Углов, пред зеркалом, поспешно сбривает бороду, моет лицо, быстро одевается, уходит.

Соколов идет пустынной улицей, из-за угла ему преграждает дорогу кузнец Сомов, пьяный; схватил его:

— Стой! Кто таков?

Борются...

Здание школы. Пять окон, одно, крайнее, освещено.

Против школы, на берегу реки, недостроенный дом — бревенчатые стены без крыши, окна без рам, груда досок, стружки, щепки. За досками прячется Туркин. Встал; оглядываясь, вышел на дорогу, размахнулся, бросил камнем в освещенное окно школы. Бежит на постройку, прячется в стенах ее.

Рама разбитого окна открывается, в окне — фигура и лицо Лидии, учительница смотрит на дорогу.

Шатаясь, размахивая кулаками, идет кузнец Сомов; звон разбитых стекол остановил его, он остановился у постройки.

Закрыв окно, Лидия занавесила его темной шалью.

Кузнец идет к постройке, выскакивает Туркин, бежит, кузнец смотрит вслед ему.

Из ворот школы выходит Лидия, ее внимание привлек шум шагов бегущего, смотрит вдаль, спрашивает кузнеца:

— Это вы разбили стекла или тот?

— Не знаю. Пьян. Я давно пьян, лет двадцать. Мне — скучно. Я — драться хочу!

Лидия ушла; кузнец, пошатываясь, закуривает папиросу, бросает в стружки зажженную спичку, идет.

На выходе из села в кустарнике спрятался Углов; мимо его проходит Соколов, смотрит вдаль, остановился; постояв, быстро идет назад.

У недостроенного дома разгораются стружки, щепа.

Пожар. Сбегается народ; огонь гасят неохотно; большинство равнодушно смотрит, как некоторые пытаются затоптать ногами горящие стружки, растаскивают доски. Прибежали Бармин и Вера — это их по-

стройка горит; Вера удовлетворенно смотрит на разбитые стекла в окне школы. Является Туркин, его костюм сзади в стружках, он подмигивает Вере на окно, она указывает ему на испачканный костюм, посылает его гасить огонь.

Прибежали Морозов, Петя, Бобров, энергично принялись за борьбу с огнем; Туркин помогает им неумело, напоминая работу клоуна.

Едет пожарная дружина: три бочки, насос. Насос — рваный, вода вырывается струйками из шланга, льется на огонь бессильной, тонкой струей. Зрителей это смешит. Пришел полицейский Медников, разгоняет народ.

Прибежала Соня, спрашивает Веру:

— Подожгли?

— Конечно. Слушай, Соня: я подарю тебе на платье,— скажи: учительница влюблена в Морозова?

Соня удивлена вопросом, смотрит на Веру, с досадой пожимая плечом, отвечает:

— Ты спроси ее об этом...

Пожар становится тише. Зрители, позевывая, расходятся. Лавочник Бармин благодарит Морозова за работу.

Вера — Морозову.

— Какой вы сильный, ловкий!

Морозов, улыбаясь, молчит.

— Но уж очень серьезный. Не знаю, как говорить с вами.

— Говорите, как со всеми...

Идут к школе Лидия, Соколов; Соколов рассказывает учительнице об Углове, жестом показывая, как тот брил бороду.

— Я пошел за ним, но потерял его из виду.

Заметив Морозова рядом с Верой, зовет его.

Морозов идет на зов товарища, Вера протянула ему руку, он, смеясь, показал, что его рука в саже, ушел.

Рука Веры медленно опускается; она с ненавистью смотрит в сторону школы.

Б а р м и н — Вере. Ловок Морозов, а — не люблю я его.

В е р а. Школе бы сгореть.

Б а р м и н. Школу — жаль, а вот учительницу выгнать бы: она людей портит.

Подошел полицейский Медников, Бармин разговаривает с ним; Вера смотрит на Лидию, Морозова и Соколова. Вдруг решительно идет к ним.

В е р а — Лидии.

— Мне нужно поговорить с вами.

Лидия приглашает ее войти в школу. Уходят. Соколов и Морозов озабоченно продолжают беседовать.

Комната Лидии, чистенькая, скромная. На стене карта Европы, фотографии, полка книг. Лидия сидит у стола, Вера нервно ходит по комнате.

— Я хочу, чтоб вы приняли меня в вашу компанию. Я — злая, грубая, но это надоело мне. Я хочу быть иной. Мне — скучно. Мне так скучно, что я могу сделать бог знает что...

Поле за селом; едут в трех экипажах жандармы, их сопровождает отряд казаков, человек десять.

Улицей села идут Морозов, Соколов; Соколов говорит:

— Итак — ты идешь в город и скажешь Лукину, чтоб он не являлся сюда, пока мы его не позовем.

Схватил Морозова за плечо, смотрит вдаль, прислушивается.

Комната Лидии. Вера, стоя среди ее, смотрит на учительницу исподлобья, недоверчиво; спрашивает:

— Чего вы хотите?

— Научить людей жить более разумно.

Стучат в окно; Лидия отдергивает шаль, которой занавешены разбитые стекла; в окне встревоженное лицо Соколова, он что-то шепчет, исчезает.

Лидия — Вере. Уходите, Вера; ко мне, кажется, приехали гости.

Вера — усмехаясь. Ночью-то?

Лидия. Они всегда приходят ночью.

Вера, обиженная, уходит; в двери сталкивается с Соней, оглянулась на Лидию.

Лидия быстро достает из ящика стола маленькую брошюру, сует ее Соне:

— Уходи, беги, спрячь!

В двери — жандарм. Соня успевает спрятать брошюру за карту Европы. Один за другим в комнату входят жандармы; Соня смотрит на них так комически испуганно, что некоторые из них не могут скрыть невольной улыбки.

Обыск. Распоряжается молодой щеголеватый жандармский офицер, сидя у стола. Лидия спокойно стоит у окна, равнодушно глядя, как жандармы сносят книги с полки на стол, где офицер просматривает их; смотрят в печь, выстукивают стены, пол, ищут тайников. Соня суетится среди них, показывая, что происходящее очень интересует ее, играет роль наивного подростка, сделала глуповатое лицо. Незаметно вытащила брошюру из-за карты Европы и так же незаметно сунула ее в карман шинели полицейского Медникова, который стоит у двери, как деревянный, и упорно, неподвижным взглядом идиота смотрит на офицера за столом.

Вера около сгоревшей постройки следит за окнами школы, в них мелькают тени; Вера — довольна, улыбается, отирает рот платком. Подкрался Туркин, убеждает ее уйти, она смеется:

— Какой вы трус!

Обыск кончен. Офицер, кивнув Лидии головою, сухо говорит:

— Извиняюсь за беспокойство, но — долг службы.

Жандармы уходят. Медников отдает офицеру честь, вытянувшись, свирепо шевеля усами. Соня, припля-

сывая, натягивает нос вслед ушедшим жандармам; рассказывает Лидии, как она спрятала брошюру, Лидия улыбается, но — обеспокоена, выпроваживает Соню из комнаты...

Вера наблюдает, как жандармы выходят из школы, хмурится, видя, что учительницы нет среди них.

По улице ведут человек десять арестованных; среди них — Петя, молодой Сомов, они окружены казаками, жандармами. Арестованных сопровождают родственники, любопытные, в окнах домов — головы сонных зрителей. Уже светло, раннее утро. Медников, провожая арестантов, отгоняет публику, размахивает необнаженной шашкой, кричит. Сзади всех идет кузнец Сомов с палкой в руке; когда под ноги ему попадает камень или ком земли, он отбрасывает его сердитым пинком.

Двое жандармов выводят со двора Морозова, включают его в общую группу арестованных. Морозова сопровождают Анфиса, Соня; Соня плачет.

Кузнец Сомов схватил Анфису за плечо, кричит:

— Уважаю твоего сына! Поняла?

Из-за угла выходят Вера, Туркин. Увидав Морозова, Вера вздрогнула, остановилась, закрыла глаза. Потом, сжав зубы, идет вслед группе, Туркин старается удержать ее. Она идет, как во сне.

Арестованных вывели за пределы села. Медников остановился, устало вздыхает, достал кисет с табаком. Сунул руку в карман, вытащил брошюру, недоумевая, разглядывает ее, приложив к глазу кулак трубкой, шевелит губами, пытаясь прочитать заголовок. Смотрит в небо, соображая. Оторвал от книжки кусок бумаги, сунул ее в карман, свертывает из бумаги папиросу. Курит, смотрит вдаль.

Идут Вера, Туркин, их сопровождает Бобров. Медников, приложив руку к фуражке, заговаривает с Верой.

Туркин. Надо было учительницу арестовать!

Медников. Всех арестуем!

На них угрюмо лезет кузнец Сомов, кричит:

— Радуетесь? Рада, лавошница?

Медников отгоняет его прочь, тыкая концом шашки в живот. Бобров хохочет. Сомов идет дальше в поле, ругаясь, грозя кулаком.

Идут в село Медников и Бобров, дружески разговаривая. К ним подбежала Соня, идет рядом, расспрашивает Медникова о чем-то, вытаскивает из кармана его шинели книжку; кивнула им головою, отбегает в сторону, рассматривает книжку, видит, что она изорвана,— очень огорчилась.

Бобров — Медникову.

— Дай табаку!

Медников дает ему кисет, сует руку в карман за бумагой, удивлен; выворачивает карман наизнанку.

— Бумаги у меня нет, потерял.

— Хвали бога, что голову не потерял, голова у тебя легкая!

В ГОРОДЕ

Утро. Глухая, безлюдная улица; сады, заборы. Дворник метет панель.

Из калитки в заборе выходит пропагандист Лукин, идет.

На углу оживленной улицы — бородатый извозчик; сидя на козлах экипажа, он внимательно, исподлобья рассматривает прохожих. Видит Лукина, глаза его блеснули. Предлагает Лукину свои услуги. Торгуются. Лукин сел в экипаж. Едут.

Лошадь извозчика вдруг взбесилась, понесла. Извозчик, делая усилия сдержать лошадь, еще более горячит ее. Лукин готов выскочить из экипажа, но лошадь круто сворачивает во двор полицейского дома; извозчик кри-

чит, на Лукина бросаются полицейские, хватают его; извозчик, сидя на козлах, смеется.

В маленькой комнате полицейского дома извозчик раздевается, снимает бороду, это — Углов. Он очень доволен, кланяется своему отражению в зеркале.

Кабинет жандармского офицера; офицер, сидя за столом, пишет; у стола — молодой Сомов, говорит. Офицер подает ему бумагу; Сомов, стоя, наклоняется, подписывает, высунув язык.

Офицер. Ты будешь получать 20 рублей в месяц. Знай, что ты у меня — не один, и всё, что ты будешь делать, будет известно мне. Ступай!

Сомов низко кланяется, уходит.

Собрание группы революционеров, человек пять-шесть. Соколов предлагает им устроить освобождение Лукина, говорит очень горячо.

Камера тюрьмы. Лукин, лежа на койке, стучит пальцем в стену, ведет беседу по слуховой азбуке.

Другая камера. Морозов, стоя у окна, читает книгу; окно значительно выше его головы. Прислушивается, подходит к стене, отвечает на стук.

Городской сад. На скамье сидят Анфиса с узелком в руках, Соня, Соколов,— скручивает маленький кусок бумаги в трубку, толщиною не более спички, дает ее Соне.

— Попытайтесь, стрекоза, передать Морозову.

Анфиса, качая головой.

— Пропадете вы все...

Соколов. Смотрите на жизнь веселее, и всё будет хорошо!

Поле за городом. Здание тюрьмы, огражденное каменной стеною; из-за стен видны четыре круглые башни. Полем идет Вера, смотрит на тюрьму.

Пред воротами тюрьмы — группа родственников заключенных ожидает свиданий. Соня, Анфиса, кузнец Сомов, трезвый, умыт, но лицо все-таки черное, и на нем ярко выделяются странно расширенные глаза психически ненормального человека. У ворот стоят двое часовых.

Ворота открываются; волнение ожидающих свиданий. Усмехаясь, из ворот выходит молодой Сомов.

А н ф и с а. Выпустили тебя?

С о м о в. Скоро всех выпустят.

Его окружают. Соня смотрит на него радостно, дергает за рукав; Сомов разглядывает ее, облизывая губы языком. Отец с размаху бьет его по плечу, говорит:

— Я — пьяница, но я понимаю, что ты сидел в тюрьме за честное, рабочее дело, за правду! Идем в трактир, выпьем!

Подходит Вера; расспрашивает Сомова, кузнец издевается над нею, Соня отвернулась в сторону, очень демонстративно. Анфиса говорит с Верою ласково.

Комната для свиданий заключенных с родственниками; комнату разделяет решетка из толстой проволоки. По одну сторону решетки Соня, Анфиса,— Петя и Морозов по другую. Еще несколько пар. Стоит тюремный надзиратель с револьвером у пояса, с часами в руке; ему скучно, позевывает.

Соня просовывает Морозову сквозь решетку записку, свернутую трубочкой.

Тюремный двор; прогулка арестованных. Вдоль каменной стены ходит Лукин, вдоль другой, под углом к Лукину — гуляет Морозов. За каждым из них следит надзиратель, но они разговаривают посредством азбуки глухонемых.

Ночь. Фасад тюрьмы. В одном из окон мелькает огонек папиросы, пишет в воздухе:

«Всё готово».

Поле за тюрьмою. Анфиса стоит неподвижно, смотрит в небо, шевелит губами, видимо — молится.

Раннее утро. На углу пустынной улицы человек десять маляров готовятся красить двухэтажный, видимо, нежилой дом. Ставят лестницы, тащат доски для лесов, работают не торопясь. Ими лениво командует бородатый человек, в фуражке, надвинутой на глаза, в белом переднике, обрызганном краской. Он смотрит на часы и вдоль улицы, прислушивается.

Едет карета с решетками в окнах, запряженная парой старых лошадей; на козлах маленький старичок-кучер, рядом с ним — солидный жандарм, шашка через плечо, револьвер у пояса.

Человек в переднике взмахивает рукою; маляры начинают работать быстрее, один из них бежит за угол; оттуда выезжает огромный воз сена; правит им человек, притворяющийся пьяным. Воз встал поперек улицы, преграждая дорогу появившейся карете. Маляры окружили воз, издеваются над пьяным, стаскивают его с воза.

Жандарм, сидя на козлах, волнуется, ругает пьяного, маляров; одни из них окружили карету, другие, якобы стараясь поворотить воз, выпрягли лошадь, толкают воз, направляя его на карету. Пред мордами ее лошадей падают лестницы, доски; лошади пятятся, но сзади под колеса кареты подброшены доски, в колеса сунуты малярные кисти. Человек в переднике бегает с ведром в руках, указывая жестами, что надо делать малярам.

Жандарм соскочил с козел,— человек в переднике надел на голову ему ведро, двое других схватили за руки. К ручке ведра привязана длинная веревка, ею связывают руки жандарма за спиной,— получается очень смешная фигура. Револьвер жандарма вынули из кобуры. Жандарма кладут на землю. Стащили старика-кучера, сунули ему в рот клок сена, связали, положили к забору.

В то же время сзади кареты открывается дверца, выскакивает другой жандарм с револьвером в руке; человек в переднике бьет его по руке малярной кистью, револьвер выбит, тычет кистью в лицо, окрашивает его. Маляры хватают ослепленного жандарма, вяжут. Человек сорвал с себя передник, маляры окутывают им голову жандарма.

Из кареты выскакивает Лукин, человек в переднике хватает его за руку, срывает с себя бороду, это — Соколов. Смеясь, они оба прыгают через забор, исчезают.

Маляры опрокидывают воз сена к забору на связанных жандармов, разбегаются в разные стороны, сбрасывая с себя испачканные краской пиджаки и фуражки, вынимая из карманов и надевая другие фуражки, шляпы. Все быстро исчезли.

Три лошади дружески жуют сено; сено бурно шевелится, но это не пугает лошадей.

ЗАБАСТОВКА

В маленькой комнате у окна сидит Туркин, играя на гитаре. Лицо — унылое. Перестал играть, ходит по комнате, взволнованно жестикулируя, остановился перед зеркалом, рассматривает свое лицо,— недоволен. Послюнив палец, приглаживает мохнатые брови, подкручивает усики; всячески старается придать лицу выражение очаровательное. Взбивает волосы — лицо становится испуганным. С огорчением плюет на пол. Надел шляпу, уходит.

Внутренность трактира. В углу за столом Бобров и молодой Сомов играют в карты. Подходит отец Сомова, с похмелья, просит на выпивку у сына. Тот вынул из кармана кошелек, дает отцу бумажный рубль. Бобров смотрит неодобрительно. Кузнец отошел к буфету.

Б о б р о в. Ты что же не работаешь?

С о м о в. Рука болит. Плечо.

Сомов смотрит на часы; он чем-то обеспокоен.

Входит Туркин, садится у окна. Ему подают полубутылку водки, закуску.

Площадь. В дверях лавки Бармина задумчиво стоит Вера. Площадью идет Соня.

Внутри лавки. Вера отпускает Соне сахар, взвешивая его на весах.

В е р а. Что ж, выпустили из тюрьмы возлюбленного твоего?

С о н я. У тебя только глупости на уме.

Вера смеется, поддразнивает Соню, та, оскорбленная, уходит.

Трактир. Сомов бросил карты, торопливо расплачивается с Бобровым, уходит. Бобров, пряча деньги в карман, смотрит вслед ему, прищурив глаза, задумчиво.

Площадь. Соню остановил Соколов в рабочем платье, с молотом на плече. Разговаривают. К ним подходит молодой Сомов. Соколов критически осматривает его.

— Гуляешь? До свидания, стрекоза!

Соколов идет прочь от них, Сомов спрашивает:

— Куда он?

— Говорить о забастовке, на фабрику.

Идут; Сомов вынимает из кармана горсть орехов, угощает Соню, любезничает с нею, она смеется.

Трактир. Туркин налил рюмку водки, встал, показывает рюмку в окно, пьет.

— За ваше здоровье, Вера!

Садится, снова наливает водки.

Берегом реки идет нищий, старик с котомкой на спине, с палкой в руке.

Двор фабрики, заваленный бочками, ящиками, ржавым железом, частями машин. Группа рабочих, человек пятнадцать, среди них кузнец Сомов; Морозов говорит речь, подходит Соколов.

Берег реки. Бобров, с топором в руке, насвистывая, осматривает дно лодки. Мимо него проходит странник, кланяется. Бобров кивнул ему головою, наклонился над лодкой. Вдруг выпрямился и смотрит вслед страннику, что-то припоминая.

Из трактира через площадь идет Туркин, пьяный. На крыльце лавки стоит Вера. Туркин снял шляпу, кланяется ей, пошатнулся.

— Здравствуйте, Верочка! Погубили вы меня, а?

Вера, брезгливо взглянув на него, ушла в лавку.

На площадь выбегают из улицы подростки, рабочие с фабрики кричат:

— Забастовка!

Спешно идет Бобров с топором в руке.

Морозов в лавке, покупает продукты; Вера кокетничает с ним; озабоченный, рассеянный, он не замечает этого, уходит. Вера стучит кулаком по прилавку, шепчет в отчаянии и озлоблении:

— Не нравлюсь...

Морозов идет площадью, встречу ему — Туркин, остановился, рычит:

— Р-рр.

Недоумевая, Морозов смотрит на него:

— Что?

Туркин, пошатываясь, размахивает руками, оскалил зубы, рычит:

— Арестант. Ненавижу.

Морозов отстранил его рукою, идет. Вера из двери лавки видит эту сцену.

Сад. Забор. У забора стоят, глядя в щель, Бобров и Анфиса. Бобров, мягко улыбаясь:

— Трудно тебе? Боишься за сына?

А н ф и с а. Что делать? Дети хотят жить лучше, чем жили мы.

Под кустами на берегу реки сидит странник, чертит палкой на песке. Около него падает ком земли, он вскочил, оглянулся.

Бобров, держа в руке ком земли, спрашивает Анфису:

— Он?

— Он. Глаза — его... А это кто идет?

Идет молодой Сомов; из кустов высунулась палка, коснулась его ноги, Сомов, вздрогнув, остановился, видит бородатое лицо странника, ругается, грозит кулаком. Странник улыбается:

— Не узнал?

Сомов испуганно оглядывается.

— Я думал, ты не придешь.

Странник, усмехаясь, говорит:

— Я уж давно здесь любуюсь вами, черти.

Площадь заполнена рабочими. Женщины недовольны забастовкой, ссорятся с мужьями. Соколов, как всегда, веселый, уговаривает недовольных, его слушают внимательно. Морозов, стоя на чем-то, выше людей, говорит речь. С крыльца лавки им любуется Вера. Идет стороною, осторожно, полицейский Медников.

В улице, выходящей на площадь, Соню остановил Туркин, растрепанный, без шляпы; держит Соню за руку и, дирижируя другою рукой, поет ей песню. На глазах его слезы, он смешон и жалок. Соня вырывается от него, смеясь.

На площади. Бобров и Анфиса торопливо, озабоченно разговаривают с Соколовым. Он слушает их нахмурясь. Мимо бежит Петя, Соколов остановил его, говорит:

— Устрой сейчас же прогулку в лодках, пригласи Сомова-сына, приезжайте к лесному оврагу,— знаешь куда? Живо!

Петя убегает. Соколов и Бобров хотят идти, Анфиса удерживает Соколова:

— Что ты хочешь делать?

— Всё, что следует, мамаша.

Поспешно уходит.

Медленно идет Анфиса, остановилась, крестится; шепчет:

— Господи, не дай одолеть врагам правды!

У нее слезы на глазах.

Внутри обгоревшей постройки, в углу, молодой Сомов и странник; странник, держа Сомова за плечо, говорит:

— Я иду в город. Утром снова буду здесь. Гляди в оба...

Поправляет котомку за плечами, выглядывает на берег реки, уходит.

Бобров и кузнец Сомов. Бобров говорит:

— Выследили шпиона, надо поймать, идем!

— Шпион? Убью!

На выходе из села, среди кустарника, прячутся двое рабочих.

Берегом идет группа рабочих; часть их и Сомов-сын садятся в лодку, остальные трое идут дальше.

За селом идет странник, подозрительно поглядывая на придорожный кустарник, на плетни.

Из кустов выезжает на дорогу лошадь, запряженная в телегу, на телеге двое, один — правит лошадью, другой сидит на задке. Испуганный странник остановился, взмахнул палкой. Из кустов выпрыгнули двое людей, накинули на голову странника мешок, повалили его на землю, вяжут.

Лесной овраг. Горит костер. Странник — без шапки, без бороды, это Углов — привязан к дереву.

У костра сидят четверо рабочих, молчат, мрачно глядя в огонь. Углов возится, пытаясь отвязаться. Один из рабочих встал, подошел к нему, смотрит, крепко ли он привязан. Углов спрашивает, искривив лицо усмешкой:

— Что ж вы будете делать со мною?

Рабочий отходит, не ответив, не взглянув на него. Углов медленно опускает голову.

Пришел Соколов, с ним кузнец Сомов, он бросается к шпиону с криком:

— Удавлю!

Его удерживают, он борется. Углов, тоже извиваясь, кричит:

— Убить вы меня не смеете!

Вздрогнул, замер, прислушивается; все рабочие тоже слушают, сумрачно переглядываясь, глядя в одну сторону. Соколов схватился за голову, лицо его исказилось. Сомов неотрывно смотрит на шпиона, стоя против его.

К костру весело, с песней подходят трое рабочих, один — с гармоникой в руках. Впереди всех, приплясывая, Сомов. Видит Углова — остолбенел, остановился, на лице — ужас. Рабочие, пришедшие с ним, ничего не понимая, но чувствуя драму, тоже замерли на месте.

Углов, бешено извиваясь, кричит Сомову:

— Подлец, это ты выдал меня! Слушайте — он тоже служит в полиции, не верьте ему...

Соколов говорит, объясняя рабочим в чем дело, указывая на Углова, Сомова. Кузнец, дико вытаращив глаза, смотрит на сына, на Соколова, на суровые лица рабочих, опускается на землю, качая головой, рычит.

Молодой Сомов бросился бежать, перескочил через костер, запнулся за ноги отца, упал. Его схватили. Борьба.

Сомов-отец, схватив толстый сук, с размаха бьет по голове шпиона, Углов осел к земле, повис на веревках.

Соколов вырвал сук у Сомова, кузнец бросается на Соколова,— у него припадок буйного помешательства; страшный, с пеною у рта, он вырывается из рук рабочих и всё смотрит на шпиона. Кузнеца связали, положили на землю, он извивается.

Сомов-сын в ужасе смотрит на муки отца, вырвался из рук рабочего, который держал его, упал на колени:

— Не убивайте меня...

Рабочие, стоя тесной группой, тихо совещаются, никто из них не смотрит на Сомова. Бородатый рабочий подошел к Углову, пощупал его, с отчаянием, безнадежно махнул рукою.

Костер горит всё более слабо, почти погас. Сомов-сын падает лицом в землю, отец всё возится на земле. Неподвижно стоит, совещаясь, группа рабочих.

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ

Площадь. Всюду стоят небольшие группы рабочих; некоторые сидят на крыльце трактира, сидят и лежат на земле, под заборами. Едет патруль казаков, разгоняет группы, взмахивая нагайками.

На крыльце лавки Бармина Вера разговаривает с казачьим офицером. Тут же, у крыльца, сидит, жует соломинку Туркин; костюм измят, лицо опухшее, унылое. Рядом с ним Бобров, наигрывает на балалайке, прислушиваясь к беседе Веры с казаком.

Дом сельского правления, занятый жандармами. У крыльца — часовые, солдаты.

С крыльца сходит полицейский Медников, щека у него подвязана, болят зубы. За ним двое полицейских ведут кузнеца Сомова, руки его связаны за спиною, лицо — бессмысленное, безумное.

Бежит Петя; подбежал к группе рабочих:

— Морозова арестовали. И весь стачечный комитет...

Среди рабочих — волнение; Петю окружают человек двадцать.

Солдаты и жандармы выводят на площадь Морозова и еще пятерых рабочих. Вера испуганно смотрит с крыльца, офицер, смеясь, указывает ей на арестованных, тронул коня, отъезжает.

Из улицы, вслед арестованным, идет толпа рабочих, настроенная бурно. Анфиса. К ней подходят рабочие, выражая сочувствие. Она говорит:

— Он сам выбрал эту дорогу.

К толпе подбегает Вера и с большою силой говорит рабочим:

— Что же вы не защищаете защитников ваших? Вас — тысячи.

Ее неожиданное вмешательство сначала вызывает недоверие и насмешки рабочих, но скоро зажигает в них чувство протеста. Толпа увеличивается, волнение всё сильнее.

Двое жандармов ведут Соколова, веселого, как всегда. Толпа преграждает им дорогу. Вера кричит, указывая на Соколова:

— И этого взяли! Не стыдно вам?

Соколов остановился, удивленно смотрит на Веру, жандармы грубо толкают его, он упал, катится под ноги рабочих. Поняв его намерение, рабочие сгруживаются теснее вокруг жандармов, стискивая их так, чтоб они не могли действовать оружием.

В то же время толпа, расступаясь, открывает дорогу Соколову, он, согнувшись и на четвереньках, бежит к воротам дома, возбуждая сдержанный смех рабочих; они двигаются вместе с ним, прикрывая его. Анфиса, схватив Соколова за руку, увлекает его за собою во двор дома.

Кто-то поднял Веру на руки, посадил ее на плечо себе, и она, возвышаясь над толпою, говорит, указывая на дом, занятый жандармами.

Скачут пятеро казаков, врезались в толпу, бьют людей нагайками, но быстро исчезают, сорванные с лошадей.

Из толпы выскочила испуганная лошадь, мчится прочь. Бобров бьет ее по крупу балалайкой, балалайка сломалась, Бобров смотрит с досадой на гриф, оставшийся в руке его.

Комната Анфисы; быстро переодевается Соколов; Анфиса, помогая ему, торопит:

— Скорей! Беги. Лесом...

Из окна дома жандармский и казачий офицера стреляют в толпу, рабочие бросают в них камнями, палками; вышибли револьвер из руки офицера.

Лавочник Бармин торопливо запирает двери лавки.

Со стороны фабрики бежит отряд солдат, впереди — унтер-офицер с обнаженной шашкой. Припадая на колено, солдаты стреляют.

С другой стороны на площадь выскочило человек десять казаков, они бьют людей шашками плашмя.

Толпа мечется по площади, тает, люди прыгают через заборы, скрываются во дворах домов.

На крыше лавки — Бармин, сидит верхом на коньке, размахивая руками, как бесноватый, кричит:

— Бей, бей!

Быстро бежит Анфиса, увлекая за собою Соню; Соня прихрамывает, лицо ее искажено болью. Подбежал Бобров, помогает Анфисе.

Б о б р о в. Ранили?

С о н я. Ушибли.

Пьяный Туркин, стоя на крыльце трактира, поет. Вдруг что-то увидал, бежит с лестницы.

Площадь опустела; в разных местах ее лежат убитые: четыре трупа мужчин, женщина, мальчик. Ползет человек с перебитой ногою.

Вера хочет подняться с земли и не может. К ней подбежал Туркин.

Бармин смотрит с крыши, наклонясь, рискуя упасть, кричит, ползет по крыше, скрывается...

Солдаты, казаки, жандармы столпились пред крыльцом дома, затылками на площадь. Жандармский офицер, стоя на крыльце, говорит им что-то, они строятся. В окне — казачий офицер, угрюмый, мундир изорван, в пыли.

Бежит Бармин, спотыкаясь; отталкивает Туркина, поднимает с земли дочь, хочет увести ее; она стоит, глядя в окна дома, куда увели Морозова. Она — ранена. Едва держится на ногах. Туркин, сидя на земле, смотрит на нее глазами преданной собаки, лицо его в пьяных слезах. Бьет себя в грудь руками, что-то говорит.

Из дома выводят арестованных рабочих во главе с Морозовым. Их тесно окружает конвой солдат.

Поравнявшись с Верой, Морозов вздрогнул, приостановился, снял фуражку; Вера улыбается ему, протянув руку, почти падая. Бармин грозит арестованным кулаком. Туркина оттолкнули, опрокинули солдаты; он встает на ноги, идет в цепь конвоя:

— Ар-рестуйте.

Конвойные отталкивают его, толкают Морозова; он все-таки успел пожать руку Веры. Идут дальше. Рабочие снимают шапки, видя убитых.

Вера смотрит вслед им, медленно идя с отцом к лавке, страдальчески улыбается.

Дом, где жил Морозов. У ворот стоит Анфиса, в окне лица Сони и Пети.

Ведут арестованных. Анфиса низко кланяется им. Соня высунулась из окна, кричит:

— До свидания, милые!

Один из конвойных, ругаясь, прицеливается в нее, она исчезает.

Анфиса стоит у ворот, глядя вдаль. Подошел Бобров.

— Что, мать?

Бобров гладит ее плечо, она уклоняется от его ласки, глядя вдаль.

ХОД КОНЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Старый, грязный дом в три этажа; нижний этаж занят мастерскими столяров, слесарей; над одной дверью вывеска: «Резчик по металлу». В открытых окнах двух этажей проветриваются подушки, одеяла, на подоконниках — посуда, бутылки, на одном — железное ведро. Кое-где стекла выбиты и рамы заклеены бумагой.

2

Мастерская гравера; он работает за столом, у окна. Это человек средних лет, с опухшим лицом алкоголика, с тупым взглядом. В дверь с улицы входит человек с костылем, в солдатской шинели; он тащит за руку Якова Сорокина, мальчика лет 10—12. Яков, сопротивляясь, упирается, хромой дает ему подзатыльник, мальчик летит к столу, гравер встречает его ударом в лоб, мальчик сбит с ног, оглушен, сидит на полу, оглядываясь. Взрослые — хохочут, разговаривая друг с другом; гравер достает из-под стола бутылку водки. Яков подвигается к двери, намереваясь бежать, хромой успел схватить его за волосы, поставил на ноги, толкнул к резчику, тот сжал Якова коленями и пальцем стучит по лбу его. Яков смотрит на него исподлобья, с ненавистью.

3

Яков шлифует медную доску; подает ее хозяину; тот, взглянув на доску, кричит на него, дает пинка ногой; Яков увернулся от удара, высовывает в спину хозяина язык, грозит кулаком, снова садится на пол, шлифует.

4

Вечер. Грязный двор, заваленный всякой рухлядью, разбитыми ящиками и бочками, деревом. На телеге без колес — мальчишка одних лет с Яковом, он держит в руке бечевку, к ее другому концу привязана за ногу птица — галка или ворона,— она прыгает по земле, хочет лететь, мальчишка дергает веревку, птица падает.

5

Яков Сорокин, сердито нахмурясь, сидит на подоконнике, свесив ноги на двор. Соскочил, подошел к телеге; закатывая рукава рубахи, угрожает, запрещая мучить птицу. Мальчишка, подтянув птицу на колени себе, дразнит Якова. Ссора, драка. Яков отбил птицу, подбежал к окну, вскочил на подоконник, избитый мальчишка не успел догнать его.

6

Маленькая грязная комната, посредине ее — стол, у стены — кровать, в углу, на полу, спит Яков. Открылась дверь со двора, вошел гравер, зажигает лампу, он — нетрезв. По комнате начинает летать что-то; гравер — испуган, размахивает руками, защищая голову, прячется в угол, разбудил Якова; тот, вскочив, тоже сначала испугался, но, быстро сообразив в чем дело, подскочил к окну, открыл его,— птица улетела. Гравер бросается на ученика, хочет бить его; Яков ловко избегает ударов, опрокинул стол под ноги хозяина, выскочил в окно.

7

Утро. Кладбище. В группе деревьев — маленький, в одно окно, домик сторожа, рядом с ним — полуразрушенная часовня — склеп, видны ступени, ведущие вниз к двери склепа. У стены склепа спит на траве Яков. Немного дальше к деревянному кресту привязана коза.

8

Из двери сторожки вышел кладбищенский сторож, чистенький старичок с одним глазом, перекрестился, глядя в небо, идет в склеп. Затем из сторожки выходит

худенький, болезненный мальчик; он вынес жестяный ящик из-под бисквитов, гладко обструганное полено — вал. Садится на могилу, достал из ящика молоток и гвоздь, делает гвоздем дырки на валу и забивает в дырки деревянные колышки. Он очень углублен в свою работу. Из склепа вышел сторож, в руках у него — череп человека. Он сел рядом с мальчиком, внуком своим, достал из жестяного ящика щипцы, снимает с зубов черепа золотые коронки, выдергивает зубы. Дед и внук работают, не обращая внимания друг на друга. Сняв коронки, старик взвесил их на ладони, показал внуку, тот взглянул на добычу искоса, без любопытства. Старик перекрестил череп, поклонился ему, пошел в склеп.

9

Яков проснулся; озирается мигая. Сорвал пучок травы, вытер ею лицо, руки, встал, потянулся, расправляя мускулы, пошел, не заметив внука сторожа, который, перестав работать, изумленно смотрит вслед ему.

10

Молодая женщина, стоя на коленях у могилы,— молится. Над могилой простенький памятник — камень и крест на нем. Кончив молиться, женщина положила к подножию креста цветы и ушла, отирая глаза, лицо платком. Скрытый за другим памятником, стоит Яков. Идет к могиле, где молилась дама, смотрит на цветы, не трогая их. Видит в камне памятника овальную рамку и, за стеклом, фотографию кудрявого мальчика лет 5—6, в матроске, с голой шеей. Он долго, задумчиво рассматривает портрет, держа руки за спиною, затем, присев, плюет на стекло и сначала протирает его травою, затем рукавом рубахи. Издали за ним наблюдает внук сторожа. Яков протер стекло, сел на могилу, взял один из цветов и, закрыв глаза, проводит цветком по лицу своему, по глазам. Внук сторожа скрылся.

11

Поспешно, но осторожно крадется между могил сторож, за ним следует внук. Сторож подкрался к Якову, схватил его за плечо:

— Ты чего тут делаешь?

Яков пытается вырваться, старик опрокинул его, прижал к земле, хочет ударить, внук схватил его за руку, кричит:

— Дедушка, не бей!

12

Яков оживленно рассказывает сторожу о гравере, представляет его походку, его опухшее лицо, историю с птицей; внук сторожа, слушая, улыбается, смеется, очень увлечен рассказом; старик слушает нахмурясь, смотрит на Якова недружелюбно, обнял внука, прижал его к себе. Яков кончил, внук сторожа говорит:

— Дедушка, пускай он живет с нами!

Старик взял Якова за подбородок, смотрит в лицо ему.

— Боек ты, мальчишка! Есть хочешь?

13

У двери сторожки. Яков ест хлеб, слушая, как внук сторожа объясняет ему свою работу, показывая жестяный ящик, вал, бечевки.

— Вал будет внутри ящика, а нитки я натяну сверху, и это будут струны, колышки вала станут задевать за них, они заиграют, вот и будет музыка.

Говоря, мальчик кашляет, задыхается. Яков перестал есть, сунул остаток хлеба в карман, вздохнул. Из двери сторожки вышел сторож с метлою, дал ее Якову, ведет его в склеп.

14

Внутри склепа. Свет падает сверху, сквозь разрушенный потолок. На полу — мусор, куски извести, кирпича; в углу — лопаты, доски, коса, тачка; в другом углу, на куске могильного памятника, два черепа. Сторож ввел Якова, приказывает ему вычистить склеп,

ушел. Яков принимается работать, увидал черепа, испугался, бросил лопату, бежит к двери, остановился, смотрит в угол; затем тихо подошел к черепам, рассматривает их, поднял один к лицу, смотрит во впадины глаз; поставил на место; работает.

15

Внук сторожа натянул бечевки на ящик, вертит вал, прислушивается,— музыки нет. Он огорченно отодвигает ящик, закашлялся, прилег. Яков, стоя на ступенях склепа с корзиной мусора в руках, видит неудачу изобретателя музыкального ящика, усмехается, идет за угол склепа, высыпал мусор к стене, бросил корзину, задумчиво почесывает пальцем бровь.

16

Улица. Магазин детских игрушек, на створках его дверей развешены жестяные трубы, куклы, кони. Яков стоит пред окном магазина. В магазин идет толстая дама с двумя детьми; когда она входит в дверь, Яков, за ее спиною, быстро срывает с двери жестяную трубу и стремительно бежит прочь.

17

Кладбище. Яков показывает внуку сторожа трубу, тот обрадованно схватил ее, дует,— труба не играет. Яков взял трубу из его рук, тоже пробует играть, смотрит в нее на свет,— в трубе нет пищика. Яков указывает на это мальчику, ругается:

— Жулики! Обманывают...

Бросил трубу на землю, растоптал ее ногою; внук сторожа сожалеет об этом, поднял трубу, почти плачет; Яков утешает его:

— Я тебе другую достану, хорошую... Я — упрямый!

18

У входа в цирк на дневное представление. Около кассы в толпе людей — Яков. Прилично одетый мальчик, стоя рядом с девочкой, укладывает в кошелек сдачу, полученную из кассы, в руках девочки — би-

леты. Яков выхватил кошелек из рук мальчика, бежит; мальчик закричал, бросился за ним; его останавливает, схватив за плечо, молодой парень с бесцветным лицом — впоследствии это Трубочист,— кричит:

— Ага, попался, воришка!

Мальчик вырывается, объясняя, что он — не вор, а обокраден; его окружают люди. Тем временем Яков исчез.

19

Внук сторожа сидит в тачке под деревьями, пред ним торжествующий Яков, он выкладывает из-за пазухи своей на колени мальчика пряники, конфеты, большую жестяную трубу, ящичек, на поверхности которого кавалер и дама; Яков вращает ручку сбоку ящика, кавалер и дама подпрыгивают, вертятся, Яков хохочет. Мальчик — изумлен, он жует пряники и одновременно дует в трубу, у него блаженное лицо, он не знает, за что взяться, и, кашляя, тоже смеется.

20

Идет сторож с косою на плече. Подошел; дети не замечают его. Яков показывает кошелек, хвастается:

— У меня еще есть деньги!

— Ты — нашел?

— Я — украл!

Сторож вырвал кошелек из его рук.

— Значит — воришка? Я так и думал!

Схватил Якова за волосы,— внук кричит испуганно и гневно:

— Не тронь его!

Старик оттолкнул Якова, присел на могилу, спрятал кошелек в карман себе, закурил трубку и, покуривая, сумрачно смотрит на Якова. Яков — сконфужен, искоса наблюдает за сторожем. Внук сторожа увлечен игрушками, забыл о Якове. Яков тихо отходит прочь.

21

Мастерская гравера. Входит сторож кладбища. Разговаривает с гравером.

22

Гравер стоит у ворот кладбища.

23

Внук сторожа спит в тачке под деревьями. Сторож вывел Якова из склепа, дает ему медную монету, толкает в затылок.

— Беги, купи мне табаку.

24

Яков стремительно выбегает из ворот кладбища; гравер подставил ему ногу, схватил упавшего мальчика, поставил на ноги, смотрит в лицо ему, озлобленно встряхивая. Яков дрожит от испуга и злобы.

25

По улице идет гравер, держа Якова за руку, дергая его. Яков смотрит волчонком на встречных людей, которые или смеются над ним, или угрожают ему.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Битва из-за птицы. В воротах дома, где живет гравер, прячутся трое мальчишек, один из них — тот, у которого Яков отнял птицу. Спешно идет Яков с корзиной покупок, мальчишки бросились на него,— драка. Корзина на земле, из нее вывалились огурцы, колбаса, хлеб, бутылка. Дерущиеся топчут всё это. Со двора, из мастерских, выбежали люди, они любуются дракой, подзадоривают драчунов. Выскочил гравер, свирепо расталкал зрителей, схватил Якова, понес его на двор; обезумевший мальчик бьется в его руках, кусает гравера.

2

На дворе, под водосточной трубою, стоит чан с водой, гравер окунает Якова с головой в воду раз, два, три. Зрители и мальчишки неистово хохочут. Гравер гонит Якова в мастерскую.

3

Яков, освещенный огнем фонаря, стоит в воротах дома, в руках его — веревка. Пошатываясь, идет гравер. Яков быстро захлестывает веревку за столб фонаря и, держа другой ее конец в руках, прячется в воротах. Когда гравер поравнялся с фонарем, веревка натянулась в полуаршине над землей, гравер запнулся за нее, упал.

4

Яков, бросив веревку, подбежал к окну на дворе, влез в него, закрыл окно.

5

Гравер, стоя на коленях, рассматривает веревку, отвязал ее, идет во двор, подошел к окну, стучит в стекло. Дверь рядом с окном открылась, на пороге — сонный Яков, почесывается. Гравер хлещет его веревкой, вталкивает в комнату.

6

День. В мастерскую гравера входит Кротов, организатор и глава шайки воров, человек лет 50, лысый, с шишкой на черепе, с неподвижным лицом и глубоко запавшими глазами. Он подает граверу кусок картона с надписью:

П. Кротов.

Продает и покупает подержанную мебель.

Садится, разговаривает с гравером. Гравер зовет Якова; тот, подбегая, запнулся за что-то, едва не упал; гравер взмахнул рукой, хочет ударить; Кротов удерживает его руку; гравер возмущенно жалуется на Якова; Кротов, слушая, присматривается к мальчику.

7

Через несколько дней. Из двери мастерской гравера осторожно выглядывает Яков, видит на тумбе противоположной стороны улицы одного из своих врагов; враг, вложив пальцы в рот, свистит, Яков бросился бежать; со двора выскакивают еще двое мальчишек, гонятся за Яковом.

8

Яков сидит на стуле у двери в небольшой, прилично обставленной комнате. Рядом с ним, на столе, газеты, пара женских перчаток и деревянный нож для разрезывания бумаги. Якову скучно, он дремлет. Встряхнулся, зевнул. Взял со стола перчатки, рассмотрел их, надел. Взял нож, встал и, размахивая ножом, начал наносить удары невидимому врагу; нападает, отступает, защищается. За его спиною приоткрылась дверь, в щели видно лицо Кротова.

9

Вошел Кротов, держа руки в карманах. Смущенный Яков, бросив нож на стол, берет со стола пакет, заказ Кротова, спрятав другую руку за спину; Кротов выдернул его руку, спрашивает:

— Украл перчатки, да?

Перепуганный Яков быстро снимает перчатки, объясняется, просит прощения; Кротов смотрит на него молча, подавляющим взглядом. Входит Усатов, низколобый человек с широким лицом, одна щека у него обрита, другая намылена; размахивая бритвой, он грозно наступает на Якова.

— Вор? Я ему отрежу уши...

Яков, взвизгнув, отскакивает в угол комнаты, загораживается стулом.

10

Входит — очень быстро — скромно одетая женщина с печальным и строгим лицом, Яков узнал ее: это она молилась на кладбище; он бросается к ней, кричит:

— Я — не воровал! Я — играл!

Женщина обняла его, прижала к себе, упрекает Кротова и своего мужа, Усатов — хохочет. Кротов гладит Якова по голове, говорит, не улыбаясь:

— Я пошутил... Не бойся, мальчик...

11

Яков за чайным столом в другой, тоже прилично обставленной комнате. Чай разливает жена Усатова.

За столом ее муж и Кротов. Яков грызет орехи, говорит женщине:

— Я вас видел на кладбище, вы молились над могилой...

Усатов криво усмехается, Кротов исподлобья взглянул на женщину, она спрашивает Якова:

— А ты что делал на кладбище?

Яков оживленно рассказывает. Кротов, послушав, перебивает его речь.

— Значит — ты будешь служить у меня. Завтра я поговорю с твоим хозяином. Теперь — иди! Возьми орехов.

Яков ссыпает орехи с тарелки в карманы себе. Жена Усатова, вздохнув, смотрит на него, у нее слезы в глазах; Кротов, толкнув Усатова локтем, подмигнул ему на жену, Усатов — нахмурился.

12

Через несколько дней. Прилично одетый, чисто вымытый Яков стоит пред женою Усатова; она остригает ему ногти. Входит Усатов.

— А волосы почему не остригла?

— Жалко.

— Но ведь я приказал остричь? Приказал, да?

— Я остригу.

Он берет жену за подбородок и говорит в лицо ей:

— Кислая морда.

Яков вздрогнул, женщина прищемила ему ножницами палец; сунув палец в рот, Яков смотрит на Усатова сердито. Тот хохочет, уходит. Проводив его недружелюбным взглядом, Яков заглядывает в лицо женщины. Она, опустив глаза, снова начинает стричь ногти Якова.

13

Кладбище. Идет Яков рядом с женою Усатова, в руках его пакет, видно, что это игрушки. Остановился, указывает ей вдаль, она идет дальше. Старик сторож стоит, опираясь на косу, у ног его — корзина скошенной травы. Женщина разговаривает с ним, он отвечает неохотно, не глядя на нее.

— У вас, кажется, был внук? Где он?

Старик бьет черенком косы в землю:

— Тут. Там.

Женщина склоняет голову. Сторож начал ожесточенно косить.

14

Ночь. Маленькая комната, ярко освещенная луною. У стены, на диване, спит Яков. Видит сон:

В тачке сидит внук сторожа, играя на жестяной трубе, но вместо головы у него голый череп и лицо Кротова, затем оно превращается в один из тех черепов, которые Яков видел в склепе.

Яков проснулся, испуганно соскочил с дивана, оглядывается. Прислушался, подошел к двери, встал на колени, смотрит в скважину замка.

15

В соседней комнате у стены стоит жена Усатова, Усатов сидит на постели, курит, в руках у него — бумаги. Он говорит:

— Вот документы. Мальчишка — твой сын. Мы его сделаем рыжим и накрасим на роже веснушек, а ты следи, чтоб он не смывал их. И чтоб не болтал. Поняла? Без себя никуда не пускай его.

Лицо женщины резко изменилось, она угрожающе подняла руку, говорит:

— Это — последний раз! Я больше не могу!

Муж встал, схватил ее за горло, стукнул головой о стену, насмешливо искривив лицо, спрашивает:

— Не можешь?

16

Яков вскочил на ноги, сжал кулак, стучит в дверь, — дверь открылась, на пороге — Усатов:

— Что такое?

— Я боюсь.

— Чего?

— Не знаю. Боюсь.

Подозрительно осмотрев его, Усатов втолкнул Якова в комнату, закрыл дверь.

17

Яков стоит среди комнаты, плачет.

18

Жена Усатова сидит у стола, схватившись руками за голову, что-то шепчет. Прислушивается; встала, идет к двери в комнату Якова.

19

Яков бросается встречу женщине, бормочет, обнимая ее ноги:

— Зачем он вас бьет? Я его зарежу ножом!

Женщина успокаивает его, укладывает на диван, садится, гладит голову мальчика; он взял ее руку, положил щеку свою на ладонь ей и — быстро заснул.

20

Ночь. На углу двух улиц прижался к вывеске молодой человек — Трубочист, в руках у него коробка спичек, в зубах — незакуренная папироса. Он зорко смотрит по сторонам, прислушивается. Видно, что он в состоянии сильного нервного напряжения.

У окна стоит, глядя на улицу, жена Усатова. Он, сидя на полу, сверлит пол коловоротом. Рядом с ним лежит дождевой зонт, ручная пила, связка отмычек; работу его освещает лампа, накрытая абажуром. Яков разматывает клубок веревок — веревочную лестницу — и оживленно, с интересом следит за работой Усатова.

21

Магазин ювелира. В углу, пред иконой, горит лампадка. С потолка сыплется штукатурка. Затем на потолке является круглое отверстие, в него всунут зонт; зонт раскрылся; куски штукатурки падают в него, как в чашу.

22

Усатов выпиливает в полу квадратное отверстие, Яков стоит и смотрит на его работу с живым интересом. Женщина неподвижно, спиною к ним, стоит у окна.

23

Наполненный мусором зонт полускладывается и исчезает, поднятый наверх. В отверстие сброшена веревочная лестница. Спускается Яков, натянул лестницу, оглянулся, закрыл глаза. Спустился Усатов, вынул из кармана маленький фонарь, осветил витрины, сунул фонарь в руки Якова, начинает работать, Яков светит ему. Он немножко трусит, пугливо оглядывается, но в высшей степени заинтересован. Хватает с пола и прячет в карманы вещи, которые падают из рук быстро работающего Усатова. Он берет вещи без футляров.

24

Трубочист на улице вздрогнул, насторожился. Вдали, посредине улицы, идет полицейский. На скамье, у ворот, спит дворник; полицейский подошел, разбудил его, сел рядом.

25

Трубочист, стоя за углом, зажег спичку, закурил папиросу, делает ею крест в воздухе.

26

Жена Усатова подходит к отверстию в полу, говорит, наклонясь над ним. Через несколько секунд из отверстия высовывается голова Усатова, он с трудом протискивает свое тело, лицо его искажено злостью, подошел к окну, оттолкнул женщину, присмотрелся, ожесточенно плюнул, зажег спичку, секунду подержал ее пред окном, бросил. Его жена торопливо помогает Якову выбраться из-под пола.

27

Трубочист быстро идет по улице, ударом локтя выбивает стекло в окне какого-то магазина, быстро перелезает через ворота.

28

Полицейский и дворник бегут на шум за угол, где Трубочист разбил стекло, полицейский, на бегу, свистит.

29

Из дома, где помещается магазин ювелира, выходит, пошатываясь, Усатов под руку с женою, за ними следует Яков. Они имеют вид людей, которые сильно запоздали в гостях.

30

Позевывая, идет на свое место дворник.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

На террасе маленькой дачи Кротов и Усатов играют в шахматы; рядом с ними, на столе, бутылка вина, стаканы.

Кротов. Шах королеве.

Усатов. Ловко ты конем ходишь.

Усатов пьет вино; Кротов, укладывая фигуры, говорит:

— Кстати о бабах: не нравится мне дружба твоей жены с Яшкой.

— Я за ними слежу.

Усмехается, продолжает:

— Мальчишка — не дурак. Нахватал там, в магазине, кое-чего и прячет от меня.

Кротов оглянулся на дверь в комнаты.

— Испортит она его.

2

Кустарник на берегу реки, разбитая лодка, на корме ее сидит жена Усатова, печально смотрит вдаль, по течению реки; встала, медленно пошла берегом; что-то шепчет, ломает пальцы свои, качает головою; у нее лицо человека душевнобольного.

3

Яков сидит на земле, в кустах; вырыл из-под корней, из песка сардиночную коробку, достал из нее комок бумаги, развернул, надел на палец кольцо с

камнем, любуется. Затем вынул еще кольцо и брошь. За его спиною — жена Усатова, у нее испуганное лицо.

— Что это? Откуда у тебя это?

Яков объясняет, что подобрал вещи на полу магазина:

— Это — для вас. Он украл много, а вам ничего не дал.

Стоя на коленях, подает ей вещи, улыбается.

Подняв его, женщина гладит голову Якова, убеждает:

— Я тебе не первый раз говорю: беги от этих людей, они погубят тебя, у них впереди — тюрьма, и ты попадешь в тюрьму.

Яков слушает ее с явной скукой, притаптывает песок ногою, лицо у него упрямое.

— У меня есть знакомая монахиня, я дам тебе записку к ней, и она тебя спрячет. Монастырь — недалеко.

Яков, глядя на нее снизу вверх, говорит:

— Я хочу жить с вами. Я вас очень люблю.

Прижимается к ней.

4

Маленькая комната на чердаке дачи; на койке спит Яков. Осторожно входит Усатов в туфлях, берет платье Якова, обыскивает карманы; вынул перочинный ножик, свисток и несколько монет, пересчитал их, положил обратно в карман. Из другого кармана вынул маленькую бумажку, развернул, пробует прочитать, его лицо исказилось, зажал бумажку в кулак, взмахнул им, быстро ушел.

5

Полуодетый Кротов сидит на постели, пред ним — Усатов, с запиской в руках; читает:

...«Мальчик хороший, доброе сердце, живет среди преступных людей...»

Кротов пожимает плечами.

— Вот, видишь? Сегодня она пишет монахине, завтра напишет полиции.

Усатов мрачно спрашивает:

— Что же делать?

— Сядь. Слушай.

Усатов сел, Кротов, наклонясь к нему, говорит что-то.

6

Раннее утро. Усатов с женою, в купальных халатах, идут к реке. Он — ласков и весел, она смотрит на него удивленно, недоверчиво. Говоря, Усатов оглядывается.

7

Он стоит по грудь в воде. Жена, попробовав ногою температуру воды, сбросила халат, перекрестилась, идет в воду. Муж протянул ей руку, она взяла ее нерешительно, заходя глубже; Усатов отстал на шаг, ударил ее кулаком по голове; она упала, скрылась под водою; муж, оглядываясь по сторонам, не дает ей поднять голову над водою. Она исчезла. Усатов быстро выходит на берег, лицо у него искаженное, идет к даче.

8

Прислуга, деревенская девушка, вносит на террасу дачи самовар. На террасе — Кротов; глядя на часы он говорит:

— Господа встали?

— Барин еще спит, а барыня, должно быть, ушла купаться.

— Разбуди барина. Скажи — я уезжаю.

Приходит Яков, кланяется. Кротов подает ему руку.

— Купался?

— Нет.

— Сбегай к реке, позови хозяйку.

Кротов подошел к столу, наливает чай себе, смотрит вслед Якову нахмурясь. Вышел Усатов, закуривает папиросу, руки у него дрожат; Кротов строго замечает:

— Руки пляшут. Следи за собой.

Усатов сунул руки в карманы брюк, папиросу выплюнул на пол. Кротов наливает ему чаю.

9

Бежит Яков, обеспокоен, кричит:

— Ее там нет, только халат и туфли.

Усатов вскочил, изображает тревогу, но — неумело; Кротов, наблюдая за испуганным Яковом, морщится, успокаивает Усатова; Яков снова бежит к реке. Оба следуют за ним, Кротов по пути строго говорит с Усатовым.

10

На реке — лодки, в одной из них — Усатов, люди в лодках щупают дно реки баграми, две лодки волокут сеть. На берегу — дачники, крестьяне, дети,— немного. Стоит Кротов, держа Якова за руку; лицо мальчика уныло, в слезах.

11

На даче. Полицейский чиновник — становой пристав — допрашивают прислугу Усатова. Усатов лежит на диване, Кротов около него; Яков сидит на подоконнике, смотрит на реку. Полицейский кончил допрос, встал, подошел к дивану, сочувственно говорит:

— Обыкновенное летнее несчастие. Божья воля.

Кротов встал, протянул ему руку, другою рукой вынул бумажник, говорит:

— Я должен ехать в город, а мой друг убит несчастием, знакомых у нас здесь нет. Я прошу вас, заплатите рыбакам за поиски утопшей и вообще возьмите на себя необходимые хлопоты, не беспокоя его, по возможности,— пожалуйста.

Дает деньги, чиновник очень доволен, расшаркивается.

— Рад служить. Приложу все усилия...

Уходит.

12

Кротов, в шляпе, с палкой, на террасе говорит Усатову с улыбкой:

— Видишь, как всё просто?

— А мальчишка?

— Я пришлю за ним Трубочиста.

Оба сошли с террасы.

13

Яков, сидя на подоконнике, слышал их беседу; удивлен. Встал, сует руку в карман брюк, вынул ножик, монеты, свисток,— испуган.

14

Яков у себя в комнате ищет записку жены Усатова в постели, под кроватью, в углах комнаты. Выворачивает карманы брюк, сидя на полу. Что-то вспоминает, шепчет.

15

Яков быстро идет берегом реки, озабочен, оглядывается, ускоряет шаг.

16

Вечер. Усатов и Трубочист сидят у стола. Усатов зажег спичку, зажигает на огне ее записку жены.

— Он, наверное, убежал в монастырь. Так или иначе — ты его поймай. Если он сломит себе башку, об этом никто не будет жалеть,— понял?

Трубочист утвердительно кивает головою, закуривает папиросу.

17

Двор монастыря. В церковь идут монахини. К одной из них подходит Яков, спрашивает:

— Которая здесь Клавдия?

Не останавливаясь, монахиня отвечает:

— Клавдия ушла в мир с кружкой за сбором подаяния.

Яков — не понял, идет за монахиней, заглядывая в лицо ей:

— А куда ушла?

— По городам.

Яков остановился, уныло опустил голову, кусает губы.

18

Маленькая станция железной дороги. Подошел поезд. Из одного вагона, со стороны, противоположной

перрону, выскочил Трубочист с маленьким чемоданом в руках, быстро идет поперек путей к лесу. Его видит стрелочник, стоящий у стрелки.

19

Яков сидит у стены монастыря, ест хлеб; около него — собака; он дает ей куски.

20

В лесу, на пне, сидит Трубочист, пред ним, на земле, раскрытый несессер; Трубочист выбирает из него различные мелкие вещи, раскладывает их по карманам. Забрасывает несессер хворостом, травой, идет, отмечая ножом деревья.

21

Станция. На перроне жандарм, сторож; стрелочник чистит свой рожок. Из вокзала вышел телеграфист, подал жандарму телеграмму; жандарм прочитал, спрашивает сторожа:

— Ты не заметил — сошел на станции молодой человек без усов, в сером костюме, клетчатой фуражке?

Стрелочник говорит, указывая на лес:

— Я видел его, он туда побежал...

22

У стены кладбища на траве спит Яков, у ног его сидит собака. Вдоль стены идет Трубочист, подошел к Якову, удивленно осматривает его, толкнул ногою, смеется. Яков, проснувшись, тоже улыбаясь, смотрит на него. Встал. Трубочист приглашает его идти в лес, показывает пудреницу, ручное зеркало в серебряной оправе. Яков обрадован встречей, рассматривает зеркало, повертывая его в руках.

23

К воротам монастыря подъезжает бричка, лошадью правит жандарм, переодетый в штатское, в бричке — стрелочник. Луч света, отраженный зеркалом в руках Якова, ослепляет жандарма, он смотрит по направ-

лению луча, говорит что-то стрелочнику, тот привстал в бричке, утвердительно кивает головою. Оба сошли на землю, запутали вожжи за дерево, идут в лес.

24

У опушки леса Трубочист, рассказывая, как он украл несессер, показывает Якову разные вещи, вынимая их из карманов. Из-за деревьев на него бросился жандарм. Трубочист подкатился под ноги нападающего, тот упал, Трубочист бежит в лес. Стрелочник схватил Якова, мальчик пробует вырваться, стрелочник бьет его.

25

Яков перед следователем, человеком с бородою, в очках. Следователь спрашивает строго:

— Значит, ты не хочешь сказать, кто ты?

Яков говорит:

— Не знаю.

— Так. А кто твой товарищ?

— Не знаю.

— Ну, будешь сидеть в тюрьме, пока не узнаешь.

Следователь собирает бумаги, укладывая их в портфель. Яков стоит, упрямо сжав губы, смотрит исподлобья.

26

Яков в маленькой камере тюрьмы, сидит на нарах, свистит. Открылась дверь, надзиратель грозит ему пальцем:

— Не смей свистеть!

27

Тюремный двор; час прогулки арестантов. Рослый арестант, прижав Якова к стене, держит его за уши:

— Ты кто?

— Не скажу.

Арестант приподнимает его за уши с земли, Яков схватился за руки арестанта и бьет его ногами в живот. Арестант выпустил его,— другие арестанты хохочут. Один из них, старик, гладит Якова по голове.

— Молодец, мальчуган!

Арестант хочет ударить Якова, но старик и другие защищают его. Свалка. Двое надзирателей разгоняют дерущихся.

28

Яков сидит на ступенях крыльца тюрьмы рядом со старым арестантом; старик что-то рассказывает, Яков слушает с напряженным вниманием.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

1

На крыше дома у трубы сидит Трубочист, он в саже, у ног его — атрибуты ремесла: помело, длинная веревка с тряпками и грузом — гирей — на конце ее. Он завтракает колбасой и хлебом, наблюдая, что делается в одной из комнат противоположного дома. Он видит: среди комнаты, у круглого стола, стоит, покачиваясь, полупьяный, очень возбужденный человек средних лет, с измятым лицом кутилы. Вытаскивая из карманов пиджака и брюк пачки денег, он бросает их на стол, пред девушкой лет двадцати, красивой, скромно одетой; она, сидя, смотрит на него снизу вверх с тревогой и печалью, сдвигает деньги в кучу, не считая их, поднимает падающие на пол. Ее отец смеется. Входит, потягиваясь, заспанный юноша лет 18, в руках — книга; увидал деньги, бросил книгу, удивленно свистнул, подбежал к столу и, столкнув девушку со стула, сел на ее место, быстро считает деньги. Девушка отошла к окну, лицо у нее огорченное, она кусает губы, готова заплакать. Отец подошел к ней, обнял за плечи, Трубочист слышит его слова:

— Баста! Больше ты не служишь в цирке. Квартиру переменим. Завтра же ищи другую,— слышишь? Спрячь деньги.

Сын, считая деньги, прячет небольшую пачку их в карман себе; сестра видит это, укоризненно качает головою, брат смотрит на нее угрожающе. Девушка

уложила деньги в одну пачку, завернула их в полотенце, прячет в верхний ящик комода. Отец поставил на стол бутылку вина, три стакана, сын, приплясывая, щелкает пальцами.

2

Магазин торговца старой мебелью и различными предметами домашнего обихода: лампы, детские коляски, дешевые картины в рамах. В кожаном кресле, закрывшись газетой, сидит человек, у двери в магазин дремлет мальчик лет двенадцати. Человек опускает газету, это — Кротов. Он мало изменился, его лицо всё так же неподвижно, он отрастил седую бородку клином, стал еще более лыс, но всё так же барски важен и медлителен в движениях. В дверь с улицы входит, погладив мальчика по голове, Яков Сорокин; одет щеголем, резкое, нервное лицо, похож на молодого актера. Садится близко к старику, тихо говорят. Затем Яков ставит пред Кротовым шахматный столик, закуривает, Кротов, расставляя фигуры, говорит:

— Если хочешь научиться играть хорошо,— помни: самое главное — ход коня!

Играют.

3

Входит Трубочист, одетый скромно, как приказчик. Дает мальчику деньги, посылает его куда-то, снабдив подзатыльником. Присаживается к играющим, рассказывает, они, перестав играть, внимательно слушают. Кротов говорит:

— Это надо сделать сегодня же ночью, Яков.

4

Ночь. Комната, где считали деньги. Окно открыто в сад. Извне, из сада, появляется голова, затем влезает человек, уверенно идет к стене, наклонился над комодом, быстро подался в сторону, присел между комодом и диваном за спинку кресла. Открылась дверь слева, на пороге — девушка,— Елена,— со свечой в руках, в длинной ночной рубашке. Свеча погасла. Девушка

идет к окну, закрывает его, ушла к себе, притворив дверь. Яков Сорокин снова у комода, затем идет к окну, открыл его, исчез,— в тот же момент снова выбегает Елена, бросается к окну, смотрит вниз, оглянулась, видит, что ящик комода открыт, высунулась в окно, выпрямилась, отскочила, стоит неподвижно, изумленная до ужаса, шепчет:

— Николай... Это — Николай!

5

Комната наполнена жильцами дома, среди них бородатый дворник, он недоверчиво спрашивает взволнованную Елену:

— Откуда же у вас деньги? За квартиру не платите...

Она кричит:

— Я сказала: отец выиграл в карты.

Все относятся к ее словам недоверчиво, смотрят на нее подозрительно. Она кричит:

— Вы не верите? Да, выиграл... много.

Дворник, усмехаясь, качает головою.

6

Утро. В комнате дворник, полицейский, человек с сонным лицом, и сыщик, пожилой, бритый, в темных очках, расспрашивает Елену. Ее отец сидит на диване, согнувшись, схватив голову руками. Николай говорит с дворником, тот, усмехаясь, качает головою. Елена через плечо сыщика смотрит на брата. Николай спрашивает сыщика:

— Ну, что, Шерлок Холмс?

— Меня зовут Степан Иванович. Очень странно. Прислуга ваша — в больнице, говорите? Гм... Очень странно. Похоже на симуляцию, знаете. Пока — до свидания.

Уходит вместе с дворником и полицейским. Николай, стоя среди комнаты, потирает лоб, смотрит на дверь в комнату сестры. Отец валится на диван вниз лицом. Сын подошел к нему, сел на диван, крепко сжав руки. Отец вскочил, бормочет в ужасе:

— Я — погиб. Меня — под суд! Там были казенные деньги, полторы тысячи... Сегодня, сейчас я должен был внести их в кассу.

Снова упал на диван. Николай быстро идет в комнату сестры.

7

Когда он вошел к сестре — Елена плакала. Швырнув платок на пол, она бросилась на брата и гневно шепчет в лицо ему:

— Это ты, ты украл! Я видела, я узнала тебя, когда ты бежал по саду,— негодяй!

Николай, пораженный, отступает от нее, потом яростно схватил ее руки, тоже шепчет:

— Лжешь! Я всю ночь был с отцом. Мы играли. Лжешь! Ты — не ошибаешься, а именно лжешь! Сыщик — прав: это симуляция кражи, деньги у тебя, комедиантка! Деньги украл твой приятель, какой-нибудь циркач, да! Говори, сознавайся!

Он в ярости ломает ей руки, затискивает в угол, к стене; девушка, изумленная обвинением, не в силах говорить, брат бросает ее на постель, она упала на пол, стоит на коленях, защищая лицо, голову от его ударов.

8

Отец поднял голову, прислушался, вскочил, бежит в комнату дочери.

9

Николай встречает отца бешеным криком:

— Она говорит — я украл деньги. Отец, это она украла. Кто мог знать? Сыщик прав...

Отец схватил Елену за волосы, приподнял ее, хочет ударить. Елена, умоляя, говорит:

— Я — ошиблась, простите, но — как вы можете думать...

Николай, удержав руку отца:

— Подожди, она скажет, она сознается...

Но отец, разъяренно толкая Елену к двери, кричит:

— Вон, прочь, воровка!..

Елена хватает его за руки:

— Как вы можете...

Ее вышвырнули за дверь.

10

Отец сидит в комнате Елены, убито глядя пред собою. Николай ходит по комнате, говоря:

— Я буду следить за ней, я найду виноватого. У нее, наверное, есть сердечный дружок, и это он...

Отец качает головою:

— Всё равно, я погиб...

Николай подходит к нему, положил руку на плечо его...

11

Глухой угол городского сада на берегу пруда или реки. На скамье сидит Елена, тупо глядя в воду. Достала из сумочки блокнот, карандаш, пишет.

12

Идет молодой художник Кронидов, веселый человек, он нетрезв, пошатывается, лицо у него блаженное; поет, размахивая шляпой. Увидал Елену, остановился, театрально кланяется ей.

— Привет, маркиза!

Елена смотрит на него, как сквозь сон. Кронидов снова кланяется, сел рядом:

— Я вас знаю: вы — кассирша из цирка.

Елена отодвигается от него. Он протягивает ей руку:

— Здравствуйте. Вы — кассирша. Это — истина, потому что я пьян. Истина — в вине.

Елена встала, хочет уйти, но, остановясь, говорит:

— Вы, кажется, добрый...

— Я? — Очень.

— Сделайте мне милость: отнесите эту записку по адресу.

Кронидов взял записку, читает:

«Вы страшно ошиблись, я не виновата, прощайте. Елена».

Кронидов утвердительно кивает головой:

— Верно. Он, свинья, ошибся. Пойду и вздую его. Набью морду. Потому что я вас безумно люблю...

Елена протягивает руку:

— Нет, бить никого не надо, дайте записку.

Кронидов спрятал бумажку в карман.

— Подлецов надо бить! Иду!

Елена поняла, что он — пьян, растерялась. Уговаривает его отдать ей записку:

— Она вовлечет вас в тяжелую историю.

Кронидов идет, отрицательно качая головою:

— Вся жизнь — тяжелая история. Свинья, обидевшая вас...

— Вы пьяны!

— Ба! Я этого не скрываю.

Идет, размахивая шляпой, Елена следует за ним...

13

Касса цирка. В окошечке изумленное лицо Елены. Подошел Яков Сорокин, покупает билет, узнал Елену, отошел прочь, издали наблюдает за нею. Заметил, что этим же занят еще один человек, это — Николай, брат Елены. Мимо Якова идет подросток — хулиган Окунь, человек с нахальным лицом; Яков остановил его, отвел в сторону.

14

Началось представление, пред кассой пусто. К окошечку подходит Николай, озлобленно сообщает сестре, что отец арестован за растрату казенных денег. Елена в отчаянии выбегает из кассы, бросается к нему:

— Николай,— пойми...

Он отталкивает ее.

— Я всё понял: украсть деньги могла только ты.

Окунь, наблюдавший за Николаем, подходит к окошку кассы, стучит. Елена возвращается, хочет продать ему билет, но Окунь уже отбежал от кассы, идет вслед за Николаем, который вышел на улицу.

15

У входа в цирк, во время антракта; Окунь рассказывает Якову о своих наблюдениях.

16

Против цирка, на улице стоит Николай.

17

Ночь. По улице медленно идет Елена,— в отдалении, по другой стороне улицы — Николай, за ним следуют человек пять подростков во главе с Окунем. Догнали Николая, окружают, ссора, драка.

18

Поспешно идет Яков Сорокин,— вдали шагает точно сомнамбула Елена.

19

Избитый Николай лежит на панели, приподнимает голову, хулиганы бегут прочь от него.

20

Окунь с товарищами догнали Елену, окружили, она прижалась к стене дома, отмахивается от них. Подбежал Яков, разогнал мальчишек, снял шляпу, говорит:

— Вы напрасно ходите одна, в этом квартале живут плохие ребята.

У него почтительные манеры и вид, внушающий доверие. Елена благодарит его, идет, он следует за нею, заговаривает.

21

Схватившись за столб фонаря, почти падая, Елена говорит:

— Оставьте меня.

Она рыдает. Яков отступил от нее шага на два, оглянулся, решительно подошел, взял ее под руку, ведет говоря:

— Я не сделаю вам ничего дурного. Я тоже человек не из счастливых. Судьба столкнула меня и вас...

Елена идет безвольно, не слушая его.

22

Номер дешевых меблированных комнат. Елена убито сидит посредине ее на стуле. Бросилась на колени, рыдает, облокотясь на стул.

23

Ночной кабак. В углу, за столом — Яков, он мрачен, нервно барабанит пальцами по столу. Наливает вина в стакан, жадно пьет, встал, бросил на стол деньги, уходит.

24

Рассвет. По улице, мимо грязного дома с вывеской «Меблированные комнаты Лондон», идет Яков, смотрит в окна дома.

25

Яков сидит на скамье городского сада, дремлет. Пред ним возникает картина: жена Усатова и он идут берегом реки.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

1

Большая, богато обставленная комната. У окна, в кресле — дама средних лет. Кронидов, художник, пишет портрет ее, оживленно рассказывая что-то; дама улыбается, говорит:

— Вы очень веселый человек.

— Пока — это единственное мое достоинство.

Оба — вздрогнули, смотрят в камин; туда упал груз Трубочиста: гиря и ком тряпок; из камина летит сажа. Дама возмущена, вскочила, звонит; вошла очень миловидная, щеголевато одетая горничная, дама указывает ей на камин, горничная пожимает плечами, это еще более раздражает хозяйку, она строго упрекает горничную, обращается к художнику:

— Прервем сеанс минут на пять.

Художник кланяется ей, кладет палитру и кисти на стол; дама величественно уходит. Горничная у камина, художник подходит к ней:

— Вы не верите, что я вас безумно люблю?

Горничная лукаво смеется:

— Вы третий говорите мне это.

Художник комически ужаснулся,— он вообще ведет себя комически, ребячливо.

— Только — третий? Вам должны были сказать это три тысячи человек!

Смеясь, горничная идет к двери, художник следует за нею, заглядывая в лицо ее:

— Я безумно люблю вас. Я хочу написать ваш портрет...

2

Возвращается горничная, за нею — Трубочист и художник, шутливо говорит с ним. Трубочист сметает сажу из камина на железный лист, незаметно осматривая комнату; художник в стороне беседует с горничной, жестикулируя, прижав руку к сердцу, очень смешит девушку. Внимание Трубочиста особенно привлекает витрина со старинными табакерками и драгоценностями. Вздохнув, он говорит:

— Готово.

Идет к двери. Горничная провожает его. Художник, глядя вслед ей, задумчиво чешет затылок.

3

Елена — у себя, в номере меблированных комнат, сидит, шьет; лицо ее спокойно, но печально, глаза окружены тенью. На столе — самовар и два прибора. Стук в дверь. «Войдите!» Входит Трубочист. Елена — удивлена неприятно. Трубочист сел, закуривает папиросу, говорит:

— Где Яков? Богатейшее дело сегодня у него!

Рассказывает. Елена, слушая его невнимательно, достала из шкафа третий чайный прибор, хочет наливать чай; рука ее вдруг опустилась, Елена смотрит на Трубочиста с изумлением, оглядывается, говорит негромко:

— Вы — шутите?

Трубочист, усмехаясь, подмигивает ей.

— Не притворяйтесь, я всё знаю! Я ведь у них, в шайке, наводчик. На вашу квартиру тоже я навел, деньги выкрал у вас Яков.

Елена — испугана, не верит, села, говорит:

— Нет. Вы лжете!

Трубочист смеется, подмигивая, дует в лицо ей дымом папиросы, говоря:

— Я не знал, что вы в доле с Яковом, вместе с ним работаете. Вы не похожи на наших девчонок...

Елена смотрит на него с ужасом, у нее безумное лицо. Вскочила, схватила его за плечи, встряхивает:

— Вы лжете, лжете, лжете!..

Трубочист смотрит на нее растерянно, он чувствует искренность ее ужаса, понял, что она не знала истинной профессии Якова, отстранил ее, встал; его лицо становится человечней, ему жалко девушку, но еще более жалко себя, он смотрит на нее сочувственно, с испугом; бормочет, разводя руками:

— Я — не знал. Я думал, вы тоже...

Опустился на стул, качая головой.

— Ну, это мне даром не пройдет! Послушайте,— вы не говорите Якову о том, что я рассказал вам, не губите меня! Если они узнают, что я их выдал вам — эх!..

Он схватился руками за голову, умоляюще смотрит на Елену; девушка стоит пред ним молча, охваченная ужасом, затем вдруг бросилась прочь, торопливо надевает шляпу, хватает различные вещи, бросает их.

4

Дверь отворилась, на пороге — Яков, он, очевидно, слышал восклицание Трубочиста; сжав зубы, сурово нахмурясь, он идет на Трубочиста; тот встал, отступает, вытянув руки вперед; Елена смотрит на Якова со страхом, но, когда он, ударив Трубочиста по рукам, берет его за ворот, выталкивает за дверь и на секунды исчезает вместе с ним в коридоре,— на лице Елены является надежда, девушка перекрестилась, закрыла глаза.

5

В коридоре Яков, встряхивая Трубочиста, шепчет ему:

— Идиот! Жди меня в пивной. Кротову — ни слова! Прочь.

6

Яков входит в комнату Елены, запирает дверь, бросил шляпу в угол, смотрит на Елену; в лице его нервная дрожь, улыбка — болезненная гримаса. Елена смотрит на него умоляюще, шепчет:

— Он шутил? Он лгал?

Яков взял со стола стакан чая, залпом выпил его, сел, решительно качнул головой, вызывающе смотрит на девушку.

— Он сказал вам, что я вор? Это правда. Что выигрыш вашего отца украл я? И это правда.

Елена бессильно опустилась на кровать, смотрит на него — со страхом, но как бы сквозь сон.

Яков тяжело встает, подвигается к ней:

— Это — судьба. Я знаю, что брат ваш подозревает в краже вас.

Елена опустила голову:

— Вы погубили меня.

Встает, хочет идти. Яков взял ее за руку, пожимает плечами, усмехаясь, потирая лоб:

— Это — судьба. Это такая дьявольщина...

Елена вырывает свою руку, Яков, удерживая ее, говорит:

— Куда вы пойдете? Сядьте... Послушайте...

Елена безвольно садится, она смотрит на Якова, точно на привидение, и как будто ждет, когда он исчезнет.

7

Пивная в подвале. В углу, за столиком сидят Трубочист и хулиган — Окунь. Трубочист — пьян, он что-то рассказывает, пристукивая кулаком по столу, угрожая. Окунь слушает жадно и взволнованно.

8

В стороне, за столиком брат Елены, присматривается к хулигану, сам он тоже в отрепаном костюме и похож на хулигана.

9

Окунь помогает Трубочисту встать, ведет его к двери. Николай тоже встал, платит деньги. Окунь заметил его. Трубочист протестует, не хочет идти,

отталкивает Окуня, тот уговаривает его, искоса следя за Николаем. Оттолкнув Окуня, Трубочист возвращается к своему столу, стучит кулаком, требует пива; Окунь, махнув рукою, выходит из пивной, Николай тотчас следует за ним.

10

Окунь быстро идет по улице, Николай догнал его, пошел рядом, спрашивает:

— Несколько недель тому назад ты с товарищами напал на меня, избил, за что?

— За то, что ты дурак.

Окунь опускает руку в карман, Николай хочет ударить его, Окунь присел и, когда Николай пошатнулся, бьет его в грудь ножом. Николай упал, Окунь быстро обыскивает его карманы, встал, бежит.

11

Солидно обставленная комната, у стола — Кротов в халате, пред ним Окунь, жестикулируя, рассказывает, дает Кротову бумаги, взятые у Николая. Кротов надел очки, рассматривает хмурясь. Встал, дает Окуню денег, строго говорит что-то, провожает к двери.

12

Кротов идет в соседнюю комнату, будит человека, спящего в ней на диване. Тот испуганно вскочил, протирает глаза, вопросительно смотрит. Это — Усатов, но с бородою, очень постаревший, измятый. Расхаживая по комнате, Кротов приказывает ему что-то; Усатов угрюмо смотрит на него, морщится, ворчит, начинает неохотно одеваться. Кротов остановился пред ним.

— Торопись, если тебе шкура твоя дорога...

13

Елена сидит, слушая рассказ Якова, как дитя сказку, с великим напряжением. Отирает глаза платком, рука у нее дрожит; она смотрит на Якова с состраданием. Яков кончил, встал, встряхнулся.

— Вот — моя жизнь. Я — не оправдываюсь. Мне надоело всё это. А что делать? Путь один: идти в сыщики.

Не хочу, не могу. Все-таки теперь, после встречи с вами, я хочу попробовать жить иначе, если вы не оставите меня. Вас я люблю, мне жалко вас, я виноват пред вами. Знаю, что значит быть женою вора. Я говорил вам о ней...

Елена неподвижна, молчит. Он положил руку на плечо ей,— Елена сняла ее, встала, ходит по комнате.

Яков отошел прочь, наклонился, поднял шляпу, хочет уйти.

— Скажите мне что-нибудь.

Елена остановилась против него.

— Я — не знаю — что сказать? Я ничего не понимаю. Мне страшно...

Яков угрюмо посмотрел на нее, опустил голову.

— Мне тоже страшно. Тут какая-то чертовщина: я обокрал вас и полюбил. Мне нужно идти. Подумайте обо всем этом.

Протягивает ей руку, Елена нерешительно дает ему свою. Он заглянул в глаза ей:

— Подумайте!

Ушел.

14

Елена — одна, в смятении, порывается вслед ему, остановилась у двери, не знает, что ей делать.

15

На улице, под фонарем, стоят, пошатываясь, двое пьяных, один из них — Трубочист, другой — Усатов. Трубочист кричит, Усатов зажимает ему рот ладонью, зажал голову Трубочиста под мышку себе, идет, увлекая пьяного.

16

Идет, не спеша, задумчиво Яков. Завернул за угол улицы.

17

На панели, у стены дома, лежит человек, Яков наклонился над ним, быстро выпрямился, оглядывается, шагнул дальше, поскользнулся, бежит оглядываясь.

18

Яков под фонарем, приподняв ногу, осматривает ботинок, потом шаркает подошвой по земле, лицо у него искаженное. Закрыл глаза, видит Трубочиста: тот пятится от него, протянув руки. Яков встряхнулся, поправил шляпу на голове, твердо идет дальше.

19

Яков у Кротова. Кротов — в смокинге, в руках перчатки; он подает Якову газету, отмечая на ней что-то пальцем, говорит:

— Однофамилец твоей девицы,— не родственник ли?

Яков читает, мнет газету, смотрит на Кротова.

— Это ее брат. Кто его?

Кротов, пожав плечами, дает Якову какой-то документ.

— Он служил в полиции.

Яков вскочил, разъяренно взмахивает рукою:

— Откуда у тебя это?

Кротов, надевая перчатку на левую руку, спокойно говорит:

— Случайность. Окунь нашел на улице.

Яков оглушенно сел.

— И Трубочист убит...

— Да, и Трубочист. Этот, вероятно, в драке.

Кротов идет к двери. Яков смотрит вслед ему, комкая газету. Остался один, смотрит вокруг угрюмо, опустив голову. Вынул из кармана кастет, посмотрел на него, бросил на диван. Подошел к окну, прислонился лбом к стене.

20

Яков перед зеркалом наклеивает небольшую бородку, усы, одевает солидный костюм, берет маленький чемодан, трость, пальто перебросил на руку, уходит.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

1

Студия художника Кронидова. Он и его приятель, актер, скучают. Актер лежит на диване, художник у окна с гитарой в руках. За окном лунная ночь. Художник подошел к дивану, замахивается гитарой,

— Придумай что-нибудь забавное, а то — убью!

— У меня после вчерашнего кутежа всё еще в голове лошади топают. Думать я не могу, хоть застрели.

Художник бросил на него гитару, подошел к зеркалу, расписал себе лицо, сделал на правом виске огнестрельную рану. Актер, глядя на него, морщится, говорит:

— Глупо и противно.

Художник убеждает его в чем-то, актер оживился, хохочет. Художник расписывает лицо его так же, как себе, оба смеются, затем, одеваясь приблизительно похоже и надев одинаково широкополые шляпы, смеясь, уходят.

2

По улице идет, не спеша, бородатый старик, встречу ему торжественным шагом, в ногу идут две стройные фигуры, поравнялись; старик, взглянув на них, вскрикнул и бросился прочь. Они, не ускоряя шаг, скрылись за углом.

3

Держась за столб фонаря, стоит старик, без шляпы, отирая пот с лица.

4

Идет Яков Сорокин с работы, удачно сделанной им. Улица — пустынна, освещена редкими фонарями, дома приблизительно однообразны. У крыльца одного из домов лежит человек, Яков на секунду остановился, оглянулся, потом, наклонясь над лежащим, быстро выпрямился, поспешно идет дальше. Но через два десятка шагов он снова видит тот же труп; прислонился к стене, сунул палку в карман, поставил чемодан на панель; сняв шляпу, отирает лицо платком. Видит, что по другой стороне улицы поспешно, неверной походкой, напоминающей ходы шахматного коня, идет, согнувшись, сунув руки в карманы, кто-то в широкополой шляпе, похожий на лежащего пред Яковом. Яков — остолбенел, затем, схватив чемодан, шатаясь, идет дальше. Человек, лежавший на земле, приподнял

голову, смотрит вслед ему, вскочил, быстро перебегает через улицу, это — художник Кронидов. Актер, опередив Якова, тоже перебежал на ту сторону, по которой идет Яков, лег на панель; Яков, не доходя до него, остановился, оглядывается и снова видит человека в широкополой шляпе, обгоняющего его по другой стороне улицы. Яков прирос к земле; у него возникла фантастическая мысль:

— Я — не иду, а стою на одном месте. Всё идет, а я остановился навсегда. Я — погиб.

Он топает ногами,— бег на месте. Он в ужасе. Бросил чемодан, палку, пальто, сорвался с места, стремительно бежит.

5

Актер и художник сошлись под фонарем, стирают грим с лиц друг друга.

— Кажется, мы свели с ума этого труса.

Смеясь, смотрят вдоль улицы.

6

Площадь; посредине ее монумент в квадратной железной решетке. Яков подбегает к ней, хватается, идет по одной стороне, по другой и, обойдя все четыре стороны квадрата, воображает себя запертым в железную клетку. Опустился на землю, лицом к решетке.

7

Актер и художник наблюдают за Яковом, стоя на углу улицы. В руках художника — чемодан, палка и пальто Якова. Художник обеспокоен; он говорит:

— Боюсь, что мы переиграли...

8

Художник подходит к Якову.

— Что вы тут делаете? Вам дурно?

Яков мрачно смотрит на него.

— Я — конь. Шахматный конь. Меня заперли в железную клетку.

Обеспокоенный художник поднимает, ставит на ноги Якова, указывает на площадь.

— Где же клетка? Вы немножко выпили? Это ваши вещи?

Яков ошалело смотрит вокруг, потом — на художника, берет из его рук чемодан, пальто, палку, спрашивает:

— Это вы шли по улице?

— Да. Я — шел, а вы — бежали.

— Вы видели тех? Там — трое, лежат?

— Ночью люди лежат у себя в постелях. До свидания.

Художник идет прочь.

9

Художник и актер идут по улице, смеясь, вспоминая свою проделку. Под ноги художника попадается футляр, художник наклонился, поднял его, в футляре — брошь. Они рассматривают находку.

— Наверное, потерял тот. Но теперь его не догонишь.

— Будет объявление в газете о потере.

Идут дальше, распевая, пританцовывая, дурачась.

10

Яков Сорокин медленно идет по улице, боязливо смотрит вперед; на повороте улицы остановился, заглядывает за угол. Уже — утро, на улице появляются люди, и это еще более усиливает страх вора.

11

Комната Елены. Елена — одета, в шляпе, на стуле лежит узел с ее вещами. Она стоит у стола, читает записку:

«Мне очень жалко вас, но я не могу, я ухожу, не ищите меня, прошу вас. И не губите себя, бросьте воровать, умоляю».

Заклеивает записку в конверт, положила на стол, идет к двери, остановилась, отшатнулась, спрашивает:

— Кто там?

Не решается открыть дверь. Перекрестилась, отперла — пред нею Яков, у него деревянное лицо человека сильно пьяного или испуганного до безумия;

неподвижные глаза. Он оттолкнул Елену, запер дверь, бросил на пол палку, пальто, поставил к ногам Елены чемодан, опустился на стул:

— Вот. Здесь — много. Это — последний раз. И — прочь отсюда! Здесь какая-то чертовщина.

Облокотился на стол, положил голову на руки, шляпа с головы его упала на пол. Елена кладет на стол конверт, взяла свой узел, идет к двери. Яков поднял голову.

— А где ваш брат?

Елена остановилась, смотрит на него с испугом.

— Что вы сказали?

Яков бормочет, качая головою.

— Ход коня. Трубочиста тоже убили. В драке? Врет Кротов...

Елена бросается к нему, схватила его за плечи, встряхивает.

— Что вы говорите, что?

Он тяжело валится на пол, обнимая ее ноги.

— Помогите... Дайте мне воды, вина...

12

Комната первой картины второго эпизода. Перед взломанной и опустошенной витриной дама, с которой художник Кронидов писал портрет, сыщик, солидно одетый человек лет сорока, бритый; в руках у него лупа и темные очки. Он спрашивает:

— Итак, вы думаете, что это дело горничной?

— И — художника Кронидова. Он так интересовался этими вещами.

Сыщик, усмехаясь:

— Это мог быть интерес художника, а не вора.

— Но — он беден. И, мне кажется, он ухаживал за горничной. Они ведь не брезгливы, эти художники...

Сыщик пожимает плечами.

13

Небогатый ресторан. За столом художник Кронидов и актер. Они кончили обедать, пьют кофе, коньяк. Между столиками идет солидно одетый человек с острой бородкой, закрученными усами, в темном пенсне.

Это — тот сыщик, который был на месте кражи. Заметив художника, он садится за стол близко к нему. Художник, дурачась, обращает на себя общее внимание. Актер, вынув из кармана маленькое зеркало, рассматривает свою щеку, Кронидов отнял зеркало, пытается навести зайчиков на лица соседей, ему удалось навести луч на лицо сыщика, тот — ослеплен, вздрогнул, уронил из руки стакан; Кронидов смущенно вскочил со стула, подошел к нему, извиняется.

14

Все трое за одним столом. Кронидов и актер оживленно рассказывают сыщику о своей ночной забаве, художник показывает ему брошь.

— Мы дали объявление в газету о находке.

Сыщик, рассматривая брошь, спрашивает:

— Человек этот — среднего роста, резкое лицо, бритый...

— С бородкой.

— Гм. Бородка стоит дешево. Я за свою заплатил пять рублей... Хотите помочь мне, господа? Я знаю, где живет девушка, за которой ухаживает интересный мне молодой человек, очень ловкий. Поймать его — просто, но — этого мало. Вы не согласитесь повторить вашу шутку?

Кронидов — соглашается, актер — тоже.

15

[illegible]

Художник, сыщ[illegible]ичная в доме, где была кража. Сыщик что-т[illegible]рит горничной, она слушает его внимательно. В[illegible]дит хозяйка, горничная, не вставая, смотрит на нее с гневом, закусив губы. Кронидов, сухо поклонясь, отвернулся. Дама смотрит на всех в лорнет, говорит что-то сыщику, тот отвечает:

— Извините, но это дело полиции. Через пять минут я к вашим услугам.

Дама, сердито взглянув на всех, уходит. Художник грозит кулаком вслед ей, горничная гневно заплакала, сыщик, улыбаясь, успокаивает ее, Кронидов гладит по голове.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

1

Комната Елены. Яков лежит на постели, закрыв глаза. У стола доктор пишет рецепт, дает его Елене, она платит гонорар, доктор уходит. Елена подошла к Якову, он — неподвижен. Накинув платок на голову, Елена уходит с рецептом в руках. Яков Сорокин тотчас открыл глаза, встал, подошел к двери, запер ее, сел к столу, взял конверт, разорвал, читает. Смотрит в потолок, как бы вспоминает что-то, у него лицо больного человека. Затем он начинает углубленно передвигать невидимые фигуры шахмат. Иногда, вскинув голову, прислушивается, оглядывается, руки у него дрожат, движения их — неверны.

2

Коридор меблированных комнат. Слуга несет два чемодана, за ним идет горничная обворованной дамы. Приоткрылась дверь, из нее дико смотрит Яков.

3

Яков, с часами в руках, стоит среди комнаты, потирая лоб. Вдруг что-то решил, идет к двери.

4

Горничная у с[illegible]нате разбирает вещи из чемодана. Стук в д[illegible]ите!» Входит Яков, напряженно улыбается, [illegible]ивает; девушка испугана, удивлена. [illegible]

— Что вам нужно? Кто вы?

Яков подошел близко к ней, подмигивает, улыбается, говорит:

— Он — здесь, напротив вас, играет в шахматы.

— Этот — вор — да?

Яков утвердительно кивнул головою.

— Вы тоже сыщик? Ой, как интересно! Идите скорей, у подъезда извозчик, скажите ему, что вор — здесь...

Яков засмеялся, обнял ее, поцеловал, быстро ушел. Девушка возмущена, кричит:

— Дурак, негодяй!

5

Яков, без шляпы, старческими шагами вышел на подъезд, идет по улице странной походкой; через каждые два шага вперед он делает шаг налево, снова два шага и — шаг направо. Извозчик и прохожие смотрят на него усмехаясь, как на пьяного.

6

Горничная в конторе меблированных комнат говорит по телефону, она очень встревожена.

7

Из двери аптеки выходит Елена, видит толпу мальчишек, которые сопровождают Якова, забегая вперед, заглядывая в лицо ему. Яков молча, с неподвижным лицом, прыгает на них ходами шахматного коня, руки он держит, как ноги лошади, вставшей на дыбы, кулаки его сжаты. Елена подбегает к нему, он, молча, прыжком, сбил ее с ног.

8

Из подъезда меблированных комнат выбежала горничная, прыгает в экипаж извозчика.

— Куда сейчас пошел молодой человек без шляпы?

— Пьяный?

Извозчик показывает, куда пошел Яков, она толкает его в спину:

— Поезжай!

9

Прыгая всё быстрей, увлекая за собой толпу зрителей, Яков на площади; он ржет, как лошадь, стремясь к решетке монумента, Елена растерянно, с ужасом на лице, пытается остановить его, это невозможно, он отталкивает ее руками, грудью. Публика хохочет, забавляясь этой сценой.

10

Едет автомобиль, догнал извозчика, в экипаже которого горничная, остановился; горничная переходит в автомобиль, где сидят сыщик и художник, указывает вперед, едут.

11

Яков Сорокин достиг решетки монумента, уцепился за него, топает ногами. Елена пробует увести его с собою, он ее лягает, толкает, снова сбил на землю. Ее поднимают люди из толпы, она тоже, как безумная, вырывается из рук их.

12

Подъехал автомобиль, из него выскакивают сыщик, художник, горничная; Елена вырвалась из рук людей, державших ее, бросается к сыщику:

— Вы — доктор, да? Доктор?

Художник присматривается к Елене, вспоминая что-то; сыщик говорит ей:

— Я арестую вас. Подержите ее, дорогой Кронидов.

Идет к Якову, расталкивая людей.

13

Кронидов, держа Елену за руку, подозрительно, недоверчиво смотрит на нее:

— Что вы тут делаете, кассирша?

Елена, увлекая его за собою к решетке:

— Поймите, он — болен! О господи — поймите же — это несчастный человек!

Горничная кричит в лицо ей:

— Не притворяйся, не поверим! Мы знаем, кто вы оба,— воры!

14

У решетки все четверо. Сыщик положил руку на плечо Якова.

— Ну, Сорокин...

Яков прыгает в сторону, на Елену, кричит:

— Я — конь. Шах королеве!

Сыщик схватил его, борьба; Якова свалили на землю, подбежал полицейский, разгоняет публику, Елена стоит, закрыв лицо руками, художник смотрит на нее сумрачно, но сочувственно. Полицейский, извозчик и еще какие-то люди усаживают Якова в автомобиль, он отбивается.

15

К художнику подошел сыщик с письмом Елены в руках, спрашивает ее:

— Это вы писали?

— Да. Вы понимаете, что он сошел с ума? Понимаете?

Сыщик пожимает плечами:

— Кажется, это на ваше счастье...

Елена страстно, с великим отчаянием говорит ему:

— Он принес украденное ко мне, всё у меня под диваном. Но ведь он сошел с ума!

Горничная спрашивает художника:

— Она — притворяется, да?

Кронидов молча отмахнулся от нее. Все четверо идут с площади на улицу. Сыщик ведет Елену под руку, ласково говоря с нею, Кронидов и горничная идут сзади, художник опечален, горничная смотрит на него искоса, недовольно.

16

На углу улицы остановился, закуривая, Кротов; увидав идущих по площади к нему, неторопливо входит в дверь магазина.

17

Появляется Окунь, издали наблюдает за сыщиком и Еленой, видит, как они садятся в экипаж извозчика, быстро идет вслед за ним.

18

Дом умалишенных. По широкому коридору больные идут в столовую, целая процессия. Сзади всех озабоченно — ходами коня — прыгает Яков Сорокин. Он долго не может попасть в дверь.

19

Студия художника Кронидова, он работает. Ему позирует Елена в костюме монахини. У нее исстрадавшееся лицо, огромные испуганные глаза. Художник говорит:

— Я сыграл в вашей жизни печальную роль, хотя считаю себя веселым человеком.

Елена тихо улыбается, отвечая ему:

— Вы дали мне хорошую мысль — надеть этот костюм для вашей картины. Я решила не снимать его всю жизнь. Я боюсь людей.

ПО ПУТИ НА ДНО

ЭПИЗОД 1

ЛУКА

I

Сельский сход. *Мужики обсуждают вопрос о покупке лугов у помещика.* Сильное волнение, горячий спор, толпа — человек тридцать домохозяев, всё пожилые люди и старики. Особенно взволнован один из мужиков, человек лет сорока; он оборван, как нищий; он потрясает своими лохмотьями, хватает за руку женщину, свою жену; она вдвое моложе его, миловидна, одета приличнее его.

Мужика отталкивают — надоел, все бедны, он, видимо, жалуется на жену: плохая работница; жену конфузит отношение к нему, его бедность; вырывая из его рук свою, она тоже отталкивает его. Сход — на улице, пред избою старосты; староста сидит на крыльце, посмеиваясь, смотрит на борьбу жены и мужа, подмигивает ей. Староста впоследствии — Лука «На дне»; сейчас это лысоватый благообразный человек, лет 45. К волнению и спорам мужиков он относится равнодушно. *Сход выбирает депутацию к помещику*, четверых мужиков, в их числе — бедный мужик. Депутаты предлагают идти с ними старосте, он отказывается. Перекрестясь, депутаты идут. Остальные — расходятся по избам; староста остается сидеть на крыльце. Мимо его идет жена бедного мужика, спрашивает, усмехаясь:

— *Прийти?*

— *Приходи.*

Улицей идет старик странник, с палкой в руке, котомкой за спиною, с котелком для пищи у пояса; остановился против старосты, просит милостину; староста отмахивается от него рукою:

— *Ступай, ступай; много вас шляется, дармоедов!*

— *Смотри! Все люди — странники на земле, все некрепко на месте сидят!*

Эти слова раздражают старосту; сойдя с крыльца, он указывает страннику дорогу вдаль, толкает его в плечо:

— *Прочь! Марш!*

Странник — идет; отошел и, обернувшись, указывает рукою в небо, качает головой. Староста сурово смотрит на него, грозит ему пальцем.

II

Парк. Площадка для крокета. Играют: юнкер (ученик военного училища), его партнерша — дама, старше его лет на десять, эффектно одета, подчеркнуто красивые жесты актрисы. Противники: девочка-подросток, очень подвижная и комичная, молодой фатоватый человек, тоже актер. Юнкер — Барон «На дне». На скамье сидит, следя за игрою, отставной военный, больной человек, отец юнкера. Подходит горничная, докладывает:

— *Мужики пришли!*

Помещик морщится, встает; юнкер, подхватив его под руку, предлагает даме:

— *Идемте смотреть; мужики — это всегда смешно!*

III

Мужики излагают помещику свою просьбу; один из них всё время удерживает бедного, который хочет что-то сказать; он вырвался, бросился на колени и кричит о своей нужде; юнкер находит в его отчаянии что-то смешное, он и актер — смеются; дама — упрекая, останавливает их; помещик говорит:

— *Но — разве староста не сказал вам, что он уже купил у меня эти луга?*

Мужики — поражены. Один из них, надев шапку, идет прочь, двое других — смущенно опустили головы,

четвертый, простояв на коленях еще несколько секунд, поднимается медленно, пошатнулся. Юнкер, смеясь, бросает к его ногам монету, тот — не видит его, растерянно осматривая всех.

IV

Мужики возвращаются в деревню, обсуждая положение.

— *Теперь староста выжмет кровь из нас.*

Один из них говорит бедному:

— *Ты скажи твоей жене, чтоб она упросила старосту перепродать луга нам, он ее послушает, она ему — хозяйка.*

Все трое — смеются раздраженно. Четвертый смотрит на них, соображает, понял, бросается с кулаками. Его сбили с ног, ушли.

V

Полем идет мужик, рассуждая сам с собою, считает что-то на пальцах; остановился, смотрит вперед; у него лицо человека, переживающего тяжелую драму. Принял какое-то решение, быстро идет дальше.

VI

Ночь. Идет мужик с веревкой в руках, подходит к воротам старосты, прикрепляет веревку, сует голову в петлю. Это — своеобразный *обычай мести, принятый в племени мордвы: оскорбленный вешается на воротах оскорбителя.*

VII

Через полчаса. На крыльцо выходит староста, за ним — жена самоубийцы, она обнимает его, целует; он, ласково улыбаясь, гладит ее голову, щеку; она быстро сбегает с крыльца, идет налево, видит удавленника,— испугалась, бежит снова к старосте; он — встречу ей, отталкивает женщину, стоит, окаменев, не в силах оторвать глаз от самоубийцы. В первую минуту женщина может не узнать мужа, затем — узнаёт, вскрикнула, пятится, воровато оглядываясь, бежит прочь. Староста — прирос к земле, его голова опущена, руки повисли вдоль тела, так же как у самоубийцы.

VIII

Рассвет. Перед двором старосты — народ, мужики, бабы; смотрят на удавленника, на старосту; он стоит у крыльца; указывают на него глазами друг другу. К нему подходит один из мужиков-депутатов, говорит:

— *Что,— погубил человека?*

Старуха грозит палкой.

Староста смотрит исподлобья на людей, они всё ближе подвигаются к нему; возможно — сейчас его ударят, начнут бить.

IX

В улицу въезжает коляска, запряженная парой лошадей; в коляске — юнкер, дама, они встали, смотрят на удавленника, на толпу; юнкер смотрит так, как будто ищет и ждет: когда и кому надо аплодировать? Бабы ведут под руки жену самоубийцы, она бьется в их руках, боясь взглянуть на труп. Один из мужиков рассказывает юнкеру о происшествии; юнкер говорит даме своей:

— *Оказывается, это — драма.*

Внимательно и брезгливо наблюдая за женою самоубийцы, дама говорит:

— *Но на сцене, в театре движения и жесты этой женщины были бы неестественны и даже неприличны.*

— *Разумеется. Вообще, это — люди для неприличных трагикомедий. Кучер, пошел!*

Едут дальше.

X

Отвлеченные появлением коляски, люди несколько успокоились. Какая-то женщина предлагает старосте воду в ковше; он, отстраняя ее руку, сурово смотрит на жену самоубийцы, она — в стороне, среди женщин, издевающихся над нею. Староста шагнул вперед, говорит мужикам:

— *Отказываюсь от лугов в вашу пользу. Вижу — смутил меня дьявол.*

Медленно уходит в дом; среди мужиков радостное удивление, один из них, указывая на самоубийцу, говорит:

— *Не напрасно, значит, жизни решился.*

XI

Вечер. У ворот старосты — труп, покрытый рогожами или рядном. Перед крыльцом — мужики, бабы, мальчишки. На ступенях крыльца — полицейский чиновник — становой пристав, сзади его — стол, за столом писарь пишет протокол допроса. Староста стоит пред полицейским, говорит, указывая на жену самоубийцы:

— *Я ее насильно заставил жить со мной, она не виновата...*

Полицейский отдает приказ арестовать его; мужики берут старосту под руки, уводят. Полицейский грозит пальцем женщине, кричит на нее; она стоит, искоса глядя вслед арестованному; лицо ее — тупо, но из глаз катятся слезы.

XII

Ночь. Изба для арестованных, полускрытая деревьями; в стене — маленькое квадратное окно, его снаружи перекрещивают две нетолстые железные полосы. У двери сидит и спит мужик-сторож, на коленях у него — палка. В окне показывается рука, пробуя крепость прутьев железа, разгибает, отрывает их,— появляется лицо старосты. Среди деревьев — женщина, с камнем в руке, она показывает старосте камень, указывая другою рукой на сторожа. Староста делает запрещающие жесты, лицо его скрывается, он выламывает косяк окна, расширяя его.

XIII

Среди деревьев — староста и жена самоубийцы, она хватает его за руку, за плечо, говорит:

— *Не оставляй меня тут! Подумай — что со мной будет?*

— *А — со мной что будет?*

Скрывается в деревьях. Женщина смотрит вслед ему, оглянулась вокруг, идет куда-то.

XIV

Дорога, уходящая глубоко вдаль. Пустынное поле. Идет странник с котомкой за плечами, с палкой в руке,

у пояса — жестяной чайник и котелок; он одет совершенно так же, как странник первой картины, но это — староста, Лука.

ЭПИЗОД 2

САТИН

I

Маленькая комната, окно в сад; койка, полка книг, под нею — стол, на столе тоже книги, лампа, на стенах — репродукции картин. Вечер. У окна сидит телеграфист Сатин, 23—25 лет, увлеченно читает книгу, на нем белая тужурка. Поднимает голову; лицо — взволнованное, это лицо мечтателя. Он говорит, восторженно улыбаясь, как человек, который нашел истину:

— *Да, всё — в человеке, всё — для человека.*

Стук в дверь.

— *Войдите!*

II

Входит домохозяйка, бедно, но прилично одетая женщина с усталым, печальным лицом; Сатин — встает, вежливо подвигает ей стул, она жестом отказывается сесть, говорит:

— *Должна снова предупредить вас: завтра дом и всё имущество мое продадут с аукциона и я, с дочерью, буду выброшена на улицу.*

Уходит. Сатин, задумчиво и точно проснувшись, потирает щеки, глаза, потом смотрит в сад.

III

В саду, по дорожке, нервно ходит девочка, хромая, на костыле, ей лет 17—18. Обняла ствол дерева, прижалась к нему, плачет.

IV

Сатин ходит по комнате, возбужден, хочет закурить, в коробке нет спичек, с гневом бросает ее на пол, надел фуражку, уходит.

V

Задумчиво сидит в аллее городского сада, на скамье; в пальцах левой руки — незажженная папироса. Идут: юнкер — Барон — под руку с его дамой, юнкер курит. Приподняв фуражку, Сатин просит огня; пренебрежительно взглянув на него, юнкер бросает свою папиросу к ногам Сатина. Сатин — возмущен, гневно наступил ногою на дымящуюся папиросу, бросил свою, сжал кулаки, шагнул вслед юнкеру, но остановился, махнув рукою. Снова сел, вынул из кармана деньги, считает.

VI

Игорный дом. Сатин играет, за столом с ним фатоватый актер, полупьяный тучный человек и вороватый мещанин, лет сорока,— Костылев «На дне» должен напомнить о нем. Тучный человек ведет себя хвастливо, зажигает от огня свечи крупный кредитный билет, закуривает от него папиросу. Сатин видит это, хмурится, пред ним возникает хромая девушка, плачущая в саду. *(Повторить картину.)* Он смотрит на партнеров ненавидящими глазами. Он много выиграл, пред ним куча кредитных билетов. Человек, похожий на Костылева, незаметно сбрасывает рукавом деньги Сатина на колени себе, потом ставит их как свои.

VII

Игра — азартна, все, кроме тучного, возбуждены. Актер проигрывает, вороватый человечек — тоже. К тучному подходит дама сомнительных достоинств, курит, щурится, кладет ему руку на плечо, но делает глазки Сатину, он смотрит на нее сурово. Все — пьют; подносит вино лысый лакей с уродливым лицом.

VIII

Сатин — проиграл. Ставит часы. Тучный человек — хохочет. Вороватый, осмотрев часы, дает Сатину десять рублей. Сатин поставил, проиграл. Встает, очень медленно. Актер, тучный человек, дама — смеются,

IX

Сатин идет по улице. Он — сильно выпивши. Рассвет. Сатина догоняет вороватый человечек, говорит:

— *Я — тоже проиграл.*

Идет рядом, оглядываясь назад, убеждает:

— *Но выигрыш можно вернуть.*

— *Как?*

Их обгоняет извозчик, в экипаже — тучный человек и дама. Извозчик едет медленно, тучный человек качается, дремлет, поддерживаемый дамой. Спутник Сатина ускоряет шаг, увлекая за собою и Сатина.

X

К двери большого дома подъехал извозчик; тучный человек тяжело вылезает из экипажа, дама, тоже пьяная, делает ему прощальный жест рукою, толкает извозчика в спину, тот едет быстро, сворачивает за угол. Пошатываясь, пьяный человек пытается попасть пальцем в кнопку звонка, не попадает. На него с разбега налетает спутник Сатина, сваливает толчком на землю, садится верхом на живот, ловко роется в карманах, вскочил, сунул Сатину в руки пачку денег:

— Проигрыш и выигрыш!

Бежит. Сатин, взглянув на деньги, тоже бежит в другую сторону. Пьяный сел на земле, смотрит вслед ему и, медленно открыв рот,— кричит, глаза его закрыты; очень комичен.

XI

Утро. Сатин — дома, ходит по комнате, прислушивается. На столе пачка денег, он косится на них. Входит домохозяйка. Сатин указывает ей на деньги:

— *Я достал для вас немного денег, может быть, вы возьмете?*

— *Это очень великодушно, но... вы сами бедный человек...*

Она очень тронута, почти до слез, смотрит на него благодарно, обращается к двери, зовет:

— *Лиза!*

Входит хромая девушка, мать объясняет ей, в чем дело. Сатин стоит боком к ним, девушка подходит к нему:

— *Откуда у вас эти деньги? Это — ваши, это — честные деньги?*

Сатин отвечает не вдруг, пожимая плечами:

— *Да, честные; я заплатил за них моей честью...*

— *Это — двусмысленно... Мама — на минуту!*

Уводит мать. Сатин схватил деньги и рвет их, бросает на пол, расшвыривает ногами. В ту же минуту входит полицейский чиновник, за ним — тучный человек, его дама, еще полицейские, комната наполняется людьми, Сатина хватают за руки. Он — не сопротивляется, покорен.

XII

Ночь. Камера тюрьмы. На нарах — пятеро арестантов; они при свете двух огарков свеч играют в карты. Благообразный арестант с окладистой бородою, с подкрученными вверх усами, обучает товарищей играть фальшиво. Среди его учеников — Сатин.

XIII

Камера. Все уснули. Сатин сидит на нарах, обняв колени руками, покачиваясь. Потом встал, подошел к стене, царапает ее осколком стекла; из-под его руки на стене являются слова:

«Всё — в человеке, всё — для человека!»

Смотрит на эти слова и смеется.

ЭПИЗОД 3

БАРОН, НАСТЯ

I

Лотерея-аллегри в пользу бедных в провинциальном городе. Зал с колоннами и хорами; киоски, дамы продают шампанское, фрукты, цветы. На эстраде дама, с которой Барон играл в крокет, неистово декламирует стихи, у нее — преувеличенные жесты бездарного человека. В одном из киосков продает шампанское толстая

дама, одетая роскошно и безвкусно, сзади ее миловидная горничная, это — Настя «На дне», она убирает пустые бутылки, моет бокалы.

II

По залу ходит Барон, покупая в киосках разные вещи, он уже весь обвешан купленными вещами, к пуговицам его жилета, к лацканам фрака привешены детские игрушки, куклы, лошадки, паяцы, к галстуку он прицепил ручное зеркало, в одной руке — бильбоке, другою он раздает свои покупки дамам. Он делает это смешно и вообще ведет себя ребячливо, но — мило и забавляет людей. Даме, которая декламировала, он предлагает ручное зеркало, говоря:

— *Вам, отражающей в себе души женщин всего мира!*

Она спрашивает:

— *Ты достал денег?*

— *Да, но они уже разлетелись, как птички.*

Легким движением руки она отстраняет его, отходит.

III

У киоска двое: Барон и офицер-улан, очень картинный, в лаковых сапогах, сабля; фат; хорошо знает, что он красив. Его появление ослепляет Настю до того, что из рук ее выпал бокал, разбился. Толстая дама делает ей выговор. Барон шутит с дамой, пьет шампанское с нею; Барон — нетрезв, комичен, но не потерял сознания своего комизма, он даже играет на нем.

IV

Танцы. На хорах играет военный оркестр. Среди танцующих, мешая им, ходит Барон, раздает с поклонами игрушки дамам. Его дама танцует с уланом мазурку. За колонной — Настя, очарованно следит, как танцует улан. За Настей наблюдает тучный человек в сюртуке, уже знакомый по эпизоду Сатина. Облизывая усы, подкручивая их, он подходит к Насте, заговаривает с нею, она отвечает, не отрывая глаз от улана,

V

Кончили танцевать. Идет улан с дамой. Барон дает улану игрушечную лошадку:

— *Вот — золотой конь, необходимый тебе, на нем ты всего быстрее достигнешь — любви!*

Дама гневно сверкнула глазами:

— *Вы находите это остроумным?*

Барон — кланяется, пошатнулся.

VI

Настя слышит слова Барона, вздыхает. Человек в сюртуке, усмехаясь, говорит ей что-то. Толстая дама нашла Настю, делает ей сердитый выговор; Настя не сразу обращает внимание на нее, она — как во сне. Тучный человек отошел.

VII

Из двери под вывеской «Контора по найму прислуги» выходит Настя. Плохо одета, очень похудела. На улице, пред конторой, играет на гитаре и поет старик, уличный музыкант. Настя остановилась, слушает. Идет Барон, одетый небрежно, тоже остановился. Берет гитару из рук старика, пробует играть, не умеет, смеется. Настя ушла. Барон предлагает старику продать инструмент, тот отказывается. Барон вынимает из карманов деньги, сует их в руку старика; наконец удивленный старик отдает ему гитару, быстро уходит прочь, оглядываясь. Барон идет в противоположную сторону, пробуя струны, задевает грифом тучного человека, тот сердито кричит. Барон взглянул на него, улыбнулся, идет дальше.

VIII

На скамье городского бульвара сидит Барон, пробует играть на гитаре. Грозит ей пальцем. Снова играет. Перестал. Задумался. И, с размаха ударив гитарой по дереву, вдребезги разбив ее, швыряет прочь гриф, идет, сунув руки в карманы, насвистывая.

IX

Ворота тюрьмы. В стороне от них, прислонясь к столбу фонаря, стоит вороватый человечек,— тот, который ограбил пьяного. Ворота открываются; из них выходит с узелком в руке красивая девушка,— впоследствии это Василиса «На дне». Пугливо оглядывается, быстро идет. Вороватый человечек следует за нею.

X

Настя, с книгой в руке, сидит на скамье в аллее городского сада, глаза ее закрыты; в мечтах она видит улана, танцующего мазурку. По аллее идут пятеро арестантов, сопровождаемые тюремным надзирателем. Сзади всех — Сатин, он показывает девушке, сидящей на скамье, нос, смеется, говоря что-то надзирателю.

XI

Тучный человек садится на скамью рядом с Настей. Вынул портсигар, закуривает. Настя взглянула на него равнодушно, не узнала. Он, приподняв шляпу, заговаривает с нею.

XII

Сатин сидит на земле, около дорожки сада, дробит молотком камни на щебень для мощения дорожки. Мимо его идут Настя и тучный человек; последний, размахивая тростью, почти задел Сатина; тот сердито вскинул голову, но тотчас же быстро опустил ее, искоса, волком смотрит в спину тучного человека.

XIII

Улица. Маленькая церковь. С паперти ее сходят: только что обвенчанные вороватый человечек — Костылев — и девушка — Василиса; ее сестра Наташа, лет семи-девяти; полицейский Медведев, молодой, с глупым лицом; толстый скорняк Бубнов. У Василисы — лицо приговоренной к несчастию.

Верхом на лошади едет Барон, задумчив, наезжает на людей, идущих из церкви, своротил, пришпорил лошадь, едет рысью,

XIV

В загородном ресторане за столиком сидит Барон и, разрывая газету, делает из кусков бумаги фигурки гусей, коробочки, лодки. Против него, за столом,— тучный человек, пьет вино и наблюдает за Бароном. Барон, заметив это, улыбается, предлагает:

— *Послушайте, купите у меня лошадь.*

— *Я покупаю только женщин.*

Барон усмехнулся, встал, подошел к нему, сел рядом.

XV

На извозчике едут, распевая, Барон и его новый знакомый, оба пьяные. Извозчик, качая головою, смеется.

СОМОВ
И ДРУГИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сомов.
Анна — его мать.
Лидия — жена.
Яропегов.
Богомолов.
Изотов.
Дуняша — горничная.
Фекла — кухарка.
Троеруков.
Лисогонов.
Силантьев.
Титова.
Арсеньева — учительница.
Дроздов.
Терентьев.
Людмила.
Крыжов.
Китаев.
Семиков.
Миша.

С о м о в — инженер, лет 40,— говорит суховато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью — резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая свое честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

А н н а — его мать, лет 60,— женщина бодрая, хороших «манер».

Л и д и я — лет 27,—ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности ее, и потому она тянется к ней.

Я р о п е г о в — лет 40—42,— школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Б о г о м о л о в — лет 60,— обижен, обозлен.

И з о т о в — лет 55,— картежник, любит поесть, выпить.

Т р о е р у к о в — неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои неудачи.

Т и т о в а — лет 45,— толстая, пошлая, неглупая.

А р с е н ь е в а — лет 30,— человек, увлеченный своим делом.

Т е р е н т ь е в — лет 35,— рабочий, директор завода, добродушен.

Д р о з д о в — лет 30,— красив, суров, недоверчив.

К и т а е в — лет 30.

К р ы ж о в — за 60 лет.

С е м и к о в — лет 25—23,— вялый парень.

М и ш а — лет 20.

Д у н я ш а — тоже.

Л ю д м и л а — 18—20 <лет>.

Ф е к л а — за 60 лет.

Л и с о г о н о в — тоже.

С и л а н т ь е в — лет 45.

⟨ПЕРВЫЙ АКТ⟩

Новенькая деревянная дача. Терраса; у стола — Анна Сомова, в капоте, пенсне; читает газету; пред нею — кофейный прибор.

Дуняша. Спекулянт масло принес.

Анна. Во-первых: надо говорить — частник, а не спекулянт.

Дуняша. Мы так привыкли.

Анна. Спекулянт — обидное слово, обижать людей — дурная привычка. Во-вторых: где Фекла?

Дуняша. Ушла куриц покупать, что ли...

Анна. Пусть Силантьев подождет.

Дуняша. Он денег хочет.

Анна. Просит, а не — хочет.

Дуняша. Не хотел бы, так не просил.

Анна. Вы говорите много лишнего. Пусть придет сюда. *(Сердито, через газету, смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице Силантьев, мужик лет 45.)* Здравствуйте, Силантьев!

Силантьев. Доброго здоровья, Анна Николавна.

Анна. Ну, что у вас, как — дочь?

Силантьев. Плохо.

Анна. Не помогает доктор?

Силантьев. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

Анна. Что ж она говорит?

Силантьев. Да ведь что ей говорить? Она не ее, она — меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не ее мыслями. Я ей говорю: «Ты — брюхо лечи, а не душу, душу лечить — дело не твое! Ты, говорю, себе душу-то полечи».

А н н а. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

С и л а н т ь е в. Новая-то у вас бойка больно.

А н н а. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

С и л а н т ь е в. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: «На Кавказ, говорит, надобно Марью-то». Это — в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

С и л а н т ь е в. Учит меня: «Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь»!

А н н а. Они — завистливы на чужое богатство.

С и л а н т ь е в. Ну да! Понимают, что человек без денег, как птица без крыльев...

А н н а. А всё, что у нас отняли,— промотали...

С о м о в. Надо бы кофе...

А н н а. Ах, ты здесь? Позвони...

С о м о в. Не действует звонок. Вы уж сами...

А н н а. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

С и л а н т ь е в. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

⟨*Силантьев уходит.*⟩

А н н а. Хорошо, хорошо! *(Подходит к двери, звонит).* Звонок действует.

С о м о в. Не одобряю я эти твои беседы.

А н н а. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что же,— хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

С о м о в. А ты организуешь возмущение, да?

А н н а. Мне кажется — с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

С о м о в. Прости. Но твои «беседы с народом», вроде этого торгаша, Лисогонова и...

А н н а. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живешь с умниками, а я привыкла жить с глупыми — но честными...

С о м о в. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полуумный, но подозрительный учитель пения...

Анна. Он — учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

Сомов. Послушай, мама...

⟨*Входит Яропегов.*⟩

Яропегов. Бонжур[1], мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

Сомов. Есть.

Яропегов. Советую: бей мух головной щеткой!

Сомов. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Яропегов. Это — не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щеткой несколько десятков мух. Кстати об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везет Советской власти!

Анна. А — кто везет? Это — вы, вы везете! Страшно подумать, что вы делаете... *(Возмущена почти до слез, уходит, говоря.)* Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Яропегов. Боевое настроение мамаши всё повышается...

Сомов. Здесь это еще более неуместно, чем в городе.

Яропегов. Ты хотел весной отправить ее и Лидию за границу?

Сомов. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Яропегов. Как спали, Дуня?

Дуняша. Лежа, Виктор Павлович.

Яропегов. А что во сне видели?

Дуняша. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Яропегов. Браво!

⟨*Дуняша уходит.*⟩

Сомов. Дерзкая девчонка.

Яропегов. Очень милая курочка!

Сомов. Я смотрю на нее не с точки зрения петуха.

Яропегов. Ты что сердишься? Не выспался?

---

[1] Добрый день *(франц.)*.

Сомов. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугунным его простодушием. И кончил так: «Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, любуюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?»

Яропегов. Ну, и — что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

Сомов. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Яропегов. Какой язык!

Сомов. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Яропегов. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

Сомов. Ты! Доверие необходимо нам, всем, а — не единице! Против нас — масса, и не надо закрывать глаза на то, что ее классовое чутье растет. Ты читаешь им что-то такое, ведешь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Яропегов *(смеется)*. Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду — мне это нравится.

Сомов. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолову.

〈*Входит Фекла.*〉

Фекла. Николай Васильич...

Сомов. Что вам нужно?

Фекла. Анна Николавна спрашивает: придет к завтраку кто-нибудь?

Сомов. Да. Двое.

Фекла. А что готовить?

Сомов. Ну... Всё равно!

Яропегов. Что у вас есть?

Фекла. Курочка есть хорошая.

Яропегов. Опять курочка! Побойтесь бога...

Фекла. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Я р о п е г о в. Фекла Петровна,— неужто бога-то не боитесь?

Ф е к л а. Нет, Виктор Павлыч, веселый человек, не боюсь! Я — старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил,— вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Я р о п е г о в. Мозгов у нас своих избыток.

Ф е к л а. А — не хватает завтрак заказать.

С о м о в. Послушайте, идите к жене...

Ф е к л а. Почивает еще.

С о м о в. Ну... Вы мешаете нам!

Ф е к л а. Так я — ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина. ⟨*Уходит.*⟩.

С о м о в *(раздражен)*. Удивляюсь, как ты можешь болтать с этой дурой!

Я р о п е г о в. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь ее — сплошная драма, но она рассказывает ее в юмористическом тоне...

С о м о в. Ах, пошли ты ее к чёрту!

Я р о п е г о в. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне!

С о м о в. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Я р о п е г о в. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже — готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

С о м о в. Брось болтать чепуху, Виктор.

Я р о п е г о в. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед—дьякон, отец—унтер-офицер...

С о м о в. Ах, не говори пошлостей...

Я р о п е г о в. Ну, брат, классовая заквасочка — не пошлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

С о м о в. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

Я р о п е г о в. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его — насквозь антисоветская пропаганда.

С о м о в. Чепуха! Просто он — как всегда — грубовато говорил...

Я р о п е г о в. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это — что? Воздействие шахтинского процесса?

С о м о в. Ядовитости — не замечаю, а «самокритика» сильно растет. Ну, разумеется, и шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Я р о п е г о в. Возбуждает надежды?

С о м о в. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Я р о п е г о в. Гм! Так ли? По-моему, лучшие из них — неизлечимые алкоголики от идеологии. Идеология у них — 90%.

А р с е н ь е в а *(входит на лестницу)*. Лидия Борисовна дома?

С о м о в. Да. У себя. Пожалуйста...

Я р о п е г о в. Это — что?

С о м о в. Учительница, подруга жены по гимназии.

Я р о п е г о в. Какая... гм! Партийка?

С о м о в. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку приедет Богомолов...

Я р о п е г о в. Настраиваюсь благоговейно.

С о м о в. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о ее восстановлении, расширении и так далее. Я — решительно против этого. Не вижу смысла реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться к концессиям, иначе...

Я р о п е г о в *(закуривая)*. И так далее. В общем — гениально.

С о м о в. У Богомолова — личные причины, какая-то старая связь, даже, кажется, родство с Лисогоновым. *(Гудок автомобиля.)* О, чёрт! Кто это?

Я р о п е г о в. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

С о м о в. Не очень приятная фигура.

Я р о п е г о в. Интересный парень, кажется.

〈*Входят Терентьев и Дроздов.*〉

Т е р е н т ь е в. Почтение строителям!

(Дроздов молча пожимает руки.)

С о м о в. Добрый день, Иван Иванович...

Терентьев. День — хорош, да вот из Москвы — нагоняй нам. Читали?

Сомов. Нет. Где?

Терентьев. А — вот!

Яропегов *(Дроздову)*. Курите?

Дроздов. Спасибо.

Яропегов. Охотник?

Дроздов. Балуюсь. А — как вы догадались?

Яропегов. Видел вас в лесу с ружьем.

Дроздов. Ага! *(Отходят в дальний угол террасы.)*

Сомов. Ну, это пустяки!

Терентьев *(вздыхая)*. Самокритика, конечно...

Сомов. Да, загибают...

(Лидия, Арсеньева — выходят из комнаты.)

Лидия. Может быть, ты позовешь товарищей к себе?

Сомов. Да. Пожалуйте, Иван Иванович.

Терентьев *(пристально и удивленно смотрит на Арсеньеву, зовет)*. Борис — идем!

(Трое ушли. Яропегов остался, сидит на перилах.)

Лидия *(звонит)*. Да, очень скучно! В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

Арсеньева. Город затхлый.

Лидия. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

Арсеньева. А ты сама сделай.

Яропегов. Зато — легко потерять лицо.

Лидия. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Яропегов. Весьма рад!

Лидия. Я — не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Яропегов. Это — лучше всего гарантирует от ошибок.

Лидия. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность — ошибка.

Я р о п е г о в. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С ее политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(Дуняша — в дверях.)

Л и д и я. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Д у н я ш а. Наверху была. ⟨*Уходит.*⟩

Я р о п е г о в. Вы, я слышал, учительница?

А р с е н ь е в а. Да.

Я р о п е г о в. Совершенно не похожи.

А р с е н ь е в а. Это — порицание или комплимент?

Я р о п е г о в. Комплименты говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

А р с е н ь е в а. Мне приятно, что вы дорожите временем.

Л и д и я. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажер, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

С о м о в *(кричит.)* Виктор!

Я р о п е г о в. Пардон! ⟨*Уходит.*⟩

А р с е н ь е в а. Кто это?

Л и д и я. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко — шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

А р с е н ь е в а. Нет, спасибо! После такой характеристики — расхотелось.

Л и д и я *(смеется)*. Ты удовлетворена жизнью?

А р с е н ь е в а. Нет, конечно. Я даже и не представляю,как можно быть удовлетворенной в наше время.

Л и д и я *(подумав)*. Это ты сказала что-то серьезное, я не понимаю!

А р с е н ь е в а. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна,— не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает,— не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

Л и д и я. Вот какая ты стала... философка! И тебе

искренно хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Как просто! Да, и — всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

Арсеньева. Я сочувствую работе партии.

Лидия *(вздохнув)*. Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

Арсеньева. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Лидия. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

Арсеньева. Разве?

Лидия. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он — независим. Сочувствовать — значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

Арсеньева. Ты замени кого-то чем-то.

Лидия. Не понимаю! И — вообще — что случилось? Фабрики всегда строили.

Арсеньева. Строили, да — не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Лидия. Это и называется — утопия? Кстати: ты купалась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Удивительно ты говоришь — да! Вот идет Миша. ⟨*Миша входит.*⟩

Миша. А, чёрт...

Лидия. Он всегда ругается.

Миша. Вовсе не всегда.

Лидия. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

Миша. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Лидия. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

Миша. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Лидия. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблен в меня.

Миша. Я? В вас? Ну, уж это — дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Лидия. Серьезно?

Миша. Ну конечно!

Лидия. Я очень рада, если так.

Миша. Да уж так! А радоваться — нечему. И — неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Лидия. Вы успокоили меня, Миша!

Миша. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Лидия. Я — молчу.

Арсеньева. Вы, Миша, не в духе?

Миша. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев — разрешил, а он — нельзя! Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

Арсеньева. Дроздов — здесь, я поговорю с ним.

Лидия. Пейте кофе, Миша!

Миша. Ладно. То есть — спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит: это пустяки! Флаги истрепанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а — каким чёртом мы самообложимся?

Лидия. Ох, Миша...

Миша *(успокоительно)*. Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого — не проживешь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали 73, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(Терентьев, Дроздов, Сомов.)

Терентьев. Значит — так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

Арсеньева. Можно вас на пару слов?

Дроздов. Всегда готов! *(Идут, Миша за ними.)*

Сомов. Хотите кофе, Иван Иванович?

Терентьев *(глядя вслед уходящим)*. С удовольствием. С удовольствием.

Сомов. До свидания. *(Ушел.)*

Терентьев. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Лидия. Очень хорошая погода.

Терентьев. Именно! Это... эта женщина — кто такая?

Лидия. Учительница в Селищах, подруга моя.

Терентьев. Та-ак. Что же это я ее не видал раньше?

Лидия. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Терентьев. А вы... давно знаете ее?

Лидия. В гимназии учились вместе.

Терентьев. В каком городе?

Лидия. В Курске.

Терентьев. Ага! Вот оно что!

Лидия. Что это вас обрадовало?

Терентьев. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нем при белых.

Лидия. Ужасные дни!

Терентьев. Да, на войне страшновато. Особенно—ежели отступать. Наступать — это очень легко.

Арсеньева *(возвращается)*. Ну, Лида, мне нужно идти в село.

Терентьев. Погодите-ко, позвольте... то есть— извините! Ведь вы — дочь доктора Охотникова?

Арсеньева. Да. Но я вас не помню...

Терентьев. Ну — где же помнить! Однако это я самый лежал у вас, в квартире, в Курске, раненый...

Арсеньева. Федор... забыла как! Узнать вас трудно.

Терентьев. Еще бы! Почти восемь лет прошло. К тому же я тогда был Степан Дедов, а настоящее имя мое Иван Терентьев. И растолстел, всё в автомобилях живу. Вот видите — встретились, а? Чёрт знает что! Учительствуете?

Арсеньева. Да.

Терентьев. Так. В партии?

Арсеньева. Нет.

Т е р е н т ь е в *(несколько огорчен)*. Почему?

А р с е н ь е в а. Сразу не расскажешь.

Т е р е н т ь е в. А я думал, что вы, после того — в партию! Ваше поведение...

А р с е н ь е в а. Ну, какое же поведение!

Т е р е н т ь е в. Однако — риск!

А р с е н ь е в а. Тогда не одна я рисковала.

Т е р е н т ь е в. Нашли бы меня у вас — пуля вам или — вешалка... Ну, а отец?

А р с е н ь е в а. Его, как врача, мобилизовали белые, а на другой день какой-то пьяный офицер застрелил его...

Л и д и я. Как ты... спокойно!

Т е р е н т ь е в. Та-ак! Хороший был человек! *(Лидии.)* «Вы, говорит, желаете жить? Ну, так делайте что вам велят!» *(Смеется.)* Вот история! И дает рыбий жир. Противная жидкость, да и команда эдакая: делай что велят! А я с 19-ти лет делал чего не велят, и мне уже было 27. В тюрьме сидел, в ссылке был, бежал, работал нелегально, считал себя совсем готовым человеком. И — вдруг: делай что велят, пей рыбий жир! Положим, кроме рыбьего жира, питаться нечем было. *(Арсеньевой.)* Его ведь звали Иван Константинович? Что ж, Катерина Ивановна,— по всем правилам нам следует возобновить знакомство?

А р с е н ь е в а. Я — не прочь.

Т е р е н т ь е в. Чудесно! *(Лидии.)* Заговорили мы вас? То есть это я заговорил...

Л и д и я. Нет, что вы! Мне интересно... Хорошо встретились вы...

Т е р е н т ь е в. Хорошо? Да, бывает.

Д р о з д о в *(за террасой)*. Катерина Ивановна — ждем! Ваня всегда с дамами.

Т е р е н т ь е в. Это — с больной головы на здоровую.

Д р о з д о в. Ты, Ваня, с Катериной Ивановной осторожно, она — человек враждебный нам.

Т е р е н т ь е в. Не верю!

А р с е н ь е в а. Не нам, а — вам, товарищ Дроздов. До свидания, Лида.

Л и д и я. Ты вечером придешь?

Арсеньева. Нет.

Лидия. Приходи!

Арсеньева. Не могу, дело есть. *(Идет с Дроздовым.)* Так вы не забудете?

Дроздов. Всегда готов служить вам.

Арсеньева. Не мне, а ликбезу. Я в услугах ваших не нуждаюсь.

Дроздов. Строго.

〈Арсеньева и Дроздов уходят.〉

Терентьев *(задумчиво глядя вслед им)*. Ну, пойду и я. До свидания.

(Лидия одна, позванивает чайной ложкой по графину с водой.)

Дуняша *〈входит〉*. Лисогонов пришел...

Лидия. Вы знаете, что Николай Васильевич уехал. Пусть он идет к Анне Николаевне.

Дуняша. Он вас спрашивает.

Лидия. Я не могу принять его.

〈Входит Лисогонов.〉

Дуняша *(усмехаясь)*. А он уж кругом обошел, старый чёрт...

Лисогонов. Разрешите, уважаемая...

Лидия *(встает)*. Что вам угодно? Я чувствую себя плохо.

Лисогонов. Все, все плохо чувствуют себя! Местность нездоровая, болото близко,— местность эта не для интеллигентных людей... Рабочие, конечно...

Лидия. Вы именно ко мне, да?

Лисогонов. Именно-с! Вот вы на спектакле сожаление выразили, что теперь нельзя достать кружев старинных. Действуя по симпатии, всё можно достать! И вот-с мамаши моей кружева желал бы преподнести...

Лидия. Простите, я должна... распорядиться... *〈Уходит.〉*

Лисогонов *(прячет кружева, ворчит)*. Дура, дур-ра... *(Надулся, покраснел.)*

(Анна Сомова, Титова.)

Анна. Здравствуйте, Евтихий Антонович!

Лисогонов. Нижайшее почтение!

Т и т о в а. Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий?

Л и с о г о н о в. Платок.

Т и т о в а. Двадцать лет человека знаю и — хоть бы что! Замариновался, как гриб в уксусе.

Л и с о г о н о в. В слезах замариновался.

Т и т о в а. Чужих слез ты много пролил, это известно!

Л и с о г о н о в. Любишь ты, Марья Ивановна, насмешки...

Т и т о в а. А что мне любить осталось?

А н н а. Лидия сказала — кружева продаете?

Л и с о г о н о в. Я? Нет. То есть я хотел... но могу и продать.

А н н а *(рассматривает кружева)*. Русские...

Л и с о г о н о в. Не знаю-с. *(Титовой)* Нам, обойденным людям, смеяться друг над другом не следовало бы.

Т и т о в а. Разве я со зла смеюсь? Я — от удивления. Гляжу вот на тебя, сома, и — смешно: как это сом допустил, что ерши на сухое место загнали его и стал он ни рыба, ни свинья?

А н н а. Марья Ивановна грубовато говорит, такая у нее манера, а говорит она всегда умно.

Л и с о г о н о в. За это, за ум, и прощается ей...

Т и т о в а *(рисуясь)*. И на пролетариев смотрю — удивляюсь! Ах ты, думаю, пролетариат, пролетариат, и куда ты, пролетариат, лезешь?

Л и с о г о н о в. Н-да... Величайшие умы и силы, от Христа до Столыпина, пробовали жизнь по-новому устроить...

А н н а. Надолго испортили жизнь.

Т и т о в а. А, бывало, придешь к частному приставу, дашь ему кусочек денег, скажешь: «Ах, какой вы умный!» Верит, идиот, и способствует.

А н н а. В полиции офицера гвардии служили...

Л и с о г о н о в. И все были сыты.

Т и т о в а. И везде, на всех видных местах, благожелательные идиоты сидели...

А н н а *(обиженно)*. Но — почему же идиоты?

Т и т о в а. Так уж теперь считают их, а они, ко-

нечно, просто благожелательные были. Я хорошо людей знаю, у меня ведь магазин модный был и отделеньице наверху для маленьких удовольствий. Посещали меня всё богачи да кокоточки, генералы да ренегаты...

Анна. Позвольте,— какие ренегаты?

Титова. Ну, эти... как их? Деренегаты.

Анна. Дегенераты?

Титова. Вот, вот! Попросту — выродки...

Анна. Смешная вы.

Титова. Я — добрая, я никого не хаю, все люди кушать хотят и удовольствия немножко.

Лисогонов. И уж не так жадны, брать — брали, да — не всё! А поглядите, до чего теперь жадно стали жить!

Анна. Да, да! Всякую дрянь собирают, какое-то утильсырье, это в России-то! Какой стыд пред Европой!

Титова. А что им Европа? Они вон мордву грамоте научили...

(Дуняша — выглянула с половой щеткой в руке.)

Анна. Пойдемте в лес, посидим там.

Титова.

На песочке, над рекой,
Где приволье и покой.

Лисогонов. Земля у нас золотом плюется, так сказать...

Анна. Как ваши дела?

Лисогонов. Да — что же? Вокруг — строятся, а мой заводик стоит, как был. Случится что-нибудь... переворот жизни, например,— у всех прибыло, всем — пристроено, а я окажусь, как есть, в нищих...

Титова. Врешь, Евтихий! Деньжонки у тебя есть...

Лисогонов. Какие? Где?

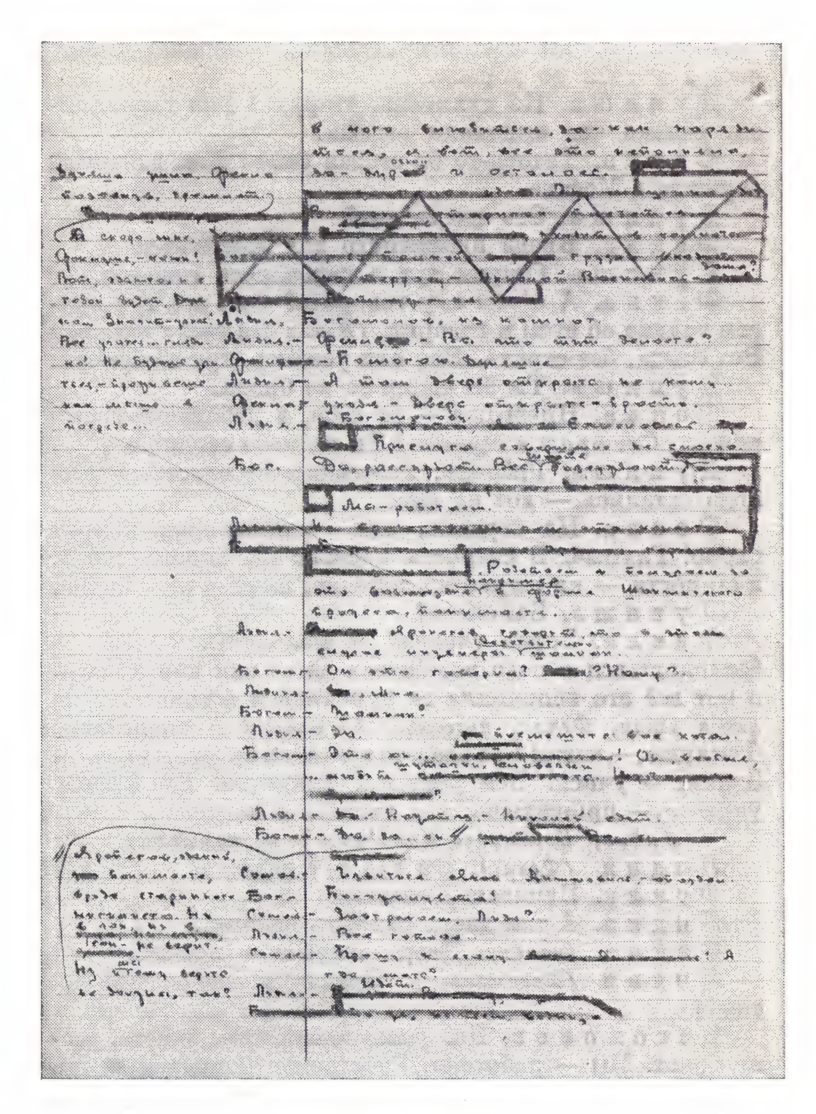
Титова. Золотые. Спрятаны.

Анна. Сколько же вы хотите за кружево?

Лисогонов. Да... как сказать? Кружево редкое.

(Ушли. Дуняша вышла, убирает со стола, напевая. Метет.)

⟨Входит Фекла.⟩

«СОМОВ И ДРУГИЕ».
Страница автографа.

Ф е к л а. Ты что это, Дунька, замерзла? Скоро час, а у тебя не убрано.

Д у н я ш а. Не хулигань, старуха! Вон тараканы-то, только что выползли отсюда.

Ф е к л а. Титова-то бо-огатая была! Дом свиданий держала в Москве.

Д у н я ш а. Это что за дом?

Ф е к л а. Вроде публичного для замужних.

Д у н я ш а. Старик тут о перевороте говорил.

Ф е к л а. А о чем ему говорить? Они все тут кругом только об этом и говорят. *(Взяла два куска сахара.)* Без стыда, без страха. Вон они уселись, три мухомора.

Д у н я ш а. Ты бы сахар-то не брала.

Ф е к л а. Ничего, я — не себе, а ребятишкам сторожа. *(Смотрит в деревья.)* Ты на кого сердишься?

Д у н я ш а. Рабочая, крестьянская власть, а господа остались,— вот на кого.

Ф е к л а. Не сердись, они — старенькие, помрут скоро! Глупые. В старости надобно бы хорошо жить, в старости — ни жарко ни холодно, ничему не завидно.

Д у н я ш а. Замолола!

Ф е к л а. Верно говорю! В молодости живешь — беспокоишься в кого влюбиться да — как нарядиться, я вот всё это исполняла да дурочкой и осталась. *(Дуняша ушла, Фекла, позевнув, дремлет.)* А скоро мне, Феклуше,— каюк! Вот эдак-то и с тобой будет, Дунька... Значит — учись! Все учатся... гляди-ко! Не будешь учиться,— проживешь, как мышь... в погребе...

(Лидия, Богомолов ⟨выходят⟩ из комнат.)

Л и д и я *(Фекле)*. Вы что тут делаете?

Ф е к л а. Помогаю Дуняшке.

Л и д и я. А там дверь открыть некому...

Ф е к л а *(уходя)*. Дверь открыть — просто.

Л и д и я *(Богомолову)*. Прислуга совершенно несносна.

Б о г о м о л о в. Да, рассуждает. Все, знаете, рассуждают. Мы — работаем. Работаем и получаем за это возмездие, например, в форме шахтинского процесса, понимаете...

Л и д и я. Яропегов говорит, что в этом случае инженеры действительно шалили.

Б о г о м о л о в. Он это говорил? Кому?

Л и д и я. Мне.

Б о г о м о л о в. Шалили?

Л и д и я. Да.

Б о г о м о л о в. Это он... посмешить вас хотел! Он вообще... любит шуточки, словечки.

Л и д и я. Кажется,— Николай едет.

Б о г о м о л о в. Да, да, он! Яропегов, эдакий, понимаете, вроде старинного нигилиста. Ни в чох ни в сон — не верит. Ну и мы ему верить не должны, так?

⟨*Входит Сомов.*⟩

С о м о в. Извините, Яков Антонович,— опоздал!

Б о г о м о л о в. По-ожалуйста!

С о м о в. Завтракаем, Лида?

Л и д и я. Всё готово...

С о м о в. Прошу к столу! А где мать?

Л и д и я. Идет.

С о м о в. Водочки?

Б о г о м о л о в. Водку хорошо пить с Яропеговым,— да вот и он! Здравствуйте, дорогой!

⟨*Входит Яропегов.*⟩

Я р о п е г о в. Мое почтение.

Б о г о м о л о в. Я вот только что, знаете, сказал, что вы, умея вносить во всякое дело остроту, эдакую, понимаете... легкость...

Я р о п е г о в. Водку пью легко?

Б о г о м о л о в. Что и делает ее приятней. Даже, знаете, некролог Садовникова вы написали несколько...

Я р о п е г о в. Покойников некрологи не интересуют.

Б о г о м о л о в (*смеется*). Да ведь некрологи-то не для них и пишутся, а — для нас.

А н н а ⟨*входит*⟩. Здравствуйте, Яков Антонович!

Б о г о м о л о в. Мое почтение, уважаемая.

А н н а. Ф-фу! Посмотрели бы вы на реке — ужас! Мужчины, женщины, совершенно голые...

Б о г о м о л о в. Да, да! Как в раю...

А н н а. Как в аду... это — вернее!

С о м о в (*подвигая стул матери*). Садись, мама!

Б о г о м о л о в. Эх, замечательная водка была в наше время!

ВТОРОЙ 〈АКТ〉

У Терентьева. Тоже новенькая дача с небольшой террасой, на террасу выходит дверь и два окна; с нее до земли четыре ступени. Сад: четыре молодые елки, они — полузасохли; под каждой — клумба для цветов, но — цветов нет, клумбы заросли травой. Две окрашенные в зеленую краску скамьи со спинками. У забора — кегельбан, начинается он небольшим помещением, в котором стоит койка, стол, два стула. В двери и окнах мелькает фигура Людмилы, племянницы Терентьева. На террасе играют в шахматы Китаев и Семиков.

Китаев. Не видишь? Шах королеве!

Семиков. Ах ты... Скажи пожалуйста!

Китаев. Тебе, Семиков, на шарманке играть, а не в шахматы.

Семиков. Не Семиков, а Семи-оков! В «Известиях» напечатано о перемене фамилии. Семик — языческий праздник, суеверие,— понял?

Китаев. А ты — играй, двигай!

Семиков. Вот я и вставил оник: Семи-о-ков! Пустой кружочек, а — облагораживает.

Китаев. Да ты — играй! Ну, куда полез? Шах королю!

Семиков. Какой несчастный случай!

Китаев. Ну тебя к чертям! Неинтересно с тобой. *(Закуривает. Вышла Людмила, взяла стул, ушла. Оба смотрят вслед ей, потом друг на друга. Семиков складывает шахматы в ящик. Доносится пение скрипки.)*

Семиков. И под стихами приятно подписать: Семи-оков.

Китаев. А все-таки как ловко ни играй на скрипке,— гармонь преобладает ее.

Семиков. Теперь стихи легко у меня текут.

Китаев. Как слюни. Я, брат, творчество твое — не люблю, жидковато оно.

Семиков. Ты не понимаешь, а Троеруков...

Китаев. Он тебя хвалит, потому что — запуганный интеллигент. Хотя — башковатая личность... Правильно говорит: конечно, говорит, существует масса, но — без героев история прекращается. Это — верно: ежели я себя не чувствую героем, так меня вроде как и нет совсем. Тут можно дать такой пример: построили судно, так допустите его плавать, а ежели оно всё на якоре стоит,— так на кой чёрт его нужно?

Семиков. Да, это верно!

Китаев. Или пошлют человека в болото — плавай! А — куда по болоту поплывешь? Вот, примерно, я..

Людмила. Китаев, ну-ко поди сюда, помоги.

⟨Китаев уходит.⟩
(Семиков вынул книжку из кармана, читает, шевелит губами.) ⟨Входит Миша.⟩

Миша. Ты чего тут делаешь?

Семиков. В шахматы играл.

Миша. Спевка — здесь, в семь?

Семиков. Да.

Миша. Арсеньеву не видал?

Семиков. Была, занавес чинить ушла.

Миша. Стихи читать будешь?

Семиков. Могу.

Миша. Старые?

(Людмила в дверях.)

Семиков. Нет, вчера написал:

Года за годами бегут,
А людям жить всё трудней,
И я понять не могу
Бешеный бег наших дней.
Куда они мчатся, куда?

Миша. Ну, ты это брось! Кому интересно, чего ты не понимаешь?

Людмила. Как это, Ванечка, в башке у тебя заводятся такие скушные слова? Пахинида какая-то...

Семиков. Говорят — панихида, а не пахинида.

Людмила. Ну — ладно, сойдет и пахинида! Сбегай-ко в клуб, там, наверное, дядя, скажи — обед давно готов. И Арсеньеву зови, если она там... *(Семиков обижен, уходит. Людмила садится на стул.)* Знаешь, как Саша Осипов прозвал его? Стихокрад; он, говорит, чужие стихи ворует, жует их и отрыгает жвачку, как теленок. Ой, Мишка, надоело мне хозяйничать! Учиться хочу, а — как быть? Уговариваю дядю — женился бы! А я — в Москву, учиться! Ежели здесь останусь — замуж выскочу, как из окна в крапиву.

Миша *(солидно)*. Замуж тебе — рано!

Людмила. Много ты понимаешь в этом! Не бойся, за тебя не пойду.

Миша. Да я бы и не взял эдакую...

Людмила. Ох, ты... барашек! Нет, серьезно, Мишка, ты — умный, ты послушай: дядю оставить на чужого человека — тоже не годится, работает он, как пятеро хороших, пить-есть ему — некогда, обшить, обмыть его — некому, о себе подумать — не умеет.

Миша. Ты с Арсеньевой посоветуйся...

Людмила. Советовалась. Она решает просто — учиться! А мне дядю-то жалко, он меня на ноги поставил. Начала от скуки цветы сажать. Ну,— люди из сил выбиваются, а я — цветочки поливаю. Стыдно.

Миша. Да уж... Смешновато.

Людмила. Костю Осипова не видал?

Миша. Нет. Не понимаю — где он увяз? Третьего дня пошел в Селище, в сельсовет...

〈*Арсеньева входит.*〉

Арсеньева. А я вас ищу, Миша! Вот вам парусина, краска, кисти, лозунги ликбеза, идите-ка, намалюйте их поскорее, получше.

Миша. Дело знакомое. Людка, у тебя — можно?

Людмила. Иди, только не очень пачкай там.

Миша. Ладно. Буду — не очень.

Арсеньева. Почему у тебя мордочка скучная?

Людмила. Всё потому же...

Арсеньева. Слушай-ка, у Сомовых работает кухарка.

Людмила. Знаю, Фекла, забавная старуха...

Арсеньева. Не нравится ей там. Вот, давай пристроим ее к дяде. Человек она хороший, честный и неглупа.

Людмила. Поговорить бы с ней. Кто это?

(Крыжов идет, осматриваясь.)

Людмила. Вам кого, дедушка?

Крыжов. Иван Терентьев здесь живет?

Людмила. Здесь.

Крыжов. Ну вот, я к нему. Дочь, что ли?

Людмила. Племянница.

Крыжов. А это — жена?

Людмила. Нет еще.

Крыжов. Невеста, значит.

Людмила. Тоже нет.

Арсеньева. Знакомая, в гости пришла.

Крыжов. Ну, это ваше дело! Умыться бы мне, девушка, да — испить водицы, а? Запылился старик.

Людмила. Идите сюда.

⟨Людмила и Крыжов уходят.⟩(Арсеньева идет в кегельбан, садится к столу, развязывает узел, в нем — потрепанные флаги; щелкает ножницами, начинает шить. Идут Дроздов, Терентьев.)

Дроздов *(угрюмо)*. Есть песок в машине, есть!

Терентьев. Старые рабочие очень замечают это.

Дроздов. А откуда песок сыплется — непонятно.

Терентьев. Вот сегодня должен бы старик один прийти, могу сказать — учитель мой...

Арсеньева. Он уже пришел.

Терентьев. Ага, Катерина Ивановна! Рад.

Дроздов. Я тоже рад.

Терентьев. Он — в горницах, старик?

Арсеньева. Да.

⟨Терентьев уходит.⟩

Дроздов. Мы с вами, Катерина Ивановна, встречаемся всегда в хорошие дни.

Арсеньева. Это вы — о погоде?

Дроздов. О ней. Не помню, чтобы встречал вас в дождь, в пасмурный день!

Арсеньева. Редко встречаемся мы.

Дроздов. Значит — надобно встречаться чаще,— верно?

Арсеньева *(смеясь)*. Ловкий вы...

Дроздов. Ничего, парнишка — не промах! И всегда, встречая вас, я чувствую...

Арсеньева. Зависимость погоды от моей личности, да?

Дроздов. Вот — именно! Благодарить вас хочется.

Арсеньева. Не беспокойтесь.

Дроздов. Даже — поцеловать готов.

Арсеньева. А я к этому не готова.

Дроздов. Приготовьтесь.

(На террасу вышел Терентьев с куском хлеба в руках, стоит, прислушивается; хмурясь, пятится в дверь.)

Арсеньева. Вам не кажется, что вы немножко нахал?

Дроздов. Нет, не кажется! Есть песенка:

Ты, говорит, нахал, говорит,
Каких, говорит, немало...

Арсеньева. Не продолжайте, дальше — неверно!

(Терентьев исчез.)

Дроздов.

Но, говорит, люблю, говорит,
Тебя, говорит, нахала...

Арсеньева. Борис Ефимович! Вы бы попробовали отнестись ко мне серьезно, а?

Дроздов. Вы — обиделись?

Арсеньева. Попробуйте! Может быть, это будет более достойно и вас и меня.

Дроздов. Не сердитесь, не надо! Честное слово... у меня к вам — большая симпатия! Работница вы у нас — что надо! А если я шучу...

А р с е н ь е в а. Шутить надобно умеючи, не надоедая. Вы, кажется, у Яропегова шутить учитесь?

Д р о з д о в. Почему — у Яропегова?

А р с е н ь е в а. Не идет это к вам. Человек вы, я знаю, не плохой...

Д р о з д о в *(серьезно)*. А — чем плох Яропегов?

(Идут Терентьев, Крыжов, за ними Людмила.)

Л ю д м и л а. Товарищ дядя! скажи толком — обедать-то будем?

Т е р е н т ь е в. Отстань! Мы с Борисом закусили, Крыжов — не хочет. Погоди, еще двое придут...

Л ю д м и л а. Что ж ты не сказал мне? Ведь не хватит.

Т е р е н т ь е в. Иди к чертям, Людмила! Борис...

К р ы ж о в. Порядка-то у вас нет?

Т е р е н т ь е в. Ну-ко вот послушай, Борис... Давайте сядем на солнышко.

(Арсеньева собирает флаги, хочет уйти.)

Т е р е н т ь е в *(сухо)*. Вы не мешаете нам.

Л ю д м и л а *(Арсеньевой)*. Давай помогу.

К р ы ж о в *(набивая трубку)*. История, братья-товарищи, такая: приехала к нам, на завод, компания, чтобы, значит, реконструировать, расширить и так и дальше. Завод действительно заслужил этого, еще до революции износился, и подлечить его давно следовало; мы, старье, три года этого, как милостыню, просили. Ну, началась работка! Двигается всё туда-сюда, не торопясь, того — нет, этого — не хватает. Командовал старик, моих лет, а раньше — Богомолов приезжал, тоже старик. Ласковый такой.

Д р о з д о в. Яков Антонов?

К р ы ж о в. Кто это?

Д р о з д о в. Богомолов-то?

К р ы ж о в. Не знаю. Детали рассказывать не буду, а прямо скажу: устроили так, что раньше болванка из кузницы ко мне шла четыре часа, а наладили дело — идет семь часов. И так и дальше всё. У меня — записано. Я и говорю старикам: «Как будто чего-то

неладно вышло, братья-товарищи?» — «Видим, говорят, однако — может, так и надо».

(Китаев на террасе, мрачно жует что-то.)

Крыжов. Все-таки решили поговорить с директором, он у нас — литейщик с Лысьвенского завода, партизан, красным командиром был, по армии скучает. «Вот, говорим, Демид, брат-товарищ, какие штуковины наблюдаются».— «Вы, говорит, старики, неправильно считаете, и вообще, говорит, специалист, как паук, свое дело знает». И так и дальше. Успокоил.

(Китаев ушел, потом вынес бутылку пива, сел, пьет. Постепенно начинает вслушиваться в рассказ, встает, подходит к скамье. Людмила шьет, тихонько напевая; Арсеньева, не переставая шить, внимательно слушает.)

Крыжов. Успокоил, ну — не меня! Я, погодя немного, в завком. Там — тоже успокаивают. Ну, тут я поругался: эх, говорю, братья-товарищи, так вас и разэдак. Н-да. Погорячился. «Какие, говорю, вы хозяева?» И так и дальше. Вызывают в ГПУ, там у нас хороший парень сидит, однако и он тоже: «Ты, говорит, товарищ, разлад в работу вносишь!» А молодежь начала и высмеивать меня. В стенгазету попал: склочник, бузотер. Н-да. Только рабкор один, комсомолец Костюшка Вязлов, на моей стороне, ну — ему веры нет, он у меня на квартире живет. Даже внука моя, тоже комсомолка, и та — против. Ну, ладно! Однако я всё считаю, записываю и вижу — нет, моя правда: нехорошо сделано! Стало так туго мне, что огорчился, выпивать начал. 19 лет сверлил, 34 — на заводе, всё знаю лучше, чем дома у себя. Понял, что дело мое — плохо, пожалуй, и пить привыкну на старости лет. Ну и решил, скрепя сердце рассчитался и — в Москву! Вдруг тебя, Иван, вижу на станции. И вот я вам, братья-товарищи, прямо говорю: там дело нечисто, поврежденное дело! У меня кетрадка есть, в ней сосчитано всё, все часы, вся волокита...

Дроздов. Можно взглянуть?

Крыжов. На то и писано, чтоб читали. Разберешь ли? Писатель я — не Демьян... победнее его буду...

Дроздов. Разберу.

Крыжов *(Арсеньевой)*. Ты что глядишь на меня? Понравился?

Арсеньева. Очень.

Крыжов *(толкая Терентьева локтем)*. Слыхал? Хо-хо! Вон оно что! У меня дочь старше тебя, только — дурой выросла. Ребят — родит, а — больше ничего не умеет. Вот внука, так эта — что надо! В Свердловск поехала, учиться. Ты — партийка?

Арсеньева. Нет.

Крыжов. А чего делаешь?

Арсеньева. Ребят учу.

Дроздов. Иван!

Крыжов. Вам, молодым, надобно в партию записываться, круче дела-то загибать. Я вот ехал сюда — горой, водой, лесом, парусом,— как говорится, гляжу: тут — строят, там — строят, инде — выстроили, ух ты, мать честная! Бойко взялись за дело, крепко! Конечно, я и по докладам, по газетам знал, ну, а когда своим глазом видишь, это уж другой номер!

(Дроздов и Терентьев, сидя на другой скамье, рассматривают книжку.)

Терентьев. Склочником он не был.

Дроздов. Да, не похож! А цифры — нехорошо поют.

Китаев. А ты — в партии?

Крыжов. Я — нет. Мне — не надо, я и без того — природный пролетар. До Октября, до Ленина, я даже и понимать не хотел партию. Думал — так это, молодежь языки чешет. И дело у меня — строгое, требует всех сил. А заседать я — не мастер, да и грамотой не богат. Года три тому назад хотели меня в герои труда произвести, ну — я чинов-званий не любитель, упросил, чтобы не трогали.

Китаев. Это — напрасно! Коллектив знает, что делает, ему — герой нужен...

Крыжов. Герой, голова с дырой...

Дроздов. Видишь?

(Терентьев молча кивает головой.)

Д р о з д о в. Зови-ко его в комнаты.

К и т а е в. Куда же ты едешь?

К р ы ж о в. Вот сюда приехал.

Л ю д м и л а. Что же обедать — завтра будем? Никто не идет.

Т е р е н т ь е в. Отвяжись! Подь-ка сюда, Крыжов.

К р ы ж о в *(идя)*. Порядка у тебя, видать, нет насчет обеда-то? Остался ты, видно, как был,— беспорядочный, а? *(Хлопает Терентьева ладонью по спине.)* Приятно мне, что встретились!

Л ю д м и л а *(около Арсеньевой)*. Бестолочь какая! И так — почти каждый день.

А р с е н ь е в а. Какой интересный старик!

Л ю д м и л а. Молодые — интереснее. Дроздов, например, а? Замечаешь, как он присматривается к тебе?

А р с е н ь е в а. У него такая служба...

Л ю д м и л а. Обыкновенная — мужская. А мне инженер нравится.

А р с е н ь е в а. Который?

Л ю д м и л а. Яропегов, конечно! Он в клубе читал лекцию по истории земли, по металлам,— интересно! Веселый, чёрт!

А р с е н ь е в а. Что ж он — ухаживает за тобой?

Л ю д м и л а. Заговаривает. Смешит. Я — люблю веселых!

А р с е н ь е в а. Ты бы лучше со своим с кем-нибудь веселилась.

Л ю д м и л а *(вздыхая)*. Свои, свои... Вон Китаев просит записаться с ним.

А р с е н ь е в а. Неприятный парень.

Д р о з д о в *(с террасы)*. Катерина Ивановна! Можно вас на минутку?

(Арсеньева идет.)

Д р о з д о в. Помогите нам расчетец сделать — ладно? Папироску хотите?

А р с е н ь е в а. Не курю. Бросила.

Д р о з д о в. Отчего?

А р с е н ь е в а. Ребятам дурной пример.

Д р о з д о в. Резонно.

(Ушли. Людмила шьет.)

Китаев. Скушно по воскресеньям!

Людмила. Тебе и в будни скучно.

Китаев. Так — как же? Сходим, запишемся, а?

Людмила. От скуки?

Китаев. Зачем — от скуки? От любви.

Людмила. У тебя на пиджаке — капуста.

Китаев. Капусту я не ел.

Людмила. Ну, тогда что-нибудь из носу.

Китаев. Ты очень грубая барышня.

Людмила. Вот видишь! А приглашаешь меня в загс.

(Силантьев стоит за углом террасы.)

Китаев. Потому что влюбился. От любви и скучаю.

Людмила. А что чувствуют, когда влюбляются?

Китаев. Это — в зависимости от девушки.

Людмила. Все-таки?

Китаев. Ну... примерно, как в опере «Деймон» — желаю видеть вечной подругой жизни...

Людмила. А — она?

Китаев. Она, конечно, смеется. Любовь — дело веселое, игристое дело!

Людмила. Ух, какой ты глупый, даже страшно!. *(Убежала.)*

Силантьев ⟨*входит*⟩. Здравствуйте, товарищ Китаев! Я — к вам.

Китаев. Ну?

Силантьев. Доски у меня взяли, те самые...

Китаев. Кто взял?

Силантьев. Мишка-комсомол.

Китаев. Так просто — пришел и взял?

Силантьев. Нет, конечно, за деньги, только он платить стесняется.

Китаев. Почему?

Силантьев. Нету денег у него, погоди, говорит! А мне нужно, я — бедный человек...

Китаев. Ты — не человек, а кулак.

Силантьев. Какой же я кулак? У кулака пальцы сжаты, а у меня — вот они — растопырены, потому — держать мне нечего.

К и т а е в. От тебя водкой пахнет.

С и л а н т ь е в. Ну, так что? Водку и немец пьет.

К и т а е в. Немец — пиво! У тебя в кармане бутылка.

С и л а н т ь е в. Она мне не мешает.

К и т а е в. Ну, ступай! Доски меня не касаются.

С и л а н т ь е в. Так ведь вы заведуете клубом и всем этим... устройством. Ведь я вам за них...

К и т а е в. Ступай, ступай! Доски получишь... Водку пьете, черти...

С и л а н т ь е в. Эх, трудно с вами, товарищи! Не деловой вы народ! *(Уходит.)*

(Троеруков навстречу; мимоходом — перешептываются. Крыжов вышел с бутылкой нарзана, прошел в кегельбан, прилег на койку, курит.)

К и т а е в. Устал, старик?

К р ы ж о в. Есть немножко.

К и т а е в. Что там у вас,— вредители работают?

(Крыжов не отвечает.)

К и т а е в. Много вокруг нас чужого народа.

К р ы ж о в. Выметем.

(Троеруков смотрит на часы, щелкнул крышкой.)

К и т а е в. А, учитель! Ты — что?

Т р о е р у к о в. Спевка у меня.

К и т а е в. Почему — здесь?

Т р о е р у к о в. Эстрада не готова.

К и т а е в *(щелкнув пальцем по бутылке нарзана)*. Аш два о! — Вода, значит. *(Отводит Троерукова в сторону.)* Стишки мои прочитал?

Т р о е р у к о в. Как же...

К и т а е в. Ну — что?

Т р о е р у к о в. Правду сказать?

К и т а е в. Обязательно!

Т р о е р у к о в. Стишки — дрянь, но — от души.

К и т а е в. То есть — как это?

Т р о е р у к о в. Очень просто, вы — не обижайтесь, товарищ Христофор. По форме они — дрянь, но по искренности — неплохи.

(Китаев мычит.)

Т р о е р у к о в. Видите ли: одно дело слова, другое — мелодия. Мелодия — подлинная песня души, то есть — самое настоящее, самая глубокая правда человека,— ваша правда...

К и т а е в. Угу! Да...

Т р о е р у к о в *(оглядываясь, вполголоса)*. Например — «Интернационал» можно петь церковно, на третий глас, на шестой. *(Поет.)*

Отречемся от старого мира.

К и т а е в *(удивлен)*. Ах, чёрт! В самом деле. Это — смешно...

Т р о е р у к о в. И многие, когда поют «Интернационал», так не отрекаются от старого-то мира, а взывают к воскресению его; новый-то им уже надоел, понимаете...

К и т а е в. Верно! Поют некоторые! Ах ты, щучий сын! Замечаешь!

Т р о е р у к о в. Теперь, возвращаясь к вашим стишкам...

К и т а е в. Ты смотри, никому не говори, что я сочиняю!

Т р о е р у к о в. Я — помню! Ни-ни, никому! Так вот, стишки... В чем их недостаток? В том, товарищ Христофор, что вы взялись не за свое дело. По натуре вашей, вы — разрушитель, вам разрушать надо, а вы — строите и воспеваете стройку, казенное, не ваше дело. Поэтому слова не совпадают у вас с мелодией души, с настоящей вашей правдой,— вашей! Понимаете?

К и т а е в. Верно! Ей-богу, это — верно! Ах, чёрт! Действительно... Я и сам чувствую — не идет у меня! Не то пишу!

Т р о е р у к о в. Вот видите!

К и т а е в *(воодушевляясь)*. Ты — сам посуди: я — кто? Боец! Партизан. Я в армию пошел, потому что — конюх, смолоду лошадей люблю, скакать люблю. У меня — натура есть, понимаешь! А меня мотали, мотали да — вот, наблюдай, как поселок строят!

Т р о е р у к о в. Ну да!

Китаев. Я, бывало... Да я... поголовно истреблял... как собака тараканов! Хлеба не давать? Так я ж их поголовно! Как в сказке: ахну, и — нет ничего, только пыль, брызг и сапоги! Вы — кто? Помещики, дворянство, буржуазия или просто — люди? Да я вас так, что от всей вашей массы только одни уши останутся!.. А теперь вот...

Троеруков. Время не для вас, не для героев!

Китаев. Понимаешь? Теперь я — кто?

Дроздов *(вышел на террасу, оглянулся, идет в сторону Крыжова, мимоходом)*. В самом деле, товарищ Китаев, вспомни-ко,— кто ты...

Китаев. Я помню!

Дроздов. Не забывай. *(Троерукову.)* Вы что тут?

Троеруков. Спевка будет здесь.

(Китаев и Троеруков скрываются за углом дачи. Дроздов, посмотрев на Крыжова, идет к террасе. Встречу ему Терентьев.)

Терентьев. Ну, что он?

Дроздов. Спит.

Терентьев. Значит: решили — завтра в Москву его?

Дроздов. Ну да. Ты Китаева хорошо знаешь?

Терентьев. Вовсе не знаю. Он сюда недавно прислан.

Дроздов. Дурак он, кажется.

Терентьев. А что?

Дроздов. Чего он возится с этим учителем пения?

Терентьев. Учитель-то, похоже, полуумный. Кстати, Дроздов, ты за Арсеньевой ухаживаешь...

Дроздов. А кому это вредно?

Терентьев. Ты ведь это так, для развлечения...

Дроздов *(усмехнулся, напевает)*.

Эх ты, моя белая,
Что ты со мной сделала?

Терентьев. Погоди, я — серьезно! Она мне вроде как бы жизнь спасла...

Д р о з д о в. Рассказывал ты. Тогда они еще плохо понимали нас, потому, изредка, и спасали. Если ты серьезно, так — гляди, не ошибись...

Т е р е н т ь е в. Я, брат, года три бредил о ней... даже вот не женился. Может быть, это достойно смеха... Ты, конечно, моложе меня, красивый.

Д р о з д о в. Ну, ладно...

Т е р е н т ь е в. Так что... вот! Понимаешь эту штуку?

Д р о з д о в. Ладно, понял. Человек она как будто хороший, работница на все руки...

Т е р е н т ь е в. Образованная.

Д р о з д о в. Всё это так! Но не нравится мне приятель ее, этот учитель пения, малосольная морда.

Т е р е н т ь е в. Он ей — не приятель, и говорит она о нем — нехорошо.

Д р о з д о в. А что — нехорошо?

Т е р е н т ь е в. Ты лучше сам спроси ее.

Д р о з д о в. Мы живем среди хитрого народа, словам надо верить осторожно.

(Людмила вышла, ставит на стол две бутылки пива, стаканы.)

Л ю д м и л а. Вы что же — откупорили бутылки, а — не пьете? Испортится.

Т е р е н т ь е в. Это — да!

Д р о з д о в. Вчера у Сомова был большой буржуазный выпивон и разъедон. Жена его, эдакая — просят руками не трогать — в платье сопливенького цвета. Какая-то толстуха в красном... как мясная туша. Троеруков на скрипке пилил, рояль балабонила. Я шел мимо около полуночи, эх, думаю...

Т е р е н т ь е в. Пускай веселятся, лишь бы честно работали...

Д р о з д о в. Честно! Сие последнее есть самое главное, как говорил один товарищ у нас в кружке... лет 15 тому назад...

Т е р е н т ь е в. Тебе — сколько?

Д р о з д о в. 33. Шахтинский процесс...

⟨Входит Миша.⟩

М и ш а. Товарищ Дроздов,— за Селищами раненого нашли...

Л ю д м и л а. Сашу Осипова?

М и ш а. } Неизвестно еще...

Д р о з д о в. } Почему ты думаешь, что Осипова?

Л ю д м и л а. Он говорил мне, что грозят избить его...

Д р о з д о в. Кто?

Л ю д м и л а. Да — не знаю я!

Д р о з д о в. Ну, надо ехать...

Л ю д м и л а. Наверно, наверно, Сашу Осипова...

Т е р е н т ь е в. Не кричи! Еще не установлено.

Л ю д м и л а. У вас — всё не установлено! И кто клуб поджигал, и кто Маше Валовой голову проломил.

М и ш а. Я — с вами, товарищ Дроздов,— можно?

К и т а е в *(идет)*. Почему шум?

Л ю д м и л а. Осипова Сашу избили.

К и т а е в. Хулиганил, наверно...

Л ю д м и л а. Врете!

(Крыжов проснулся, слушает, набивая трубку.)

К и т а е в. Почему — вру?

Л ю д м и л а. Он про вас в стенгазете писал, вот почему!

К и т а е в. Кто под пулями гулял, тому стенгазета — муха!

К р ы ж о в. Убили кого-то?

Т е р е н т ь е в. Рабкора ранили.

К р ы ж о в. Эта мода и у нас есть. У нас сразу видно: кто рабкора считает врагом, доносчиком — значит, это чужой человек, не наш.

Л ю д м и л а. Ай, как хочется мне туда!

К р ы ж о в. На покойника поглядеть?

Л ю д м и л а. Да — не покойник...

К р ы ж о в *(с упрямством старика)*. В покойнике ничего интересного нету. *(Китаеву.)* Дремал я тут, слышал, экую чепуху городил ты, парень!

К и т а е в. Ты — стар, тебе моих мыслей не понять!

К р ы ж о в. Где понять! Глупость — трудно понять. А этот, который с тобой балагурил,— поп, что ли?

К и т а е в *(отходит)*. Не любишь молодых-то?

К р ы ж о в. Зачем? Молод да умен — два угодья в нем. Осердился. Вот теперь, отдохнув, я бы поел...

Т е р е н т ь е в. Идем.

Л ю д м и л а. Ну вот, нашли время...

(Уходят. Китаев пьет пиво. Появляется Троеруков.)

Т р о е р у к о в. Опаздывают певцы.

К и т а е в. Придут. Петь — не работать, придут!

Т р о е р у к о в. Вы, товарищ Китаев, шофером были?

К и т а е в. Кто тебе сказал?

Т р о е р у к о в. Не помню.

К и т а е в. Ну, а если был, так — что?

Т р о е р у к о в. Правда, что шофер так может срезать человека крылышком автомобиля, что никто не заметит?

К и т а е в *(пристально разглядывая его)*. И человек этот — не заметит?

Т р о е р у к о в. О нем — речи нет.

К и т а е в. Так. А... зачем ты спрашиваешь?

Т р о е р у к о в. Чтобы знать. Меня ловкость интересует. И — не верю, что это можно сделать безнаказанно.

К и т а е в *(не сразу)*. Ты — чему учишь? Петь?

Т р о е р у к о в. Да.

К и т а е в. Ну и — учи! Автомобиль тебя не касается.

Т р о е р у к о в. И — хорошо! А то — коснется крылышком, и — нет меня!

К и т а е в *(смотрит на него)*. Это... какая же мелодия в башке у тебя?

Т р о е р у к о в. Это просто любопытство. Вот, начинают собираться наконец! Товарищи! Сильно опаздываете...

(Идут: Дуняша, еще две девицы, двое рабочих.)

К и т а е в *(посмотрев на них, берет бутылку пива)*. Предлагаю выпить! Кто — за? Кто — против?

Воздержавшихся — нет? Принято единогласно... *(Наливает, пьет.)*

(Собрались певцы. Дуняша и Людмила запевают.)

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Серый селезень плывет.

(Китаев подошел и тоже поет. На террасе — Крыжов, хохочет, притопывая ногой. Терентьев, Арсеньева, глядя на него, тоже смеются.)

Китаев. Эх, мать честная! Здорово, ребята! *(Кричит.)*

А мы его по макушке
Бац, бац, бац!

ТРЕТИЙ АКТ

У Сомовых. Та же терраса. Поздний вечер. Луна. Лидия — в кресле. Яропегов — шагает мимо нее.

Яропегов. Допустим, что ты говоришь правильно...

Лидия. Говори мне — вы. Тут свекровь ходит.

Яропегов. Несет дозорную службу.

Лидия. И вообще — довольно! Всегда говори со мной на вы!

Яропегов. Слушаю. Итак — допустим, что ты — пардон! вы — рассуждаете правильно. Но у меня другой рисунок души, и я совершенно не выношу драм.

Лидия. У тебя — нет души.

Яропегов. Решено говорить на вы...

Лидия. Тише!

(Дуняша подает Лидии стакан молока.)

Лидия. Спасибо. Теперь вы свободны... Вот у Дуняши — есть душа. Она презирает всех нас.

Яропегов. Разве душа — орган презрения?

Лидия. Орган честных чувств. Дуняша честная с людями.

Яропегов. Какой-то писатель проповедовал честность с собой. Это что-то вроде собаки,— собаки, которая водит слепого.

Лидия. А вы — не честный.

Яропегов. Спасибо. И — Сомов?

Лидия. Вы — все!

Яропегов *(закуривая)*. Виноваты предки. Чёрт их научил избрать местом жительства этот идиотский земной шар! Понимаете — шар! Представьте огромный

арбуз, намазанный маслом. Страшно неудобно человеку стоять на нем,— скользишь направо, налево, вперед, назад.

Лидия. Вы глупо шутите!

Яропегов. Может быть. Но — безобидно.

Лидия. С вами не стоит говорить о серьезном.

Яропегов. Это — верно, ибо: что есть истина?

Лидия. Я думаю, вы кончите самоубийством.

Яропегов. Н-ну... едва ли!

Лидия. Или — сопьетесь.

Яропегов. Это — возможно.

Лидия. Вы вообще несчастный человек.

Яропегов. Не чувствую себя таковым.

Лидия. Ложь.

Яропегов. Но может случиться, что я пойду к какой-нибудь Дуняше и скажу ей: «Дуня — перевоспитай меня...»

Лидия *(встала.)* Удивительно пошло и лживо.

Яропегов. Напрасно рычите, Лида, я говорю... от души. В эту весну я особенно близко присмотрелся к рабочим, к мужикам. Рабочий довольно быстро перешивает мужичка на свою колодку, и вообще... дьявольски интересно жить в этой среде! Много свирепого, немало глупого, но всё, что понято,— понято отлично! Чувствовал я себя там... весьма молодо...

Лидия. Не верю я тебе, ни одному слову не верю! *(Идет к лестнице.)*

Яропегов *(следуя за нею, касается плеча ее).* Послушай,— что значит всё это? Откуда, вдруг...

Лидия *(стряхивая его руку).* Не — вдруг! Тупой человек... Я... не знаю... я не могу понять... *(Молча смотрит в лицо ему.)* Скажи мне — в двух словах — что такое фашизм?

Яропегов. В двух словах? Н-ну, это... трудно...

Лидия. Не хочешь сказать, да?

Яропегов *(пожав плечами).* Почему — не хочу? Н-ну... Ты — знаешь: жизнь — борьба, все пожирают друг друга, крупные звери — мелких, мелкие — маленьких. Фашисты — мелкие звери, которым хочется быть крупными, а маленькие зверьки тоже хотят вырасти. Крупный зверь заинтересован в том, чтоб

мелкий был жирнее, а мелкий — в том, чтоб маленький жирел. Для этой... доброй цели необходимо... именно то, что существует, то есть полная свобода взаимного пожирания, а для свободы этой необходима частная собственность,— зверячий порядок. Вот большевики и пытаются уничтожить основу зверячьего быта — частную собственность... Понятно?

(Лидия молча идет с лестницы.)

Яропегов *(вздохнув)*. Ничего нового в фашизме — нет, это очень дряхлая и скверненькая катавасия... Зачем понадобилось тебе знать это?

(Ушли. На террасу выходят: Сомов, Богомолов, Изотов. Сомов несет миску с крюшоном, Изотов стаканы. Затем Сомов плотно закрывает дверь и окна в комнату. Богомолов отирает платком лицо и шею. Изотов — закуривает.)

Богомолов. Дышать нечем.

Изотов. Н-да. Хлеба — горят.

Богомолов. Думаете — неурожай будет?

Изотов. Говорят.

Богомолов. Недурно бы, знаете, а? *(Сомову.)* Мы — одни?

Сомов. Да. Но — кажется — мы переговорили обо всем?

Богомолов. И установлено: оборудование — накопляется, а строительство, понимаете, задерживается, насколько это возможно.

Изотов. Это — как аксиома.

Богомолов. Затем: людей, которым наши планы не ясны...

Изотов. Или — ясны, но — не нравятся...

Богомолов. Или — слишком ясны,— людей этих, понимаете, сдерживать в их стремлении отличиться пред товарищами.

Изотов. Переводить с практической на канцелярскую работу.

Богомолов. И другими, знаете, приемами. Вообще — сдерживать!

Изотов. Правильно.

Сомов. Нужно ли повторять всё это?

Богомолов. Не мешает, знаете, не мешает. *(Изотову.)* Вы, Дмитрий Павлович, несколько того... понимаете, несколько чрезмерно обнаруживаете ваш пессимизм, тогда как мы должны показывать себя оптимистами, верующими, понимаете, фантазиям товарищей...

Сомов. Они — не глупы, у них есть чутье. И не всё у них фантазии.

Богомолов. Именно?

Сомов. Разговоры о пятилетке, социалистическое соревнование...

Изотов. Карьером — далеко не ускачут.

Богомолов. Но надо нахлестывать, знаете,— нахлестывать! Поощрять фантазии одних, развивать скепсис — других, понимаете... А пессимизм — неуместен в нашем положении.

Изотов. Я не пессимист, но, когда рискуешь головой...

Богомолов *(возбуждается)*. Головы, знаете, не имеют особой ценности, ежели они служат для того, чтоб по головам били дикие люди,— да-с! Головы, понимаете, надобно держать выше, чтоб кулак дикаря не доставал до них! Надобно, понимаете, помнить, что руководство промышленным прогрессом страны — в наших руках-с и что генштаб культуры — не в Кремле сидит-с, а — именно в нашей среде должен быть организован,— понимаете! За нас — история, вот что надобно усвоить,— история! Пред нами безграничные возможности. Довольно адвокатов у власти, власть должна принадлежать нам, инженерам,— понимаете?

Изотов. Да, во Франции адвокаты командовали и командуют бездарно.

Сомов. Командует — капитал...

Богомолов. Дальше вы скажете, что правительство служит промышленникам и так далее, сообразно догматике товарищей. Но — забастовка адвокатов — ничего не может изменить, а если забастовка инженеров? Как вы думаете? То-то! Вы, дорогой, немножко, знаете, заражены нигилизмом Виктора Ярогегова.

Изотов. Неприятный мужчина.

Сомов. Он — талантлив.

Богомолов. Н-но!

Изотов. Ему бы фельетончики писать в газетах товарищей.

Богомолов. Он, понимаете, как раз из тех, кого надобно сдерживать. Таких, знаете, следует сажать на бумажки, пришпиливать к бумажкам...

Сомов. Вы забываете, что такие — грамотны и умеют считать...

Богомолов. Н-ну, мы будем пограмотнее. Мы — похитрее...

Сомов. Тише говорите, здесь — гуляют.

Изотов. В будни-то!

Сомов. За решеткой — дорога к реке. Сегодня снова приходил Лисогонов.

Богомолов. Был и у меня. Всё спрашивает, когда будет пущена его фабрика.

Изотов. Дрянь фабрика. Старье.

Богомолов. Не брезгуйте, не брезгуйте! На нее можно затратить миллиона три. Можно и больше.

Изотов. Ага! Вы — с этой точки зрения? Ну, омерщвлять капитал такими порциями — длинная история!

Богомолов. Но, между прочим, знаете, и это полезно. Между прочим! Мелочи — незаметны, но туча комаров — одолевает медведя, знаете!

Сомов. У Лисогонова — диабет. Он умрет скоро, наследников не имеет.

Богомолов. Найдутся!

Изотов. Сын есть.

Богомолов. Сын — помер. Диабет, знаете, и у меня есть. Доктора запретили вино, природа — запретила женщин, осталось одно удовольствие — карты...

Сомов. Яропегов идет.

Изотов. Пьяный?

⟨Входит Яропегов.⟩

Богомолов. Ну, нам — пора! Виктор Павлович! Совершили прогулочку под луной?

Я р о п е г о в *(выпивши)*. Именно. И даже — с девицей.

Б о г о м о л о в. С хорошенькой? Счастливец! Вчера я видел вас тоже... кажется, с племянницей директора завода?

Я р о п е г о в. Именно с ней.

Б о г о м о л о в. Демократ вы! Что ж? Мы все — демократы.

Я р о п е г о в. Из принципа: «С волками жить, по-волчьи выть».

Б о г о м о л о в. Всегда он скажет что-нибудь такое, знаете... остренькое! Дивная привычка! Н-ну, пошли! Да,— чуть не забыл! Виктор Павлович — дорогой! Заключение ваше по поводу изобретения этого молодого человека... как его?

Я р о п е г о в. Которого? Кузнецова или Зибера?

Б о г о м о л о в. Первого. Оптимистическое заключение! Сосчитали вы — неверно. Слишком оптимистично. Уж — простите! Но в комиссии я буду возражать.

Я р о п е г о в. Это — ваше право. И — обязанность.

Б о г о м о л о в. Да, да,— буду против!

Я р о п е г о в. Поспорим.

Б о г о м о л о в. Ну — всех благ!

(Идут. Сомов провожает. Яропегов пьет крюшон.)

С о м о в. Не знаешь, где жена?

Я р о п е г о в. На берегу, с Арсеньевой, Терентьевым. Там комсомольцы рыбу неводом ловят.

С о м о в. Терентьев, кажется, ухаживает за учительницей?

Я р о п е г о в. Мужчины вообще любят ухаживать за женщинами.

С о м о в. А ты всё пьешь?

Я р о п е г о в. А я всё пью.

С о м о в *(шагая по террасе)*. Тебе не кажется, что учительница эта дурно действует на Лидию?

Я р о п е г о в. На нее безделье дурно действует. Ты бы посоветовал ей заняться чем-нибудь, вот хоть ликвидацией безграмотности.

Сомов. Посоветуй ты...

Яропегов. Я для нее не авторитет. О чем беседовали с Яковом?

Сомов. Так... Вообще о делах.

Яропегов. Сдается мне, что он хочет похерить изобретение Кузнецова.

Сомов. Странное подозрение! Какая у него может быть цель?

Яропегов. Удовлетворение злобы.

Сомов. Ты куда?

Яропегов. В гости приглашен, к Троерукову. *(Ушел.)*

(Сомов ходит по террасе, остановился, прислушивается. Вошел в комнату, открыл окно. Идут: Терентьев, Лидия, Арсеньева, Миша и Дуняша.)

Терентьев. Мира — нет, Лидия Петровна, мира и не будет до поры, пока весь рабочий народ всемирной массой своей не обрушится на врага.

Лидия. Вы... верите в это?

Терентьев. Ну, еще бы не верил! Разве это можно — не верить в то, для чего живешь — работаешь?

Арсеньева. Идите, Миша, выпейте водки...

Миша. Да я — не пью!

Арсеньева. Грудь и ноги разотрите, а то простудитесь.

Миша. Никогда в жизни не простужался...

Дуняша. А ты — иди! Не форси...

Миша. Ух, надоели! Что я — барышня?

〈Миша и Дуняша уходят.〉

Лидия. Какой славный мальчик!

Терентьев. У нас — сотни тысяч таких козырей. Недавно одного кулаки подстрелили, в правую сторону груди насквозь. В больницу его без сознания привезли, а пришел в себя — первое слово: «Долго хворать буду?» Он, видите, к приему на рабфак боится опоздать,— вот в чем штука! Молодежь у нас отличной продукции. Конечно, есть и брак, так ведь «в семье не без урода», а семейка-то великовата!

Лидия. Сыро становится. Катя, ты не зайдешь ко мне?

Арсеньева. Нет. В шесть утра еду в город, надо кое-что приготовить, там районная конференция учителей.

Терентьев. А мне пора к дому. Будьте здоровы!

Лидия. Доброй ночи. Ты — надолго?

Арсеньева. Дней на пять.

Терентьев. Вы, Катерина Ивановна, штучку эту разберете мне?

Арсеньева. Да. Я уже сделала это.

Терентьев. Отлично!

⟨Арсеньева и Терентьев уходят.⟩ (Лидия села на скамью у террасы, вынула папиросу, но, изломав ее, швырнула прочь.)

Сомов *(через перила)*. Сыровато, ты бы шла домой.

Лидия. Принеси мне шаль.

(Идут Анна Сомова, Титова.)

Титова. Ведь они — как действуют? Тут у одного мужика, вдовца, дочь заболела...

Анна. Да, да, у Силантьева, знаю!

Титова. Так они ее просто похитили и увезли — будто бы в санаторию...

Анна. Ужас!

Титова. Положим, она — комсомолка.

Анна. Полный произвол... Это вы, Лидия?

Лидия. Как видите — я.

Анна. Николай — дома?

(Сомов бросает шаль из окна.)

Титова. Здравствуйте, строжайший человек!

Сомов. Мое почтение.

Анна. Пойдемте ко мне, сыграем.

Титова. С удовольствием. Чайком угостите?

Анна. Конечно, если горничная соблаговолит. Вы знаете, мы зависим от прислуги...

⟨Анна и Титова уходят.⟩

С о м о в *(жене)*. Иди сюда, упрямая! Сыро же! *(Лидия идет. Сомов — встречает ее на террасе, обнял.)* Ты была с Терентьевым и Арсеньевой? Добродушный мужик. Что он говорил?

Л и д и я. Так много, что половины я не поняла, а другую не помню. Там Дуняша и его племянница пели — «Потеряла я колечко»,— смешные слова, но очень грустная песня.

С о м о в. Глупая песня. А что такое эта Арсеньева — в конце концов?

Л и д и я. Она удивительно просто и веско говорит — «да!» И «нет» — тоже веско.

С о м о в. Ну, это ты что-то из забытых пьес Ибсена! Скажи, ты не чувствуешь, что она плохо влияет на тебя?

Л и д и я. Плохо? Почему?

С о м о в. Ну... Наводит грустные мысли—и вообще...

Л и д и я. Нет, я этого не чувствую. А грустные мысли... Вот зеркало наводит их на меня.

С о м о в. Это — чепуха. Ты нисколько не изменилась, даже стала красивее.

Л и д и я. Спасибо! Но мне кажется, что «потеряла я колечко...»

С о м о в. И это — чепуха. Я тебя люблю не меньше. Я очень люблю тебя.

Л и д и я. Я — не о любви, а о том колечке, которое связывает с жизнью...

С о м о в. Ну, вот! Вот это — несомненно от Арсеньевой...

Л и д и я. Как... торопливо ты сказал, что очень любишь меня.

С о м о в. Ох, ты опять впадаешь в этот твой новый тон! Знала бы ты, как это неуместно! Нет, тебя необходимо поскорее отправить за границу. Я думаю сделать это осенью...

Л и д и я. А я — хочу за границу?

С о м о в. Это тебя развлечет. Даже если и не хочешь — нужно ехать. Это удобнее.

Л и д и я. Для кого?

С о м о в. Для тебя. Я же говорил тебе, что возможны крупные события. Это — между нами, и ты,

пожалуйста, не откровенничай на эту тему с учительницей...

Л и д и я. А — на другие темы?

С о м о в. Вообще я прошу тебя держаться с ней осторожно, особенно в тех случаях, если она начнет что-нибудь выспрашивать. Она выспрашивает?

Л и д и я. Она рассказывает, выспрашиваю я.

С о м о в. О чем?

Л и д и я. О пионерах, комсомольцах, о ликвидации безграмотности...

С о м о в. Тебе это интересно?

Л и д и я. Я не понимаю — какие радости находит в этом молодая, красивая женщина? Арсеньева — находит.

С о м о в. Это — радость нищих духом, Лида.

Л и д и я. А я — не нищая?

С о м о в. Что за вопрос? Конечно — нет!

Л и д и я. Приятно знать. Но — каким скучным голосом сказал ты это!

С о м о в. Оставь этот... нелепый тон!

А н н а *(из комнат)*. Коля, ты не помнишь кличку собаки вице-губернатора?..

С о м о в. Что такое?

А н н а ⟨*входит*⟩. Ах, прости! Как ты кричишь! Я забыла кличку собаки Туманова, которую ты так любил.

С о м о в. Джальма! Джальма...

А н н а. Мерси. Вы, кажется, ссоритесь?

С о м о в. Ничуть. С чего ты взяла?

А н н а. Очень рада, если ошибаюсь. Вы оба так нервничаете последнее время. Это —нездорово. *(Ушла.)*

(Сомов сердито закуривает.)

Л и д и я. Продолжай.

С о м о в. Да. Так вот — неизбежны крупные события...

Л и д и я. Война?

С о м о в. Может быть...

Л и д и я. И — снова революция?

С о м о в. Почему — революция? Переворот, хочешь ты сказать...

Л и д и я. Ну да,— революция назад. Контрреволюция?

С о м о в. Это — пустое слово, контрреволюция. Я говорил тебе: жизнь — борьба за власть... за прогресс, культуру...

Л и д и я. Да, да, я помню. Ты говорил это, когда мы были близки...

С о м о в. Не выдумывай! Ты мне всё так же близка.

Л и д и я. В спальне.

С о м о в. Ты хочешь понять меня?

Л и д и я. О, давно хочу!

С о м о в. Ну так — пойми! Рабочие захватили власть, но — они не умеют хозяйничать. Их партия разваливается, массы не понимают ее задач, крестьянство — против рабочих. Вообще — диктатура рабочих, социализм — это фантастика, иллюзии,— иллюзии, которые невольно работой нашей поддерживаем мы, интеллигенты. Мы — единственная сила, которая умеет, может работать и должна строить государство по-европейски,— могучее, промышленное государство на основах вековой культуры. Ты — слушаешь?

Л и д и я. Конечно.

С о м о в. Власть — не по силам слесарям, малярам, ткачам, ее должны взять ученые, инженеры. Жизнь требует не маляров, а — героев. Понимаешь?

Л и д и я. Это — фашизм?

С о м о в. Кто тебе сказал? Это... государственный социализм.

Л и д и я. Фашизм — это когда у власти маленькие звери, чтоб ими питались крупные? Нужно, чтоб мелкие звери были жирные?..

С о м о в. Что за чепуха! Откуда это?

Л и д и я. Виктор сказал.

С о м о в. Виктор? Чёрт... Но — ты же видишь: он — человек пьяный, он морально разрушается, он уже ничего не понимает в действительности...

Л и д и я. Ты — крупный?

С о м о в. Что?

Л и д и я. Ты — крупный зверь?

С о м о в. Послушай, Лидия,— что ты говоришь? Что с тобой?

Л и д и я. Я — не знаю. Как ты побледнел, и какие злые глаза у тебя...

С о м о в. Я спрашиваю... Я должен знать — что с тобой?

Л и д и я. Я — сказала: не знаю. Но мне кажется, что ты... двоедушен и что этот противный старик, и волосатый Изотов, и горбун — вы все двоедушные... Подожди, не хватай меня. Я должна бы говорить иначе, но у меня нет сильных слов, нет сильных чувств.

С о м о в. Ты становишься истеричкой — вот что! Это — потому, что у тебя нет детей.

Л и д и я. Детей не хочешь ты...

С о м о в. И потому, что ты уже не любишь меня... я — знаю!

Л и д и я. Ничего не знаешь! Ни-че-го! Всегда бывает так: когда я говорю с тобой как с человеком — ты ведешь меня в спальню.

С о м о в. Неправда!

Л и д и я. И во всех романах — так: она заговорила с ним как с другом, а он сказал: раздевайся!..

С о м о в. Стой, Лидия! Довольно! Слушай и — пойми. Ты... не глупа, ты должна понять. Молчи!.. Я двоедушен? Да! Иначе — нельзя! Невозможно жить иначе, преследуя ту великую цель, которую я поставил пред собой. Я — это я! Я — человек, уверенный в своей силе, в своем назначении. Я — из племени победителей...

Л и д и я. Крупный зверь?

С о м о в. Роль побежденного, роль пленника — не моя роль! Богомолов — старый идиот...

Л и д и я. Ты хочешь быть вождем, Наполеоном? Очень крупным?

С о м о в. К чёрту...

Л и д и я. Не кричи...

С о м о в. Лидия! То, что ты сказала, имеет для меня... огромное значение... Тебе надули в уши... Тебя хотят сделать врагом твоего мужа...

Л и д и я. Нет, Николай, ты — не крупный...

С о м о в. Не смей шутить!

Л и д и я. Да — не кричи же!

С о м о в. Ты должна подумать... Может быть, эта Арсеньева...

Л и д и я. Тише! Кто-то идет...

(Пение за сценой. Оба слушают. Сомов закуривает папиросу, дрожат руки. Он отходит от жены, глядя на нее изумленно и тревожно.)

С о м о в. Как могло случиться, Лидия, что ты вдруг...

(Слышно, что поют двое, Яропегов и Троеруков, на голос «Интернационала».)

Любовь считал он чистым вздором,
Тра-та-та-та! Тра-та-та-та-а!
Вдруг пред его ученым взором
Она предстала как мечта.

С о м о в. Вот — слышишь? Вот — Виктор...

(Яропегов, Троеруков, за ними — Лисогонов, все трое сильно выпивши.)

Я р о п е г о в. Чета супругов при луне... Учитель — катай!

Т р о е р у к о в. О, как завидно это мне!

(Лисогонов, пытаясь подняться, сел на лестнице.)

Я р о п е г о в. Браво, каналья! Лидочка — извини! Благодаря бога мы — выпили! Мы так весело выпили, что... вообще... выпили! Учитель истории... композитор — пой! На третий глас! Никола, слушай! Учитель — раз-два!

Т р о е р у к о в.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.

С о м о в. Прошу прекратить!.. Виктор — ты понимаешь...

Я р о п е г о в. Ни черта не понимаю! Страшно рад! Не хочу понимать!

Л и д и я *(смеясь)*. Виктор! Вы с ума сошли!

Я р о п е г о в. Вот именно! Страшно рад. И почему нельзя петь? Разве кто-нибудь дрыхнет?

Сомов. Я прошу тебя...

Троеруков. Простите... Позвольте мне объяснить, я — учитель пения, пре-пода-ватель! Я говорю молодежи: слова — чепуха! Смысл всегда в мелодии, в основной музыке души, в милой старинной музыке... бессмертной...

Яропегов *(Сомовым)*. Это он — ловко! Это — не без ума! Это, брат, такая ракалья...

Троеруков. Хорошо, говорю я, церковь мы ликвидируем, но идея церковности, соборности, стадности... она — жива! *(Смеется.)* Жива! Я учу владеть голосами... го-ло-совать. Голое — совать, совать голое слово! Я учу молодежь.

Сомов. Послушайте! Довольно!

Яропегов. Нет, он — хитрая бестия! Ты — пойми: совать в жизнь пустое, голое слово, а? Замечательно придумал, негодяй! Учитель! Ты — негодяй?

Троеруков. Да!

Яропегов. Видишь — сам понимает! Самосознание, брат... Чёрт знает как интересно! Лида — интересно?

Лидия. Страшно интересно!

Троеруков. Я — негодяй, да! Я не гожусь в рабы д-дикарей...

(Лидия хохочет.)

Сомов *(Троерукову)*. Вон отсюда! Пьяный дурак!

(Анна идет.)

Троеруков. Н-нет, не дурак! И — меня нельзя оскорбить...

Анна *(строго)*. Господа! Вы слишком шумно веселитесь...

Яропегов. Одолевает радость бытия...

Троеруков. Вот — Анна Николаевна, она знает, что я не оскудел! Троеруков — не оскудел! Он может бороться, он способен мстить... Его стиснули — он стал крепче! Трагическое веселье, Анна Николаевна. Веселье глубокого отчаяния.

Анна. Я понимаю, но не забывайте, что мы живем в окружении врагов.

Сомов. Я прошу тебя, Виктор,— уведи этого шута!

Яропегов. Слушаю. Я — тоже шут! Беспризорные, за мной! Учитель — шагом марш! Пой.

Троеруков. Я очень прошу...

Яропегов. Никто, брат, ни черта не даст! Пой! *(Поет.)*

Отречемся от старого мира
И полезем гуськом под кровать.

Троеруков. Саша Черный сочинил, гениальный Саша, талантливейший! Аверченко... Гениальный! «Сатирикон» — а? Где все они, где? Никого нет, ничего! Всё погибло...

Яропегов. Пой, чёртова шляпа! Лисогонов, вареный идиот,— шагай! *(Идут вдвоем, поют в темпе марша.)*

Черный, гладкий таракан
Тихо лезет под диван.
От него жена в Париж
Не уедет, нет — шалишь!

Яропегов *(орет)*. Браво!

⟨Яропегов и Троеруков уходят.⟩

Сомов *(жене)*. Пойдем, Лидия...

Лидия. Нет, я не хочу...

Анна. Это — кто? Ах, это — Лисогонов. Вам — плохо?

Лисогонов *(опускаясь на колени)*. Дорогие...

Анна. Что с вами? Зачем вы?

Лисогонов. Любимые... Работайте! Покупайте. Снабжайте! Как я буду благодарен вам...

Лидия. Чего он хочет?

Сомов. Просто — пьян! Нам нужно кончить, Лида...

Лидия. Что — кончить? Подожди...

Анна. Встаньте!

Лисогонов. Не могу. Мне — запретили пить, но я — вот... выпил! Тоска! Один! Сын был... Подлец и негодяй...

А н н а. Николай, помоги ему!

Л и с о г о н о в. Пошел служить им... против отца и нар-рода! Издох, как пес... заездили! От чахотки. Он смолоду был чахоточный. Жена — первая... его мать, дворянка, тоже чахоточная... Вот как! Николай Васильевич... прошу вас Христом богом...

Л и д и я. Какой гнусный человек!

А н н а. Нужно понять: он — страдает!

Л и д и я *(мужу)*. О чем он просит тебя?

С о м о в. Ты же видишь, он — пьян!

Л и д и я. А — трезвый?

А н н а. Николай, да помоги же мне...

С о м о в. Ну, вы! Вставайте...

А н н а. Как грубо! Сведи его с лестницы.

С о м о в. Идите... Эх вы...

Л и с о г о н о в. Родной мой — фабричку-то, фабричку... Об... оборудуйте, пора! Везде —строят, всем — покупают...

(Лидия смеется.)

А н н а. Какой неуместный, какой жестокий смех! Какая жесткая душа у вас, Лидия. Люди сходят с ума...

Л и д и я. Вообразите, что я — тоже... *(Ушла в комнаты.)*

А н н а *(грозя пальцем вслед ей, бормочет)*. Подожди! Смеется тот, кто смеется последний.

С о м о в *(идет)*. Где Лидия?

А н н а. Бедный мой Никола! Какая жизнь...

С о м о в *(шипит)*. Что вам угодно? Это всё ваши... ваши приятели... *(Убежал в комнаты.)*

А н н а. Боже мой... Я не узнаю сына. Боже мой...

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Там же, у Сомовых. Поздний вечер. На террасе — Семиков, сидит, пишет, шевелит губами, считает, загибая пальцы; рядом с ним на полу — сверток чертежей. Из комнат выходит с подносом чайной посуды Дуняша.

Дуняша. Ты всё еще ждешь, франтик?

Семиков *(бормочет)*. К своей какой-то темной цели...

Дуняша. Сочиняешь? Ты бы частушку сочинил на Китаева, на дурака.

Семиков. Китаев — грубый, а не дурак.

Дуняша. Ну, много ты понимаешь в дураках! Вот сочини-ко что-нибудь смешное.

Семиков. Я смешное не люблю.

Дуняша *(показав ему язык)*. Мэ-э! Тебе и любить-то — нечем. Туда же — не люблю...

(Лидия вышла.)

Лидия. Кого это?

Дуняша. Вот — сочинителя. *(Ушла.)*

Семиков. Лидия Петровна, вы эту книжку читали?

Лидия *(взяла книгу)*. «Одеяние духовного брака». Нет. Что это значит — духовный брак?

Семиков. Тут — вообще... о боге...

Лидия. Вы верующий?

Семиков. Нет,— зачем же! Но он говорит: хоть не веришь, а — знать надо.

Лидия. Кто это — он?

Семиков. Учитель пения.

Лидия. Он, кажется, чудак? И пьет?

Семиков. Нет, он очень серьезный... Образованный. Я в этой книжке ничего не понял. Тут преди-

словие Метерлинка, так он прямо говорит, что Рейсбрук этот писал пустынными словами.

Л и д и я. Вот как?

С е м и к о в. Да. Я вот записал: «Созерцание — это знание без образов, и всегда оно выше разума». Это, по-моему, верно. Мысли очень мешают творчеству, сочиняешь и всё думаешь, чтобы хорошо вышло. А он говорит, что хорошо будет, если не думать, а только слушать музыку своей души, тогда и будет поэзия. В жизни — никакой поэзии нет.

Л и д и я. Это — вы говорите или он?

С е м и к о в. Он. Но он верно говорит, по-моему. Только я никак не могу без образов. Я вот пишу:

И, в облаках погребена,
Чуть светит бледная луна,
И темной массой идут ели
К своей какой-то тайной цели.

Л и д и я. Что же? Кажется,— это не плохо.

С о м о в *(выбежал)*. Э, голубчик, что же вы пришли, а не сказали?

С е м и к о в. Я сказал Дуняше...

С о м о в. Давайте чертежи... Дуняша! Вы не для Дуняши работаете. Можете идти! Впрочем — подождите!

Л и д и я. Вы — скоро?

С о м о в. Да. Сейчас. *(Ушел.)*

С е м и к о в. Я выписал еще вот: «При посредстве разума высказывается многое о начале, которое выше разума. Но постижение этого начала гораздо легче при отсутствии мысли, чем при ее посредстве».

Л и д и я *(рассеянно)*. Да...

С е м и к о в. Но — как же без мысли-то? Ведь вот заметно, что и собаки о чем-то думают.

Л и д и я *(потирая лоб)*. Видите ли, Семиков...

С е м и к о в. Я переменил фамилию, на Семиоков. Так — лучше для творчества. А то — Семиков, Кузнецов, Горшков,— какая тут поэзия?

(Выходят: Изотов и еще двое, один — толстый, другой — сутулый; они прощаются с Лидией почтительно и молча.)

Изотов. Могу прислать вам масла.

Лидия. Спасибо, у нас есть...

Изотов. Анна Николаевна сказала—нет. А мед—есть? Могу прислать. Отличный мед!

Лидия. Я спрошу свекровь.

Изотов. Имейте в виду: товарищи организуют пищевой голод...

(Лидия указывает глазами на Семикова.)

Изотов. Я, конечно, подразумеваю мужика, он сам всё ест. Он рассердился на город и ест масло, яйца, мясо — всё ест! Дразнит нас, скотина. Вы, дескать, хотите без мужика жить? Гвоздей, ситца не даете? Так я тоже ни зерна не дам! Хо-хо! Ну, до свидания!

Лидия. В город?

Изотов. Нет, мы здесь ночуем, у Богомолова. Винтить будем. Старик у нас — азартнейший винтер. Его — маслом не корми, но — обязательно — винт! Всех благ!

Лидия. Вы сегодня веселый.

Изотов. Дела идут хорошо. Отлично идут дела! *(Ушел.)*

Семиков. О рыбах я тоже выписал...

Лидия. Что? О рыбах?

Семиков. О том, что чешуя у рыб — разная и что люди тоже не могут быть одинаковы. Но ведь чешуя-то — одежа, вроде пиджака или толстовки...

(Сомов, Богомолов.)

Сомов. Слушайте-ка, голубчик, вы небрежно работаете! Напутали там чёрт знает как! Можете идти.

(Семиков быстро исчезает.)

Богомолов. Чистенький какой парнишка...

Сомов. Глуповат. Стихи пишет, ну и...

Богомолов. В его возрасте глупость, знаете, только украшает...

Лидия. Чаю выпьете?

Богомолов. Нет, спасибо! Н-да, молодежь... Большой вопрос. Конечно, она получит право носить брюки и галстуки каких угодно цветов, н-но многие потребуют столыпинских галстуков, а?

Лидия. Вы очень... мрачно шутите...

Богомолов. Живем в эпоху мрачных шуток-с! Да, кстати: Яропегов — писал вам?

Сомов. Один раз.

Богомолов. Ну, как он? Поправился?

Сомов. Вероятно.

Богомолов. Странный случай, а? Ну, я удаляюсь! Старик, болтлив стал... Доброй ночи! *(Идет.)*

Дуняша ⟨*входит*⟩. Самовар подать?

Лидия. Да. Пожалуйста. Кто это ходит там?

Дуняша. Катерина Ивановна с Феклой. ⟨*Уходит.*⟩

Лидия *(зовет)*. Катя, иди чай пить...

Арсеньева. Спасибо. Минут через десять.

Сомов *(проводив Богомолова)*. Зачем ты позвала ее?

Лидия. Чай пить.

Сомов. Ты как будто избегаешь оставаться глаз на глаз со мною после той истерической сцены...

Лидия. Мы условились не вспоминать о ней...

Сомов. Не избегаешь, нет?

Лидия. Как видишь.

Сомов. Должен сознаться, Лида, что все-таки тот вечер... очень болезненно ушиб меня! И я продолжаю думать, что эта Арсеньева...

Анна *(входит)*. Ты — об Арсеньевой, да? Она хочет быть любовницей увальня Терентьева и, кажется, уже добилась этого, об этом все говорят!

Лидия. Например — Титова.

Анна. Это — пошловатая, но очень умная женщина! Мы, конечно, поставлены в необходимость вести знакомство со всякой швалью, но, Лида, я совершенно отказываюсь понять, что интересного находишь ты в этой сухой, глуповатой учительнице и — возможно — шпионке?

Лидия. Вы всё еще не оставили надежду воспитать меня?..

Сомов. Продолжая в этом тоне, вы поссоритесь, как всегда.

Лидия. Я никогда ни с кем не ссорюсь.

Анна. Но тебе всё более нравится раздражать меня...

Лидия. Не ссорюсь и начинаю думать, что это один из моих пороков.

Сомов. Довольно, Лида! Вы, мама, тоже...

Анна. Ты лишаешь меня права...

Сомов. Тише! Идет эта... Куда ты, Лидия?

Лидия. Я пройдусь с нею к реке.

Сомов. Надеюсь — не до полуночи?

⟨Лидия уходит.⟩ (Дуняша вносит самовар.)

Анна. Вы, Дуня, сегодня снова устроили в кухне базар...

Дуняша. Что же нам — шёпотом говорить?

Анна. Нет, конечно, но эти ваши... дикие песни!

Дуняша. Кому — дикие, а нам — приятны. Вы — отпускайте меня вовремя, вот и будет тихо. Я работаю не 8 часов, а 13. Это — не закон! *(Ушла.)*

Анна *(заваривая чай)*. Разрушается жизнь. Всё разрушается.

(Сомов стоит у перил, смотрит в лес.)

Анна. Как хочешь, Николай, но ты неудачно выбрал жену! Я предупреждала тебя. Такое... своекорыстное и — прости! — ничтожное существо. Ужас! Ужас, Николай... Вообще эта семья Уваровых — морально разложившиеся люди. Отец ее был либерал... дядя — тоже, хотя — архиерей. Архиерей — либерал! Ведь это... я не знаю что! И вот теперь ты, такой сильный, умный, талантливый... Боже мой!

Сомов. Вы кончили, да?

Анна. Не так зло, Николай! Не забудь, что говоришь с матерью.

Сомов. Послушайте меня молча, если можете... Я не однажды говорил вам, что в моем положении всякие... пустяки...

Анна. Я надеюсь, что мать — не пустяк?

Сомов. Нет, но она занимается пустяками, которые могут компрометировать меня. Ваше поведение... весьма забавно, но — я не могу относиться к нему юмористически.

Анна. Я не желаю слушать! Ты не имеешь права ограничивать...

С о м о в. Не говорите фразами из учебника грамматики...

(Фекла идет.)

А н н а. Что вам нужно?

Ф е к л а. Спекулянта-то нашего заарестовали, Анна Николавна...

А н н а *(перекрестилась маленьким крестом, почти незаметно)*. Вот видишь? Это был честный, разумный человек. Наверное, это ошибка, Фекла...

Ф е к л а. Да, ошибся, говорят; доски на стройке воровал, что ли. Это, конечно, его дело, да он сегодня должен был доставить разное для кухни...

А н н а. Ну, что же! Найдите другого поставщика... Идите!

Ф е к л а *(задумчиво)*. Тут есть одна баба, тоже кулачиха, да уж очень стерва.

А н н а. Прошу не ругаться!

С о м о в. От кого вы узнали об аресте?

Ф е к л а. Мишутка-комсомол сказал.

А н н а. Идите, идите... Договоритесь с кем-нибудь...

Ф е к л а. Ну, хорошо! Я уж с этой... стерлядью. Других-то нету. *(Ушла.)*

А н н а. Вот, Николай, как уничтожают людей! Силантьев был влиятельный мужик. Он, рабочий Китаев, Троеруков...

С о м о в. Вор, дурак и пьяный шут, но они могут втянуть... могут поставить вас в положение очень глупое...

А н н а. За всю мою жизнь я никогда не была в глупом положении. Ты должен понять, что с тобою говорит не только женщина, которая родила тебя, но — одна из тысяч женщин нашего сословия, оскорбленных, униженных, лишенных права на жизнь,— одна из тысяч!

С о м о в. Да, да, хорошо! Я говорил вам... вы знаете, что страна переживает тяжелый кризис...

А н н а. Ты со мной не говоришь, ты мне приказываешь. Со мной говорит Яков Антонович, человек, которого ты должен бы...

С о м о в *(изумлен)*. Богомолов? Что же он?

А н н а. Я — всё знаю, Николай! Я знаю героическую его работу, его жизнь подвижника, он — святой человек, Николай! А около тебя этот Яропегов, и ты так наивно, так детски доверчив с ним... Яков Антонович — в ужасе! Он боится, что Яропегов предаст и тебя и...

С о м о в *(с тихой яростью)*. Богомолов... старый идиот... болтун... мелкий взяточник, вот — Богомолов! Что он говорил?

А н н а. Николай! Ты с ума сходишь!

С о м о в *(схватил ее за плечи, встряхнул)*. Молчите! Это вы сошли с ума! Запру в сумасшедший дом! Понимаете? Не смейте говорить с Яковом! И — ни с кем — слышите? Этого... учителя — не принимать!

А н н а. Николай! Что ты делаешь? Опомнись! *(Плачет.)*

С о м о в *(оттолкнул ее)*. Завтра вы переедете в город.

А н н а. Ты делаешь дурное дело! Служить большевикам... ты, которого...

С о м о в *(резко поднял ее со стула)*. Идите к себе. Завтра — в город! Слышите?

А н н а. Пусти меня! Пусти... *(Идет. В двери — оглянулась.)* Ты внушаешь мне страшную мысль,— проклясть тебя!

С о м о в. Не разыгрывайте трагикомедии... Довольно! *(Шагает по террасе. Закуривает. Спички ломаются. Остановился, прислушивается. Бросил коробку спичек за перила.)*

Т р о е р у к о в *(на лестнице, с палкой в руке, прихрамывает)*. Добрый вечер.

С о м о в. Что вам угодно?

Т р о е р у к о в. Спички. *(Протягивает коробку.)*

С о м о в. Что?

Т р о е р у к о в. Спички упали.

С о м о в. К чёрту! Что — вам — угодно?

Т р о е р у к о в. Записка от Якова Антоновича.

С о м о в *(взял, читает, смотрит на него)*. Садитесь. *(Взглянул на записку.)* Ну-с, что же? Богомолов предлагает взять вас на место Семикова... Вы это знаете?

Т р о е р у к о в. Да.

С о м о в. Вы... преподавали историю?

Т р о е р у к о в. Чистописание, рисование. Невеждам говорю, что преподавал историю.

С о м о в. Вот как? *(Не сразу.)* Сидели в тюрьме, да?

Т р о е р у к о в. Два раза. Четыре месяца и одиннадцать.

С о м о в. За убеждения, конечно, да? То есть за болтовню?

(Троеруков молчит. Смотрят друг на друга.)

С о м о в. Мало. На месте ГПУ я бы вас — в Соловки. Лет на десять.

Т р о е р у к о в. Вы шутите или оскорбляете?

С о м о в. А — как вам кажется?

Т р о е р у к о в. Кажется — хотите оскорбить.

С о м о в. Ну и что же?

Т р о е р у к о в. Это — напрасно. Я так отшлифован оскорблениями, что от них не ржавею. Вы дадите мне работу?

С о м о в. Нет.

Т р о е р у к о в. Можно спросить — почему?

С о м о в. Спросите, но я не отвечу.

Т р о е р у к о в. До свидания. *(Встал.)* Так и сказать Якову Антоновичу?

С о м о в. Так и скажите... Впрочем — постойте! Вы способны говорить откровенно?

Т р о е р у к о в. Зависит от того — о чем и с кем.

С о м о в. О себе. Со мной.

Т р о е р у к о в. Зачем?

С о м о в. Вот как? Таким я вас не представлял. Любопытно. Вы давно знаете Богомолова?

Т р о е р у к о в. Пять лет.

С о м о в. И... что же вы о нем думаете? Можно узнать?

Т р о е р у к о в. Старый человек, не очень умный, обозленный и — неосторожный...

(Сомов молча смотрит на него. За террасой голоса Арсеньевой, Лидии.)

Т р о е р у к о в. Могу уйти?

С о м о в. Нет. Пойдемте-ко ко мне... Вы как будто... человек неглупый, а?

Т р о е р у к о в. Не имею оснований считать себя дураком.

С о м о в. И не плохой актер?

Т р о е р у к о в. Все люди — актеры.

(Ушли. Входят женщины.)

А р с е н ь е в а. Не знаю, как я могла бы помочь тебе.

Л и д и я. И я не знаю.

А р с е н ь е в а. Уж очень ты слабовольна.

Л и д и я. Вот это я знаю. Будем пить чай?

А р с е н ь е в а. Да. И детей нет.

Л и д и я. Он — не хочет. Да и — какая я мать?

А р с е н ь е в а. Он очень эгоистичен?

Л и д и я. Он — честолюбив. И — черствый. Он вообще... мало похож,— совсем не похож на того человека, каким я видела его до замужества.

А р с е н ь е в а. Ты — сильно влюбилась?

Л и д и я. Да. Впрочем — не знаю. Может быть, я просто хотела скорее выйти замуж. Отец ненавидел революцию, рабочих и всё... И меня тоже. Он стал такой страшный. Мы жили в одной комнате, иногда мне казалось, что он хочет убить меня. Он говорил: «Если б не ты, я бы дрался с ними». Ты помнишь его?

А р с е н ь е в а. Смутно.

Л и д и я. Ночью он молился, рычал: «Господи, покарай, покарай!» Я не могла уснуть, пока он сам не уснет. Утром проснусь, а он сидит на диване и смотрит на меня — так, что я не могу пошевелиться.

А р с е н ь е в а. Разведись, Лида, поживи со мной; у меня есть мальчик, приемыш, беспризорный, удивительно забавный, талантливый.

Л и д и я. Я такая... дрянь! Знаешь? Мне даже противно видеть себя в зеркале. Такое ненавистное, чужое лицо...

А р с е н ь е в а *(гладит ее плечо, голову)*. Перестань.

Л и д и я. Особенно гадко вспомнить себя... ночью. Он любит, чтоб в спальне горел огонь, понимаешь?

Он такой... чувственный и заражает меня. Потом — думаешь: какое несчастие, какой позор быть женщиной!

Арсеньева. Мне очень грустно с тобой...

Лидия. Грустно? И только?

Арсеньева. Ты была такая... прозрачная, правдивая, так серьезно училась, думала.

Лидия. А я и тогда вижу себя ничтожной. Теперь стала хуже... глупее, нечестной.

Арсеньева. У меня, Лида, нет... мягких слов, я не умею утешать.

Лидия. Ты всегда была такой.

Арсеньева. Я преданно... искренно люблю людей, которые — вот видишь — строят новую жизнь. И все другие, кроме их, мне уже непонятны. Я даже и себя иногда не понимаю. Мне стыдно вспомнить, что я могла думать и чувствовать иначе, не так, как теперь.

Лидия. Как горячо ты...

Арсеньева. Люди, как Дроздов, Терентьев, действительно — новые люди. Они — в опасном положении, у них гораздо больше врагов, чем друзей.

Лидия. Рабочие так страшно упрощают всё.

Арсеньева. Они упрощают правду...

Лидия. Кто-то идет?

Яропегов (*в охотничьих сапогах, с двустволкой за плечами, с чемоданом в руке*). Пардон, медам! Я, кажется, втяпался в лирическую сцену? Чай? О, дайте мне скорее чаю! Из оперы «Князь Игорь» — не замечаете?

Арсеньева. Как ваша голова?

Яропегов. Работает — как всегда: гениально!

Лидия. А болит еще?

Яропегов. Немножко. Скорее — из вежливости, чем по необходимости.

Лидия. Где ты... где вы были?

Яропегов. Чёртова глушь. 63 километра от ближайшей станции. Леса, бурелом, валежник, гниль и вообще все прелести лесов, где никто, кроме лешего, не хозяйничал. Проводят ветку — адова работа, но — весело! Николай дома? (*Рассказывая, он снимает ружье, ставит его в угол; вынул из кармана револьвер, положил его на подоконник, прикрыл шляпой.*)

Л и д и я. Кажется, вы чем-то встревожены?

Я р о п е г о в. И сам себе — зубы заговариваю,— как вы любите выражаться?

А р с е н ь е в а. Ну, Лида, я пойду!

Л и д и я. Посиди еще немножко.

Я р о п е г о в. Это не я спугнул вас?

А р с е н ь е в а. О нет, я не пуглива.

Л и д и я. Посиди!

Я р о п е г о в. А я пойду взгляну, где Николай. *(Ушел.)*

А р с е н ь е в а. Какой он жизнерадостный.

Л и д и я. Нет, это только слова у него такие, а он — несчастный и притворяется. Я его знаю. Он чем-то встревожен. Он притворяется, но не умеет. И лгать не умеет.

А р с е н ь е в а. Его очень любит молодежь.

Л и д и я. Он всегда заговаривает зубы себе и всем. Он был женат на двоюродной сестре мужа, а она ушла с каким-то англичанином в Сибирь и там умерла. У тебя муж — кто был?

А р с е н ь е в а. Плохой человек.

Л и д и я. Тоже?

А р с е н ь е в а *(смеясь)*. Ах ты... Дитя ты еще! Муж мой был журналист, после Октябрьской революции он показал себя так, что мы разошлись...

Л и д и я. Он — где?

А р с е н ь е в а. Убит в гражданской войне. Он — белый, корниловец.

Т р о е р у к о в *(поспешно вышел из комнаты, схватил палку)*. Извините! *(Сбежал с лестницы.)*

Л и д и я. Вот противный человек.

А р с е н ь е в а. Да. Очень.

С о м о в *(из комнаты)*. Лида!

Л и д и я. Что?

С о м о в. На минуту!

Л и д и я *(ушла, быстро возвращается)*. Пойдем ко мне наверх...

А р с е н ь е в а. Мне пора домой...

Л и д и я. Нет,— пойдем! Ты так хорошо говорила со мной сегодня!

А р с е н ь е в а. Далеко я живу,

Л и д и я *(ведет ее)*. Да, очень далеко от меня, далеко! Но мне так хочется побыть с тобой.

(Ушли. Через минуту Сомов — вышел, за ним — Яропегов.)

С о м о в. Здесь удобнее.

Я р о п е г о в. Чем? *(Наливает чай.)*

С о м о в. Всегда видишь, кто идет...

Я р о п е г о в. Есть такой балет: «Тщетная предосторожность». *(Ожег руку.)* А, чёрт...

С о м о в. Ты ничего не говорил жене?

Я р о п е г о в. Я вскочил на террасу и при этой учительнице заорал, как мальчишка-газетчик: «Попов приехал из-за границы и на вокзале арестован...»

С о м о в *(ходит)*. Выхватывая из нашей среды таких, как он, товарищи обезоруживают себя. В конце концов — всё против них.

Я р о п е г о в. Ты думаешь? Гм...

С о м о в. Богомолов будет... встревожен...

Я р о п е г о в. Дуреет старик. Загнал фабрику в трущобу, а можно было построить километров на 30 ближе к путям и на сухом месте. Вообще работу он ведет не очень грамотно и спустя рукава. Пристыдят его товарищи, когда разберутся. А они скоро начнут понимать, из их среды уже появляются весьма остроумные парни.

С о м о в. Не замечаю.

Я р о п е г о в. Ты из-за проектов и бумаг людей не видишь. *(Пауза.)* Напрасно меня выдернули вы из живого дела. На практической работе я чувствовал себя лучше и пил меньше. У вас тут атмосфера низкого давления и какая-то... всё чихать хочется, а чихнуть — некуда.

С о м о в. Виктор! Когда автомобиль свалил тебя...

Я р о п е г о в. Числа не помню.

С о м о в. Я не об этом. Шофер не возбуждает у тебя никаких подозрений?

Я р о п е г о в. Подозреваю, что он был пьян, идиот. Трезвый не поедет с погашенными фонарями.

С о м о в. Странно, что ты не заметил шофера и кто сидел с ним...

Я р о п е г о в. Когда на человека налетает автомобиль, так человек прежде всего замечает машину, затем — столкновение машины с его брюхом, далее он замечает, что его швырнуло на панель и что башка его неприятно стукнулась о какое-то твердое тело. После этого человек утрачивает на некоторое время способность замечать что-либо. А очухавшись, деловито соображает — насколько он испорчен? При всем этом — нет времени знакомиться с шофером.

С о м о в. Это забавно, Виктор, но...

Я р о п е г о в. Почему ты вспомнил этот случай?..

С о м о в. Видишь ли, ты — извини! Но мне кажется, что автомобиля вообще не было, а просто ты упал...

Я р о п е г о в. Будучи в пьяном виде? На этом и согласимся.

С о м о в. Тут всё время ищут шофера, этот... товарищ Дроздов, должно быть, подозревает хулиганство и, может быть...

Я р о п е г о в. Мне следует заявить, что это я сам, в пьяном виде, наскочил на автомобиль? Что ж, можно и заявить. Но гражданин, который поставил меня на ноги...

Б о г о м о л о в *(идет поспешно, с зонтиком под мышкой, говорит негромко, задыхаясь, заикается)*. Виктор Павлович... Действительно — Попов, а?

Я р о п е г о в. Именно — он.

Б о г о м о л о в. Странно как, знаете? И — почему, а?

Я р о п е г о в. Сие — неизвестно. Что это вы — с зонтиком?

Б о г о м о л о в. От собак. Я думал — палка. Как же это... случилось?

Я р о п е г о в. Очень просто: его встретили люди, которые в таких случаях встречают...

Б о г о м о л о в. В каких случаях?

Я р о п е г о в. Ну, вот — в этих, когда человека арестовать надо...

С о м о в. Не так громко, Виктор...

Б о г о м о л о в. Надо? Надо... мотивы иметь!

Я р о п е г о в. Вероятно, у них есть и мотивы.

Б о г о м о л о в *(озлобляясь)*. Вы шутите! Вы всё шутите...

Я р о п е г о в. Привычка. Свыше мне дана.

С о м о в. Яков Антонович, мне надобно сказать вам несколько слов...

Б о г о м о л о в. Сейчас, подождите! *(Яропегову.)* Ну, встретили и... что же?

Я р о п е г о в. И повели.

Б о г о м о л о в. Сказали что-нибудь?

Я р о п е г о в. Не слышал.

Б о г о м о л о в. Портфель у него? Багаж?

Я р о п е г о в. Да — что я? Багажный кондуктор? Я видел, что Попова любезно ведут, а он... идет! И это — всё!

Б о г о м о л о в. Любезно! Ой, как нехорошо говорите вы! У вас... коллегиального чувства нет-с! Вы... не понимаете — кто арестован! Кто!

Я р о п е г о в. Я сказал: арестован — Попов, вы знаете его, да? Ну вот. И — чего вы кричите на меня? По какому праву?

Б о г о м о л о в. Право старшего товарища...— Иду, Сомов, иду! Не возмущаться такими актами бесправия... *(Сомов шепчет в ухо ему.)* Да... Иду! Вы извините, Виктор Павлович, но... я — старый человек и — возмущен, знаете! Николай Васильевич — надо сказать Изотову...

С о м о в. Да, но мне некого послать...

Б о г о м о л о в. Подождите... Тут должен быть... *(Кричит.)* Кирик Валентиныч, вы — где? *(Сбежал с лестницы, из-за деревьев — Троеруков, шепчутся. Яропегов изумлен. Сомов, нахмурясь, следит за ним. Богомолов возвратился.)* Идемте! Какие волнения... На старости лет...

⟨Богомолов и Сомов уходят.⟩ (Яропегов протер пальцами глаза, щупает затылок, крутит бородку, бормочет что-то, берет чемодан, ружье.)

Ф е к л а *⟨входит⟩*. Здравствуйте, Виктор Павлыч,— приехали?

Я р о п е г о в *(как сквозь сон)*. Очевидно... приехал! Как живем, премудрая?

Ф е к л а. Стряпаю да кормлю, вот и всё житьишко! Денег надобно, а взять не у кого, старшая хозяйка — заперлась, не допускает до себя, молодая — пищей не интересуется... Поправились от ушиба-то?

Я р о п е г о в. Вполне. Хоть жениться могу...

Ф е к л а. Жениться вам — самое полезное дело. И женитесь — на молодой, вы — веселый, с вами и молодая скучать не станет.

Я р о п е г о в *(хочет идти)*. Так я и сделаю...

Ф е к л а *(собирая посуду со стола)*. А у нас тут всё скандалы, всё аресты. Шпекулянта Силантьева арестовали, Китаева, они, слышь, материал со стройки привыкли красть. Ведь вот какая это дурная привычка — воровать! Ну, Силантьев — пес его возьми! А рабочему-то воровать не надо бы! Подумал бы: у кого ворует? Сам у себя ворует.

Я р о п е г о в *(поставил чемодан на пол)*. Правильно! Китаева, говорите, зацапали?

Ф е к л а. Да, да! И слышно, что будто бы он пьяный хвастался, что на человека наехал,— не он ли это на вас?

Я р о п е г о в. Не-ет... Мало ли таких.., которые наезжают.

Ф е к л а. Задумчивый вы нынче.

Я р о п е г о в. Устал, должно быть.

Ф е к л а. Ну — отдыхайте, отдыхайте... *(Несет посуду в комнату.)*

(Яропегов уступает ей дорогу, а из двери, оттолкнув Феклу, бежит Богомолов.)

Б о г о м о л о в *(задыхаясь)*. Нет-с, это невозможно. Я — протестую! Это — ваше дело, а — не мое! Это — ваш план! Возражаю! Это вы... перешагнули за рубеж... географии и разума-с!

С о м о в. Разрешите напомнить, что Яропегов не посвящен...

Б о г о м о л о в. Не верю-с! Хладнокровием рисуетесь? И в хладнокровие не верю-с! Вот как, Виктор Павлович? Шуточки — шутили? Ловко!

Я р о п е г о в. В чем дело, Николай?

С о м о в. Как видишь — Яков Антонович в панике.

Б о г о м о л о в. Я? В панике? Ложь! Я — возмущен. Я — стар, в старости — ничего не боятся! *(Плачущим голосом.)* В старости... нечего терять... нечего, да!

Я р о п е г о в. Ясно, что в этой интимной беседе третий человек — лишний.

С о м о в. Давайте обсудим спокойно...

Б о г о м о л о в. Спокойно? После сказанного вами? Нет, знаете...

С о м о в. Вы сделали целый ряд глупостей...

Б о г о м о л о в. Я? Да — что вы? Вы... Наполеоном себя считаете? Позвольте... чёрт возьми! Это — не пройдет!

С о м о в. Подождите.

Б о г о м о л о в. Мне ждать от вас нечего...

С о м о в. Не от меня... Молчите... Слышите?

Б о г о м о л о в. Что такое? Что... слышать?

(Сомов — быстро сунул руки в карманы и — сквозь зубы негромко рычит. Богомолов, выпрямляясь, качается на ногах. На террасу входят четверо агентов ГПУ.)

А г е н т *(очень вежливо)*. Николай Васильевич Сомов?

С о м о в. Это — я.

А г е н т. Вы арестованы. Выньте руки из карманов. А вы — кто?

Б о г о м о л о в. Яков... Богомолов. Яков Антонович... Богомолов...

А г е н т. Вы — тоже арестованы. Здесь живете, нет?

Б о г о м о л о в. Я... случайно. То есть — пришел в гости. Этот арест... явное недоразумение...

А г е н т. Здесь должен быть еще... Яропегов, Виктор Павлов.

Я р о п е г о в *(в двери)*. Вот он.

А г е н т. Подлежите аресту и вы.

Я р о п е г о в. Неприятно.

А г е н т *(усмехаясь)*. Никогда не замечал, что этот акт приятен для тех, кого арестуют.

Я р о п е г о в. Не замечали? Странно.

А г е н т *(Сомову)*. Ваш кабинет?

С о м о в. Я не держу здесь бумаг.

А г е н т. Всё равно, мы должны произвести обыск.

С о м о в. Пожалуйста. *(Садится на подоконник.)*

А г е н т. Вы не желаете показать, где ваш кабинет?

С о м о в. Вы же будете обыскивать всю дачу, кабинет — в ней. *(Нащупал револьвер под шляпой Яропегова.)*

А г е н т. Хорошо. При обыске отказываетесь присутствовать? Товарищи, займитесь там. *(Сел к столу, вынимает бумаги из портфеля. Количество агентов постепенно увеличивается.)*

Я р о п е г о в *(схватил Сомова за руку)*. Ну, ну, это, брат, не игра! *(Вырывает револьвер.)* И нельзя стрелять, не подняв предохранитель. *(Один из агентов берет у него оружие.)* Не подумайте, что он хотел стрелять в вас.

А г е н т *(за столом)*. Нет, мы этого не подумаем, будьте спокойны.

(Богомолов — сидит, у него поза человека, который дремлет или крепко задумался. Около Сомова два агента. Яропегов, сидя на перилах, закуривает, наблюдая всех.)

С о м о в *(Яропегову)*. Ты... свинья!

Я р о п е г о в *(спокойно)*. Потому что не признаю за тобой права самоликвидации? Нет, это их право...

(Из комнат выходят Анна, Арсеньева, Лидия, их сопровождает агент.)

А н н а *(на слова Яропегова)*. Что, Николай? Я говорила тебе, я говорила!

А г е н т. А что, собственно, говорили вы?

С о м о в. Это — моя мать... она психически ненормальна.

А н н а. Николай! Что ты сказал!

(Богомолов встал и тоже порывается вперед, хочет сказать что-то, но, махнув рукой на Сомова, снова сел.)

Л и д и я *(негромко)*. Николай... Это — серьезно?

С о м о в. Не беспокойся.

Л и д и я. Нет... Виктор — что это значит?

Я р о п е г о в. Я думаю — ликвидация малограмотности...

А н н а. Балаганный шут...

(Лидия хочет схватить со стола револьвер Яропегова, Арсеньева удерживает ее руку, агент — оружие.)

Я р о п е г о в *(испуган)*. Что ты, что ты! Ты же не умеешь стрелять!

Л и д и я *(кричит)*. Я хочу... я должна убить себя... Я — маленький зверь... Имею право...

А н н а. Не притворяйтесь,— вы! Истеричка!

А р с е н ь е в а *(агенту)*. Можно увести ее?

С о м о в. Веди себя прилично, Лидия!

Л и д и я. Нет, Николай... я не могу больше... не могу...

А г е н т *(товарищу)*. Уведи ее в комнату, останься там.

Л и д и я. Катя,— не оставляй меня...

(Навстречу ей и Арсеньевой — Фекла, Дуняша, агент.)

Ф е к л а. Ба-атюшки, народу-то сколько! Здравствуйте, товарищи!

Д у н я ш а *(агенту)*. Не толкайся! Я — не арестованная!

А г е н т. Нечаянно...

Ф е к л а. Виктор Павлыч,— ох! Неужто и вас заарканят?

Я р о п е г о в. Уже.

Ф е к л а. Ну, вас, наверно, по пьяному делу!

А г е н т. Не шуми, старушка!

Ф е к л а. Да — разве я шумлю? Я тоже не арестованная.

Д у н я ш а. Наша власть, а — толкаетесь. Неучи!

Ф е к л а. Зря это — рычите вы, товарищ.

Д у н я ш а. Прислуга за господ не отвечает...

А г е н т. Довольно!

Ф е к л а. Ну, давай молчим, Дуняшка...

(Агент, с чемоданом в руке, вводит на террасу Троерукова. Богомолов, видя его, поднимается со стула, качаясь на ногах.)

Агент. Гражданин этот бежал куда-то с чемоданом...

Троеруков. Я его нашел в лесу...

Богомолов. Этот... чемодан... этот человек...

Агент. Гражданин, не волнуйтесь!.. Мы разберем, кто этот человек и что в чемодане...

(Богомолов, всхрапнув, падает.)

Фекла. Ой, глядите, старичок-то...

Анна *(крестясь)*. Вот...

Сомов *(с надеждой, почти с радостью)*. Умер?

(Возня вокруг Богомолова. Троеруков сделал какой-то знак Сомову, тот — усмехнулся. Погас огонь.)

Агент. Кто погасил? Света! Что с ним?

Яропегов. Должно быть — удар.

Агент. А где арестованный с чемоданом?

(Двое агентов вводят на террасу Троерукова, один из них говорит: «Гражданин этот хотел бежать».*)*

Троеруков. Неправда! Просто,— я в темноте упал через перила...

Агент. Ловко падаете! Послать машину за доктором, и авто скорой помощи. Есть на фабрике такое авто? Живо! Что там, с обыском? *(Троерукову.)* Ваше имя, гражданин? Род занятий?

Троеруков. Кирик Валентинов Троеруков, учитель пения.

‹ХРИСТОФОР БУКЕЕВ›

‹ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА›

Х р и с т о ф о р   Б у к е е в — 45 лет, рыжий, лицо почти уродливое, но в минуты возбуждения неотразимо обаятелен.
Ж е н а — вторая, лет 30.
Т е с т ь — разбит параличом, его возят в кресле на трех колесах.
М а р к — воспитанник, лет 25.
Г о р б а т о в — архитектор.
Б р а г и н а — приживалка.
Н а у м — человек величественный и поучающий, лет 60.
И з о т о в — городской голова.
С е р а ф и м а — его дочь, вдова.
Поп С а м с о н — лет 70.
М а р и я   И в а н о в а — сестра милосердия.
И в а н о в — ее брат, конторщик.
В и ц е - г у б е р н а т о р ш а.
А д в о к а т.
К о р о е д о в а.

Комната Христофора, и кабинет, и гостиная. Почти на середине ее, но ближе к левой стене, огромный стол, неряшливо нагруженный бумагами. Угол — срезан тремя окнами в сад, он образует фонарь.

В задней стене завешанная тяжелой драпировкой дверь в спальню Христофора, рядом с нею старинные часы, в гробообразном ящике, маятник неподвижен. По другую сторону двери большой план города. Направо — две двери, в углу двухстворчатая, ближе к рампе — в одну створку. Между дверями карточный стол, четыре стула, зеркало в богатой золоченой раме.

Другое, поменьше, против его и несколько наискось. Зеркала помогают Букееву наблюдать за людями. В общем пустовато и неприглядно, можно думать, что человек только что начал жить в этой комнате и еще не устроился.

Несколько секунд — пусто, затем из спальни выходит, не спеша, Христофор, в лиловом халате, непричесанный, явно похмельный. Зевает, подошел к столу, ткнул пальцем в кнопку звонка, внимательно смотрит на палец, подняв руку к лицу. Наум — величествен до комизма, в перчатках, лицо деревянное, баки, подбородок выбрит; говорит четко.

Христофор. Содовой, лимон. Чаю. Да — крепкого! Что ты всё жидкий чай даешь?

Наум. Слушаю.

Христофор. И сбрил бы ты баки, на карикатуру англичанина похож.

Наум. Человек моей должности обязан подражать англичанину.

Христофор *(усмехаясь)*. Ну, тогда — иди. Иванова позови.

Наум. Часы починить прикажете?

Христофор. Не прикажу. Не люблю, когда тикают. *(Мычит, прокашливается, подошел к зеркалу, ворчит.)* Некрасив ты, Христофор. Внушительно некрасив.

(Наум с подносом, ставит его на карточный стол.)

Сильно пьян приехал я?

Наум. Марк Антоныч — значительнее.

Христофор. Спит?

Наум. Спят.— Разрешите доложить?

Христофор. Доложи.

Наум. Так как я приглашен устроить дом, то должен указать, что в домах аристократических женская прислуга, по суетности ее...

Христофор. Ты снова о лакее? Брось. Лакеев не люблю.

Наум. Как угодно...

(Санин — в черном костюме, бритый, щеки синие, усы густые, как два куска смолы, немножко прихрамывает; молча с достоинством кланяется.)

Х р и с т о ф о р. Возьми зеленую папку и проверь счета к двенадцати.

С а н и н. Городской голова звонил, спрашивал, когда вас застать.

Х р и с т о ф о р. Врасплох? Никогда не застанет. Скажи ему: в половине двенадцатого. *(Присматриваясь к нему.)* Что ты всё сычом смотришь? Живи веселей!

С а н и н. Денег не хватает на веселье. Могу идти?

Х р и с т о ф о р. Можешь. *(Смотрит вслед ему, выжимая лимон в содовую воду.)* Иванов!

(Иванов остановился.)

Х р и с т о ф о р. Мне, брат, кажется, что у тебя язык не в меру длиной.

И в а н о в. Не понимаю, простите. *(Уходит.)*

Х р и с т о ф о р. Врешь, понимаешь. *(Отмахнулся от него рукою.)*

Ж е н а *(входит в капоте, причесана, лицо раскрашено)*. Здравствуй. Встал?

Х р и с т о ф о р. Сижу, как видишь.

(Жена подошла, наклонилась, хочет поцеловать в лоб. Христофор нагнул голову над стаканом, вылавливая ложкой семечко лимона; поцелуй пришелся в затылок.)

Ж е н а. Ты вчера кутил?

Х р и с т о ф о р *(не глядя на нее)*. А ты опять лошадь загнала? Всё на автомобиль метишь? Хитрая ты у меня.

Ж е н а *(смеется)*. Вот выдумал.

Х р и с т о ф о р *(тем же тоном)*. И слышно, ты роман сочиняешь.

Ж е н а. Это что еще?

Х р и с т о ф о р. Роман, это когда женщина любовника заводит. Марья, ты, слышу, любовника завела.

Ж е н а *(отступила, задела стул, села, кутается, в глазах испуг)*. Что ты? Какой любовник?

Х р и с т о ф о р *(спокойно)*. Они бывают разные — брюнеты, блондины...

Ж е н а. У нас, среди знакомых, ни одного брюнета нет...

Х р и с т о ф о р. И других мастей. Они обыкновенно молодые. Брюнета, действительно, около тебя не видно.

Ж е н а *(платок у глаз)*. За что ты меня обижаешь?

Х р и с т о ф о р. Я тебя не обижаю. А если еще раз услышу, что у тебя роман,— обижу. Тогда я тебя крепко обижу. Поняла? *(Повторяет очень твердо.)* Если услышу — обижу.

Ж е н а. Ты стал — невозможен...

Х р и с т о ф о р. Таков был и есть.

Ж е н а. Так груб со мной.

Х р и с т о ф о р. Я вообще неласков. Пора привыкнуть. Зачем пришла?

Ж е н а. Я хотела сказать... Я уж не могу теперь.

Х р и с т о ф о р. Ну, иди, соберись с силами, потом скажешь.

Ж е н а. Ты вот смеешься надо мной.

Х р и с т о ф о р. Не смеши.

(Жена встала, хочет обнять его, он тоже встал и поднес стакан к губам своим, выставив вперед локоть.)

Наум требует лакея для пущего аристократизма в доме. Так мне лакея не надо.

Ж е н а. Я хотела просить, чтоб ты попа принял.

Х р и с т о ф о р *(удивлен)*. Попа? принять? *(Хохочет.)* Да я — здоров! Мне не нужно микстуры. Какого попа?

Ж е н а. Удивительный! Даже — страшный. Полуглухой...

Х р и с т о ф о р. Час от часу не легче! А зачем я ему нужен?

Ж е н а. Он сам тебе скажет, он так говорит, что просто ужас.

Х р и с т о ф о р *(смотрит на нее с любопытством, вздыхает)*. Скучно тебе жить, Глафира!

Ж е н а. Нет, пожалуйста, прими!

Х р и с т о ф о р *(подошел к столу, смотрит на часы)*. Через полчаса.

Г о р н и ч н а я *(в дверях, жене)*. Вас просят к телефону.

(Жена быстро уходит. Христофор смотрит вслед ей, усмехаясь.)

Г о р н и ч н а я. Можно убрать?

Х р и с т о ф о р *(строго, но шутя)*. Спроси Наума. Без его разрешения тебе ничего нельзя делать. И тебе и Паше. Он вам, звери, укротитель.

Г о р н и ч н а я *(тихо)*. Сестра просит принять ее.

Х р и с т о ф о р. Это почему же ты говоришь таинственно?

Г о р н и ч н а я. Я — не таинственно.

Х р и с т о ф о р *(берет ее за подбородок, смотрит в глаза)*. Что думаешь?

Г о р н и ч н а я *(боязливо)*. Я не думаю... Она просила, чтоб никто не знал.

Х р и с т о ф о р *(сердито)*. Что-о? Зови! *(Туго затянул пояс халата, ходит по комнате, тяжело топая, раскрыл окно в фонаре.)*

С е с т р а *(в дверях)*. Извините...

Х р и с т о ф о р *(идя к ней)*. Что угодно? Скорей, у меня нет времени.

С е с т р а *(смущена, торопится)*. Пожалуйста, не подумайте, что я в своих интересах, нет! Но, видите ли, я считаю, что должна...

Х р и с т о ф о р. Да-с?

С е с т р а. Что нужно сказать вам... *(Молчит, беспомощно глядя на него.)*

Х р и с т о ф о р *(шагнул ближе к ней)*. Что сказать? Мне всё можно сказать. Ну-с?

С е с т р а *(тихо)*. Николай Иванович понимает.

Х р и с т о ф о р *(с досадой)*. То есть выздоравливает, начинает понимать, да?

С е с т р а. Нет. Мне кажется... простите! Он вас очень не любит.

Х р и с т о ф о р *(присматриваясь к ней)*. Знаю.

С е с т р а. Он — ненавидит вас.

Х р и с т о ф о р *(усмехнулся. Отошел, сказал через плечо)*. Странная вы девушка! А — вам что? Пусть его ненавидит.

С е с т р а. Я думаю... мне кажется, он хочет сделать вам злое.

Х р и с т о ф о р *(усмехаясь, снова идя к ней)*. Паралычный — зло? какое же?

Сестра. Я не знаю. Он посылает записки городскому голове с его дочерью.

Христофор *(взял ее за плечи)*. Хорошая вы девушка. Спасибо! *(Встряхнул ее.)* Спасибо, милый друг. Так — записки? Голове? А что же в записках?

Сестра. Я не знаю.

Христофор. И не узнавайте. Не путайтесь в это. Не надо. Вы его через полчасика привезите ко мне, сюда. Я посмотрю. *(Сестра хочет уйти, он остановил ее, сунув палец за повязку красного креста на рукаве.)* А вы оправданно повязку эту носите,— милосердная вы, да?

Сестра. Я учительницей была в селе, но учить так трудно.

Христофор. Это, пожалуй, и я знаю: учить людей жить по-человечески — трудно. А, может, по-человечески-то — плохо жить?

Сестра. Да, живут плохо...

Христофор. Может быть, нечестно по-человечески-то жить? а?

Сестра. Я — не понимаю...

Христофор. А зачем вы сделали это?

Сестра. Что?

Христофор. Да — вот сказали мне о старике. *(Отпуская ее.)* Хорошая вы. Но вот что: я — вдвое старше вас, так вот я говорю: милосердие — опасное качество. Вы — осторожнее с людями. Очень советую!

(Марк, полуодетый, заглянул в двери и скрылся. Христофор видел его отражение в зеркале.)

Христофор. Ну, идите. Спасибо. *(Ушла. Христофор, спрятав руки за спину, стоит среди комнаты, глядя вслед ей, задумался. Он вообще часто прячет руки за спину, в карманы, скрещивает их на груди; он как бы опасается каких-то невольных движений рук своих, как будто они не вполне подчиняются его воле.)* *(Марк, он подвижной, ловкий, ведет себя эксцентрически, в прямом смысле слова подражая эксцентрикам. В нем всё шаржировано, исключая костюм, всегда очень щегольской, изящный. Расшаркивается пред тем местом, где стояла сестра.)*

Х р и с т о ф о р. Ну, и напился ты вчера! Это, брат, не очень похвально. Поезжай скорей на бойни.

М а р к. Был.

Х р и с т о ф о р *(подходя)*. Когда?

М а р к. Сейчас оттуда.

Х р и с т о ф о р *(осматривая его)*. В этом виде?

М а р к. А — что ж? Пальто надел. Там — всё в порядке. Югова оклеветали.

Х р и с т о ф о р. Так я и думал. А ты — молодец! Я думал, ты весь день проспишь.

М а р к. Проснулся в шесть, взял ванну, выпил кофе и — готов!

Х р и с т о ф о р. Молодчина. Здорово я тебя воспитал.

М а р к. Неплохо. А эта девушка?..

Х р и с т о ф о р *(задумчиво)*. Девушка, брат... сестра милосердная. Ремесло такое у нее. А может быть, привычка. А может быть, что-то другое. Ты ее не трогаешь?

М а р к. Я? Оскорбительный вопрос.

Х р и с т о ф о р. Ты ее не трогай. И не уходи из дома, понадобишься. Изотов приедет.

М а р к *(подмигнув)*. Сюрприз!

Х р и с т о ф о р *(усмехаясь)*. Дурак.

М а р к. А какова вчера вице-губернаторша была, а? Яд!

Х р и с т о ф о р *(у стола, роется в бумагах)*. Н-да... Женщина, как... следует быть.

М а р к *(пританцовывает, напевает)*.

Я — шансонетка,
Поберегись!
Стреляю метко,
Не попадись.
Я обожаю шутки, смех,
Но мое сердце не для всех.

И — врет!

Х р и с т о ф о р. Она — врет, а ты — верь.

М а р к. Что?

Х р и с т о ф о р. Не привыкай на баб жаловаться.

М а р к. Да — я не жалуюсь.

Х р и с т о ф о р. На бабу, как на погоду, только дураки жалуются. *(Дает бумаги.)* Зибор тут попутал. Третий, четвертый и седьмой пункт надо переписать, как мною указано.

(Жена, уже одета.)

Против кого это вооружилась?

Ж е н а. С визитом, к губернаторше. А вы оба всё еще...

Х р и с т о ф о р. Да, да, мы всё еще... Ну?

Ж е н а. Пришел отец Самсон.

Х р и с т о ф о р. Зови.

М а р к. Это что такое — отец Самсон?

Х р и с т о ф о р. А чёрт его знает.

М а р к. Я — иду?

Х р и с т о ф о р. Иди.

(Отец Самсон в дверях; старик за 60 лет, в бедненькой, выцветшей рясе, с измятой шляпой в руке, в тяжелых мужицких сапогах. Шляпа помогает ему говорить, он размахивает ею, мнет ее, растягивает. Он не суетлив, но его жесты быстры и красноречивы. Сухое, строгое лицо, острая бородка; курчавые седые волосы делают голову слишком большой для его фигуры. Марк, уступив ему дорогу, остановился в двери.)

Х р и с т о ф о р. Не взыщите, что принимаю вас эдак, не успел одеться.

П о п. Я не дама. *(Окинул комнату быстрым взглядом).*

Х р и с т о ф о р. Икону ищете? Неудобная комната для икон, негде повесить. Садитесь. *(Ногою подтолкнул кресло.)* Чем служить могу?

П о п. Деньгами.

Х р и с т о ф о р *(присел на стол.)* Так. Это очень просто. А для какой цели деньги, можно узнать?

П о п. Сейчас скажу. *(Вынул из-за пазухи пакет, завернутый в клетчатый платок, развернул на коленях, вынул пачку бумаг, отер платком лицо, бумаги протянул Христофору.)* Это надо прочитать после. А эту — сейчас.

Х р и с т о ф о р. Обязательно читать?

П о п. Обязательно.

Х р и с т о ф о р. Читай, Марк.

М а р к. «Сим Городская управа города Мятлина удостоверяет, что отец протоиерей Самсон Вологонов, заботясь о снабжении водою страдавшего от безводия города нашего, собрал тяжким трудом в течение 12 лет почвенные воды в лесу, в двух верстах от города,

(Жена вошла, села под зеркалом.)

и ныне в лесном овраге образовался пруд прекрасной питьевой воды, коею город может быть снабжаем в количестве 40 тысяч ведер ежедневно». Подписи, печать. Такое же удостоверение от жителей и подписи их.

П о п. Три тысячи двести восемь имен. Жителей в городе около десяти тысяч.

Х р и с т о ф о р *(пересел со стола на ручку кресла, смотрит с любопытством)*. Об этом удивительном деле вашем рассказывал мне губернатор.

П о п. Смеялся?

Х р и с т о ф о р. А — как вы думаете?

П о п. Смеялся *(1 нрзб)*.

Х р и с т о ф о р. Говорил, что сын у вас политэмигрант.

П о п. Ну, так что? А дочь в тюрьме сидит, тоже за политику. И вторая сядет. Ну?

Х р и с т о ф о р *(посмеиваясь)*. Да я не осуждаю. Задорный вы какой.

(Марк смеется, жена волнуется, хотя ей тоже смешно.)

Доброе дело сделали вы.

П о п. Не всё. Доделать надо. Водокачку надо строить. Деньги есть. Один купец отказал, умирая, или на водопровод, или на Общество взаимного кредита. Богачи наши, конечно, денег этих не дают мне. Им полезней Общество взаимного кредита, они воду бочками возят себе на лошадях из лесных источников. В реке вода отравлена ими, они там войлок делают, бумагу. Отравлена так, что и рыбы нет, и скот воды не вкушает. Да. А бедные пьют воду из прудов, тухлую, гнилую. Да. Поняли?

Х р и с т о ф о р. Понял.

П о п. Я им плюнул в рожи, богачам, и вот пошел милостину собирать на построение водопровода. Вот — к тебе пришел.

Х р и с т о ф о р. Тоже к богачу.

П о п. Да. Ты мне своих дай и собери среди знакомых. И всё будет доделано. Вот — смета.

Х р и с т о ф о р. Чрезвычайно просто. Но — почему же вы именно меня избрали помощником себе?

П о п. Имею причины.

Х р и с т о ф о р. Можно спросить — какие?

П о п. Не отвечу.

Х р и с т о ф о р *(усмехаясь)*. Отец Самсон! Смешно говорить о больших тысячах.

П о п. Ну, так что?

(Марк фыркнул.)

Это кто?

Х р и с т о ф о р. Воспитанник мой. Зовут — Марк. За сына идет. Я бездетен.

П о п. Наследник? Тебе денег жалко?

М а р к *(несколько сконфужен)*. Нет, не жалко.

П о п. Ну, так и не фыркай. *(Жене.)* Тебе — жалко?

Ж е н а. Что вы, отец Самсон! Если умеренно, небольшая сумма... Я тоже помогу собрать, если нужно.

П о п. Сто лет собирать будете. *(Встал.)*

Х р и с т о ф о р *(тоже встал)*. Вы мне дайте подумать недельку — можно?

П о п. О чем думать-то? Взял бы да и дал. Думаете всё. Надумали чёрта дикого, а жить друг с другом не умеете.

Х р и с т о ф о р *(улыбаясь)*. Это — верно, не очень умеем.

П о п. То-то вот.

(Сестра милосердия ввозит кресло на колесах. В кресле тесть: это большелобая, лысая голова, правая половина лица мертвая и левая рука, остальное тело окутано одеждами, не видно. Рука всё время шевелится на груди, как бы пытаясь перекреститься или расстегивая пуговицу.)

Х р и с т о ф о р *(искоса, но внимательно смотрит в лицо тестя)*. Значит, надо понять так: вы не богу служите, а людям.

П о п. Богу — ангелы служат, я не ангел. Это кто?

Х р и с т о ф о р. Тесть.

Ж е н а. Папаша мой.

П о п. Паралич? Тут уж никто не поможет. *(Подошел вплоть к Букееву.)* Так ты, Букеев, денег мне дашь.

Х р и с т о ф о р. Разве?

П о п. Дашь. *(Бросил палку на пол, схватил руку Букеева.)* Я про тебя всё знаю. И как тебя лают — знаю. Ничего! *(Вдруг целует руку. Букеев брезгливо вырвал руку, отшатнулся.)* Не бойся.

(Букеев смотрит на руку, на попа, с усмешкой на тестя. У сестры — взволнованные слезы на глазах. Жена тоже волнуется, встала, целует руку попа. Он тихо оттолкнул ее.)

П о п. Ну-ну — не надо. Вот, Букеев, так-то. Да. Я хоть и поп, а проповедей не люблю. Не язык проповедует истину, а воодушевленная любовью рука. Бог — там, и там угодники его и ангелы, а мы — здесь, в пыли, в грязи, в неустройстве. Ты это знаешь. Прощай. Зайду через неделю. Припаси же деньги-то.

(Ушел, кивая всем головою. Жена провожает его.)

Б у к е е в. Марк — каков?

М а р к. Сумасшедший.

С е с т р а *(невольно, тихо)*. Нет, что вы...

Б у к е е в. Нет?

С е с т р а. Извините. Я... случайно.

Б у к е е в. Может быть, хитрец, а? Старики иные ловко притворяются.

(Сестра хочет увезти больного.)

Подождите.

Н а у м. Господин городской голова.

(Букеев идет к двери, Марк поиграл рукой, усмехаясь.)

И з о т о в. Почтение дельцу! Как живем?

Б у к е е в. Живем, дружище, отлично!

Изотов. Хэ-хэ-хэ!

Букеев. Хо-хо-хо! Садись. Привез?

Изотов. Вот. Деньги на бочку.

Букеев. Ловко. Хо-хо-хо!

Изотов. Хэ-хэ-хэ!

(Сидят у стола. Марк, делая вид, будто читает бумаги, следит за ними, сладостно улыбаясь. Сестра стоит неподвижно. Тесть мигает.)

Букеев *(взяв из рук Изотова какой-то документ)*. Денег я тебе не дам, а вот тебе закладная на землю твою и вот тебе векселя твои. Эдак ты получаешь даже лишку две тысячи *(1 нрзб.)*

Изотов *(лицо вытянулось, привстал)*. Шутишь? Хэ-хэ.

Букеев. Зачем? Хо-хо-хо!

Изотов. Когда же ты скупил... хэ-хэ-хэ!

Букеев. Вчера.

Изотов. Значит... да-да-да?

Букеев. Да... А — что?

Изотов. Ни-че-го-о! Ловко!

Букеев. А помнишь, как ты меня, а?

Изотов. Н-ну... что же? Ты — меня, я — тебя. Игра — навсегда!

Букеев. Вот именно.

Изотов. Все-таки... жулик ты!

(Сестра возражает.)

Букеев. А — ты?

Изотов. Стало быть... Ну, ладно! *(Тихо, но угрожающе.)* Ладно, Букеев. Сочтемся.

Букеев. Конечно! Хо-хо-хо!

(Марк вскочил, хочет уйти.)

Подожди, Марк.

Изотов *(не подавая руки)*. До свиданья!

Букеев. Всего доброго, дружок.

(Изотов идет, в дверях обернулся, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, исчез. Марк, прикрывая рот, хохочет. Сестра опустила голову.)

Букеев. Марк, увези! Останьтесь, сестра, на минуту. Я вами очень недоволен, вы недостаточно внимательно ухаживаете за больным. *(Подходит к ней, посмотрев вслед ушедшим.)* Я — шучу, понимаете? То есть не шучу, а если старик действительно что-то понимает... Но вы ошибаетесь.

Сестра. Нет!

Букеев. Гм! Вы так уверены?

Сестра. Да, о да!

Букеев *(задумался)*. Скверная сцена с Изотовым, а?

Сестра. Я не понимаю, но...

Букеев. Скверная. *(Усмехаясь.)* Рука! Поп благословил. И — какой поп! Хорош поп.

Сестра. Да. Удивительный.

Букеев. Руку поцеловал. Истину утверждает рука, одушевленная любовью,— слышали?

Сестра. Да.

Букеев. А — верно это?

Сестра. Я не знаю. *(Плачет. Букеев обнял ее. Молча гладит голову, запрокинул, смотрит в лицо.)*

Букеев. Что же вы плачете? О чем? Вам страшно? Или — жалко... кого-то...

Сестра *(всхлипывая)*. Не знаю, не знаю.

(Букеев, не спеша, увел ее в спальню. Через минуту — Наум и горничная.)

Наум. В доме этом порядка никогда не будет, а ты все-таки должна следить за порядком и всё делать вовремя. Бумаг на столе не касайся, запрещено. У культурных людей для бумаг особый шкаф имеется. Регистратор. А тут...

Марк *(вбежал)*. Где отец?

Наум. Не знаю-с.

Марк *(стучит в дверь спальни)*. Можно? Нет его там. В саду, что ли? Ну, какого чёрта вы тут бродите? Найдите его! Вице-губернатор звонил. *(Убежал.)*

Наум *(горничной)*. Иди, ищи. Слышала? *(Стоит среди комнаты, глядя в зеркало, расчесывая баки гребенкой.)*

Б у к е е в *(из спальни, всё еще в халате).* Вон отсюда.

Н а у м. То есть?

Б у к е е в. То есть — уходи. Ну?!

(Наум, незаметно пожав плечами, ушел обиженный.)

Б у к е е в *(открыл дверь в спальню).* Идите! *(Выбежала сестра, с разбега ткнулась в грудь Букеева, обняла, убежала. Он ходит по комнате, руки за спиною, опустив голову. Остановился перед зеркалом.)* Дурак! Эх, ты, жадный дурак. Зачем ты это сделал, ну, зачем? Мало тебе? В морду тебе дать, подлец...

⟨КАРТИНЫ К ИНСЦЕНИРОВКЕ П. С. СУХОТИНА «В ЛЮДЯХ»⟩

⟨ПЕРВАЯ КАРТИНА⟩

Десятка полтора грузчиков, большинство — спит.

Грохало чинит подушку, в руке — шило, дратва, рядом с ним — молодой парень негромко играет на гармошке, повыше их — Сергей.

Грохало. Брось, надоел.

Парень. Не любишь музыку-то?

Грохало. Веселую — люблю.

Парень. Веселая, она — трудная.

Сергей. Чем — трудная?

Парень. Быстроты требует.

Сергей (*передразнил*). Быстроты требует!

Парень. Чего дразнишься?

Сергей. Не люблю вот эдаких кислых чертей.

Парень. Мы — не черти, а крестьяне, значит — християне, да-а!

Сергей (*дразнит*). Да-а! Бя-а!

Парень. Опять драку затеять хочешь? (*Встает, отходит прочь.*)

Грохало. Зачем ты дразнишь их, в самом деле? Изобьют, как прошлый раз.

Сергей. Зря ты трешься тут. У них у всех — душа милостину просит, душа просит, а рука — не дает. В каждом таком бычке — мироед сидит. Я их — знаю, работал по деревням. Трое суток потерпишь, на четвертые — думаешь: не поджечь ли деревеньку-то? И уходишь от соблазна дальше... Ничего ты, Лексей, не понимаешь.

Грохало. Кое-что, пожалуй, могу понять.

Сергей. Ну, а что?

Грохало. Вот понимаю, что ты анархист.

Сергей. Чего-о? Какой там мархист?

Грохало. Я тебе объяснял...

Сергей. Ах, это... Ну, это — врешь. Ты — дай мне власть, так я те покажу, какой я безвластник! Сделай-ко меня губернатором, а то хоть исправником, я тогда...

(Женщина выбегает из-за склада, прыгает через спящих. Сергей схватил ее за подол, она дает ему пинок ногой...)

Сергей. Ух ты, чёрт! Тпру... *(Свалил ее рядом с собой.)*

Женщина. Пусти!

Сергей. Куда?

Женщина. Пусти, говорю!

Грохало. Не балуй, Серега, подожди. *(Женщине.)* Как будто мы встречались...

Сергей *(крепко обнял женщину, она вырывается)*. Тише... тихонько... ту-ту-ту.

Женщина. Чего тебе надо, дикая рожа? Чего? Пу-усти!

Сергей. Ну, куда я тебя пущу? Заплутаешься!

Грохало. Вы не бывали в будке Никифорыча в Казани?

Женщина *(перестав сопротивляться Сергею, присматривается, удивлена, обрадовалась)*. Ой, милый, я тебя узнала! Слушай, скажи ему... Мне спрятаться надо.

Сергей. В реке? В Волге? Там, радость моя, сыровато.

Грохало. Пусти, Сергей. Идем.

Сергей. Ты ее в Карс веди...

Грохало. Знаю.

(За время этой сцены проснулись грузчики, не все.)

Старый грузчик. Чего случилось?

Сергей. Звезда с неба спустилась.

Другой грузчик. Украла она, что ли?

Сергей. Ощупай себя, всё ли цело?

Старик. Чего ты, милачок, вертишься около нас, а? И вчерась был, и сегодня явился?

Грузчик. Мало ему наложили вчера.

Сергей. Земля эта — не ваша.

Старик. Земля — не наша, а место — наше. Ты иди-ко прочь!

Сергей. Можно.

Старик. Во-от! Иди. А то — украдешь чего.

Сергей *(уходя)*. Украл бы ума, да у вас его нема.

Парень с гармонией. У этого, грамотея нашего, знакомые-то все как будто жулики. *(Наигрывает.)*

Старик. Грамотеи — все жуликоваты, для того и учатся. У нас, в селе, парнишко один учился, потом — в город, в Симбирской, поехал, через некоторо время вернулся, так уж сам в чине учителя, да-а! А через четыре, что ли, года подал прошение, чтобы в дьякона его вписали. А тепериче он — попом в Промзине; живодер — на сто верст в округе не найти равного.

Грузчик. Способный, значит, оказался.

Старик. Наука им способствует...

Грузчик. Вот трактирщики тоже...

Старик. Поп трактирщика умнее. Попы да землемеры — самый опасный народ.

Грузчик. Ученому — легко. Сдал экзаменты, и готово дело, хошь — иди в судьи, хошь — в добрые люди.

Старик. В добрые-то люди не больно легко идут. Судей-то больше, чем докторов...

Молодой грузчик *(напевает частушку)*.

Подыхает детвора,
Потому что — доктора!

Гармонист. Споем, что ли, Митя?

Молодой грузчик. Можно!

Вот пташки-канарейки
Везде в лесах поют,
Хоша им ни копейки
За это не дают!

С т а р и к. Дурак кудрявый! Придумал бы чего новое.

М о л о д о й   г р у з ч и к. Тебе, дядя, ничего нового не требовается, окромя гроба.

Г а р м о н и с т *(запевает)*.

Не ласков был осенний ветер,
И сеял он колючий снег.

В д в о е м.

Лесной проселочной дорогой
Бежали двое рекрутов.

С т а р и к. Завыли! Еще когда вас призовут...

Г а р м о н и с т *(поет)*.

Один сказал: прощай, товарищ!

Х о р.

Прощай! Я силы потерял.
Пускай меня погоня схватит,
А ты — беги домой один!

Г а р м о н и с т.

И там скажи моей подруге...

Г о л о с   и з   с к л а д а. Эй, лежебоки, работать!

ВТОРАЯ КАРТИНА

Кустарник у полуразрушенной стены кремля. Г р о х а л о, С е р г е й, пекарь Ц ы г а н о к, Ж е н щ и н а. На земле, на листьях лопухов, хлеб, огурцы, вобла; Сергей зажал ногами бутылку водки, другая — пустая — надета горлышком на ветку.

С е р г е й. Не люблю слушать бабьи истории, скушно бабы врут.

Ж е н щ и н а. Не для тебя рассказываю, а ему. *(Кивает головой в сторону Грохало.)*

Ц ы г а н о к. А я никаких историй не люблю, потому — сам ловок выдумывать. Ты на что водку ногами греешь?

Женщина. Было мне о ту пору лет четырнадцать. Вошла в детскую,— на столе книжки с картинками. Наклонилась я поглядеть, а юнкер неслышно подкрался да по затылку меня, я — носом в книгу, даже кровь из носа пошла. А он меня взбросил на стол, ноги ломает...

Цыганок. Лакомый, сволочь...

Сергей *(посвистывая, наливает водку в жестяной стаканчик)*. Отбилась?

Женщина. Застигла его мамаша, генеральша. Меня — в полицию, и как я — сирота, чтобы выслать из города. А — куда? Ну, взял меня себе помощник пристава, Николин. И вот с той поры девять лет...

Сергей. Идем с нами на рыбные промыслы, и — конец делу!

Женщина. А пачпорт?

Сергей. Там — не требуется. Если спросят — достанем и пачпорт.

Женщина. Место я могу найти и здесь, в любом публичном доме...

Грохало. Не плохо придумала.

Женщина. А — что? Ведь я вашему брату не противна, я сама себе противна. *(После паузы.)* Нет: за что мне такая жизнь? За что? За какие грехи? Распутница я? А — хотела я этого? Не хотела, да и не хочу. Распутницей меня сделали.

Сергей. Замуж тебе надобно пристроиться, щи варить, портки чинить, огурцы солить, по церквам ходить.

Женщина. Насмехаешься? А — кроме этого — что умеешь?

(Сергей посвистывает, глядя на нее.)

Женщина. Замужем я не жила, а жизнь эту — знаю, видела. Ну что же, ты сказал верно: невеселая, трудная жизнь! А — ты знаешь другую, лучше? Ты сам-то умел бы веселее, легче с женой жить?

Сергей. Это — не твое дело. Вот, давай со мной жить — увидишь.

Цыганок. Коли не помрешь. *(Зевает.)*

Женщина. Как же это у тебя выходит? Я спрашиваю: можешь ты по-иному, лучше других с бабой жить? А ты мне говоришь: это не мое, бабье, дело. Так это, милый друг, всякий мужик скажет. Эх ты, хамова рожа...

Сергей. Не лайся!

Женщина. А то — бить будешь? Была бита, это не в диковинку мне. И не стращай. Я с тобой говорю для парня, я вижу — он серьезный.

Сергей. Дура! Эдак-то бабы в сорок лет говорят,— куда торопишься?

Женщина. Душу открыть тороплюсь...

Цыганок. Душа — не кабак, открывать ее незачем.

Женщина. Хочется сказать: сволочи все вы, мужики, будь вы прокляты! Наладили вы на бабьих животах, на шеях несносную, стыдобную жизнь. Бездельники, бесстыдники, лентяи вы, — вот что! Баба, как пчела, соты строит, мед копит, а ты, да и все трое вы — бродяги, и тысячи таких на земле. Бесплодная сволочь! Хоть бы в шайки собрались, города грабили...

Цыганок. Гляди, Грохало, это тебе чёрт бяку послал!

Сергей. Студентов наслушалась.

Женщина. Вы — глядите: в бродягах, в босяках бабы — есть? Нет. В чиновниках есть? Тоже нет. И в попах — нет. Бесполезное бабьё только в господском быту, где им делать нечего, а где работают, там бабе вдвое достается каторги. Вот, Сергей, ты — умный...

Сергей. Кончай на этом месте!

Женщина. Будто — смелый, а — какая тебе цена в жизни? Грош цена!

Сергей. Кончай, говорю!

Цыганок. Упрямая.

Женщина. Ты — не ори! Ты — кто? Полицейский?

(Сергей схватил ее за волосы, а Грохало тотчас же его за горло, Цыганок отодвинулся, схватив бутылку с водкой. Несколько секунд Сергей, Женщина и Грохало, не двигаясь, смотрят друг на друга, затем Сергей

снимает свою руку с головы Женщины, Грохало — свою с горла Сергея, Сергей растирает горло правой рукой.)

Цыганок. Не случилось драки, и то — барыш! *(Наливает водку в стакан.)*

Женщина *(приглаживая волосы, усмехается в лицо Сергея).* Что? Ни в руке, ни в головке, ни силы, ни сноровки?

Сергей. Подразни еще! *(Протягивает руку за стаканом.)*

(Цыганок отвел его руку, выпил водку и положил стакан боком на его ладонь. Сергей, всё еще растирая горло, замахнулся на него кулаком.)

Грохало. Перестань, Серега...

Сергей *(угрюмо).* За дерзкую ручку твою тебе, дружок, череп разобьют.

Женщина. Какие вы все несчастные, какие никчемные! Потопить бы вас всех в Волге, да — Волгу жалко. Ну, прощайте! Авось — не встретимся... *(Встала, идет прочь.)*

Цыганок. Зверь-баба.

Сергей. Куда она? Грохало!

Грохало. Ну, что?

Сергей. Ты бы... тово... сказал бы ей чего-нибудь!

(Грохало уходит. Пауза.)

Цыганок. Закурим?

Сергей. Свертывай.

Цыганок. Да у меня — нету.

Сергей *(бросил ему кисет).* А эта бабочка — знает жизнь...

Цыганок. Кто ее, суку, не знает! Все знают! На руках — мозоли, на душе еще боле.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

⟨I⟩

Песчаный, холмистый берег моря — рыбные промысла. За холмами — гробоподобные крыши двух бараков. На песке — разбитая бочка, обручи, клепка, рогожи. Ярчайший солнечный день.

На первом плане — новенькая избенка в два окна, дверь и окна открыты, на пороге двери приказчик промыслов Матюша Романов, *сухонький человечек неопределенного возраста, перед ним —* Подросток.

Матюша. Значит — так: вот тебе депеша. Заверни во что-нибудь, а то — смочишь пóтом, чернила расплывутся. Значит: влезь на крышу и — сиди, гляди, ежели я махну платком, садись на коня и дуй во весь дух, значит, на брандвахту, на телеграф — понял?

Подросток. Понял. Не первый раз.

Матюша. А ты — не разговаривай! Постой, это кто там идет? Нижегородский?

Подросток. Он.

Матюша. Кричи его сюда.

Подросток. Эй, Нижегородской, вали сюда-а! Не хочет. Отмахнулся.

Матюша. Кричи еще: приказчик зовет.

Подросток. Прика-азчик зове-ет! Там еще другие идут.

Матюша. Других, дурак, не надо. А он идет?

Подросток. Идет.

Матюша. Ну, пошел прочь. *(Отталкивает его ногой в зад. Жмурится, глядя в небо, крестится.)*

(Подошел Нижегородский, это Грохало, на голове — мешок.)

Матюша. Здорово. Жарища-то! Адова. Вот что, брат... значит. Слышал я намедни, как ты уговаривал мужичье рыбную требуху прибрать, закопать, значит. Это ты... разумно говорил, да-а! Действительно: гниет требуха, запах от нее такой, что даже стыдно дышать...

Нижегородец. Зачем же вы запретили убрать ее?

Матюша. Зачем? А это дело не твое. Это, милачок, дело хозяйское. Я здесь вместо самого Беззубикова действую, значит — хозяинов дух. Помнишь: дух в виде голубине. Ты грамотный, должен помнить.

Нижегородец. На голубя вы мало похожи.

(Сергей и Мальва за углом.)

М а т ю ш а. И это опять же не твое дело, на кого я похож, хоша бы и на верблюда али на калмыка, всё едино, всё — от бога, и схожесть и различие.

Н и ж е г о р о д е ц. Ну, и от нас тоже много.

М а т ю ш а. От нас? Ты вот что, ты лучше слушай, а говорить буду я. Так вот, значит: насчет требухи ты правильно говорил, даже совсем как умный. За это будет тебе награда: в субботу получишь лишний целковенький. А потом, значит, я и вообще об тебе подумаю, может — в помощники возьму на осень. Да-а. Спасибо не скажешь?

Н и ж е г о р о д е ц. Да вы еще целковый-то не дали, а в помощники-то, может, и не возьмете.

М а т ю ш а. Правильно. Не верь гречихе в поле, верь на столе в чашке. Не глупый ты, и за ум я тебе два целковых дам. Сейчас и получи. *(Достает деньги из кармана, говоря.)* За это ты мне сделай вот что, значит: артель не соглашается ямы рыть для селедки, которой, значит, не хватило тары... Третьи сутки лежит рыба на солнце, гниет, дышать стыдно, зараза! Вот, значит, ты их уговори. Конечно, трудно песок рыть, да ведь — неглубоко, ну и не днем, ночью можно. Верно? Вот мы ее и похороним, очистим и воздух и землю. Правильно? Сделаешь?

Н и ж е г о р о д е ц. Я поговорю.

М а т ю ш а. Старайся. Я вот старался, и — видишь...

Н и ж е г о р о д е ц. Вижу.

М а т ю ш а. Погоди,— ты куда?

Н и ж е г о р о д е ц. Говорить.

М а т ю ш а. Ага-а... Ты, значит, сначала по отдельности хочешь, а после со всеми? Это, брат, правильно. Валяй, валяй... *(Смотрит вслед уходящему, напевает.)* «Пресвятая богородица, моли бога о нас». Стервец какой, а? *(Говорит в окно.)* Малаша — слышала? Какой дерзновенный, волчья морда! А ты, Малаша, опять голая? Экая ты, право... неосторожная! Заглянет кто-нибудь, а меня — нет, я ушел! Чего? От жары умереть невозможно, это только так говорится — умираю от жары! Это барыни для интересности говорят.

Чего? Ты — не ругайся! Жара требует теплой одежи, вон гляди на калмыков...

(Из окна вылетает подушка, туфля, медный ковшик.)

М а т ю ш а *(отходит за угол, бормочет)*. Фу, ты, господи, царица небесная...

II

Берег моря. Около барака — человек п о л с о т н и р ы б а к о в. Настроение угрюмое.

Н и ж е г о р о д е ц *(стоя на бочке, говорит)*. Пожадничали, заставили нас выловить сотни тысяч рыбы, а тары для нее — будто бы — нет, соли — не хватает, лежит рыба под солнцем, гниет, даже воздух загнил, глядите, всякая малая царапина рыбьей костью нагноение вызывает. Теперь рыбу эту заставляют нас схоронить в песок.

Г о л о с а.— Дело обыкновенное.

— А — куда ее?

— Он жалаит, чтоба мы задохнулись вонью.

— Погодите! Он до сути не дошел...

Н и ж е г о р о д е ц. Вы подумайте, что же выходит? В стране у нас...

Г о л о с а. — Где?

— Сказано — в стране, стало быть, в России.

Н и ж е г о р о д е ц. В России — голод, тысячи людей вымирают, а мы пищу будем в землю зарывать. Хороши у нас хозяева?

(Молчание.)

Н и ж е г о р о д е ц. И врут они, что соли не хватает, тары нет! Всё — есть, любой из вас может убедиться в этом, до складов недалеко. Зарывают рыбу для того, чтоб цену на нее поднять, теперь селедка пять и семь копеек идет, а если Беззубиков с Марковым весь улов пустят в продажу — пойдет сельдь копейки по три. Смотрите, какие горы селедки гниют, подумайте — какие могилы придется рыть для нее? Хороши хозяева?

Г о л о с а.— Они знают, как торговать.

— Хозяин зря работать не заставит...

— Конешно, он за работу деньги дает.

— Не то говорите, братцы! Не то!

Мальва. Вам, чертям, ясно доказывают, что Беззубиков да Марков грабят народ,— вот что доказывают!

— А ты бы торговала, так не грабила?

Сергей *(Мальве)*. Не ори зря!

Мальва. Пошел к чёрту!

Голоса.— Она товар свой даром дает, бери кто хошь!

— Эх, братцы, слушали бы человека!

Нижегородец. Приказчик подкупал меня за два целковых, чтоб я вас уговорил хоронить рыбу...

Голоса.— Ну, это Матюша зря!

— Он бы нам дал ведра на два...

Нижегородец: Вот они его, иудины, деньги.

(Бросил комок денег, Сергей наступил на него, Сергея толкают, но он уже отшвырнул рубли под ноги Мальве. Началась маленькая драка. Нижегородца столкнули с бочки, вместо него вскарабкался старичок.)

Голоса.— Тише, эй! Староста хочет покалякать!

— Тише, черти!

— Мы не черти!

— Эх, был староста, да стар он стал, не в себе бывает, правду забывает...

— Вот бы тебя, Касьянов, на его место,— а?

Староста *(преодолевая шум)*. Теперь спросите сами себя: какая же происшествия произошла? Рыбьих могил тут вокруг по берегу — много можно сосчитать, рыбы в них закопано — горы! Это — всегда было. Наша фамилия — Мироновы — от времен царицы Лизаветы ходит сюда рыбачить. Про рыбьи могилы я от деда слыхал. Рыба живет без расчета...

Голоса.— Сказывай сказки!

— Ты — не ори, не тебе говорят!

— Мы здесь — коренные, а вы — кто?

Староста. Она, рыба, прет и прет, сама себя не жалея. И жалеть ее — причины не видно. А бродяжка этот будто жалеет рыбу. И это он — врет. Он —

слышали мы — про хозяина говорил и — нехорошо говорил. Это значит — подослали его, другой хозяин подослал, нашему — враг и злодей.

Нижегородец *(кричит.)* Врешь, старый чёрт!

(Мальва выталкивает Нижегородца из толпы.)

Сергей *(идет сзади, говоря).* Ты, брат, улепетывай, а то — вздуют.

Мальва. Уходи, уходи...

Сергей. Дай мне записку,— я заработок твой получу, в Астрахани встретимся — отдам...

Нижегородец. Погодите, дайте послушать.

Пожилой рыбак. Они тебе дельно советуют — уходи! Тут — артель.

Староста. Я говорю: хозяин зря работать не заставит, он за работу деньги дает. Рыбу зарывать — надо, от нее — вонь. Приказчик поставит нам ведерка два...

Голоса.— Мало-о!

— Три!

— Требоваем три...

— Тиш-ша-а!

Староста. А смутьянам по шеям надобно... Гнать их, к чертям на хутор. Нам бродяги — не компания! Мы — нижегородские, сергачские старинные ловцы! От веков царицы Лизаветы... Гони их, ребята, на кой они нам? Мы, слава те, господи... мы свое дело знаем. Гоните... Айда к приказчику!

(Толпа — рычит, быстро двигается за угол барака. Из барака вышел пожилой рыбак, кричит в дверь: «Можно!» *Выходят Сергей, Мальва, Нижегородец с палкой в руке, с котомкой за плечами.)*

Рыбак. Вот и шагай прямо берегом, а там — за бугры. Догонять — не станут, жарко, да и водку пить начнут.

Сергей. Он говорит: избить тебя давно решили.

Рыбак. Давно — не давно, а — в то воскресенье.

Нижегородец. Ну — я пошел. *(Протянул руку рыбаку, тот хлопает его по ладони.)*

Р ы б а к. Шагай. Насчет хозяев — правильно говоришь, это ты должен помнить. Это, брат, правда! Мы для них — тоже вроде лишней рыбы, да! И могилы сами себе роем... Прощай... Это — не забывай!

М а л ь в а. Ну, будет вам болтать, уходи скорей... *(Толкнула Нижегородца в плечо.)*

С е р г е й. В Астрахани встретимся.

(Нижегородец уходит. Сергей набивает трубку, закуривает.)

Р ы б а к. Пошел.

М а л ь в а. Он — пробьется.

С е р г е й. Коли не сопьется.

ПРЕСТУПНИКИ

‹ПРЕСТУПНИКИ›

1

Унылая, кочковатая местность — осушенное болото. На фоне мелколесья — частокол, над ним возвышаются крыши, одна из них увенчана луковицей и крестом.

2

Частокол, в нем — широкие ворота, в левом полотнище — калитка с «глазком». Над воротами — дугой — вывеска:

КОЛОНИЯ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ
ОСНОВАНА В 1885 Г. ТЮРЕМНЫМ КОМИТЕТОМ
НА СРЕДСТВА, ПОЖЕРТВОВАННЫЕ КУПЦОМ ПЕРВОЙ
ГИЛЬДИИ Я. С. ЧЕРНОБЫЛЬНИКОВЫМ И ДРУГИМИ
ИМЕНИТЫМИ ГРАЖДАНАМИ

3

Двор колонии. Два деревянных одноэтажных корпуса один против другого — мастерские столярная и сапожная. В середине их — сараеобразная церковь, она же и школа. Около двери ее, на перекладине двух столбов — колокол. Вправо и влево от церкви — по косой линии, как два ее крыла,— спальни преступников, в окнах — железные решетки. В глубине — двухэтажный дом администрации, сарай, погреб, за ним огород.

4

Администраторы и воспитатели: Антон Васильевич П о л у в е к о в, смотритель колонии, бывший полицейский офицер, человек полубольной, тощий, раздра-

жительный; одет неряшливо, белый китель, брюки навыпуск, ночные туфли, полицейская фуражка. Прихрамывает, ходит с палкой.

5

Оношенко — помощник смотрителя — толстенький, круглый, благодушный старичок, тоже бывший полицейский. На пухлом личике — неувядаемая улыбочка, руки всегда в карманах брюк.

Надзиратели. Четверо, люди в возрасте от сорока до шестидесяти лет.

Повар Буянов, человек огромного роста и дикого вида, широколицый, небритый, лохматый, с выкатившимися глазами. Пьяница.

Трое сторожей, вооружены охотничьими двухстволками. Один из них — Миша, старый солдат; на обязанности его — пороть преступников розгами. Он — человек с хроническим насморком, часто чихает.

Поп, он же учитель грамоты. Суетливый, захудалый и как будто испуганный чем-то маленький старичок. Держится в стороне от всех, руки всегда за спиной. Ходит мелкими шагами, осторожно.

Климов — сапожник, угрюмый, лысый старик, с густыми бровями. Прислуживает в церкви за дьячка.

Яшин — столяр, веселенький пьяница.

6

Утро. Один из сторожей звонит в колокол. Сапожник Климов открывает дверь церкви. Надзиратели Ордынцев, Ивановский, Судаков и Дерягин — у дверей бараков, командуют:

— По трое в ряд — стройся! Смирно! На молитву — мар-ррш!..

7

Одновременно из обоих бараков идут преступники, их в общем сто — сто двадцать; мальчики возраста от 10 до 15 лет. Человек десять кажутся старше. Все гладко острижены, в круглых шапочках без козырьков, в однообразных курточках и лыковых лаптях.

Надзиратели командуют:

— Ногу, ногу держи, черти оголтелые!
— Ать, два. Ать, два! Левой, левой!..
Следует подчеркнуть фигуры:
Васька Лисица — парень с виду лет 17, остроносое лицо, худощавый, ловкий, насмешливо прищуренные глаза. Он — любимчик Оношенка, шпион.
Иван Смирнов — лет 15, крепкий парень, лицо серьезное, даже суровое, тяжелая походка.
Арап — лет 12, изящный, ловкий, красивый.
Алешка Чумовой — тоже лет 12—13, очень детское лицо, горячие глаза фантазера.
Ерохин — мальчик лет 15, угрюмый, нахмуренные брови, кажется старше своих лет.
Сушков — слабенький, тощий, нервный, лет 11—12.

8

Из-за угла церкви выходят повар, столяр.
Их обгоняет попик, бежит в церковь. Идет Оношенко. Буянов и Яшин останавливают его, шепчутся. Оношенко — кивая головой:
— Ладно, валяйте. *(Кричит.)* Лисица!..

9

Буянов, Яшин за углом церкви дают Лисице деньги:
— Валяй в село. Возьмешь с собой Сашку Макова. Принесете по четыре бутылки. Быстро!
Лисица. Знаю!
Буянов. Как только кончится порка, смотритель уйдет,— так и беги!
Лисица. Ладно. *(Убежал в церковь.)*
Яшин. Всю ночь не спал, комары едят, клопы едят.
Буянов. А того больше — скука ест.

10

Идет Полувеков, за ним надзиратель со стулом и сторож Миша с пучком розог под мышкой. Полувеков, ответив на поклоны повара и столяра, проходит в церковь. Надзиратель Судаков приносит скамью.
Яшин. Драть будем, дядя Миша?

М и ш а. Обязательно. Субботний расчет за грехи недели, как полагается.

Я ш и н. Любишь ты это дело!

М и ш а. Заставят, и ты полюбишь.

Б у я н о в. От скуки и самого себя выпороть можно.

Я ш и н. Вон как воют молитвы! И на кой пес мальчишков этих берегут? Мастеровых из них не сделаем, работать они не охочи, да и сил у них нету, кормим плохо.

Б у я н о в. Это ты врешь. Кормим отлично.

М и ш а. Толокно-то загнило, да и капуста...

Б у я н о в. И ты врешь. Гляди: смотритель услышит...

Я ш и н. Воруете вы с Оношенко многовато...

Буянов отходит прочь.

11

Из церкви выходят преступники, надзиратели строят их в три колонны, покоем. Командуют:

— Смирно! Эй, кто там шапки надел? Снять!

12

Я ш и н *(щупая розги)*. Сучков на розгах нет?

М и ш а. А тебе какое дело?

Я ш и н. Намедни ты сучками до крови изранил мальчишек.

М и ш а. А они, сукины дети, сами розги резали, сами бы и смотрели — есть сучки али нет.

Я ш и н *(вздыхает)*. Эхе-хе. Зряшное это дело.

М и ш а. А ты — попробуй переделай!

13

Из церкви выходят Полувеков и Оношенко.

П о л у в е к о в. Здорово, колонисты!

— Здравия желаем, Антон Васильич!

Полувеков садится на стул, Оношенко подает ему список преступников, подлежащих наказанию. Надев пенсне, Полувеков говорит:

— Смирно! Ну что же? Опять за эту неделю двадцать три звереныша заслужили наказание? Вы, скоты, всё

еще не можете понять, что место ваше — в тюрьме, среди воров и убийц, среди каторжников и что здесь вы живете из милости, по доброте людской, по милосердию честных людей! Не понимаете этого? Ну и пеняйте на себя. Сегодня будут наказаны *(читает)*: Смирнов Иван за дерзости помощнику моему, за непослушание приказу надзирателя и воспитателю Климову, за разбитие стекла в окне — 15 розог. Я тебя, Смирнов, усмирю. Ты у меня забудешь, как на мачеху ножом замахиваться.

Смирнов. Не ножом, а стамеской.

Полувеков. А за то, что ты смеешь поправлять меня, я тебе прибавлю еще пяток. 20 — Смирнову! Михаилу Арапову за неприличное поведение в церкви — 15 розог.

Арапов. У меня, Антон Васильич, живот болит...

Полувеков. Молчать! А то — прибавлю. Слесареву и Югову за драку — по 10. Ерохину, Сушкову, Макову и обоим Ивановым за кражу каравая белого хлеба — чистить отхожее место. Сверх того, Ерохину, за то, что прикрывал соучастников кражи,— 10 розог. Я тебя, Ерохин, переломлю! Алексею Чумову за оскорбление преподавателя Климова — 10. Деева, Трофимова, Сидельникова на воскресенье в карцер. Остальных на завтра — без прогулки. Завтра наиболее отличившиеся поведением примерным идут в лес, за грибами. Таковых... 17 человек. Начать экзекуцию со Смирнова. Делай! Солил розги?

Миша. Так точно!

Полувеков. Покажи рукавицу.

Миша показывает.

14

Двое надзирателей ведут Смирнова к скамье. Миша расправляет розги, пропуская их сквозь кулак,— на руках у него кожаная рукавица, смоченная соленой водой, он оглаживает розгу после каждого удара по телу наказуемого. Делалось это якобы в целях гигиенических. У ног Миши деревянное ведро с рассолом. Смирнов упирается, мычит. Его кладут, двое надзирателей держат за ноги и за руки.

О н о ш е н к о *(считает)*. Раз. Два. Три... Миша — не фальшивь! Четыре!

П о л у в е к о в. Смирнова за сопротивление — в карцер на сутки.

15

К скамье ведут Ерохина. Из фронта выскакивает Сушков, бросается в ноги Полувекову, визжит:

— Не бейте меня... Простите! Я не буду, Антон Васильич — я не буду...

П о л у в е к о в. Убрать!

Оношенко оттаскивает Сушкова за ногу. Среди ребятишек некоторые, человек пять — восемь, испуганы, плачут.

16

Из окна дома администрации смотрит на экзекуцию жена Оношенко, толсторожая баба лет сорока, смотрит с наслаждением. Из-под руки ее выглядывает дочь Полувекова, девочка лет 12.

О н о ш е н к о. Гляди, жопки-то какие у них крутенькие да крепкие. *(Крякает)*. Ты, Людмилочка, не высовывайся очень-то, папаша увидит, заругается. Не велит он показывать тебе, как мальчишек секут.

Л ю д м и л а. А девочек тоже секут?

О н о ш е н к о. И девочек — тоже. Наука. Не накажешь — не научишь. Меня, милая, так били, что, бывало, даже все чувства повыбьют, ни крику, ни дыхания нет. Отец бил, потом — тетка, а как отдали в ученье, в швейки — хозяйка драла за волосья или по щекам нашлепает.

Л ю д м и л а. Михайловна, отчего так нехорошо везде? Только в лесу и хорошо.

О н о ш е н к о. В лесу, милая, очень даже хорошо! Где людей нет, там всегда прелестно...

Л ю д м и л а. Скорее бы — осень и снова в училище. Там дразнят меня за то, что хромая. А все-таки лучше...

О н о ш е н к о. Там, конешно, подруги... Гляди, как Сушков-то извивается... ишь ты!

Людмила. Не хочу!

Оношенко. Ой, что ты кричишь! Спрячься скорей, присядь.

17

Полувеков — встал на ноги, смотрит в окно дома, грозит палкой. Яшин — льет горстями воду на голову Сушкова, лежащего в обмороке на земле.

ПРЕСТУПНИКИ УЧАТСЯ

1

Школа. Алтарь и амвон скрыты занавесом. На грубых деревянных партах 25—30 малышей. На задних партах — шалят, возятся. За передней стоит Сушков. За столом — попик, непрерывно нервно барабанит пальцами, в левой руке — линейка. Он говорит мальчику, стоящему за первой партой:

— Оказывается, ты, Анисимов, ничего не знаешь о сотворении мира. Сие не похвально, даже постыдно и достойно возмездия, кое и не минует тебя. Садись. Маков! Расскажи о потопе. Маков, тебе говорю — встань!

Маков. Меня держат.

Поп. Кто держит? Беси?

Маков *(подскочил)*. Ой!

⟨Поп.⟩ Что это значит?

Маков. Они щиплются.

Попик подходит к парте и бьет линейкой плашмя по головам соседей Макова, кстати и по его голове.

— Говори!

Маков, шмыгая носом:

— Когда людей расплодилось много, они начали строить Вавилонову башню.

Попик. Зачем же это?

Маков. Чтобы спастись от потопа.

Попик. Так-так-так! Ну?

Маков. А этот... Ной, выстроил... баржу.

Попик. Дурак. Но — продолжай.

М а к о в. Тут у них смешались языки...

П о п и к. Так-так-так! Что значит — смешались языки?

М а к о в. Я не знаю.

П о п и к. Так. Ну, ты тоже ничего не знаешь, как Анисимов, Евченко и все другие. А не знаете вы потому, что не хотите знать. О чем и будет доложено смотрителю.

М а к о в. Батюшка, у нас время нет учиться.

П о п. Лжешь.

М а к о в. Да вы сосчитайте часы-то!

П о п. Молчи. Ой, Маков, прикуси язык свой дерзкий! Начнем пение. Пожалуйте сюда, беси болотные, кикиморы!

Мальчики становятся полукругом у стола. Попик достал камертон и командует:

— Начинайте «Волю»! Ну — раз, два!

Взмахивает руками; дети поют:

Ах ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя.
Воля — сокол поднебесный,
Воля — светлая заря.

Не с росой ли ты спустилась?
Не во сне ли вижу я?
Аль горячая молитва
Долетела до царя?

Знать, услышал он, голубчик,
Про житье-бытье, нужду,
Знать, увидел он, родимый,
Горемычную слезу.

2

Столярная мастерская. Перерыв в работе. Десятка два мальчиков окружают Яшина и Лисицу. Смирнов и Ерохин в углу, сидя на верстаке, о чем-то перешептываются. Яшин — пьяненький, благодушен. Лисица показывает, как надобно воровать кошельки из карманов и как «перетыривать» их из рук в руки. Яшин восхищается:

— Эт-то фокус! Это — ловко! Ах, сукин кот! А часы срезать можешь?

Лисица. Часы, Степан Иванович, трудно. Это очень трудно! Лапотошник — бумажник — значит, тоже трудно стырить...

Вошел Оношенко, стоит и наблюдает.

Яшин. Постой, постой, сукин кот! Да ты уж слямзил часы-то! Ах, дьявол!

(Дети — смеются, Лисица отдает часы.)

Оношенко. А Лисица учит ребят лучше, чем ты, Яшин, а? Ты, старый чёрт, опять балуешь? Гляди, — смотрителю доложу! *(Бьет Лисицу.)* Я тебе, сволочь, говорил, чтоб ты бросил фокусы эти? Говорил?

Яшин. Ты — не сердись, не бей его! Он — хват! Эх, зря вы его держите здесь! На воле он — барином жил бы...

Оношенко. Будет болтать! Эй вы, за работу! Смирнов, Ерохин, опять вместе? Я кому сказал, что вместе вам не полагается быть, а? Запишу. *(Вынул книжку, пишет).*

3

Сапожная мастерская. Мальчики сучат дратву, кладут заплаты на обувь, клеят каблуки, подошвы. Медленно шагает Климов, присматриваясь к работе. В руке — шпандырь. Он колотит им ребятишек по головам, по спинам, кричит:

— Как держишь головку, болван? Положи на колено. Конец шила сломан — не видишь? Отточить надо. Это что? Кривой каблук-то клеишь, осел! Ну, отдых на четверть часа. Шабаш. Куда побежали? Не сметь! Дьяволята. За вас Христос страдал, святые угодники мучились, зверям на съедение шли, а вы, дьяволовы дети, в церкви воняете. *(Сел на стул у окна.)* Собирайтесь сюда, живо! *(Ребята окружают его.)* Намедни я вам рассказывал житие святых Кирика и Улиты, а сегодня слушайте Пантелеймона Целителя и великомученика житие. Не толкайтесь, мало вам места? Зверята! Тише! *(Откашлялся.)* В царствование императора римского... Арап, это что такое император?

А р а п. Царь.

К л и м о в. Какой?

А р а п. Всё равно какой, всякий.

К л и м о в. Осел! Не всякий, а всероссийский.

А р а п. Вы сказали — римский.

К л и м о в. Я тебе, харя, объяснял: римских больше нет, в Риме теперь папа сидит. Дурак, тупая башка! Ты чего смеешься, косая морда!

4

На дворе, за домом администрации, преступники пилят дрова, укладывают их в поленницы, толстые поленья раскалывают. Роют канавы для стока воды. За ними наблюдает надзиратель. Работают молча.

В школе трое мальчиков и Арап моют пол, парты составлены к стене, одна на другую. За работой с крыльца наблюдает жена Оношенко, около нее Лисица, как у всех — штаны его закатаны до колен.

О н о ш е н к о. Ты чего около меня трешься? Работай!

Л и с и ц а. Пожалей меня, Капитолина Петровна.

О н о ш е н к о. Разве я тебя, дурак, не жалею?

Л и с и ц а. Ты сама в тюрьме сидела...

О н о ш е н к о. Ну и сидела, а теперь вот тюремщику жена. А твоя судьба — еще четыре года торчать, чахнуть здесь, потом — в солдаты сдадут.

Л и с и ц а. А ты похлопочи, чтоб меня за поведение на волю пустили. У меня поведение хорошее...

О н о ш е н к о. Не отпустят, не надейся. Я тебе говорю — беги. Адресок дам к фартовым людям и заживешь, как надо.

Л и с и ц а. Боюсь я бежать.

О н о ш е н к о. А боишься, так и торчи здесь! И кончен разговор. Работай, а то увидят и мне попадет через тебя.

Л и с и ц а медленно отходит прочь от нее.

А р а п — поет:

И-эх, ветер дует и ревет,
Солдат бабу в лес ведет...

5

За углом церкви — Арап, Чумовой и Людмила, она — хромая, с костылем.

Людмила. Вы — не стыдитесь...

Чумовой. Чего стыдиться?

Арап. Не мы порем, а нас порют. Наплевать нам на стыд.

Людмила. Девочек тоже секут.

Чумовой. Тебя — секли?

Людмила. Мне Оношенкова жена сказала, что секут.

Арап. Она — стерьва.

Чумовой. Настоящая стерьва. Ты ее не слушай!

Людмила. За что вы ее ругаете? Она — добрая.

Арап. Она с Лисицей живет.

Людмила. Неправда! Она — с мужем, а Лисица — с вами в бараке живет.

Мальчики, усмехаясь, переглянулись.

Арап. Ты не понимаешь, про что мы говорим.

Чумовой. Ей и не надо понимать это, она — хромая.

Людмила *(обиделась)*. Я знаю, что хромая, а вы — дураки! И — врете! У-у... Воришки! Дрянь.

Идет прочь.

Чумовой. Обозлилась.

Арап. Дурочка еще. Эх, как есть хочется!

Чумовой. Айда в кухню, помои выносить. Может, хлеба украдем. *(Уходят.)*

6

В углу, в тени частокола, Людмила, сидя на земле, сплетает из травы венок. Ерохин идет с лопатой на плече. Замедлив шаг, смотрит на Людмилу, она улыбается ему.

Людмила. Вот — села, а встать — трудно.

Ерохин молча подает ей костыль, помогает встать.

Людмила. Спасибо. Ты всегда кому-нибудь помогаешь.

Е р о х и н *(сконфуженно).* Ну уж — всегда! Не всегда, а как приходится.

Л ю д м и л а. За что тебя посадили сюда?

Е р о х и н. Голубей воровал.

Л ю д м и л а. Я очень люблю голубей.

Е р о х и н *(усмехаясь).* Воровать? *(Идет прочь.)*

Людмила грустно смотрит вслед ему. Бросила венок на землю, идет к дому.

ПРЕСТУПНИКИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ

1

В углу двора, за поленницей дров, четверо играют в карты, «в носы»: Лисица, Ерохин, Арап и Сушков. Чумовой на страже.

Л и с и ц а. Готово? Подставляй нос...

А р а п. Ты — смошенничал. Не давайся ему, Сушков!

С у ш к о в. Ничего, пускай бьет. Только не по щекам!

Сжав большими пальцами нос, прикрывает щеки тылом ладоней.

2

Лисица бьет картами по носу Сушкова, делая это с наслаждением садиста. Бьет по крыльям носа и сверху вниз.

А р а п *(кричит).* Не бей сверху! Это — не закон!

Л и с и ц а. Не ори, в зубы получишь.

А р а п. Ерохин — чего он делает? Заступись.

Сушков— плачет.

3

Е р о х и н. Брось, Лиса!

Л и с и ц а. Ты — кто? Начальник? Семнадцать, восемнадцать.

Е р о х и н. Брось!

Л и с и ц а. Пошел ты к чёрту! Девятнад...

Ерохин бьет его ладонью по уху.

А р а п. Так его!

4

Ерохин и Лисица — дерутся. Арап, прыгая вокруг них, подзадоривает:

— Лупи его, Ероха-воха! Под душу дай.

5

Сушков, прислонясь к забору, гладя рукой распухший нос, вытирает другой слезы из глаз. Чумовой — советует:

— Ты поди умойся.

6

Лисица, сидя на пне, сплевывая кровь с разбитой губы, говорит:

— Это ему даром не пройдет! И Арапу не пройдет.

Чумовой. Оношенке — наябедничаешь? Изобьем.

Лисица. Ты — изобьешь?

Чумовой. Все. Как в прошлый раз.

Лисица пинком ноги в живот опрокинул Чумового.

— Получи задаток! Я вас, комаров, передавлю.

Уходит, поплевывая. Чумовой пробует встать на ноги, падает.

7

По двору идет, как слепая, жена Оношенко. Наткнулась на Лисицу, выскочившего из-за угла церкви.

— Куда? Кто это тебе мурлетку расколол?

Лисица. Ерохин со Смирновым.

Оношенко. Эх ты, мозгляк! Все тебя бьют.

Лисица. Ну уж это — врете!

Оношенко. Чего-о?

Лисица. Неправда. Я сам всех бью.

Оношенко. Маленьких. А Смирнова не можешь. Дрянь.

Лисица. Я...

Оношенко. Иди, иди! Разговорился... Сорока...

8

Ерохин, согнувшись, смотрит в щель забора. Отламывает кусок доски с треском, испугался, просунул кусок в щель. Идет Смирнов, в руке — пила.

— Ты что тут?

Е р о х и н. На волю гляжу.

С м и р н о в. Тебя Яшин спрашивал.

Е р о х и н. Лисицу надо бы выпороть.

С м и р н о в. Мало ли чего надо.

Е р о х и н. Сволочь он.

С м и р н о в. Все хороши.

Е р о х и н. Он с женой Оношенко путается.

С м и р н о в. А тебе — завидно? *(Уходит.)*

9

Ерохин, тупо посмотрев вслед ему, стучит лбом о забор.

10

Смирнов, жена Оношенко — под колоколом.

— Ты что же, дурачок, не пришел, а?

Смирнов, глядя на нее исподлобья, молчит.

О н о ш е н к о. Считают тебя храбрым, а ты — бабы боишься. Что молчишь?

С м и р н о в. Шкура.

О н о ш е н к о. Ка-ак?

С м и р н о в. Шкура.

Идет прочь. Женщина смотрит вслед ему, улыбаясь, потом, вздохнув, облизнула губы.

— Вот я скажу, как ты Лисицына избил!

С м и р н о в *(оглянулся)*. Шкура.

Оношенко — смеется.

11

Рассвет. Спальня. Тихо открывается дверь. Входит Лисица, за ним еще четверо. В руках одного — одеяло. Подходят к одной койке, набрасывают на голову спящего одеяло, двое садятся на ноги его. Лисица и двое других — бьют. Проснулся, соскочил с койки Сушков, кричит:

— Ой... что это? Братцы...

Лисица, схватив с койки одеяло Сушкова, набросил его на голову мальчика, свалил с ног и пинками забил под койку. Звуки мягких ударов, хрип, мычание.

12

У окна — избитый Ерохин ощупывает себя. Около него Сушков и еще человека три, остальные — спят.

Ерохин. А кто им дверь отпер?

Сушков. Кабы я, так они бы меня не били.

Ерохин. Дураков бьют и за — да и за — нет. Я знаю, что дверь снаружи заперта.

Один из ребят. А ключи — у Оношенко, значит — жена его дала ключи.

Сушков. Вот бы мышьяком отравить бабу.

Ерохин. А где у тебя мышьяк? Дура болванова.

Другой из ребят. Поджечь бы это заведение.

ПРЕСТУПНИКИ МЕЧТАЮТ

Яркая, лунная ночь. В бараке на нарах под окном шестеро: Лисица, Чумовой, Арап и еще трое.

Арап. Кабы книжек давали...

Лисица. Эх ты, мозгляк! Попал сюда из-за книжек и — сиди.

Арап. Мне это не стыдно. Я—бедный, я книжки украл не на продажу.

Лисица. Украл! Умеешь ты украсть...

Арап. Научусь. Не больно форси.

Лисица. Дурак.

Арап. Ничего не дурак! Когда книжку читаешь, всё равно как в другом царстве живешь.

Чумовой. А я, когда буду вором, свой цирк заведу.

Лисица. Ты сколько раз воровал?

Чумовой. Семь. Я всё около цирка. Украду, куплю билет, вот и — царь!

Лисица. Вора из тебя никогда не будет, глупый ты.

Арап. Ничего не глупый, он только глухой немножко.

Чумовой. Это по башке меня треснули, я и оглох.

Арап. Ух, как бьют...

Лисица. Умных — не бьют, а вот эдаких и надо бить.

У другого окна: Смирнов, Ерохин и Сушков.

Смирнов. Я фигуры из дерева ловко резал.

Ерохин. Какие фигуры?

С м и р н о в. Людей, полицейских, собак. Свинью вырезал, а морда как у мачехи. Она у меня всё сожгла. Из-за нее и попал сюда.

С у ш к о в. А меня дядя законопатил. Я — сирота, а он — сволочь. Маленький, хворый, как наш смотритель, а на него четырнадцать человек работают, вывески пишут.

Е р о х и н. Вот это я не понимаю, почему на плохих людей хорошие работают? У меня отец грузчик, он 20 пудов поднимает, а подрядчик у него — старичишко, едва ходит, распух весь от жира. Как это допускается начальством?

С м и р н о в. Бежать отсюда надобно.

С у ш к о в. Куда?

С м и р н о в. Там видно будет.

Е р о х и н. Куда побежишь? Родных у нас нету.

С м и р н о в. Родные-то хуже чужих.

С у ш к о в. Да-а...

Входит надзиратель, кричит:

— Эт-то что? Кто это не дрыхнет, а? Ложись, мать вашу...

Смирнов, Ерохин, Сушков вытягиваются на нарах. Спавшие — просыпаются.

ПРЕСТУПНИКИ БЕГУТ

1

Утро, серенький рассвет. У частокола около поленницы дров — Смирнов, Сушков, Ерохин. Смирнов осторожно влезает на дрова.

2

Внешняя сторона частокола. На землю прыгает Смирнов, за ним Ерохин, потом — Сушков: он, упав на землю, вскрикивает.

С м и р н о в. Ушибся?

Е р о х и н. Ну его к чёрту. Бежим!

С м и р н о в. Погоди...

С у ш к о в. Ногу... ногу больно...

Ерохин бежит. Смирнов поглядел вслед ему, взглянул на Сушкова и тоже побежал.

3

Сушков — кричит. На дворе шум, сыплются дрова. Выстрел.

4

Болотистый лес. Между деревьев мелькают, прыгая по кочкам, Ерохин и Смирнов.

5

Двор колонии. Сторож звонит в колокол.

6

Снова лес.

7

На дворе — смятение, бегают надзиратели, сторожа. Оношенко тащит за шиворот Лисицу, орет:

— Кто бежал, а? Сукин ты сын! А? Кто?

Лисица. Я не знаю, ей-богу, не знаю!

Оношенко. А ты чего смотрел, а?

Лисица. Да я же — спал, господи...

8

Сторож втаскивает в калитку ворот Сушкова, мальчик кричит.

Оношенко *(Сушкову)*. Кто бежал?

Сушков. Ерохин... Смирнов... Они меня сманили... бросили... Я не виноват...

9

Болотная поляна в лесу. Смирнов, Ерохин, оба мокрые, щупают палками болотистую почву.

Смирнов. Надо кругом бежать.

Ерохин. Прямо... Прямо, а то догонят. Слышал — стреляли?

Смирнов. Эх, Сушков-то... Это ты сманил его! А он — слабый... Сманил и бросил.

10

Двор. Оношенко — Лисице:

— Беги, лови их. Возьми Розмыслова, Юрьева, Васильева. Живо!

11

Из бараков выбегают мальчики.

О н о ш е н к о. Марш назад, сукины дети! Ордынцев, Судаков — загоняйте их!

Надзиратели загоняют.

12

Лес. Бегут Лисица и его товарищи. За ними — сторож Мища с ружьем и надзиратель с палкой.

13

Болото. Поперек его шагают по грудь в воде Смирнов, Ерохин.

14

У края болота в луже воды плавает шапочка. Прислонясь к дереву, стоит Смирнов, смотрит на нее и плачет.

15

Из-за деревьев прокрадывается Лисица, бросился на Смирнова, сбил его с ног, сел верхом, бьет кулаками по голове и кричит:

— Сюда! Поймал! Я поймал... первый!

ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

1

Небольшая, в два окна, по-мещански уютно обставленная комната — заменяет столовую, в углу —три иконы, пред ними — лампадка. Стеклянный шкаф с посудой. Посредине — стол. За столом — Лисица, хозяин квартиры, ему под 40, одет аккуратно, причесан гладко, изношенное старческое лицо украшено бородкой. Жена его, ей лет 25. Арап — курчавая голова, бритый.

2

Л и с и ц а *(налил водки, поднимает рюмку)*. Ну, со свиданьицем, Миша!

Чокаются, пьют; закусив, Лисица говорит:

— Вот и опять встретились. Нет, нет, да и снова столкнет нас господь.

А р а п. Веришь в бога?

Ж е н а. В чёрта он верит, да и то не каждый день.

Л и с и ц а. Не болтай чего не понимаешь! В бога верить — обязательно для приличия. В людях живем. Нам отличаться от них не следует.

Ж е н а. Селедки — и те отличаются одна от другой.

А р а п. Расскажи — как ты у графа работал?

Л и с и ц а. Это, брат, смешное дело!

3

Ночь. Богато обставленный кабинет. Шевелится драпировка на окне. Раздвинулась, выглядывает голова мальчика, широко, испуганно открытые глаза. Прислушался, исчезает. Щелкает шпингалет окна. Из-за драпировки выходит Лисица, тоже прислушивается. Затем наклонился над столом, взламывает, раздается треск дерева.

4

Из-за драпировки двери налево вышел человек в нижнем белье, с револьвером в руке, кричит:

— Кто это? Ах ты...

Присел за кресло, вытянул руку с револьвером,— не стреляет, но слышно щелканье курка. Лисица — обомлел, стоит, покачиваясь, потом, схватив пресс-папье, бросает его в сторону человека, тот прячется за спинку кресла, кричит. Лисица бросается к окну, выстрел, но Лисица успел выскочить.

5

Пустынная улица. Лисица треплет мальчика за волосы, приговаривая:

— Я тебя учил, осторожно, осторожно, осторожно открывай окно! *

---

* Разумеется, эту сцену нужно разработать с участием специалистов.

6

Снова квартира Лисицы.

Арап. У меня дело есть.

Лисица. Анна, взгляни, Петька на кухне?

Жена уходит.

Арап. Не веришь ей?

Лисица. Зачем бабе лишнее знать? Да и мальчишка у меня подслушивать любит.

Арап. Тот?

Лисица. Нет, третий после того. Тот замерз пьяный. А этот — хорош, ловкач. Любопытен только, сукин сын, не в меру. Ну рассказывай, какое дело?

Арап. А много ты воров воспитал?

Лисица. Полсотенки наберется, думаю...

7

Ночь. На улице едет извозчик, в пролетке — Лисица и Арап, на козлах рядом с извозчиком мальчик.

8

На углу улицы стоит извозчик. Идут полицейский и ночной сторож. Извозчик будто бы дремлет.

Полицейский. Чего торчишь тут?

Извозчик. Господина с женщиной привез, подождать велели.

Стражи идут прочь. Сторож, оглядываясь, что-то шепчет полицейскому.

9

Из ворот дома, куда ушли воры, выбегает, прихрамывая, мальчик, сосет пальцы, прячется на паперти. Высунулся из-за колонки, прислушивается.

10

Сторож заметил мальчика, остановился с одной стороны паперти, полицейский прошел дальше и тоже остановился.

Сторож. Ты чего тут прячешься? Иди сюда!

Мальчуган сорвался с паперти, бежит, сторож не успел схватить его.

Мальчик на бегу пронзительно свистит. Сторож гонится за ним.

11

Цирк. На местах под ложами — Лисица с женой и мальчуганом с вида лет 12. Ложа над ними пустая. Объявляется антракт. Лисица — мальчику:

— Поди попрактикуйся, Сашок.

12

Сашок практикуется.

ЕЩЕ ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ

1

По шоссе скачет батарея легкой артиллерии, скорым шагом идут отряды солдат, скачут всадники. Проехал генерал в автомобиле. Навстречу по обочинам шоссе тянутся крестьянские телеги и санитарные повозки, везут раненых.

2

Вечерний сумрак. Проселочной дорогой двигается густая толпа людей, нагруженных узлами, едут телеги с домашней утварью, кое-где на телегах женщины с грудными и малолетними детьми. Гонят коров, коз. Сквозь шум и говор толпы слышно отдаленное буханье выстрелов, иногда они сливаются в сплошной гул. Сзади толпы, на горизонте — дым. Толпа по преимуществу городская, мелкое мещанство. Небольшими группами идут дети, мальчики и девочки от семи-восьми лет и старше, до 15. Где можно, сбегают с шоссе в стороны, останавливаются, смотрят вдаль, назад. Отстают и снова догоняют толпу.

Взрослые заняты охраной имущества, ссорами, они мало обращают внимания на детей, если дети не путаются под ногами у них; в противном случае дают ребятишкам подзатыльники, гонят прочь. Становится всё темнее, толпа исчезает во тьме.

3

Утро. В стороне от дороги под кустами скорчились, спят два мальчика и девочка.

4

Разбитая копна соломы, из нее вылезает мальчуган лет 8, протирает глаза, оглядывается, чешется, стряхивает с себя солому. Испуганно выпрямился, расшвыривает солому руками, кричит:

— Мишка, вставай! Ушли наши-то! Ах, черти. Догонять надо!

5

Из соломы вылезает карапуз лет шести, семи.

— А поесть — чего?

— Догоним — поедим.

Бегут.

6

Устало шагают по тропе среди кустов. Старший тащит маленького за руку, маленький — плачет, просит есть.

7

Один из мальчуганов, которые спали под кустами, стоит, хмуро поглядывая по сторонам. Будит товарища:

— Отстали мы, Егор!

Егор. Это из-за нее. Раскисла! Я тебе, Сережа, говорил...

Сергей. Ладно, брось! Я влезу на дерево, посмотрю. Может, наши недалеко ушли.

8

Егор разбудил девочку, сердито говорит ей:

— Отстали из-за тебя, Анка. *(Девочка лет 10, бойкая.)*

— Да, как же, из-за меня! Я, что ли, войну-то затеяла?

9

Возвратился Сергей:

— Солдаты везде, там — скот гонят и церковь видно, а дальше пожар, дымище страшный, а — наших не видать. Еще двое мальчиков идут...

10

Подошли Мишка с братом Яковом.

Сергей. Что — проспали родителей?

Анка. Тоже — родители! Потеряли эдаких маленьких.

Егор. Найдут — пороть будут.

Миша. Есть хочу!

Яков. Подождешь.

Миша. Домой хочу!

Егор. Ты — что орешь?

Миша. Есть хочу.

Егор. Ишь ты, какой барин!

Анка утешает, ласкает Мишу, но он отбивается от нее руками и ногами, кричит:

— Домой хочу-у!

11

Подошли двое солдат, один — бородатый, оборванный и грязный, другой — моложе, чище, с забинтованной правой половиной лица, смотрит только левым глазом. Расспрашивает детей.

Миша — заинтересован солдатами, успокоился, щупает приклад винтовки.

Бородатый. Значит, — всё прямо и до самой станции. Там ваши и должны быть. А хлеба у нас нет, солдаты на войне пулями питаются. Прощевайте!

12

Пятеро детей идут полем, целиной. Миша сидит верхом на шее Сергея. Анка держится за руку Якова. Егор шагает сзади всех.

13

Старик-пастух и подпасок лет 12 гонят пяток коров. К ним подходит благообразный мещанин в кафтане, с палкой в руке, спрашивает:

— Не встречал ребятишек, мальчика с девочкой?

Пастух. Сперва я шапку сниму, поздороваюсь с тобой, после — отвечу.

Мещанин. Ну? К чему ты это?

П а с т у х. Теперь ты предо мной картузик сними.

М е щ а н и н *(снял картуз)*. Заносчив ты, старик. Видел, что ли, детей-то?

П а с т у х. Детей твоих я не видал.

14

Группа солдат. Около нее группа детей, к ним присоединился еще один, мальчик тоже лет 12, красивый, прилично одетый, но костюм его уже измят и грязен. Миша спит, положив голову на колени Анны. Егор несколько в стороне беседует с пожилым солдатом. Яков, Сергей и новенький — Казимир — едят хлеб. Чернобородый солдат, дикого вида, неподвижным взглядом жадных глаз смотрит на Анну. Молодой солдат с мягким добродушным лицом говорит Сергею:

— На станцию — нельзя пустить вас, станция эта погрузит раненых и закроется навсегда. И никаких штатских на ней нет, сироты... Эх, и много же вас наделала война!

15

Вечер. Ребята расположились под стеной обгоревшей избы. Миша спит на кучке соломы. Трое мальчиков и Анна беседуют.

К а з и м и р. Мальчик, который остался у солдат...

С е р г е й. Егор.

К а з и м и р. У него отец кто?

Я к о в. Лавочник. А у тебя?

К а з и м и р. Чиновник.

С е р г е й. Куда же нам теперь идти?

16

Темнеет. Сергей и Яков зажгли костер. Казимир и Миша спят. Анна, зябко скорчась, смотрит на огонь. Яков подкладывает сучки в костер, Сергей дремлет. Лошадиный топот. Подскакали трое солдат, спешились, один затаптывает огонь, другие два — бьют ребят, разбрасывая их, как щенков, кричат:

— Вы что тут делаете, сукины дети? Вы кто такие?

Подскакивают еще двое солдат.

Примечание. Хорошо бы рассеять десятка два октябрят и пионеров по какой-нибудь плоскости и снять их с аэроплана, так чтоб видно было: бредут в разных направлениях дети, вырванные из гнезд своих войной.

БОГ И ХЛЕБ

19—21 годы

1

Монастырь. Процесс вскрытия мощей. Перед церковью два дерева, на сучьях сидят мальчики, человек пять. Тяжелую серебряную раку выносят из церкви, ставят пред папертью на землю. За группой людей, которые вынесли раку, следует толпа крестьян и мещан, которые присутствовали в церкви, когда брали раку. На паперти — человек в очках. Он говорит:

— Сейчас, граждане, вы увидите, что скрыто в этом сундуке, во что верили вы, чему поклонялись, откуда ждали чудес! Кто из вас желает открыть сундук?

Толпа молчит, шевелится. Выходит благообразный седовласый старик, в наглухо застегнутом пальто, молодой монах, послушник, двое рабочих, пожилая женщина и курчавый подросток. Вскрывают раку. Толпа надвигается ближе, но многие поспешно отходят прочь, особенно испуганы старухи, женщины.

2

Рака вскрыта. В толпе — движение, точно ее ветром пошатнуло. Ближайшие заглядывают в раку. Монашек, спрятав голову в плечи, согнувшись, пробивается к паперти, расталкивая людей. Человек в очках громко спрашивает:

— Что же видите вы, граждане?

Рабочий. Тряпки видим. Кости. Вот — череп.

Помахал черепом над головой своей и бросил его в раку. Женщина отходит прочь, вытирая глаза платком.

Старик. Всё верно. Видимость — ясная, граждане.

Голос из толпы. Что верно-то? Душа ушла, а плоть осталась.

Другой голос. А зачем говорили: нетленны мощи, ежели оказывается тлен? Жулики!

Волнуются, кричат — немногие единицы горожан, в огромном большинстве — толпа крестьянская. Равнодушно и не торопясь расходятся, разбиваются на группы.

В группе крестьян ораторствует оборванный мужичок:

— В обмане живем. Сколько денег в это место народ таскал? А — вон оно что! Вместо святости — тряпочки!

Большой бородатый мужик кричит:

— Ну ладно, мощи — нарушили, а бог-от остался али нету?

Голоса: — А на что ему, нищете, бог?

— Они вот, эдакие, милостыню просят Христа ради, а во Христа не верят.

— Ты веришь! Наел брюхо от колен до уха...

Кто-то ударил мужичка, он упал, кричит.

3

С дерева слезают Сергей и Яков, оба в лохмотьях. Их окружили мальчики, кричат:

— Братцы, гляди, беспризорники!

— Бей их!

— Бей воришков!

Яков и Сергей бегут, мальчики гонятся за ними.

4

Маленькая железнодорожная станция. Пришел поезд, высаживает продотряд рабочих.

5

Отряд рабочих идет проселочной дорогой, навстречу — Сергей, Яков. Их останавливают, расспрашивают:

— Здешние?

— Нет. Беженцы.

— А куда идете?

— На станцию. Дайте хлеба, дяденьки!

— Мы сами за хлебом идем.

Поговорив с мальчиками, захватили их с собой.

6

Большое село. Отряд рабочих на площади, перед церковью; одни сидят и лежат на земле; другие, стоя, разговаривают с мужиками; среди мужиков двое в солдатских шинелях. Бородатый мужик, который был на вскрытии мощей, говорит:

— Хлеба у нас нету.

— Вы чего дадите взамен хлеба?

— Во-от! Хлеб даром не дается!

— Братцы, неправильно! Хлеб — есть!

— Есть? Ну, ты и давай!

— Пусть попробует, даст! Я ему дам по башке колом...

7

Яков и Сергей ходят по селу, просят хлеба, им сердито отказывают. Одна баба дала краюху,— старик из избы кричит:

— Зачем даешь? Волчата, оборванцы эти с городскими пришли! Гони их прочь, гони!

Мальчики бегут.

Сергей и Яков идут, вдали видно водокачку станции.

Я к о в. Ну и жадные мужички-то!

С е р г е й. Как мощи расковыривали, так они ничего, а хлеба попросили у них, так драться!

8

Станция, но уже другая, побольше. Пришел поезд, на перроне человек 50 рабочих, это — другой отряд. Рабочий во флотской фуражке, с винтовкой за плечами, говорит начальнику станции:

— Эти три вагона — отцепить, поставить на запасной путь. Мы оставим охрану, четверых хватит?

— Как хотите.

— Тебя спрашивают! Спокойно здесь?

— Теперь — везде беспокойно.

9

Трое рабочих ведут Сергея и Якова.

— Вот, товарищ Михайлов, послушай, что парнишки рассказывают.

10

Маленький городок. Украшена трехцветными флагами площадь. Перед церковью толпа горожан. К ограде привязаны кони, около них сидит, покуривая, казак с погонами на плечах, другой лежит на земле, спит. Среди горожан еще человек пять казаков. Офицер беседует с дамами. С паперти старичок гонит палкой Сергея, Якова. Из церкви выносят иконы, хоругви, выходят попы. Из улицы на площадь появляется еще процессия с иконами и хоругвями.

11

Удар колокола. Крики: — Идут!

Процессия выстраивается. Впереди попы в ризах, усатый человек с блюдом, на блюде хлеб-соль. По бокам его — две девицы с букетами цветов. На площадь выезжает конный отряд, впереди его — два офицера. Попы, певчие и горожане поют:

— «Спаси, господи, люди твоя... победы православному русскому воинству...»

12

Чистенько одетый горожанин кричит:

— Стой! Держи его! Держите воришку.

Схватили мальчика,— кто-то кричит:

— Позвольте, так нельзя! Это — самосуд.

На группу людей, которая окружила Казимира, наехали конники белого отряда, люди разбежались. Казимир ползет прочь из-под ног лошадей. Его бьют пинками.

13

Усатый человек, передавая офицеру блюдо с хлебом-солью:

— Итак — еще раз: добро пожаловать. Ура!

Обыватели ревут — ура! Девицы суют цветы толстому офицеру в очках, он смеется и спрашивает:

— Почему так много красных цветов? Вы поклонницы красных, а?

— Ах, что вы!

— Просто — у нас мало цветов!

Офицер. А большевиков — много?

Усатый человек. Стыдно сказать, а есть они, есть!

Офицер. Ну, мы сделаем так, что их не будет.

14

Яков разговаривает с казаком:

— Ой-ёй, сколько вас приехало! Сосчитать нельзя!

Казак. И — не пробуй, уши оборвут, если считать будешь.

Яков. Да — мне зачем? Я и так вижу — сто.

Казак. Ну и дурак!

Яков. Значит — больше. А это — пушечки?

Казак. Пулеметы. Однако — пошел прочь!

15

Огород, примыкающий к ограде кладбища. Сергей помогает двум солдатам собирать огурцы, их складывают в мешок, который держит парнишка лет 15-ти, Петр.

Сергей. Очень храбрые вы, мало вас, а целый город сразу завоевали...

Солдат. Нас браток, не мало.

Сергей. Еще придут?

Солдат. Придут, не бойся!

Сергей. Скоро?

Другой солдат. Это тебя не касается. Ты — делай, что делаешь.

Солдат. Нет, его — касается, он здешний.

Петр. Вовсе он не здешний, а беспризорник.

Сергей. Врешь. Я — со станции.

Солдат берет мешок из рук Петра и уходит со своим товарищем.

Петр, оглядываясь на Сергея, провожает их. Сергей отходит к ограде кладбища, делая вид, что хочет помочиться, но, когда солдаты ушли, быстро перелезает через ограду. Петр видит это.

16

Кладбище. Между могил бежит Яков. Сергей — выходит из-за памятника.

— Ну, сосчитал?

Я к о в. 54, а пулеметов — три.

С е р г е й. Я тоже сосчитал: 87 человек. Их ночью побили красные. Бежим скорей. Поодиночке надо...

Я к о в. Погоди! Помнишь Казимира? Его избили, он в карман залез.

С е р г е й. Чёрт... иди!

Яков быстро уходит.

17

П е т р (*подходит*). Вы зачем солдат считали?

С е р г е й. А тебе что?

П е т р. Я знаю — зачем!

С е р г е й. Пошел прочь.

П е т р. Вас красные подослали.

С е р г е й. Ах ты, сволочь!

Бросился на Петра, тот бежит. Сергей кинул куском кирпича вслед ему и тоже бежит в противоположную сторону.

18

Скачут три казака. Вдали, направляясь к лесу,— Сергей. Оглянулся и, увидав солдат, бросился в лес.

19

Солдаты у опушки леса. Один из них говорит:

— Чёрт его поймает в лесу-то.

20

Идет Яков, на ходу ест хлеб. Его догоняет Петр. Догнал, схватил за волосы.

— Куда топаешь, а?

— Пусти!

— Зачем солдат считал?

— Просто — так! Пусти...

Пробует вырваться. Петр повалил его, сел верхом на грудь.

— Шпионишь, сука? Я те дам... Хошь — в город отведу, белым отдам? Выпорют тебя и повесят.

Яков плачет.

21

Петр и Яков идут рядом.

П е т р. Красные, белые, это мне — наплевать! Я — сам по себе живу. Не хнычь. Подручным моим будешь, не пропадешь.

Я к о в. Сергея жалко.

П е т р. Его уж повесили. Чёрт с ним. Таких — много.

22

Город. Маленькая площадь. Ларьки, на них торгуют разной мелочью и съестным: колбасами, булками. Много белых солдат, казаков — есть пьяные. Проходит под конвоем группа евреев, почти все — старики. Солдаты и обыватели свистят, ругаются. На углу улицы, на тумбе, сидит старая еврейка, у ног ее — корзина с булками, она смотрит вслед арестованным, шепчет, шевелятся губы. Из-за угла выходят Яков, Петр, хватают булки, бегут. Еврейка вскочила:

— Ой-ой!

Полупьяные обыватели хохочут, кричат.

— Беги, беги, парнишки. Прозевала товар, чертовка.

23

Петр и Яков на окраине города, сидят на земле, под забором, едят булки.

П е т р (*учит*). У жидов можно всё воровать, для них — законов нет. Украдешь — люди над ними же смеяться будут.

Я к о в. Нехорошо это. Воровать, так у всех.

П е т р. Болтай чепуху! За всех полиция вступится, башку тебе свернут.

ГОЛОДНЫЙ ГОД

1

Поздний вечер. Сумрак, на станции уже горят фонари. На перроне — Яков. Подходит поезд смешанный, пассажирские и товарные вагоны. С тормозной площад-

ки вагона соскочили двое маленьких оборванцев. Яков присмотрелся к одному из них и кричит:

— Сергей!

Разговаривают. Сергей и его товарищ делятся хлебом. Затем все, когда поезд отправился, залезают на площадку.

2

Окраина провинциального приволжского города. Старое, казарменного типа, здание — приют для голодающих детей.

Служебная комната. За столом сидит лысый человек, курит и пишет. Входит женщина.

— Привезли еще партию крестьянских детей, 43.

— Вы знаете — нам некуда поместить их.

— За вчерашний день и сегодня убежало двадцать шесть человек.

— У нас нет возможности удержать бегущих. Устраивайте новых, как-нибудь. Всё равно — разбегутся.

3

Двор приюта. Несколько десятков вялых детей. Человек пятнадцать нехотя собирают различный мусор, носят его в корзинах куда-то. Большинство сидит и лежит у стен дома. Подчеркнуть слабость и вялость детей.

4

Детдом. Учебная комната. На партах человек тридцать мальчиков и девочек. Учительница рассказывает им что-то. Слушают человек пять, семь, остальные возятся, шалят. Учительница кричит:

— Дети — тише. Если вы хотите учиться...

Крики: — Не хотим. Скушно.

5

В окне разбито стекло, на пол падает камень. Дети вскакивают, бросаются к окну, кричат:

— Дерутся!

Большинство выбегает из комнаты.

6

Двор. Бешеная свалка. Пользуясь тем, что она привлекает общее внимание, трое ребятишек кидают камнями в стекла окон. По двору мечется, разнимая драчунов, молодая девушка, ее хватают за юбку, бросаются под ноги ей. Количество дерущихся увеличивается. Из дверей, из окон нижнего этажа выбегают, выпрыгивают новые бойцы. Свист, крик.

7

Пожилая женщина, стоя в окне, звонит в колокольчик. Человек в теплом пальто и валенках, подходя к ней, говорит сердито:

— Их надо водой разливать из пожарной кишки.

— Может, утопить? Да?

— И это неплохо! Куда их, к чёрту, эдаких?

8

Усилиями человека в пальто, хромого в солдатской фуражке и трех женщин дети согнаны в угол двора, стоят, сидят, лежат, точно позируя фотографу. Кое-кто в стороне плачет. Все устали от возни и возбуждения. Пожилая женщина говорит:

— Дети! Нельзя так буйно вести себя...

Голоса: — Нам скучно. Я не хочу учиться.

— Отпустите меня, а то я всегда буду озорничать.

— И я.

— И мы.

— Я тоже...

9

В калитку ворот входит милиционер, подошел к женщине, говорит:

— Примите детей...

— Еще! Сколько?

— Двадцать семь. Деревенские. На вокзале собраны.

— Но у меня переполнено.

— Дело не мое...

10

Во двор одни за другим входят ребятишки от 7 до 13 лет. Старожилы — в большинстве — вскакивают, окружают их, разглядывают, толкают:

— Эх, какие мореные тараканы!

11

На дворе несколько групп. В центре каждой — новички, рассказывают о голоде в деревнях Поволжья. Вместе со старожилами их рассказы слушают и девицы, служащие детдома.

12

Николка Язев, парнишка лет 13, ходит от группы к группе, спрашивает новичков:

— Курящих — нет? Эх вы, лапти...

13

Язев, насвистывая, подошел к воротам, за ним следят, медленно с разных сторон приближаясь к нему, еще два мальчика.

14

Язев и два его товарища идут по улице. Навстречу им — старуха с узелком под мышкой. Язев говорит товарищам:

— Повертывай в проулок.

Они быстро идут вперед, а Язев разминулся со старухой, оборотился, вырвал узелок из-под мышки ее и бежит.

15

Старуха — кричит:

— Батюшки, проклятые...

БЕСПРИЗОРНЫЕ

1

Пустырь. Посредине его — полуразрушенная печь, торчит труба, вокруг разбросаны кирпичи, за печкой — остатки полуобгоревшей стены дома, в ней зияют двери

и два окна. За стеной сидит группа беспризорных, перед ними бочонок соленых огурцов, валяется бутылка из-под водки, другая еще не начата, стоит на кирпиче. Парень лет 16—17—Казимир—держит в руке новенькую эмалированную кружку и говорит, трое ребят жуют хлеб, едят огурцы. Узбек задумчиво курит папиросу.

Казимир. Лучше быть вором, а не нищим. Мы ведь не старики, чтобы милостыню просить. Верно?

Узбек. Это — верно. Очень.

Казимир. То-то!

Узбек. Просить — стыдно. Воровать не стыдно.

Казимир. Во-от!

2

Улица в Москве. Рядом с тротуаром три котла. При свете фонаря видно, как в котлах укладываются спать ребята. На мостовой у котлов разложен костер, около него сидят ребята повзрослее.

(*Показать отдельные типы крупным планом.*) Язев в изломанной шляпе-котелке, женской ватной кофте. Поп — неуклюжий увалень, брови нахмурены, грязное лицо — угрюмо.

3

Беседа у костра

Поп. Схватил он меня, трясет: «Ты воровать?» Я говорю: «Так я ж голодный, что мне делать?» А он сильно выпимши, качается, притиснул меня к стене. «Верно, говорит, с голода и мышь ворует. Сейчас, говорит, я тебе дам на хлеб». Он выпустил меня, сунул руку в карман, а я — лататы.

Один из мальчиков:

— Дурак ты все-таки, от денег убежал.

Поп. Плевать мне на его копейку.

Язев, слушая, тихонько насвистывает.

4

Изредка проходят обыватели, некоторые, приостановясь, сердито поглядывают на беспризорных,

5

Быстро подходит паренек, одетый сравнительно приличнее,— в нем можно узнать Петра,— зовет:

— Поп!

Шепчется с Попом.

П о п. Еще одного надо? Тут — этот из детдома, новичок.

П е т р. Зови.

6

Поп, Язев и Петр на углу улицы у лесов какой-то постройки. На мостках лежит полупьяный. Петр присел рядом с ним, обшаривает карман. Пьяный шевелится, бормочет. Петр сорвал с него фуражку, отскочил. Пьяный рычит, стараясь подняться. Поп бросил в лицо его горсть пыли. Все трое бегут в разные стороны.

7

Другая улица. Котел. В нем укладывается спать Ленька, мальчик лет 10, расстилает газетную бумагу, расправляет газету на груди, как бы надевая жилет. Тут же, рядом, на куче песка группа ребят играет в карты. Возле них на корточках у костра сидит мальчик лет 12, лицо его, освещенное костром, устремлено вдаль, и слышно тихий напев восточного мотива. Костер горит плохо. Один из играющих командует:

— Эй, Узбек, огня побольше — не видно ничего.

Узбек увлечен песнью и думами своими, не шевелится. Один из картежников встал, толкнул его в плечо ногой, опрокинул. Узбек вскочил, ударил его.

— Эге, драться! Ты — драться?

Узбек готов к обороне, но картежники кричат:

— Огня, черти!

8

На панели стоит прилично одетый человек лет за сорок. Это — Лисица. Присматривается к мальчишкам.

9

Узбек и еще двое подкладывают дрова в костер, огня еще меньше. Один из картежников срывает с Леньки и из-под него газетную бумагу. Ленька обозлен, отбивается руками и ногами. Крики, гвалт.

10

Леньку вышвырнули из котла. Ругаясь, он идет прочь. Наткнулся на Лисицу, тот взял его за плечо.

Л и с и ц а. Ну что, оголец? Обидели тебя. Идем-ко со мной. Ловко ты дрался с ними.

Л е н ь к а (*упирается*). Не хочу! Пусти, больно.

Л и с и ц а. А ты — иди.

Л е н ь к а. В милицию ведешь, а после — в детдом? Всё равно убегу.

Л и с и ц а. Правильно. Ну, ну — иди. А то — тресну по башке...

11

Утро. Рынок. Сухонький старичок раскладывает колбасы на лотке, рядом с ним ларек; толстая женщина и курчавый сонный мальчик вынимают из корзины булки; уронил одну, получил подзатыльник.

Ж е н щ и н а. Жизнь-то какая ожесточенная, Василий Степаныч, вчерась в трамвае беспризорников поймали: один, знаете, поет, а другой, в ту же минуту, по карманам шарил. Так, знаете, начали их бить (*дергает мальчика за вихор*).

С т а р и ч о к. И певца?

Ж е н щ и н а. И его. (*Мальчику.*) Косой чёрт.

С т а р и ч о к. Так и надо. Развелась — что армия... Хуже клопов.

Ж е н щ и н а. Ожесточенная жизнь.

12

За углом — беспризорные, человек девять. Среди них — Петр, Язев.

П е т р (*осматривая свой отряд*). Маловато нас. Ну — ладно. Значит: берем на шарап и булки и колбасу. Хватай и сыпь кто куда.

Л е н ь к а. Знаем.

Я з е в. Ну — раз... два...

13

Стремительно бегут мимо колбасника и булочника, хватают товар, разбегаются в разные стороны. Старик и женщина топают ногами, кричат, мальчик смотрит на исчезающих беспризорников с улыбкой восхищения.

14

Мясницкая или другая бойкая улица. Мальчуган беспризорник пристает к прохожим:

— Дай копейку. Гражданка — давай копейку. Эй, сытая, давай, а то вошами осыплю.

За ним наблюдают издали двое беспризорных старше его.

15

Прилично одетая женщина на углу проулка, уступая назойливости маленького беспризорника, вынула из сумочки кошелек, достает деньги. Один из беспризорных вырвал кошелек. Маленький бежит за угол. Его товарищи скрылись в толпе.

16

Берег Москвы-реки. Группа беспризорников. К ним осторожно подходит курчавый мальчик булочницы. Ребята будто бы не замечают его, но двое исподлобья следят за ним. Один встал, пошел навстречу.

— Ты, пацан, чего тут трешься, а?

17

Курчавый мальчик в кругу беспризорников, говорит:

— Я хочу с вами жить. Тетка дерется, я вот украл у нее червонец и убежал.

Один из ребят ударил его ладонью по макушке:

— Значит — к нам захотел. Ну — снимай сапоги.

18

«Гоп-скок». Лунная ночь на одной из Садовых. Четверо беспризорных. Один прикрепляет проволоку к трамвайному столбу, двое других натягивают ее поперек панели на высоте полуаршина над землей. Поп — курит, командует:

— Туже натягивайте.

— Готово.

Спрятались в тень.

19

Идет человек, запнулся за проволоку, упал. На него бросаются беспризорные. Поп бьет его по темени,

остальные сдирают пальто, пиджак, сняли ботинки, брюки — скрылись. Человек, полежав, приподнимает голову, осторожно садится, затем вскочил на ноги, бежит и орет:

— Милиция... караул... граждане!..

20

«Так уходят часы». Рынок. Человек продает часы. За ним наблюдают Казимир и Сергей. К нему подошел прилично одетый парень.

— Ходят?

— Отлично ходят.

— Не врешь?

— Гляди.

Парень берет часы, прикладывает их к своему уху, другой парень, стоя сзади его, вынимает часы из его руки, быстро передает их Казимиру. Первый парень ковыряет пальцем в ухе. Продавец ошарашенно смотрит на руку его и кричит:

— А часы где?

— Какие?

— Стой!

— Да я же не бегу!

— Ты их за ворот спустил! Граждане, держите...

— А зачем держать меня?

— Он часы украл.

— Я? С ума сошел человек!

— Обыщите... Обыскать.

— Пож-жалуйста.

Добровольцы обыскивают парня, он посмеивается.

— Вот на сумасшедшего наскочил! Часы у него пропали.

— А были часы?

21

«Как покупают яйца». На Малой Никитской у паперти закрытой церкви сидит женщина, пред нею — корзина яиц. К ней подходит девушка, за углом ограды Поп и Узбек. Девушка отбирает яйца, рассматривая их на свет, отобранные кладет в пригоршни торговки.

Т о р г о в к а. Ты скорее. Чего роешься?

Девица. Тухлых мне не нужно...

Из-за угла выбежал Узбек, схватил корзину и снова скрылся за углом. Торговка, держа яйца в руках, вытянув их, кричит. Девушка быстро уходит.

22

Сергей и Ленька около памятника Гоголя прячут в мешок маленькую собаку.

23

Рынок. Мужик держит под мышкой поросенка, другой — в мешке у его ног. Поросенка покупают двое: толстая женщина и человек в фуражке инженера. Ленька заходит сзади продавца и колет поросенка гвоздем. Толкает мужика, животное дергается, визжит, продавец оглянулся. Сергей деловито взял его мешок, положил свой — исчез. Покупатель, указывая на мешок:

— А тот — крупнее?

— Этот потяжельше.

— Ну-ка покажи...

Мужик вытряхивает из мешка собаку — хохот. Мужик ошарашенно смотрит вслед собаке, встряхивает мешок, кричит:

— Ба-атюшки! Сукины дети... И мешок не мой...

УЧИТЕЛЯ

1

Квартира Лисицы. За столом, у самовара: Лисица, его жена, Козел — вор-профессионал лет 50, сухощавый, с бородкой.

Козел. Значит, шлепнули Арапа.

Лисица. Шлепнули. Пошел по мокрому, ну и поскользнулся.

Козел. Дурак.

Лисица. Верно. Теперь распрекрасно можно работать с огольцами, с беспризорными, их — сотни.

Козел. Учить их трудно.

Лисица. Помучишь, так научишь.

2

Шалман. Это должны изображать сами ребята. Пение, пляски, девицы, вино.

3

Подвал. Молодой вор обучает мальчиков карманным кражам.

Среди мальчиков — Петр, Язев, Казимир, две девочки. Лисица и Козел наблюдают за обучением, изучают мальчишек.

Козел (*Лисице*). Вон из того, тоненького, форточник хороший будет.

4

Ночь. Воры «берут магазин на вывоз». Среди них — Сергей, Петр.

5

«Засыпались».

6

Камера несовершеннолетних в Бутырской тюрьме. Ребята поют:

Сижу я, целый день страдаю.

7

В углу Сергей, Яков и еще один.

Яков (*Сергею*). Вот где встретились!

НАЧАЛО КОНЦА БЕСПРИЗОРЩИНЫ

«ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ»

Обращение комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей

Ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи, Межрабпому

Товарищи!

Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточенной кровавой борьбы с ее заклятыми врагами — внутренней и внешней контрреволюцией. С новой силой, неизвестной умирающему буржуазному миру, забился пульс рабочей общественной жизни, застучали станки, зашумели машины, спокойнее и свободнее заходил плуг, взрывая тучную землю.

Но эта великая победа трудящихся досталась не даром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых еще долгое время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. Одной из этих ран является далеко еще не полная обеспеченность детского населения страны.

На долю первой в мире республики труда досталось тяжелое наследие царского строя; войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на героические усилия, проявленные советской властью в деле обеспечения всеми необходимыми материальными благами, в деле воспитания и охраны жизни и здоровья, все же на территории Союза социалистических республик осталось еще громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи.

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как детская преступность, проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжелыми последствиями и заставляет бить тревогу.

Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым, как диетпитание, белье, обувь, оборудование и т. п.

Кроме указанного кадра беспризорных детей, имеется еще большой контингент нуждающихся в помощи детей, имеющих родителей или родственников, но хозяйственная мощь которых разрушена войной и голодом (инвалиды, беженцы войны и голода, безработные); им также нужна скорая действительная помощь.

Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь еще детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе *велика*. На эту опасность для детей нельзя закрывать глаза, необходимо теперь же, немедленно, пока еще не поздно, общими усилиями устранить ее.

Учитывая это тяжелое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с НКПросом и НКЗдравом, при деятельном участии партийных и профессиональных организаций, с 30 апреля по

6 мая с. г. «Неделю беспризорного и больного ребенка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом прийти во время ее на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размерами вашей помощи. Помните, что только общими объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности.

Одновременно с этим деткомиссия ВЦИК обращается с просьбой к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи и Межрабпому взять на себя задачу информировать наших товарищей рабочих и крестьян за границей о целях и задачах настоящей кампании и привлечь их к участию.

Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на ее призыв своею материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детскою беспризорностью в России.

Деткомиссия обращается также ко всем заграничным организациям помощи голодающим в России с просьбой усилить до возможных пределов свою работу в части помощи детям.

Все на помощь детям!

Председатель комиссии ВЦИК
по улучшению жизни детей
Ф. Дзержинский.

Эстрада, на ней — лицом к публике — кинооратор.

— Итак, товарищи: беспризорников создали семь лет войны, четыре года империалистической и три года борьбы рабочих и крестьян за власть, борьбы против русской буржуазии, которую вооружил против нас европейский капитал.

Количество беспризорных увеличил поволжский голод. У нас, товарищи, образовалась огромная армия бездомных — и в большинстве безграмотных — детей-подростков.

За счет сил этой армии живет и развивается преступный мир, развращая ребятишек, превращая их в социально опасных. На борьбу с беспризорностью мы тратили десятки миллионов, но это не дает должных результатов. Мы должны принять другие меры борьбы с этой социальной болезнью, и сегодня мы начнем

борьбу. (*Пауза.*) Предлагаю вам, товарищи, помнить, что беспризорные дети, каковы бы они ни были,— все-таки еще дети.

В огромном большинстве они — сироты рабочих и крестьян. Это маленькие пролетарии, но анархисты. Наверное, вы встретите жестокое сопротивление с их стороны. Вы обязаны встретить это сопротивление сдержанно и терпимо. Каждый из вас, кто проявит грубость, а тем более жестокость в отношении к беспризорным,— будет строго наказан. Я — кончил. За дело, товарищи.

ДЕЛО ОДНОЙ НОЧИ

1

К полуразрушенному дому подъехал автомобиль, агенты угрозыска и чекисты будят беспризорных, выводят их на улицу, беспризорные энергично сопротивляются. Ленька вырвался, бежит прочь. Чекист вслед ему:

— Эй, зря бежишь, всё равно поймаем.

Другой чекист:

— Вон еще под воротами двое.

Из-под ворот выбегают трое, одного чекист поймал, другой — бежит, третий успел перепрыгнуть через забор.

2

Глухой переулок. Два грузовика. Чекисты выгоняют из ворот «хазовки» беспризорных. Один авто уже нагружен и охраняется милицией; беспризорные орут, бьют друг друга, некоторые из них плюют на милиционеров, бросают в них шапками, опорками, пытаются сорвать фуражки с чекистов. Визг, свист, ругань.

Чекист. Вам бы, обезьяны, с буржуями сражаться, а не с нами...

В числе захваченных прилично одетый Язев и Поп. Они стоят рядом и оживленно перешептываются. Пред ними картина боевой схватки. Чекисты и милиционеры едва справляются с мальчишками.

3

Вагонный двор. Милиционеры и чекисты осматривают пустые вагоны, извлекают из них сонных ребят. В стороне, под конвоем, стоят и сидят человек десять мальчишек. Один просит у милиционера:

— Дай папиросу.

— Не курю.

— Я тебя не спрашиваю: куришь — не куришь, я говорю: папиросу дай, чёрт.

Другой чекист. Хочешь, по затылку дам.

Беспризорный. Драться не смеешь.

Чекист. Верно, пацан! Ну, получи папиросу...

Беспризорный. То-то, мы свои права знаем!

Чекисты, милиционеры смеются.

Двое беспризорных вскочили и бегут в разные стороны. Товарищи свистят и кричат вслед им.

4

Светает. Трое чекистов ведут группу малышей, человек 20.

Из-за угла выбежал Ленька, за ним, должно быть, кто-то гнался. Ленька, подбегая к чекисту:

— Берите и меня.

Чекист. Шагай, сявка.

Ленька. Я не сявка.

Чекист. Ну, урка.

Ленька. И не урка.

Чекист. Значит — туз.

Ленька. Дурак. Что ты, не видишь, что я маленький?

Чекист. Тузы-то старики — говоришь,— а как их зовут?

Ленька. Так я тебе и скажу, ишь ты.

5

Воинская площадка вокзала. У площадки вагоны 3 класса.

Подъезжают машины, разгружая беспризорных. Мальчишки проходят в вагоны между шеренгами беспризорных. Чекисты и милиционеры обыскивают их,

отбирают ножи, ремни, деньги, монету бросают в какой-то чемодан, бумажные деньги — рвут в мелкие клочья,— это очень удивляет ребятишек. Мальчик кричит из окна вагона:

— Зачем червяки рвете?

Чекист. А чтобы вам видно было: не берем себе.

Беспризорный. Ну и — дурачье.

6

Внутри вагона. Тесно. Толкотня, борьба, крики.

— Поехали-и!

— Братук! Куда нас везут?

— В болото.

— Топить, как щенят...

— Эхма!

— Ребята—смирно! Слушай команду... Раз... два... три! Делай тарарам!

Выбивают стекла из окон, орут, пытаются ломать скамьи, полки; адский шум, которому чекисты и милиция не мешают.

7

Внутри другого вагона. Здесь ребята постарше, настроение серьезное. Одна из групп слушает объяснение Язева:

— Едем, конечно, в Соловки.

— Хитро сделано!

— Сразу всех забарабили.

— Всех — не всех, а тысяч пять загребли...

В дверях — чекист.

— Ребята — слушай,— сейчас поезд остановится, будет прицеплен вагон с продовольствием и одеждой. Сорганизуйтесь так, чтобы всё распределить в порядке, без драк — ладно?

Молчание. Ребята недоверчиво рассматривают чекиста, удивленно, испуганно перешептываются. Кто-то громко говорит:

— Значит — верно: в Соловки! И-эх-х, мать...

8

Третий вагон. Здесь среди ребят — Ленька, Язев, Поп, Узбек. Поезд стоит.

П о п. У меня червяк в затырке был.

Вынимает изо рта червонец, один из мальчиков согнулся, подставил спину, червонец разглаживают на его спине.

Я з е в. Водочки бы купить, а?

Г о л о с а: — Верно! Дело! Хорошо бы погорчиться!

— А как отсюда вылезешь? Двери заперты, под окошками — менты.

У з б е к. Пол надобно ломать! Ну? Начинай!

Я з е в. Правильно! Делай!

Г о л о с а: — Не шуми слишком. А кого пошлем?

— Леньку. Ленька — идешь?

Л е н ь к а. Обязательно!

9

Из-под вагона вылезает Ленька, бежит по железнодорожным путям. Стоит на углу улицы, под фонарем, рассматривая червонец. Нерешительно оглядывается. Раздумывает: вернуться к товарищам, в вагон, или не стоит? Вернуться — наверняка отправят в какой-нибудь детдом. А может быть, и в тюрьму. Убежать с червонцем — нехорошо пред товарищами. Вероятно, убежит еще кто-нибудь, станет известно, что он украл у «своих» — изобьют. Да и стыдно у своих воровать. Решил. Бежит по улице.

10

Ленька в «хазе». Какая-то баба подвязывает к его лохмотьям бутылки за горлышки.

Л и с и ц а. Гляди не разбей.

Л е н ь к а. Знаю!

Л и с и ц а (*бабе*). Лишили нас помощников, дьяволы!

11

Вагон. Поезд в пути.

У з б е к (*рассказывает*). Он мине сказал: «Приедем — дадут всем кило хлеба, фунт колбасы, одёжу выдадут, мыть будут».

Г о л о с а: — А ты верь, дурак! Ему чаю с вареньем обещали. Пирожных...

Ленька (*выпивши*). Дадут всем кашки из поганой чашки, пожрем, охнем, да и — подохнем! Эх — ребята! Не верь милиции, держи свои позиции! Споемте — что ли?

12

Вид Звенигорода.

13

Звенигородский монастырь.

14

Вокзал Звенигорода. Перрон. Чекисты и местная милиция ждут поезда.

Старший чекист. С этим поездом прибудет 500, сразу направить в монастырь. Следить, чтобы не разбежались.

Голоса: — Пятьсо-от. Держись, город Звенигород.

— Да-а, зададут встряску здешним жителям. Разграбят городишко.

Старший чекист. Решительно воспрещается применение каких-либо физических мер воздействия — поняли? Не бить, не толкать, не орать! Сразу, по разгрузке вагонов, давать каждому хлеб и колбасу. Авось — не побегут, если едой займутся.

15

Эшелон беспризорных идет улицей города. Все жуют. Из ворот, из окон неодобрительно смотрят обыватели. Некоторые выражают сочувствие и сожаление:

— Эх, бедняжки! Куда это вас ведут?

— Господи, грязные какие!

Беспризорные отвечают сочувствующим руганью, свистом, показывают языки, кулаки. Вслед им обыватели говорят:

— Жулье всё! Это на горе наше привезли их.

— Заставят нас кормить ораву такую...

— А ведь, пожалуй, и заставят. Да и обуть, одеть тоже нам велят... Эх, жизнь...

16

Двор монастыря. Беспризорники ошеломленно разбились по группам, хмуро озираются, перешептываются, в общем ведут себя тихо. Их раздевают и лохмотья бросают в костер среди двора. Восемь парикмахеров стригут их. После стрижки раздевают и голых ведут в баню.

17

Баня. Ребят — моют. Охотно моются единицы, в их числе — Узбек, Ленька; большинство сопротивляется, хулиганит, плещет друг на друга водой из шаек. Дикий визг, шум, брань, попытки петь.

18

Ребята выходят из бани на двор, одетые в однообразные костюмы и шапочки. Вид у большинства ошарашенный.

Голоса: — К чему это готовят нас? Во святые, что ли? В монахи постригли. Чёрт их знает чего они выдумали.

Ленька. Братишки! Знай свое дело: ни в чем не уступайте. Нас хотят в миленькие перекрестить.

Старший чекист. Ребята! Рассчитывайтесь по десяткам и выберите десятников.

Голоса: — Это можно! В этом плохого не видно. Увидишь, погоди.

19

Заметно выделяются группы ребят, которые довольны тем, что вымылись, одеты в чистое. Доволен Узбек, он смотрит в кадку с водой, любуется своим отражением, хохочет, рядом с ним — Язев и Куманек, парень лет 15.

Язев. Чего же это будет?

Куманек. Увидим.

Узбек. Хорошо будет.

Язев. Тебе, Узбек, немного надо...

Узбек. Мине? Мине всё надо.

Язев. Тебе дать кусок, ты и не лаешь.

Узбек. Врешь.

20

Васька Кабан, тупорылый, низкорослый парень, лет 20, ухмыляясь, агитирует в группе ребят. Их человек двадцать.

— Ну вот, пацаны, значит — прокатились мы на дураках, в бане помылись, пожрали, чуть-чуть оделись. Чего надо делать? Ну, надо, значит, бежать — кто куда! Прямо — сади всей массой! Всех не переловят, а если и поймают которых — ноги не оторвут, опять можно бежать. У них нет такой силы, чтобы сладить с нами. Верно?

Голоса: — Верно... Когда бежать? Надо сговориться, чтобы — сразу всем.

Ленька: — Понимаем!

Кабан: — Айда, подговаривайте...

Ребята идут.

21

Старший чекист *(кричит)*. Эй, братишки, обедать!

С криком, свистом — толпа бежит.

22

Ленька — десятник. Намеренно неправильно режет пшеничный хлеб, неровными порциями. Куски прячет за пазуху. Бросает их через головы ребят, вызывая этим протесты.

Ленька *(орет)*. Вы что здесь — у родной бабушки? Жри, что дают, пока по мордам не дали. Наелся — уходи...

23

Чекист докладывает старшему:

— Там Ленька хулиганит...

Старший чекист. Дан приказ в еде не отказывать — никаких конфликтов! Подайте хлеба дополнительно. Они хотят разыграть нас на хлебе.

24

Чекист, Узбек и Куманек несут хлеб. Ленька, поняв, что его затея сорвана, бросает нож, идет прочь с куском хлеба в руках. Кричит:

— Глядите, Узбек с Куманьком в лакеи нанялись...

25

За углом церкви Кабан, Ленька, Язев и еще человека три.

Л е н ь к а *(угрюмо говорит)*. Сегодня ничего не будет. Все сытые, разморило всех... Да и охраны за стенами много...

Я з е в. Это верно. Обмякли все.

К а б а н. Н-да... значит — надобно солить им, ментам, всяко, кто что придумает, чтоб им невтерпеж солоно пришлось.

Л е н ь к а. Чтоб не мы от них, а они от нас бежали!

26

Лунная ночь. Трапезная монастыря превращена в спальню, тесно набита беспризорными. Кое-где ребятишки спят. В углу группа слушает, что рассказывает Куманек.

— А этот, Мартынов, который застрелил Лермонтова, похоронен здесь...

Г о л о с а: — Сукин сын, выкинуть его из могилы!

— Да это — давно было, от него и костей не осталось.

27

В другом углу фабрикуют карты из страниц Евангелия. Один мальчик аккуратно режет их, другой — растирает кирпич в порошок — готовит красную краску, третий — размешивает сажу в коробке из-под ваксы, четвертый — готовит трафареты для печатания карт. У двери стоят на страже двое мальчиков.

Г о л о с а: — Эх, покурить бы.

— Водочки бы хлебнуть кусочек!

28

Идет игра на одежду. Выигрывает Кабан. Около него лежит несколько гимнастерок, ботинки, брюки. Человек пять уже проигрались, раздеты, с угрюмой завистью смотрят на играющих.

Стрема кричит: — Зекс!

Суматоха. Выигрыш покрывается телами играющих, карты исчезают.

Ребята дружно начинают петь:

В воскресенье мать-старушка...

Стрема делает успокоительные знаки. Игра продолжается.

29

Утро. Две деревенские бабы привезли на монастырский двор солому и дрова. Кабан отводит одну из них за угол, показывает гимнастерки, ботинки.

Б а б а. Сколько просишь?

К а б а н. Пять бутылок водки.

Б а б а. Да ты с ума сошел! За этакое! Пять?

К а б а н. А сколько!

Б а б а. Две.

К а б а н. Ты, тетка, не шути, а то я тебя по башке кокну. Видишь, сколько нас тут? Мы, гляди, неласковые. Мы те избу подпалить можем и вообще... Ну?

Б а б а. Не стращай. Три — принесу.

К а б а н *(толкнув ее)*. Пять, поняла?

30

В зарослях монастырского сада — человек двадцать. Выпили. Кабан ораторствует:

— Ограды, решетки на кладбище вокруг могил — ломайте, вооружимся и прямо, напролом...

Я з е в. Я порох умею делать.

— А стрелять из чего?

— Из водопроводной трубы можно.

— Ври больше!

— Пошел к чёрту.

Я з е в. Я вам покажу, что не вру.

Л е н ь к а. Он не врет! Он — может!

НАЧАЛИ РАБОТАТЬ

С этого места необходимо очень наглядно и даже резко провести линию разрыва между беспризорными. Наиболее взрослые и анархизированные организуются под водительством Кабана и Язева в целях побега и вооружаются чем попало, на случай сопротивления.

Большинство, следуя за Куманьком, Ленькой, Уз-

беком, чувствуя себя хозяевами положения, увлечено процессами разрушения, ломки всего, что можно сломать, и процессами изобретательства.

1

Группа Кабана ломает решетки кладбищенских оград. Некоторые натачивают железные прутья о могильные плиты.

2

Мальчуган забрался на купол колокольни, зацепился ногами за перекладину креста и, вися вниз головой, орет песню.

3

Двое ребят, изготовив рогатки, спрятались за углом стены и выбивают стекла из окон церкви.

4

Кое-где, по углам, играют в карты, ссорятся, дерутся.

5

По двору, по саду расхаживает старший чекист, пощипывая усики, почесывая затылок. Пробует разговориться с ребятишками, это плохо удается ему,— ребята настроены враждебно. Добродушнее других относятся к нему Куманек и Ленька. Он беседует с ними о чем-то вполголоса. Ленька, отрицательно качнув головой, показывает ему кукиш и уходит.

6

К завхозу приходят проигравшиеся в карты, босые, в одном белье, требуют обмундирования.

— Что вы издеваетесь над нами? Голыми ходим! Давайте наше старое барахло!

Завхоз. Да ведь вы же видели, что мы его сожгли?

— Ничего мы не видели! Давай!

Им выдают новую форму, некоторые получают ее в третий раз.

К у м а н е к *(кричит)*. Ребята! Вот он где похоронен, Мартынов, который Лермонтова убил!

Л е н ь к а. Давай сюда кости его! Давайте выроем, выкинем их из земли! Давай лопаты...

7

Разрывают могилу.

Я з е в. Бросьте, ребятишки, это — не дело, покойников тревожить!

Л е н ь к а. Боишься покойников-то? Мы на тебя, когда спать будешь, положим одного, который посвежее. И-эх, ты! Работай, братишки!

8

Язев в углу сада устроился на могильной плите, толчет в жестянке уголь. Лохматый парнишка режет зазубренным ножом водопроводную трубу. Третий мальчик затесывает полено,— делает приклад ружья. Подбегает еще один — кричит:

— Вот — сера! Фунта два будет...

Бежит пятый:

— Братцы! Айда Мартына хоронить,— вот здорово!

9

Похороны Мартына. Кладбищем, между могил, идет толпа беспризорных; впереди — Куманек, в руках его — палка, на палке — череп. Рядом с ним Ленька в рогоже на плечах, в изломанной камилавке, в руке его — маленький горшок на веревочке, из горшка поднимается дым. Дальше — десятка полтора мальчишек с палками, концы палок намазаны смолой или сапожным варом. Зажжены, дымят. На многих ребятах — монашеские клобуки, скуфейки, на плечах рогожи, тряпье, мешки. Орут, свистят, приплясывают:

Эх, ох, эх, ох!
Мартын подох!
Он был рыженький такой.
Со святыми упокой
Сукиного сына
Жулика Мартына!

10

Процессия вышла на монастырский двор, окружила помойную яму, и под свист, крик, пляску бросают череп в яму. Особенно возбуждены двое: Ленька и Узбек.

Л е н ь к а *(Куманьку)*. Что теперь делать? Придумывай.

К у м а н е к *(оглядываясь)*. А где менты-агенты?

Л е н ь к а. Попрятались! Вся наша воля! Действуй.

11

Кабан, Язев и другие подбегают:

— Ребята! Валяй напролом. В город. Погуляем. Бери палки.

Я з е в. У нас шпалера есть!

Прикладывает к плечу оружие,— полено с отрезком водопроводной трубы,— зажигает спичку, из трубы извергается огонь и дым. Язев плашмя, спиной, падает на землю, часть ребятишек бросается во все стороны,— крик, свист, смех.

12

Кабан, как военачальник, действует в тылу своей армии, толкает ребят в спины, бьет по затылкам, действует пинками, орет, гоня армию к воротам:

— Айда, черти! Дружно, все сразу. Ну! Прямо на лавки, бей стекла, хватай, что под руку попало...

13—14

Старший чекист появился откуда-то из-за монастырской гостиницы и кричит, приставив ладони рупором ко рту:

— Выдают махорку, папиросы!

15

В толпе — смятенье. Множество ребят обратилось вспять, окружая старшего чекиста, он что-то кричит, смеется, указывая за угол гостиницы. Ребята бросаются туда.

16

Три агента арестуют Кабана, Язева, еще троих взрослых, уводят их за ворота. Ворота закрываются. Ленька выглядывает из-за угла.

17

Старший чекист ведет Язева, за ними толпа ребятишек.

— Ну-ка, герой, раздевайся!

Язев снимает блузу — под ней другая.

Старший чекист. Дальше!

Куманек снял еще блузу — под ней третья.

Голос. Эх, чёрт. Вроде кочна капусты.

Язев, ухмыляясь, снимает еще одну блузу — под ней четвертая.

Старший чекист. А штанов сколько на тебе? А куда выигранные ботинки спрятал?

Мальчики смеются.

Старший чекист. Вот, ребята, в этом и вся беда жизни: у одного — лишнее, а другой — голый.

Голос. Голый, да веселый.

Старший чекист. Тепло — так весел, а холодно — нос повесил. Ну-ка, давайте поговорим о деле, о жизни... Вы бы сели, в ногах правды нет.

Ленька. Правды нигде нет.

Старший чекист. А ты где ее искал?

Ленька. Везде.

Старший чекист. А как? Какую правду искал?

Ленька. А ты какую нашел?

Старший чекист. Вот послушай!

18

Беседуют. Народа собралось много. Слушают внимательно. Подходит дядя Иван, старик-сапожник.

— Нет ли охотников сапожному делу поучиться? Я бы взял человек пяток. А?

Голоса: — Пошел к чёрту! Проваливай, старикан, не мешай сказки слушать.

ИСТОРИЯ БОЛШЕВСКОЙ КОЛОНИИ ГПУ

1

Контора тюрьмы. За столом — чекист и двое представителей тюремной администрации. Перед ними стоят и сидят человек 20 заключенных, всё молодежь, среди нее Сергей, Яков.

Чекист. Так вот, ребята, поняли?

Яков. Что-то мудрено...

Сергей. Трудно понять — чего тебе надо. Ну — поймали нас, потом по закону придется выпустить.

Чекист. Верно. Выпустим, а вы снова приметесь воровать, а мы снова поймаем вас, и так будет до конца ваших дней, а конец этот — недалеко! Ведь вы будете всё хуже, придется держать вас за шиворот всё туже — так?

Яков. Как будто — так.

Чекист. А парни вы — не глупые, здоровые, нужды-горя отведали много, знаете, почем сотня гребешков. Как будто и жалко вас. Так вот, попробуйте пожить трудом, а не воровством.

Один из группы. От трудов праведных...

Чекист. ...не наживешь домов каменных! Это — известно. Так вот и сделана Октябрьская революция, чтобы власть над жизнью взял в свои руки трудовой народ. Попробуйте-ка и вы включить свои силы в работу трудового народа по строительству новой жизни, в которой единственным хозяином всей страны будет только рабочий народ. Идет, что ли?

Голоса: — Ну, что же... Ни хрена не выйдет... В тюрьме сидя — добра не высидишь, конечно... Попытаемся. Ошибемся — раскаемся.

2

Проселочной дорогой идут почти десятка полтора тюремных жителей, среди них чекист. Он настроен весело, его команда — мрачно; подозрительно оглядываются по сторонам, перешептываются.

3

Усадьба бывшая Крафта. Детально показать ее заброшенность, старые здания, службы, засоренный парк и т. д.

4

Пришли. Продолжают осматриваться еще более мрачно.

Сергей. А где стража?

Чекист. А зачем стража?

Яков. И решеток на окнах нет.

Чекист. А зачем решетки? Хотите — живите, не хотите — бегите, это — ваша воля.

Один из группы. Фокусы какие-то...

5

В усадьбу въехал грузовик, привез продовольствие: хлеб, колбасы, большой самовар, посуду. Ребята, ухмыляясь, разгружают очень лениво. Чекист, работая с ними, поторапливает:

— Дружнее, ребята, на себя работаете!

6

Начали хозяйничать. Метут пол. Устанавливают койки. Настроение недоверчивое, посмеиваются друг над другом.

— Эй ты, горничная, не пыли...

— Поджечь рухлядь эту...

— Неплохо бы...

Сергей. Поджечь всегда успеем.

Яков. Интересно, чёрт их драл, чего они затеяли? Чего хотят добиться?

Сергей. Поживем — увидим.

Яков. В тюрьме чище было, чем здесь.

Один из группы. Вычистить не трудно, а вот как жить будем?

Сергей. Может, и не будем...

7

В комнате. На одной из ее стен — портрет Ленина.

Сергей. Мы здесь будем жить?

Чекист. Можно и здесь.

Сергей. Убирай образа — мы неверующие.

Чекист. Здесь Ленин жил.

Сергей. Это нам всё равно — кто.

8

Утро. Ребята один за другим выходят из дома на волю.

Голоса: — Ну, что же, чай пить надо.

— А кто самоваром займется?

— Ну его к чёрту, я чаю не хочу.

— Выпить бы.

— На какие деньги?

— Н-да-а...

Сергей. Сделаем жеребьевку, кому самовар ставить.

9

Яков ставит самовар. Остальные греются на солнце, лениво бродят по парку. Сергей, стоя под деревом, курит, размышляет о чем-то, поглядывая на товарищей. Из окна смотрит чекист, спрашивает:

— Скушно?

Сергей. Не весело.

Чекист. Займитесь делом — веселее будет. Вы, конечно, понимаете, что дармоедов кормить рабочее государство не будет. За всё, что вы здесь получите, надо будет отработать. Это — обязательно. Кто не работает — не ест.

Сергей. Богатые не работают, а едят хорошо.

Чекист. Вот за то рабочий класс и послал их к чёртовой матери.

Один из группы. Думаешь — не вернутся они? Вернутся. Не бывало этого, чтобы мир без богатых жил.

Чекист. Мало ли чего не бывало! Вот и тебя не было, а теперь и ты украшаешь землю.

Ребята смеются — оппонент чекиста невзрачен, истощен, оборван.

10

Сергей, Яков и невзрачный паренек, Кашевар, засыпают землей и щебнем выбоины на дороге перед крыльцом.

С е р г е й. Чекист этот не дурак.

Я к о в. Веселый.

П а р е н ь. Обманывает. Вот — работать заставил.

С е р г е й. Не работай.

П а р е н ь. А ты зачем работаешь?

Я к о в. Захотелось, ну и работаем.

11

Кашевар — на коньке крыши, угрюмо смотрит вниз. Ему видно, что почти все товарищи заняты каким-нибудь делом: двое укрепляют расшатанную ступень крыльца, человек пять сносят в кучу старые доски, метут двор метлами. Всё делается не торопясь, неумело, от скуки. В парке под кустами: двое — спят, трое — беседуют.

— Ночью мы обошли вокруг — нет ли где надзирателей спрятано?

— Нет?

— Чёрт их знает, чего они затеяли.

— Н-да...

— И никто из нас не сбежал отсюда...

— Раскисли.

12

Через несколько дней. На крыльце — чекист, перед ним — колонисты.

К а ш е в а р *(жалуется)*. Ты пойми: в тюрьме — скушно, так там заперты мы. А здесь будто на воле, однако — связаны.

Ч е к и с т. Ну, что ты? Чем связаны?

К а ш е в а р. Чёрт его знает.

С е р г е й. Ты бы нам газет дал, что ли.

Ч е к и с т. Газет — можно! И книг — можно. Только за ваш счет. После взыщем с вас, когда вы работать начнете. Ведь вы не нищие, не милостину просите, да? Ну вот, завтра будут книги и газеты. А вы устройте читальню в тех комнатах, где Ленин жил.

Я к о в. Ты бы рассказал нам про Ленина-то.

Ч е к и с т. Можно.

13

Лунная ночь. Колонисты собрались на крыльце. Некоторые курят.

С е р г е й. Значит, ребята, мы всерьез решаем жить здесь дружно, работать, учиться. Попробуем встать на другие рельсы. Так?

Два голоса:

О д и н *(нерешительно)*. Что ж. Видно — так!

Д р у г о й. Решили. Довольно трепаться!

Остальные молчат.

С е р г е й. Чекист ясно рассказал нам, кто мы и какие дороги лежат перед нами. Одна — в Соловки, а то и под пулю. Другая — к рабочим, а рабочие и в самом деле стали хозяевами, везде они правят, это — видно. Ежели начат бой между богатыми и бедными — середины не может быть, и — нет ее. Не с богатыми же нам идти.

Я к о в. Да если богатых не будет, так у кого же воровать?

К а ш е в а р. На наш век богатых хватит.

С е р г е й. Ну, ребята,— как? Подымай руки, кто за работу?

Руки подняли все.

Я к о в *(кричит)*. Здорово!

.14

Колонисты поют песню. Она звучит грустно, как будто парни прощаются с прошлым.

15

Кашевар и еще один отходят в сторону, шепчутся, его собеседник отрицательно мотает головой, отмахивается, идет к поющим.

16

Кашевар стоит, отшвыривая носком сапога камешки. Сергей поет и следит за ним.

УСТРАИВАЮТСЯ

1

Организуют ленинский уголок.

2

Организуют кооператив.

3

Приход еще одной группы из тюрьмы. В этой группе — девушки, немного — три, пять.

4

Утро. Просыпаются. Вбегает Яков.

— Ребята! Кашевар уплыл. Нагрузился одеялами, одежой и — нет его. В деревню, надо думать, пошел, продавать.

Общее возмущение.

— Вот — курва, сукин сын!

— Надо ловить!

— Где его поймаешь?

Сергей. Ребята, мы друг за друга отвечаем, так или нет?

Яков. Поступок его — не товарищеский. У своих воровать,— вы знаете, что за это следует?

5

Лес. На опушке, в кустах — Кашевар, сидит и курит, поглядывая в поле.

6

Из леса подкрадывается Сергей и еще один парень. Схватили Кашевара. Сергей свистит. Подбегают еще двое. Кашевар прижат к земле, распластан на ней, но его не бьют.

Сергей. Ты, сволочь, что же сделал? Опять хочешь в тюрьму загнать нас?

Голоса.— У своих, сукин сын!

— Не стыдно — у своих-то!

— Вздуть его!

— Башку свернуть.

Сергей. Погодите! Разденем догола, и пускай идет куда хочет.

Крики: — Верно!

Смех.

7

Кашевар, голый, стоит в кустах, смотрит в поле.

8

Полем идут четверо. Сергей несет большой узел, другой парень — одежду Кашевара.

9

Ночь. Идет Кашевар в костюме Адама, перевязанный ветками рябины.

10

Ленинский уголок. За двумя столами пятеро читают газеты, книги. Сергей, Яков. Двое — пишут письма. Вбегает девушка:

— Ребята, Кашевар пришел. *(Хохочет.)* Ой, издохну! Идите скорей... Ох...

11

На дворе собрались все колонисты. Перед ними — Кашевар. Хохот, крик, свист:

— Судить его!

— Чего судить! Повесить — и всё тут.

Сергей. Надо позвонить в ГПУ. *(Ушел.)*

12

Сергей у телефона. Рядом с ним Яков и еще двое.

Сергей *(угрюмо)*. Как же мы его поведем к вам, товарищ? Мы не агенты угрозыска, не милиция. Чего? Неловко нам. Сами посудите: воры вора в ГПУ ведут. Как? Бить, действительно — били. Чего? Ну, бывало, и убивали... я слышал. Так это — доносчиков, шпионов, а он... Сам?

Повесил трубку, отирает потный лоб.

— Ф-фу, чёрт! Уговорил. Согласился, что нам нельзя конвоировать Кашевара. Говорит: пошлите его, пускай сам придет, а?

Я к о в. Не придет, убежит.

Г о л о с а: — Куда?

— На воле знают наши, что он своих обокрал.

— Не убежит! В ГПУ целее будет, а свои — башку оторвут.

13

На дворе.

С е р г е й *(Кашевару)*. Ты, сволочь, завтра утром пойдешь в ГПУ. Сам пойдешь — понял? Ну — ступай к чертям, ангел голопузый.

Кашевар идет в спальню, его провожают криками, свистом.

14

Кашевар в ГПУ перед лицом следователя.

С л е д о в а т е л ь. Ну что, парень? Солоно пришлось. Выучили, как у своих воровать? Получишь пять суток ареста. Иди!

15

Несколько картин строительства Болшевской колонии. Показать вербовку новых членов старыми и количественный рост колонистов.

16

Картины оборудования деревообделочного, трикотажного и обувного цехов.

17

Картины работы. Работает девица на трикотажном станке. Перед ее глазами возникают картины прошлого. Она танцует с парнем, в круг танцующих врывается другой, выпивши, вырывает ее из рук партнера, тот ударил его, но оказался слабее, сбит с ног, сидит на полу и кричит:

— Сашка, не смей плясать с ним!

Она пробует вырваться, новый партнер схватил ее за волосы:

— Куда, стерво?

Зрители хохочут. Кончив танцевать, партнер отталкивает ее. Она ищет первого партнера. Его — нет. Выходит на двор, освещенный фонарем с улицы и огнями окон. Садится на какой-то ящик, плачет. Появляется первый, подходит к ней.

— Что, сволочь, ты опять с ним?

Бьет ее, она падает с ящика в грязь.

В деревообделочном парень строгает фуганком доску. Устал, стирает пот с лица, присел на верстак, закуривает. Видит себя в прошлом: его поймали на рынке, бьют, является агент угрозыска, вырвал его из толпы, ведет, угрожая:

— Добьешься, болван, что тебя ногами растопчут!

Затем видит себя прилично одетым около цирка, на Садовой. Тот же агент, положив ему руку на плечо, спрашивает:

— Ага, это ты, старый приятель? Третий раз я тебя ловлю. Ну-ка, ты, что тут делаешь? Что в карманах добыл?

Парень, не торопясь, достает из бокового кармана «ксиву».

Агент читает:

«Предъявитель сего столяр деревообделочного цеха колонии ГПУ № 1»...

Агент, усмехаясь, говорит:

— Вот как? Ну — прошу извинить!

В металлическом кузнец прокаливает пластинки для коньков. Он же в прошлом — взламывает дверь магазина. Ему помогает еще один, третий — на стреме. Стремщик тихо свистит. Оба бегут. Взломщик поскользнулся, упал, на него бросился дворник, но откатился в сторону. Взломщик бежит, в его руке — фомка. Навстречу милиционер. Взломщик бьет его фомкой по голове, но попадает в руки другого дворника, схвачен.

Спальня девушек; одна из них, сидя на койке, читает книгу. Перестала читать, закрыла глаза. Проходит ряд картин: пьяный отец, больная мать. Девице лет 12. Ее первое воровство: украла булку с лотка. В 14 лет она трамвайная воровка. В 16 — популярна среди товарищей как искусная профессионалка. Ее любовник — наркоман, грабитель. Она «захороводила» на улице гостя, ведет его за собой. В глухом переулке на гостя бросаются двое, бьют, он — падает,

Девушка помогает обыскивать его, раздевать. Любовник с товарищем бегут, заслышав шум шагов; она схвачена за юбку ограбленным, бьет его ногой, но безуспешно. Он кричит, подбегают люди, ее схватили.

18

Общежитие.

19

Заводы в оконченном виде.

20

Вечер самодеятельности колонистов. Пение, пляски, музыка. Маслов за работой. Стенгазета.

21

Политграмота.

22

Посещение Болшевской колонии колонистами Николо-Угрешской. Пришло человек 15. Среди них — Куманек, Язев и Ленька. Он особенно внимательно присматривается ко всему и ко всем. Отношение болшевцев к ним — снисходительное, ироническое. Куманек увидал знакомую девушку, бросился к ней, облапил:

— Нюрка! Ты? Здесь?

Девушка. Прочь! Не лапай. Я замужем...

Куманек ошеломлен. Перед его глазами — встает прошлое. Он гуляет с этой девушкой, обняв ее за талию.

23

Ленька в стороне допрашивает парня, лет 17:

— Бьют?

— Нет.

— А сами друг друга бьете?

— Тоже не бывает.

— Врешь?

Парень говорит с Ленькой улыбаясь.

— И — не воруете?

— Не требуется. Всё наше, а у себя — не воруют.

Ленька рассердился, толкнул парня кулаком в живот, кричит:

— Ты чего мне врешь, пузатый чёрт? Что я — маленький? Скажи на милость — не пьет он, не дерется, не ворует, во святые попал, сукин кот!

Парень хохочет. Его и Леньку окружают другие.

24

Другой парень, тоже встретив старого приятеля; беседуют:

— Как же вы с девицами? Свободно?

— Мы не собаки, мы от собачьей жизни отказались.

— Холостыми живете?

— Женимся. Только с разрешения общего собрания. Женимся и на деревенских. Вот сегодня свадьба будет, наш парень деревенскую берет...

25

А в начале жизни колонии: пришли мужики и сердито говорят заведующему:

— Вы, товарищи, воров поселили тут под боком у нас. Это нам — вредно. Мы упреждаем, что ежели воровство начнется — заведение это со всех концов вспыхнет, а ворам черепа побьем. Мы это честно упреждаем.

26

Свадьба. Пляски, пение, музыка. Ленька внимательно смотрит на всё. Говорит соседке, девице:

— Это зачем тут мужики?

— Отец невесты, родные ее. А — что?

— Ничего. Балаган это. Подстроено всё. Вроде цирка... Обманываете.

Отошел прочь.

27

Узбек разговаривает с негром:

— Почему черный? Это больной ты?

— Я негр потому что.

— Ну? Били тебя?

— Нет, природа такая.

— Смеются над тобой?

— Нет. Здесь товарищи хорошие.

Узбек, сплюнув, отходит прочь, останавливается, размышляя. Мимо идет девица, остановил ее:

— Подожди. Ты — проститутка?

— Я трикотажница, а ты — глупый мальчишка. Дурак — понял?

— Подожди. Если я тебя обидел, надо меня бить. Почему не бьёшь?

Девица смеется, спрашивает:

— Ты кто?

Взяла его под руку, кричит кому-то:

— Миша, поди-ка сюда!

28

Ленька около духового оркестра, рассматривает корнет-а-пистон. Музыканты готовятся играть, корнетист взял инструмент из рук Леньки. Играют. Ленька, очарованно улыбаясь, смотрит на корнетиста.

29

Кипит свадебное веселье.

30

Куманек и Узбек — в стороне, к ним идет Ленька.

Куманек. Ловко устроились.

Узбек. У меня голова колесом вертится — так! Показывает руками, как вертится голова.

Ленька. Весело живут, черти! Музыка своя. И — всё.

Куманек. Книг — до тысячи.

Ленька. Буду проситься сюда...

Куманек. Не примут.

Узбек. Здесь работать надо, мы не умеем.

Ленька. В музыканты попросимся.

СНОВА В НИКОЛО-УГРЕШЕ

1

Человек пятнадцать парней, раскачивая бревно, вершков четырех толщиной, таранят им стену монастыря. Сыплется разбитый кирпич.

2

На дворе ломают койки монахов, делают из них санки. Но некоторые уже чинят поломанные койки,

не давая их ломать. Из-за этого дерутся. Подходит мастер, слесарь.

— Не так, ребята. Дайте поучу.

3

В одном из помещений монастыря человек двадцать столярят, делают инкубаторы. Один из парней сделал шкатулку для себя, любуется ею. Другой — табуретку. Сравнивают работу, хвастаются.

4

Ленька достал где-то измятую валторну, пробует играть на ней, ничего не выходит. Идет к инструктору-слесарю:

— Ну-ка, почини, чтобы играла.

— Этого я не умею сделать.

— Так чего же треплешься здесь?

5

Всё время слышны глухие удары тарана в стену. В общем для большинства скучно. Ребята валяются на дворе группами, кое-где пробуют петь. В одной группе беседует Куманек, в другой — Узбек.

6

На дворе появились Яков и Сергей.

7

Стену протаранили, образовалась большая дыра. Один из мальчиков лезет в нее, но раком пятится назад. Вылез, отряхивается.

— За стеной — мент с прутом в руке. Зря долбили.

8

Идут двое ребят. У одного на поясе шесть ложек, на шее несколько полотенец. Другой обернут простыней, одеялом. Сергей спрашивает их:

— Куда же вы?

— Гуляем.

— А это — вещи куда?

— Выиграли в карты. Продаем. Купи?

9

Человек триста собралось в церкви. Яков на амвоне. Ловит муху: ему рукоплещут, Кто-то кричит: «Эх, гармошки нет! Сплясать бы».

Я к о в. Вы бы, черти, работали, тогда и музыка будет.

К р и к и: — Ребята — «Березку»!

10

Явился Ленька с трубой, еще один с барабаном, третий — с гитарой. Всё это вместе звучит дико. У Леньки отняли трубу и сломали.

К р и к. Ребята — спать!

Я к о в. Давайте завтра займемся, организуем хоришко.

Г о л о с а: — Дело! Можно! Идет!

11

Разошлись. На амвоне остался Яков, его окружают Куманек, Узбек, подошел Ленька и еще четверо, затем явился Сергей.

Я к о в. Ну, что?

К у м а н е к. Поддаются.

У з б е к. Не очень.

С е р г е й. Вы говорите им: будете работать — всё будет!

12

Спальная. Ребята укладываются на койках, но некоторые на полу.

13

Входит Ленька с паршивенькой собачкой на руках, подошел к своей койке, подумал. Положил собаку на койку, окутал ее одеялом, сам лег на пол. Сосед спрашивает его:

— Ты что это?

— Ничего. Мне — всё равно, как спать, а она никогда на постели не спала.

14

Все спят. Ленька встал, подошел к окну, открыл. Сел на подоконник, ноги за окно.

15

Стена дома. Окно. В нем Ленька сидит и тихонько поет.

16

Показать Николо-Угрешу в его современном виде. Затем — так же Болшево. Дать цифры производства.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

*Архив Г*I—XIII — Архив А. М. Горького, т. I. История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939; т. II. Пьесы и сценарии, 1941; т. III. Повести, воспоминания, публицистика. Статьи о литературе, 1951; т. IV. Письма к К. П. Пятницкому, 1954; т. V. Письма к Е. П. Пешковой, 1955; т. VI. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке, 1957; т. VII. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову, 1959; т. VIII. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., Изд-во АН СССР, 1960; т. IX. Письма к Е. П. Пешковой. М., Гослитиздат, 1966; т. X. М. Горький и советская печать. М., «Наука», кн. 1, 1964; кн. 2, 1965; т. XI. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым, 1966; т. XII. Художественные произведения. Статьи. Заметки, 1969; т. XIII. М. Горький и сын. Письма. Воспоминания, 1971.

ВС — М. Горький в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1955.

Г, Материалы — М. Горький. Материалы и исследования, т. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1934; т. IV. М.—Л., 1951.

Г-30 — М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., Гослитиздат, 1949—1953.

Г Чтения, 1961—1964 — Горьковские чтения, 1958—1959. М., Изд-во АН СССР, 1961; Горьковские чтения, 1961—1963, М., «Наука», 1964.

Егор Булычов — «Егор Булычов и другие». Материалы и исследования. М., ВТО, 1970.

К — М. Горький. Собрание сочинений, тт. 1—21. Berlin, Verlag «Kniga», 1923—1928.

Костомаров — Николай Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859.

ЛБГ — Личная библиотека М. Горького.

*ЛЖТ*I—IV — Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. I—IV. М., Изд-во АН СССР, 1958—1960.

Леонидов — «Леонид Миронович Леонидов. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записная книжка. Статьи и воспоминания о Л. М. Леонидове». М., «Искусство», 1960.

Лит Насл — Горький и советские писатели. «Литературное наследство», т. 70. М., Изд-во АН СССР, 1963; М. Горький и Л. Андреев. «Литературное наследство», т. 72. М., «Наука», 1965.

Луначарский — А. В. Луначарский. Собрание сочинений в 8 томах. М., ГИХЛ, 1963—1967.

Немирович — Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., ГИХЛ, 1938.

В девятнадцатый том настоящего издания вошли пьесы и другие драматургические произведения, написанные Горьким в период с 1920 по 1935 год: «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Васса Железнова» (второй вариант), «Сомов и другие», «Жизнь одного еврея», ⟨«Пропагандист»⟩, «По пути на дно», «Преступники», «Работяга Словотеков», «Степан Разин», «Ход коня», ⟨Картины к инсценировке П. С. Сухотина «В людях»⟩, ⟨«Христофор Букеев»⟩. Кроме того, печатается схема мимического представления ⟨«Из жизни первобытных людей»⟩, опубликованная автором в 1919 г.

Пьесы «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Васса Железнова» печатались при жизни автора в различных изданиях. Остальные произведения автором не публиковались.

Тексты включенных в том произведений подготовили и примечания к ним составили: *И. А. Бочарова* («Васса Железнова»); *Л. П. Жак* («Жизнь одного еврея», ⟨«Христофор Букеев»⟩, «Степан Разин», «Работяга Словотеков», «Ход коня», ⟨Картины к инсценировке П. С. Сухотина «В людях»⟩); *А. М. Крюкова* (⟨«Из жизни первобытных людей»⟩); *И. А. Ревякина* («Достигаев и другие»); *И. А. Ревякина* и *В. Н. Чуваков* («Егор Булычов и другие»); *М. А. Соколова* («Сомов и другие»); *Е. А. Тенишева* («Преступники»); *В. Ю. Троицкий* (⟨«Пропагандист»⟩, «По пути на дно»). Реальный комментарий к сценарию «Степан Разин» составлен *Н. Н. Жегаловым*.

Тексты рассмотрены и утверждены Текстологической комиссией под председательством *В. С. Нечаевой*.

В научном редактировании тома принимал участие *Н. Н. Жегалов*; в организационно-технической работе, связанной с подготовкой тома, участвовала *И. И. Соколова*.

ЕГОР БУЛЫЧОВ И ДРУГИЕ

(Стр. 5)

Впервые напечатано отдельной книгой: М. Горький. Егор Булычов и другие. Сцены. Berlin, Verlag «Kniga», 1932; в окончательной редакции — в книге: «Год шестнадцатый». Альманах первый. М., 1933, стр. 5—48.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Беловой автограф — *БА* (ХПГ-2-1-1) с небольшой правкой чернилами и карандашом. Обложкой для первого акта служит двойной лист несохранившейся черновой рукописи раннего варианта сцены с трубачом (*ЧА*).

2. Авторизованная машинопись, перепечатанная с *БА* и дополнительно правленная писателем — $АМ_1$ (ХПГ-2-1-3). Две рукописных вставки к ней (сцены с Лаптевым для второго и эпизода с Мокроусовым для третьего актов) хранятся вместе с *БА*.

3. Авторизованная машинопись, перепечатанная с $АМ_1$, дополненная машинописными вставками сцены с Лаптевым во втором и сцены с Мокроусовым в третьем актах — $АМ_2$ (ХПГ-2-1-2). В нее — по-видимому, рукой М. А. Пешкова — перенесена авторская правка, сделанная в театральном экземпляре пьесы.

4. Авторизованная машинопись — театральный экземпляр пьесы, подготовленный режиссером-постановщиком театра имени Евг. Вахтангова Б. Е. Захавой — $АМ_3$ (ХПГ-2-1-4).

5. Верстка отдельного издания *К*, правленная автором,— *Верст* (ХПГ-2-1-5).

6. Текст отдельного издания *К* с авторскими поправками, внесенными рукой М. А. Пешкова (ХПГ-2-1-11).

7. Выправленная Горьким стенограмма замечаний, сделанных 19 сентября 1932 г. после просмотра генеральной репетиции пьесы «Егор Булычов и другие» в театре им. Евг. Вахтангова (ХПГ-2-1-9,8).

Кроме того, в Музее Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова хранится сценический текст постановки «Егора Булычова», созданной театром в совместной творческой работе с автором в 1932 г.

Печатается по тексту альманаха «Год шестнадцатый» со следующими исправлениями:

Стр. 13, строки 9—10: «бывала у солдата» вместо «бывала у солдат» (по *БА*).

Стр. 16, строка 8: «Всё... все мешают» вместо «Все... все мешают» (по *БА* и $AM_{1,2}$).

Стр. 20, строки 9—10: «мужиково — хлеб работать» вместо «мужиков — хлеб работать» (по всем предыдущим источникам).

Стр. 22, строка 28: «Мм... Верно?» вместо «Верпо?» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 23, строка 37: после «Т я т и н» — «⟨*вернувшись*⟩» (по смыслу).

Стр. 25, строка 23: «возьмись» вместо «возьми» (по *БА* и $AM_{1,2}$).

Стр. 36, строка 28: «Двадцать лет с лишком» вместо «С лишком двадцать лет» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 38, строка 35: «Верно» вместо «Верю» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 44, строка 33: «в дороге на Петроград» вместо «на дороге на Петроград» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 46, строка 35: после «на всё лето». — «В а р в а р а. Только на лето?» (по AM_3).

Стр. 47, строка 1: «(*усмехаясь*). Едва ли...» вместо «(*усмехаясь*). Только на лето? Едва ли...» (по AM_3).

Стр. 47, строка 24: «*смотрят*» вместо «*смотря*» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 48, строка 8: «*Достигаева*» вместо «*Достигаевы*» (по *БА*).

Стр. 48, строка 31: «темную» вместо «тесную» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 50, строки 40—41: «с двоюродным братцем» вместо «с двоюродным братом» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 51, строка 21 и *стр. 52, строка 1*: «долги наша» вместо «долги наши» (по *БА*, AM_1, *Верст*).

Стр. 51, строка 29: «скромный, честный человек» вместо «скромный человек» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 53, строка 7: после «К с е н и я» — «(*вернулась*)» (по AM_3).

Стр. 57, строка 7: «*Указывает*» вместо «*Указывая*» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 57, строка 35: «*Притопывает*» вместо «*Притоптывает*» (по *БА* и AM_3).

Стр. 58, строка 34: «Успокойтесь» вместо «Успокойся» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Стр. 60, строка 17: «взгляни-ка, что» вместо «взгляни, как, что» (по *БА* и $AM_{1,2,3}$).

Замысел пьесы «Егор Булычов и другие» возник у Горького, по-видимому, в конце 1930 г. В письме к А. Б. Халатову от 26 декабря 1930 г. из Сорренто Горький замечал: «Вам „хочется“, чтоб я привез пьесу? Мне тоже хочется этого, но пьеса — очень

тяжелая штучка! Я уже написал полторы и от них осталось 3 стр., остальное — сжег. Стараюсь, однако. Работать — хочется и могу» (*Архив* $Г_х$, кн. 1, стр. 230). Судя по дошедшим до нас материалам, какое-то время Горький работал над пьесой «Егор Булычов и другие» (или ее прередакцией) параллельно с работой над пьесой «Сомов и другие». 9 февраля 1931 г. М. И. Будберг сообщала Б. Н. Рубинштейну: «Алексей Максимович пишет 2 пьесы, к апрелю обе кончит» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-5-32-12). «Пьесы идут — туговато...», — жаловался Горький в письме П. П. Крючкову от 13 февраля 1931 г. (там же, ПГ-рл-21а-1-374). 24 февраля 1931 г. Горький ему же писал: «... надобно кончать пьесы: думаю, что во 2-й половине марта — кончу...» (там же, ПГ-рл-21а-1-375). 1 марта 1931 г. в письме Крючкову, извещая об окончании работы над пьесой «Сомов и другие», Горький добавлял: «Пишу другую» (там же, ПГ-рл-21а-1-380).

Черновая рукопись «Егора Булычова» не сохранилась. Дошел лишь ее фрагмент, представляющий ранний вариант сцены с Трубачом. Правка в тексте *БА* свидетельствует о том, что, перебеляя текст, Горький многое писал заново.

Видимо, в начале апреля 1931 г. Горький выслал «Егора Булычова» (очевидно, одну из копий $АМ_1$) М. И. Будберг в Берлин для передачи М. Рейнгардту (см.: там же, КГ-рзн-1-157-218). И, вероятно, в конце месяца М. И. Будберг писала Горькому: «Пьеса „Булычов" очень нравится Рейнгардту. Пришлите поскорее переделку» (там же, КГ-рзн-1-157-219).

Речь шла о принципиальных дополнениях, которые писатель внес в пьесу. Текст ее в $АМ_1$ имеет несколько рукописных вставок во второй акт (в частности, сцену: «*Шура тащит за руку Доната* ∽ *Спряталась в драпировку*» — стр. 28 наст. изд.) и одну — в третий (эпизод с Мокроусовым: «Б а ш к и н. Андрей Петрович, тут — Мокроусов ∽ Как — вроде — карман.» — стр. 45—47 наст. изд.). Существенные поправки Горький сделал и в финале пьесы — здесь введена тема уличной демонстрации (см. варианты).

Видимо, об этих изменениях упоминала М. И. Будберг и в письмах к Рубинштейну по поводу предполагавшегося перевода пьесы на немецкий язык. 16 июля 1931 г. она сообщала ему: «Переделанную пьесу на днях высылает А. М., и я Вам перешлю» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-5-32-13).

Дальнейшая работа Горького над пьесой связана с подготовкой ее постановки в театре им. Евг. Вахтангова.

13 июня 1931 г. Горький пригласил артистов этого театра прослушать новую пьесу. По свидетельству артиста Л. Русланова, чтение состоялось в Горках 7 июля 1931 г. (см. Л. Р у с л а н о в. Как А. М. Горький читал нам «Егора Булычова».— «Комсомольская правда», 1936, № 142, 21 июня). Вслед затем дирекция театра им. Евг. Вахтангова обратилась к Горькому с просьбой передать им пьесу, обещая осуществить постановку к маю 1932 г. (Архив А. М. Горького, КГ-ди-5-52-1).

Осенью 1931 г. Горький вновь читал «Егора Булычова» ар-

тистам театра, а после обсуждения пьесы (участвовали Б. В. Щукин, Б. Е. Захава, Р. Н. Симонов и другие), рассказав о плане всего драматургического цикла, обещал внести дополнения в пьесу.

Постановка была поручена П. Г. Антокольскому, а роль Булычова — О. Ф. Глазунову.

31 марта 1932 г. Антокольский писал Горькому:

«Сейчас мы начинаем работу 〈...〉 Трудность заключается в том, чтобы пьеса во всем своем словесном блеске и остроте стала сценичной и действенной. Ее смысл таков, что он требует на сцене простой, ясной и, так сказать, монументальной формы. Причем важнейшее условие успеха спектакля —в составляющих его фигурах. Они должны быть правдоподобны житейски и бытово, „реалистичны",— но мы видим и то, что *за* фигурами, что их делает последними в роде, в касте, в классе. *Так кончается русская буржуазия.* Как это понимать? Это первый вопрос, который мы себе задали.

Булычов — умный, жесткий, талантливый по-своему, „не на своей улице жил", человек больших страстей. Как в кино бывает замедленная съемка, так и здесь перед нами замедленно, напряженно и туго падает это огромное тело, в одно и то же время инородное в своей среде и всецело ею обусловленное. И вот — его семья. Жена — тихая, неудачная, суетная. Главная ее цель, чтобы всё было „как у людей": и жить как у людей, и умереть, спаси бог, не иначе. Дочь Варвара — острая, боевая дамочка в пенсне, заправила домашней интриги, „общественница" (спектакли, раненые). Очень существенно, что по всей пьесе она занята подслушиванием. Ревнива. Несмотря на видимое превосходство мужа, умеет вовремя прикрикнуть и берет верх во всех серьезных делах. Муж — москвич, адвокат, с белой крахмальной выпуклой грудью — даже дома и даже по утрам. Красавец и нахал. Говорун, покоритель женских сердец и, кроме всего прочего, „классово сознательный" кадет.

Это ближайшие к Булычову — родственники, претенденты на наследство, „домашние черти". Здесь варится интрига, идет постоянная, дурно скрываемая, секретная борьба и между собой, и со стариком, и с Шурой — за наследство, за влияние, за семью. Наша задача — отчетливо вскрыть эту борьбу в пьесе, личный хищный интерес у всех действующих лиц этой группы, показать острые клыки даже у такого по виду убогого и забитого человечка, как Мокей 〈...〉 Особо надо говорить о Меланье и Павлине. Правильно и крупно показать их — одна из самых увлекательных для нас задач.

Павлин на первый взгляд может показаться недалеким, сереньким попиком, со скромными притязаниями, с весьма нехитрой, с чужого голоса казуистикой. Это не верно и не нужно в спектакле. Он — из молодых, да ранний, изящный христообразный священник, любезный сердцу купчих, неплохой актер, добровольный участник семейной интриги — совсем не зря пришился к креслу умирающего богача. Здесь для него пахнуло неопределенной, но верной выгодой.

Меланья, мне кажется, в основном очень ясна. Это достойный Булычова партнер и враг. В прошлом — тоже женщина больших страстей и грехов, женщина-орел, сейчас ей есть что замаливать, есть о чем вспомнить. Сейчас она крепкий администратор обители, деловая, жесткая баба, без тени елейной кротости. Разговор ее с Булычовым (во 2-м акте) ведется крупно, на большом дыхании, в высоком, так сказать, тонусе. Он почти трагичен, этот разговор. Здесь сошлось многое: старая страсть, новая ненависть, зоркость к противнику, и прежде всего деньги!» (там же, КГ-ди-1-35-1).

По просьбе Антокольского, Горький внес в текст «Егора Булычова» несколько дополнений, в том числе (во втором акте) сцену с Яковом Лаптевым, который раньше только упоминался.

Наметив задачу — на материале пьесы дать символическое изображение гибели капитализма, Антокольский искал для этого изобразительные средства в арсенале условного театра. Но такое прочтение пьесы противоречило замыслу Горького. Просмотр первого акта «Егора Булычова» в постановке Антокольского вызвал резкую критику со стороны Художественного совета театра. Дальнейшая работа над пьесой была поручена Б. Е. Захаве. Считая, что предложенная Антокольским сценическая редакция «Егора Булычова» чужда стилю горьковского реализма, Захава, однако, первоначально еще разделял ошибочное мнение своего предшественника о внутренней «статичности» пьесы. Поэтому он счел необходимым — для придания пьесе большего динамизма — разбить ее на эпизоды; кое-где он даже изменил порядок сцен (см.: *Егор Булычов*, стр. 156). Направляя 5 июля 1932 г. Горькому театральный экземпляр «Егора Булычова» (по всей вероятности — AM_3), Захава писал: «Посылаю Вам экземпляр „Булычова“, составленный после нашей беседы с Вами в соответствии с изложенным нами планом постановки: может быть, Вы найдете нужным внести сюда какие-либо изменения, поправки или дополнения...» (*ЛЖ* T_{IV}, стр. 214).

Полученный от Захавы текст пьесы с разбивкой действия на эпизоды, дополненный режиссером отдельными репликами и ремарками, Горький подверг тщательной и всесторонней правке. Из предложенных театром интерполяций Горький одобрил «Пролог» — чтение Тятиным, Павлином, Звонцовым, Лаптевым и Башкиным газет.

Осенью 1932 г. пьеса готовилась для отдельного издания *К*. В первопечатный текст «Булычова» вошли все дополнения и изменения, сделанные Горьким в ходе работы с театром. В верстке *К* автор еще раз правил пьесу, но не заметил того, что введение сцены с участием Лаптева привело к некоторому несоответствию: в том же акте говорится об аресте Лаптева. В театральном тексте этого несоответствия не было, поскольку Захава сократил несколько реплик и, кроме того, внес небольшие дополнительные поправки. Горьким эти изменения не были учтены, в результате чего в тексте оказалось противоречие.

Небольшой идейной и стилистической правке писатель подверг пьесу при публикации в альманахе «Год шестнадцатый».

Сообщая о скором выходе альманаха, Л. Авербах писал Горькому в начале 1933 г.: «Открываем Вашим „Булычовым", кот⟨орый⟩ уже набирается (правку последнюю получил)» (Архив А. М. Горького, КГ-п-1-31-25).

Публикация пьесы, постановки ее на сценах театров вызвали оживленную дискуссию. В ней принял участие и сам автор,— главным образом, в форме переписки с литераторами, бесед с режиссерами и актерами.

Одним из первых высказался о сложности пьесы К. А. Федин в письме к Горькому из Берлина от 13 декабря 1932 г.:

«. . .в Берлине меня ждал Ваш „Булычов", а день спустя после приезда — получил от Вас письмо. Большое спасибо за книгу и дружескую надпись на ней. О московской постановке „Булычова" много читал, буду в Москве — непременно посмотрю (уверен, что в Ленинграде — хуже). В „Булычове" меня опять поразила какая-то соблазняющая тайна Ваших российских купцов — Бугровых, Морозовых. Щукин лечил свою печень картинами Пикассо. Если бы в трубе не было „всеуслышания", если бы, как Щукин — картинами, Булычов мог бы лечиться трубою потихоньку ото всех, он, думаю, с радостью поверил бы в нее. Изумительно это отсутствие веры и — в то же время — тоска по ней у всех „зиждителей" нашего прошлого. Вероятно, здесь — одна из сторон трагедии больших Ваших „купеческих" характеров и „соблазн" их как литературных типов» (*Лит Насл*, т. 70, стр. 543).

Горький ответил Федину обстоятельным письмом от 21 декабря 1932 г.

«Не совсем понимаю, дорогой Федин,— писал он,— чем может „соблазнять тайна" моих купцов? Тайна-то ведь очень проста. Доктор Макаров в 3-м т⟨оме⟩ бесконечной „козлиной песни" Клима Самгина объясняет ее неуверенностью купца в прочности его социальной позиции. „Прадеды и деды были крепкими земле" мужиками, веровали в законность рабства, ясно видели беззаконие дворянской свободы, сами — при Екатерине — добивались права иметь рабов, а позднее и осуществляли право это, покупая мужиков на имя помещиков. Мужицкая жажда „воли" была жаждой права на беззаконие, ведь выгодность-то несправедливости вполне очевидна! Веками воспитанный раб крепко сидит в человеке, церковь же укрепляла его идеей рабства богу. И вот, „в страхе рабьем пребывая", не верит человек в прочность „свободы", всё ищет предела ее, всё пробует: а так — можно? а — эдак? Погружение в искусство, в филантропию не всякого купца удовлетворяло: Савва Морозов, калужанин Горбунов, пермяк Мешков и многие другие искренно и не без риска для себя помогали революционерам. Затем: ежели возможны были „кающиеся дворяне", почему же не быть кающемуся купцу? ⟨. . .⟩ Литература наша пристально купцом не занималась. Для дворян-писателей купец — не герой, для разночинцев — хозяин и враг. Островский, „обличая" московского купца, умилялся: свинья человек, а забавный! Андрей

Печерский, обличая в купце „раскольника“, преклонялся пред „деловитостью“ купца. А — кто еще серьезно писал о нем?

Иногда я воображаю, что мне удалось сказать кое-что значительное о людях этого ряда, но, сопоставляя сказанное с тем, что мне известно,— впадаю в уныние, ибо: знаю — много, а умею — мало» (*Г-30*, т. 30, стр. 266—267).

Как в цитированном письме, так и в беседах с режиссерами, Горький рассказывал о реальных источниках пьесы, о прототипах основных персонажей. Возвращался он к этим темам и впоследствии.

Концентрированное выражение подобного рода замечания и разъяснения Горького нашли в его выступлении 19 сентября 1932 г. на встрече с коллективом театра имени Евг. Вахтангова после просмотра генеральной репетиции пьесы «Егор Булычов и другие». Сохранилась следующая стенограмма выступления, выправленная Горьким:

«1-е действие

О языке: говорят — более или менее хорошо. Некоторые, например, Шура,— излишне „окают“. Шуру от этого избавила гимназия. Иногда ставят ударения неправильно. Глафира — Егору — говорит: „Не хворай!“ — повелительное наклонение, а на сцене произносят: „Не хворый“.

Пролог — чтение газет — отличный. Его можно поставить в заслугу театру, как прием сотрудничества актера с автором. Это тем более нужно подчеркнуть, что я тоже не очень опытный драматург, но наши современные молодые авторы знают технику драмы и сцены еще хуже меня, так что для них сотрудничество с артистами сцены является в высшей степени поучительным и ценным. Лично мне коллективная работа автора, артиста сцены и режиссера рисуется в размерах более широких, чем это есть. Но — здесь необходимы оговорки. Напр⟨имер⟩, вы хотели начать 1-й акт сценой в лазарете, не написанной автором. Я возразил, что это вне пределов пьесы, желая этим предостеречь от прыжков за пределы действительности, изображенной в пьесе.

2-е действие

Пожарный отлично сделан вами. Хороший артист. Но только я против оркестра, лучше, чтобы были одни трубы. Дайте два геликона, ну — три. Высокие трубы не дают впечатления рева. Тонко и убедительно играет Булычов в этой сцене. Очень смешно, и это добротный смех.

Булычов пред этой сценой пляшет чересчур много для больного человека. А вприсядку ему, больному, трудно. Это хорошее хулиганство и вполне в его характере. Это тоже ваша заслуга пред публикой, ибо этой пляской вы украсили пьесу, подчеркнули характер Булычова. Мелания — молодец!

Вообще всё идет весьма хорошо. Вероятно, публика будет очень смеяться. Еще раз — очень хорош пожарный. И нос у него хороший, и весь он правильно тощий. Жаль, что нельзя усилить звук, надо мощь дать, а высокие трубы мешают. Может быть, усилитель поставить? А так получается жидковато.

Не надо, чтобы на сцене Булычова с Меланией граммофон

заряжал Булычов. Для пляски пускай он случайно ткнет пальцем, музыка заиграла, и он пошел плясать. Надо, чтобы пляска получилась случайно, не была заранее обдумана, а так — подошел, ткнул, заиграла — пляшет. Это смешная сцена. Пожарный меня привел в восхищение. Так всё просто у него. Это и хорошо, что так просто. Этот акт развивался так, как я себе представлял. Булычов по-настоящему хулиганит. И публика на сцене ведет себя хорошо, все испугались.

Достигаев немножко невнятен. Может быть, потому что он быстро говорит. Он должен быть быстр в движениях, но не в речах, и я бы сделал его более тощим. Больше должно быть у него жестов, руками играет: лаская свой карман, тянется к чужим. Он очень нравится сам себе и удивлен, когда не нравится людям.

Сцена Тятина с Шурой немножко загромождена гитарой. Ловко играет актер Алексея. Он дает тип верный, но гитара мешает в сцене объяснения Шуры с Тятиным. Эту сцену надо как-то громче, более отчетливо провести.

Шура выяснится во второй пьесе. Тут надо дать известную последовательность. Это довольно характерное явление, таких девушек, как Шура, в нашу революцию было немало.

Звонцов — фигура бесцветная сама по себе. Из провинциальных. Попытки быть активным будут сделаны дальше. Он может мечтать о портфеле министра.

3-е действие

Панихиду не нужно [1]. Ее нужно выкинуть. Сразу — оркестр за сценой и Шура у окна. Крик Булычова: „К чёрту, вон, в яму, к дьяволу!“ А панихида не нужна. Получается, как будто попы за дверями стояли. Вы не уводите его, пускай лежит тут и бормочет. Все сбежались, его подхватили, в это время — поют.

Достигаев с женой „примыкают“ к демонстрации, а остальная публика остается. Это совершенно неожиданная штука, и она не умещается у меня, это вы уберите. Это вы плохо придумали. И Шура у вас бежит наверх для того, чтоб оправдать лестницу. Какой дурак будет смотреть на улицу с чердака, если можно смотреть из окна первого этажа?

Затем я должен товарищей артистов поблагодарить. Я говорю совершенно искренно — играют очень хорошо. Все играют хорошо, за некоторыми мелкими поправками, о которых я уже сказал. Отвлекаясь от того факта, что я — автор,— как зритель, могу сказать, что интересно у вас вышло. Публика будет смеяться, а это — очень важно. Мне хочется повторить, что я приятно удивлен всем, что театр сам привнес от себя в эту пьесу, и что мне кажется, что такая форма сотрудничества театра и автора в высшей степени ценна и сама по себе и особенно для нашего времени〈...〉 Пропотей чрезмерно страховиден. Его надо причесать и обрезать бороду, а то слишком страшновато. Во второй пьесе он будет уже причесанным. Так как у него есть

---

[1] Речь идет о предложенной Захавой вставной сцене соборования умирающего Булычова в конце третьего акта (см.: Б. Захава. Из воспоминаний режиссера. — *ВС*, стр. 647).

будущее „приличное“, то и в настоящем следует его чуть-чуть причесать, чтобы его сразу узнали. Рубашечку можно погрязней, чтобы лохмотья были. Образки потемнить. Он человек театральный, он играет, и это может быть показано. Очень хорошо сделано то маленькое место, где Мелания говорит ему: „Погоди“. Это — правильно, но говорит она слишком громко.

Таисье не надо ходить мышиными шагами. Она тихонькая, но не такая. Тем более, что в следующей пьесе она играет немножко другую роль. Она не глупая и очень злая.

В общем, мне думается, что это интересный спектакль.

В смысле образов всё хорошо сделано. Кое-какие есть неясности, недоговоренности, но это — от пьесы. Я вижу, что в ней есть много недосказанного ⟨...⟩

Булычов сам говорит, что он „не на той улице родился“. Возьмите таких людей, как Морозов, Мешков и другие. Этот до них не дорос, но если бы он жил подольше, то, может быть, вслед за своей дочерью пошел бы на авантюру. У этого сорта людей нельзя полагать, что они искренно, всей душой действовали, но тут было своего рода добавление к той конкуренции, которую они вели с однородными им людьми, в среде которых они чувствовали себя так или иначе, по той или иной причине неудобно.

Савва Морозов чувствовал себя неудобно потому, что он — химик, мечтал о профессуре и имел к этому все данные. У него были отличные работы по химии. И вообще ставился вопрос об оставлении его при университете. Он терпеть не мог людей своего класса. Так же и у других, те или иные причины ставили их боком к своему классу. Они становились в стороне или впереди, но не с этой публикой. Для купца провинциального это особенно характерно. Здесь, в Москве, он мог и в область искусства пойти, создать себе положение, а в провинции это трудней, в провинции искусством занимались мало. А нужно было выделить себя из среды очень малограмотной, очень тугих, тупых людей, и вот так — или хулиганили, или пускались в разные авантюры. Если бы мы развернули биографию любого из указанных лиц, то мы бы нашли, что это человек обиженный вследствие столкновения со своим классом, обиженный крепко, и эта причина ставит его боком. Это очень типичное для нашей буржуазии явление. Таких фигур много у нас. В то время как в Америке буржуазия давала деньги на всякую филантропию, что делалось с определенной политической целью, чтобы забрать в свои руки руководство духовным ростом рабочего класса, чего они и достигли превосходно, то у нас это иначе делалось. У нас эти попытки тоже были, но для нас характерны вот такие фигуры, как перечисленные мной, или такие хулиганы, как Гордей Чернов или Губин, Болотин, Курвин и целый ряд других. Они вели себя несообразно традициям класса, или наоборот, пытались эти традиции если не скомпрометировать, то осмеять их, нахулиганить» (Архив А. М. Горького, ХПГ-2-1-8).

Как видно из приведенных материалов, Горький не связывал образ Булычова с каким-либо одним реальным лицом. Егор Булычов — образ собирательный. Это, разумеется, не означает,

что Горький не использовал документальный материал,— он обращался к биографиям известных ему поволжских купцов и пароходчиков; даже имя и фамилия героя были взяты писателем из жизни. Имя Егор носил в конце XVIII века основатель династии крупных вятских купцов и пароходчиков Булычовых. Купцы с такой фамилией были известны в Нижнем Новгороде, Костроме и Перми (см.: И. Никитина. Прототипы.— *Егор Булычов*). Исполнявший роль Егора Булычова во МХАТе Л. М. Леонидов свидетельствовал в статье «Горький и Художественный театр» в 1936 г.: «Алексей Максимович рассказал мне, что он знал в жизни такого Булычова. „Жил, жил купец, а потом позвал попа к себе и стал задавать ему вопросы о жизни и боге“» (см.: *Леонидов*, стр. 169). Для своего Булычова Горький взял некоторые черты у Саввы Морозова (см. в т. XVI наст. изд. очерк «Савва Морозов» и примечания к нему), у Николая Бугрова, Николая Мешкова (см. там же очерк «Н. А. Бугров» и примечания к нему), а также у Гордея Чернова, А. Зарубина, М. Рукавишникова (см.: «Беседы о ремесле».— *Г-30*, т. 25, стр. 300—302).

Горький предостерегал читателей и постановщиков «Егора Булычова» от тенденции связывать изображенные в этой пьесе события с Нижним Новгородом. Так, отвечая 8 декабря 1931 г. на письмо А. И. Елисеева, он подчеркивал: «Егор Булычов не имеет отношения к Нижнему. Вы спрашиваете: „Нельзя ли получить материал пьесы?“ Какой материал?» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-14-9-8).

Первое представление «Егора Булычова» в театре имени Евг. Вахтангова состоялось 25 сентября 1932 г. Спектакль был приурочен к сорокалетию общественно-политической и литературной деятельности Горького (см.: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1932, № 266, 25 сентября). Основные роли исполняли: Булычов — Б. В. Щукин, Ксения — А. К. Запорожец, Александра — Ц. Л. Мансурова, Звонцов — Л. П. Русланов, Достигаев — О. Н. Басов, Трубач — В. И. Кольцов, Глафира — Е. Г. Алексеева, Павлин — М. С. Державин.

Классический театральный образ Булычова был создан Щукиным, который, по его словам, понял героя пьесы как человека, переросшего свою среду, стоящего «на голову выше своего класса» и любившего жизнь «со всеми ее радостями» (*Егор Булычов*, стр. 237, 239).

Первый спектакль был восторженно принят зрителями, пославшими приветствие Горькому (см.: «Советское искусство», 1932, № 44, 27 сентября). «„Егор Булычов и другие“,— писал Вс. Иванов,— произведение наиболее мудрое из всех драматических произведений Горького 〈...〉 С какой яркостью вскрывается в пьесе вся безнадежность, вся обреченность даже наиболее талантливых представителей торгового капитала! Потрясает язык пьесы. Давно не звучал на нашей сцене такой язык. Спектакль очень хорош» (там же). «„Егор Булычов“,— отмечал А. Афиногенов,— обрушивается лавиной людских характеров, столкнутых в яростной борьбе вокруг собственности и смерти.

Биологический факт (болезнь и смерть) становится социальной проблемой. Егор Булычов — „положительный герой“. Какой скандал! Какое недоумение на лицах тех наших „критиков“, кто привык отождествлять понятие „положительности“ с „абсолютностью“, кто не может представить, что пройдоха, развратник и самодур купец может осуществлять относительно положительную социальную функцию, хотя бы в пределах стихийной, вырастающей из звериного страха перед смертью, критики существующего строя и рожденного им людского омута» (там же). «Умирает человек, который „тридцать лет прожил на чужой улице“,— высказывалась Л. Сейфуллина. — Гибнет энергия, отнятая у класса, надвигающегося из-за сцены на авансцену. Закупленный капиталом богатой невесты, пропадает сильный человек из приказчиков, из наемников. Богохульник Егор Булычов, озорующий даже перед смертью, со своей пораженной печенью, вырастает в символ физической силы и сметки, отнятой и истощенной жизнью, чуждой этой натуре из другого класса. Все образы убедительны, они из живого, а не „абстрактного“ мяса!» (там же).

Огромное впечатление, которое произвела на зрителя постановка «Егора Булычова» в театре имени Евг. Вахтангова, не ослабевало и в дальнейшем.

Выступая 3 ноября 1932 г. на Первом расширенном пленуме оргкомитета Союза советских писателей, Вс. Вишневский говорил о пьесе Горького как о новаторском произведении, «ломающем» многие театральные предубеждения и показывающем с небывалой реалистичностью, какова на самом деле жизнь — «странная, огромная жизнь» (цит. по стенограмме.— Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 25, л. 64). Несколько позже в том же духе высказывался Н. Погодин: «Таких Булычовых в искусстве не было». Горьким создан «чистый образ заката молодого российского капитализма. Образ. Обобщение. Типическое при типических обстоятельствах». По мнению Н. Погодина, купец Булычов «возвышается монументом» над всеми купцами Островского (см.: «Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет». М., ГИХЛ, 1934, стр. 389).

«На днях видел у вахтанговцев „Булычова“, — писал А. Н. Толстой Горькому в конце января 1933 г.— Вы никогда не поднимались до такой простоты искусства. Именно таким должно быть искусство — о самом важном, словами, идущими из мозга,— прямо и просто — без условности форм. Спектакль производит огромное и высокое впечатление. Изумительно, что, пройдя такой путь, Вы подошли к такому свежему и молодому искусству» (*Лит Насл*, т. 70, стр. 414).

7 апреля 1933 г. С. Н. Сергеев-Ценский писал Горькому:

«Был, между прочим, у Вахтангова на „Булычове“. Очень отчетливая, сильная пьеса! Публика принимает ее горячо и без конца вызывает артистов, которые играют здорово. Щукин же в роли Булычова положительно бесподобен» (Архив А. М. Горького, КГ-п-71-2-33).

Одновременно с московской — 25 сентября 1932 г.— со-

стоялась премьера пьесы «Егор Булычов и другие» в Ленинграде в Большом драматическом театре. Этому театру Горький передал пьесу для постановки во время своего приезда в Ленинград 21—22 сентября 1931 г. (см.: «Красная газета», 1931, № 225, 23 сентября). 26 мая 1932 г. в Горках писатель беседовал с режиссером театра В. В. Люце о постановке «Егора Булычова» (см.: «Звезда», 1937, № 6, стр. 201). В Большом драматическом театре первое представление «Егора Булычова» прошло при следующем составе исполнителей: Булычов — Н. Ф. Монахов, Звонцов — Ю. М. Свирин, Тятин — В. И. Янцат, Башкин — Ф. И. Акилов, Достигаев — К. В. Скоробогатов, Пропотей — А. П. Москвин, Глафира — Е. П. Александрова.

В истолковании образа Егора Булычова Н. Ф. Монахов, в отличие от Б. В. Щукина, главный акцент делал не на «жизнелюбии» Булычова, а на его неизлечимой болезни, рассматривая ее и как символ неизлечимой «болезни» буржуазного общества (см.: Н. Ф. Монахов. Повесть о жизни. Л.—М.,«Искусство», 1961, стр. 234).

Критика, в основном, одобрительно отозвалась о премьере в Большом драматическом театре, отметив талантливое исполнение Монаховым роли Егора Булычова. «... Н. Ф. Монахов овладел подводным течением пьесы, ее глубокими „подтекстами“,— говорилось в одной из рецензий,— и показал от первой до последней реплики пьесы развивающееся течение болезни Булычова 〈...〉 Но весь этот сложный циклический процесс болезни показан не только как факт биологического плана, но и как звено социального распада всего дома Булычовых, всего строя Булычовых...» (Тур. «Егор Булычов и другие» в Большом драматическом театре. Медвежья берлога.— «Советское искусство», 1932, № 47, 16 октября). Но после того, как стала известна интерпретация образа Егора Булычова Щукиным, трактовка этого образа Монаховым вызывала всё большее возражение, как, впрочем, и вся постановка пьесы в Большом драматическом театре (см., например, письмо М. Чумандрина Горькому от 12 октября 1932 г.— *Лит Насл*, т. 70, стр. 690—692).

С большим интересом ожидалась постановка «Егора Булычова» во МХАТе. Ознакомившись с пьесой, Вл. И. Немирович-Данченко писал Горькому 22 декабря 1932 г.: «Давно, очень давно уже я не читал пьесы, такой... Вот хочу употребить эпитет, от которого бы какого-нибудь, самого что ни на есть нового нашего критика повела бы судорога... А я все-таки употреблю: давно не читал пьесы такой пленительной. Право, точно Вам только что стукнуло 32 года! До того свежи краски. Молодо, ярко, сочно, жизненно, просто,— фигуры, как из бронзы... И при всем том 〈...〉 мудро, мудро, мудро! Бесстрашно, широкодушно. Такая пьеса, такое мужественное отношение к прошлому, такая смелость правды говорят о победе, окончательной и полнейшей победе революции больше, чем сотни плакатов и демонстраций. И опять: молодо, свежо и пленительно 〈...〉 Все образы до единого замечательно ярки 〈...〉 „Сцены“? Нет! Сценами привыкли называть нечто, что не пьеса. Это цельное

драматическое произведение,— но больше *пьесы*. Это надо назвать как-то иначе» (*Немирович*, стр. 386, 387). Пьесу во МХАТе предполагал ставить К. С. Станиславский. В неотправленном письме к Горькому от 6 января 1933 г. он писал: «В этой пьесе я вижу лучший предлог для того, чтобы раскрыть свое отношение к театру и современности» (*Егор Булычов*, стр. 146). Однако Станиславский не осуществил своего намерения. Художественным руководителем постановки во МХАТе был принявший пьесу в сентябре 1933 г. Немирович-Данченко. Постановка же была осуществлена режиссером В. Г. Сахновским. Еще до начала работы с актерами Немирович-Данченко, по воспоминаниям Сахновского, «... ездил к Алексею Максимовичу беседовать об общем плане спектакля. Несколько позже он еще раз ездил к Алексею Максимовичу с эскизами К. Ф. Юона, обсуждая с ним эти эскизы. Алексей Максимович дал ряд ценных указаний о быте и жизни Булычова. После беседы первый вариант эскизов был оставлен и было приступлено к работе над рядом новых эскизов» (*Егор Булычов*, стр. 33).

Роль Егора Булычова была поручена Л. М. Леонидову, но давалась она ему с большим трудом. «Булычов туго работается. Чего-то нет»,— записывал он в дневнике 20 ноября 1933 г. Три недели спустя: «Все-таки Булычов не захватывает» (*Леонидов*, стр. 400).

«Леонидов пошел совсем не по той дороге, по которой мне хотелось вести пьесу,— писал Вл. И. Немирович-Данченко К. С. Станиславскому в феврале 1934 г.— Бог знает, с чего он решил, что эта пьеса написана *на тему о смерти*. О смерти вообще. Будто бы даже тут что-то есть от „Смерти Ивана Ильича". И сразу же он себя наладил на очень мрачный тон. Сразу начал репетировать Булычова угнетенным и дряхлеющим. А я хотел — сильным и не сдающимся» (*Немирович*, стр. 391). «Нужно Вам сказать,— замечает он в том же письме,— что постановка у вахтанговцев мне очень понравилась. Но у себя я хотел видеть пьесу в совершенно ином плане. Там было много крикливых эффектов, яркого и резкого уклона в фельетонную политику, у нас спектакль ставится академически, с всевозможнейшим углублением в быт и в текст и с главнейшим упором на актерское искусство» (там же, стр. 392).

В ходе репетиций Леонидов отошел от первоначальной интерпретации образа Булычова. «Как я понимаю и чувствую Булычова,— записывал он в дневнике 14 января 1934 г.,— вся трагедия Булычова 〈...〉 что он тридцать лет живет не на той улице 〈...〉

Образ полон противоречий 〈...〉 Всё понял перед концом. В лице Булычова не капитал умирает. Булычов от природы талантлив. Если бы он дожил до революции, неизвестно, что бы сделал и кем бы был» (*Леонидов*, стр. 402).

Премьера во МХАТе состоялась 6 февраля 1934 г. Роли исполняли: Булычов — Л. М. Леонидов, Ксения — М. И. Пузырева, Варвара — В. С. Соколова, Александра — А. О. Степанова, Мелания — Ф. В. Шевченко, Звонцов — А. П. Кторов,

Тятин — И. М. Кудрявцев, Башкин — В. П. Истрин, Достигаев — А. Н. Грибов, Елизавета — Н. И. Сластенина, Антонина — И. С. Вульф, Алексей — П. В. Массальский, Павлин — В. О. Топорков, Доктор — Г. Г. Конский, Трубач — В. В. Грибков, Зобунова — А. П. Зуева, Пропотей — В. К. Новиков, Глафира — В. Н. Попова, Таисья — М. А. Ладынина, Мокроусов — С. А. Бутюгин, Лаптев — С. Г. Яров, Донат — Н. А. Шульга. Участники спектакля направили приветственную телеграмму Горькому (см.: *Немирович*, стр. 389).

Сам Горький смотрел спектакль 11 апреля 1934 г. (см.: *Леонидов*, стр. 404).

Пьеса Горького «Егор Булычов и другие» вслед за премьерами в Москве и Ленинграде обошла большинство сцен страны. Только в РСФСР эта пьеса к середине 1934 г. ставилась 788 раз (см.: «Советское искусство», 1934, № 22, 11 мая).

С т р. 8. *Теперь столько убивают...* — Речь идет о первой мировой войне 1914—1918 годов.

С т р. 11. *...небесного предстателя вашего, Егория...* — Георгий Победоносец — один из наиболее почитаемых христианских святых, покровитель земледелия и скотоводства.

С т р. 12. *Невеглас* (церковнославянское) — невежда.

С т р. 15. *...на ярмарке в Копосове...* — Копосово — село близ Сормова; в этом селе проживало много сормовских рабочих, оказывавших революционизирующее влияние на местное крестьянство.

С т р. 24. *Промышленники, кажется, понимают свою роль...* — Речь идет о первом съезде военно-промышленных комитетов, состоявшемся в конце 1915 г. Они были образованы в мае 1915 г., по предложению капиталиста П. П. Рябушинского, высказанному на IX торгово-промышленном съезде. Ведущую роль в Центральном военно-промышленном комитете играли московские промышленники (П. П. Рябушинский, А. И. Гучков, А. И. Коновалов и др.). Съезд показал, что эти организации, являясь представительными органами русской буржуазии, не склонны были ограничиваться, как предполагалось, делами по снабжению армии вооружением и снаряжением, а претендовали и на активное участие в проведении государственной политики (см.: «Труды I съезда военно-промышленных комитетов». Пг., 1915, стр. 7, 35, 67).

С т р. 24. «*Блажен муж...*» — Псалтырь, псалом 1, стих 1.

С т р. 31. *Помнишь «Варум» Шуберта*? — Фортепианная пьеса «Отчего?» («Warum?») из цикла «Фантастические пьесы». Принадлежит не Ф. Шуберту, а Р. Шуману.

С т р. 33. *Смолоду много бито, граблено...* — Из былины о Василии Буслаеве.

С т р. 36. *Двадцать лет с лишком способен был...* — Николай II вступил на престол 20 октября 1894 г. (ст. ст.). Коронация состоялась в Москве в мае 1896 г.

С т р. 36. *Весь народ радовался. Вся Кострома.* — В 1913 г., когда проводились официальные торжества по случаю трехсот-

летия дома Романовых, Николай II и царская семья в сопровождении огромной свиты совершили путешествие по городам России. 17 мая 1913 г. Николай II прибыл на пароходе в Нижний Новгород, откуда направился в Кострому (см.: «Празднование трехсотлетия царствования дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 года». Составил Н. Н. Виноградов. Кострома, 1914).

С т р. 37. *...Иисуса Навина хорошо вспомнить ∽ Солнце не остановишь.*— В одной из библейских легенд повествуется, что когда израильтяне под предводительством Иисуса Навина вели войну с пятью Аморрейскими царями, бог однажды якобы остановил солнце и луну на всё время, пока продолжалось сражение, закончившееся победой Израиля (Библия, Книга Иисуса Навина, гл. 10, стихи 12—16).

С т р. 38. *Лев Толстой ∽ от смерти бежал в леса...* — Имеется в виду уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны 28 октября 1910 г. В прощальном письме к жене Толстой говорил: «...делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни» (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 85, стр. 223). Эти строки породили в печати толки о намерении Толстого «бежать в пустыню».

С т р. 38. *Отречемся от старого мира...* — Строки из «Русской Марсельезы», распевавшейся на мотив революционной песни «Марсельеза», сочиненной Руже де Лилем в 1792 г. Текст «Русской Марсельезы», написанный народником П. Л. Лавровым, впервые был напечатан в газете «Вперед», 1875, № 12, 1 июня, под названием «Новая песня».

С т р. 44. *...государь отказался от престола ∽ пойман в дороге на Петроград членами кадетской партии...*— 2 (15) марта 1917 г. было сформировано буржуазное Временное правительство. Кадеты составляли в кабинете подавляющее большинство. В ночь на 3 (16) марта в Пскове, где оказался царский поезд, не пропущенный революционными войсками из Могилева в Петроград, Николай II, в присутствии октябриста А. И. Гучкова и монархиста В. В. Шульгина, посланных к нему Думой, отрекся от престола, передав его своему брату Михаилу. Уже 3 марта Михаил, под давлением революционных масс, вынужден был также отречься от престола.

С т р. 44. *...как сказал Анри-катр: «Париж лучше войны».*— Имеется в виду вождь гугенотов (протестантов) Генрих Бурбонский (1553—1610), будущий французский король Генрих IV. Объявив себя претендентом на французский престол, он вел войну с католиками. Однако, после неудачной попытки овладеть Парижем силой, 25 июля 1593 г. торжественно перешел в католичество. Генриху приписывается фраза: «Париж стоит мессы».

С т р. 47. *...а царя — под арест!* — По требованию Петроградского Совета, отрекшийся от престола Николай II был арестован 8 (21) марта 1917 г. Сначала он вместе с семьей содержался в Царскосельском дворце, а затем был отправлен в Тобольск.

С т р. 52. *«И остави нам долги наша»...* — Евангелие от Матфея, гл. 6, стих 12.

С т р. 52. *А крест есть — меч!* — Имеются в виду слова Иисуса Христа: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю: не мир пришел я принести, но меч...» (Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 34).

ДОСТИГАЕВ И ДРУГИЕ

(Стр. 61)

Впервые напечатано в книге: «Год семнадцатый». Альманах третий. М., 1933, стр. 7—58, вышедшей в свет в начале 1934 г. Отрывок из третьего действия (финальная сцена с приходом Бородатого солдата) — в журнале «Рабочий и театр», 1933, № 30—31, октябрь — ноябрь, стр. 6—7.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Первоначальные наброски отдельных эпизодов, среди которых и ранний список действующих лиц (ГЗVI-9-4, 55, 31, 26, 5, 60, 72; ХПГ-11-2-11, 4), а также черновые автографы первого действия и некоторых его сцен (ХПГ-11-2-2,3, 13), второго действия (ХПГ-11-2-4), третьего действия (ХПГ-11-2-5,6, 7) —*ЧА*.

2. Беловой автограф всей пьесы — *БА* (ХПГ-11-2-1), а также позднейшей вставки сцены с эсерами к первому действию (ХПГ-11-2-8).

3. Авторизованная машинопись первого и второго действий пьесы с правкой — *АМ* (ХПГ-11-2-9, 10); машинопись позднейшей вставки к первому действию с письмом Горького к режиссеру Б. Е. Захаве (ПГ-рл-16-30-1 и ХПГ-11-2-12).

В *ЛБГ* имеется книга «М. Горький в Татарстане» (Казань, 1932), в которой на шмуцтитуле Горьким сделана небольшая черновая запись, по всей вероятности, к пьесе «Достигаев». Этот вывод подсказывается временем записи: она сделана не раньше осени 1932 г. (дарственная надпись одного из авторов содержит дату — 25 сентября 1932 г.), а также упоминанием таких персонажей, как Таисья и Глафира.

В Музее Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова хранится сценический текст (*СТ*) постановки «Достигаева и других» в 1933 г. с частью позднейших авторских дополнений к первому действию, написанных по просьбе театра.

Печатается по тексту альманаха «Год семнадцатый» со следующими исправлениями:

Стр. 67, строка 12: «Вот эта и есть» вместо «Вот это и есть» (по *БА* и *АМ*).

Стр. 68, строка 11: «Его бы в сумасшедший дом» вместо «Его в сумасшедший дом» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 71, строки 37—38: «Умный человек» вместо «Ценный человек» (по *БА*).

Стр. 72, строки 29—30: «*Елизавета Достигаева*» вместо «*Елизавета, Достигаев*» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 73, строка 6: «А меня тут» вместо «А меня» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 74, строка 18: «Простите, тетя» вместо «Простите» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 75, строки 3—4: после «на минутку».— «*Сели за стол у двери направо, шепчутся*» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 79, строка 34: «все-таки правда, что» вместо «все-таки, что» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 87, строка 29: «Меня очень» вместо «Меня сейчас очень» (по *БА*).

Стр. 93, строка 5: «Ну, это вы» вместо «Это вы» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 93, строки 33—34: «смотрите на меня, как на купеческую дочь, как на временную полезность» вместо «смотрите на меня как на временную полезность» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 94, строки 21—22: «Прозрачный старик» вместо «Прозрачный старикан» (по *БА*).

Стр. 96, строка 17: «Маланья» вместо «Меланья» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 97, строка 14: после «храбрости, говорит». — «Чьей, какой храбрости? Моей,— говорит» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 100, строка 4: «товарищ Петр» вместо «Петр» (по *БА* и *АМ*).

Стр. 101, строки 2—3: «Как мужичок-то» вместо «Как мужичка-то» (по *БА*).

Стр. 101, строка 23: «Как будто легче, а?» вместо «Как будто, а?» (по *БА*, *АМ*, *СТ*).

Стр. 104, строка 33: перед «Ну, ну-у!» — «*(уходя)*» (по *БА*).

Стр. 122, строка 5: «*Вперед Якова*» вместо «*Впереди Якова*» (по *БА* и *СТ*).

Стр. 125, строка 32: «*в стаканы*» вместо «*в стакан*» (по *БА*).

Замысел пьесы «Достигаев и другие» как части драматургического цикла определился, вероятно, к весне 1932 г., о чем свидетельствует беседа Горького с А. Афиногеновым в Сорренто (см.: «Красная новь», 1936, № 9, стр. 153). О будущей пьесе Горький говорил и актерам ленинградского Большого драматического театра (БДТ), посетившим его в Горках 26 мая 1932 г. (см.: «Звезда», 1937, № 6, стр. 201).

Осенью 1932 г. в беседе с вахтанговцами (см. выше стр. 499—500) Горький четко обозначил судьбу нескольких персонажей «Достигаева». Определенность, с какой он говорил о них, позволяет полагать, что уже тогда велась интенсивная работа над пьесой «Достигаев и другие». Она продолжалась до конца ноября 1932 г.

Гостившая в Сорренто Е. П. Пешкова писала 13 ноября 1932 г. М. К. Николаеву: «Вчера вечером А. М. читал свою новую вещь ⟨...⟩ Удачен „Булычов". Эта еще удачнее. Начал ее в Москве — здесь закончил. Сразу же, как приехал — сел писать. Оч⟨ень⟩ живая, сценическая и интересная» (Архив А. М. Горького, фонд Е. П. Пешковой).

Переписывая пьесу набело, Горький внес немало исправлений, исключив, в частности, несколько сцен и переставив отдельные эпизоды.

Как показывает сопоставление *АМ* с *СТ*, писатель еще раз правил пьесу — перед отсылкой ее в театр. Изменения, сделанные тогда (в конце ноября 1932 г.), вошли и в печатный текст. Непосредственно перед публикацией автор к пьесе уже не обращался, завершив работу над ней в феврале 1933 г. (когда готовилась постановка).

Произведение было отправлено в Москву — театру им. Евг. Вахтангова и МХАТу в конце ноября 1932 г. (письмо Горького П. П. Крючкову от 7 декабря 1932 г. — Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-424).

Театр им. Евг. Вахтангова, получив пьесу, принял ее к постановке, о чем сообщалось в газетах (см.: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1932, № 337, 7 декабря; «Литературная газета»,1932, № 56, 11 декабря). 6 февраля 1933 г. Б. Е. Захава, которому была поручена постановка этой пьесы, послал Горькому обширное письмо с рядом вопросов и предложений.

Стремясь уточнить свое понимание пьесы, режиссер просил Горького дать дополнительные разъяснения к отдельным эпизодам. Например, он спрашивал, какова причина выстрела Звонцова в конце второго акта (вызван ли поступок страхом или заранее обдуман и разыгран?), не подозревает ли Елизавета (уже в начале третьего акта) что-то неладное в поведении Антонины, какова цель обыска в доме Достигаева в финале пьесы и т. д. (Архив А. М. Горького, КГ-ди-4-16-1).

В письме от 26 февраля 1933 г. Горький отвечал Захаве: «Я допускаю такие изменения в пьесе:

1-й акт

Можно начать речью Звонцова, он кончает речь словами: „... от лица партии, которая всегда боролась за свободу против рабства, но всегда готова бороться и против анархии бунтующих рабов. В Петрограде мы победили их и разобьем во всей стране. Неправда, что мы — партия класса, нет, мы — партия русского народа, объединяющая все лучшие его силы...“

Шум. Конца речи не слышно, дверь в зал закрыта.

Надо помнить, что Нестрашный — вождь черной сотни, он десяток лет чувствовал себя „вождем“, и когда говорит: „нас пугают“, то говорит о себе, о своей тревоге, о страхе человека, которого жизнь отвергает, вышибает из числа „вождей“. Классовый инстинкт „вождей“ его типа индивидуально ограничен и над плоскостью узколичного — не возвышается. Если б возвышался — Нестрашные пошли бы с Рябушинскими, а они остались в стране, как это будет показано в третьей пьесе. Нестрашный знал „народ“ — лучше, чем Милюков, и — не без основания — надеялся, что „мужик не выдаст“.

Достигаев понимает его страх, когда ставит ему вопрос: „...А ты, Порфирий Петров, куда метишь?“

Достигаев может добавить — усмехаясь:

„Всё еще не устал командовать, черной сотни воевода?“

Нестрашный — рычит вслед ему:

„Слабо я командовал, если ты, жулик, жив-здоров остался".

Как видно из беседы с Мокроусовым, с Меланией и по 3-му акту, Нестрашный „действует".

Звонцов — индивидуалист мелкотравчатый, он мыслит и говорит по Милюкову, его тщеславие не вздымается выше должности вице-губернатора, это — в самом счастливом случае. Классовое начало в нем столь же гибко, как в собаке, которая — Вы знаете — способна служить и хозяину, и рабочему, а при случае — и обоим вместе.

Варвара — классовый человек. Она понимает, что Милюков — организатор кадетизма — слепо ошибается, недооценивая большевизма и силы лозунга „Вся власть — Советам". Она „правее" милюковщины и, по-своему, правильно оценивает ее, ибо ее большевизм пугает, что тоже правильно. В третьей пьесе она — злейшая контрреволюционерка, а Звонцов может быть „правозащитник" или даже просто „счетовод". К ее ответу Зыбину можно, для ясности, прибавить:

„Это он хотел — отрубить головы всем либералам,— помните? А вы — либерал.

З ы б и н. Да. И прежде всего — в делах любви.

Ж а н н а. О, ля-ля! Вот — слово!" и т. д. [1]

Зыбин — помещик, в прошлом типичный для эпохи: земля его заложена и перезаложена в дворянском банке. Он — не хозяйствует, земля — в аренде кулака, купца. Он уже человек „без почвы", „бонвиван", кутила, „душа общества". Ему гораздо легче служить, а не хозяйствовать.

Перекличку Варвары с Достигаевым исключите, развить ее — места нет. И без того первый акт кажется мне слишком длинным и тяжелым.

2-й а к т

Пропотей — не хитер. После слов Лаптева: „тебе — голову оторвут" — он прямо говорит: „Об этом я и беспокоюсь". Он — такой же гибкий, как Звонцов. В лице блаженного Василия Розанова он может написать книжки „Ослабнувший фетиш", „Когда начальство ушло" и продолжить сотрудничество бок о бок с Меньшиковым и Александром Столыпиным, братом министра, который „затмил славу" Муравьева-Вешателя. Или, как блаженный Лев Тихомиров, может, будучи активным членом Исполкома народовольцев, способствовать организации покушений на царя, а затем принять от сына убитого царя подарок — золотую чернильницу ⟨...⟩

Достигаев ходит к Мелании для того, чтоб узнать: о чем она думает, что делает? Он должен всё знать, чтоб не сделать какой-либо опасной для него ошибки.

---

[1] В автографе письма далее была вставка на полях:

«После ее слов мужу о лозунге прибавьте: „Вот что может устрашить и привлечь их к нам. Надо вскрывать смысл этого лозунга, его страшный — понимаешь? — страшный смысл!"» (Архив А. М. Горького, ХПГ-11-2-8).

Выстрел Звонцова лучше всего объяснить его страхом, для ненависти он, Звонцов, не годится.

3-й акт

Выстрел Антонины. Дом большой, много драпировок, мягкой мебели, звук выстрела не может быть громким. Но я не возражаю, пусть Елизавета услышит его, только не нужно, чтоб слышал Достигаев.

Обыск сводится к поискам людей и оружия.

Сцену Нестрашный — Губин Вы превращаете в гротеск, так же, как Вами превращен в гротеск конец Булычова. Этого не нужно делать. Шлем, меч, поливание публики водой, это — балаган, не достойный серьезного театра. Прокалывание мечом Нестрашного напоминает о Гамлете и Полонии, заставляя подозревать дурное влияние на Ваш театр и на вкус Ваш озорства, допущенного в спектакле „Гамлет".

Очень прошу понять, что Нестрашный вовсе не трус. Если он не дерется, так это потому, что трезв, хром и — слишком не равносилен Губину. Никаких воплей Нестрашный не издает, он в этой сцене более страшен, чем всегда. Еще страшнее он в 3-м акте. Нестрашный — это фамилия и — только, а под нею скрыт зверь, внешне — благообразный. Он страшен так же, как вождь астраханских черносотенцев — глухой на оба уха Тиханович-Савицкий, как нижегородский содержатель артели извозчиков Воронов, как доктор Дубровин и других провинциальных болот кикиморы.

Не делайте портрета Булычова. Антонины — можно, но — Бёклина оставьте, непременно. „Эстетически немыслимо вырвать декорацию столовой из дома Булычова"— ах вы, эстет! А — шлем и меч Губину дать — „мыслимо эстетически"? Но — на кухню во втором акте я согласен: ее надо сделать большой, каменной, со сводчатым бы потолком.

Зря даете „принадлежности крокета, тенниса".

Пожалуйста, чтоб Антонина не читала перед смертью стихов! Смерть, это — весьма серьезная штучка, осмелюсь доложить.

Разумеется, самоубийство дочери Василий Ефимович принимает не равнодушно, однако он и в этот час не утратил способность „смотреть в оба глаза".

Лаптев кончает не словом „тельный", а — „решительный".

Подлинное имя Губина — Алексей Максимович, он — давно помер, при жизни был „градским головой" в Нижнем, дьякона за волосья драл, водовозам в бочки из духового ружья стрелял, всё это — так и было. Очень мне хочется назвать его Максимычем, да — опасаюсь: поймут, что я это из честолюбия делаю! [1]

---

[1] О нем Горький вспоминал и в «Беседах о ремесле» (см.: *Г-30*, т. 25, стр. 303), рассказывал актерам Большого драматического театра. «Достигаева, Рябинина, Губина,— вспоминал об этом артист В. Я. Софронов,— он взял из подлинной жизни. Он всех их знал» (В. Софронов. Моя встреча с Горьким.—

Прилагаю сцену с эсерами, воткните ее, где удобнее...»[1] (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-16-30-1, а также: *Г-30*, т. 18, стр. 422—426).

Два дня спустя Горький послал сцену с эсерами Крючкову. «Прилагаю,— писал он,— вставку в „Достигаева", я уже послал ее Захаве» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-511). В письме 8 марта 1933 г. Крючков спрашивал писателя: «Нужно ли вставку в „Достигаева" включать в основной текст?» (там же, КГ-п-41а-1-147).

Ответ Горького неизвестен.

Театральные дополнения и поправки не попали в первый печатный текст пьесы, так как сам писатель, по-видимому, не участвовал в его подготовке. Однако они были частично использованы в переводе произведения на украинский язык.

В мае 1934 г. украинское издательство «Радянська література», готовившее трехтомное собрание сочинений Горького, обратилось к писателю с просьбой указать наиболее авторитетные тексты его произведений. В частности, издательство интересовалось — какой текст «Достигаева» считать окончательным: опубликованный в альманахе или полученный от автора ленинградским театром, где добавлена сцена с эсерами и меньшевиками в первом акте (Архив А. М. Горького, КГ-изд-49-26-2). Издательству ответил Крючков. Ответ этот не найден, но о содержании его можно судить по письму издательства Крючкову: «Все исправления и дополнения, которые даны в тексте Ленинградского театра ⟨...⟩ будут внесены в украинский перевод, согласно Вашей телеграмме» (там же, КГ-изд-49-26-2а).

В том же письме издательство просило Крючкова ответить еще на ряд конкретных вопросов, связанных с текстом «Достигаева» и других произведений. На письме есть несколько помет рукой Горького.

Пьеса вышла на украинском языке в 1934 г. с рядом театральных дополнений (см.: М. Горький. Вибрані твори. П'єси. Харків, 1934, стр. 241, 242—243).

Еще до появления пьесы «Достигаев и другие» на театральных подмостках и в печати те, кто смог ознакомиться с нею, оценили ее восторженно. Вс. Иванов, гостивший в конце 1932 г. у Горького в Сорренто, позднее вспоминал:

«Это было в Сорренто. А. М. Горький прочел нам недавно оконченную им пьесу „Достигаев и другие". Наступило молчание. Мы как бы боялись потревожить своими голосами удивительные образы, вызывающие дрожь творческой радости. И нам

«Рабочий и театр», 1937, № 6, стр. 18). Документы, связанные с бесчинствами реального Губина, сохранились в архивах г. Горького (см. в кн.: *Егор Булычов*, стр. 114—119). О скандальной истории с дьяконом упоминается в пьесе «Достигаев»; в черновой редакции пьесы говорилось и о происшествии с водовозами.

[1] Вместе с письмом Горький отправил написанную по просьбе театра «сцену с эсерами» (см.: *Г-30*, т. 18, стр. 425—426).

не хотелось расставаться с этим солнцепеком искусства, с этим звуком басистого голоса, словно распечатывавшего перед нами человеческие души.

— Ну, что ж, давайте браниться,— трогая пальцем ус, сказал Алексей Максимович.

Мы смогли передать только свои восторги. „Брани" не вышло. Горький не особенно был доволен. И несколько позже, когда я попытался передать свое впечатление от первого акта — эту несущуюся глыбу с горы, тронутой землетрясением,— глыбу, на которой находится кучка людей, уже забывших свои страсти, радости и охваченных только одним желанием — как-нибудь уцелеть, как-нибудь спастись,— Горький сказал:

— Это в некотором роде губернский ужас. Еще не шлепнулись в пропасть, но увидали уже нечто причудливое до крайности. Где тут им действовать? В лучшем случае попытаются покопаться в прошлом, нельзя ли оттуда зацепить что-нибудь. А прошлое-то у них давно ушло на прокорм скотам... подрастающим.— И он опять тронул усы.

Каждый раз, когда я смотрю на сцене „Достигаева", мне вспоминаются и это чтение и этот разговор. И особенно вспоминаешь Бородатого солдата, тот вдохновенный, сурово-ласковый тембр голоса, которым передавал Алексей Максимович слова посланца народа, хозяина жизни. Характерно, что даже в перечислении фамилий героев пьесы для каждого, для самой незначительной роли найдены фамилии, а здесь автор дает символ — Бородатый солдат, человек, обросший в окопах страданьями, замученный несправедливостью, жаждущий мира, земли и труда. И в голосе Горького слышались трубные звуки. Входил Народ» («Правда», 1938, № 302, 1 ноября).

Рассказывая о том, как встретили «Достигаева» артисты театра им. Евг. Вахтангова, художественный руководитель театра Вл. Куза писал, что особенно высокую оценку получили ведущие образы пьесы — Достигаев, в котором с огромной убедительностью показан новый тип представителя российского капитализма, буржуа-приспособленец, и Рябинин. В последнем Горькому, замечал Вл. Куза, удалось без всякой ложной аффектации раскрыть черты большевика — организатора ленинского стиля (см.: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1932, № 337, 7 декабря).

В интервью «Литературной газете» Захава назвал Достигаева «крупной фигурой, умным и хитрым купцом», владеющим «более тонкими методами классовой борьбы», чем вооруженное сопротивление («Литературная газета», 1932, № 56, 11 декабря) [1].

---

[1] Позже, выступая с развернутой оценкой пьесы в печати, Захава писал, что она привлекла театр им. Евг. Вахтангова социальной масштабностью проблем, художественной яркостью. «Поразительно мастерство Горького,— отмечал Захава.— Нет массовых сцен, нет митингов, нет выстрелов. Есть один-единственный образ, образ „Бородатого солдата". И в этом солдате Горький дает почувствовать дыхание, разгон и мощь великой революции» («Рабис», 1933, № 10, стр. 36).

Е. Мустангова, сравнивая «Достигаева» с «Егором Булычовым», отмечала, что социальные конфликты показаны здесь еще более напряженными и острыми. Обращала она внимание и на новаторское существо этих пьес — их «полифоническое» построение, где «движущим началом являются не перипетии одного героя, а динамика всего социального процесса» («Рабочий и театр», 1933, № 30-31, октябрь-ноябрь, стр. 4—5). Через индивидуальные судьбы героев пьесы Горький раскрывает колоссальные сдвиги, происходившие в жизни, разные стороны «единого социального процесса, показ которого и составляет центральную тему трилогии» (там же, стр. 4).

Пьеса вызвала и некоторые критические суждения. Так, Р. Пикель считал, что образ буржуа-приспособленца неправдоподобен для периода между Февралем и Октябрем. «...достигаевщина как социальное явление,— замечал критик,— возникла позже», уже после октябрьских событий («Прожектор», 1933, № 16, декабрь, стр. 22).

Исторически неточным считал изображение эпохи в пьесе и П. Новицкий. Он утверждал, что Горький якобы «противопоставляет силам пролетарской революции главным образом верхние оголтело реакционные слои буржуазии» и «почти совершенно не видит мелкой буржуазии» («Театр и драматургия», 1934, № 2, стр. 46). Но в целом П. Новицкий высоко оценивал пьесу, говоря, что она дает почти физическое ощущение надвигающейся пролетарской революции. Центральным эпизодом пьесы критик считал сцену встречи Достигаева с Рябининым: «Обобщающая сила этого эпизода потрясает своей социальной символикой. Горький достигает здесь вершин своего творчества» (там же, стр. 45—46).

Как уже отмечалось, первым за осуществление постановки пьесы «Достигаев и другие» взялся театр им. Евг. Вахтангова. В марте 1933 г. Захава сообщал писателю: «Ваше письмо и дополнения мною получены. Все указания Ваши, а также критические замечания по поводу моих предложений, разумеется, безоговорочно мною приняты. Обещаю Вам, дорогой Алексей Максимович, что, добиваясь при работе над „Достигаевым“ предельной выразительности и остроты театральной формы, мы в то же время будем беспощадно вытравлять из нашей работы всё, что будет, хотя бы в малейшей степени, отдавать голым трюкачеством, балаганом или театральным озорством» (Архив А. М. Горького, КГ-дп-4-16-4).

7 октября 1933 г. «Достигаева» показали автору. После генеральной репетиции Горький выступил перед труппой театра со своими замечаниями. Стенограмма этого выступления позже была опубликована в газете «Вахтанговец» (1938, № 8, 28 марта).

В своем выступлении Горький говорил: «Всё в основных чертах более или менее правильно 〈...〉 Вы играете отлично,— обращается М. Горький к артистке, исполнявшей роль Ксении.— Это как раз в быте нашем очень значительный тип, на который не обращали внимания. Люди такого типа, они так всю жизнь

свою прожили неизвестно почему, с закрытыми ушами, с закрытыми глазами, истощаясь или на детей, или как-то бесплодно жизнь протекала. И это вы очень хорошо подаете.

Таисья. Несколько несвойственна ей суетливость. У нее профессия соглядатая, причем она соглядатайствует в двух направлениях: потому что это нужно для игуменьи, а с другой стороны, это нужно для себя, для нее лично. Она хочет на этом как-то тут притереться. Девушка битая, обозленная, девушка, у которой нет основания верить людям,— они ей причинили достаточно всяких неприятностей. Поэтому причины для известной настороженности по отношению к людям у нее есть. Такой суетливости и такого протеста против необычайности для нее новых фраз, слов, которых она в монастыре не слыхала,— такого прямого протеста у нее нет. Ее это больше изумляет, чем сердит и, конечно, доверия не возбуждает. А вот к молодому человеку, каким является Тятин, у нее другое. У нее нет доверия к людям, а слова на нее действуют; эмоционально она чувствует, что здесь что-то другое — есть другой мир, другие возможности. Что и люди какие-то другие, очень необыкновенные, говорят чёрт знает что и при этом говорят как будто мимо нее, не заботясь о ней, сообщают свои умопомрачительные вещи,— это всё бунтует ее. И вот, взрыв против игуменьи; он должен быть оправдан. Именно такова линия ее поведения. Потому что тут ей понравился человек, явно понравился, а в него вдруг стрелять начинают. Это ее взорвало. Не надо думать только, что взрыв этот может быть таким, который уже определенно переламывает человека, делает его другим. Она может вернуться на старый путь, опять кому-то служить в качестве соглядатая и т. д., но она говорит иными словами: „Волчиха". Это слово она особенно подчеркивает, оно ей запало. Так что ее нужно острей сделать, острей, наблюдательней и — более изумленной, недоверчивой, принюхивающейся ко всему: „Что такое?" Так что основным мотивом ее поведения является удивление, которое вызывает в ней перелом, чувство просвета [1] с одной стороны, а с другой стороны — как бы: „А вдруг это всё что-то страшное разыгрывается", которое ее задавит, погубит.

У Тятина в сцене с Шурой немножко больше надо в конце сцены возмущения его, потому что девушка издевается. Что она его полюбить может, на это он и не надеется и не верит в это. Он мягкий, интеллигентный человек, тоже много испытавший; был письмоводителем у брата своего, Звонцова. В сцене с Достигаевым свое смятение, свое опасение, как бы Достигаев чего-то не понял, он дает довольно хорошо.

Я говорил, что Достигаеву надо заменить словечко „приспособляться" словом „примкнуть". В другом месте, где он познакомился с Дарвином, там уже можно.

---

[1] Стенограмма не правилась автором. Она, видимо, не везде точно передает сказанное Горьким. Здесь по смыслу надо: «чувство протеста», а не «просвета».

Мне думается, что несколько скучновата в течении спектакля будет сцена Глафиры и Антонины, несколько затянута. Нужно быстрей сделать. И Глафира, против ее обыкновения, тут говорит не так уверенно, не так твердо, как она должна уже говорить. Она присмотрелась к господам, хозяевам, знает, что в данном случае непоправимое дело. Поэтому она говорит твердо. Это не значит, что она говорит сердито. В то же время человеческое чувство заставляет ее пойти за Антониной, она чувствует, что здесь что-то неладно.

Достигаев очень хорош. Мне кажется, что ему не хватает ручек в карманах. Надо держать ручки в карманах, потому что это ведь чрезвычайно характерная штука — человеческие руки, и очень многим просто необходимо их прятать. Они говорят часто больше, чем слова, и могут выговорить такое, что вовсе никому не надо знать. Так что их прятать надо. В сцене с Нестрашным и Губиным он немножко высоко поднимает тон. Он человек иронический, он — скептик. По отношению ко всем он сам себе партия, так что ему нужно немножко сдержанней держаться. Он только немножко на попа рявкнет: „Верую в бога, но предпочитаю коньяк“. Попа он знает!

У Рябинина тоже руки надо бы сделать более подвижными. Это — действующие, умные рабочие руки, привыкли что-то делать. И всё его как-то интересует: „А как это сделано?“ Он всё это видел, но тем не менее его интересует. Это человек, который смолоду привык что-то делать, хороший слесарь. Эта игра в руках у него должна быть. В сцене с Достигаевым и Меланией он несколько излишне сердится. Сердиться ему причины нет, он эту публику знает. Агитировать — тоже: „чего тут агитировать?“ А он именно иронизирует, дразнит. Тут надо как-то потише. А вот когда приходит после выстрела, тут он говорит как следует, он говорит, как с уголовными преступниками. Тут он тверд.

Немножко истерично кричит Мелания, это не в ее тоне. Должно быть больше ненависти у нее, озлобления больше, но кричать особенно смысла нет.

Достигаев вообще очень интересно сделан. И когда он приходит и видит Тятина на полу, с этого момента сразу показывает и юмор свой и всё; он видит: что-то такое здесь есть.

Шура. Действует как следует. На колени поставила правильно. Вот только тарелку жалко. ⟨В сцене с Тятиным Шура бросала на пол тарелку⟩. Но я все-таки поставил бы его на колени с улыбочкой; кривенько усмехнулся бы и встал — „всё равно дело безнадежное“.

Пропотей. Тут, понимаете ли, человек чувствует, что идти той тропой, которой он шел,— опасно. Видимо, уже было какое-то против него выступление, против его стихов, против его чепухи. Это убедило его, что надо как-то свертывать с этой дороги. Слышал Доната, ораторов на митинге; особенно импонировать ему должен был Донат — старый человек. Он является к этому Донату, где-то с ним познакомился. Доверять сразу он не может, дело ясное, а все-таки надо посмотреть. Может быть, как-нибудь пристроят к чему-нибудь. Он не очень требователь-

ный человек, так что если пристроят его убить кого-нибудь, он на это пойдет. И вот у него некоторая настороженность; смотрит на этих людей: „Одеты ничего, по-человечески, а что-то такое есть". Некоторое недоуменьице. Когда он стихи начинает петь, так он поет устрашающе: „Могут они это почувствовать?" или: „Другой народ пошел, какой-то другой".

Нестрашный. Человек с большим прошлым. Вождь. Его губернатор знал. Это очень важно. Так что ему особенно сердиться не нужно. А он больше в положении таком же, как Пропотей. Какое-то недоумение: „Как это может быть — в Москве, в Ленинграде какие-то рабочие вдруг взяли власть в свои руки. В чем тут дело? Ну, Звонцов — это понятно, а это — рабочие, это — вообще из области фантастики". Здесь есть недоумение. Но он человек реальный и знает, что факт есть факт. Значит — нужно драться. Когда он говорит, то взвизгивает, прорываются какие-то слова со свистом.

Губин. Это человек, влекомый в дело Нестрашным, своим врагом. Не верит ему, но все-таки идет. Тот уже руководил в 6-м году, ему это удалось. Вот Губин за ним и пошел, но, как только эта история оказалась — пришли солдаты,— он не Достигаеву говорит, что на него с палкой пойдет, а он говорит Нестрашному: „Погубил ты меня, Перфил".

Елизавета. Хорошо рассказывает о полковниках. В сцене, когда она говорит с мужем, там нужно больше убедительности, больше хорошей простоты: „В чем дело?" Этим она его подкупает, этим она его и держит: можно положиться на этого человека, с ней можно работать, не предаст. По одной линии предаст, но она и не скрывает этого: полковники, генералы. Но она — хозяйка, своя, она — неглупая, она посоветует. Она совершенно искренна. И он ей верит. Рога наставит, но хорошая женщина, свой человек. И она это знает, что он к ней относится так. Он говорит с ней так, что она не сердится. Тут надо что-то изменить.

Затем Лаптев. Немножко чересчур строг. Можно и не вынимать ему из кармана пистолета. Он спокойно говорит. Несмотря на то, что он молодой, у него все-таки известный революционный опыт есть. Так что не надо ему кричать.

Антонина. Она немножко медленно, немножко вяло ведет себя. В основном же она совершенно правильна. Но что-то с темпом надо сделать. И потом, когда она разговаривает с Глафирой,— вот ее вопрос: „Шура вернется, ну завтра, ну когда-нибудь?" Глафира молчит — значит, не вернется, она одна осталась, ей нечего делать. А потом и нечем верить. Это в сущности своей очень драматическая фигура, несчастная. Это из тех несчастных людей, которые несчастье свое хорошо понимают. Воля убита. А книжка — ежедневное питание, и при этом книжка рафинированная, безнадежная — она насыщает сознание бессмыслием бытия. И в этом случае она не за себя говорит, а как бы за многих. Она должна быть (мне это, вероятно, не удалось), она должна быть типичной: таких было много. В тот момент были коллективные самоубийства. В Москве, около Художественного театра: Тарасов, Журавлев, Губов, затем два сту-

дента и курсистка — из чувства обреченности. Случаев таких было очень много. Они всегда, видите, бывают в моменты повышенного и бурного течения общественных событий. Такие события всегда убивают самостийно людей, которым места нет. А людям таким, как она, стоять зрителями событий — нет надобности и желания нет. Представьте вы Антонину в голодные годы 19—20-й. Что бы она делала? Ничего. Она даже проституткой не может быть вследствие своей биологической брезгливости, физиологической брезгливости. Она воспитана тонкой иностранной литературой.

Алексей правильно ведет себя.

Сын Нестрашного — тоже правильно. Щеголь, говорит таким языком, как: „идеологическое питание"!

Калмыкова. С Шурой разговаривает чересчур учительски. Она себе не позволит так говорить, она умная, опытная партийка, она так не будет говорить. Так напористо и так учительно. Она спокойно скажет это, увесисто, серьезно. Погладит ее по плечу, но скажет увесисто. Там, где Шура бросает книгу после того, как отошел Лаптев,— этого не надо, но так посмотреть на него: „Невежа, дурак какой!" — это надо.

Павлин идет как следует, по-моему. Только, когда о солдатах говорит, немножко должен быть более ярко показан, подчеркнут. И когда Нестрашный является и его удерживают, он хочет спрятаться. Тут то же самое: он соображает: „А почему его удерживают?" Какая-то есть минута у него: „Почему?" Он чувствует, что его ставят свидетелем событий. „А надо ему это или нет?" Так что несколько секунд недоумения у него есть. И потом тут есть у него некоторое: „Может быть, Елизавета, дама вкусная, а вдруг... всё может быть..." Он это так понимает, когда она говорит, что будет его защищать.

Бородатый солдат. Его надо сделать отчетливо. Он эпический солдат. Чёрт его знает, чего он не видел на своем веку: он был конюхом, он не то, что понял что-то, но он почувствовал, всем своим существом почувствовал: „Вот что надо делать!" Это типичный человек того времени. Он понял: „Вот что надо делать — надо хозяев убивать всех"; и вот пришел убивать. Собственно говоря, ему люди эти — и даже его старый хозяин Нестрашный — сами по себе они ему безразличны: „Да чёрт с ними!" Это был такой тип, время таких очень много образовало. Так что он такой спокойный, эпический человек. Он говорит чуть-чуть с маленьким юмором: „Проиграли". Он прошел путь от 6-го года; в 12-м году — ленский расстрел; видел, как страдали товарищи, массы страдали. Это какой-то массовый человек, палец чьей-то руки. Я не хочу сказать, что он исторически чувствовал эту боль, но лично — чувствовал. Так что ему особенно беспокоиться, особенно говорить не нужно; он говорит спокойно. Он злорадствовать не будет, но и жалеть не будет. Если нужно, то и сам расстреляет.

Рябинин. У вас всё в общем благополучно. Вот только — руки. Хотелось бы больше движения в руках, активности такой. Это — рабочий человек, а с другой стороны — активист, поли-

тик. Физическая привычка действовать руками и дополняет образ. Юмор, с которым он говорит с Таисьей о „незаконнорожденном боге“: ему на это наплевать, но — „ведь девчонку всетаки жалко!“ У него есть сожаление к ней; не то, что надежда, что из нее что-нибудь выйдет (хотя — почему? Может быть, и выйдет!), но он по натуре своей — всё претерпевший человек, много видел, и у него есть юмористическое отношение к людям, которых он чувствует не своими. Например: как он говорит Тятину относительно прокламации? Тут есть некоторое отношение человека, гораздо более жизненно и политически опытного, но не отношение сверху вниз. Он по отношению к нему чувствует себя учителем, да и по отношению к этой девчонке. Он привык. Он пропагандист. Он пропагандирует где угодно, и в трамвае, это вошло в привычку.

Когда Достигаев, поглядевши на дочь, выходит на сцену, у него какого-то жеста не хватает. Когда он приходит, садится к роялю — тут чего-то не хватает, какого-то жеста. Но дело, конечно, для него не в том; не так серьезна сама по себе смерть дочери, как: „А вот что будет дальше?“ Вот это — серьезно. Он — жизнелюбивый человек, жизнеспособный. И у него отцовское горе застилается другим. Он видит, что сидят двое, которые могут потянуть его в неприятную историю. „Почем знать, а может быть, еще повернется?“ Так что у него скорбь отца, который от дочери далеко живет, эта скорбь заглушается вопросом — как он сам поставлен, Елизавета поставлена, как надо жить?

В дальнейшем (если я слажу с этой темой) следующая пьеса будет трудней. Там всё крупный народ пойдет. Там бабочка одна деревенская будет, жена богатого деревенского мужика — вождь-баба. У Достигаева с ней разговорчик будет. Она умная, и она над Достигаевым будет издеваться совершенно серьезно: «Купец, хозяином был, слышала, а теперь — с кем знакомится, кого в гости принимает? Знаем мы таких людей — грабители!» Вот тут ему придется повертеться ⟨...⟩ Тут ему придется очень неудобно. И у Глафиры с этой бабой будут суровые отношения. Глафира — уже партийный человек, гражданскую войну прошла. А Достигаев — у него дача, приемы, автомобильчик свой. Так что вы разбогатели опять.

Шура в левый загиб входит.

Судьба Достигаева остается неопределенной судьбой, но ясно, что дальше деваться ему некуда. Ходов у него больше нет никаких. „Можно пожить и похуже, лишь бы пожить!“

Чугунова — очень древняя старуха, лет 80, она сухая старуха и маленькая. А у вас она крупная. Тогда дайте ей больших сыновей, чтобы они были больше ее. Сухая, темная, желтые руки, тонкие пальцы, подбородочек острый, острый носик и голос властный, резкий. Старший сын, не спросясь, бороду себе подстриг, она так ударила его, что он с завязанной рукой ходил. Она их воспитывала „от руки“. Ее дети — деревянные такие люди, ходят вымуштрованными. Старшему сыну она жениться так и запретила. Младший был женат, а старшему запретила, потому

что нет в доме никакого хозяина. Но фактически он управляющим у нее был, а хозяйка была она. Выдавала ему определенное количество денег специально на женщин — 150 рублей полагалось. В Москву ездил он, так с ним посылала человека своего. У нее был такой человек — Антоныч, с широким носом, без бровей, но с глазами, которые занимали всю глазницу — совершенный сыч. Молчаливый человек, он ходил только и смотрел. На Нижегородской ярмарке Софрон — ему было тогда 60 лет — наделал долгов: там такие дамы были, разных национальностей — он увлекся; так, говорят, она его выпорола. Она останавливала на улице людей и начинала их пробирать: не так живут» (*Г-30*, т. 18, стр. 427—433).

25 ноября 1933 г. Захава и Куза телеграфировали Горькому: «Горячо приветствуем Вас в день премьеры „Достигаева" от имени театра и всего состава участников. Несомненный успех спектакля сообщает нам уверенность и энергию для новой работы. Зрительный зал горячо принимает, много смеется и бурно аплодирует бунту Таисии» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-15-2-2).

Почти одновременно с театром им. Евг. Вахтангова над «Достигаевым» работал ленинградский Большой драматический театр. В беседе с коллективом этого театра, состоявшейся 22 сентября 1933 г., Горький говорил, как надо оформить спектакль, как трактовать отдельные образы. О будущем Достигаева он сказал: «При нэпе — опять в седла!» И о нем же: «Его культура? Тепленькое винцо бордо и энциклопедический словарь для мудрости...» (Стенограмма беседы А. М. Горького с артистами БДТ, состоявшейся 22 сентября.— Цит. по *Г-30*, т. 18, стр. 427). Режиссер-постановщик Вл. Люце вспоминал, что «Горький метко характеризовал образ озорного купца Губина». Писатель, по его словам, «просил, чтобы оформление спектакля точно соответствовало содержанию отдельных актов 〈...〉 „Подходите к пьесе как к комедии!" — говорил Алексей Максимович» («Звезда», 1937, № 6, стр. 203).

Премьера спектакля «Достигаев и другие» в БДТ состоялась 6 ноября 1933 г. По признанию Вл. Люце, театр стремился создать спектакль большого социального звучания, раскрыть «агонию российского капитализма» («Советское искусство», 1933, № 52, 14 ноября; см. также: «Красная газета», веч. вып., 1933, № 255, 4 ноября).

С большим опозданием была осуществлена постановка «Достигаева» на сцене МХАТа — в 1938 г., хотя его труппе Горький читал пьесу еще 9 сентября 1933 г. В дневнике Е. С. Булгаковой записан краткий отзыв Вл. И. Немировича-Данченко: «Пьеса прекрасная, мудрая». В той же записи отмечается, что «Горький рассказал массу всяких политических и иных происшествий, чтобы объяснить своих героев» (см. копию записи в Архиве А. М. Горького, ПТЛ-5-76-1).

С т р. 63. *Союз Михаила Архангела* — черносотенная организация, выделившаяся в 1907 г. из «Союза русского народа».

Возглавлялась В. М. Пуришкевичем. Ликвидирована во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Стр. 63. *Что, ваше величество, сынка-то у тебя — рассчитали?* — Николай II был сыном Александра III. Отрекся от престола 2 (15) марта 1917 г.

Стр. 63. *...во второй Думе эсером был...* — Вторая Государственная дума была созвана 20 февраля 1907 г.; разогнана царским правительством 3 июня 1907 г.

Стр. 64. *Во второй Думе ∽ духовенство было представлено весьма обильно...* — 17 депутатами, что составляло 3,4% от общего числа. В первой Думе депутатов духовного звания насчитывалось 14, т. е. 3,3% (см.: «Члены 2-й Государственной думы». СПб., 1907; Н. А. Бородин. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906).

Стр. 65. *С войны-то бегут...* — Буржуазное Временное правительство подтвердило царские договоры, привязавшие Россию к Антанте, и ориентировалось на продолжение империалистической войны. Между тем среди солдат, измученных империалистической бойней, усиливались антивоенные настроения. Народные массы все ясней осознавали чуждый их интересам — империалистический — характер войны, что находило выражение в братании солдат на всех фронтах, в отказах от участия в наступлении.

Стр. 66. *...и даже удары еретиков, подобных Лютеру...* — Мартин Лютер (1483—1546), основатель протестантизма в Германии. В 1517 г. в Виттенберге он выступил против католической церкви, выставив свои 95 тезисов, обличавших торговлю индульгенциями (папскими грамотами об отпущении грехов) и другие злоупотребления папства и католического духовенства. Католическая церковь объявила Лютера еретиком и предала его анафеме. Но в 1555 г. лютеранство было признано официальным вероисповеданием в Германии.

Стр. 66. *В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...* — Вопрос о восстановлении патриаршества, отмененного Петром I, обсуждался в кругах русской церкви летом 1917 г. 27 сентября либерально-буржуазная газета «Русское слово» сообщала о том, что отделом московского церковного собора принята резолюция, заключающая в себе идею восстановления патриаршества (см. «Русское слово», 1917, № 220, 27 сентября).

Стр. 70. *...Ленин ∽ бежал в Швецию.* — Клеветнические выдумки о том, что Ленин скрывался в Стокгольме, а оттуда переправлен в Германию, настойчиво повторялись буржуазной прессой (см., например, «Биржевые ведомости», 1917 — утр. и веч. выпуски, — №№ 16336, 16337, 15 июля). На самом деле, после июльских событий, когда началась травля большевиков, Ленин, выполняя решение ЦК партии, перешел на нелегальное положение и жил сначала в Петрограде, а затем недалеко от станции Разлив.

Стр. 71. *Большевики ...В Петрограде их арестовали...* — Репрессии против большевиков начались после событий 4 июля.

Мирную демонстрацию, проходившую под лозунгом «Вся власть Советам!», контрреволюция стремилась изобразить как попытку вооруженного свержения Временного правительства. В ночь на 5 июля была разгромлена большевистская газета «Правда». Начались повальные обыски в рабочих кварталах, аресты активистов партии. 7 июля 1917 г. было опубликовано распоряжение об аресте Ленина и других лидеров большевистской партии.

Стр. 71. *Львов* Г. Е. (1861—1925) — крупный помещик, земский деятель, кадет. С марта по июль 1917 г. председатель Совета Министров и министр внутренних дел буржуазного Временного правительства.

Стр. 76. *Милюков* П. Н. (1859—1943) — историк и публицист, идеолог русской империалистической буржуазии, один из основателей партии кадетов. В 1917 г. — министр иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства; проводил политику продолжения империалистической войны «до победного конца».

Стр. 78. *«Вскую шаташася языцы».*— «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?» (Псалтырь, псалом 2, стих 1).

Стр. 79. *В 6-м—7-м годах показано вам, как надо с рабочими-то...*— По неполным данным периодической печати, за 8 месяцев действия закона о военно-полевых судах, принятого 19 августа 1906 г., было приговорено к смертной казни 1102 человека (см.: Н. Н. Полянский. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. МГУ, 1958, стр. 215). К началу 1908 г. в России находилось в тюрьмах более 200 тысяч человек.

Стр. 83. *...комплект «Нивы»...*— Еженедельный «иллюстрированный журнал для семейного чтения»; издавался в Петербурге с 1870 по 1918 г.

Стр. 83. *Александрия* — город и порт в дельте реки Нил на Средиземном море.

Стр. 86. *Его во втором году харьковский губернатор засек...*— В 1902 г. харьковский губернатор князь И. М. Оболенский, подавляя аграрное движение в Харьковской и Полтавской губерниях, порол и расстреливал крестьян.

Стр. 91. *Вот вышибем из Совета, ну, тогда, может быть, они сами захотят мириться.*— Речь идет о большевизации Советов, важнейшем процессе политического развития масс, подготовившем Октябрьскую революцию. К сентябрю 1917 г. состав Советов, в которых сначала преобладали меньшевики и эсеры, качественно изменился: в решающих центрах России Советы стали большевистскими.

Стр. 94. *Вполне Валтасаров пир!* — Крылатая фраза «Валтасаров пир» возникла на основе библейской легенды (Книга пророка Даниила, гл. 5) о халдейском царе Валтасаре, который беззаботно пировал накануне своей гибели.

Стр. 99. *Дисконтерша* — от слова дисконтер (англ.— discounter), т. е. человек, занимающийся учетом векселей.

С т р. 106. *...репродукцию с Беклина...* — Вероятно, с картины немецкого художника Арнольда Бёклина (1827—1901) «Игра среди волн».

С т р. 112. *Мадам Ролан* — Ролан де Ла Платьер (1754—1793), деятельница французской буржуазной революции XVIII века, оказывала большое влияние на политику жирондистов. Во время якобинской диктатуры гильотинирована.

С т р. 112. *Рекамье, на кушетке лежит.* — Имеется в виду картина французского художника Давида, изображающая Жюли Рекамье (1777—1849) — хозяйку одного из парижских салонов времен Директории, империи Наполеона и Реставрации.

С т р. 116. *...немецкие рабочие, социалисты ∽ дали денег на войну.*— 4 августа 1914 г. фракция немецкой социал-демократической партии проголосовала в рейхстаге за предоставление правительству, развязавшему мировую войну, 5-миллиардного займа. Левые социал-демократы до заседания рейхстага были против предоставления правительству кредитов на войну, но, подчиняясь решению оппортунистического большинства, также проголосовали за кредиты. «Поведение вождей немецкой с.-д. партии, самой сильной и влиятельной партии II Интернационала (1889—1914),— писал вскоре В. И. Ленин,— голосовавшей за военный бюджет и повторяющей буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 1—2). Против кредитов голосовал только один Карл Либкнехт.

С т р. 116. *Вскую оставил нас еси?* — Псалтырь, псалом 21, стих 2.

С т р. 118. *...что это за комитет безопасности организовали в Москве?* — «Комитеты общественной безопасности» возникали в октябре — ноябре 1917 г. при городских думах в различных центрах страны — Петрограде, Москве, Минске и др. как контрреволюционные организации, создаваемые меньшевиками, эсерами, кадетами при поддержке иностранных империалистов. Комитеты оказывали бешеное сопротивление большевистским Советам, организовывали мятежи и саботаж. Сметены Октябрьской социалистической революцией.

С т р. 125. *«Отыди ото зла и сотворишь благо».*— Псалтырь, псалом 33, стих 15.

ВАССА ЖЕЛЕЗНОВА

(ВТОРОЙ ВАРИАНТ)

(Стр. 127)

Впервые напечатано в книге: «Год девятнадцатый». Альманах девятый. М., 1936, стр. 49—80.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф — текст 3—16 сцен первого акта пьесы — *ЧА* (ХПГ-5-1-2) и два черновых наброска ($ЧН_1$, $ЧН_2$— листы приложения к ХПГ-5-1-2).

2. Беловой автограф — рукописный текст всей пьесы с подзаголовком: «Второй вариант» — *БА* (ХПГ-5-1-1).

3. Авторизованная машинопись с правкой — *АМ* (ХПГ-5-1-3) — оригинал набора первой публикации.

Печатается по тексту альманаха «Год девятнадцатый» со следующими исправлениями:

Стр. 136, строка 2: «Шутки шутишь?» вместо «Шутки шутить?» (по *ЧА*, *БА*, *АМ*).

Стр. 142, строки 20—21: «умнее, а живут они дрянно» вместо «умнее, а живут дрянно» (по *БА*).

Стр. 144, строка 38: «Что тебе надо?» вместо «Чего тебе надо?» (по *БА* и *АМ*).

Стр. 164, строка 37: «из-под печки» вместо «из-под печи» (по *БА* и *АМ*).

Стр. 166, строка 39: «внука не получит» вместо «сына не получит» (по *БА*).

Пьеса создана в 1935 г. в результате коренной переработки одноименного произведения, написанного в 1910 г. (см. т. XIII наст. изд.).

Весной 1935 г. МХАТ 2-й включил в репертуар дореволюционную пьесу Горького «Васса Железнова» (см.: «Советское искусство», 1935, № 21, 5 мая). Тогда же появилось сообщение, что коллектив МХАТ 2-го во главе с директором театра И. Н. Берсеневым обратился к Горькому «с просьбой внести в пьесу некоторые добавления, диктуемые нашей сегодняшней действительностью...» («Комсомольская правда», 1935, № 104, 8 мая). В беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» Берсенев сказал: «Мы остановили наш выбор на пьесе А. М. Горького „Васса Железнова", посвящая ее 30-летию революции 1905 г. Эта пьеса не посвящена показу революционных событий пятого года, но отражает эпоху этого времени...» (там же). Режиссером-постановщиком назначен был А. И. Чебан, роль Вассы поручена С. Г. Бирман, премьера намечалась на конец 1935 г.

Горький ответил на просьбу театрального коллектива согласием и этот факт стал широко известен. Например, см. информацию в газете г. Ногинска («Голос рабочего», 1935, № 282, 9 декабря).

МХАТ 2-й приступил к репетициям. 19 декабря Берсенев писал Горькому:

«Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович! Обращаемся к Вам с просьбой ответить нам, как обстоит дело с теми изменениями в тексте „Вассы Железновой", которые Вы предполагали сделать ⟨...⟩ режиссура и весь коллектив, с огромным увлечением работающий над Вашей пьесой, дошел в своей предварительной работе до такого момента, когда уже совершенно необходим точный текст, без которого нельзя двигаться дальше...» (цит. в кн.: Б. Б я л и к. М. Горький — драматург. М., 1962, стр. 516).

В тот же день А. Чебан написал Горькому письмо, в котором подробно расспрашивал, в каком направлении изменится «основное звучание пьесы» и пойдет переработка центрального характера: «В какой мере Васса должна вызвать у зрителя или

сочувствие, как к сильному дельному человеку, к женщине-матери, к человеку, искалеченному старой хищной жизнью капиталистического строя? Или ненависть как к классовому врагу-хищнику? или сложное восприятие сложного противоречивого образа в его запутанности сердца и ума? запутанности в мерзкой жизни капиталистического строя? В чем притягательная и познавательная сила образа Вассы? за что ее можно уважать и ненавидеть?..» (Архив А. М. Горького, КГ-ди-11-12-1).

На эти вопросы Горький ответил творчески: работа над новой пьесой уже подходила к концу.

В Архиве А. М. Горького хранится экземпляр т. X собрания сочинений Горького во втором издании ГИХЛ под редакцией И. А. Груздева (ХПГ-46-22-1). Текст «Вассы Железновой» в этом экземпляре содержит авторскую правку главным образом стиля, которая в целом редакцию пьесы 1910 г. не изменяет. Однако в списке действующих лиц рукой автора сделано несколько исправлений, предвещающих новый вариант. С этого наброска принято вести творческую историю второй пьесы, в которой существенно меняется центральный персонаж: Васса Железнова становится здесь более крупным и в социальном и психологическом отношениях, более ярко очерченным характером.

Переработка «Вассы Железновой» привела к созданию нового произведения. «Прошу приостановить репетиции,— телеграфировал Горький из Крыма 22 декабря 1935 г. Берсеневу,— в январе дам совершенно новый текст с новыми фигурами. Не вижу никакого смысла ставить пьесу в ее данном виде» («Искусство и жизнь», 1938, № 3, стр. 11).

Работа была закончена раньше — в декабре. 1 января 1936 г. Горький писал Вл. И. Немировичу-Данченко:

«Второй МХАТ собрался ставить весьма неудачную пьесу мою — „Васса Железнова“.

Я попросил Берсенева не делать этого, обещая изменить пьесу, что мною исполнено.

Посылаю Вам второй вариант пьесы, конечно, не для того, чтобы Вы ставили ее, а чтоб только осведомить Вас об этом случае из жизни неудачного „драматурга“» (*Г-30*, т. 30, стр. 415).

Видимо, одновременно Горький отослал экземпляр новой пьесы коллективу МХАТ 2-го и редакции альманаха «Год девятнадцатый».

Берсенев, ознакомившись с полученным от Горького новым текстом пьесы и не дожидаясь публикации и постановки на сцене, выступил на страницах «Правды» со статьей «„Васса Железнова“ в МХАТ втором». Он писал:

«Алексей Максимович прислал то, что скромно названо им „новым вариантом“. По существу это не „новая редакция“ и даже не „новый вариант“: перед нами заново написанная пьеса.

Героиня пьесы, по-прежнему называющаяся Вассой Железновой, приобрела теперь много новых черт. Сценический образ ее теперь стал более глубоким, более ярким и отсюда более убедительным.

О чем эта новая пьеса Горького? О той же страшной и гнусной русской дореволюционной действительности, о которой говорит художник-обличитель в крупнейших своих произведениях, начиная от „Фомы Гордеева“ и кончая „Делом Артамоновых“ и „Егором Булычовым“⟨...⟩

Пьеса начинается чрезвычайно сильно. Уже первые сцены рисуют сгущенную атмосферу насквозь прогнивших семейных нравов. События нарастают, пружина сценического действия закручивается всё туже, образы людей раскрываются всё полнее и полнее» («Правда», 1936, № 19, 19 января).

Тут же Берсенев дал сопоставление Вассы, ее судьбы, с «историей гибели костромского купца Егора Булычова», обратив внимание не только на сходство, но и на различие этих характеров. «Булычов умирает, смутно догадываясь об обреченности своего класса, Васса, напротив, убеждена в незыблемости основ, на которых строит она благополучие своей семьи» (там же). Подчеркнул режиссер и решающее значение для понимания характера Вассы, да и основного конфликта всей пьесы, новой фигуры — революционерки Рашели.

Высоко оценил пьесу Горького Немирович-Данченко. 4 февраля 1936 г. он писал автору: «Новую „Вассу Железнову“ получил и прочел с большим интересом, занялся планом, нельзя ли поставить и у нас ⟨...⟩ Мне пьеса решительно понравилась» (см.: «Ежегодник Московского Художественного театра», ч. 1, 1948, стр. 408—409).

В феврале 1936 г. МХАТ 2-й был закрыт, часть его актеров вошла в труппу театра им. МОСПС (Московского областного совета профессиональных союзов), а затем, с 1938 г., в театр Ленинского комсомола.

В апреле 1936 г. театр им. МОСПС начал работу над пьесой. С. Г. Бирман теперь была не только исполнительницей главной роли, но и постановщиком спектакля. 24 апреля 1936 г. она послала Горькому письмо, содержавшее вопросы, возникшие в процессе работы театра над пьесой (Архив А. М. Горького, КГ-ди-1-23-1).

«Отвечаю на Ваши вопросы,—писал М. Горький,— в том порядке, как они поставлены Вами.

Анна Оношенкова характеризуется так: при купеческих вдовах или властных женах, которые — держа слабохарактерных, пьяных, разгульных мужей „под башмаком“ — самостоятельно вели промысла и торговлю,— при таких дамах существовали наперсницы, иногда — почти подруги, женщины „для особых поручений“, в число коих входили даже и поручения весьма интимного свойства, вроде тех, какие исполняла Перекусихина при Екатерине II. Обычно это были дальние родственницы из бедных, скомпрометированные каким-нибудь поступком, например,— внебрачное деторождение и убийство ребенка, отравление мужа или неудачная кража и т. п.

Становились такими наперсницами и горничные, уличенные в грехах, названных выше. Умная хозяйка, нуждаясь в преданном ей человеке, не отдавала грешницу в руки полиции и суда,

не выгоняла ее из дома, а удерживала ее при себе под страхом выдать. И, поработав некое время „за страх“, привыкнув к положению рабыни, грешница начинала работать на хозяйку уже „за совесть“. Это вовсе не редкий тип женщин бесправных, малограмотных, лишенных сознания своего человеческого достоинства.

Анна — из таких. Она — секретарь Вассы, „наушница“ ее, домашний шпион. Это человек оподленный, жесткий, жадный и, конечно, мечтающий о какой-то свободе, о тихой жизни в своем уютном углу, без страха пред людьми, которых ненавидит, но для которых вся — в улыбках. Когда она глаз на глаз с собой — лицо у нее сухое, злое, угрюмое.

У меня не сказано, что Кротких был „в гостях“. Он пришел к Вассе „по делам“, как управляющий, и некоторое время сидел у девиц. Но, конечно, он мог бывать и „в гостях“, что-то читал, рассказывал девицам, может, думал: не жениться ли на одной из них?

Васса спрашивает Анну о визите Кротких, как спрашивает обо всем, что произошло за время ее отсутствия из дома.

Мельников живет в доме Вассы. Он мог поговорить с прокуратурой по телефону. Тут — для меня нет вопроса.

Сергей не хотел уступать Вассе, но еще менее хотел он идти в суд, где Васса угрожала опозорить его и, возможно, загнать в каторгу,— в тюрьму-то уж неизбежно загнала бы.

Людмила — слабоумна, этим и объясняется торопливость, с которой она тащит лавр. Эта смерть для нее —игра в куклы. Имейте в виду: Сергея никто не жалеет. Если это нужно подчеркнуть — дайте Анне сказать Пятеркину: „Не охнули! Даже и смерть не пугает их. Только Людмила хлопочет,— ну, для нее это игра в куклы“.

Васса толкает стул ногой, конечно, потому, что у нее есть нервы и они раздражены.

Анна в III акте — не хочет идти в жандармское управление, потому что боится жандармов.

Пусть чашки в руках ее не дрожат, если это смущает Вас. Но Анна печатает на машинке, пальчики у нее дрожат. „Почему она мгновенно догадывается о смерти Вассы?“ Дайте ей на это пять секунд. Люди, умирающие от паралича сердца — „скоропостижно“, умирают весьма основательно и убедительно — вмиг можно понять, что это не обморок, а настоящая, честная и милостивая смерть. Потное лицо — от волнения; за границу едет, отдохнет от каторги.

Я нигде не говорил, что у Анны „стальные нервы“. Они у нее должны быть притуплены.

Она берет ключи от шкатулки с деньгами и документами, ценность коих ей, разумеется, известна.

Отношения с Прохором: она его не уважает, и если боится, так только физической обиды от него. Прохор отлично знает ее роль в доме.

Рашель — человек ясный, твердо верующий в свою правду.

Говоря с Вассой, понимает, что „мечет бисер“ перед врагом не глупым» (*Г-30*, т. 18, стр. 434—435).

Так же, как при работе над ранней пьесой «Васса Железнова», Горький черпал для новой редакции материал из своих наблюдений над жизнью русского купечества Самары, Тулы, Перми и особенно Нижнего Новгорода. В частности, он использовал в сюжете пьесы эпизод, им же самим рассказанный в письме к О. Д. Форш от 15 декабря 1926 г. Вспоминая «девочку», которой у Достоевского «бредил Свидригайлов пред самоубийством и о которой рассказал Ставрогин», он писал: «Так вот, знаете, эта „символическая“ девочка мучила многих русских „земляных“ силачей с „пустырем“ в душе. Двое из волжских пароходовладельцев из-за этой девочки попали под суд, и жена одного из них, Мария Капитоновна, предложила мужу, накануне вручения ему обвинительного акта, принять „порошок“, дабы предохранить дочерей его и ее — от славы: дочери каторжника. В этом же — в „девочке“ — повинен был один из тульских „самоварников“, фабрикант, и еще кое-кто. Я не могу объяснить тяготение к „девочке“ только грубейшим распутством, „извращенностью инстинкта“ и т. д. Нет, это символическая „девочка“, несмотря на ее реальность. Ее требует „пустырь“» (*Лит Насл*, т. 70, стр. 594; см. также: *Г-30*, т. 25, стр. 298—299).

Мария Капитоновна, о которой вспоминает Горький,— это М. К. Кашина, жена нижегородского пароходовладельца, купца 1-й гильдии М. М. Кашина. По свидетельству нижегородских старожилов, Кашин был отравлен женой, предотвратившей таким образом судебный процесс по делу о растлении малолетних. Другая версия, имеющая характер легенды, гласит, что смерть его была инсценирована, а сам он скрылся за границу, откуда тайно продолжал руководить делами пароходства. После смерти (или бегства?) мужа, М. К. Кашина стала во главе дела и руководила им до своей смерти в 1916 г. В семье Кашиных были дети: дочери Вера, Анна, Марья, сыновья — Павел, Михаил. Старшая дочь Вера была замужем за Григорием Казачковым, знакомым Горького по газете «Нижегородский листок». Казачков умер за границей от чахотки. Сын Казачковых Константин жил в доме Кашиной и в 25 *км* от города на ее даче (см.: «„Васса Железнова“ М. Горького. Сценическая трактовка пьесы». Сборник статей. М., ВТО, 1960, стр. 107—143).

Интересно, что большинство названных здесь имен — Вера, Анна, Григорий, а также фамилия Кожеботкин (один из сообщников преступления Кашина) встречаются в черновых рукописях «Вассы Железновой» 1935 г.

В заметке, предположительно датируемой концом 20-х годов, Горький, рядом с историей М. К. Кашиной, упоминает другие аналогичные случаи:

«Не плохо звереют мужчины, но в озверении женщин замечается нечто особенно страшное и убийственное.

Пример: отравление Вар⟨варой⟩ Никоновной Потаповой мужа ее ⟨...⟩ „Выдумки“ купчихи Ермолаевой и „подвиг“

пароходчицы Марии Капитоновны Кашиной» (*Архив Г* XII, стр. 28).

Вслед за театром им. МОСПС, работу над сценическим воплощением пьесы начали многие театры страны. Только в сезон 1936—1937 г. она шла на сценах почти 50 театров. Первой по времени — 17 июля 1936 г.— была премьера Театра Красной Армии, с Ф. Г. Раневской в главной роли, на гастролях в Ленинграде. Но Горькому уже не было суждено увидеть свое последнее драматургическое произведение на сцене.

Стр. 130. *Рассказывал о сотрудничестве немецких социалистов с королем ихним.*— Очевидно, Гурий Кротких рассказывал о лассальянстве. Мелкобуржуазный социалист Фердинанд Лассаль (1825—1864) «приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138), шел на компромиссы с прусской монархией. Лассальянство наложило отпечаток на деятельность правооппортунистических течений германской социал-демократии и в последующие годы.

Стр. 136. ...*«шестый глас».*— Один из 8 ладов, или напевов (гласов) музыкальной системы «осмогласия», лежащей в основе старинного песнопения православной церкви. Эта система была установлена богословом Иоанном Дамаскиным (VIII в.) — автором «Октоиха», или «Осмогласника» (воскресные службы, разделенные на 8 гласов). Прохор распевает «светские» романсы и куплеты на мотив церковных песнопений.

Стр. 136. *Под вечер осенью ненастной...* — Из стихотворения Пушкина «Романс» (1814). «Романс» приобрел в XIX веке широкую популярность, распевался как народная песня; неоднократно издавался в виде лубочного листка.

Стр. 140. *Жениться нам весьма легко...* — Из незаконченного либретто М. Горького «Непромахи» (Архив А. М. Горького, ХПГ-40-12-1).

Стр. 144. *«Союз русского народа»* — черносотенная погромная организация; возникла в октябре 1905 г., существовала до Февральской революции 1917 г.; имела свои отделения во многих городах.

Стр. 152. *«Откуда ты, прелестное дитя?»* — Последняя строка из драмы Пушкина «Русалка» (1832). У Пушкина: «Откуда ты, прекрасное дитя?»

Стр. 153. *«Не искуша-ай...»* — Романс М. И. Глинки на слова Е. А. Баратынского (1821).

Стр. 156. *Наливай, брат, наливай...* — Слова из известной студенческой песни.

Стр. 158. *«Я не сержусь...»* — Романс Р. Шумана на слова Г. Гейне (1840).

Стр. 159. *Птичка божия не знает...*— В куплетах Прохора использован в нарочито искаженном виде текст из поэмы Пушкина «Цыганы».

НЕ ПУБЛИКОВАВШЕЕСЯ АВТОРОМ

⟨ИЗ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ⟩

(Стр. 173)

Впервые напечатано в газете «Жизнь искусства», 1919, № 253—254, 27—28 сентября (в заключительной части статьи Горького «Инсценировка истории культуры»).

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Беловой автограф, без заглавия — *БА* (ХПГ-49-8).

2. Авторизованная машинопись со вставкой, ранее не опубликованной: «Мускулистый юноша ∽ Общее ликование, пляска» (см. стр. 173—175), и авторской пометкой: «Константину Александровичу Марджанову» — *АМ* (ХПГ-33-12-1).

Печатается по *АМ* с исправлениями по *БА*:

Стр. 173, строки 9—11: «они наелись до опьянения, им жарко, один из них лениво переваливается с боку на бок» вместо «один из них переворачивается с боку на бок, они наелись до опьянения, им жарко».

Стр. 173, строка 19: «чем круглее камень» вместо «чем крупнее камень».

Стр. 173, строки 20—21: «круглые камни» вместо «крупные камни».

Стр. 173, строка 24: «затененную землю» вместо «затемненную землю».

Стр. 176, строка 25: «на игру теней» вместо «на игру тени».

Стр. 176, строка 38: «рождение теней» вместо «рождение тени».

Стр. 177, строка 11: «изобретет» вместо «изобретает».

Стр. 178, строка 29: «тени бегут, исчезают от огня» вместо «тени бегут от огня».

Весной 1919 г. петроградская газета «Жизнь искусства» сообщила, что на заседании Большого художественного совета отдела театров и зрелищ в Петрограде Горьким был прочитан доклад «История культуры в картинах» («Жизнь искусства», 1919, № 92, 6 марта). Писатель предложил план инсценирования истории культуры «в картинах для сцены и кинематографа».

Спустя два месяца Горький вновь выступил «с обширным докладом о задачах и репертуаре театров и кинематографов. Полагая, что огромное воспитательное ⟨...⟩ и художественное значение могло бы иметь оживление характерных моментов в истории культуры, М. Горький считает крайне своевременным приступить к постановкам цикла исторических инсценировок, как из русской, так и из европейской истории ⟨...⟩ А. В. Луначарский ⟨...⟩ всецело присоединился к нему и добавил, что делу этому должен быть придан общегосударственный масштаб, с тем, чтобы инициатива проведения намеченной программы была предоставлена отделу театров и зрелищ» («Вестник театра», 1919, № 30, 3—8 июня, стр. 10).

«Среди своих многочисленных культурных проектов Горький в 1919 г. затеял еще один: массовую серию картин по истории культуры,— вспоминал биограф писателя И. А. Груздев.— Предполагалось создать двух-трехактные драмы, иллюстрирующие эпизоды из истории культуры. Александр Блок написал пьесу „Рамзес", О. Форш — „Равви", Чапыгин — „Гореславич", писали и многие другие. Одним из последних произведений была пьеса К. Федина „Бакунин в Дрездене"» (И л ь я Г р у з д е в. Мои встречи и переписка с М. Горьким.— «Звезда», 1961, № 1, стр. 143). Принять участие в создании серии «драматических картин и инсценировок из истории культур всех народов и веков ⟨...⟩ с первобытных времен и до девятнадцатого столетия» Федину предложил Горький: «... возьмите любого героя истории, которого вы очень любите или же — очень ненавидите, и напишите, хотя бы одноактное, драматическое произведение...» (К о н с т. Ф е д и н. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1968, стр. 16—17).

Во второй половине 1919 г., когда встал вопрос о практическом осуществлении плана инсценировок, Большой художественный совет отдела театров и зрелищ совместно с издательством «Всемирная литература» образовал специальную Редакционную коллегию, в состав которой вошли: М. Горький (председатель), С. Ф. Ольденбург (товарищ председателя), А. Н. Тихонов (секретарь), М. Ф. Андреева (представительница отдела театров и зрелищ), А. А. Блок, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, К. И. Чуковский, К. А. Марджанов (режиссер) (см.: «Жизнь искусства», 1919, № 250, 24 сентября). Тогда же «в „Студии Всемирной литературы" М. Горький прочитал краткий доклад по вопросу о необходимости попытаться создать новый репертуар для театра и кинематографа» («Жизнь искусства», 1919, № 251, 25 сентября). Материалы, относящиеся к этому докладу, хранятся в Архиве А. М. Горького (ПлГ-1-18-1,2; частично опубликованы в кн.: *Г, Материалы*, т. I, стр. 108—110; см. также примеч. к ним — там же, стр. 111—112).

В сентябре 1919 г. появилась статья Горького «Инсценировка истории культуры», дающая, как указывалось в примечании к ее публикации, «исчерпывающий материал по этому вопросу» («Жизнь искусства», 1919, № 251, 25 сентября).

«...Россия,— писал Горький,— должна изыскивать всё новые средства и приемы просвещения масс.

Одним из таких средств является инсценировка истории общечеловеческой культуры в форме театральных представлений и картин для кинематографа ⟨...⟩ Все эти пантомимы, картины, пьесы и сценарии должны ⟨...⟩ развернуть пред массовым зрителем полную картину прошлого — картину всего, что он должен принять и развивать дальше, и всё то, что затрудняло рост его разума, его воли и что потому он должен отбросить от себя» (там же).

Чтобы показать наглядно, о чем идет речь, Горький написал несколько схем, в частности, схему мимического представления из жизни первобытных людей. По-видимому, в связи с высказанным ранее предложением Луначарского приурочивать задуманные представления к массовым празднествам («Вестник театра», 1919, № 30, 3—8 июня, стр. 10), вскоре возникла мысль о практической реализации предложенного Горьким представления из жизни первобытных людей, возможно, к 1 мая 1920 г. Поэтому сразу же после публикации писатель продолжил работу над схемой уже как над самостоятельным произведением, написав дополнительно 4 страницы. Судя по пометке, произведение было передано для постановки режиссеру К. А. Марджанову.

В первой публикации текст сопровождался следующим авторским пояснением:

«По поводу этого очерка автору его было справедливо указано, что на сцене живут и действуют не полузвери, а некий коллектив изобретателей, какая-то академия, а не первобытный род.

Но этот очерк — только схема будущего зрелища, наскоро набросанная сцена мимического представления; режиссер и артисты имеют право развить содержание, сделать его более активным и драматическим, расширить его рамки, введя иные акты труда, творчества, создать примитивные психологические коллизии.

В этой схеме произвольно сгруппирован ряд актов творчества первобытного человека — само собою разумеется, что это исторически неверно и что каждый акт в действительности отделен от другого, может быть, столетиями. Но строгий историзм — естественная последовательность первоначально культурных событий — не может быть выдержан — как это само собою понятно — по условиям сцены.

Однако такая картина наверное будет весьма удобна для кинематографа, что не мешает поставить ее — как мимическое представление — на арене цирка.

Вообще же,— исключая картины представления на темы из жизни первобытных людей — зачинатели данного предприятия предполагают держаться строго исторического и вполне объективного отношения к фактам, драматизируя их настолько, насколько это необходимо для того, чтобы сделать из сухого, бескрасочного рассказа истории — интересное сценическое пред-

ставление, живую картину великих страданий, упорного труда и фантастических достижений человеческого разума, воли, воображения. Зачинатели этого дела искренно верят, что если им удастся осуществить хотя бы треть задуманного ими — они и этой частью работы внесут в духовный обиход русского народа весьма значительное количество материала, вполне способного усилить горение души человека, ознакомить его с великим трудом отживших поколений и, внушив ему сознание силы его духа, его разума, помочь ему быть действительным энергичным и благодарным наследником всех сокровищ общечеловеческого труда и творчества» («Жизнь искусства», 1919, № 253—254, 27—28 сентября).

РАБОТЯГА СЛОВОТЕКОВ

(Стр. 179)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 154—157.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Машинопись на 4 листах — M_1 (ХПГ-44-2-1),

2. Машинопись на 6 листах — M_2. Текст — со второго листа, на первом — заглавие (ХПГ-44-2-2).

Печатается по M_2.

Написано, по всей вероятности, в апреле 1920 г., о чем свидетельствует сообщение: «Театр народной комедии собирается ставить только что написанную Горьким на актуальную современную тему пьесу-сценарий „Работяга Словотеков“» («Красная газета», веч. вып., 1920, № от 22 апреля).

Судя по карандашной пометке на первом листе M_2 — «В. Ходасевич»,— эта машинопись была передана ей театром: В. М. Ходасевич оформляла спектакль «Работяга Словотеков» в петроградском Театре народной комедии (макет оформления спектакля, выполненный Ходасевич, сохранился). 12 мая 1920 г. газета «Жизнь искусства» сообщила, что Театр народной комедии приступил к репетициям пьесы-сатиры Горького. Премьера состоялась 16 июня 1920 г. Руководитель театра, он же режиссер-постановщик — С. Э. Радлов. Театр его был театром импровизации.

Один из ведущих актеров Театра народной комедии А. С. Александров (Серж), участник спектакля «Работяга Словотеков», впоследствии вспоминал: «Пьесы, ставившиеся у нас, обычно не имели твердого писанного текста. Автор (большей частью это был С. Э. Радлов, являвшийся также режиссером этих спектаклей) зачитывал на репетиции сценарий, т. е. каркас пьесы. Этот костяк будущей пьесы мы обсуждали, вносили свои предложения, в процессе репетиций придумывали трюки, приспосабливая их к событиям, происходившим в пьесе...» (сб. «Советский цирк 1918—1938». М.—Л., 1938, стр. 95).

Горький еще в каприйский период заинтересовался театром импровизации. Вернувшись в 1913 г. в Россию, он часто развивал мысли о таком театре в беседах с актерами и режиссерами (см.: т. XIII наст. изд., стр. 567—569).

«Зимой 1920 года,— вероятно, это было в январе или феврале месяце,— вспоминал А. С. Александров,— наш театр дважды посетил Максим Горький. Он доброжелательно отнесся к нашим своеобразным спектаклям и обещал написать для нас сценарий ⟨...⟩

Когда мы в первый раз собрались у Горького, он ⟨...⟩ долго расспрашивал нас о нашем театре, который, по его словам, очень его заинтересовал ⟨...⟩

Второй раз мы посетили Горького недели через три, когда он пригласил нас слушать готовый сценарий „Работяга Словотеков"» (сб. «Советский цирк 1918—1938», стр. 95).

Сценарий «Работяга Словотеков» был принят театром лишь как основа для импровизации. Судя по режиссерским пометкам в M_2, театр разделил сценарий Горького на шесть явлений; был устранен эпизод с гражданином, сообщившем о том, что трамвайный путь завалило,— с этим сообщением теперь выступил милиционер; введена новая фигура — «верхний жилец, выскочивший из ванны»; несколько изменен порядок появления посетителей. Из текстов сценария, опубликованных в газетах (см. ниже), видно, что авторский финал был заменен грубовато-натуралистической тривиальной сценкой. Вообще Театр народной комедии произвольно изменил замысел писателя. К тому же, как свидетельствовал А. С. Александров, артист Ж. Дельвари, «на котором лежала вся тяжесть исполнения пьесы Горького, не справился с ролью Словотекова и внес в нее столько обывательского злопыхательства, что сатирическая картинка, придуманная Горьким, предстала перед публикой в совершенно искаженной интонации» (там же).

28 мая 1920 г. в «Известиях Петроградского Совета» была дана краткая аннотация сценария. Сокращенный пересказ сценария «Работяга Словотеков» опубликовала «Красная газета» (1920, № 125, 10 июня), а следом за ней иваново-вознесенская газета «Рабочий край» (в день премьеры спектакля — 16 июня 1920 года).

Газетные публикации представляют собой не авторский текст сценария, а его театральную разработку.

22 июня 1920 г. в «Красной газете» появилось сообщение, что «Работяга Словотеков» снят с репертуара театра Петроградским театральным отделением. Этому предшествовали печатные отклики на спектакль. В «Красной газете» появились одновременно два отклика. Автор одного из них (его маленькая заметка подписана инициалами «Г. В.»), в общем благожелательно оценивший спектакль, указал, что «словоточивость Словотекова мало подчеркнута» и что ему недостаточно противопоставлены те, которые «и говорят ⟨...⟩ и делают» («Красная газета», веч. вып., 1920, № 134, 20 июня). Но в этом же номере была напечатана большая статья В. Чадаева под названием «Из-за деревьев леса не видящие». В. Чадаев мог судить о «Работяге Словотекове»

только по изложению содержания в газетах и по театральной его интерпретации. Опираясь на этот материал, он писал:

«Не будем гадать, что хотел сказать автор и какого на этот счет он сам мнения, а взявши всё так, как оно есть, как оно выглядит, следует сказать, что сатира-пьеса Горького „Работяга Словотеков“ есть художественное и талантливое отражение... обывательской „точки зрения“, и если хотите, ее подтверждение, скрепленное авторитетом имени автора ⟨...⟩ в этом обобщении частного до общего — глубокая художественная неправда пьесы. Она определенно поддерживает обывательское, с контрреволюционным душком настроение» (там же).

Выступление В. Чадаева и снятие спектакля с репертуара долго сказывалось на отношении общественности к этому произведению Горького. Оно изменилось лишь после того, как были опубликованы воспоминания А. С. Александрова, раскрывшего театральную историю произведения, а машинописные варианты «Работяги Словотекова» были переданы — в 1938 и 1939 годах — в Архив А. М. Горького. Появилась возможность «размежевания» сценария Горького и театрального варианта; обнаружилось, что они не совпадают, что набросок сценария, сделанный Горьким, не дает оснований для тех выводов, с которыми выступил В. Чадаев. Сатирическое произведение «Работяга Словотеков» находилось в русле борьбы партии против «революционной фразы», которая кое у кого подменяла революционное дело, борьбы против разгильдяйства, за установление строгой деловитости, порядка, ответственности. В «Работяге Словотекове» Горький «выступал против отрицательных явлений», «во имя высоких целей» (В. Панков. Советская действительность в изображении Горького. М., 1955, стр. 39).

Видел ли Горький спектакль Театра народной комедии? Художница В. М. Ходасевич вспоминает, что на премьере, когда артист Дельвари «переигрывал, а импровизации его были ⟨...⟩ грубы и вульгарны», она и постановщик спектакля Радлов «замирали от ужаса, поглядывая на ложу, где сидели руководящие ленинградские товарищи и Алексей Максимович» («Новый мир», 1968, № 3, стр. 24).

Прямых свидетельств о том, как отнесся Горький к вольной импровизации Театра народной комедии, не сохранилось. Однако характерно, что несколько лет спустя, когда поэт-эмигрант В. Ф. Ходасевич, обвиняя советский народ в отсутствии «воли к работе», попытался найти поддержку своей позиции в «Работяге Словотекове», Горький категорически возразил: «Я, конечно, не соглашусь с тем, что в России ныне „нет воли к работе“, как Вы это утверждаете. Воли к работе у нас больше, чем где-либо в современной Европе; тут можно говорить и спорить не о наличии воли, а о наличии уменья работать. Ссылка на „Словотекова“ — не годится, *текста этой шутки Вы не знаете*» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, № 31, стр. 204). Последняя фраза свидетельствует, что свой текст Горький отделял от того, что мог знать В. Ф. Ходасевич по газетной публикации и спектаклю Театра народной комедии.

СТЕПАН РАЗИН

(Стр. 184)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 188—220.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Автограф, озаглавленный на первой обложке: «*Степан Разин.* Казацкий бунт в XVII столетии», на второй — «Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666—8 годов» (ХПГ-46-12-1) — *А*.

2. Машинопись, без заглавия (ХПГ-46-12-2).

Сличение машинописи с рукописью показывает, что первоначально машинопись представляла собой перепечатку рукописи. Затем, дорабатывая сценарий, автор вносил изменения не в машинопись, а в рукописный экземпляр, который и представляет собой последний авторский текст произведения.

Печатается по *А*.

Рассказывая о казанском периоде жизни А. Пешкова, о книгах, которые он читал, А. С. Деренков вспоминал: «В русской истории его особенно привлекали Емельян Пугачев, Степан Разин. История последнего настолько интересовала его, что он, работая в булочной Семенова, читал рабочим о жизни и жестокой казни Степана Разина» («Горьковская коммуна», 1945, № 141, 17 июня). Это подтверждается рассказом Горького «Коновалов» (см. в наст. изд. т. III, стр. 26—30).

В 1900 г., встретившись впервые с В. Я. Брюсовым, Горький рассказывал ему «волжские предания о Стеньке Разине» (В. Брюсов. Дневники (1891—1900). М., 1927, стр. 94). 2(15) июня 1903 г. он послал заведующему Нижегородской городской библиотекой П. И. Крылову записку с просьбой дать «на время книгу Мордовцева „Исторические монографии“ и Костомарова „Бунт Стеньки Разина“» (сб. «М. Горький в Н. Новгороде». Н. Новгород, 1928, стр. 110).

По-видимому, в это время у Горького и возникло желание написать о Разине и таким образом восполнить пробел в русской литературе, «роскошное зеркало» которой, как он выразился в «Заметках о мещанстве» (1905), «почему-то не отразило вспышек народного гнева — ясных признаков его стремления к свободе»; литература «забыла отметить в прошлом таких крупных выразителей народной воли, как Разин и другие» (*Г-30*, т. 23, стр. 348).

В письмах Горького, относящихся к 1909—1910 годам, уже прямо высказывается намерение писать о Разине. В конце декабря 1909 г. он спрашивал А. В. Амфитеатрова: «Что Вы знаете о Степане Разине, кроме Костомарова, Соловьева и т. д.? Нет ли специальных исследований? У раскольников нет ли чего? Помогите, ибо этот человек, названный Пушкиным „единственным поэтическим лицом русской истории“, спать мне не дает. Напишу

я его, видимо. Может, не напечатаю, а уж напишу!» (*Г-30*, т. 29, стр. 104).

Первоначально Горький, возможно, намеревался писать о Разине роман, потом мечтал написать либретто с главной ролью для Ф. И. Шаляпина. Д. А. Семеновский, гостивший у писателя в Мустамяках осенью 1915 г., вспоминал, что однажды, рассказывая о своих неосуществленных замыслах, Горький сказал: «Собрал всю литературу о Степане Разине, хотел писать роман» (*ВС*, стр. 392). За два года до этого в печати появилось сообщение: «С. И. Зимин просил М. Горького написать либретто для новой оперы ⟨...⟩ Его ⟨Горького⟩ мечта— написать либретто для Ф. Шаляпина на тему о Стеньке Разине» («Театр», 1913, № 162, 14 ноября). Видимо, об этом неоднократно просил Горького и Шаляпин. 19 апреля (2 мая) 1913 г. он писал ему: «Вместе с этим письмом я пришлю тебе отдельно библиографические сведения о Степане Тимофеевиче Разине, может, тебе что и пригодится» (*Г Чтения*, 1954, стр. 36).

Летом 1915 г. в одной из газет появилось сообщение: «Знаменитый бас давно уже уговаривал своего друга написать либретто для оперы. Особенно его интересует сюжет из похождений Стеньки Разина, которого артист уже давно мечтает воплотить на сцене. Горький обещал подумать об этом и при первой возможности исполнить просьбу своего друга» («Биржевые ведомости», веч. вып., 1915, № 14960, 12 июля).

Ни либретто оперы, ни иное произведение о Разине тогда так и не были написаны. Но следы работы над ними сохранились (см. варианты).

Киносценарий «Степан Разин» предназначался для французской кинофирмы, от имени которой с Горьким вел переговоры С. Горон (об этом см. ниже). Работу над сценарием писатель начал, вероятно, летом 1922 года: 11 августа представитель Межрабпомгола Вилли Мюнценберг писал Горькому: «Через тов. Андрееву мы узнали, что Вы, многоуважаемый товарищ, сейчас заняты подготовкой кинокартины „Стенька Разин“» (Архив А. М. Горького, КГ-ин-г-3-36-1а).

В конце 1922 или в самом начале 1923 г. первый вариант сценария был написан. «Максим Горький,— сообщалось в хронике журнала „Печать и революция“,— закончил свой сценарий, посвященный Степану Разину. Предполагается к исполнению главной роли привлечь Шаляпина...» («Печать и революция», 1923, № 2, стр. 262).

Обсудив сценарий, кинофирма через С. Горона просила Горького внести ряд дополнений, поправок и т. п. Письмо С. Горона не найдено. Однако сопоставление недатированного ответа Горького на это письмо с его же письмами П. П. Крючкову и Ф. А. Брауну дает возможность точно датировать время завершения писателем работы над сценарием «Степан Разин». Горький сообщал Крючкову 31 мая 1923 г.: «Разина я поправил, сделал ряд вставок, много приписал. Попросите машинистку внимательно дополнить старый ее экземпляр, я его посылаю вместе с оригиналом. Я сделал всё, что нашел нужным и что

мог,— требуйте деньги с Горона» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-23).

Письмо Горького к С. Горону (вся переписка с ним шла через Крючкова), возможно, было сопроводительным к окончательному тексту киносценария «Степан Разин». Горький писал:

«Просмотрев, согласно Вашим любезным указаниям, сценарий, я сделал всё, что нашел возможным.

Прибавил вводную картину нравов пограничных городов.

Ввел новое лицо: песенника Бориса, который проходит почти сквозь весь сценарий, являясь как бы стражем добрых чувств Разина, затем уходит от него и, впоследствии,— заключительная картина — славословия Разина.

Везде, где это можно было сделать, не нарушая истины, я смягчил характер Разина. Подчеркнул фигуру матери, которая, конечно, знала роль казаков в эпоху „смуты" 1606—13 г., знала и то, что Михаил Романов был выбран на царство под давлением казачества.

Но всё это Вы увидите сами. Я прошу Вас прислать мне немецкий перевод сценария, ибо имею основания думать, что перевод не точен ⟨...⟩ „Отметить особенности и отдельные черты Разина" — это дело костюмера и гримера. Костюмы запорожцев можно взять с картины Репина „Запорожцы". Я ввел в группу запорожцев одноглазого бандуриста.

„Драматический эпизод под Симбирском" психологически невозможен. Думаю, что я совершенно кончил эту работу, и прошу Вас уплатить деньги» (*Архив* $Г_{II}$, стр. 324—325).

В письме Горького сообщается о его намерении ехать в Шварцвальд. Стало быть, письмо послано не ранее 31 мая (см. выше письмо к Крючкову) и не позднее 7 июня 1923 г.; 8 июня писатель был уже в Шварцвальде.

Французская фирма, представителем которой был С. Горон, к съемкам фильма так и не приступила. Тогда писатель сделал попытку передать право постановки «Степана Разина» советским киноорганизациям. М. И. Будберг, находившаяся в Берлине, сообщала Горькому 13 декабря 1924 г.: «Завтра буду говорить с кинематографистами о „Стеньке Разине"» (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-71). И через три дня, 16 декабря 1924 г.: «Стеньку перекупают в Россию...» (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-91).

Однако «Степан Разин» не был экранизирован и в Советской России. По-видимому, переговоры с С. Гороном успеха не имели и за фирмой осталось право собственности на это произведение Горького.

Стр. 184. *Народный бунт в Московском государстве 1666—1668 годов.*— Между историками нет единодушия по вопросу о дате начала Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Существует мнение, что «первым этапом восстания ⟨...⟩ нужно считать поход под предводительством Василия Уса к Москве весной и летом 1666 года» (В. И. Буганов,

Е. В. Чистякова. О некоторых вопросах истории второй Крестьянской войны в России.— «Вопросы истории», 1968, № 7, стр. 36). Иногда 1666 г. считают начальной датой движения Степана Разина и по другим соображениям (см. ниже). Но как полагает большинство современных исследователей, «Крестьянская война под предводительством Степана Разина ⟨...⟩ датируется 1670—1671 годами» (И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг., т. II, ч. 1. Изд-во Ленинградского университета, 1972, стр. 3). Отнесение начала Крестьянской войны к 1670 г. основывается на том соображении, что события 1667—1669 годов, связанные с походом Разина на Каспийское море, в пределы персидского царства Сефевидов, не могут считаться началом «Крестьянской войны», так как «тогда не было еще повстанческого войска...» (там же, стр. 3). Горьковская датировка начала «народного бунта» могла возникнуть под влиянием историка Н. И. Костомарова, работу которого о Разине еще в юности читал Горький и который писал, что Разин именно в 1666 г. «замыслил не только отомстить за брата ⟨казненного в 1665 г.⟩, но и задать страха всем боярам и знатным людям Московского государства...» (*Костомаров*, стр. 49.— *ЛБГ*). Каспийский поход Разина предстает в изображении Костомарова как первое звено в единой цепи событий, связанных с «бунтом».

Дата «1668 г.», фигурирующая у Горького, по-видимому, указана им по ошибке,— содержание сценария охватывает и те события, которые относятся к последующим годам, включая казнь Степана Разина (6 июня 1671 г.). Восстание продолжалось и после гибели Разина. Датой окончания Крестьянской войны принято считать ноябрь 1671 г., когда царские войска отняли у казаков Астрахань.

Стр. 185. *...орел Залуцкбй-атаман...*— Иван Зару́цкий (ум. 1614) — один из политических авантюристов периода «смуты»; происходил из казаков; возглавлял отряд, состоявший из искателей приключений. В 1607 г. Заруцкий находился в войсках И. Болотникова, не разделяя его стремлений и преследуя лишь цели наживы. В том же году примкнул к Лжедимитрию Второму, прозванному в народе Вором. Лжедимитрий дал ему звание боярина. В 1610 г. Заруцкий со своим отрядом перешел на сторону польских интервентов, но вскоре порвал с ними и вошел в состав первого ополчения. Распад последнего в значительной степени объясняется предательской деятельностью Заруцкого. После того как второе народное ополчение, к которому Заруцкий относился враждебно, изгнало поляков из Москвы, Заруцкий поддерживал Марину Мнишек и «Ворёнка» — ее сына от Лжедимитрия Второго. Разбитый в 1613 г. под Воронежем, бежал за Дон, а потом в Астрахань. Пытался натравить на Россию персидского шаха. В 1614 г. был изловлен и казнен. «Песня слепых» воспроизводит явно фантастические представления о Заруцком, распространявшиеся его последователями.

Стр. 186. *Встали казаки всею силою ∽ молодого Михайлу Романова...*— Народному ополчению во главе с Мининым и

Пожарским, решившему судьбы России, пришлось вести ожесточенную борьбу не только с захватившими Москву польско-шляхетскими интервентами, но и с авантюристической, анархиствующей частью казачества, грабившей и убивавшей русских крестьян и горожан. Патриотически настроенная часть казачества примкнула к народному ополчению и участвовала в боях против интервентов; она приняла также участие, отнюдь не решающее, в Земском соборе, избравшем главу государства — царя Михаила Романова (1613 г.). Легенду о решающей роли казаков в Земском соборе 1613 г. распространяли не только сами казаки, но и польско-шляхетские агрессоры, пытавшиеся таким образом скомпрометировать новую русскую власть, изобразить ее случайной и незаконной. Так, в 1614 г., разговаривая с русским дипломатом Желябужским, прибывшем в Варшаву для переговоров, польский сенатор Лев Сапега заявил, что Михаила «посадили ⟨...⟩ на Московское государство государем одни козаки донцы» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 9. М., 1961, стр. 38).

Стр. 190. *Фролка Разин* — Фрол Степанович Разин, брат Степана Разина. В 1671 г. вместе со Степаном был приговорен к смерти, но потом, как свидетельствуют иностранцы, «получил жизнь» и был осужден «на вечное тюремное заточение» (*Костомаров*, стр. 218).

Стр. 191. *...московский князь Юрий Долгорукий повесил его старшего брата...*— «В 1665 году князь Юрий Долгорукий был в походе против поляков. В его войске находились донские казаки. Наступала осень. Атаман одного из казачьих отрядов, ⟨Иван⟩ Разин, явился к князю, ударил челом и просил отпустить донцов на тихий, вольный Дон. Князь приказал ему оставаться на службе ⟨...⟩ но казаки считали себя вольными людьми ⟨...⟩ Атаман самовольно ушел со своею станицею, но их догнали, и Долгорукий осудил на смерть атамана. У него было двое братьев: Степан, или Стенька, и Фрол, или Фролка, как назывались они уменьшительно. Вероятно, они видели, как повесили старшего брата» (*Костомаров*, стр. 47—48).

Стр. 200. *...царя посадили им из Польши, — и в Москве были хозяевами казаки.*— Ставленник панской Польши, Лжедимитрий Первый (ум. 1606) опирался в значительной степени на анархически настроенные элементы казачества, которые «образовали особый отряд, действовавший восточнее остальных войск Самозванца». Донские казаки «составляли одну и притом, с военной точки зрения, не лучшую часть маленькой армии претендента. Другая часть представляла собою небольшой, немногим больше тысячи человек, отряд польской шляхетской конницы, навербованной Мнишками...» (С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901, стр. 193). Но быть в Москве «хозяевами» казакам не пришлось,— Самозванец эту роль предоставил шляхтичам.

Стр. 202. *«Сарынь на кичку!»* — Сарынь — ватага, сброд; кичка — нос корабля; по преданию — возглас волжских раз-

бойников, которые, овладев судном, так приказывали экипажу отправляться на нос корабля, чтобы не мешали грабить.

Стр. 209. *Разин бросает княжну за борт...*— Эпизод этот приведен в повествовании парусного мастера, голландца Яна Янсена Стрейса, находившегося на службе у царя Алексея Михайловича (Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 201). Другой иностранец, также находившийся в тот период на русской службе, голландец Людвиг Фабрициус в своих «Записках» несколько иначе излагает данный эпизод: жертвой Разина, по Фабрициусу, была не персидская княжна, а «красивая и знатная татарская дева» («Записки иностранцев о восстании Степана Разина». Л., 1968, стр. 47). У Костомарова, книгой которого пользовался Горький, история о женщине, утопленной Разиным, излагается по Стрейсу (см.: *Костомаров*, стр. 93—94).

Стр. 209. *Бутлер* Давид — голландский моряк на русской службе. В 60-х годах XVII в. на Оке, в селе Дединове, приглашенными из Голландии мастерами был построен первый русский корабль «Орел». Весной 1669 г., под начальством капитана Бутлера, с командой из иностранных матросов и офицеров, оснащенный пушками корабль был направлен Окою и Волгою в Астрахань для участия в подавлении движения Разина. Летом 1670 г., при вторичном подходе войска Разина к Астрахани, команду корабля перевели в город для усиления его обороны, а корабль был сожжен подошедшими разинцами. Из записок Фабрициуса известно, что, когда разинцы захватили Астрахань, Бутлер пытался бежать, был задержан, но Разин не казнил его. Бутлер тоже оставил записки о движении Разина (см. приложение в указ. книге Стрейса).

ЖИЗНЬ ОДНОГО ЕВРЕЯ

(Стр. 221)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., Гослитиздат, 1941, стр. 221—229.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Автограф, озаглавленный «Схема сценариума. Жизнь русского еврея» — *А* (ХПГ-15-1-1).

2. Не правленная автором машинопись — *М*, с заглавием: «Жизнь одного еврея» (ХПГ-15-1-2).

Печатается по *М*.

Сценарий создан, по всей вероятности, в конце 1922— первой половине 1923 г.

В конце 1921 г. к Горькому, лечившемуся тогда в Германии, обратилась французская кинофирма С. Горона с предложением написать для нее несколько сценариев (см. в наст. томе стр. 537). Горький принял предложение и в конце декабря 1921 г. сообщал И. П. Ладыжникову: «Посылаю проект фильм, которые могу написать» (*Архив Г*VII, стр. 238).

Вероятно, одним из этих проектов и была указанная выше «Схема сценариума» (*А*), посланная позже П. П. Крючкову. Под текстом Горький написал для него несколько строк:

«Вот, П⟨етр⟩ П⟨етрович⟩, схема, которую я могу предложить. Это, мне кажется, можно сделать интересно и не без многих эффектов.

Разумеется, всё это будет очень разработано, и я введу веселые сцены» (Архив А. М. Горького, ХПГ-15-1-1).

На оборотной стороне второго листа *А* рукой М. А. Пешкова сделана приписка, адресованная Крючкову.

Ни *А*, ни письмо Горького, ни приписка Максима не датированы. Но сохранилось письмо М. А. Пешкова матери, в котором подробно раскрывается смысл названной выше приписки. Письмо датировано 3 декабря 1922 г. и позволяет установить время, когда был написан *А* и отправлен Крючкову.

Если «Схема сценариума. „Жизнь русского еврея“» была закончена в ноябре 1922 г., то написание самого сценария, в окончательном варианте получившего название «Жизнь одного еврея», естественно, следует отнести к более позднему времени. Он мог быть написан в июне 1923 г., когда Горький завершил работу над сценарием «Степан Разин» (см. выше).

⟨ПРОПАГАНДИСТ⟩

(Стр. 232)

Впервые напечатано в журнале «Новый мир», 1940, № 9, стр. 11—23.

В Архиве А. М. Горького хранится беловой автограф без заглавия — *БА* (ХПГ-42-21-1). На первой странице, непосредственно над текстом, рукою Горького написано: «Пропагандист идет на работу»; по содержанию надпись относится к первой части сценария.

Сценарий создавался, судя по орфографии, почерку и бумаге, вслед за «Степаном Разиным» и «Жизнью одного еврея», т. е. в 1923—1926 гг., и предназначался для кино. Писатель работал над ним с перерывом: сцена «Через два дня», как можно установить по почерку, написана значительно позже.

Печатается по *БА*.

Название — условное (по первому фрагменту сценария).

ХОД КОНЯ

(Стр. 260)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 243—279.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф — *ЧА* (ХПГ-47-9-1).
2. Беловой автограф — *БА* (ХПГ-47-9-2).
3. Машинопись перевода произведения на немецкий язык:

«Der Zug des Schachspielers». (Original — Manuskript von Maxim Gorki) — «Ход шахматиста». (С подлинной рукописи Максима Горького). На машинописи в начале и в конце —штамп: «Impressario I. Borkon. Berlin — Charlottenburg...» (ХПГ-47-9-3). Сценарий переведен не полностью: нет последней части — «Через десять лет».

Печатается по *БА*.

Точное время написания сценария неизвестно. Письмо М. И. Будберг к Горькому от 16 декабря 1925 г. свидетельствует о том, что к этому времени сценарий «Ход коня» уже существовал. Сообщив о намерении советских киноорганизаций приобрести сценарий «Степан Разин», М. И. Будберг продолжала: «Представитель, русский, приедет 〈...〉 к Вам в Неаполь. Он же хочет купить „Ход коня"...» (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-91). Судя по орфографии, сценарий написан в первой половине 1920-х годов.

Между завершением первых трех частей и началом работы над четвертой, по-видимому, был некоторый интервал. Основание для такого предположения — отличие в построении последней части от предшествующих: в ней группы сцен (или картин) объединяются в «эпизоды». Об интервале между четвертой частью и предшествующими говорит и то, что четвертой части в немецком переводе нет. 29 страниц, которые в окончательной редакции получили название «Через десять лет», написаны Горьким, вероятно, уже после того, как копия трех первых частей была послана фирме I. Borkon.

Работая над окончательной редакцией сценария (*БА*), Горький внес в *ЧА* ряд изменений сюжетного порядка, слегка изменил характеристики персонажей, сделал много стилистических исправлений. Главный герой в *ЧА* носит имя Якова Тралина, в *БА* — Якова Сорокина. Наиболее существенные изменения внесены в сцену смерти жены Усатова и в те сцены, в которых Яков рассказывает Елене о своей жизни (см. варианты).

ПО ПУТИ НА ДНО

(Стр. 304)

Впервые напечатано — не полностью — в газете «Правда», 1938, № 85, 27 марта; полностью — в книге: «Год двадцать первый». Альманах тринадцатый. М., 1936, стр. 19—28.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Беловой автограф — *БА*, заглавие написано рукою автора и подчеркнуто волнистой чертой (ХПГ-42-14-1).

2. Отрывочные записи, озаглавленные «На дне», подзаголовок — «Надписи» (ХПГ-30-1-2); текст составлен из реплик действующих лиц пьесы «На дне» (из 1-го акта); записи, очевидно, предназначались для сценария.

Печатается по *БА*.

Сценарий «По пути на дно», вероятно, предназначался для французской кинофирмы С. Горопа. Видимо, о нем упоминается впервые в письме М. И. Будберг Горькому, написанном не ранее 12 августа 1925 г. (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-82). 20 августа она запрашивала Горького: «... не осталось ли у Вас русского текста сценария „На дне". Если найдете, пришлите срочно» (там же, КГ-рзн-1-157-83). Об этом же сценарии, надо полагать, говорится и в ее письме от 16 декабря: «...за „Дно" обещают заплатить согласно контракту 31 декабря» (там же, КГ-рзн-1-157-91).

Эти материалы, а также орфография *БА* дают основания предполагать, что сценарий написан скорее всего в 1925 г.

Стр. 312. *Лотерея-аллегри* — лотерея с немедленной выдачей выигрышей.

Стр. 313. *Бильбоке* (фр. le bilboquet) — детская игрушка.

СОМОВ И ДРУГИЕ

(Стр. 317)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 9—69.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф пьесы с двумя слоями разновременной правки, чернилами и синим карандашом — *ЧА* (ХПГ-46-7-1).

2. Авторизованная машинопись с той же рукописи с правкой — АМ (ХПГ-46-7-2).

3. Два черновых наброска (см. варианты).

Печатается по *АМ* с исправлениями по *ЧА*:

Стр. 320, *строка 21*, и *стр. 376*, *строка 6*: «Анна Николавна» вместо «Анна Николаевна».

Стр. 333, *строка 35*: «умный» вместо «чудный».

Стр. 343, *строка 30*: «старик. Ласковый такой» вместо «старик».

Стр. 349, *строка 13*: «старого-то» вместо «старого».

Стр. 355, *строка 30*: «земной шар! Понимаете — шар!» вместо «земной шар!».

Стр. 356, *строка 18*: Вставлена ремарка: (*встала*).

Стр. 358, *строка 35*: «Дальше» вместо «Далее».

Стр. 383, *строка 30*: «Что это вы» вместо «Что вы».

В пьесе «Сомов и другие»» отразился сложный исторический период, характеризуемый усилением международной реакции и активизацией ее агентуры внутри нашей страны.

«Бешеное сопротивление кулаков воодушевило притаившиеся вражеские группы в их борьбе за реставрацию капитализма. В начале 1928 г. была раскрыта крупная вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском и других районах Донбасса („шахтинское дело"). Хотя преобладающая

масса старых специалистов честно работала в различных отраслях народного хозяйства, „шахтинское дело“ показало, что были и вредители, саботажники, срывавшие дело индустриализации страны и построения социализма ⟨...⟩ Среди разоблаченных шахтинских вредителей было около трехсот бывших крупных капиталистов и дворян» («История Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1972, стр. 383). «В 1930—1931 годах были раскрыты три крупные контрреволюционные организации. „Промпартия“ объединяла верхушку старой, буржуазной технической интеллигенции, которая занималась вредительством в промышленности. Так называемая „Трудовая крестьянская партия“, центр которой обосновался в Наркомземе, выражала интересы кулачества, добивалась срыва коллективизации. Меньшевистская контрреволюционная группа „Союзное бюро РСДРП“ орудовала в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Центросоюзе. Участники этих контрреволюционных организаций были преданы открытому суду» (там же, стр. 415).

Горький пристально следил за всеми этими судебными процессами. По поводу процесса «Промпартии» он 7 декабря 1930 г. писал из Сорренто В. Н. Терновскому: «Сейчас я ничего не могу читать, кроме отчетов о процессе вредителей и гнуснейшего шума, который поднят буржуазной прессой...» (сб. «Горький в Татарстане». Казань, 1932, стр. 68). «Отчеты о процессе подлецов читаю и задыхаюсь от бешенства»,— писал он 11 декабря 1930 г. Л. М. Леонову (*Г-30*, т. 30, стр. 195).

Под влиянием сложной политической обстановки 1928—1930 годов у Горького возникает мысль — создать пьесу, которая раскрывала бы психологию воинствующего индивидуалиста, живущего и работающего в Советской России, но мечтающего о восстановлении буржуазных порядков, пьесу, показывающую духовное банкротство и обреченность тех, кто пытается противостоять ходу истории.

13 апреля 1930 г, Горький в письме М. Ф. Чумандрину, возвращаясь к своей старой идее спектаклей-импровизаций, предлагает Первому рабочему театру тему пьесы — «вредительство на фабрике» (*Г-30*, т. 30, стр. 164). В этом же письме он дает характеристику основных действующих лиц, в которых можно узнать черты будущих персонажей пьесы «Сомов и другие». Вот, например, один из вариантов решения образа «спеца-вредителя», предложенный Горьким: «Женат. Сестра. Мать. К матери относится сухо, но почтительно, слушает ее с большим вниманием. Жена ему надоела. Сестра — не нужна» (там же). Мать этого «спеца-вредителя» видится Горькому «сухой, холодной старухой, злоязычной, презирающей всех и всё. Сын кажется ей недостаточно заряженным ненавистью, недостаточно активным, а в конце концов — несчастным, пленником дикарей. При всяком удобном случае она ему напоминает об этом. Сноху — не любит, подозревает, что это она помешала сыну эмигрировать» (там же, стр. 165).

Как это бывало у Горького, предложив тему театру и писателям, он вскоре и сам попробовал реализовать ее. Можно

полагать, это и нашло свое отражение в следующем его признании в письме А. Д. Камегулову от 12 июня 1930 г.: «...мне хочется написать пьесу. Две пьесы, одну — веселую, другую — не очень» (*Архив* $Г_X$, кн. 2, стр. 297). А 17 сентября того же года в письме к П. П. Крючкову Горький сообщил, что пишет пьесу (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-328).

Как уже отмечалось в комментариях к пьесе «Егор Булычов и другие», какое-то время Горький, видимо, работал над двумя пьесами одновременно и не раз жаловался, что работа идет туго. 6 января 1931 г. Горький сообщал Крючкову: «...пьесу пишу, но — без уверенности, что она мне удается...» (там же, ПГ-рл-21а-1-361). 13 февраля Горький жаловался ему же: «Пьесы идут туговато...» (там же, ПГ-рл-21а-1-374). 19 февраля он телеграфировал Крючкову: «... кончаю пьесу» (там же, ПГ-рл-21а-1-376). И ему же через пять дней писал: «... совершенно не имею времени, надобно кончать пьесы; думаю, что во 2-й половине марта кончу...» (там же, ПГ-рл-21а-1-375).

1 марта 1931 г. Горький сообщил Крючкову: «Пьесу — кончил. Домашние — хвалят. Я — сомневаюсь» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-380). Очевидно, эта пьеса — «Сомов и другие».

Несмотря на то, что текст пьесы не был еще тщательно отделан (в машинописи не унифицированы имена, Яропегов в I акте называется Виктором Павловичем, а в остальных — Виктором Петровичем), Горький считал первую редакцию законченной и часть ее передал для перевода на иностранные языки (Стенограмма беседы с М. И. Будберг в ИМЛИ 8 декабря 1959г.—Архив А. М. Горького, МоГ-2-48-1).

Из писем М. И. Будберг к Горькому, относящихся к апрелю 1931 г., видно, что пьеса была послана М. Рейнгардту для постановки в его театре в Берлине. «Пьеса пришла (Ваша), передала Рейнгардту, скоро получу ответ, жду вторую»,— писала Будберг автору (Архив А. М. Горького, КГ-рзн-1-157-215). 11 апреля она сообщала Горькому: «... пьесу мне сейчас вернули, так как Рейнгардт сам хочет прочесть и ждет перевода. Его сейчас здесь нет. Как назвать пьесу? Напишите мне, пожалуйста. Только не „Учитель пения“, это затемнит умы еще больше, чем они уже затемнены. Но, я думаю, надо название вокруг Сомова и такое, которое бы к пьесе прилипло...» (там же, КГ-рзн-1-157-216). «Надо, чтоб Вы к действующим лицам прибавили их отличительные черты: возраст, профессия, соотношение,— просила М. И. Будберг в другом письме.— А то всё надо „объяснять“» (там же, КГ-рзн-1-157-212).

Рейнгардт выбрал для постановки в своем театре в Берлине пьесу «Егор Булычов и другие». Поэтому в конце апреля 1931 г. М. И. Будберг просила Горького поскорее прислать окончательный вариант этой пьесы. О «Сомове» же сообщала, что возьмет пьесу обратно (там же, КГ-рзн-1-157-219).

Пьеса «Сомов и другие» опубликована Горьким не была; не ставил он ее и на сцене. В 1931 г. М. И. Будберг писала Б. Н. Рубинштейну: «Пьесу о „процессе“ он просит сейчас не предлагать...» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-5-32-8).

В беседе с гостившим в Сорренто весной 1932 г. А. Афиногеновым Горький сказал: «Пьеса моя о вредителях не вышла...» (А. Афиногенов. Дневники и записные книжки. М., 1960, стр. 109).

Стр. 325. ... *разлад в Кремле...*— После смерти В. И. Ленина активизировала свою деятельность троцкистская оппозиция, старавшаяся нанести удар по единству партии. Троцкисты и зиновьевцы пытались ревизовать ленинизм. В ноябре 1927 г. ЦК и ЦКК исключили Троцкого и Зиновьева из партии. XV съезд партии, состоявшийся 2—19 декабря 1927 г., осудил троцкистско-зиновьевскую оппозицию и объявил принадлежность к ней несовместимой с пребыванием в рядах партии.

Стр. 344. *...с Лысьвенского завода...*— Железоделательный и чугунолитейный завод в Пермской губ. близ р. Чусовой; основан в 1785 г. В настоящее время — крупное металлургическое предприятие.

Стр. 347. *...как в опере «Деймон» — желаю видеть вечной подругой жизни...*— Имеется в виду ария Демона из одноименной оперы А. Г. Рубинштейна, текст М. Ю. Лермонтова.

Стр. 349. *Например — «Интернационал» можно петь церковно ∽ «Отречемся от старого мира».*— Строки не из «Интернационала», а из «Русской Марсельезы» (см. в наст. томе стр. 506).

Стр. 354. *Вдоль да по речке...* — русская народная песня (см.: «Великорусские народные песни», изданы проф. А. И. Соболевским, т. IV. СПб., 1898, стр. 107).

Стр. 355. *Какой-то писатель проповедовал честность с собой.*— Имеется в виду повесть В. К. Винниченко «Честность с собой». Мюнхен и Лейпциг, 1914.

Стр. 356. *...что есть истина*? — Ставшие «крылатыми» слова Понтия Пилата (Евангелие от Иоанна, гл. 18, стих 38).

Стр. 358. *...во Франции адвокаты командовали и командуют бездарно.*— Адвокатами по профессии были крупные политические деятели Франции: Раймон Пуанкаре (1860—1934), президент республики в 1913—1920, 1926—1929 гг.; Аристид Бриан (1862—1932), бывший 11 раз премьером и 25 раз министром; Этьен Александр Мильеран (1859—1943), Пьер Лаваль (1883—1945) и Рене Вивиани (1863—1925), занимавшие различные министерские посты.

Стр. 361. *...к приему на рабфак...*— Рабфак — рабочие факультеты, имевшие целью подготовить рабочих и крестьян к поступлению в высшую школу. Организованы декретом Совнаркома от 17 сентября 1920 г. Существовали до начала 40-х годов.

Стр. 363. *«Потеряла я колечко»* — русская народная песня (см. «Русские народные песни». М., ГИХЛ, 1957, стр. 449).

Стр. 369. *Отречемся от старого мира/И полезем гуськом под кровать.*— Строки из пародии «Отбой» Саши Черного (псевд. А. М. Гликберга, 1880—1932) (см.: Саша Черный. Стихотворения. М.—Л., 1962, стр. 89).

С т р. 369. *Черный, гладкий таракан...* — Несколько перефразированная строфа из стихотворения Саши Черного «Колыбельная» (там же, стр. 283).

С т р. 371. *«Одеяние духовного брака»* — книга нидерландского теолога-мистика Яна ван Рейсбрука (1294—1381): Р е й с б р у к Удивительный. Одеяние духовного брака. Вступ. статья Мориса Метерлинка. М., «Орфей», 1910.

С т р. 371—372. *Тут предисловие Метерлинка ∽ писал пустынными словами.*— М. Метерлинк писал в предисловии к книге Рейсбрука: «В этой книге нет ни обыкновенного воздуха, ни света; это духовный приют, невыносимый для неподготовленных. Не надо вступать туда из литературного любопытства; там нет безделушек, и собиратели образов найдут их там не более, чем цветов на полярных льдинах. Я говорю им, что это безграничная пустыня, где они умрут от жажды. Они найдут здесь весьма мало фраз, которые можно было бы подобрать, чтобы любоваться ими по обыкновению литераторов; здесь струи огня или глыбы льда» (стр. 11).

С т р. 372. *«Созерцание — это знание без образов, и всегда оно выше разума».*— Метерлинк цитирует стихи Рейсбрука из его «Книги двенадцати бегинок»: «Созерцание есть знание без вида, которое всегда остается выше разума» (там же, стр. 29).

С т р. 372. *«При посредстве разума ∽ легче при отсутствии мысли, чем при ее посредстве».*— Метерлинк отмечал, что Порфирий в своих «Исходных точках к умопостигаемому» написал как бы самое подходящее предисловие к этому произведению. «При посредстве разума высказывают многое о начале, которое выше разума. Но постижение этого начала гораздо легче при отсутствии мысли, чем при ее посредстве. С этой идеей бывает то же, что с идеей о сне, о которой до известной степени можно говорить в состоянии бодрствования, но получить познание и восприятие которой можно только посредством сна...» Метерлинк замечает, что понять «этот мистицизм» без предварительной подготовки «весьма трудно» (там же, стр. 12).

С т р. 373. *...организуют пищевой голод...*— В 1930 г. органами государственной безопасности была раскрыта антисоветская организация вредителей в области продовольственного снабжения.

С т р. 373. *...столыпинских галстуков...*— После поражения революции 1905 г. в годы реакции «... царский министр Столыпин получил прозвище „вешатель“, а виселицы, которыми он усеял страну, народ окрестил „столыпинскими галстуками“» («История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 114).

С т р. 380. *О, дайте мне скорее чаю*! — Пародирование известной арии князя Игоря «О, дайте, дайте мне свободу!» из оперы «Князь Игорь» А. П. Бородина (либретто его же, по сюжету «Слова о полку Игореве».— СПб., 1890, стр. 43).

С т р. 382. *«Тщетная предосторожность»* — балет неизвестного композитора; автор либретто Ж. Доберваль. Первая

постановка в России осуществлена 14 декабря 1800 г. Петровским театром в Москве; в 1827 г. поставлен в Москве в Большом театре; на советской сцене возобновлен в 1922 г. в Большом театре.

Стр. 384. *Привычка. Свыше мне дана.* — Перефразировка строки Пушкина: «Привычка свыше нам дана...» («Евгений Онегин», гл. 2, XXXI).

⟨ХРИСТОФОР БУКЕЕВ⟩

(Стр. 390)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии, М., Гослитиздат, 1941, стр. 130—142; в другой редакции под заголовком «Евграф Букеев» — в «Литературной газете», 1941, № 33, 16 июня, стр. 1—2.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Автограф на 17 страницах — A_1 (ХПГ-12-6-1), с двумя перечнями действующих лиц, начинающимися фамилией — Букеев; в первом указано его имя — Евграф; во втором — даны характеристики персонажей. К автографу приложен листок с репликами Букеева (см. варианты).

2. Автограф на 12 страницах большого формата — A_2 (ХПГ-47-12-1), с перечнем действующих лиц, первым в котором обозначен Христофор Букеев. К автографу приложены разрозненные листки с записями диалогов (см. варианты).

Рукописи представляют собой редакции одной и той же пьесы. Не озаглавленные автором, они при публикации получили названия по имени и фамилии главного действующего лица: «Евграф Букеев» и «Христофор Букеев».

Печатается по A_2.

Судя по тому, что обе рукописи написаны без твердого знака, но с обязательным употреблением ѣ и i, работа над произведением велась после 1917 г., но не позже 1929 г., когда Горький окончательно отказался от употребления этих букв. Бумага, почерк, правописание свидетельствуют о том, что рукописи относятся к одному и тому же времени.

Первой редакцией незаконченной пьесы, по-видимому, является «Евграф Букеев». Начальные страницы A_1 менее организованы. В раннем списке действующих лиц, за исключением трех случаев, нет обозначения их профессий, возраста и т. д.; отчество центрального персонажа меняется: то он Егорович, то Иванович, то Петрович. Татарин Юнус в перечне действующих лиц — Сабитов, а в тексте — Губайдуллин.

Отличия раннего списка действующих лиц от следующего, сопровожденного краткими характеристиками персонажей, можно объяснить тем, что замысел произведения еще не определился в деталях. Отсутствие четких характеристик, иногда несоответствие их тому, что происходит в пьесе, является основа-

нием для того, чтобы считать A_1 («Евграф Букеев») предшествующим по времени написания A_2 («Христофор Букеев»).

В тексте A_2 отчетливее разработаны намеченные в A_1 отношения Букеева с женой, тестем, горничной Сашей и сестрой милосердия. Попу Самсону здесь отведено то же место, что и в A_1. Некоторые реплики его воспроизводятся в точном соответствии с A_1, другие расширяются, дорабатываются.

Эпизод с попом Самсоном воссоздает реальную историю арзамасского протоиерея Феодора Владимирского, рассказанную писателем в очерке «Леонид Андреев» (см. в наст. изд. т. XVI).

В Архиве А. М. Горького хранятся четыре заметки о Феодоре Владимирском (ЛСГ-2-30-1) и письма писателя к нему. 3 сентября 1927 г. Горький писал ему: «В моих воспоминаниях о Леониде Андрееве я разрешил себе упомянуть и о Вас,— не сетуйте на меня за это! Весьма жалею, что всё еще не нахожу времени достойно описать подвижническое житие Ваше, дорогой человек» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-8-31-4). Вероятно, в пьесе «Христофор Букеев» Горький и намеревался отразить «подвижническое житие» Ф. Владимирского.

Букеев предваряет в творчестве Горького образ Егора Булычова.

〈КАРТИНЫ К ИНСЦЕНИРОВКЕ П. С. СУХОТИНА «В ЛЮДЯХ»〉

(Стр. 404)

Впервые напечатано в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 143—153.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Черновой автограф (ХПГ-3-3-1).

2. Авторизованная машинопись с правкой Горького — *АМ* (ХПГ-3-3-2).

3. Машинопись инсценировки П. С. Сухотина с правкой и пометками Горького (РАВ-пГ-42-14-1).

Печатается по *АМ*.

Картины к инсценировке П. С. Сухотина «В людях» написаны Горьким в 1932 г. Судя по письму Сухотина к Горькому от 19 января 1932 г., раньше, чем заказать инсценировку, театр консультировался с Горьким по поводу того, какие произведения следует отобрать для инсценировки. Сухотин писал:

«Художественный театр предложил мне сделать инсценировку некоторых Ваших произведений. При выборе их, помимо Ваших указаний, приходилось руководиться условиями и задачами самого театра. Однако Ваши желания удалось почти целиком выполнить. Я взял „Детство“, эпизод из „Моих университетов“ под названием „Незримая нить“, т. е. эпизод с городовым Никифорычем, „Страсти-Мордасти“, „Старуху Изергиль“, „Мальву“ и „Хозяина“ 〈...〉

Вчера я сдал рукопись, которая после некоторых исправлений будет переписана и послана Вам» (Архив А. М. Горького, КГ-п-74-13-2).

В том же письме Сухотин просил Горького помочь отобрать еще «что-нибудь», характерное для изображаемого периода жизни будущего писателя и для эпохи. Как свидетельствует машинопись инсценировки Сухотина, круг использованных произведений Горького расширился: был ещё взят материал повестей «В людях», «Мать», рассказов «Двадцать шесть и одна», «Коновалов» и др. Возможно, что это сделано по совету Горького.

7 мая 1932 г. Сухотин писал Горькому:

«Театр посылает Вам текст пьесы, утвержденный Константином Сергеевичем 〈Станиславским〉 к постановке.

Работа была трудна и ответственна, а потому нет сомнения в том, что надо будет по Вашим указаниям внести в нее некоторые исправления...» (Архив А. М. Горького, КГ-п-74-13-3).

Сухотин пытался привлечь Горького и к работе театра над постановкой. Он писал ему 28 мая 1932 г.:

«Дорогой Алексей Максимович,

актеры, участвующие в спектакле, просили меня прочитать им пьесу. Было бы хорошо, если бы эту читку согласовать с Вашим приездом в Москву, когда бы Вы могли уделить театру время для беседы с ними. Они этого очень хотят, так как своей работе над Вашими образами уделяют особое внимание» (Архив А. М. Горького, КГ-п-74-13-4).

23 июня 1932 г. Горький ответил Сухотину:

«Уважаемый Сухотин —

еще раз внимательно просмотрев Вашу инсценировку, я убедился в правильности первого моего впечатления: вещь неинтересная, неясная, лишенная темы.

Но в тайнах театрального дела Художественный театр понимает больше моего, и если эта вещь уже репетируется — я подчиняюсь судьбе.

Все-таки я кое-что исправил в Вашем тексте и об этих исправлениях нам нужно поговорить. Посылаю Вам 3-ю часть, мне думается, что в таком виде она будет интереснее. Прочитайте ее и созвонитесь с П. П. Крючковым о дне и часе свидания...» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-42-10-1).

На страницах машинописи Сухотина Горьким сделаны многочисленные поправки, критические замечания и рекомендации. Например, по поводу 1-й сцены второго действия он написал: «Нельзя объединять в одном лице Ваньку Цыгана из „Детства" и пекаря Цыганка из „Хозяина"» (Архив А. М. Горького, РАВ-пГ-42-14-1). Особенно неудовлетворенный 3-м действием, Горький стал править его (как и предшествующие), сделал вставки, многое вычеркнул. Но, убедившись в том, что правкой этого действия не улучшить, написал: «Всё — вон!» Очевидно, вместо 3-го действия и были написаны публикуемые сцены.

Несмотря на суровый отзыв Горького, театр продолжал работать над инсценировкой. 5 декабря 1932 г. Сухотин сообщал писателю:

«Уважаемый Алексей Максимович.

Пьеса успешно репетируется. Приехал Станиславский, и скоро ему будут показывать работу над ней» (Архив А. М. Горького, КГ-п-74-13-5).

Премьера инсценировки П. С. Сухотина «В людях» была показана МХАТом 25 сентября 1933 г. В окончательный текст, принятый к постановке, публикуемые сцены не вошли.

ПРЕСТУПНИКИ

(Стр. 417)

Впервые напечатано — по неполному автографу — в книге: Архив А. М. Горького, т. II. Пьесы и сценарии. М., 1941, стр. 280—319; по последней авторизованной машинописи ($АМ_5$) — в книге: М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 18. М., 1952, стр. 323—398.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. План-набросок сценария (ГЗ-17-7).

2. Черновой автограф на 20 листах с 7 вставками — *ЧА* (ХПГ-43-1-1) — ранняя редакция сценария, состоящая из десяти глав.

3. Авторизованная машинопись — перепечатка (с автографа) двух глав: «Дело одной ночи» и «Начали работать» — $АМ_1$ (ХПГ-43-1-7).

4. Авторизованная машинопись с правкой, на 37 листах с 5 вставками и 1 наклейкой, содержащая семь новых глав,— $АМ_2$ (ХПГ-43-1-6) — вторая неполная редакция сценария. Правка, осуществленная автором в этой машинописи, в последующей работе не была учтена.

5. Автограф с небольшой правкой, озаглавленный «Карьера Арапа». Вероятно, первоначальный набросок главы «Через 20 лет». В последующей работе автором не использован (ХПГ-43-1-2).

6. Машинопись полного текста сценария на 90 листах без авторской правки — $М_1$. В нее вошли дополнения, сделанные писателем после обсуждения сценария на собрании бывших воспитанников трудовых колоний ГПУ (ХПГ-43-1-8).

7. Авторизованная машинопись полного текста сценария (второй экземпляр машинописи ХПГ-43-1-8) с большой авторской правкой — $АМ_3$ (ХПГ-43-1-3).

8. Авторизованная машинопись, состоящая из двух частей,— $АМ_4$ (ХПГ-43-1-5). Первая часть (до главы «Через 20 лет») — перепечатана с $АМ_3$ и правлена Горьким. Вторая часть — листы из неизвестной машинописи, предшествующей $М_1$ и $АМ_3$. В нее вложен автограф — дополнительные сцены, написанные Горьким после обсуждения сценария.

9. Авторизованная машинопись на 69 листах с одной наклейкой — полный текст последней, третьей редакции сценария— $АМ_5$ (ХПГ-43-1-4). Начиная с главы «Через 20 лет», машинопись правлена Горьким.

10. Заметка, связанная с работой Горького над сценарием (ХПГ-43-1-9) (см. варианты).

11. Вариант второго эпизода главы «Еще через десять лет» (ГЗvɪ-8-95) (см. варианты).

12. Две заметки, возникшие в процессе работы над сценарием, но не вошедшие в окончательный текст (ГЗvɪ-7-40,69) — см. варианты.

Печатается: первая часть сценария, до главы «Через 20 лет», — по AM_4, вторая часть — по AM_5, с включением, соответственно воле автора, обращения Ф. Э. Дзержинского «Все на помощь детям». Обращение воспроизводится по тексту газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1923, № 71, 31 марта. В текст сценария внесены следующие исправления:

Стр. 417, строки 5—6: «возвышаются крыши» вместо «возвышается крыша» (по *ЧА* и $AM_{2,3}$).

Стр. 417, строка 28: «Антон Васильевич» вместо «Кирилл Васильевич» *(Ред.)*

Стр. 425, строка 1: «Эт-то фокус!» вместо «Это-то фокус» (по *ЧА*).

Стр. 425, строка 7: «Постой, постой, сукин кот!» вместо «Постой, сукин кот!» (по *ЧА* и $AM_{2,3}$).

Стр. 425, строка 8: после «Ах, дьявол!» вставлено: «*Дети — смеются, Лисица отдает часы*» (по *ЧА*, $AM_{2,3}$).

Стр. 450—451, строки 30—34, 1—13: после заглавия «Беспризорные» текст из гл. «Голодный год» (эпизод 15): «Пустырь ∽ К а з и м и р. Во-от!» (по AM_3).

Стр. 452, строка 20: «Тут же, рядом, на куче песка» вместо «Тут же на куче песка» (по AM_3).

Стр. 453, строка 18: «Степаныч» вместо «Степанович» (по $AM_{2,3}$).

Стр. 461, строки 13—16: «Б е с п р и з о р н ы й ∽ смеются. Двое беспризорных ∽ кричат вслед им» вместо «Двое беспризорных ∽ кричат вслед им. Б е с п р и з о р н ы й ∽ смеются» (по *ЧА* и AM_1).

Стр. 461, строка 37: «в вагоны» вместо «в ворота» (по *ЧА*).

Стр. 463, строки 27—28: «к его лохмотьям» вместо «к его лохмам» (по *ЧА*).

Стр. 466, строки 13—15: после «чтобы — сразу всем» вставлено: «Л е н ь к а ∽ подговаривайте» (по *ЧА*).

Стр. 468, строки 25—30: после «А стрелять из чего?» восстановлен текст: «Из водопроводной трубы ∽ Он — может!» (по *ЧА*).

Стр. 474, строки 30—34: после «Поживем — увидим» вставлен текст 7-го эпизода этой главы: «Я к о в. В тюрьме чище было ∽ и не будем...» (по *ЧА*).

Стр. 484, строка 15: «свадебное веселье» вместо «свободное веселье» (по *ЧА*).

Работа над сценарием относится к началу 1932 г., но замысел его возник у Горького, вероятно, раньше, когда он знакомился с жизнью Первой и Второй трудовых коммун ОГПУ. Первая из

них была организована по инициативе Ф. Э. Дзержинского в 1924 г. недалеко от станции Болшево. Горький посетил ее 8 июня 1928 г. Месяц спустя в статье «Растет хорошее дело» он рассказывал об этой колонии: «Совершенно изумительное впечатление вызвали у меня бывшие герои уголовной хроники и тюремные жители, когда я увидел их за станками мастерских трудкоммуны. Глядя на них, не веришь, что все они сидели в тюрьмах и что среди них есть бывшие налетчики, люди, едва избежавшие „высшей меры" наказания. Все — здоровые, ловкие, хорошо настроенные ребята; очень редко мелькают дегенеративные, тупые или болезненные лица ⟨...⟩ Ребята действительно чувствуют себя полными хозяевами трудкоммуны» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, № 157, 8 июля).

В Болшевской трудкоммуне Горький бывал неоднократно.

Вторую трудкоммуну, расположенную в бывшем Николо-Угрешском монастыре, он посетил 2 июля 1928 г. В этот день М. А. Пешков писал жене: «Только что вернулись домой в Москву после 200-верстной поездки на автомобиле. Были во второй колонии ГПУ, в этой 1100 человек, *только что* взятых из тюрем, живут в монастыре, 39 в⟨ерст⟩ от Москвы. Там есть преступники от 9 лет до 17—18. Пробыли мы там 5 ч., замечательный там человек Ленька 10 лет, а уже 5-летний стаж бродяги, 5 раз задержан и 5 раз бежал. Теперь вернулся сам в колонию...» (*Архив Г*$_{\text{XIII}}$, стр. 252).

Позже, в статье «О трудколониях ОГПУ», Горький писал:

«Начало организации 2-й трудовой коммуны ОГПУ было положено в г. Звенигороде, в быв⟨шем⟩ Саввинском монастыре. 21 октября 1927 г. в течение 3 дней разными партиями с улиц гор. Москвы было собрано и отправлено в Звенигород до 1300 чел. беспризорников и молодых правонарушителей ⟨...⟩ Несмотря на всё недоверие со стороны воспитанников к построению Коммуны, организационный период в основном к февралю был закончен, и наиболее взрослые, имеющие за собой уголовное прошлое, в количестве 750 чел. были переведены на постоянное жительство в Люберцы, в быв⟨ший⟩ монастырь ⟨Николо-Угрешский⟩» («Правда», 1931, № 192, 14 июля).

Несколько раньше, в статье «Растет хорошее дело», о коммуне в Николо-Угрешском монастыре Горький рассказывал:

«Она организовалась только семь месяцев тому назад, но в ней уже начали работать обувная, слесарная и деревообделочная мастерская, работает „скульптурная", изготовляя различные бюсты, фигурки, пепельницы и т. д. Собор, постройки XVI века, закрыт и тщательно охраняется, а в новом соборе устроен клуб ⟨...⟩ Хочется очертить фигуры и характер некоторых, но— здесь не место этому» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1928, № 157, 8 июля).

Знакомство с коммунами, встреча в 1928 г. с «беспризорниками» в московском «диспансере», в Куряже, в Бакинской трудовой колонии (см. примечания к очерку II «По Союзу Советов» в т. XX наст. изд.), посещение в 1929 г. Соловков, переписка и общение со многими «коммунами» и «коммунарами» в после-

дующие годы давали Горькому богатый фактический материал и, несомненно, укрепляли в намерении осуществить свой замысел.

В письме ⟨от 15 января 1932 г.⟩ А. Б. Халатов обратился к Горькому с просьбой написать к 15-летнему юбилею Октября «небольшую художественную книгу, подводящую общий итог достижений советской власти, выпукло показывающую, что дала советская власть трудящимся Союза» (*Архив Г*$_{X}$, кн. 1, стр. 257). Горький ответил, что такую работу «можно одолеть только коллективно, группой». И сообщил: «А у меня работы и без того — на сажень сверх головы ⟨...⟩ Мне нужно сделать сценарий на тему о беспризорниках...» (там же, стр. 261). Это письмо было написано не позднее конца января 1932 г., когда работа над сценарием, вероятно, уже развернулась. 23 января того же года Горький писал П. П. Крючкову: «На днях пришлю статью „Ответ американцам". И сценарий» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21а-1-406).

Вероятно, к самому началу работы над сценарием относится сохранившийся план-набросок (Г3-17-7), в дальнейшем использованный незначительно (см. варианты).

Видимо, в конце января или в феврале 1932 г. Горький закончил работу над первой, а в начале весны того же года — над второй редакциями сценария. 14 мая сценарий во второй редакции обсуждался воспитанниками и бывшими членами Болшевской и Люберецкой (Николо-Угрешской) коммун.

Стенограмма обсуждения (Архив А. М. Горького, ХПГ-43-1-10) была внимательно просмотрена писателем; он сделал ряд помет красным карандашом и, отчеркнув некоторые факты, приведенные выступавшими, написал: «Взять». В последующей работе Горький художественно разработал другие эпизоды из стенограммы, которые первоначально им не были отмечены. Бывший воспитанник Николо-Угрешской трудкоммуны ОГПУ № 2 А. Л. Чекмазов говорил при обсуждении сценария: «Слишком мало и слишком не ярко показаны проказы беспризорных. Например, мы знаем такие факты, что, если беспризорный шел на кражу по Сухаревке просто, чтобы достать пожрать, так он делал такие штуки: подходит к торговке яйцами, берет одно яйцо на свет, откладывает ей на руку и таким образом просмотрит десятка два яиц, заложит ей руки, а сам берет корзину и уходит, оставляя в недоумении — бежать ли за ним или же сохранить оставшиеся» (Архив А. М. Горького, ХПГ-43-1-10). На основе этого и других подобных рассказов бывших воспитанников трудкоммуны Горький написал и вставил в главу «Беспризорники» эпизоды 17—22.

К сентябрю 1932 г. была закончена третья редакция сценария. В печати сообщалось: «Максим Горький написал сценарий художественного звукового фильма „Преступники". В этом сценарии на материалах трудкоммуны ОГПУ Горький по-новому освещает проблемы ликвидации беспризорности. Фильм будет ставить А. Роом» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1932, № 254, 13 сентября).

Для прессы было подготовлено пространное, просмотренное Горьким сообщение о предстоящей постановке этого фильма. В сообщении говорилось, что «центральное место в картине займет трудовая коммуна ОГПУ — основной рычаг переделки преступника.

Авторов в работе коммуны интересуют не столько готовые результаты процесса, сколько самый процесс — *пути, методы, приемы, вся воспитательная система*, которая соединением труда, спорта, общественной работы достигает таких замечательных, невиданных в истории результатов» (Архив А. М. Горького, ХПГ-43-1-3а).

Однако задуманная Горьким работа не была доведена до конца.

С т р. 417. *Колония малолетних преступников...*— В 1820 г. в России открылось «Общество попечительства о тюрьмах». С.-Петербургский комитет его постановил отделять арестованных малолетних и учить их грамоте и легкой работе (С. Ж-к и н. Наши исправительные колонии.— «Новое слово», 1897, № 4, январь, отд. II, стр. 52). К концу XIX в. было организовано 30 исправительных колоний для малолетних, в том числе и Нижегородская (там же, стр. 55).

С т р. 420. *...строят ꙍ покоем. — Покой* — устаревшее название буквы «П». *Строить покоем* — строить колонны в виде буквы «П».

С т р. 424. *Ах ты, воля, моя воля...* — Псевдонародная песня, возникшая после отмены крепостного права и восхваляющая царя Александра II — «Освободителя». Неоднократно публиковалась. См., например:. А. Б о г о р о д и ц к и й. Школьное пение. Учебно-музыкальная хрестоматия, вып. 1. М., 1875, стр. 29. Горький цитирует с некоторыми отклонениями от печатного текста.

С т р. 425. *...житие святых Кирика и Улиты...*— См. примеч. в т. XVI наст. изд., стр. 622.

С т р. 425. *...слушайте Пантелеймона Целителя и великомученика житие.*— Первоначальное имя «святого» — Пантолеон (во всем как лев). Но затем он получил имя Пантелеймона (всемилостивый) и прозвание Целитель, так как, по христианской легенде, всем помогал и всех лечил («Жития святых...», кн. XI. М., 1910, стр. 618—633; см. также примеч. в т. XV наст. изд., стр. 623).

С т р. 444. *«Спаси, господи, люди твоя...»* — «Молебное пение против супостатов» (Книга молебных пений. М., 1905, л. 17 об.).

С т р. 462. *Соловки* — монастырь на Белом море. В первые годы советской власти — специальная колония по перевоспитанию правонарушителей.

С т р. 464. *Звенигородский монастырь.*— Имеется в виду Саввино-Сторожевский монастырь. Основан в 1398 г. (Л. И. Д е н и с о в. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 475—479).

Стр. 467. *А этот, Мартынов, который застрелил Лермонтова, похоронен здесь...*— Н. С. Мартынов (1815—1875), убийца М. Ю. Лермонтова, был похоронен в родовом имении — селе Знаменское, недалеко от станции Сходня («Сборник биографий кавалергардов 1826—1908». СПб., 1908, стр. 98—103). В начале 1920-х годов в бывшем имении Мартыновых была организована колония «Трудовой путь» для малолетних правонарушителей и беспризорников. Воспитанники трудколонии вскрыли фамильный склеп и извлекли останки Н. С. Мартынова (И. Гудов. Годы и минуты... М.—Л., 1939, стр. 43—46).

Стр. 468. *В воскресенье мать-старушка...*— Распространенная песня фольклорного происхождения (см.: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом), РУ, кол. 196, п. 6, № 237).

Стр. 474. *Усадьба бывшая Крафта.*— После Октябрьской революции в бывшей усадьбе Крафта — московского кондитера-фабриканта — близ деревни Костино, ныне г. Калининград (недалеко от станции Болшево) был организован совхоз (см.: «Дом-музей В. И. Ленина в Костино». М., 1968, стр. 2). В 1924 г. в усадьбе разместилась Первая Болшевская трудкоммуна.

Стр. 475. *Здесь Ленин жил.* — С 17 января по 1 марта 1922 г. в совхозе близ деревни Костино лечился и отдыхал В. И. Ленин (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 701). В 1939 г. решением ЦК ВКП(б) в домике, который он занимал, организован мемориальный Музей В. И. Ленина («Дом-музей В. И. Ленина в Костино», стр. 5).

Стр. 478. *Организуют кооператив.* — Кооператив (магазин) был открыт 14 июля 1925 г. Он пользовался большой популярностью не только у членов трудкоммуны, но и у крестьян окрестных деревень, и явился, таким образом, действенным средством в борьбе с местным кулачеством (М. С. Погребинский. Трудовая коммуна ОГПУ. М., 1928, стр. 95—98).

Стр. 482. *...колонистами Николо-Угрешской.*— Николо-Угрешский монастырь находился недалеко от станции Люберцы Московско-Казанской ж. д. Основан Дм. Донским в 1380 г. (Л. И. Денисов. Православные монастыри..., стр. 435—436).

Стр. 486. *Дать цифры производства.*— Эти цифры приведены в статье Горького «О трудколониях ОГПУ» («Правда», 1931, № 192, 14 июля).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по решению
Президиума Академии наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

*

Тексты подготовили и комментарии составили:
И. А. Бочарова, Л. П. Жак, Н. Н. Жегалов,
А. М. Крюкова, И. А. Ревякина, М. А. Соколова,
Е. А. Тенишева, В. Ю. Троицкий, В. Н. Чуваков

Ответственный секретарь издания *М. А. Семашкина*

Редактор девятнадцатого тома *А. С. Мясников*

*

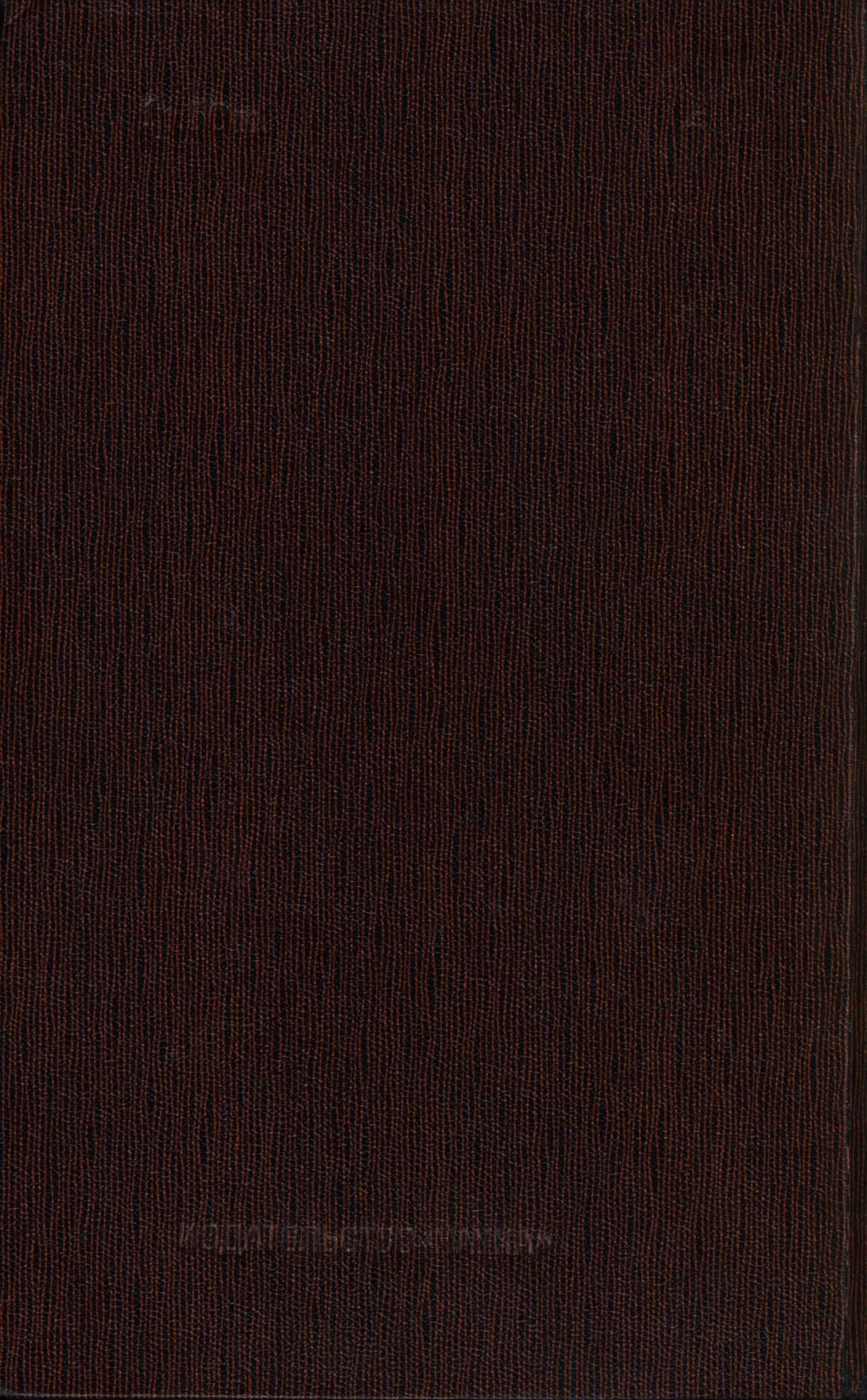
Редакторы издательства *А. И. Корчагин* и *М. Б. Покровская*
Оформление художника *Н. А. Седельникова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*
Корректоры *М. В. Бортковa* и *Н. Г. Сисекина*

*

Сдано в набор 3/V 1973 г. Подписано к печати 11/X 1973 г.
Формат 84×108[1]/[32]. Бумага № 1. Усл. печ. л. 29,5.
Уч.-изд. л. 27,2. Тираж 298 500 экз.
Тип. зак. № 322.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. Горький
ХУДОЖЕСТ-
ВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕ-
НИЯ
19